

№ 20 (91) 2010
Выпуск 14

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Пересыткин А.П.

проректор по научной работе
Белгородского государственного
университета, кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари

Московкин В.М.

заместитель по инновационной
деятельности проректора по научной
работе Белгородского государственного
университета, доктор географических наук

Боруха С.Ю.

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики Белгородского
государственного университета

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

**Belgorod State University
Scientific bulletin
Philosophy Sociology Law**

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Еще раз о Данте в философском отношении. **Г.Ф. Перетятыкин 5**
Семиотика Иоанна Экхарта из Хоххайма (краткое изложение мистиче-
ской доктрины) **М.Ю. Реутин 18**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Методологические аспекты современных когнитивных исследований в
лингвистике. **Н.А. Беседина 31**

Статус философской антропологии в социогуманитарном знании и фило-
софии. **И.С. Максимов, А.М. Страхов 38**

Ментальности в зеркале школы «Анналов». **М.А. Шенкао 45**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Традиции как фактор построения идентичности в глобализирующемся
обществе. **О.В. Ледовская, Е.А. Сергодеева 55**

«Музыкальный язык» как незнаковая форма мышления, или несколько
замечаний по поводу «застоявшейся традиции». **И.Н. Нехаева 62**

Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных нау-
ках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российско-
го региона. **О.Н. Римская, В.П. Римский 70**

Современная Россия между Востоком и Западом. **С.Е. Юрков 79**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Развитие методологии управления инновациями: от процесса к личности.
Е.И. Боев, В.В. Зотов, Е.Г. Каменский 84

Анализ мнения студенческой молодежи БелГУ о территориальных пре-
тензиях к России со стороны некоторых сопредельных государств.

В.А. Воронов, С.П. Рязанова 91

Проблема формирования гражданственности и патриотизма у современ-
ной молодежи. **Т. И. Морозова 95**

Культурно-типичные и инновационные черты системы образования КНР.
Ю.В. Шмарион, Люй Дунян 100

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Социальное служение Русской православной церкви: некоторые вопросы
теории и практики в ее реализации на примере Белгородской и Староос-
кольской епархии. **Е.П. Белоножко, А.Н. Мошкин 104**

Концепт «вера» в античной философии и библейском дискурсе.
Ю.Е. Гоголюк 115

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

Анализ деятельности организованных преступных этнических групп
в контексте противоправного поведения. **Н.В. Кузьмина 123**

Понятие версии следственного действия. **И.М. Комаров, Т.В. Дейнеко 134**

К вопросу о принудительных мерах медицинского характера, применяе-
мых к лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами.
Л.А. Прохоров, Э.М. Смеленко 140

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский государственный
университет)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Лоусон Т.Р., доктор философии, профессор Луисвильского университета и Университета Кентукки (США), директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвильского университета, Почетный профессор БелГУ

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

Тарабаева В.Б., доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного университета

В авторской редакции

Оригинал-макет *С.Н. Борисов,*
А.А. Махова

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 09.12.2010.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 36,97.
Тираж 1000 экз.
Заказ 242.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

К вопросу об объекте преступлений против общественной нравственности. *М.Л. Прохорова, Р.В. Торосян* 144

К вопросу об уголовно-правовых аспектах организации незаконной миграции. *Е.Н. Сасина* 148

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Система органов местного самоуправления как объект правового регулирования в муниципальном праве современной России. *П.А. Астафичев* 155

Особенности правовой природы процессуального права в Российской Федерации. *В. В. Кутько* 162

Предпринимательская деятельность – как сфера взаимодействия частно-правовых и публично-правовых интересов и средств регулирования. *Н.Н. Надежин* 168

К вопросу о реализации Конституционного права на достойный уровень жизни в Российской Федерации. *Н.Н. Олейник, Л.В. Алексеева* 173

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Этические ценности современного российского неоязычества.

А.Н. Агальцов 178

Социокультурные образы дома в менталитете современной российской молодежи. *С. Н. Алехина, Е. В. Каргаполова* 186

Становление и развитие понятия интуиции. *А.В. Бондаренко* 196

Тенденции диверсификации веры в русской традиционной культуре.

Г.М. Вершинская 204

Доказательственное значение исследований предметов и документов в российском уголовном процессе. *Е.В. Иванова* 212

Историческая эволюция форм манипуляции общественным сознанием. *И.В. Князева* 220

Об эволюции понятия надежды. *Е.С. Кононова* 226

Неэпифеноменальность явлений сознания в осмыслении научной деятельности. *А.В. Кузнецов, А.В. Кузнецова* 235

Совокупность противоречий на априорном уровне в этическом учении И. Канта. *А.В. Кучеренко* 242

Критика кантовского трансцендентального субъекта и новый вариант трансцендентальной аксиологии Н. Гартмана. *Я.В. Кушнарченко* 253

Тенденции развития современного российского права и законодательства. *А.И. Ляхова* 260

Семейный бюджет в условиях неравенства полов. *И.М. Муравецкий* 266

Анализ инновационной восприимчивости региональной системы управления социальной сферой. *И.Э. Надуткина* 273

Философско-культурологические аспекты этнического образа мира.

О.В. Пыжова 276

Диалогический характер христианского вероучения (Я и Ты).

П.Г. Тарасов 283

Приватность в интернете и распространение личных данных подростками.

В.И. Турканова 292

Информационное общество и ноосферные идеи русской философии.

О.А. Филина 296

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Итоги всероссийского конкурса студенческих работ «Актуальные проблемы правового регулирования нанотехнологий в Российской Федерации». 300

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Насколько научен «научный» креационизм. О монографии И.Ш. Давыдова «Бытие». *В.Е. Пеньков* 301

Основные направления организации работы с молодежью в современных условиях (на примере центрального региона): III Всероссийская научно-практическая конференция: Сборник материалов. – Орел: Издательство ОГУ, ООО ПФ «Картуш», 2010. – 192 с. *А.М. Страхов* 306

Сведения об авторах 308

Информация для авторов 311

**№ 20 (91) 2010
Issue 14**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor.

Co-editor

A.P. Peresyppkin

Vice-rector for scientific research of Belgorod State University, candidate of pedagogical sciences

Executive secretary

V.M. Moskovkin

Doctor of geographical sciences, professor of world economy department Belgorod State University

S.Yu. Borukha

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor of Pedagogics department of Belgorod State University

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, Doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod State University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Once again on Dante, philosophically. *G.F. Peretyat'kin* 5

Semiotics of Johannes Eckhart from Hochheim (a brief summary of the mystic doctrine). *M.Y. Reutin* 18

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Methodological aspects of modern cognitive researches in linguistics.

N.A. Besedina 31

Status of philosophical anthropology in socio-humanitarian knowledge and philosophy. *I.S. Maximov, A.M. Strakhov* 38

Mentalities in "Annales" reflexion. *M.A. Shenkao* 45

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Traditions as a factor of formation of identity in the globalized society.

O.V. Ledovskaya, E.A. Sergodeeva 55

Musical language as a non-sign form of thinking, or some remarks in occasion of «stale traditions». *I.N. Nekhaeva* 62

Methodology of subcultures studies in social sciences and humanities. Paper 4. Configurations of youth subcultures in Russian regional field. *O.N. Rimskaya, V.P. Rimskiy* 70

Modern Russia between East and West. *S.E. Yurkov* 79

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Development of methodology of innovative management: from process to personalities. *E.I. Boev, V.V. Zotov, E.G. Kamensky* 84

The analysis of opinion of BSU students about territorial claims to Russia from some adjacent states. *V.A. Voronov, S.P. Ryachapova* 91

Development of civic consciousness and patriotism among modern youth.

T.I. Morozova 95

Cultural typical and innovative features of educational system in China.

Y.V. Shmarion, Lv Dong Yang 100

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Social serving of Russian orthodox church: some questions of theory and practice on the example of Belgorod and Sary Oskol eparchy. *E.P. Belonozhko, A.N. Moshkin* 104

Concept "faith" in the ancient philosophy and biblical discourse.

J.E. Gogolyuk 115

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Analysis of organized ethnic criminality groups' activity in the context of illegal behavior. *N.V. Kuzmina* 123

Concepts of vercion investigate action. *I.M. Komarov, T.V. Deineko* 134

To the question of forced measures of medical character applied to persons, abusing psychoactive substances. *L.A. Prokhrov, E.M. Smelenko* 140

To the question of the object of crimes against public morals. *M.L. Prokhorova, R.V. Torosyan* 144

Criminal-legal aspects of organization of illegal migration. *E.N. Sasina* 148

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod State University)

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod State University)

T.R. Lawson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A. Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of Law, Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, associate professor (Belgorod State University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

Original editing by contributors

Original layout by S.N. Borisov, A.A. Mahova

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 09.12.2010
Format 60×84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 36,97.
Circulation: 1000
Order 242.

Subscription index in Rospechat' catalogue – 81462,
in Pressa Rossiya catalogue – 39748

Original layout is copied in Belgorod State University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015, Russian Federation

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Local government system as the object of legal regulation in the municipal law of modern Russia. **P.A. Astafichev 155**

Features of the legal nature of the procedural law of the Russian federation. **V.V. Kutko 162**

Business activity as a sphere of interaction of private and public legal interests and means of adjustment. **N.N. Nadezin 168**

To the question of realisation of the constitutional law on a worthy level of life in the Russian federation. **N.N. Oleinik, L.V. Alekseeva 173**

THESIS

Ethical values of modern Russian neo-paganism. **A.N. Agaltsov 178**

The socio-cultural images of home in the mentality of contemporary Russian young people. **S. N. Alekhina, K. V. Kargapolova 186**

Formation and development of concept "intuition". **A.V. Bondarenko 196**

Tendencies of faith diversification in Russian traditional culture. **G.M. Vershinskaya 204**

Evidentiary value of items and documents research in Russian criminal proceeding. **E.V. Ivanova 212**

Historical evolution of public opinion manipulation forms. **I.V. Knyazeva 220**

Evolution of the concept «hope». **E.S. Kononova 226**

Non-epiphenomenality of consciousness phenomena in comprehension of scientific activity. **A.V. Kuznetsov, A.V. Kuznetsova 235**

System of contradictions at aprioristic level in I.Kant's ethical doctrine. **A.V. Kucherenko 242**

The criticism of transcendental subject of Kant's philosophy and the new variant of transcendental axiology by N. Gartman. **Y. V. Kushnarenko 253**

Tendencies of the development of the modern Russian law and the legislation. **A.I. Lyakhova 260**

Family budget in gender disbalance conditions. **I.M. Myravetskiy 266**

Analysis of innovative regional control system in social sphere. **I.E. Nadutkina 273**

Philosophical and cultural aspects of ethnical world model. **O.V. Pyzhova 276**

Dialogical character of Christian doctrinal statement (I and you). **P.G. Tarasov 282**

Privacy in Internet and spreading of private data by adolescents. **V.I. Turkanova 292**

Information society and noosphere ideas of Russian philosophy. **O.A. Filina 296**

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

Results of the Russian competition of student thesis "Actual problems of legislation for nanotechnologies in Russian Federation". **301**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

How scientific is «scientific» creationism. About monograph «existence» by I.S. Davydov. **V.E. Penkov 302**

Main directions of the organization of work with young people in modern conditions (on an example of the central region): III All-Russia scientific-practical conference: The collection of materials. – Orel: OSU publishing, "Kartysk", 2010/ – 192 p. **A.M. Strakhov 306**

About authors 308

Information for authors 311

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

ЕЩЕ РАЗ О ДАНТЕ В ФИЛОСОФСКОМ ОТНОШЕНИИ

Г. Ф. ПЕРЕТАТЬКИН*Южный федеральный
университет**e-mail:
isrgu@mis.rsu.ru*

В статье рассмотрена культурно-историческая связь творчества Данте, Шеллинга и Гегеля, и, прежде всего, переключки идей «Феноменологии духа» и «Божественной комедии», что позволило уяснить метафору, концепт и понятие как фазы продуктивного синтеза, с необходимостью «пробегаемые» сознанием в каждом новом творческом акте.

Ключевые слова: абсолютный субъект, восхождение от абстрактного к конкретному, метафора, концепт, понятие.

Итак, поэма Данте, взятая всесторонне, не есть отдельное произведение одной своеобразной эпохи, одной особой ступени культуры, но есть нечто изначальное, что обуславливается ее общезначимостью, которую поэма соединяет с абсолютнейшей индивидуальностью...
Шеллинг «О Данте в философском отношении»

Во времена философского ученичества какие-то смутные образные интуиции невольно возникали у меня при чтении гегелевской «Феноменологии духа». Не оставляло ощущение того, что где-то уже встречались и это трудное, восходящее движение по кругам и эти метания духа...

Интуиции эти до поры до времени оставались подспудными, пока одно неожиданное совпадение не высветило их по-новому. Совпадение это связано с попавшим однажды в поле моего зрения письмом Данте, в котором он, формулируя задачу своей «Божественной комедии», писал: «Цель поэмы – вырвать людей, живущих ныне, из состояния убожества и привести к счастью. Тот вид философии, который в поэме является руководящим, – есть этика, так как поэма написана не для умозрительных целей, а для действия»¹. Обратимся теперь к Гегелю и увидим, что он видит задачу «Феноменологии духа» в необходимости «вывести индивида из его необразованной точки зрения и привести

¹ Петрова О. «Божественная комедия» – мир Данте // Литература и ты. Выпуск шестой. – М., 1977. – С. 172.

его к знанию»². Еще раз сопоставим: *Данте*: «вырвать людей, живущих ныне, из состояния убожества и привести к счастью»;

Гегель: «вывести индивида из его необразованной точки зрения и привести его к знанию».

Вдумавшись в эти два высказывания и вслушавшись в их звучание, можно заметить, что Гегель почти дословно переводит сказанное Данте на язык рационализма нового времени. В самом деле, может ли рационалист помыслить большее «состояние убожества», чем «необразованная точка зрения»? И тогда, что значит привести человека «к счастью», как не «привести его к знанию»? Конечно, с таким же успехом можно было не увидеть здесь никакого глубинного, существенного сходства, а объявить все это чистой случайностью, помноженной на наше воображение. Однако, если теперь посмотреть на «Феноменологию духа» как бы сквозь призму «Божественной комедии» и попытаться оценить ее с точки зрения, так сказать, художественной, то можно обнаружить ряд других довольно интересных параллелей.

Действительно, и у Данте, и у Гегеля движение, понимаемое, в конечном счете, как восхождение, совершается по кругам (о кругах, в которых обречено совершать свое движение «необразованное», «естественное» сознание, Гегель говорит уже в первых главах «Феноменологии», например: «я отброшен назад к началу, и меня опять захватывает движение по тому же кругу, которое снимает себя и в каждом моменте и как целое»³. Кроме того, обнаруживается и композиционное сходство – трехчастность. У Данте – ад, чистилище и рай, у Гегеля – разделы о субъективном, объективном и абсолютном духе. Но этого мало, части дантовой «Комедии» совпадают с частями «Феноменологии», если так можно выразиться, по сюжету. Разделы «Феноменологии духа», посвященные субъективному духу и описывающие метания «несчастливого сознания», «безумие сомнения», коллизии «духовного животного царства и обмана», напоминают Ад Данте.

«Чистилище» у Данте занимает промежуточное место между Адом и Раем. Вергилий и Данте из темной и мрачной воронки Ада восходят к свету Чистилища. Здесь происходит *очищение* от грехов, *прощение* содеянного при жизни зла, и отсюда очищенные души возносятся на небеса, в рай. Такое же промежуточное место занимают в «Феноменологии духа» разделы об объективном духе. Читатель вместе с Гегелем поднимается к свету разума, воссиявшему в «борьбе просвещения с суеверием» и постигает «истину просвещения». Именно здесь совершается процедура *очищения* духа, здесь Гегель заявляет о том, что «чистое сознание есть стихия, в которую поднимается дух»⁴. В результате прохождения через горнило объективного духа, в преддверии духа абсолютного происходит обретение нравственности и права, преодоление отчуждения и, наконец, *прощение* зла (глава «Совесть, прекрасная душа, зло и его прощение» как переход к разделам об абсолютном духе).

Разделы об абсолютном духе, показывающие «дух в своем мире и дух, сознающий себя духом» и приводящие к «*престолу*» абсолютного духа, также напоминают «Рай» «Божественной комедии», в котором совершается восхождение к *престолу* Бога. Причем у Гегеля абсолютный дух на своем «престоле» выступает как чистая абсолютная форма, как «абсолютное понятие», *триединое* в своей сути (оно единство единичного, особенно и всеобщего), а у Данте – божественная *троица* как чистое свечение отражающихся, рефлектирующих друг в друге трех кругов.

Далее, в «Божественной комедии» весь путь по кругам ада, рая и чистилища проходит Данте, а его проводниками выступают сначала Вергилий, а затем – в раю – Беатриче. В «Феноменологии духа» весь путь познания совершает читатель, а в роли Вергилия выступает Гегель. Причем в начале пути Данте одолевают сомнения, сможет ли он осилить этот путь, на что Вергилий произносит ободряющую речь, говоря перед вратами ада:

Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.

Ад, песнь 3, 14-15

² Гегель. Феноменология духа // Соч., Т. IV. М., 1959. – С. 14.

³ Там же. – С. 64.

⁴ Там же. – С. 263.

Точно так же и в «Феноменологии» проводник-Гегель, как бы предвидя сомнения читателей, в предисловии ободряет его, утверждая, что «индивид, наоборот, имеет право требовать, чтобы наука подставила ему лестницу, по которой он мог бы, по крайней мере, добраться до этой точки зрения, чтобы наука показала ему эту точку зрения в нем самом»⁵. С другой стороны, Гегель предупреждает о трудностях, о том, что читателя ждет не «царский путь» и что нужна определенная твердость духа, «чтобы взять на себя напряжение понятия»⁶.

Интересные совпадения обнаруживаются и в содержательном плане. Например, в разделе «Чистилище» дантовой «Комедии» есть очень глубокий взгляд на двойное понимание богатства и, соответственно, двойное к нему отношение со стороны людей. Вергилий, разъясняя этот вопрос Данте, говорит:

Богатства, вас влекущие, тем плохи,
Что, чем вас больше, тем скуднее часть,
И зависть мехом раздувает вздохи.

А если бы вы устремляли страсть
К верховной сфере, беспокойство ваше
Должно бы неминуемо отпасть.

Ведь там – чем больше говорящих «наше»,
Тем большей долей каждый наделен,
И тем любовь горит светлей и краше.

Чистилище. Песнь 15, 49-57

Мнимому вещному богатству здесь противопоставляется подлинное духовное богатство человеческих связей и отношений.

Но подобное же противопоставление двух пониманий богатства есть и у Гегеля в разделе «Мир отчужденного от себя духа», по сюжету соответствующем «Чистилищу». Здесь богатство понимается, с одной стороны, как всеобщее благо, как государственная власть, которая есть «само абсолютное дело, в котором для индивидов выражена их *сущность* и в котором их единичность есть просто лишь сознание их *всеобщности*»⁷. С другой стороны, как богатство предметов потребления, вещей, совокупность которых «есть *пассивная* духовная сущность или всеобщее, поскольку оно обрекает себя на жертву и позволяет индивидам заимствовать у него сознание их единичности»⁸. В зависимости от того, как совмещает для себя индивид всеобщее благо и наслаждение вещным богатством – Гегель выделяет «благородное» и «низменное» сознание.

Интересно, что позже уже К. Маркс, давая философско-экономический анализ общественного богатства, также противопоставит обществу, в котором богатство выступает как совокупность вещей, как «огромное скопление товаров» («и зависть мехом раздувает вздохи»), будущее общество, основанное на «всеобщем труде», который выступает как «производство самой формы общения», как свободная самодеятельность, предполагающая актуализацию каждым форм культуры (в таком случае, действительно, «чем больше говорящих «наше», тем большей долей каждый наделен»).

Можно было бы продолжать сравнения, однако, пока остановимся и зададим вопрос, нет ли между двумя этими великими произведениями человеческой культуры более тесной исторической и логической связи? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо перенестись в Германию начала XIX века и рассмотреть некоторые исторические факты, предшествовавшие написанию «Феноменологии духа».

В 1802-1803 годах в Тюбингене издавался «Критический журнал философии», издателями и единственными авторами которого были Шеллинг и Гегель. Тогда они еще

⁵ Там же. – С. 13.

⁶ Там же. – С. 31.

⁷ Там же. – С. 266.

⁸ Там же.

дружили, причем настолько, что статьи этого журнала часто публиковались без указания авторства и «многие из них были написаны в процессе тесной совместной работы друг с другом»⁹. «Феноменология духа» появится только в 1807 году, а пока Гегель ищет свой путь в философии. И вот, в 1803 году в их совместном журнале печатается статья Шеллинга «О Данте в философском отношении». Попытаемся рассмотреть, в чем Шеллинг видит философское значение Данте и, одновременно, посмотрим на эту статью глазами молодого Гегеля, вынашивающего замысел своей философской системы.

«Божественная комедия» не случайно привлекла внимание и явилась объектом философского анализа для Шеллинга. Обычно в нашей литературе поэму Данте относят к эпосу (Даже Г.Д. Гачев ставит «Комедию» Данте в один ряд с таким классическим эпосом, как «Эпос о Гильгамеше» и «Одиссея»¹⁰). Между тем, как это следует из приведенного в начале статьи письма, сам Данте считал свою поэму именно философской. Шеллинг как раз и замечает уникальность художественной формы поэмы, позволяющую ей быть «памятником поэзии, связанной с философией»¹¹. Настаивая на уникальности «Божественной комедии» он писал: «Ее нельзя сопоставлять ни с чем другим, нельзя подвести ни под один из прочих жанров; это не эпос, не дидактическая поэма, это не роман в собственном смысле слова, это даже не комедия и драма, как ее назвал сам Данте; она есть неразрывнейшее соединение, совершеннейшее взаимопроникновение всего этого»¹².

И, действительно, из существовавшего в средневековье жанра божественной комедии¹³ Данте сумел создать совершенно особую художественную форму. Уникальность ее состояла в том, что она позволяла и требовала изобразить и оценить все формы жизнедеятельности людей с точки зрения имеющегося в них (или не имеющегося вовсе) всеобщего, вечного, субстанционального содержания.

Эпос как форма, на первый взгляд, дает такой же субстанциональный угол художественного зрения. Однако только на первый взгляд, ибо в эпосе субстанция выступает как доминирующая над всеми формами субъективной человеческой активности, как поглощающая эту активность. Эту особенность эпической формы мышления очень хорошо подметил Гегель. «Если их (индивидов, самостей – Г.П.) стихийные натуры вводятся в действительность и в действительное отношение лишь свободной самостью индивидуальности, то в такой же мере они составляют всеобщее, которое уклоняется от этой связи, остается неограниченным в своем определении и *в силу непреодолимой эластичности своего единства стирает точечность того, кто совершает действие, и его расчеты, полностью сохраняет себя само и растворяет все индивидуальное в своей текучести*»¹⁴ (выделено мною – Г.П.). Действия индивидов в классическом эпосе не имеют самодовлеющего, самостоятельного значения и поэтому не могут быть подвержены суду. «Совершалась Зевсова воля», – говорит Гомер уже в начале Илиады. И в этом весь суд! Ахилл не виноват в том, что из-за его личной обиды и нежелания вступить в бой гибнут ахейцы. И Елена не виновата в том, что из-за нее воюют народы. С современной точки зрения, перед нами в одном случае – эгоист, в другом – легкомысленная женщина. С точки зрения же греков они – герои, поскольку в них проявилась и воплотилась божественная субстанциональная воля, судьба. Люди в классическом эпосе игрушки, которыми играют боги; боги же удивительно напоминают играющих детей: у каждого ребенка своя любимая игрушка – у Афины это Ахилл и Одиссей, у Афродиты – Парис и т.д. – и из-за игрушек они ссорятся, отбирают их друг у друга, «ломают» их, затевают с ними всевозможные игры. Весь пантеон греческих богов можно увидеть в любом современном детском садике. Здесь можно встретить и мальчишку крепыша – Зевса, диктующего всем остальным детям правила игры, и умненькую девочку – Афины, и драчуна – Ареса, и малышкой – купидончиков, не признающих и не соблюдающих никаких правил игры, мешающих всем...

⁹ Гегель. Эстетика. В 4-х томах. Т. 4. – М., 1973. – С. 554.

¹⁰ Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). – М., 1968. – С. 108, 140.

¹¹ Шеллинг. Философия искусства. – М., 1966. – С. 445.

¹² Там же. – С. 393.

¹³ О жанре божественной комедии в средние века до Данте см: Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981. – С. 176-240.

¹⁴ Гегель. Феноменология духа // Соч., Т. IV. М., 1959. – С. 390.

В «Комедии» же Данте индивиды не просто игрушки, не просто «точечность», которую стирает резинка-субстанция. Здесь от каждого зависит, насколько он придал своей жизнедеятельности субстанциональный характер. И именно поэтому индивиды здесь судятся, а их деятельность как бы взвешивается «на весах» божественной субстанции и получает соответствующую оценку.

В указанной выше книге Г.Д. Гачев дал прекрасную характеристику художественной формы как «отвердевшего содержания», как такой структуры мышления, в которой свернут, сгущен, органично выражен исторически определенный тип общественных отношений и которая поэтому способна как бы излучать из себя определенные идеи. «Здесь действует тот всеобщий закон, по которому форма есть отверждение и закрепление содержания. Форма когда-то была содержанием; литературные структуры, которые мы, теперь, омертвив и превратив в схемы, подводим под категории рода и вида: драма, сатира, элегия, роман, – при своем рождении били живым истечением литературно-художественного содержания, которое в данном историческом состоянии мира (тип отношений общества и индивида) возникало как наиболее органическое выражение ситуации жизни в литературе... Форма, так понятая, живет уже как нечто реальное, а не как удобная конструкция сознания эстетика и теоретика литературы»¹⁵. Форма, созданная Данте, как раз и является содержательным выражением и кристаллизацией нового типа отношений, зарождавшихся тогда в Италии, которая, по характеристике Энгельса, была «первой капиталистической нацией».

Как тончайший сейсмограф, Данте фиксирует рождающиеся в глубинах средневекового мира отдаленные толчки, за которыми должен последовать «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до этого времени человечеством» (Энгельс). Он предчувствует разлом двух эпох, предвосхищает рождение индивида, свободного от ограничивавших его феодальных общественных форм, обладающего правом на самостоятельность выбора и поступка. Будучи изгнанником, уже не связанным жестко с определенным типом общественных отношений, Данте сам является таким индивидом, свободно относящимся к разнообразным формам жизнедеятельности. Форма мышления, реализованная им в его «Комедии», это своеобразная художественная *феноменология поступков*, вечных типов жизнедеятельности людей. Только «сшибка» двух эпох, двух культур, вероятно, и способна кристаллизироваться в художественной форме, которая как бы заново осмысливает уже прошедшую историю и одновременно излучает из себя идею нового состояния мира, нового места в нем индивида, нового понимания самого индивида.

Этого индивида и сумел увидеть в поэме Данте Шеллинг. В своей статье он подчеркивает, что «Божественная комедия» «есть... абсолютный индивидуум, ни с чем не сравнимый, кроме самого себя»¹⁶ и, проясняя философское значение творения Данте, начинает развивать тему «абсолютного индивида». Тема эта возникает в философии Шеллинга, а затем и Гегеля, вероятно, под влиянием шиллеровских «Писем об эстетическом воспитании человека». В них, как известно, Шиллер первым сформулировал проблему разорванности и раздробленности индивида в современном ему обществе капиталистического разделения труда, отчуждения такого одностороннего индивида от культуры.

Соглашаясь с Шиллером по поводу особой роли искусства в преодолении отчуждения, Шеллинг ищет такую форму искусства, которая могла бы это сделать наиболее эффективно. Сравнивая древний мир и мир нового времени, он замечает, что «как древний мир в общем есть мир родовых образований, так новый мир есть мир индивидуумов: там общее действительно есть особенное, поколение действует как индивидуум, здесь, напротив, особенное представляет собой исходную точку и должно претвориться во всеобщность»¹⁷. В древнем мире «единого и нераздельного человеческого рода» каждый индивид непосредственно приобщен к родовой сущности благодаря мифологии. Через мифологию, являющуюся идеальным выражением родовой сущности «индивидуум может конституировать себя в род и действительно составить с ним единство»¹⁸.

¹⁵ Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). – М., 1968. – С. 17-18.

¹⁶ Шеллинг. Философия искусства. – М., 1966. – С. 446.

¹⁷ Там же. – С. 447.

¹⁸ Там же. – С. 140.

В новое время это непосредственное единство индивида и рода исчезает, и теперь, чтобы присвоить родовую сущность, «индивидуум должен свести к единому целому раскрытую перед ним часть мира и создать себе свою мифологию из материала своего времени, его истории и науки»¹⁹. И задача эта решается посредством искусства, ибо подобно мифологии, искусство может представить всеобщее в особенном, и в этом плане, особенное произведение искусства может выступить как представленный «универсум». Поэтому в новое время, с точки зрения философии искусства Шеллинга, «...всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать *собственную* мифологию»²⁰.

Таким образом, поскольку «мировой дух» медлит с созданием новой мифологии, то перед художником возникает колоссальная подвижническая задача: посредством искусства «замкнуть» на индивида наличную культуру. Именно такой подвиг совершил, по Шеллингу, Данте. «Данте создал себе из варварства и еще более варварской учености своего времени, из ужасов истории, которые он сам пережил, равно как из материала существующей иерархии, собственную мифологию и с нею свою божественную поэму»²¹. Только такому великому художнику как Данте удалось отобрать из хаоса исторического материала устойчивые образы культуры и соединить их в одном произведении. «Так как искусство требует завершенности, ограничения, а дух эпохи влечет к неограниченному и с неизменным упорством сметает всякие преграды, то в спор должен вмешаться индивидуум: он должен с абсолютной свободой разграничивать, должен суметь *из хаоса эпохи извлечь устойчивые образы* и общему облику своего произведения с помощью свободно отобранных форм, средствами абсолютного своеобразия придать внутреннюю необходимость в себе и общезначимость вовне»²² (выделено мною – Г.П.). Шеллингу кажется, что в «Комедии» Данте нашел ту общезначимую художественную форму, посредством которой можно помочь вернуть индивиду утраченную целостность и единство с родовой сущностью. «Поэма Данте, – пишет он, – взятая всесторонне, не есть отдельное произведение одной своеобразной эпохи, одной особой ступени культуры, но есть нечто изначальное, что обуславливается ее общезначимостью, которую поэма соединяет с абсолютнейшей индивидуальностью, обуславливается ее универсальным *характером в силу того, что она не исключает ни одной стороны жизни и культуры*, обуславливается в конце концов *формой, которая представляет собой не специальный, но общий тип созерцания универсума*»²³ (выделено мною – Г.П.).

Универсальность и общезначимость формы мышления, формы «созерцания универсума», реализованной Данте, Шеллинг видит в *трехчастном построении* «Божественной комедии», позволяющем совершить *восхождение* от непосредственного природного эгоизма (Ад), через очищение в результате приобщения к формам деятельности божественного, субстанционального содержания (Чистилище), к слиянию с божественной родовой сущностью (Рай). «Расчленение универсума и расположение материала по трем царствам – ада, чистилища и рая, даже независимо от особого значения, которое эти понятия имеют в христианстве, есть общесимволическая форма, так что *непонятно, почему бы каждой значительной эпохе не иметь своей божественной комедии в той же форме*». Это, подчеркнутое мною место, скоро понадобится нам в связи с гегелевской «Феноменологией», а пока продолжим цитирование, поскольку далее Шеллинг дает характеристику этой формы художественного мышления и, в частности, пишет: «...эта форма оказывается вечной и способной объединять в себе три монументальных объекта науки и культуры – природу, историю и искусство. ...Жизнь и история, природа которых состоит в поступательном движении по ступеням, *суть только очищение*, переход к абсолютному состоянию. *Последнее присутствует лишь в искусстве*, предвосхищающем вечность»²⁴ (выделено мною – Г.П.).

¹⁹ Там же. – С. 447.

²⁰ Там же. – С. 147.

²¹ Там же. – С. 146.

²² Там же. – С. 447-448.

²³ Там же. – С. 451.

²⁴ Там же. – С. 450-451.

Таким образом, форма мышления, найденная Данте, позволяет, по Шеллингу, сжато, символически, в художественной форме воспроизвести для индивида реальный исторический процесс *восхождения и очищения* от непосредственного природного эгоизма к подлинно человеческому состоянию и, «замкнув» на этого индивида «устойчивые образы» культуры, выработанные в ходе истории, приобщить его к «абсолютному». Иными словами, по Шеллингу, Данте реализовал такую форму художественного мышления, в которой *художественное совпадает с историческим*, в сжатом, символическом виде воспроизводит историческое становление индивида во всей его субстанциональной целостности.

В нашем рассмотрении шеллинговской оценки Данте мы подошли к тому пункту, который должен пролить свет на связь «Божественной комедии» и «Феноменологии духа», и потому самое время вспомнить о Гегеле, который здесь же, вместе с Шеллингом издает журнал и обдумывает собственную философскую систему. И вот что, вероятно, должен думать Гегель, читая статью Шеллинга о Данте: «Конечно же, Шеллинг прав – преодолевающий отчуждение «абсолютный индивидуум» может получить только в результате схватывания, выделения и усвоения всех «устойчивых образов» культуры из хаоса исторического материала. Только благодаря этим «устойчивым образам» индивид не является «случайным разумом», единичностью, а имеет всемирную историю. Эти «устойчивые образы», «формообразования сознания», выступая кристаллизациями родовой жизни, являются как бы опосредующим звеном между родом и индивидом». «Так как для *сознания* средним термином – между всеобщим духом и его единичностью или чувственным сознанием – служит система формообразований сознания как жизнь духа, упорядочивающая себя в целое, – система, которая рассматривается здесь и имеет свое предметное наличное бытие в качестве всемирной истории»²⁵, – напишет он в «Феноменологии духа».

«Прав-то он прав, – думает Гегель дальше, – однако, во-первых, почему «каждая значительная эпоха должна иметь свою божественную комедию»? Нельзя ли написать нечто, подобное божественной комедии, но *для всех эпох*, понимаемых как необходимые ступени развития самосознания и мирового духа и индивида? А, во-вторых, почему это необходимо делать в художественной форме? Ведь в таком случае все зависит от того, снизойдет ли благодать интуиции на гениального индивида типа Данте. Нельзя ли решить эту задачу более доступными средствами? Иными словами, нельзя ли создать предельный, *логический вариант (архетип)* божественной комедии и посредством уже не художественной интуиции, а понятия «разомкнуть замкнутость субстанции и поднять ее до самосознания?»²⁶. В таком случае индивидуум должен будет совершить *восхождение* от непосредственного, «грешного» состояния, через очищение к единству, тождеству с божественной субстанцией, опираясь уже не на художественный образ, а на понятие. И посредством понятия можно будет объединить три «монументальных объекта» – природу, историю и философию (а не искусство, как считал Шеллинг). Но тогда *историческое должно будет совпадать уже не с художественным, а с логическим*, ибо та форма мышления, которая у Данте выражена еще неадекватно, теперь получает адекватное, т.е. логически всеобщее выражение как восхождение от абстрактного к конкретному. При реализации этой всеобщей логической формы восхождения как раз и можно создать предельный, логически всеобщий вариант божественной комедии для всемирной истории, представляющей как история «мирового духа»»

Гегель полагает, что для осуществления такого грандиозного замысла имеются объективные предпосылки. Ведь «так как субстанция индивида, так как даже мировой дух имели терпение пройти эти формы за длительный период времени и взять на себя огромную работу мировой истории, в ходе которой он во всякой форме высказывал все свое содержание, какое она способна вместить,... то, если иметь в виду существо дела, индивид не может, конечно, охватить свою субстанцию с меньшей затратой труда; но вместе с тем у него затруднений меньше, потому что *в себе* это совершенное – содержание есть

²⁵ Гегель. Феноменология духа // Соч., Т. IV. М., 1959. – С. 159.

²⁶ Там же. – С. 4.

уже стертая до возможности действительность, обузданная непосредственность, а формообразование сведено к своей аббревиатуре, к простому определению в мысли»²⁷. Содержание этих аббревиатур, оставленных историческим развитием духа, и нужно помочь индивиду «обратить в форму *для-себя-бытия*». Причем задача эта двуединая, как и у Данте. Ведь «Божественная комедия» это и *воспоминание Данте* о пережитом им труднейшем восхождении, и, одновременно, *восхождение читателя*, которого «ведет» поэт и которому это восхождение дается гораздо легче, поскольку Данте уже выделил для него, как ступеньки, «устойчивые образы культуры». Подобным образом и восхождение к «абсолютному знанию» необходимо представить, во-первых, как философскую «реконструкцию» субстанциональных формообразований, пройденных «мировым духом» и «сжавшихся» в простоту аббревиатуры. И это будет *воспоминание*, то есть, «*восстановленное в памяти*»²⁸ восхождение по ступеням образования мирового духа как «всеобщего индивида», обладающего самосознанием. Во-вторых, это будет одновременно *восхождение читателя*, в результате которого он как индивид становится субъектом «абсолютного знания», преодолевшим «необразованную точку зрения». Причем, как и читателю «Комедии» Данте, ему это восхождение дается легче, ибо этот «отдельный индивид» должен и по содержанию пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже оставленные духом, как этапы пути уже разработанного и выровненного»²⁹.

Но если исходить из такого гегелевского замысла, то в целом *сюжет будущей работы* действительно напоминает сюжет дантовой «Комедии». В самом деле, на пути «образовательного движения»³⁰, как восхождения к «абсолютному знанию», индивиду «с одной стороны, надо выдержать *длину* этого пути (как выдержал свой путь Данте – Г.П.), ибо каждый момент необходим; – с другой стороны, на каждом из них надо *задержаться* (как это делал Данте, задерживаясь в «кругах» восхождения – Г.П.), ибо каждый момент сам есть некоторая индивидуальная цельная форма и рассматривается лишь постольку абсолютно, поскольку его определенность рассматривается как целое и конкретное»³¹.

Смыслом и результатом «задержки» Данте в каждом из кругов является *духовный опыт*, приобретаемый поэтом (и его читателем). Но ведь и движение духа с «задержками» на каждом новом формообразовании как «необходимом моменте» – это тоже исторический *опыт* развивающегося *сознания*. В таком случае, будущая наука об исторических феноменах духа, должна для Гегеля стать «наукой об опыте сознания». «Наука, идущая этим путем, есть наука *опыта*, совершаемого сознанием»³².

И, наконец, последнее, но самое важное. В чем смысл «опыта сознания» и что является источником развития этого опыта? И в этом аспекте Гегелю вновь приходится признать, что Данте многое предвосхитил. Ведь в «Комедии» «плотность» художественного хронотопа позволяет увидеть, что приобретаемый Данте духовный опыт после каждого нового круга меняет как самого поэта, так и его восприятие мира. Впервые эту взаимосвязь изменения восприятия мира и себя как субъекта опыта сам Данте осознает у врат Чистилища, говоря:

Ты усмотрел, читатель, как вознес
Я свой предмет; и поневоле надо,
Чтоб вместе с ним и я в искусстве рос.

Чистилище, песнь 9, 70-72

В этой же главе ангел чертит на лбу поэта семь латинских Р (начальная буква латинского слова «*peccatum*» – «грех») как символ семи смертных грехов, которые Данте должен преодолеть восходя по семи кругам Чистилища. И после «опыта» в каждом из кругов ангел стирает со лба поэта очередную букву, удостоверяя тем самым его изменение как субъекта «опыта», а у изменившегося Данте возникают все новые вопросы о мире к Вергилию, а потом и к Беатриче. Пожалуй, наиболее полно эту, открытую им, диалек-

²⁷ Там же. – С. 15-16.

²⁸ Там же. – С. 16.

²⁹ Там же. – С. 15.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. – С. 19.

тику взаимного изменения *субъекта* опыта и облика *предмета опыта* Данте высказывает в последней главе «Рая», созерцая свет божественной Троицы:

Но потому, что взор во мне крепчал,
Единый облик, так как я при этом
Менялся сам, себя во мне менял

Рай, песнь 33, 112-114

Но ведь, как и в опыте Данте, структура опыта развивающегося сознания в будущей «Феноменологии духа» также представляет собою противоречивое единство самого сознания и его предмета, в котором оно до поры до времени не узнает себя. «Ибо сознание, – пишет Гегель, – есть, с одной стороны, осознание предмета, а с другой стороны, осознание самого себя: сознание того, что для него есть истинное, и сознание своего знания об этом. Так как оба суть *для одного и того же* сознания, то оно само есть их сравнение; *для одного и того же* сознания выясняется соответствует ли его знание о предмете последнему или не соответствует»³³. В таком случае, источником развития опыта сознания является противоречие между предметом сознания и его знанием. Сознание сравнивает и обнаруживает несоответствие предмета и знания о предмете. Результатом разрешения этого противоречия является, подобно опыту Данте, изменение, как самого сознания, так и его предмета. «Если в этом сравнении одно не соответствует другому, то, по видимому, сознание должно изменить свое знание, дабы оно согласовывалось с предметом; но с изменением знания для него фактически меняется и сам предмет, так как наличное знание по существу было знанием о предмете; вместе с знанием и предмет становится иным, ибо он по существу принадлежал этому знанию» (там же). Это возникающее и разрешающееся противоречие опыта сознания должно стать «пружиной» развития феноменологии духа, в диалектике развития опыта должно обнаружиться, что «неравенство» сознания и его предмета есть лишь неравенство духа как субстанции с самим собой. И это обнаружение будет означать, что «дух уравнивал свое *наличное бытие* со своей *сущностью*; он есть для себя предмет так, как он есть, и абстрактная стихия непосредственности и отделения знания от истины преодолена»³⁴. В результате дух восходит к тождеству мышления и бытия, формой которого является «абсолютное понятие». Восходит, оставляя за собой пройденный им последовательный ряд «царства духов», «в котором один дух сменялся другим и каждый перенимал царство мира от предшествующего»³⁵. В конечном счете, исторические коллизии движения по «царству духов», которые должны быть изложены в работе «составляют воспоминания абсолютного духа и его Голгофу, действительность, истину и достоверность его престола, без которого он был бы безжизненным и одиноким» (там же). И, в таком случае, закончить работу Гегелю необходимо именно этим образом «царства духов», подобно тому, как Данте закончил последнюю главу своей «Комедии» образом «селения духов». Ведь восхождение Данте к божественному престолу означает, что:

Он человек, который ото дна
Вселенной вплоть досюда, часть за частью,
Селенья духов обозрел сполна...

Рай, песнь 33, 22-24

И это труднейшее обозрение «селения духов», своеобразная «Голгофа», на которую взошел Данте, дает ему возможность мистически пережить единство, тождество с Божественным Светом и «полнотой всезнанья».

Без философского обозрения «царства духов» дух действительно будет «безжизненным и одиноким», как это случилось у Фихте, который попытался рассмотреть проблему развития духовного опыта, оперируя лишь абстракциями Я и не-Я. И хотя Фихте верно положил в основу развития своей философии противоречие между предметом и его идеальным образом в сознании, – без движения по «царству духов», т.е. по царству истории культуры, такая трактовка «опыта сознания» выглядит безжизненной и пустой.

³³ Там же. – С. 48.

³⁴ Там же. – С. 19.

³⁵ Там же. – С. 434.

Ведь в таком случае из поля зрения выпадает важнейшее опосредующее звено – историческое развитие формообразований культуры, которые выступают для индивида как его субстанция, «неорганическая природа». Эту «неорганическую природу» культуры нужно помочь усвоить индивиду, выводя его из «необразованной точки зрения».

«И сделать это нужно не в художественной форме, а в форме понятия. Вольтер смеялся над жалким современным индивидом, Руссо оплакивал его, Спиноза резонировал: «не плакать, не смеяться, но понимать»; – нужно протянуть этому индивиду руку, как это сделал Данте, и помочь ему совершить восхождение через плач («несчастное сознание») и смех («скептицизм») к пониманию», – примерно так размышлял молодой Гегель.

Через четыре года он отошлет Шеллингу свою «Феноменологию». «Я не знаю никого, кто бы лучше тебя мог рекомендовать это сочинение и высказать мне самому суждение о нем»³⁶, – писал Гегель. Возможно, он ожидал, что Шеллинг, прочитав работу, воскликнет: «Я же говорил, что для каждой значительной эпохи нужна своя «Божественная комедия». Но Гегель написал философскую «Комедию» для всех эпох. Он сумел выявить все исторические «устойчивые образы» и выразить их целостность в форме развивающегося от абстрактного к конкретному понятия!» Однако, как это часто случается, большой талант уживается с мелким тщеславием. Шеллинг, прочитав лишь предисловие к «Феноменологии» и натолкнувшись в нем на критику своих эпигонов, написал Гегелю письмо, полное вежливого раздражения: «То, в чем мы действительно придерживаемся различных убеждений и точек зрения, следовало бы нам выявить и разрешить без всякого примирения. Ведь примирить можно, конечно, все кроме одного. Так, я признаюсь, что я не понимаю смысла того, почему ты противопоставляешь *понятие* интуиции. Не можешь ведь ты подразумевать под понятием нечто иное, чем то, что мы с тобой называем идеей, которая, с одной стороны, является понятием, а с другой – интуицией»³⁷.

Так они поссорились навсегда, и повод для ссоры, согласитесь, был более серьезный, чем у гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Ведь речь шла о том, предпочесть ли *интуитивное концептуальное схватывание понятия*, на чем, по сути, настаивал Шеллинг, или же – *понятие*, как «абсолютную форму», *интуиции*, к чему пришел Гегель в своей «Феноменологии».

Нам же, подводя итоги, следует заметить следующее. Во-первых, сам Данте, конечно же, не подозревал о той *форме мышления*, которая развернута в его произведении. Выделение этой формы мышления в чистом виде как *восхождения от абстрактного к конкретному* – это *работа философов* Шеллинга и Гегеля, анализирующих в качестве *философской эмпирии* весь опредмеченный исторический мыслительный материал, в частности, произведение Данте. В результате восхождения у Шеллинга, как мы видели, историческое должно совпасть с художественным, а у Гегеля историческое совпадает с логическим, и это совпадение становится одним из принципов построения его философской системы.

Во-вторых, из всего изложенного ранее следует, что указанные в начале статьи совпадения «Божественной комедии» и «Феноменологии духа» имеют под собой историческое основание. И трехчастность, и «очищение», и «прощение зла» и «престол» абсолютного духа, и многое другое в «Феноменологии духа» – отголоски гегелевского романтического увлечения комедией Данте. Не случайно и то, что Гегель заканчивает свою «Феноменологию» поэтической цитатой из Шиллера (в самом деле, почему это вдруг, после уже найденной, в процессе драматического восхождения духа, формы «абсолютного знания» – спекулятивного понятия – нужно было все завершить поэзией?).

Вообще же, рассмотренная нами история культурно-исторической переклички творчества Данте, Шеллинга и Гегеля выявила следующие фазы движение мысли: а) *метафора восхождения*, гениально воплощенная в художественной форме «Божественной комедии»; б) *шеллинговский концепт восхождения* к абсолютному индивиду³⁸; и, наконец, в) *гегелевское понятие восхождения* к абсолютному субъекту.

³⁶ Гегель. Работы разных лет. Т. 2. – М., 1971. – С. 271.

³⁷ Там же. – С. 283.

³⁸ Концепт в том понимании, которое придают ему современные авторы., отличая его от таких идеально-мыслительных конструкторов как понятие и категория. См.: Неретина С.С. Концепт // Новая

Перед нами, таким образом, яркий пример открытых Кантом в «Критике чистого разума» *фаз продуктивного синтеза*, с необходимостью «пробегаемых» сознанием в каждом новом творческом акте. «Феноменология» Гегеля это фаза своеобразной *логической линьки концепта и превращения его в понятие*. Это первое зрелое произведение Гегеля и, одновременно, последнее «прости» романтическим увлечениям юности. Но может быть именно потому, что логика здесь еще «замешана» на художественной интуиции, «Феноменология» и является самым глубоким и богатым идеями произведением Гегеля. Очень точно заметил Ю.Н. Давыдов: «Феноменология духа» – это изображение (своего рода «моментальный снимок») гегелевского метода «в пути». Это здание гегелевской диалектики, с которого не сняты еще «строительные леса», а они, в отличие от обычных строительных лесов, имели подчас не меньшую, а даже большую ценность, чем само возводимое здание. И недаром Гегель назвал впоследствии «Феноменологию духа» своим теоретическим «путешествием за открытиями»³⁹. Добавлю только, что гегелевская оценка «Феноменологии» как «путешествия» это еще одна переключка с «Комедией» Данте, которая ведь тоже своеобразное путешествие.

Однако есть ли у самого Гегеля намеки на связь его произведения с произведением Данте? Думается, что есть.

Прежде всего, необходимо отметить, что ни одному поэту Гегель не посвятил столько восторженных отзывов. Достаточно сослаться здесь на четыре тома его «Эстетики», где Данте оценивается как величайший поэт и мыслитель. Но особенно интересна для нас статья Гегеля «О «посмертных сочинениях и переписке Зольгера»», в которой философ описывает эпоху двух кризисов немецкой литературы и почти «проговаривается». Период первого кризиса, по Гегелю, совпадает с юностью Гете, завершается увлечением Шекспиром с точки зрения *содержания*. Второй же кризис совпадает с философской молодостью Шеллинга и Гегеля, со временем становления гегелевской системы. Вот как описывает этот кризис Гегель. «Другой кризис расширил поле зрения нашей литературы еще дальше, на новый ряд явлений, и не просто дополнил его знакомством с Данте, Гольбергом, Нибелунгами, Кальдероном (заметим, что Данте идет первым в этом списке – Г.П.), но помимо обновленного энтузиазма по отношению к Шекспиру побудил также к *изучению, восхищению и подражанию* далеким и разнородным образам. Однако если первый кризис в пресыщении формальным искал содержания ..., то, напротив, со вторым было связано *развитие вкуса к форме и чуждому своеобразию*» (выделено мною – Г.П.)⁴⁰. Данное высказывание проливает свет на духовные истоки формирования и развития у молодых Шеллинга и Гегеля «вкуса к форме» вообще и в частности к *форме восхождения*, а также своеобразного *философского «подражания далеким и разнородным образам»*.

Меньше всего во всем вышеизложенном нужно видеть попытку напрямую вывести «Феноменологию» из «Божественной комедии». Только что приведенное высказывание самого Гегеля показывает, что Данте был лишь одним из тех, чей духовный опыт он переосмысливает. Д. Лукач, например, отмечает связь «Феноменологии» и «Фауста» Гете. Он совершенно справедливо усматривает величие Гете и Гегеля в том, что «им обоим удастся создать всеобъемлющую, содержащую глубокие истинные определения синтетическую картину родового опыта человечества, развитие родового сознания»⁴¹. Но ведь именно в этом Гете и Гегель примыкают к Данте, ибо он первый сумел дать художественную «синтетическую картину родового опыта человечества». Более того, если для идеалиста Гегеля родовый опыт человечества, в конечном счете, свелся только к духовному опыту *родового сознания*, то для Данте характерно стремление подвести итог именно *человеческого опыта*.

философская энциклопедия. – М., 2010. – Т. 2. – С. 306–307; Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24–36.

³⁹ Давыдов Ю.Н. «Феноменология духа» и ее место в истории философской мысли // Гегель. Феноменология духа. // Соч., Т. IV. М., 1959. – С. VII – VIII.

⁴⁰ Гегель. Эстетика. В 4-х томах. Т. 4. – М., 1973. – С. 458.

⁴¹ Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. – М., 1987. – С. 615.

Пройдет не так уж много времени после описанных событий, и новый «проводник», Маркс, опираясь на философский опыт Гегеля, начнет свое собственное «восхождение», ведя за собой тех, кто не воспринимал капитализм в качестве конечной цели истории. Маркс будет рассматривать «устойчивые образы», «формы сознания», которые Шеллинг и Гегель хотели «замкнуть» на индивида средствами искусства и философии, в качестве отчужденных метаморфозов исторической формы практической деятельности. Поэтому, с его точки зрения, только преобразуя отношения этой деятельности можно достичь такого общества, конечной целью которого будет производство не вещей, а «абсолютного индивида», всесторонне развитой личности. Поскольку Маркс возвращается из мира чистых гегелевских абстракций к исследованию реального процесса «действительной жизни», и для него «абстракции эти сами по себе, в отрыве от действительной истории, не имеют ровно никакой ценности»⁴², то и теоретическому восхождению от абстрактного к конкретному он возвращает утраченную в гегелевской логике метафоричность и концептуальную полноту, которые, в свою очередь, будут утрачены в схоластическом «марксизме-ленинизме».

Но вот что замечательно, Маркс, у которого восхождение от абстрактного к конкретному как форма мышления впервые реализуется во всей ее мощи в качестве инструмента познания «специфической логики специфического предмета», не случайно начинает предисловие к первому тому «Капитала» цитатой из «Божественной комедии» «великого флорентийца». По существу, исследование процесса капиталистической эксплуатации – это для Маркса тоже своеобразное теоретическое движение по кругам «ада». Поэтому на одном из самых страшных «кругов», описывая процесс производства абсолютной прибавочной стоимости в спичечной мануфактуре, Маркс пишет: «Данте нашел бы, что все самые ужасные картины ада, нарисованные его фантазией, превзойдены в этой отрасли мануфактуры»⁴³. Проводя своих читателей через этот «ад», Маркс обосновывает необходимость социальной революции, в «чистилище» которой сбрасывается «вся старая мерзость» и совершается переход к обществу социальной справедливости и всеобщего труда.

Однако вопрос об исторической правоте или неправоте Маркса – это сюжет для других размышлений.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). – М., 1968.
2. Гегель. Работы разных лет. Т. 2. – М., 1971.
3. Гегель. Феноменология духа. // Соч., Т. IV. М., 1959.
4. Гегель. Эстетика. В 4-х томах. Т. 4. – М., 1973.
5. Давыдов Ю.Н. «Феноменология духа» и ее место в истории философской мысли. // Гегель. Феноменология духа. // Соч., Т. IV. М., 1959.
6. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981.
7. Данте Алигьери. Божественная комедия. – М., 1982.
8. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. – М., 1987.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1 // Сочинения. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Сочинения. – 2-е изд. – М., 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. – 2-е изд. – М., 1963. – Т. 3. – С. 7–544.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). – М., 1966.
13. Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия. – М., 2010. – Т. 2. – С. 306–307.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). – М., 1966. – С. 30.

⁴³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1 // Сочинения. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23. – С. 258.

-
14. Петрова О. «Божественная комедия» – мир Данте // Литература и ты. Выпуск шестой. – М., 1977.
15. Шеллинг. Введение в философию мифологии // Шеллинг. Соч. в 2-х томах. Т. 2. – М., 1989.
16. Шеллинг. Философия искусства. – М., 1966.

ONCE AGAIN ON DANTE, PHILOSOPHICALLY

G. F. PERETYATKIN

South federal University

e-mail:
isrgu@mis.rsu.ru

The article observes cultural and historical relation between the works of Dante, Schelling and Hegel and, primarily, the dialogue of the ideas in “The Phenomenology of Spirit” and “Divine comedy”. It helped to reveal the metaphor, concept and notion as phases of productive synthesis, necessary for consciousness in every new creation act.

Key words: absolute subject, uprising from abstract to concrete, metaphor, concept, notion.

УДК 130.2

СЕМИОТИКА ИОАННА ЭХКАРТА ИЗ ХОХХАЙМА (КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ)

М. Ю. РЕУТИН

*Институт высших
гуманитарных исследований
при Российском
государственном
гуманитарном
университете*

Статья, посвященная творчеству великого немецкого мистика Экхарта из Хоххайма (ок. 1260–1328), представляет собой краткое введение в его схоластическую теорию знака. В статье осуществлена попытка найти подход к рациональному обоснованию экхартовской мистики, которым, по мнению автора, является семиотическая концепция «*imago in quantum imago*». В статье предлагается очерк богословской доктрины, связанной с гипотетическим методом диалогов Платона, и в первую очередь «Парменида».

Ключевые слова: семиотика, неоплатонизм, знак, образ, гипотетический метод.

Чтобы сделать свое обоснование проблематики более предметным, начну с определения знака. Знак – материальный объект, чувственно воспринимаемый субъектом, используемый для обозначения (представления и замещения) другого объекта, называемого значением данного знака. В классической работе «Основания теории знаков» Ч. Моррис описывает знак по четырем параметрам, выделяя: 1) то, что выступает как знак; 2) то, на что указывает знак; 3) интерпретатора, при наличии которого, только и можно говорить о процессе образования знака; наконец, 4) то специфическое воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора не только вещью, а знаком. Дабы не перегружать текст, опускаю соответствующие четырем пунктам термины.

Вообще говоря, всего типов знаков четыре – на это указано в основополагающем труде Ч. Пирса «Элементы логики. *Grammatica speculativa*». Напомню кратко, чтобы их отмести: 1) индекс, находящийся в причинно-следственном отношении с обозначаемым предметом, следствие причины: дым огня, заря солнца и пр.; 2) иконический знак, обладающий некоторым визуальным сходством с обозначаемым, используемый в качестве заместителя объекта в силу такого сходства: фото, чертеж, картина, модель и под.; 3) символ, получающий свое значение на основе договора между интерпретаторами: черепки блюда, части монеты и пр., часто используемый для узнавания, и последнее; 4) сигнал, т.е. раздражитель, вызывающий действие условного либо безусловного рефлекса.

Совершенно очевидно, что в перечне Пирса опущена важнейшая разновидность знака, которая, учитывая её важность для архаической и средневековой культур, надлежит называться знаком по преимуществу. Здесь речь идет о том, что в русской филологии называлось «являющим символом», противостоящим «символу изобразительному». Это знак, так сказать сопричастный своему значению и каким-то способом реально участвующий в том, что он выражает, так что выражаемая им вещь присутствует в нём как в своём ином. Я подозреваю, хотя и не осмеливаюсь утверждать, что эта важная разновидность знака известна у нас благодаря имяславческим спорам нач. XX в. Во всяком случае в западных исследованиях по семиотике средневековья мы не найдем чего-нибудь похожего на концепцию «являющего символа», включая сюда наиболее представительную энциклопедию Познера, Роберинга и Себеока¹. Так что остается только гадать о степени достоверности тех исследований, которые составили средневековую главу этой энциклопедии.

Здесь на память приходит один показательный случай из области, смежной с экхартовской теорией знака. В своей статье «К основам теории мистической речи» лингвист,

¹ Semiotik. Ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur: in 3 Bd. Bd. 1. / Hrsg. von R. Posner, K. Robering, Th.A. Sebeok. B., N.Y., 1997.

медиевист В. Хауг сетует на бесплодность многолетних попыток многих западных экхартоведов описать средствами статистического учета тропов и стилистических фигур специфику экхартовского языка: «Итак, мистическую речь, – приходит к выводу В. Хауг, – имеет смысл анализировать и описывать не инструментально-феноменологически, но только исходя из её позиции и функции в пределах мистического богопознания»². Надо сказать, что прорыв здесь связан с В.Н. Топоровым, изучавшим в работе «Мейстер Экхарт-художник и “ареопагитическое” наследство»³ язык проповедей и метафизику языка рейнского Мастера, основываясь на традициях русского имяславия, явившегося, согласно устным высказываниям Топорова, попыткой перенести неоплатоновский, а точнее паламитский, эманационизм в область лингвистики. Такой подход помог обратить внимание на экхартовский «лингво-эманационизм», стадильно предшествующий русской ономадологии и ускользавший из сетей сколь угодно тщательного статистического анализа. Но вернемся к знаку.

Наиболее древние теории знака как правило связываются с позднеантичным и средневековым неоплатонизмом и его центральным понятием, именно эманационизмом. Неоплатоновский эманационизм был удачно описан в сочинении «Plato Christianus» австрийского религиоведа, историка философии Эндре фон Иванки: «Каждое существо – так можно было бы сформулировать этот основополагающий принцип неоплатоновской системы – каждое существо в любой сфере обладает стремлением произвести из себя отражение, которое бы относилось к нему наподобие того, как световой луч относится к источнику света. “Излучая” таким образом свою собственную сущность, оно сообщает ее, но в меньшей полноте бытия в сравнении с той, в какой оно само эту сущность имеет. Итак, существо пребывает, “покоясь” в себе (как источник луча), в свойственном ему состоянии бытия, коим наделено как таковое и искони, и все же одновременно “нисходит” (своим излучением) в бытийную область, низшую той, каковая ему в соответствии с его сущностью подобает, тем самым творя своим нисхождением ту самую бытийную область, к которую опускается, – так что та бытийная область, в совокупности присущих ей свойств, есть не что иное, как умаление, ограничение, “обессиливание” способа бытия, каковым является источник светолучения в его исконной полноте бытия. Но выстроенное указанным образом низшее существо в свою очередь само, из-за укорененной в нем излучающей силы, находящейся внутри всякого сущего, превращается в источник света для нового бытийного излучения, в котором его собственная сущность опять же отображается умаленным и ограниченным способом»⁴. Мы видим, что Иванка описал неоплатоновский эманационизм в его классическом дионисиевском, изводе: иерархию нисходящих светолучений. Однако, в XIV в. как на Востоке, так и на Западе в эту схему были внесены существенные изменения, по крайней мере, в области отношений Бога и человека. По независимым наблюдениям К. Флаша и о. И. Мейендорфа⁵, Иоанн Экхарт и Григорий Палама опрокинули порядок иерархии, составлявший у автора «Corpus Areopagiticum» «... необходимое и всеобщее посредство передачи Божественного “исхождения”», опрокинули в пользу непосредственного контакта Бога и человека.

С несколько другой стороны, проблема эманации раскрывается как знаменитая апория: «totus intus, totus foris», весь внутри, весь снаружи. Некогда сформулированная в § 98 прокловских «Основ теологии», эта апория явилась для XIV в. краеугольной. У Майстера Экхарта она стала основой всей его мистической доктрины, будучи развита в теоремах о различимости / неразличимости и подобии / неподобии Бога и мира. Бог вполне присутствует в сотворенном им мире, хотя полностью отсутствует в нем. Эта антиномия тождественна в глазах Экхарта антиномии знака: некоторого присутствия в нём его объекта, который, однако, сам по себе, в качестве вещи, в знаке отсутствует. При подобной постановке

² Haug W. Zur Grundlegung einer Theorie des mystischen Sprechens // Abendlandische Mystik im Mittelalter. Symposium Kloster Engelberg 1984, – S. 495.

³ Топоров В.Н. Мейстер Экхарт-художник и «ареопагитическое» наследство // Палеобалканистика и античность. М., 1989, – С. 219–252.

⁴ Ivanka von E. Plato Christianus. Übernahme und Umgestaltung des Platonismus durch die Vater. Einsiedeln, 1964, – S. 74.

⁵ Flasch K. Einleitung // Dietrich von Freiberg. Opera omnia: in 4 Bd. Bd. 1. Hamburg, 1977, S. XX. Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб., 1997. – С. 258–259.

вопроса учение о знаке по необходимости отождествляется с учением о бытии; онтология мыслится как процесс постоянного порождения знаков. В силу того, что этот процесс понимается как объективный, а не субъективный, нужно глубоко переосмыслить последние два из четырех упомянутых выше параметров Ч. Морриса, где говорится о конституирующей роли интерпретатора. Ибо, совпадая с генезисом мироздания, процесс образования знаков осуществляется помимо человека и вне его мыслительных интенций.

Последнее краткое замечание. Размышляя над структурой рассматриваемого нами знака, Й. Хейзинга отказывался возводить его только к неоплатонизму, справедливо полагая, что этот знак следует, скорей, возводить к пережиткам теллургических культов средневековой Европы, выродившихся в нач. XIII в., добавлю уже от себя, в карнавал. Флоренский тоже много говорил об «общечеловеческих корнях платонизма»... Так вот, в экхартовском отношении к знаку и слову очень много магизма; это жесткий, тяжелый, дремучий магизм: как травы и камни, «... слова имеют огромную силу, словами можно творить чудеса», – говорит Экхарт в проп. 18⁶. Что же это чудеса? – Не больше, не меньше, как «иметь над Богом полную власть», «дурачить», «понуждать» его и т.д. (проп. 20 a, b)⁷. Именно в том же ключе рейнский Мастер толкует древнееврейское учение о тетраграмме: «*jod-he-waw-he*», погружая при этом саму тетраграмму в стихию магии и мантики и уподобляя манипуляции с ней алхимии, геомантии, пиромантии и ремеслу звездочетов⁸.

Главная мысль, легшая в основу экхартовского учения о знаке, состоит в утверждении, что знака не существует («*Imago ... est non ens*»⁹). Подчеркнем: мысль о несуществовании знака отнюдь не является исходным по времени пунктом в рассуждениях рейнского мистика, от которого он впоследствии перешел к признанию существования знака. Нет, знака нет, он не существует. Все же прочие рассуждения о знаке возможны только при этом основополагающем допущении...

Знак не существует – так гласит основной тезис диспутации Майстера Экхарта «Является ли познание ангела, поскольку оно означает деятельность, его бытием». В этом труде мистик рассматривал знак как феномен зрения, обозначая его термином «*species*», немецкий эквивалент «*bild*». (Напомним, что в молодые годы Иоанн Экхарт участвовал в схоластических спорах, дискуссиях, проводимых на теологическом факультете парижской Сорбонны. В 1302 / 1303 гг. он провел по меньшей мере три таких дискуссии. В первой и второй из них – уже упомянутой: «Является ли познание ангела, поскольку оно означает деятельность, его бытием», и в другой: «Благородней ли хвала Богу на небесах, чем любовь к Нему на земле», – предметом доказательства стало отсутствие, не существование человеческого интеллекта и наличных в нем знаков внешней реальности. В третьей же диспутации: «Тожественны ли в Боге бытие и познание», теолог оспаривал самое существование Бога).

Итак, во всех этих спорах Экхарт исходил из того, что ни Бога, ни разума, ни символических форм, возникших при восприятии внешней реальности, всего этого не существует. Присмотримся к ходу экхартовских доказательств. Разум не есть что-либо из того, что он познает и что существует за его пределами. Стало быть, разум не определим главными характеристиками и понятиями бытия: в каждой своей частности *этого*, находящегося *здесь* и *сейчас*, всегда конкретного и отнесенного к тому либо иному роду и виду. Всё это к интеллекту неприложимо. Значит, последний не существует, он не есть, есть ничто. Дальше, «*Ens in causa sua non est ens*» – «Сущее в своей причине не является сущим». Сотворенные вещи в своих первопричинах, в качестве Божественных замыслов не существуют... Но такое положение представляет собой частный случай общего закона, гласящего, что в следствии вообще не имеется того, что есть в его причине. Тогда, если,

⁶ Meister Eckhart. Predigt 18. DW I, S. 306, 5–7. (Meister Eckhart. Die deutschen Werke: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Quint u.a. Stuttgart, 1936–2003).

⁷ Idem. Predigt 20 a, b: «*twinget*», «*vert? ret*». DW I, S. 328, 1–2; «*uberwindet*». DW I, - S. 345, 9.

⁸ Idem. Expositio Libri Exodi. P. 152. LW II, S. 136, 1–16. (Meister Eckhart. Die lateinischen Werke: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Koch u.a. Stuttgart, 1936–2007).

⁹ Idem. Utrum in deo sit idem esse et intelligere? P. 7. LW V, – S. 43, 14–44, 2.

существовая как следствие, тварные вещи предполагают не существующие причины их бытия, предвечные логосы и парадигмы, то, существовая как причина, тварные вещи обуславливают не существующие же следствия их бытия: идеи и знаки в нашем разуме, интеллекте. Немецкий богослов вполне логично перешел от одного предмета к другому: от несуществующего Божественного интеллекта, через существующие сотворенные вещи, к их несуществующим знакам в человеческом разуме.

Кроме того, что знак не существует – ибо как может существовать то, что не подпадает ни под одну из десяти аристотелевских категорий? – *знак не может существовать*. Определяя познание, предмет не является по отношению к знаку субъектом, сообщающим ему свое бытие. Предмет скорее дает бытие по смежности тем качествам, действиям, возможностям, состояниям, которые находятся при нем и характеризуют его. Но предмет снаружи, а его знак внутри познающего интеллекта. Поэтому-то знак не получает бытия от того предмета, который с его помощью познается, в отличие, скажем, от веса и цвета предмета, его протяженности, плотности, запаха. А теперь то же самое, через доказательство от противного. Если, допустим, знак есть то или иное сущее, то он – акциденция, поскольку – не сущность, предмет как таковой. Но, знак не есть акциденция в силу того, что всякая акциденция должна иметь свой носитель, субъект, сообщающий ей свое бытие. Находясь снаружи познающего разума, предмет, как уже было сказано, не может дать знаку своего бытия. Предмет для знака – не субъект, а объект... Тогда, может стать, знак берет бытие от того, внутри кого и чего он находится? Нет, ведь и душа по отношению к знаку – не субъект, а место его нахождения; место же, в отличие от субъекта, не дает бытия тому, что находится в нем; отсюда знак также не может получить бытия.

Итак, знак в разуме не существует и не может существовать. Но *знак и не должен*, ему не нужно существовать. В самом деле, если бы знак существовал бытием предмета познания, представляя собой одну из его характеристик, то он не стал бы принципом познания. Чтобы соответствовать своей цели знак не должен быть сущим. Будь он сам по себе существующим, это нанесло бы ущерб, а то и в целом свело бы на нет его способность к репрезентации. Ведь и в диспутации «Тождественны ли в Боге бытие и познание» Экхарт говорил: «Образ как таковой не является сущим, ибо чем больше присматриваешься к веществу, из коего он сделан, тем больше он отвлекает от постижения предмета, чьим он является образом (*imago*)». – Таковы экхартовские аргументы в защиту исходного тезиса, легшего в основу всего его учения о знаке: знак не существует, не может и не должен существовать.

А теперь, прежде чем перейти к следующему тезису, несколько слов о *не существовании*. Средневековое, неоплатоновское понятие о «*не сущем*» не тождественно современному и более или менее осознанно материалистическому. Не существовать – как не существуют Бог, знак, человеческий разум – это наличествовать не существованием предметов, но как-то иначе. Это наличие неопишимо посредством предикатов существования. Другими словами, если взять, скажем, икону, описать свойство её древесины, красок, техники изготовления, то знак, воплотившийся в этой иконе, ускользнет между этих предметных атрибутов и предикатов. Точно так же костер. Описание того, из чего он сложен, его величины и жара нам нисколько не скажет о том, что он есть знак приближающегося войска врага. Вещь, по Экхарту, может одновременно существовать существованием предметного субстрата и наличествовать наличием знака. Мыслитель четко различал знак и субстрат; в проп. 63 он говорит: «Если кто-нибудь нарисует на стене картину, то стена станет носителем картины (*ain enthalt des bildes*). Кто на стене полюбит картину, тот вместе с нею полюбит и стену, а кто уберёт стену, тот уберет и картину. Но ты убери стену так, чтобы картина осталась. И картина станет носителем себя самоё (*sein selbs enthalt*). Тогда тот, кто любит картину, будет любить только картину. Посему любите всё то, что достойно любви, а не то, в чем оно предстает достойным любви; и тогда ты будешь любить только Бога»¹⁰. Но как же сам Экхарт разводил на терминологическом уровне предметное существование и знаковое наличие вещи, как Экхарт помечал с помощью слов наличие Бога, знака и разума? – В соответствии с тремя методами богословия, отрицательным, положительным способами и «путем превосходства». Отрицательным спосо-

¹⁰ Idem. Predigt 63. DW III, – S. 78, 6–11.

бом не существующая наличность Бога, знака и разума обозначается как «non ens», «non esse» и «nihil»; положительным способом такая наличность означает термином «ли-йность» (anitas) Ибн Габироля, противопоставленным термину «что-йность» (quidditas)¹¹; «путём превосходства» она помечается как «бытие без бытия» (wesen ane wesen)¹², «чистота бытия» (puritas essendi) и бытие «в силе» ([esse] in virtute)¹³, т. е. виртуальное бытие. Современные языки предлагают свои синтаксические средства, чтобы разводить наличие и существование. Так фраза: «Es gibt Gott, er ist aber nicht», звучала бы вполне в духе экхартовских парадоксов. То же можно сказать о знаке и разуме.

Перехожу к формулировке второго тезиса экхартовского учения о знаке. После первого магистериума в Париже Майстер Экхарт был назначен периодом доминиканского монастыря в Эрфурте и викарием Тюрингии. Далее последовал период второго магистериума в Сорбонне 1311 / 1313 гг., когда Мастер работал над своим «Трехсторонним трудом»; страсбургский период 1314 / 1322 гг., когда, будучи куратором и духовником, Экхарт объехал с визитациями около 65 женских монастырей церковной провинции Тевтония, где и проповедовал перед монахинями, монашествующими бегинками и бегинами, простонародными мистами и экстатиками; наконец, период преподавательской деятельности в «Studium generale», высшей орденской школе в Кёльне, завершившийся инквизиционным преследованием Экхарта в 1325 / 1327 гг. и его смертью в Авиньоне весной 1328 г. Всё это время немецкий теолог, конечно же, развивал своё учение о знаке, ставшей, как я намереваюсь показать, краеугольным камнем, логической, вполне рациональной основой всей его мистической доктрины. Какие же изменения претерпела экхартовская теория знака? *Во-первых*, Мастер сильно расширил свои представления о процессе образования знаков (семиозисе). Теперь он изучает этот процесс не только на примере феноменов зрительного восприятия, но и на примерах произведения живописи, отражения в зеркале, а главное, на примере соотношения Отца и Сына, первого и второго лица св. Троицы. Вполне вероятно, такой подбор материала сегодня покажется диким. Однако, у него есть своя несомненная логика, а у привлекаемых феноменов – общий знаменатель. Ибо, о чём бы ни шла речь: о картине или о Сыне, это является представителем, обнаружением посторонней реальности. И этого Экхарта совершенно достаточно. Напомню, что в составе связного целого, любая часть наделяется смыслом от целого и воспринимается в его свете. В стилистике контекст управляет фразой, а не фраза контекстом. Экхартовское учение о знаке полностью подчинено опыту «unio mystica», являясь рациональным доказательством его достижимости и подлинности; но оно и развито ровно настолько, насколько этого требует опыт мистического единения с Богом. *Во-вторых*, Мастер заменил термин «знак» (species) термином «образ» (imago), который опять-таки передал с помощью немецкого «bild». Все эти термины взаимозаменяемы, сплошь и рядом разъясняются друг через друга, снабжаются общим набором предикатов, обнаруживающими сходные черты функционирования стоящих за ними разнородных феноменов: «получать» (accipio, empfangen) нечто от своего первообраза (exemplar) и затем «выражать» (exprimo), «отражать» (erbilden) такое нечто вовне. *В-третьих*, Экхарт перешел к положительной характеристике знака и образа. В самом деле, вдоволь поупражнявшись в доказательствах того, что ни того, ни другого не существует, он мог с легким сердцем приступить к доказательству их существования. *Образ существует*, пусть и каким-то странным существованием, это и есть второй тезис построений Майстера Экхарта. Понять эту смену точек зрения на образ – с «ничто» на «нечто», готовому к любому содержательному наполнению, – можно только в том случае, если помнить о гипотетической структуре экхартовского философствования и уяснить, что речь следует о смене оперативных методов рассуждения, с отрицательного на положительный. Ведь Экхарт никогда в простоте сердца не описывает реальности, но «берет» их (nemen), себя и Бога так или иначе: «als wir got nemen..., so nemen wir in...», «если мы возьмем Бога..., то возьмем Его...», говорит он в проп. 9¹⁴; – пусть образ будет «ничто» среди сущего и пусть ему неприложимы атрибуты и предикаты существования, но чем бы он ни был, это «нечто» должно быть как-то устроено.

¹¹ Idem. Expositio Libri Exodi. P. 18. LW II, – S. 23, 12–24, 3.

¹² Idem. Predigt 71. DW III, – S. 231, 2.

¹³ Idem. Utrum in deo sit idem esse et intelligere? P. 9. LW V, S. 45, 13; p. 10. S. 46, 5–6.

¹⁴ Idem. Predigt 9. DW I, – S. 150, 1.

Как сказано, к новому, положительному методу рассмотрения образа Экхарт перешел, изучая отношения первого и второго лиц Троицы, Отца и Сына. Их отношениям посвящены многие отрывки экхартовских немецких и особенно латинских произведений, но как отношения означающего и означаемого (*signum, signatum*) они рассмотрены, как кажется, только в пп. 23–27 «Толкования на Евангелие от Иоанна»¹⁵.

Что же в этой связи говорит доминиканский теолог об образе? Образ, поскольку он образ, не берет ничего от вещественного носителя, в котором он закреплен; «всё своё бытие» (*totum suum esse*) обретает он от предмета, чьим он является образом. И ещё раз: образ получает бытие от объекта; он принимает у объекта не какое-нибудь (скажем, вещественное, предметное), а то самое бытие, в силу которого объект представляет собою прообраз. Если бы образ обретал свое бытие от чего-то другого либо не обрел бы чего-нибудь от прообраза, то он стал бы образом чего-то другого. Далее: образ – в прообразе, ведь он в нем получает свое бытие, прообраз же – в образе, но, повторю, только в том смысле, в каком «прообраз являет собою прообраз» и ни в каком ином (например, в том смысле, что он является телом: человеком или предметом). Поэтому, прообраз и образ суть как таковые единые: первый – производя и порождая, а второй – будучи порожден и произведен, оба же – имея бытие друг во друге. Такое произведение и порождение образа есть «формальное истечение» (*formalis emanatio*). Прообраз и образ могут существовать только одновременно, они «соаева», одного и того же возраста. Они, наконец, никого не знают, за исключением друг друга, ибо принципы, в данном случае единого, бытия тождественны принципам знания.

Если в пределах первого тезиса знак, образ отнюдь не получает своего бытия от объекта, то в пределах второго тезиса он получает бытие именно от объекта. Приведу несколько цитат из латинской 49 и немецкой 16 проповедей Экхарта, дабы закрепить эту последнюю мысль и приступить к её обсуждению: «Образ как таковой, по своему понятию (*intellectu*), не может быть отделен от того, образом чего он является»¹⁶. «Образ в собственном смысле есть простое истечение (*emanatio simplex*) в соответствии с формой, посредством которого сообщается целиком чистая и обнаженная сущность. – Так созерцает сущность метафизик, исключая содетельную и целевую причины, составляющие для физика основание при созерцании естеств... Образ есть истечение из сокровенного в молчании и исключении всего, относящегося к внешнему»¹⁷. «Когда из дерева прорастет какая-нибудь ветвь, то она обладает именем и сущностью этого дерева. Что из него выходит, то в нем остается. И что в нем остается, то из него выходит; так ветвь становится образом себя самоё»¹⁸.

Ещё два примера. «Нельзя было бы утверждать, – пишет Экхарт в латинской проп. L, – что я вижу человека либо [какой-то] цвет, если бы образ (*species*) цвета или даже сам цвет, но в ином бытии (*sub alio esse*), или скорей то же бытие, но иным способом (*sub alio modo*) не присутствовало в глазу»¹⁹. «Образ (*imago*) присутствует только в просветленном разумом естестве, где одно и то же возвращается “в полном обращении” к себе и где Рождающий по отношению к Рожденному, или побегу, есть Он же Сам в Своем ином (*in se altero*), обретая Себя в Своем ином (*in se altero*) как иное Себе (*se alterum*)», – пишет Экхарт в латинской проп. XLIX²⁰, размышляя о свойствах образа уже не в сфере зрительного восприятия, а в области троичных отношений...

Рассуждая о единстве означающего и означаемого, богослов касается и некоторых особенностей их взаимосвязи²¹. – В духовных вещах, в отличие от телесных, одно содержится в другом: бочка не пребывает в вине, но вино находится в бочке; – образ же, т.е. духовный сосуд, пребывает в том, образом чего он является, и это, духовное содержимое, находится в образе... Что воспринимает есть то, что воспринимается... Здесь имеется из-

¹⁵ Idem. *Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem*. P. 23–27. LW III, – S. 19, 3–21, 13.

¹⁶ Idem. *Sermo XLIX / 1*. P. 505. LW IV, – S. 421, 11–12.

¹⁷ Idem. *Sermo XLIX / 3*. P. 511. LW IV, – S. 425, 14–426, 3.

¹⁸ Idem. *Predigt 16 a*. DW I, – S. 259, 14–21.

¹⁹ Idem. *Sermo L*. P. 513. LW IV, – S. 430, 1–4.

²⁰ Idem. *Sermo XLIX / 2*. P. 510. LW IV, S. 425, 5–8.

²¹ Idem. *Predigt 16 b*. DW I, – S. 263–276.

вестная связь, не сводящаяся к тождеству, хотя и не существующая без него. И два яйца, при всей их тождественности, не будут без этой связи образами друг друга, ибо, «что должно быть образом иного, то должно исходить из его естества, должно рождаться от него и быть ему тождественным». Бытие прообраза сообщается образу без воли, помимо прообраза; это есть некое естественное исхождение (*hat einen natürllichen uzganc*). И хочу я того или нет, изучаю ли я свое отражение, но если я стою перед зеркалом, то я в нём отражаюсь, даже в том случае если от него отвернусь. Не иначе Отцом порождается Сын, не по свободному произволению, а из «плодоносности Отцова естества». Экхарт не устает повторять: в силу совершенно особенных, отношений образ не суммируется и не соплагается с прообразом, в противоположность тому, как полагаются рядом субстанции. Наряду с требованием к образу быть точным, разграничением значения образа и его вещественного субстрата (краски, камня), ни в коей мере не принадлежащего к существу самого образа, все эти соображения уточняют главное и жизненно важное для Майстера Экхарта обстоятельство: «Образ есть выражение (*expressa*) и истечение (*effluxa*) того, образом чего он является»²².

Теперь, когда собраны и упорядочены аргументы рейнского Мастера в защиту каждого из двух тезисов, – а именно того, что знак не существует и не получает бытия от объекта и что он существует и получает бытие от объекта, – нам надо в этой аргументации тщательно разобраться. Что и говорить? Экхарт интуитивно нащупал и по-своему выразил одну из фундаментальных особенностей знака, внесенных сегодняшней семиотикой в его дефиницию. Знак есть материально-идеальное образование, формирующееся в особом процессе и существующее лишь в его пределах. Такой процесс называется семиозисом. Там где иные различали две, он различал *четыре позиции*, по паре для означаемого и означающего. Перечислим их. – Для означаемого: 1) вещь сама по себе, замкнутая в своем предметном существовании; 2) вещь «*in quantum exemplar est*», наличествующая для иного: не в полноте своего предметного существования или состава, какова она есть сама по себе, но в меру её явленности иному в качестве первообраза. Для означающего: 1) вещь как таковая, существующая в своем предметном составе; и 2) вещь «*in quantum imago est*», наличествующая в таком качестве по отношению к своему первообразу, за его счет и в меру его обнаружения в ней. В пределах указанных позиций тончайший диалектик Экхарт снимает противоречие обоих тезисов: «образ как образ», а не как предмет–субъект, в котором закрепляется образ, берет свое бытие (или «бытие без бытия» и бытие «в силе») от «прообраза как прообраза», а не от предметного носителя, объекта, в котором закреплен первообраз, иначе бы он имел бытие акциденции. Утверждая сначала, что знак не получает бытия от объекта, а затем утверждая, что образ получает бытие от объекта, Экхарт вовсе не противоречит себе. Он берет, следуя главному закону античной и средневековой диалектики, «бытие» и «объект» в разных значениях: «бытие» – как предметное бытие вещи и как виртуальное бытие образа, «объект» – как вещь или прообраз. Экхарт снимает противопоставление первого и второго тезисов в синтезе своего учения.

Расставив точки над *i*, тщательно разъяснив свою мысль, рейнский Мастер теперь может перейти к обоснованию важнейшего различия в своей теории образа, знака. Такое различие вполне логично следует из сказанного выше, но едва ли знакомо современной культуре. Правда сначала, чтобы быть правильно понятым, он возвращается на полшага назад, к тому, что уже было доказано. Объект и его изображение как вещи различны, однако как прообраз и образ тождественны: «Когда лицо окажется перед зеркалом, – говорит мистик в проп. 16 b, – то лицо должно в нем отразиться, хочет оно того или не хочет. Естество же (*nature*) не воображается в образ на зеркале, а рот, нос и глаза и все очертания лица – это в зеркале отразится»²³.

Но что сказать о Боге и разуме человека, которые не имеют вещественного субстрата и которые не сделаны из чего-то. Ведь они не существуют, но только наличествуют, Бог – в качестве «*exemplar in quantum exemplar est*», а разум – в качестве «*imago in quantum imago est*». Они и общаются как не сущие: в полной мере и без какой-либо внешней, предметной помехи. «Ибо сие Бог сохранил лишь для Себя: в чем бы ни отра-

²² Idem. Sermo XLIX / 2. P. 509. LW IV, S. 424, 9–10.

²³ Idem. Predigt 16 b. DW I, – S. 266, 2–5.

жаться, в то вполне и произвольно воображать Свое естество и всё, что Он есть и способен подать»²⁴. И ещё раз: это важнейшее различие двух разновидностей знака логично следует из экхартовской постановки вопроса о знаке: если предмет и его образ в зеркале и на стене не могут объединиться и слиться вполне, поскольку имеют разное предметное бытие, то Бог и душа, такого бытия не имея и не будучи сделаны из чего-то, могут объединиться и слиться в полную меру. «Естество Бога заключается в том, чтобы Себя сообщать всякой доброй душе, естество же души заключается в принятии Бога... И тогда душа несет в себе образ Божий и подобна Богу»²⁵. Совершенно очевидно, что отсюда уже подать рукой до мистики рождения Слова в душе, ведь, лишенное в представлении Экхарта физического субстрата, звучащее и слышимое слово тождественно своему значению; об этом Мастер рассуждает в проп. 38: «Когда какое-то слово воспринято моим рассудком, оно так тонко и чисто вначале, что это – подлинно слово до тех пор, покуда в моей мысли оно не превратится в некий образ (*e ez gebildet werde*), и только, в-третьих, оно выговаривается ртом, и тогда это лишь выявление сокровенного слова. Слово выговаривается внутренне: в сердце души, в её сокровенном и наиболее чистом. В голове же души, в разуме её – там совершается это рождение»²⁶.

Будучи верен своему обычному методу: описывать явления в мире «духовных вещей», опираясь на явления в мире телесном и отталкиваясь от этих явлений, Экхарт дает, по отличию от отражения в зеркале и изображения на стене, свое собственное определение знака: «*Est idem in natura, differens in modo essendi: hinc genita, illinc gignens*»²⁷, т.е. единое по природе и разное по способу бытия, с одной стороны порожденное, а с другой порождающее. Странное дело, но эта подозрительная риторика: «*genita*», «*gignens*», обычно используемую для описания однородных сущностей, в данном случае прообраза и образа, нимало не свидетельствует в пользу экхартовского пантеизма.

Конечно, рейнский мистик оказался в весьма сложном положении. По существу он утратил возможность разграничивать означаемое и означающее, божественный прообраз от его образа в разуме человека. Не имея объективных критериев, он был вынужден волевым усилием дозировать меру явления Бога в образе. Он так и говорит в проп. 16 b: «Это естественный образ Божий и Бог естественным способом запечатлел его во всех душах. Большого образу я никак приписать не могу. Если бы я придал ему что-нибудь большее, то это уже был бы Сам Бог, но сие Ему не годится»²⁸. Однако здесь на выручку Экхарту пришел его ученик, констанцкий доминиканец Генрих Сузо, предложивший в «Книжице Истины», посмертной апологии учителя, составленной в 1329 / 1330 гг., *пару* технических терминов: «различение» (*underscheidenheit*) и «разделение» (*underscheidung*). «Разделение есть нечто иное, чем различение. Как известно, тело и душа нераздельны, ведь одно пребывает в другом, и ни один член не может быть жив, будучи отделен. Но душа отлична от тела, ведь ни душа не является телом, ни тело душою»²⁹... Сузо умерил радикализм экхартовского учения о знаке. Играя терминами «различение» и «разделение» он показал, как нужно описывать не сплошное, но прерывистое разворачивание самой по себе незатронутой сущности.

Теперь, во второй части моей статьи я попробую ответить на вопрос о том, какое место занимает теория знака в богословии Экхарта в целом. Является ли эта теория одним из второстепенных сюжетов, развиваемых параллельно с учением «*unio mystica*» и в стороне от него, своего рода аппендиксом, малозначительной и любопытной безделкой, или же дело обстоит как-то иначе? Позволю себе краткое отступление.

Стараниями крупнейших западноевропейских специалистов Эндре фон Иванки, Раймонда Клибански, Вернера Байервальтеса, специалистов из ТУ Брауншвайга Клауса

²⁴ Ibidem. DW I, – S. 266, 5–7.

²⁵ Ibidem. DW I, – S. 265, 1–4.

²⁶ Idem. Predigt 38. DW II, – S. 229, 5–230, 1.

²⁷ Idem. Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem. P. 367. LW III, – S. 311, 14–312, 7.

²⁸ Idem. Predigt 16 b. DW I, – S. 268, 11–14.

²⁹ Heinrich Seuse. Das Buch der Wahrheit. Kap. 7. S. 60, 80–85. (Heinrich Seuse. Das Buch der Wahrheit / Hrsg. L. Sturlese, R. Blumrich. Hamburg, 1993).

Шайера и Дирка Вестеркампа, старанием этих и других ученых в последние десятилетия пересматривается роль платоновского «Парменида» в истории античной и средневековой мысли³⁰. Их исследования представляют собой новую страницу сравнительно с изучением роли другого позднего диалога Платона, именно «Тимей». Взаимосвязь обоих диалогов достаточно хорошо изучена и в России. Если, согласно А.Ф. Лосеву, «Тимей» содержит в себе систематический очерк платоновской онтологии, то «Парменид» предлагает разработку её конструктивно-логической стороны. «Парменид» разрабатывает ряд логических критериев, необходимых для анализа процесса, который изображается в «Тимее». Такой процесс состоит в соединении «образцов» (*par? deigma*) и «материи» (*sega*) в одно целое, при этом само соединение описывается с помощью глаголов порождения «*g...gnomai*», «*genn?w*». Как известно, «Тимей» стал известен средним векам благодаря переводу Халцидия 1 пол. IV в. В эпоху позднего средневековья «Тимей» переводится второй раз Вильгельмом фон Мёрбеке, который в кон. XIII в. переводит и «Парменида». Однако, платоновский «Парменид» и без того был известен средневековым схоластам благодаря его «Толкованию» и «Платоновской теологии» Прокла, впоследствии интерпретированным Псевдо-Дионисием. В кн. VI Прокл ограничивается разработкой первой гипотезы «Парменида», отрицательного метода, в кн. I «Платоновской теологии» он рассматривает уже три гипотезы, которых всего насчитывает девять³¹. (Напомню, что в современной науке насчитывается восемь гипотез.)

По-видимому, Экхарт знал платоновского «Парменида» либо непосредственно в переводе Мёрбеке, либо в парафразах на этот перевод. Скорее последнее; – за такое опосредованное знакомство говорят некоторые *параллельные места* из текстов Платона и Экхарта, к примеру: «Если нет Бога, то нет ничего» (*Si deus non est, nihil est*, п. 13 «Общий пролог к Трехчастному труду») – «Если единое не существует, то и иное не существует» («*Еп... е, m? ? sti, t«lla oUte ? stin*» («Парменид», гипотеза 9)³² и др. Однако, гораздо важнее глубокая экхартовская укорененность в многовековой, идущей от «Парменида» традиции, контуры которой, в виду недостаточности и малой изученности материала, остаются весьма и весьма размытыми. Если поэтика экхартовских проповедей, направленных острием своих парадоксов на сермяжный здравый смысл, в целом родственна поэтике диалогов Платона, то логика экхартовских схоластических опусов родственна логике платоновского «Парменида». В этих опусах рейнский Мастер уравнивает антиномию причастности / не причастности Бога тварному миру с антиномией знака: некоторого присутствия в нём его объекта, который сам по себе, как вещь, в знаке отсутствует. Экхарт выдвигает для описания такой антиномии ряд гипотез; непротиворечивые внутри себя самоё, они противоречат друг другу. Гипотетическая, но не систематическая и не эклектическая, структура мысли – вот что делает Майстера Экхарта *Парменидом средневековья*.

Схоластические трактаты Экхарта, с их чередой соподчиненных силлогизмов и теорем, напоминают алгебраические решебники. Бесстрастные, – им знаком лишь драматизм красиво разворачивающейся мысли и любованье ею. Поэтика Экхарта – это поэтика парадокса, эксперимента, провокации, хулиганской выходки то ли шута, то ли юродивого дурака. Принципы эстетики Экхарта сродни принципам *haute couture*, с её предельным заострением конструктивной идеи. Логика Экхарта – это сверх-логика, последовательно разворачивающаяся в борении противоречивых гипотез...

Позволю себе ещё на минуту задержаться на платоновском «Пармениде», чтобы затем вернуться к экхартовской теории знака. Итак, в «Пармениде», по Проклу и соглас-

³⁰ Klibansky R. The Continuity of the Platonic Tradition during the Middle Ages. Plato's Parmenides in the Middle Ages and the Renaissance, N.Y., 1982.

³¹ Согласно современной традиции (Cornford P. Plato and Parmenides. L., 1939.), в платоновском «Пармениде» насчитывается 8 гипотез. Однако, в средние века, вслед за Проклом («Платоновская теология», I, гл. 12) их насчитывали девять, разбивая гипотезу, известную нам как вторую (142 b – 157 b), на две: вторую (142 b – 155 e) и третью (155 e – 157 b), причем вторая гипотеза считалась прообразом положительного богословия, а третья прообразом так называемого «пути превосходства» («*via eminentiae*»). См. об этом: Beierwaltes W. Das seiende Eine. Zur neuplatonischen Interpretation der zweiten Hypothese des platonischen «Parmenides» // Proclus et son Influence. Zurich, 1987, – p. 287–297.

³² Meister Eckhart. Prologus generalis in opus tripartitum. P. 13. LW I, S. 158, 9. Платон. Парменид. С. 115 (166 c). (Platon. Parmenide. Oeuvres completes. T. 8, Paris, 1991.)

но средневековой науке, *девять гипотез*. Выдвигая свои гипотезы, Платон по-разному соотносил единое и иное – при том условии, что кроме этой пары ничего нет и что единое и иное могут определяться лишь друг относительно друга. Так вот, если в гипотезах 1 (137 c–160 b) и 5 (159 b–160 b) единое и иное берутся сами по себе, без системных связей, вне взаимного ограничения–определения, то они будут друг для друга «ничто» и «ничто»; у Майстера Экхарта не соотнесенные «niht» Бога и «niht» твари. Если же в гипотезах 2 (142 b–155 e) и 4 (157 b–159 b) единое и иное берутся в паре, с системными связями, во взаимном ограничении и определении, то они становятся друг для друга «нечто» и «нечто»; у Экхарта «iht» Бога и «iht» твари. «Все творения суть чистое ничто, – говорит мистик в проп. 4; – я не говорю, что они малоценны либо вообще являются чем-то, они – чистое ничто. Что не имеет бытия, то и есть ничто. Все творения не имеют бытия, ведь их бытие парит в присутствии Божьем»³³. В тех пассажах, где Бог Экхартом определяется как «ничто», тварь как правило тоже представляет собою «ничто»; где же Бог является «нечто», тварь также становится «нечто». Здесь уместно вспомнить исключительно остроумную догадку о. С. Булгакова из книги «Свет Невечерний»: «Бог есть нечто производное из Gottheit и совершенно соотносительное твари, есть порождение дифференциации Gottheit. Потому ему столь же присущ характер относительности и преходящести, как и твари»³⁴. Тогда как именем «ничто» у рейнского Мастера называются неведомые сущности, имя «нечто» прилагается для описания их взаимодействия и, следовательно, обнаружения... Кажется, в дионисиевой апофазе и катафазе этот логический каркас был значительно деформирован; и Экхарт вернулся к до-дионисиевскому отрицательному и положительному методам. Во всяком случае та составляющая знака, которую мистик отказывался описывать в предикатах существования и которую в духе дионисиевской апофазы называл «ничто», – эта составляющая, в контексте платоновского «Парменида», стала заслуживать, чтобы о ней говорить, что она есть и принадлежит бытию, хотя и совсем в новом смысле. Так что технический термин «быть», для простоты используемый вместо неуютного «бытия без бытия», брался Экхартом не только в качестве иносказания и условной замены.

А теперь – обратно к экхартовскому учению о знаке, которое может быть понято только в свете платоновского «Парменида». Экхарт берет единое и иное, Бога и тварь в паре, в их обоюдной соотнесенности и во взаимной актуализации: когда они, будучи сначала друг для друга «ничем» и никак друг для друга не существуя, затем определяются только друг относительно друга и становятся друг для друга «нечто» и «чем-то», обращаясь, впрочем, друг к другу не в качестве самостоятельных, полноценных и независимых сущностей, но в меру их явленности друг другу, иначе говоря, единого, Бога «как прообраза» и иного, твари «как образа». Эта-та взаимная соотнесенность, интенциональность (Экхарт любил глагол «intendere») является сокровенной сутью того «бытия без бытия», которым характеризуется обретающееся по ту сторону существования наличие знака.

Если же перейти к этой самой *интенциональности*, то она толкуется рейнским мистиком, во-первых, как пустота, предельная бессодержательность, а, во-вторых, как активное стремление к пассивному претерпеванию; – мистик так и писал в своей знаменитой «Книге Божественного утешения»: постоянное страдание, а не страдание–в–прошлом или страдание–только–в–намерении³⁵ ... А вот что говорит Мастер в п. 424 своего «Толкования на Евангелие от Иоанна». «Что состоит в отношении [с чем-то иным], то имеет обыкновение и свойство быть не для себя и к себе, а не быть для себя: быть для иного, иным и к иному. Посему чем больше оно не принадлежит себе, тем больше принадлежит себе, и чем больше принадлежит себе, тем меньше принадлежит себе. Ведь быть для себя и собой – это быть не для себя, а иным»³⁶, в том смысле, как живут и существуют не собой, но другим – существованием и жизнью другого. Разумеется, эту основную для себя мысль Экхарт мог излагать, прибегая к аристотелевским построениям, свя-

³³ Meister Eckhart. Predigt 4. DW I, - S. 69, 8–70, 3.

³⁴ Булгаков С. прот. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001. - С. 255.

³⁵ Meister Eckhart. Daz buoch der gotlichen tr? stunge. Kap. 2: «geliten-han», «noch-liden-suln». DW V, – S. 39, 8–40, 6.

³⁶ Idem. Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem. P. 424. LW III, – S. 360, 9–13.

занным с «первой материей», к образам Маймонида, в том числе образу «непостоянной и беспокойной жены» из Притч царя Соломона³⁷, или пользуясь сравнениями с супружескими отношениями³⁸. Эту же страсть и возжелание к претерпеванию Экхарт мог иллюстрировать в своих проповедях с помощью образов мифо-поэтического ряда, спонтанно вырабатываемого его подопечными монахинями и бегинками, предававшимися в своих молитвах, песнопениях и созерцаниях отважным и изысканным эротическим фантазиям.

Итак, *поскольку пуст – постольку наполнен*, пожалуй, что так можно было бы сформулировать прямую пропорцию, выработанную в недрах экхартовского учения о знаке и образе. «Ничего не иметь значит всем обладать», – говорит Экхарт в проп. 15³⁹; ведь чем более пуст, тем более полон, *inquantum – intantum, als – als*. Такая пропорция наиболее точно описывает соотношение выступающих навстречу друг к другу и взаимно открывающихся «единого» и «иноного». Эта пропорция пронизывает собой и всё богословие рейнского Мастера.

Взять хотя бы этику и учение об «отрешенности» Майстера Экхарта. «Вы часто спрашиваете, – обращается он к своей пастве в проп. 16 b, – как вам следует жить? Так вот, теперь потрудитесь об этом послушать; посмотри, точно так же, как здесь говорилось об образе, тебе и следует жить»⁴⁰. Как это понимать? – Из той же проповеди: «Образ не из себя и не для себя, а от того в собственном смысле, чьим является образом. И он принадлежит тому в полной мере, от кого берет свое бытие, и есть то же самое бытие»⁴¹. Теперь этот же принцип, но уже в области нравственного жизнеустройства: «Ты должен быть из Него [т.е. Бога, – *М.Р.*] и должен быть для Него и должен быть не из себя и должен быть не для себя и не должен никому принадлежать»⁴². Целью аскезы, опрощения, отсечения помыслов является уподобление человека первой материи, выскобленной доске для письма, не имеющими своего образа и готовыми означиться любыми напечатлениями Бога. Человеку нужно стать бескачественным носителем того знака, которому предстоит в нем обнаружиться.

Ровно то же мы наблюдаем в экхартовской гносеологии и теории Богопознания: пустота и активная устремленность к тому, чтобы быть предельно пассивным и в такой пассивности постоянно претерпевать наполнение извне. Экхарт так и говорит в проповедях: «Эта или та сущность не являются всеми вещами, ибо до тех пор, пока я – то или это или имею то или это, я не являюсь всеми вещами, и не обладаю всеми вещами. Сделай так, чтобы не быть тем или этим и не иметь то или это, тогда ты станешь всеми вещами и будешь обладать всеми вещами. И ещё: если ты – не здесь и не там, то ты – везде. Итак, если ты – не то и не это, то ты – все вещи»⁴³; «Здесь нет ни “до”, ни “потом”, здесь всё сплошное “сейчас”, и в этом сейчас длящемся созерцании я обладаю всеми вещами»⁴⁴. Российские исследователи экхартовского творчества, Н.О. Гучинская и В.Н. Топоров, выдвинули на этой основе принципы новой герменевтики. Их мысль сводится к тому, что внутренние правила языка, подвергающегося описанию, организуют не только его; по мере того, как он подвергается стороннему описанию, он начинает формировать и язык, осуществляющий это самое описание, он проникает в него. Это возможно при том, однако, условии, что осуществляющий описание язык по возможности опустошен от своей образности и концептуальности.

Кратко остановлюсь на центральном в теологии Майстера Экхарта учении о праведности и праведнике. Это учение затронуто во многих его латинских и немецких сочинениях, но наиболее полно в гл. 1 «Книги Божественного утешения»⁴⁵ и в п. 14–22 «Тол-

³⁷ Idem. *Expositio Libri Genesis*. P. 33, LW I, - S. 210, 13–15. Маймонид. Путеводитель растерянных. III, гл. 8, с. 345. (Моше бен Маймон (Маймонид). Путеводитель растерянных. Иерусалим, Москва, 2003).

³⁸ Idem. *Liber Parabolarum Genesis*. P. 28–33, LW I, - S. 497, 13–501, 13.

³⁹ Idem. *Predigt 15: «niht enhaben das ist allu ding haben»*. DW I, - S. 244, 7–8.

⁴⁰ Idem. *Predigt 16 b*. DW I, - S. 271, 1–2. Ср. Зах 14, 9.

⁴¹ Ibidem. DW I, - S. 269, 6–8.

⁴² Ibidem. DW I, - S. 271, 2–4.

⁴³ Idem. *Predigt 77*. DW III, - S. 335, 8–336, 6.

⁴⁴ Idem. *Predigt 24*. DW I, - S. 423, 6–8.

⁴⁵ Idem. *Daz buoch der gotlichen tr? stunge*. Kap. 1. DW V, - S. 9, 4–10, 20.

кования на Евангелие от Иоанна»⁴⁶. Выделяемые здесь четыре позиции в точности соответствуют означенным выше четырем тезисам о знаке и вместе с тем четырем гипотезам «Парменида», соответственно, 1 и 5, 2 и 4. Ибо у Мастера выделяется, первое, «Ничто» Божества, взятое вне пары с тварью, иным: «Бог действует, Божество же не действует; у Божества нет необходимости действовать, в Нем нет никакого действия, Оно всегда отвергало всякое действие. Бог и Божество различаются действием и бездействием»⁴⁷, – говорит в одной из проповедей Экхарт. Во-вторых, выделяется Бог в его обращенности к твари, иному и известный в этом качестве под именами не рожденных: Праведности, Святости, Мудрости, Благостыни, Истины и пр. В-третьих, выделяется Праведность, Святость, Мудрость и пр. рожденная и укорененная в праведном человеке, она же есть по отношению к этому человеку праведник «как таковой» (*ut sic*). И, наконец, в-четвертых, выделяется сам по себе праведный человек, темный и мутный праведник «в себе» (*in se ipso*), – предметный субстрат для явленной в нём и ему онтологически инородной праведности; к ней праведник должен стремиться, углубляясь от себя «в себе» (*in se ipso*) к себе «как таковому» (*ut sic*). Очевидно, в данном построении не рожденная Праведность и рожденная Праведность (праведник «как таковой») есть не что иное, как хорошо знакомые нам «*exemplar in quantum exemplar*» и «*imago in quantum imago*»...

Широко известно экхартовское учение о сущности души. В латинских и немецких трудах Мастер наделяет её многими именами, в том числе: «ничто», «нечто», «сила», «крепостца», «прибежище», «стража», также «уста», «сокровенное», «вершина» души, «синтересис» и, наконец, знаменитая «искорка» (*vunkelin der redelicheit*). Экхарт – проповедник насквозь мифопоэтичен. Как отмечал ещё Топоров, используемые Мастером образы в то же время являются концепциями, ибо продумываются в понятиях логикодискурсивного ряда. Это в первую очередь касается и «искорки». Её образ ещё не присутствует ни в ранних проповедях времен «Речей наставлений», ни в проповедях среднего периода, произнесенных Экхартом в бытность провинциалом Саксонии и вошедших в сборник «Рай разумной души». Образ «искорки» присутствует в страсбургском и кельнском циклах и позаимствован Экхартом из духовной поэзии монашенок и бегинок. Так вот, «*vunkelin*» – не что иное, как «*imago in quantum imago*» и «*iustus ut sic*». «Искорка» есть то же самое, что «образ как образ» и «праведник как таковой». И даже присущая «искорке» двойственность тварности, в смысле сотворенного Богом субстрата души, в котором она закреплена, и нетварности, в смысле её свободной ответной активности, направленной к Богу, есть именно двойственность знака, этого материально-идеального образования, о чём было достаточно говорено выше... На подступах к учению об искорке Экхарт не забывает сказать, что Бог общается с вещами сотворенного мира иначе, чем с человеком, на что, между прочим, не обратил никакого внимания В.Н. Лосский. «Бог присутствует во всех вещах. Но поскольку Бог Божествен и поскольку Бог наделен разумом, Бог нигде не пребывает в столь подлинном смысле, как в душе и в ангеле, если хочешь, в глубочайшей глубине души и в высочайшей вершине души», – утверждает мистик в проп. 30; «Его [Бога] действие в человеке иное, чем в камне», – вторит себе мистик в трактате «Об отрешенности»⁴⁸. Но ведь это деление в точности соответствует несовпадению двух разновидностей знака: отражения в зеркале и явленности Бога в душе, о чем тоже было сказано выше. «Бог присутствует во всех творениях существенно, деятельно, властно. Хотя рождающим образом Бог присутствует только в душе. Душа по своему естеству образована (*gebildet*) наподобие Бога. Сей образ (*diz bilde*) должен быть украшен и исполнен этим рождением. Оно дело, то бишь рождение, не может воспринять никакое творение, но только душа»⁴⁹. Общение Бога и сотворенных вещей Экхарт описывает посредством аналогической символизации, призванной отразить взаимную связь разнородных явлений. Общение Бога и человеческого интеллекта он описывает средствами символизации соименной, унивокации, отражающей взаимодействие однородных явлений.

⁴⁶ Idem. *Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem*. - P. 14–22. LW III, - S. 13, 4–19, 2. См. также тезисы о Святости и святом: *Liber Parabolarum Genesis*. - P. 69–71. LW I, - S. 535, 4–537, 9.

⁴⁷ Idem. *Predigt 56 (Pf.)*. S. 181, 10–13. (*Deutsche Mystiker des 14. Jahrhunderts* / Hrsg. von Fr. Pfeiffer. Bd. II. Meister Eckhart. Lpz., 1857.)

⁴⁸ Idem. *Predigt 30. DW II*, S. 94, 9–95, 3.

⁴⁹ Idem. *Predigt 2 (Pf.)*. S. 11, 6–10.

А теперь меня могут спросить, а зачем, собственно говоря, я всё это доказываю? – Да затем, чтобы показать, что Майстер Экхарт развивает всюду: в этике и богопознании, учениях о праведнике и о «синтересис», один и тот же сюжет, а именно сюжет, подробно рассмотренный нами в связи с теорией символа, знака. Все эти, пронизывающие друг друга и едва лишь начинающие выделяться, области синкретической теологии рейнского Мастера насквозь и в полной мере семиотичны. Экхарт разворачивает перед своими студентами и паствой главную, одну-единственную мысль – хотя и в различных регистрах и разных терминологических системах, стремится донести всего лишь одну интуицию: «образа как такового», «праведника как такового», «искорки разума» и т.д. Эти терминологические системы и относительно самостоятельные области экхартовской мысли могут быть в различной степени разработаны, тяготея к логико-дискурсивному или мифопоэтическому способам выражения. Наиболее же развитой из таких областей остается, конечно, теория знака, при том, впрочем, условии, что она по существу и в деталях тождественна остальным областям. Теория знака является логической прорисью, инженерным чертежом мистики Экхарта. Это и есть её место в экхартовском богословии.

Список литературы

1. Semiotik. Ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur: in 3 Bänden. Bd. 1. / Hrsg. von R. Posner, K. Robering, Th.A. Sebeok. B., N.Y., 1997.
2. Haug W. Zur Grundlegung einer Theorie des mystischen Sprechens // Abendlandische Mystik im Mittelalter. Symposium Kloster Engelberg 1984.
3. Топоров В.Н. Майстер Экхарт-художник и «ареопагитическое» наследство // Палеобалканистика и античность. М., 1989, с. 219–252.
4. Ivanka von E. Plato Christianus. Übernahme und Umgestaltung des Platonismus durch die Väter. Einsiedeln, 1964.
5. Flasch K. Einleitung // Dietrich von Freiberg. Opera omnia: in 4 Bänden. Bd. 1. Hamburg, 1977.
6. Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб., 1997.
7. Meister Eckhart. Predigt 18. DW I, S. 306, 5–7. (Meister Eckhart. Die deutschen Werke: in 5 Bänden. / Hrsg. von J. Quint u.a. Stuttgart, 1936–2003).
8. Heinrich Seuse. Das Buch der Wahrheit. Kap. 7. S. 60, 80–85. (Heinrich Seuse. Das Buch der Wahrheit / Hrsg. L. Sturlese, R. Blumrich. Hamburg, 1993).
9. Klibansky R. The Continuity of the Platonic Tradition during the Middle Ages. Plato's Parmenides in the Middle Ages and the Renaissance, N.Y., 1982.
10. Beierwaltes W. Das seiende Eine. Zur neuplatonischen Interpretation der zweiten Hypothese des platonischen "Parmenides" // Proclus et son Influence. Zurich, 1987.
11. Meister Eckhart. Prologus generalis in opus tripartitum. P. 13. LW I, S. 158, 9.
12. Платон. Парменид. (Platon. Parmenide. Oeuvres completes. T. 8, Paris, 1991).
13. Meister Eckhart. Predigt 4. DW I, S. 69, 8–70, 3.
14. Булгаков С. прот. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М., 2001.
15. Meister Eckhart. Daz buoch der gotlichen tr? stunge. Kap. 2: «geliten-han», «noch-liden-suln». DW V.

SEMIOTICS OF JOHANNES ECKHART FROM HOCHHEIM (A BRIEF SUMMARY OF THE MYSTIC DOCTRINE)

M. Y. REUTIN

*Institute of high humanitarian studies
Russian State Humanitarian University*

This article on the essential teaching of great German theologian Eckhart von Hochheim (1260 – 1328) introduces to his scholastic theory of sign represented first of all in his Latin treatises and German sermons. The research is aimed to find a common approach to the rational basis of Eckhart's mysticism which consists, in the author's opinion, in the semiotic concept «*imago in quantum imago*». An overview is given of Eckhart's general manner of thinking, which is connected with the hypothetical method developed in Plato's dialogues and above all in the "Parmenides".

Key words: semiotics, neoplatonism, sign, image, hypothetical method.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 81'1:81'2/44

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Н. А. БЕСЕДИНА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: NBesedina@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются основные принципы и теоретические установки, на которых основываются отечественные когнитивные исследования языка.

Ключевые слова: когнитивные исследования в лингвистике, методологические принципы, теоретические положения.

Бурное развитие когнитивной лингвистики считается характерной чертой современного мирового языкознания. Достаточно отметить тот факт, что практически во всех ведущих странах Европы, а также в России, Америке и Китае действуют национальные ассоциации, объединяющие в своих рядах лингвистов-когнитологов. Параллельно с этим растет число представительных международных конгрессов, посвященных проблемам когнитивной лингвистики, издаются специальные журналы (Вопросы когнитивной лингвистики, *Cognitive Linguistics*, *Cognitive Psychology*, *Language and Cognition* и т.д.). Все сказанное указывает на то, что за последние 20 лет когнитивные исследования языка заняли вполне определенное место в общей системе научных взглядов на язык и методы его изучения, сформировав собственные теоретико-методологические установки и понятийно-терминологический аппарат¹. Считают, что два ключевых момента в развитии науки создали предпосылки к формированию когнитивного направления в лингвистике: осознание потребности в системном изучении работы человеческого сознания и понимание того, что единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только язык; понимание необходимости изучения процессов не только теоретического, но и обыденного познания, а также необходимости исследования влияния человеческого сознания на

¹ Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 18-36; Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 6-17; Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 37-52.

принятие решений и осуществление разного рода деятельности, включая языковую². Общую установку когнитологов выразил Ж. Фоконье, сказав, что: «Лингвистика становится чем-то большим, чем самодостаточная ограниченная область изучения языка; она вносит свой вклад в открытие и объяснение общих аспектов человеческого познания»³.

Когнитивную лингвистику принято рассматривать как новую постгенеративную парадигму научного знания, формирующуюся под влиянием когнитивной науки и характеризующуюся, как и вся когнитивная наука, достаточным разнообразием теоретических позиций. Как следствие, линии развития когнитивизма у нас в стране и за рубежом в значительной мере разошлись и оказались достаточно самостоятельными. В настоящей статье систематизируются основные теоретические и методологические установки именно отечественной версии когнитивной лингвистики, которая отличается от зарубежных парадигм знания не только по предпосылкам и допущениям, но и по предметным областям ее интересов и подходам к ставящимся проблемам и способам их решения⁴.

Отечественная версия когнитивной лингвистики, получившая название когнитивно-дискурсивной парадигмы, хотя и возникла первоначально в недрах классического когнитивизма, а значит, получила импульсы своего развития за рубежом, очень скоро переросла пределы узкого когнитивизма. Произошло это в большей степени благодаря тому, что когнитивно-дискурсивная парадигма, как неоднократно подчеркивает в своих работах Е. С. Кубрякова, наследует, наряду с общими установками когнитивизма, традиции отечественного языкознания и отечественной психологии, во многом продолжает идеи ономаσιологического направления в анализе языковых явлений⁵. Она исходит из неразрывности процессов когниции и коммуникации в реальном функционировании языка, из глубокой взаимозависимости и согласованности этих процессов, а соответственно, и коррелирующих с ними функций⁶. В основе когнитивного подхода к языку лежит понимание языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями. Такое понимание указывает на единство познавательной-отражательной (когнитивной) и коммуникативной функций языка, что Л.С. Выготский рассматривал как «единство общения и обобщения» и что дало основание Е.С. Кубряковой определить в качестве основной для языка функцию ориентирующую, при том, что основные усилия в рамках когнитивной лингвистики направлены на глубокое и всестороннее исследование когнитивной функции языка во всех ее проявлениях.

Таким образом, принцип **равноправия двух основных функций языка** (когнитивной и коммуникативной) может быть рассмотрен как методологически значимый для отечественной когнитивной лингвистики. Он подразумевает, что при использовании языка обе эти функции неизменно и постоянно согласуются, взаимодействуя друг с другом. Следовательно, возникает необходимость учитывать когнитивные и дискурсивные аспекты бытия и функционирования того или иного явления при исследовании конкретных явлений языка, т.е. необходимость изучать любое языковое явление, по образному выражению Е.С. Кубряковой, «на перекрестке когниции и коммуникации»⁷. Целью такого анализа яв-

² Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 20.

³ Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology. Berlin, 1999. – P. 124.

⁴Подр. см. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2006. С. 26-31; о методологических установках зарубежной версии, прежде всего, американской – см.: Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия лит-ры и языка. 2000. том 59. № 3.- С. 3-15; Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. – С. 68-78.

⁵См., например: Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004; Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.; Тамбов, 2009. – С. 11-24. и др.

⁶ Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов, 2008. – С. 43.

⁷ Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 16.

ляется «выявление и детальное описание структур знания, мнений и оценок, стоящих буквально за каждой языковой единицей, категорией, формой. При акценте на когнитивную составляющую речь идет о содержании и значении языковых явлений; при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц (от самых небольших – слов – до самых крупных – дискурса)»⁸.

Принцип **многофакторности** при анализе каждого языкового явления связан с выявлением роли этого явления в осуществлении познавательной и в проведении коммуникативной деятельности, а потому он неразрывно связан с принципом **системности**, согласно которому изучаемое явление должно быть описано не только по его месту относительно самой языковой системы, но и относительно тех более «высоких» систем, частью которых является сам язык.

Принцип **междисциплинарности** предполагает учет и обобщение данных, полученных в области философии, когнитивной психологии, психолингвистики, логики, теории информации, теории познания, физиологии, нейронауки и др. Исследование языка как одной из когнитивных способностей человека и неотъемлемого элемента разума не может не учитывать связи изучаемого явления с восприятием, распределением внимания, памятью, а также тем, как организована концептуальная система в нашем сознании. При этом, по замечанию Н.Н. Болдырева, междисциплинарность следует понимать как использование данных других наук, а не проведение собственных исследований в других областях знания, потому что в современных условиях невозможно получить полное представление об объекте, оставаясь в рамках одной научной области⁹.

Принцип **антропоцентричности** оказывается связанным с исследованием широкого круга языковых явлений, отраженных в языковом сознании говорящих или же отражающих присутствие говорящего в акте речи и установлении системы его «координат»¹⁰. В общих чертах этот принцип может быть сформулирован следующим образом: язык ориентирован на человека в рамках всей его когнитивной деятельности, в языке человек представлен во всем многообразии выполняемых им функций¹¹. При этом подчеркивается необходимость выделения двух обязательных ролевых характеристик проявления человека в языке – роли познающего субъекта и роли субъекта говорящего¹². В соответствии с этим значительная роль в формировании значений языковых единиц и выражений принадлежит человеку как субъекту познания, как носителю определенных знаний и опыта. Как подчеркивает Н.Н. Болдырев, «именно человек как познающий и как говорящий на определенном языке субъект формирует значения, а не воспроизводит их в готовом виде (принцип креативности речевого мышления), и именно говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации»¹³. Учет принципа антропоцентризма в когнитивных исследованиях языка позволяет научно доказать и показать тесную связь всей системы языка с познавательной деятельностью человека. При этом важно учитывать, что собственно познавательная деятельность как системная, сознательная, и целенаправленная деятельность не является простым копированием действительности, т.е. отражательной, она характеризуется способностью обобщать, имеет многоуровневый характер и носит репрезентативный характер. Это позволяет заключить, что человек не отражает мир в языке, а осуществляет концептуальное преломление знаний о нем¹⁴. Та-

⁸ Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2006. – С. 28.

⁹ Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. Тамбов, 2008. – С. 13.

¹⁰ Подр. см. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975. – С. 50-51.

¹¹ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988; Кравченко А.В. Принципы теории указательности: Дисс. ... доктора филол. наук. Иркутск, 1995.

¹² Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2009. – С. 3.

¹³ Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. Тамбов, 2008. – С. 13.

¹⁴ Подр. см. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2009.

ким образом, в процессе формирования значения языкового знака человек обращается как к языковым знаниям, так и к знаниям неязыковым (знаниям о мире).

Принцип **многоуровневости анализа** семантики языковых единиц требует исследования значения языковых единиц в контексте различных когнитивных структур. Аргументы в пользу того, что лексическое значение, например, в большей степени определяется своим когнитивным основанием находим у ведущих отечественных (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев) и зарубежных (Ч. Филлмор, Р. Ленекер, Ж. Фоконье, Дж. Лакофф) ученых. В соответствии с установками когнитивной лингвистики, значения слов в системе языка оказываются соотносимы не столько с парадигматическими и синтагматическими контекстами, сколько с когнитивными контекстами, которые Н.Н. Болдыревым понимаются «как когнитивные структуры или блоки знания, которые стоят за значениями и обеспечивают их понимание»¹⁵. Определяющая роль когнитивных контекстов в процессе понимания языковых единиц и выражений предполагает привлечение к языковому анализу как языковых, так и энциклопедических знаний, что и придает семантической теории многоуровневый характер.

В связи с этим центральное место в семантической теории приобретают познавательные процессы концептуализации и категоризации, связанные с формированием концептуальной системы человека как системы знаний о мире в виде концептов и категорий. С их учетом, семантика не ограничена областью собственно языкового знания, а представляет собой результат определенного способа осмысления мира на основе соотношения языковых значений с конкретными концептами и категориями ведущих отечественных (Е. лексическое значение, например, в большей степени определяется своим когнитивным основанием находим. Как считает К. Синха, семантика естественных языков коренится в человеческой способности к концептуализации»¹⁶. Соответственно, значения рассматриваются как когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения, конкретные концептуализации¹⁷, или как «концепт, схваченный знаком» (термин Е.С. Кубряковой).

Принцип **концептуального единства языка и речи** предполагает их трактовку как единого объекта анализа. Это объясняется зависимостью языка от предметного мира, мыслительных процессов и речевого использования в их единстве и взаимосвязи. Такая трактовка подтверждается также возможностью выделения двух модусов языка: как комплекса категорий, существующих *in potentia*, и как беспрерывно повторяющегося процесса¹⁸. Развернутую аргументацию этого принципа предлагает Н.Н. Болдырев, опираясь на точки зрения С.Д. Кацнельсона, В.М. Павлова, Э. Косериу. Он, в частности, особо подчеркивает необходимость изучения «взаимосвязей всех компонентов языкового знака, которые принадлежат ему в языке и в речи»¹⁹. В этом плане когнитивный подход к языку снимает вопрос о первичности одного или другого компонента в антиномии «язык-речь», которая существует в речевой деятельности. Он позволяет охватить одновременно и речь, и язык. Опора на рассматриваемый принцип, а также на принцип многоуровневости анализа позволяет снять известное противоречие между значением и смыслом языковых единиц.

С точки зрения когнитивной лингвистики, значение языковой единицы и передаваемые ею смыслы в процессе речемыслительной деятельности образуют определенный континуум, отражающий континуальный характер знаний человека о мире, которые не являются раз и навсегда фиксированными. Данный факт приводит к отсутствию четких границ между значениями разных слов и их многофункциональности. По мнению Н.Н. Болдырева, системные языковые значения выступают как когнитивные точки рефе-

¹⁵ Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 26.

¹⁶ Sinha Ch. Language, culture and embodiment of spatial cognition // Abstracts of the 6-th International cognitive linguistics conference: 10-16 July 1999. Stockholm, 1999.

¹⁷ Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 25.

¹⁸ Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. – С. 77.

¹⁹ Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. Тамбов, 2008. – С. 20.

ренции в смысловом континууме, репрезентирующие соответствующие концепты и вокруг которых формируются определенные смысловые категории, включающие в себя в качестве элементов конкретные речевые смыслы²⁰. Из сказанного выше следует, что проблема соотношения значения и смысла предстает как проблема соотношения между тем концептуальным содержанием, которое репрезентируется языковым значением в системе языка, и той частью содержания концепта, которая передается речевым смыслом.

Это предполагает учет принципа **разграничения концептуального и семантического уровней**. Их дифференциация приводит к выделению неязыкового уровня концептуальной репрезентации и уровня языковой репрезентации, что, в свою очередь, обеспечивает существование концептуальной картины мира и языковой картины мира. Разграничение рассматриваемых уровней проявляется в независимости концепта от языка, что подтверждает факт невербальности мышления. Как следствие, только часть концептов получает языковую объективацию, что дает основание различать вербализованное и невербализованное концептуальное содержание, концепт как ментальную репрезентацию, существующую в виде гештальтной единицы, не структурированной до своей вербализации, и его вербализованный коррелят. Дифференциация концептуального и семантического уровней не является абсолютной, она предполагает одновременно и их тесное взаимодействие. Оно проявляется, в частности, в том, что семантика имеет два направления связей – в сторону концептуальной системы и в сторону языковой системы и, таким образом, оказывается некоторым «мостиком» или «интерфейсом», связующим языковую систему с концептуальной²¹.

Выделенные принципы определяют значимость для когнитивных исследований ряда методологически важных положений, анализ которых и составляет содержание второй части настоящей статьи. Положение **о динамичности и онтологической природе концептуализации** позволяет рассматривать концептуализацию как процесс и как результат когнитивной переработки информации человеком. Благодаря концептуализации мы познаем окружающий мир и внутренний мир человека; это процесс, с помощью которого мы формируем, организуем, структурируем наши знания о мире, и результаты этого процесса в той или иной мере отражаются в языке. Именно последнее положение особо акцентируется лингвистами²². Концептуализация представляет собой двусторонний процесс. С одной стороны, он связан с осмыслением сущностей внешнего мира, внутреннего мира человека, а также любых возможных миров и мира языка. С другой стороны, он приводит к формированию концептов о тех или иных осмысленных явлениях и сущностях, т.е. структур знания. Концептуализация мира человеком осуществляется в ходе деятельности, ибо «именно в ходе деятельности (в ее широком понимании) происходит и функционирование перцептуальной системы, и развитие когнитивных способностей, и формирование структур знаний»²³. Другим существенным свойством концептуализации является ее онтологическая природа. «Онтологическая природа объекта, – как отмечает И.Г. Рузин, – задает возможность многих способов концептуализации, которые определенным образом кодифицируются в языке»²⁴. Он обращает особое внимание на то, что онтология задает не необходимость концептуализации, но лишь набор возможностей. Как следствие концептуализация имеет нежесткий и «во многих случаях непоследовательный характер: из ряда возможностей реализуется в каком-то случае (в какой-то об-

²⁰ Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Когнитивная семантика: Мат-лы второй междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 1. Тамбов, 2000. – С. 17.

²¹ Taylor J.R. Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford, 1995.

²² Подр. см. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67; Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000; Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия лит-ры и языка. 2000. т. 59. № 3. – С. 3-15; Урысон Е.В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. – С. 3-21.

²³ Позднякова Е.М. Концептуальная организация производного слова // Когнитивная семантика: Мат-лы второй междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов, 2000. – С. 24.

²⁴ Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996. № 5. – С. 49.

ласти, на каком-то уровне) одна, в каком-то другая»²⁵. Сказанное позволяет предположить, что на разных языковых уровнях реализуется часть возможностей и способов концептуализации, вербализующихся в тех или иных языковых единицах.

Из данного положения с необходимостью вытекает ряд других, важных для когнитивных исследований в лингвистике, положений. Положение **о динамичной и невербальной природе концепта** дает основание представлять концепт не как статичную единицу, а как нежесткую структуру, находящуюся в постоянном развитии, отражающую результаты всей познавательной деятельности человека. Это, в свою очередь, предполагает необходимость учитывать при исследовании языковой концептуализации положение **о наличии двух ипостасей существования концепта**: как единицы знания и как структуры знания, выраженной в языковых формах.

Положение **о системе языка как о проекции познанного человеком и языке как части концептуальной системы**. В соответствии с ним, естественный язык, во-первых, выступает в «качестве кода для концептов системы»²⁶ и тем самым «символически фиксирует определенные концепты концептуальной системы мира», что, в свою очередь, приводит к построению «определенного концепта о самом языке ..., содержащего знание о физических и грамматических его характеристиках»²⁷. Во-вторых, на основе усвоения и по мере построения концепта о грамматическом строе языка, последний дает возможность, манипулируя вербальными символами, манипулировать концептами системы. Это означает, что создается возможность строить в концептуальной системе новые концептуальные структуры, которые «континуально, но опосредованно – через другие концепты и их структуры – соотносены с концептами, отражающими индивидуальный познавательный опыт индивида»²⁸. Таким образом, возникает особый тип концептов, построенных с помощью языка и относящихся, по мнению Р.И. Павилениса, скорее, к возможному, чем к актуальному опыту индивида. Такая двойная роль языка в создании концептуальной системы приводит к тому, что язык оказывается «вплетен» в концептуальную систему и служит для дальнейшего строения и символического представления содержания определенных концептуальных систем.

Проанализированные принципы и методологически важные положения, определяющие современные когнитивные исследования языка, позволяют заключить, что отечественная когнитивная лингвистика является сформировавшимся направлением лингвистической мысли, принципиально отличающимся от зарубежных аналогов, которое занимает особое место в концептуальном пространстве когнитивной лингвистики и когнитивной науки в целом.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
2. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17.
3. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 37-52.
4. Fauconnier G. *Methods and Generalizations* // *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology*. Berlin, 1999.
5. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. Тамбов, 2006. С. 26-31.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.; Тамбов, 2009. С. 11-24.

²⁵ Там же.

²⁶ Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. – С. 114.

²⁷ Там же. – С. 112.

²⁸ Там же – С. 114.

8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов, 2008. С. 43-47.
9. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17.
10. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. Тамбов, 2008. С. 11-29.
11. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событием Факт. М.: Наука, 1988.
13. Кравченко А.В. Принципы теории указательности: дисс. ... доктора филол. наук. Иркутск, 1995.
14. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2009.
15. Sinha Ch. Language, culture and embodiment of spatial cognition // Abstracts of the 6-th International cognitive linguistics conference: 10-16 July 1999. Stockholm, 1999.
16. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
17. Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Когнитивная семантика: Мат-лы второй междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 1. Тамбов, 2000. С. 11-17.
18. Taylor J.R. Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford, 1995.
19. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
20. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
21. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия лит-ры и языка. 2000. т. 59. № 3. С. 3-15.
22. Урысон Е.В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3-21.
23. Позднякова Е.М. Концептуальная организация производного слова // Когнитивная семантика: Мат-лы второй междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 23-27.
24. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 39-50.
25. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN COGNITIVE RESEARCHES IN LINGUISTICS

N. A. BESEDINA

Belgorod State University

e-mail: NBesedina@bsu.edu.ru

The paper focuses on the main methodological principles and theoretical theses of Russian cognitive researches in linguistics.

Key words: cognitive researches in linguistics, methodological principles, theoretical theses.

УДК 001:1

СТАТУС ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ И ФИЛОСОФИИ

И. С. МАКСИМОВ¹⁾
А. М. СТРАХОВ²⁾

¹⁾ Белгородский юридический институт МВД России

e-mail: Maximov@mail.ru

²⁾ Белгородский государственный университет

e-mail: Strakhov@bsu.edu.ru

Авторы рассматривают место философской антропологии в современном социальном и гуманитарном знании, поднимают вопрос о взаимоотношении философской и «региональных» антропологий.

Ключевые слова: философия, антропология, наука, мировоззрение.

Современный этап развития философии проходит под знаком констатируемого многими авторами нового «антропологического поворота». Впервые в европейской философии такой «поворот» был совершен в античности Сократом, после чего антропологическая составляющая стала присутствовать в той или иной степени в подавляющем числе последующих философских учений, что позволило историкам философии наряду с онтологией, гносеологией и другими сторонами философского знания выделять антропологию. Разумеется, и в прошлом, и в настоящем к человеку обращается целый ряд наук, причем интерес к данному объектно-предметному полю, в т.ч. со стороны естествознания, приводит к междисциплинарному статусу проблемы человека, которая, как отмечает Б.Г. Ананьев, превращается «в общую проблему всей науки в целом, всех ее разделов, включая точные и технические науки»¹. Основу общей теории человекознания, согласно Ананьеву, должна составлять философия. Добавим, тот ее раздел, что именуется «антропологией». Актуализация изучения человека связана со многими факторами, среди которых важную роль играют вызовы современности, провоцируемые в первую очередь научно-техническим прогрессом и глобализацией. «Современная философия, сохраняя непреходящие ценности прошлых веков, существенно отличается от классической по своим задачам, о чем много говорится в современной литературе. Это связано с тем, что земная цивилизация вступила в новый этап своего развития», – пишет Д.И. Дубровский². Отсюда вытекает и актуальность обращения к месту философской антропологии в социогуманитарном знании и в философии в частности.

Такая задача усложняется наличием сопутствующей проблемы определения статуса самой философии. «...Вопрос “что такое философия” действительно является мучительным вопросом для философов», – замечает Т.И. Ойзерман³, добавляя, впрочем, что «философию от не-философии всегда можно отличить»⁴. Всегда, но всегда трудно, поскольку, во-первых, философизируются сугубо богословские труды, что осложняет разграничение философии и богословия, а «религиозная философия» широко представлена в истории как западной, так отечественной философской мысли, во-вторых, философские идеи выдвигали и продолжают выдвигать представители самых разных научных дисциплин и творческой интеллигенции. Последнее обстоятельство особенно важно, т.к. порождает феномен «художественной философии», ярким примером которой в истории рус-

¹ Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб.: Питер, 2001, – С. 10.

² Дубровский, Д.И. «Самодельные» философы наступают // ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2008. – № 3 (47), – С. 149.

³ Ойзерман, Т.И. Философия философии. // Философский журнал. – 2008. – № 1, – С. 6.

⁴ Там же. – С. 7.

ской философии выступает литературно-художественное и публицистическое наследие Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого (романы Н.Г. Чернышевского «Пролог» и «Что делать?» формально могли бы на «художественную философию» претендовать, но в них больше философии, нежели художественности, на что обращал внимание еще единомышленник Чернышевского А.И. Герцен). В-третьих, что, собственно, и позволяет «художественной философии» существовать, сама философия занимает особое место среди наук и не только по причине своего мировоззренческого статуса: она обладает национальной окраской и авторством. В свое время еще П.С. Юшкевич отмечал специфику философских понятий, когда писал: «Они какие-то мерцающие, точно звезды, то сжимающие свой пучок света, то снова разжимающие его. Они полны намеков и обетований: “сущее”, “бытие”, “становление” – это не сухие отвлеченные термины логики, это сложные символы, под которыми, помимо их прямого смысла, скрывается еще особенное богатое содержание. И если научное понятие можно сравнить с деловой бумагой, то философское похоже на поэтическое произведение с его метафорами и уподоблениями»⁵. «Философские категории одновременно являются категориями культуры: они представляют высшую ступень структурирования мира в сознании человека», – подчеркивает Е.Я. Режабек⁶ Сложность заключается в том, что философия, будучи мировоззрением, остается и наукой, да еще становится, что характерно для постсоветской России, философией науки, теснящей философию и ее историю по крайней мере в образовательном процессе отечественной высшей школы. «В отечественной философии в последние годы советской власти была организована дискуссия на тему “является ли философия наукой или мировоззрением”. В результате дискуссии возобладало мнение, что философия – это не наука, а мировоззрение. А вот сейчас никто понять не может, да и не хочет, что от российской философии требуется в основном проявление ее научной сущности», – пишет И.А. Александров⁷. Философия может и сегодня, пожалуй, должна быть наукой, но может быть и не наукой – «художественная философия» убедительный тому пример. Что существует и ненаучная философия, отмечает С.С. Перуанский, уточняя при этом: «Ненаучная – не значит второсортная, а означает – внесистемная, не претендующая на описание всего мира»⁸ (примером ненаучной философии у Перуанского выступает «поле деятельности» «философов-моралистов»: Сократа, Ф. Ницше, Н.А. Бердяева). Однако, думается, что о философии как о «не науке», а лучше сказать «не совсем науке», можно вести речь в содержательном плане, но не формальном: философия отвечает всем требованиям науки как социального института, приобретая строгие организационные формы.

Как наука, философия дифференцируется на составные части, среди которых важное место занимает антропология (термин «антропология» берет начало еще от Аристотеля, термин «философская антропология» вводится И. Кантом, философию как антропологию рассматривает Л. Фейербах и вслед за ним его русские последователи и не только они одни: оппонент материалистической «антропологической» традиции, представленной в русской философской мысли прежде всего А.И. Герценом, В.Г. Белинским, Н.Г. Чернышевским, Н.А. Бердяев, видевший в философской антропологии учение о свободе человека и его духовности, подчеркивал: «Современная мысль стоит перед задачей создания философской антропологии, как основной философской дисциплины»⁹). Соответственно, в отечественных высших учебных заведениях вводится дисциплина «Философская антропология. Автор одного из учебных пособий по философской антропологии

⁵ Юшкевич, П.С. О сущности философии (К психологии философского мирозерцания) // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990, – С. 153.

⁶ Режабек, Е. Я. О назначении философии. // ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2006. – № 4 (40), – С. 107.

⁷ Александров, И.А. О системном кризисе российской философии и путях его преодоления. // ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2007. – № 3 (43), – С. 120.

⁸ Перуанский, С.С. Слухи о смерти философии сильно преувеличены. // ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2006. – № 4 (40), – С. 109.

⁹ Бердяев, Н.А. Проблема человека. К построению христианской антропологии. / О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт. Флинта, 1999, – С. 21.

Л.Е. Моторина по этому поводу отмечает: «“Философская антропология” является одним из разделов базового курса “Философия”. Другие области философского знания, такие, как метафизика, онтология, гносеология, логика, социальная философия, этика и т.д. – так или иначе включают в себя философско-антропологическую проблематику»¹⁰. В прошлом столетии на Западе, прежде всего в Германии, формируется философская антропология как течение (М. Шелер у истоков, А. Гелен, М. Ландман, Г. Плеснер, А. Портман, Э. Ротхакер), которое в свою очередь подразделяется на биологическую антропологию, культурную антропологию, религиозную антропологию (в широком значении религиозная антропология пронизывает все христианское учение), педагогическую антропологию.

Сам термин «антропология» достаточно широко представлен не только в системе философского знания, но и в естествознании, что имеет давнюю традицию и позволяет выделять физическую антропологию как науку о строении тела человека в связи с его происхождением и эволюцией, включая происхождение и развитие рас и этносов. (А.И. Кравченко называет физическую антропологию также «общей»: «...Общая или физическая антропология, – пишет он, – анализирует по останкам, найденным археологами, эволюцию скелета и изменения человеческого мозга»¹¹. Представляется, что «общей» антропологией является философская антропология, опирающаяся, в частности, на данные физической антропологии). Физическая антропология близка не только к исторической анатомии человека, но и перекликается в некоторой степени с этнографией и этнологией, причем последние в одних случаях отождествляются, в других – разводятся (этнографии придается описательный характер, а этнологии – методологическая ориентация). Дополнительную сложность привносит наличие «культурной антропологии» и «социальной антропологии», в англоязычной исследовательской литературе нередко совпадающих с этнологией и сформировавшихся на основе этнографических исследований. Даже терминологически «культурная» и «социальная» антропологии предполагают выход в социально-гуманитарное знание, в котором опять-таки присутствует проблема разграничения социальных и гуманитарных наук. Одну из заслуживающих внимания попыток такого разграничения предпринял В.М. Пивоев, согласно которому если объектом социальных наук является «поле социальных отношений», то объектом наук гуманитарных – духовная субстанция. Соответственно первыми изучаются нормы, правила, формы социальной активности, вторые исследуют духовные смыслы и ценности¹². Однако автор относит философию к гуманитарным наукам, в то время как философия (прежде всего, конечно, «социальная философия», но не только) отнюдь не проходит мимо социальных отношений. Добавим, что человек в социальных отношениях – это, как нам видится, и проблема философской антропологии. Наряду с духовными смыслами и ценностями социальные отношения также выступают объектом и предметом этики. Но это уже вопрос особого статуса философии, а не разграничения социального и гуманитарного знания, одним из критериев которого берутся различие качественной (доминирующей в гуманитарных науках) и количественной (доминирующей в социальных науках) сторон в объекте исследования.

Возрастающий интерес к человеку, провоцирующий обращение к последнему все большего числа научных дисциплин на фоне продолжающейся дифференциации научного знания, привел к появлению множества антропологий, региональных, по выражению В.С. Барулина. «В XX веке появилась целая россыпь, так сказать, региональных антропологий, исследующих природу человека под различными углами зрения. Выделяют обычно философско-биологическую антропологию (А. Гелен, А. Портман), культурно-философскую или антропологию культуры (Э. Ротхакер, М. Ландман), философско-религиозную (Г.Э. Хенстенберг, Ф. Хаммер), педагогическую антропологию (О. Больнов),

¹⁰ Моторина, Л.Е. Философская антропология: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2003, – С. 3.

¹¹ Кравченко, А.И. Социальная антропология: Учебное пособие для вузов. – 2 изд. – М.: Академический проект, 2005, – С. 7.

¹² См.: Пивоев, В.М. Естественные, социальные и гуманитарные науки. // ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2007. – № 3 (43), – С. 79-80.

психоаналитическую антропологию (А. Адлер, В. Рейх, К. Хорни, Э. Фромм), историческую антропологию, политическую антропологию и т.д.», – пишет он¹³. Сам Барулин разрабатывает основы социально-философской антропологии, опирающейся на три источника – философскую антропологию, социальную антропологию и социальную философию – и имеющей предметом своего исследования создание и преобразование человеком социумного мира, в ходе чего происходит реализация и развитие человеческого потенциала. В.П. Веряскина констатирует появление «множества предметно очерченных типов антропологий: социальной, культурной, юридической, экономической и т.д.»¹⁴. И.В. Кондаков пишет о визуальной антропологии, антропологии повседневности, антропологии детства, а сам исследует «антропологию слова» – «внутренне противоречивый дискурс человека, содержащий в себе также и антропологию молчания, невербальных смыслов и т.п.»¹⁵. А.М. Страхов исследует «культурно-философскую антропологию пола и любви», имеющую своим предметом философские, религиозные и литературно-художественные тексты, рефлексующие любовь и все прочие аспекты взаимоотношения полов (данные тексты не только выступают отражением современной им половой культуры, но и являются неотъемлемой и важной ее составляющей). Л.Ф. Игнатьева рассматривает антропологию техники. А.И. Кравченко дополняет выше-названные «антропологии» психологической антропологией, в рамках которой, опираясь на классификацию автора из США Ф. Бока, выделяет психоаналитическую антропологию (З. Фрейд, Э. Фромм), когнитивную антропологию (Э. Тайлор, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс) и др. школы психологической антропологии; исторической антропологией, появление которой связано со школой «Анналов»; киберантропологией; прикладной антропологией, ориентированной на решение практических задач и включающей в себя экологическую антропологию, инвайроментальную антропологию, антропологию действия; наконец, такой новой отраслью антропологии как антрозоология (этнозоология). Последняя изучает «взаимоотношения человека и животных в различные исторические эпохи и культуры, в том числе процесс их приручения (доместикации)»¹⁶. Перечень уже существующих региональных антропологий можно продолжать, к тому же приходится ожидать появление в ближайшем будущем все новых «антропологий»: человеческое измерение обнаруживается в самых разных отраслях и вовсе не только гуманитарного или социального, но и естественнонаучного и даже технического знания (по своему «антропологичен» и дизайн). К тому же меняется (насколько в лучшую сторону – открытый вопрос!) сам человек. П.С. Гуревич отмечает, что в настоящее время «человек действительно находится на рубеже невероятных трансформаций, поскольку каждый вариант культурного бытия может привести к появлению нового антропологического персонажа»¹⁷.

Обращение к человеку различных дисциплин, обусловленное его многоплановостью, позволяет обнаружить, что выше уже подчеркивалось, антропологическое содержание в тех или иных аспектах. Человек – объект и предмет междисциплинарных исследований, процессы интеграции научного знания наиболее выпукло проявляются в изучении человека и связанных с последним природных процессов, подлежащих человеческому воздействию. Внести какую-то определенность в сложнейшую структуру антропологического знания не представляется возможным. Даже самые, казалось бы, далекие от человека научные дисциплины так или иначе с человеком связаны, на человека «работают». Да и сама философская антропология, как составляющая философии выступая как мировоззрением, так методологией, расплывчата в своем предметном очертании. Так, Л.Е. Моторина определяет «философскую антропологию» в широком смысле как «фило-

¹³ Барулин, В.С. Основы социально-философской антропологии. – М.: Академ-книга, 2002, – С. 54.

¹⁴ Веряскина, В.П. Эвристический потенциал философской антропологии М. Шелера. // Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей Международной научной конференции, г. Волгоград, 14-17 сентября 2004 г.: В 2 т. Т.2. – Волгоград: ПРИНТ, 2004. – С. 530.

¹⁵ Кондаков, И.В. К современной антропологии слова. // Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука, 2005. – С. 381.

¹⁶ Кравченко, А.И. Социальная антропология: Учебное пособие для вузов. – 2 изд., – С. 59.

¹⁷ Гуревич, П.С. Современный антропологический поворот. // Н.Н. Страхов и русская культура XIX – XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы Международной научной конференции – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2008. – С. 220.

софское учение о природе, сущности и предназначении человека, объединяющее целый ряд «антропологических школ» и течений (персонализм, философия жизни, феноменология, экзистенциализм, герменевтика и др.) и возникающее, в основном, в периоды кризиса культуры»¹⁸. В таком случае из философской антропологии выпадают философские идеи, обращенные к человеку, но вместе с тем самостоятельной «антропологической школы» не образующие. Суживает предмет философской антропологии и уточнение автора, пусть с оговоркой, о периодах кризиса культуры. Конечно, в такие периоды интерес к человеку обостряется, но не пропадает он и в относительно благополучные, «бескризисные» времена. Думается, что в широком смысле философская антропология – обращенная к человеку часть философского знания. Однако, как справедливо подмечает В.М. Межуев, философия как таковая – «самосознание человека». «Наука дает нам знание о культуре, философия отвечает на вопрос, кто мы сами в культуре, что считаем в ней для себя важным и ценным», – пишет он¹⁹. Поэтому философию, что выше уже отмечалось, на составные части можно разделить с достаточной степенью условности, как и вычленивать предмет философской антропологии – ведь вопросы человека в той или иной форме наличествуют едва ли не во всех философских учениях. «Человек в целом»? Но это то же, что определить предмет философии как мир в целом.

Крайне сложно взаимоотношение философской антропологии с антропологиями «региональными». Немало последних от философии в своем объекте и предмете дистанцированы: антропология действия, экономическая антропология, юридическая антропология и др. Такие антропологии взаимодействуют с философской так же, как взаимодействуют частные науки и философия. Но и в философской антропологии в свою очередь выделяются региональные антропологии, имеющие, как правило, междисциплинарный характер. Например, уже упомянутая ранее культурно-философская антропология пола и любви, имеющая непосредственный выход и в сексологию, тоже «междисциплинарную, даже энциклопедическую отрасль знания» (И.С. Кон)²⁰. А М.Н. Жарова пишет о ... «медико-философском знании»!

В связи с изложенным современный антропологический поворот настоятельно требует осмысления пестрой картины, сложившейся науках, рассматривающих человека, прежде всего определения их предметно-категориального поля. Задача, заметим, не одного десятилетия, если она в принципе выполнима – скепсис по этому поводу вовсе не безоснователен. Рассуждая о научных дисциплинах, имеющих отношение к сексологии, И. Кемпер подчеркивает: «Стремление подчинить науки логической иерархии наивно»²¹. Впрочем, звучат и оптимистические голоса. Е.В. Каламбет и Т.Х. Каде в свете превращения «Хаоса в Космос» в результате создания «целостной теории человекознания» ведут речь о возможности интегративного терминологического тезауруса «Человековедение: системный комплекс наук», где помимо дефиниций сложившихся наук даются определения «наукам, только получающим свое оформление, наименования которых не зафиксированы в словарях, но активно используются в научной практике»²². Авторы предлагают человековедческие дисциплины разделить по 4 разделам: «науки о человечестве, о личности, об индивидуе и его онтогенезе, о человеке как субъекте деятельности».

Взаимоотношение философской антропологии с «региональными» антропологиями можно изобразить как проекцию взаимоотношения философии и других наук. Философская антропология не только обобщает и критически осмысливает результаты «региональных антропологий», не только выступает теоретико-методологическим основанием последних, но и принимает участие в разработке и уточнении понятийного аппарата тех или иных наук о человеке, определяет стоящие перед человеком вызовы и прогнозирует его будущее. Осмысление человека в мире природы и в социокультурном про-

¹⁸ Моторина, Л.Е. Философская антропология: Учеб. пособие для вузов. – С. 54.

¹⁹ Межуев, В.М. Философия в современной культуре. // Философский журнал. – 2008. – № 6. – С. 19.

²⁰ Кон, И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1990. – С. 3.

²¹ Кемпер, И. Практика сексуальной психотерапии. – Т.2. – М.: Прогресс-Культура, Яхтсмен, 1994. – С. 178.

²² Каламбет, Е.В., Каде, Т.Х. Глобализация и перспективы будущего в лингвистическом аспекте. // Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей Международной научной конференции, г. Волгоград, 14-17 сентября 2004 г.: В 2 т. Т.2. – Волгоград: ПРИНТ, 2004. – С. 14.

странстве – также важная задача философской антропологии. (Э.А. Орлова справедливо ставит вопрос о сближении общества и культуры как общего объекта и предмета современных исследований. «Объяснение происхождения и формирования социальных и культурных процессов целесообразно строить на более фундаментальном, чем социальные и культурные формы, уровне. В данном случае в качестве оснований принимаются антропологические универсалии...», – подчеркивает она²³).

Современные процессы дифференциации и интеграции наук накладывают несомненный отпечаток на статус философской антропологии. Представляется, однако, что проблема не столько в дифференциации и интеграции как ведущей закономерности развития научных исследований, сколько в переходе от классического этапа развития научного знания к постклассическому. Философии как таковой и философской антропологии как ее составляющей еще предстоит свое место и роль в современности уточнить.

Список литературы

1. Александров, И.А. О системном кризисе российской философии и путях его преодоления/И.А. Александров//ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2007. – № 3 (43). – С. 120-122.
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания/Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
3. Барулин, В.С. Основы социально-философской антропологии/В.С. Барулин. – М.: Академ-книга, 2002. – 455 с.
4. Бердяев, Н.А. Проблема человека. К построению христианской антропологии/Н.А. Бердяев/О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт. Флинта, 1999. – С. 21-37.
5. Веряскина, В.П. Эвристический потенциал философской антропологии М. Шелера /В.П. Веряскина//Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей Международной научной конференции, г. Волгоград, 14-17 сентября 2004 г.: В 2 т. Т. 2. – Волгоград: ПРИНТ, 2004. – С. 529-534.
6. Гуревич, П.С. Современный антропологический поворот/П.С. Гуревич//Н.Н. Страхов и русская культура XIX – XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы Международной научной конференции. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2008. – С. 215-220.
7. Дубровский, Д.И. «Самодельные» философы наступают/Д.И. Дубровский//ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2008. – № 3 (47). – С. 145-150.
8. Каламбет, Е.В., Каде Т.Х. Глобализация и перспективы будущего в лингвистическом аспекте / Е.В. Каламбет, Т.Х. Каде//Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей Международной научной конференции, г. Волгоград, 14-17 сентября 2004 г.: В 2 т. Т. 2. – Волгоград: ПРИНТ, 2004. – С. 13-16.
9. Кемпер, И. Практика сексуальной психотерапии/И. Кемпер. – Т.2 – М.: Прогресс-Культура, Яхтсмен, 1994. – 192 с.
10. Кон, И.С. Введение в сексологию/И.С. Кон. – М.: Медицина, 1990. – 336 с.
11. Кондаков, И.В. К современной антропологии слова/И.В. Кондаков//Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука, 2005. – С. 380-412.
12. Кравченко, А.И. Социальная антропология: Учебное пособие для вузов/А.И. Кравченко. – 2 изд. – М.: Академический проект, 2005. – 544 с.
13. Межуев, В.М. Философия в современной культуре / В.М. Межуев//Философский журнал. – 2008. – № 6. – С. 14-23.
14. Моторина, Л.Е. Философская антропология: Учеб. пособие для вузов / Л.Е. Моторина. – М.: Высшая школа, 2003. – 256 с.
15. Ойзерман, Т.И. Философия философии/Т.И. Ойзерман // Философский журнал. – 2008. – № 1. – С. 6-13.
16. Орлова, Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия / Э.А. Орлова // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. IX. – Вып. 1 (34). – С. 70-86.
17. Перуанский, С.С. Слухи о смерти философии сильно преувеличены / С.С. Перуанский // ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2006. – № 4 (40). – С. 108-114.
18. Пивоев, В.М. Естественные, социальные и гуманитарные науки / В.М. Пивоев // ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2007. – № 3 (43). – С. 79-80.

²³ Орлова, Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия.//Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. IX. – Вып. 1 (34), – С. 77.

19. Режабек, Е. Я. О назначении философии/Е.Я. Режабек//ВЕСТНИК Российского философского общества. – 2006. – № 4 (40). – С. 197-108.

20. Юшкевич, П.С. О сущности философии (К психологии философского мирозерцания) / П.С. Юшкевич//На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 151-167.

STATUS OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY IN SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE AND PHILOSOPHY

I. S. MAXIMOV¹⁾
A. M. STRAKHOV²⁾

*¹⁾ Belgorod Law Institute
of the Interriort*

e-mail: Maximov@mail.ru

²⁾ Belgorod State University

e-mail: Strakhov@bsu.edu.ru

Authors consider the place of philosophical anthropology in modern social and humanitarian knowledge. They also argue on the issues of interrelation of philosophical and “regional” anthropologies.

Key words: philosophy, anthropology, science, reality.

УДК 930.1:1

МЕНТАЛЬНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ «АННАЛОВ»

М. А. ШЕНКАО*Карачаево-Черкесская
Государственная
Технологическая Академия**e-mail: Schenkao@mail.ru*

Рассматривается генезис понятия «ментальность» в школе «Анналов». Представлено изменение содержания понятия ментальности у различных ученых: Л. Февра, М. Блока, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, М. Вовеля, Р. Шартье и А. Буро. Прослежены изменения методологических принципов истории ментальности.

Ключевые слова: дискурс, коллективное, ментальность, теория ментальности, школа «Анналов».

Школа «Анналов» прошла в своем развитии 4 этапа. На первом этапе (с 1929 г.) много сделали Марк Блок и Люсьен Февр. На втором этапе тон задавала геоистория и экономика Фернана де Броделя. Против его структур, лишенных гуманизма, где отсутствовал человек, выступили историки третьей волны: Ле Гофф, Дюби, Вовель и другие. Собственно на этой стадии появились и теоретические работы по проблеме ментальности. До этого данный метод применялся скорее интуитивно, чем теоретически продуманно. С 80 годов XX века начинается четвертый этап развития «Анналов». С критикой позиций Ле Гоффа, Дюби и других выступила новая плеяда историков во главе с Буро и Шартье.

До 20-30 годов термин «ментальность» применялся Леви-Брюлем, Блонделем и другими с уничижительным оттенком и воспринимался как сознание первобытных людей, детей, а также «простецов», противостоящих «высоколобым творцам». В 20-30 годы XX века этот термин был воспринят историками – М. Блоком, Ж. Лефевром и, особенно, Л. Февром. Так, по Л. Февру, «наша история является идеалистической... ибо экономические факты, как и всякие другие социальные феномены, возникают из веры и воззрений»¹. Февр обличает «тех, кто толкует на свой лад системы многовековой давности, и нимало не заботясь о том, чтобы поставить их в связь с другими проявлениями, породившей их эпохи»... созданные ими понятия, порождения их абстрактного понимания, живут затем своей собственной жизнью вне времени и пространства, образуя странные цепи со звеньями замкнутыми и ирреальными². Комплекс фактов культурной истории, надо представить как одну из частей «сложной и подвижной сети социальных фактов». И человек XVI века должен характеризоваться «не в сопоставлении с нами, но в сопоставлении с его современниками»³.

Февр вводит понятие «ментальный инструментарий». Для него это «совокупность категорий восприятия, концептуализации, выражения и действия, которые структурируют опыт – как индивидуальный, так и коллективный». «Это явно эмпирическая, открытая дефиниция, но она гораздо шире того, что сегодня мы назвали бы системой представлений, так как включает язык, аффекты и даже технику. Восходя от изучения проявлений культуры к изучению условий, делающих эти проявления возможными, мы приобретаем способность понять ее единство («структуру», – пишет Февр в своей книге о Рабле в 1942 г.) и ее особенности»⁴. В последние 30 лет он посвятил себя написанию биографий великих людей: Лютера, Рабле, Маргариты Наваррской. Но и здесь «никогда его герои не определяются их исключительными судьбами и неслыханными новациями. Раскрывая сомнения, колебания и очевидные противоречия Лютера, Февр показывает его жизнь, как непрерывный диалог, как серию узнаваний и сближений между монахом из Виттенберга и бурлящей Германией первой половины XVI века.

¹ Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном. – М.: Наука, 1993. – С. 52.

² Там же.

³ Там же. – С. 53.

⁴ Там же.

«Кто определит в этом комплексе фактов, идей и чувств, какая именно часть перешла от Германии к Лютеру или от Лютера к Германии?»⁵. И чтобы понять неверие, атеизм, «любовь святую» и «любовь мирскую» как явления XVI века, надо реконструировать отношения между моралью и религией в XVI веке, Февру надо написать «ту историю, которая, как и многие другие, никогда не была написана. ... более того. .. о которой ни у кого никогда не возникало мысли, – историю отношений, которые в данную эпоху внутри познаваемого и известного общества реально, а не только теоретически, поддерживали, с одной стороны, религию огромного большинства членов этого общества, а с другой стороны – концепции, установки и повседневную моральную практику этих же членов этого же общества». И. Ревель замечает: «В биографиях Февр ищет прежде всего поучительное, а не исключительное»⁶.

Марк Блок отдавал предпочтение не психологии (как Февр), а социологической традиции, он был ближе к Дюркгейму. Видимо, по определению термина «ментальность» у него были разногласия с Февром. Но его две работы: «Короли – чудотворцы» (1924 г.) и «Феодальное общество» (1939 г.) – сегодня оказывают большее влияние на исследователей, чем книги Февра. В последней работе, где Блок говорит о «способах чувствования и мышления», он заметно вступает на путь антропологической истории и уделяет больше внимания социальной дифференциации культурного поведения⁷.

«Мыслить проблемами!» – это был девиз Блока и Февра⁸. Не желая быть прислужником режима Виши и ненавидя немецких оккупантов, Марк Блок вступает в Лионе в ряды Сопротивления и погибает, схваченный гестапо. Для себя он писал: «Я – еврей, но не вижу в этом причины ни для гордыни, ни для стыда и отстаиваю свое происхождение лишь в одном случае: перед лицом антисемита»⁹. «Я верю в будущее, потому что сам его творю», – записывает он для себя слова Мишле. Свое завещание он завершал словами: «Я умираю, как и жил добрым французом». И свою «Апологию истории» он оставил нам как научное (незавершенное) завещание¹⁰.

Для Ле Гоффа «ментальность, эмоции, поведение формировались в первую очередь в связи с потребностью в самоуспокоении» перед лицом страха в Средние века. Ментальность есть связующее звено между развитием материальной цивилизации и социальной жизни, с одной стороны, и поведением индивидов – с другой. Признавая изучение ментальности ключевым моментом исторического синтеза, Ле Гофф (как и Дюби) выступает против «превращения истории в мир воображения, в котором растворяются все иные реальности». Историк должен постоянно сопоставлять реальность этих представлений с другими реальностями, ему нельзя жить только в мире грез, ибо даже «когда общество грезит, его исследователь обязан бодрствовать», – считает он. Иными словами, Ле Гофф далек от какой бы то ни было абсолютизации «мира воображения». С его точки зрения, «Новая историческая наука» тем и своеобразна, что она исходит из существования двух реальностей: реальности «как таковой» (*La realite proprement parler*) и представлений, которые создала эта реальность о себе у людей прошлого»¹¹.

По мысли Ле Гоффа, и поговорки ждут своего исследователя. Можно через расшифровку поговорок добраться до самых глубин средневековой ментальности, спуститься к основам фольклорной культуры. В традиционном крестьянском обществе поговорка играла важнейшую роль. Изучение «кутюма», т.е. обычая, тоже входит в дело историка и символы тоже играли большую роль в ментальном оснащении человека Средневековья, считает Ле Гофф. «Символизм был универсален, мыслить – означало вечно открывать скрытые значения», т.е. непрерывно «священнодействовать» Раскрытие магических образов тоже было делом ментальности непросвещенных, замечает Ле Гофф¹². Символика начиналась на уровне слов. Назвать вещь – уже значило ее объяснить. Мир тоже, по

⁵ Там же.

⁶ Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном. – М.: Наука, 1993. – С. 54.

⁷ Там же.

⁸ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – С. 106.

⁹ Там же. – С. 107.

¹⁰ Там же. – С. 108.

¹¹ Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап // Одиссей. 1991 – М.: Наука, 1991. – С. 17-18.

¹² Гофф Ле, Жак. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 308.

Средневековью, – мир символов. Минералы, цветы, животные – все имело символическое значение. Была символика креста, пальцев, чисел, жестов. «В ментальном оснащении людей Средневековья трудно разграничить абстрактное и конкретное», и «наслоение конкретного на абстрактное составляло основу ментальностей и чувствований средневековых людей», – замечает Ле Гофф¹³.

Средневековье знает тягу к ярким цветам, божественному чистому свету, к запахам святости. Здесь « искусство рвалось к героизму», к подвигам рыцарей.

«Ментальная модель» в это время охватывала одновременно видение мира, свойственное воинам, и вместе с тем предполагала упрощенный дуализм, оппозицию двух противоположностей. Вся духовная жизнь людей Средневековья концентрировалась вокруг противостояния добра и зла, добродетелей и пороков, души и тела»¹⁴.

Важную часть ментального оснащения людей Средневековья составляли сны. «Сны возвещали, сны разоблачали, сны побуждали к действию, словом, они составляли интригу духовной жизни», – считает Ле Гофф¹⁵. Рядом с ментальностью средневекового человека, опиравшегося на магию, росло и практическое отношение к миру, в городах появлялась новая система мировосприятия. Но новое мышление, новая система была как бы «вкладышем» в старую систему ментальностей.

Историк – культуролог, по Ле Гоффу, смотрит на изменения ментальностей совсем не так, как историк идей и религий, т.е. он видит мир непредвзято.

Через призму «ментальной оснастки» Ле Гофф рассматривает появление в Европе книгопечатания, культуры письменного доказательства, чувство любви, мистическое значение хлеба, культуру жестов, символику одежды, переход к комфортной жизни, строительство замков. Он тем самым показывает всепроникающее значение метода ментального рассмотрения мира. Сам Ле Гофф не хочет заниматься методологией ради методологии. Он заявляет: «У меня не философская голова, и, подобно большинству французских историков, я воспитан в пренебрежении к философии истории»¹⁶.

Но, тем не менее, он исподволь занимается методологией, как мы это видели выше. «Теория и методология Жака Ле Гоффа неизменно погружены в материал»¹⁷.

Соглашаясь с тем, что история ментальностей связана с жестами, поведением, установками, он тем не менее решительно против бихевиористского его истолкования в духе безотчетного необдуманного автоматизма. Для него медленнее всего меняются ментальности, и потому история ментальностей – эта история замедлений в истории»¹⁸.

Медиевист Ле Гофф не всегда придерживается одной и той же терминологии: он говорит о «воображаемом», о «чувствительности», о «символизме», о «системе ценностей», об «идеологии». Но за всем этим скрывается картина мира и ее компоненты, т.е. система ментальных представлений, оценок и т.д. Ментальность отличается неопределенностью. Она появляется как осадок после исторического анализа. Ею раньше пренебрегали, но историю без неё невозможно понять. Касаясь «ремесла» историка ментальностей, Ле Гофф замечает, что он обращает свое внимание на неосознанное, повседневное, на автоматизмы поведения, на в личностные аспекты индивидуального сознания, на то, что было общим у Цезаря и последнего солдата его легионов, у святого Людовика и крестьянина, трудившегося в его доменах, у Колумба и матроса на его каравеллах»¹⁹. Такая работа историка тождественна методу «археопсихологии», где приходится докапываться до потаенных смыслов и значений. Особое значение придается тогда изучению инерционных сил истории, традиций, привычек сознания.

Для Ле Гоффа ясно, что в сознании средневекового человека одновременно могут сосуществовать две разные ментальности. Одна, разрушаясь изнутри, уступает место другой. Как можно говорить о некоем общем ментальном фонде Средневековья, так можно говорить о ментальности разных групп и классов общества. Как видим, позиция Ле Гоффа по проблемам ментальностей достаточно широкая и гибкая.

¹³ Там же. – С. 311-312.

¹⁴ Гофф Ле, Жак. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 318-319.

¹⁵ Там же. – С. 319.

¹⁶ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – С. 195.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. – С. 194.

Для Жоржа Дюби, одного из выдающихся историков ментальностей, методология также растворена в исследованиях. Средневековая Европа XI-XIII веков – сфера его научных интересов. Под ментальностью Жорж Дюби понимает развивающуюся **систему**, все элементы которой тесно взаимосвязаны и сочленены. Это система образов и представлений, различная у различных социальных групп и страт, которой они руководствуются в своем поведении и в которой выражено их представление о мире в целом и о их собственном месте в этом мире. Изучение этих представлений Дюби считает исключительно важным. «Мы убеждены, – пишет Дюби, – что все социальные отношения складываются как функция этой «системы образов», которая передается от поколения к поколению в процессе воспитания и обучения и «вследствие определенных экономических условий»²⁰.

Сам Жорж Дюби так объясняет свой приход к понятию «ментальность»: «Я и Мандру под влиянием психоанализа (в 50-е годы) начали изучать в качестве фактора социальной истории ту совокупность полубессознательных проявлений, которой мы дали название «ментальность»²¹. Как видим, путь к «ментальностям» у Дюби такой же, как у Февра: через увлечение успехами французской школы психологии.

Не будучи правоверным марксистом, Дюби тем не менее, хорошо зная Маркса, часто использует его понятия и категории. И потому его подход к сознанию, к ментальностям скорее социогенный. Так, он пишет: «В истории ментальностей мы видели необходимое дополнение к изучению социальной истории через ее материальную подоснову»²². И сегодня, по его словам, изучение «кодексов», печатей, гербов ведется под углом зрения культуры, истории ментальностей, следовательно, истории общества. Достигнут определенный прогресс в истории исторической науки. « У историков появилось стремление видеть в документе, в свидетельстве, т.е. в тексте, самостоятельную научную ценность, и не надо пытаться выжать из него, по примеру позитивистской истории, дозу содержащейся в нем истины и отделить ее от лжи, но считать, что истина – объект интерпретации историка – неотделима от всего свидетельства в целом – от его правды и его лжи, и даже от того, о чем оно умалчивает, что в нем намеренно или ненамеренно скрыто»²³. С конца 60-х годов французские философы и социологи стали уделять особое внимание механизмам власти внутри социальной системы (Мишель Фуко). Но и здесь теперь без привлечения ментальностей не обходится. «История стала вновь стремиться к истолкованию политики, снова возложила на себя задачу, которая с тех пор, как существует историческая наука, считалась для нее главной»²⁴.

По Дюби, история ментальностей уже не может удовлетвориться упрощенным понятием «коллективного сознания»: социальная психология в США выявила диалогический характер отношений между индивидом и его социальным окружением, продемонстрировала не только способность среды влиять на индивидов, но и то, как в некоторых случаях реакция индивидуумов изменяет среду. Поэтому история ментальностей может быть и социальной, и биографичной. При этом она будет выявлять не только мысли, чувства и реакции простого человека, но и изучать среду. Именно среда является излюбленным доменом историка ментальностей. Даже если об одном явлении пишут два историка, то их сочинения окажутся различными, так как они не только различные личности, но погружены, живут в различных по специфике культурных средах, климатах, замечает Дюби²⁵.

К трем ритмам времени, выделенным Фернан де Броделем, Ж. Дюби добавляет 4-й. Так, первый ритм времени характеризуется быстротечностью и поверхностностью: это резонанс, вызванный проповедью, скандал, рожденный модернистским произведением искусства или литературы, а также кратковременные народные волнения. Менее быстротечные ментальные процессы, типа медленного изменения эстетических вкусов публики, Дюби относит ко второй группе.

²⁰ Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап // Одиссей. 1991 – М.: Наука, 1991. – С. 17-18.

²¹ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей. 1991 – М.: Наука, 1991. – С. 53.

²² Там же.

²³ Там же. – С. 58.

²⁴ Там же. – С. 56.

²⁵ Горюнов В.Е. «Ж. Дюби История ментальности» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996. – С. 19.

«Следующий уровень – «темницы долгого времени» (по Броделю), ментальные структуры, упорно сопротивляющиеся изменениям. Они образуют глубокий пласт представлений и моделей поведения, не изменяющихся со сменой поколений»²⁶.

Но и здесь, полагает Дюби, могут происходить изменения: внешне незаметные, но протекающие довольно быстро, благодаря мутациям. И еще есть четвертый, наиболее глубоко залегающий ментальный слой, связанный с биологическими свойствами человека. Он почти неподвижен, и изменяется лишь с «эволюцией самих биологических свойств»²⁷.

Подготовительной работой при изучении истории ментальностей Дюби считает изучение языка, выделение перечня слов, употреблявшихся в ту или иную эпоху, т.е. не обойтись без лексикологов и знания синтаксиса.

«Задача истории ментальностей – выявить вербальные констелляции (созвездия слов – М.Ш.), отражающие главные сочленения коллективного сознания», – считает Дюби²⁸. История ментальностей, имея объектом сферу психологии, изучая интеллектуальные механизмы, чувства, модели поведения, будет совершать переходы от индивида к социуму и обратно, полагает он. «История ментальностей должна «пропитать» собой социальную историю»²⁹. Именно Дюби в свое время высказал мысль: «Феодализм – это средневековый тип ментальностей» («disposition d'esprit»)³⁰.

У историка ментальности есть доля субъективизма, и потому Дюби говорит о своем творчестве: «То, что я пишу, это моя история. ... Действительно, я убежден в неизбежной субъективности исторического исследования, моего, во всяком случае... я не выдумываю... впрочем, выдумываю, но стараюсь обосновать свои изобретения на возможно более прочных опорах и строить, исходя из строго критически проверенных показаний, возможно более точных свидетельств»³¹. Считая, что необходимо связать все истории, Дюби, тем не менее, считает, что «без изучения ментальных установок невозможно создать тотальную историю общества».

Таким образом, подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что Ж. Дюби имеет свою собственную позицию по теории ментальности. Она заключается в том, что для него ментальности – плод индивида и социума, произведение их диалога, что любая история должна быть рассматриваема через призму ментальности.

Характерно обращение историка-марксиста Мишеля Вовеля к проблеме ментальности. Он написал книгу «Революционная ментальность». Оппоненты ему возразили (и он согласился с ними), что «революция не есть ментальность»³². В свое время Мандру предложил именовать историю ментальностей «историей видения мира». Но Вовель считает, что это было красивое, но мало что объясняющее определение. «Но именно то неясное, что содержится в целом ряде удобных словесных формул («инерция ментальных структур», «коллективная ментальность»), не только не помешало историографическому движению, но и, похоже, благоприятствовало ему», – считает Вовель³³. Шутя, он называет историю ментальности захватчицей: все области духовной жизни она подбирает под себя.

Марксисты, по Вовелю, сначала отклонились к новому течению с недоверием: не мистификация ли это? А может, это отклонение воображения? А может, это один из способов рассмотрения мира? Но молодые историки Франции приняли метод ментального рассмотрения мира. Сам же Вовель пишет о себе следующее: «Поколение, к которому я принадлежу (к нему можно отнести также М. Аглона и Э. ля Ле Руа Ладюри), независимо от отношения к марксизму, перешло «из подвала на чердак» или, по выражению П. Шюню, пришло к истории «третьего уровня», не всегда полностью отрицая и первые два»³⁴.

²⁶ Там же. – С. 20.

²⁷ Там же.

²⁸ Горюнов В.Е. «Ж. Дюби История ментальности» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996. – С. 20.

²⁹ Там же. – С. 21.

³⁰ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – С. 151.

³¹ Там же. – С. 152.

³² Вовель М. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс – Пайо, 1989. – С. 458.

³³ Там же. – С. 457.

³⁴ Там же. – С. 458.

И, по Вовелю, история ментальностей прямо согласуется с высказыванием Маркса: «Люди творят историю, но они об этом не знают». Согласно Вовелю, история ментальностей не противостоит социальной истории, «она в действительности лишь дополняет и уточняет ее». Ее сложность есть отражение феномена «переплетения» исторических времен. Она не привязана к определенному измерению времени, вводит в «проблематику» «короткого времени» те резкие перемены, которые можно назвать революцией.

В субъективном плане история ментальностей позволяет «не спастись перед разваливающимся на части объектом исторического исследования и сохранить его целостное прочтение, учитывающее гигантскую работу себя над собой, работу, которую представляет собой жизнь людей». И, вообще, «при условии, что мы не будем видеть в истории ментальности ключ ко всем дверям, она больше, чем мода: это новая область знания открыта для постановки новых вопросов», – считает Вовель³⁵.

Подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что для Вовеля это новая история ментальности – перспективная область знания, что она – не мода и не всеобщая отмычка, и он бы полностью согласился бы со словами Ле Гоффа: «Мы – продукты своей эпохи, и я не ведаю, что именно (и как – М.Ш.) побудит она меня написать за еще остающееся для меня время»³⁶.

С точки зрения Ю. Бессмертного: «Воззрения Ле Гоффа, Дюби и близких к ним в этом вопросе Н.З. Девис, Ф. Арьеса, М. Вовеля, Ж. Делюме характеризуют лишь одну из тенденций в осмыслении ментальностей в современных «Анналах». Иную линию выражают взгляды Алэна Буро и Роже Шартье, в той или иной мере ревизирующих воззрения Дюби, Ле Гоффа и других близких к ним исследователей»³⁷.

А. Буро не отрицает роли изучения ментальностей при разработке тотальной истории. Однако, пытаясь взглянуть на историю ментальностей и «тотальную историю» свежим взглядом, он высказывает мнение, что оба эти направления нуждаются в обновлении. История ментальностей воспринимается сегодня как респектабельная, но несколько вышедшая из моды дисциплина. Историки вместо понятия «ментальность» теперь употребляют термин «историческая антропология». По Буро, исследовательские результаты в последние годы получили неоправданно расширительное толкование. Было забыто, что самые **общие** ментальные стереотипы никогда не являлись всеобщими: выражая некую характерную тенденцию поведения, они не объясняли собою поведения **всех** людей, особенно людей из элиты³⁸.

У Дюби и его сторонников, по Буро, эмоции, т.е. «идеи бедняков» трактуются как движущая сила истории, идеи же в собственном смысле считаются, чем-то поверхностными и вторичными. Существуют и обратные мифы: короли и законники придумывают публичное право, затем оно превращается в церемонию, а уже из него рождается народная вера. Здесь идеи и эмоции в любом случае противопоставляются, а сверху накладывается эволюционистская схема. Буро считает, что не все историки поддерживали представление о «ментальном холизме» общности сознания людей Средневековья, что они (Дюби, Февр и др.) подбирают свои материалы преднамеренно однонаправленные, на одно ориентированные³⁹. Абсолютизация ментальных стереотипов мешают Дюби и Арьесу изучить **механизм воздействия этих стереотипов на отдельных индивидов**. Новая «специальная история ментальностей», по Буро, должна непосредственно заняться изучением этого **механизма**. Главные задачи нового направления: уяснение того, как, каким образом коллектив способен воздействовать на отдельных «творцов истории», как некие общие представления превращаются в индивидуальные, как принятые в коллективе высказывания обретают форму персональных, индивидуализированных⁴⁰. Буро считает, что в рамках старой истории ментальностей нет доступа к некоей коллективной ментальной инстанции. Тем не менее, заслуга постановки «капитального вопроса: как

³⁵ Там же. – С. 459.

³⁶ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – С. 303.

³⁷ Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап // Одиссей. 1991 – М.: Наука, 1991. – С. 18.

³⁸ Там же.

³⁹ Арефьев П.Г., Горюнов Е.В. «А. Буро. Предложения к ограниченной истории ментальностей» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996. – С. 66-68.

⁴⁰ Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап // Одиссей. 1991 – М.: Наука, 1991. – С. 19.

коллективное может существовать в индивидах?» – принадлежит психологической версии истории ментальностей. Сам Буро тоже ищет ответа, и потому он формулирует три возможных типа соотношения целого и части и проводит анализ соответствующих категориальных пар:

1) Категория «общее /индивидуальное» (*le general // l individuel*). Через нее, по Буро, можно выявить общие тенденции жизни населения в определенную эпоху: материальное и культурное потребление, социальная мобильность, демографические тенденции, политическое поведение и т.д. Часть этих обобщений можно приписать «среднему индивиду» эпохи. Но смоделировать личность невозможно, индивид всегда остается только средним.

2) Во втором случае в качестве целого выступает родовое (*le genérique*), а в качестве протivotочлена – частное (*le particulier*). Анализ здесь движется обратно: родовое определяется «умножением частного». Частное же познается через изучение биографий исторических лиц и созданных ими произведений. Но даже и с помощью этих двух категорий невозможно ухватить суть коллективного компонента социального целого, и поэтому Буро вводит еще одну оппозицию.

3) Коллективное (*le collectif*) и особенное (*le singulier*)⁴¹. Категорию особенного сам Буро специально не разъясняет. В качестве единственного примера он приводит «воскрешенного» К. Гинзбургом мельника Меноккьо, утверждая, что тот представляет собой не «среднего индивида» и не частный случай, а именно особенное⁴². Для Буро, коллективное – это «то, что ограничивает возможности действий и решений, что создает общий язык с помощью генерации обществом представлений, образов, текстов, изображений или ритуалов и предшествует генерации антагонистических дискурсов – индивидуальных или групповых»⁴³. Буро активно пользуется терминами Мишеля Фуко, такими как дискурс и высказывание. Идея Фуко состояла в том, что речь, речевая практика людей является инструментом для освоения реальности. В ходе освоения не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого «обговаривания», правила самой речи, а значит, соответствующие мыслительные конструкции.

Здесь **дискурс** (у Фуко) – это одновременно и процесс, и результат в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо. В основании дискурса лежит «высказывание», т.е. «атом» речевой практики, некое первоначальное обобщение, образ, конвенция, что делает возможным разговор⁴⁴. Подхватив идею Фуко, Буро предлагает построить «ограниченную историю ментальностей», как описание конкретных высказываний, образующих подоснову различных дискурсов. Сами дискурсы, разнонаправленные, лично окрашенные, ценностно и идеологически разнородные, не принадлежат сфере коллективного. Коллективное – это высказывание, обозначающее новое событие. И тогда, по Буро, речь будет идти о простом понимании некоего языка, а история ментальностей призвана описывать своего рода «грамматику согласия». Согласия, но не верования или причастности. Высказывание ценностно нейтрально. Вводя еще понятие «универсумы веры» (Р. Мэртон), Буро разъясняет, что высказывания, вследствие расплывчатости и богатства своего содержания, могут принадлежать к целому ряду универсумов веры, несовместимых друг с другом.

Сам Буро уточняет, что термин «коллективное» может ввести в заблуждение: под ним имеются в виду не господствующие дискурсы, не дискурсы большинства, а «диагональные» высказывания, лежащие в основе многих дискурсов и придающие значительную степень единства определенной эпохе, образуя общий фон различных социальных «регистров»⁴⁵.

И при всем этом сам Буро не претендует на лавры отца – основателя нового направления. И это исследовательское направление, считает он, может быть возведено к Кассиреру и Фуко.

⁴¹ Арефьев П.Г., Горюнов Е.В. «А. Буро. Предложения к ограниченной истории ментальностей» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996. – С. 68-69.

⁴² Там же. – С. 69.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. – С. 72.

⁴⁵ Там же.

Рассмотрев взгляды Алэна Буро, мы можем сказать, что он ищет решение назревших проблем истории. Хочет выработать свой новый подход к истории ментальностей. И несмотря на момент сведения им живой истории к строению языка, он хочет преодолеть субъективизм в истории, чтобы не получалось так, что, описывая менталитет чужой эпохи, на самом деле исследователь не подставлял бы свой собственный или заранее запрограммированный менталитет.

Другой историк «новой исторической науки» (четвертого поколения школы «Анналов») Роже Шартье считает нынешний перелом в исследованиях результатом издержек прошлого. По его мнению, чтобы преодолеть эпистемологические трудности, историки школы «Анналов» должны отказываться от трех идей: 1) отказ от проекта глобальной истории (Ф. де Бродель); 2) отказ от территориального, в духе «человеческой географии», определения объекта исследования; 3) отказ от понимания социальных дифференциаций, как «логически первых»; и учет того, что существует некие культурные дифференциации, несводимые к социальным.

Для Шартье возможно, чтобы социальная целостность была вне жестких географических или социографических рамок, т.е. как инобытие мыслительных представлений, свободных от любого детерминизма, также как и от жесткой временной или предметной иерархии. Известно, что тексты – первооснова для историка ментальностей. Шартье же, рассматривая проблему конструирования читателем смысла прочитанного, пришел к некоторым выводам. Во-первых, тексты как таковые не имеют устойчивого, универсального смысла. Разные читатели в разных обстоятельствах понимают их по-разному. Возможности «единства интерпретации» ограничены множественностью культурных расслоений. Во-вторых, понимание текста впрямую зависит от форм, в которых он достигает читателя, и едва меняются эти формы, как текст меняет свой статус и свое значение. В-третьих, традиции чтения, свойственные той или иной группе читателей, также приобретают значение формы бытования текста. Способ чтения молча, одними глазами – это наше, а были и другие формы. История чтения призвана прояснить этот вопрос. Тот или иной текст, по Шартье, получит общественное признание, если критика текстов будет соединена с историей книги и историей чтения. Понятие «присвоение» как обретение смыслов должно стать центральным в новой истории культуры, которая сделает акцент на множественности пониманий.

По Шартье, история культуры будет дистанцироваться от узко социографической концепции, которая утверждает подчиненность культурных различий социальным. Это возможно, если исходить из анализа культурных конфигураций (распространения некоего корпуса текстов, класса печатной продукции, некоей культурной нормы) и затем проецировать их на социальное.

Чтобы связать реалии культурной и социальной жизни, Шартье формирует три предложения. Во-первых, перестать противопоставлять объективность общественных структур субъективным представлениям. У него мир социального – это мир представлений. Представление – это образ, а признание образа равносильно признанию обозначаемого⁴⁶. Тогда, по Шартье, «и структуры, и социальная практика являются, в первую очередь, производными от представлений, с помощью которых индивиды и группы осмысливают окружающий мир»⁴⁷. Тогда представления становятся матрицей для членения мира. Но в то же время представление – объективная реальность, и оно на три четверти детерминирует мысли и поступки людей, принуждая их порой действовать вопреки личным интенциям⁴⁸. Если Дюби, Ле Гофф, Гуревич А.Я. и другие считают, что представления, как ментальные стереотипы, имеют социальных носителей: крестьян, рыцарей и т.п., то для Шартье представления не имеют жесткой социальной обусловленности. Они рождаются из потребности людей данного общества сделать **это** общество для себя «менее непрозрачным», более доступным для восприятия. Соответствие между реальностью и этими представлениями отнюдь не обязательно, по Шартье. Он также полагает, что для

⁴⁶ Дубровский И.В. «Р. Шартье. Мир как представление» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996. – С. 74-78.

⁴⁷ Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап // Одиссей. 1991 – М.: Наука, 1991. – С. 20.

⁴⁸ Там же.

историка такие представления – главный инструмент социально-культурного анализа, единственный способ проникнуть в концептуальный мир людей прошлого⁴⁹.

Ю.Л. Бессмертный, касаясь мысли Шартье о свободополагании представлений, пишет, что «можно, наверное, согласиться с Шартье в том, что историкам пора освободиться от **«тирании»** социальных и имущественных членений при анализе явлений культуры. Очень многие феномены общественного сознания действительно «не признают» социологических границ. Не следует ли отсюда, что рассматривая эти феномены, тем более изучая их роль в общественных целостностях, можно вообще игнорировать их социальные особенности, функции, корни?» Но сам Бессмертный себе же отвечает: «Мне кажется, что предлагаемый Шартье подход не уменьшает, но, наоборот, увеличивает то состояние неопределенности, которое, по его словам, характеризует сегодняшний этап развития «новой исторической науки»⁵⁰.

Но Шартье делает второе предложение: для освобождения культуры от социума необходимо культурные различия рассматривать непосредственно в процессе их воспроизводства: в конкретных формах текстов и в конкретных культурных практиках. И последнее, третье предложение Шартье: попытаться понять, как изменения в формах осуществления власти влияли на строй личности и сказывались на правилах, управляющих производством художественной продукции и организующих культурные практики. Как разобраться: с одной стороны, автономизация интеллектуального рынка, а с другой стороны, политизация культурных практик во Франции в 16-18 веках? И это все еще контролировалось властью, но также начинало ускользать из-под ее контроля⁵¹.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что Шартье в пути, в поиске и продолжает небанальным образом традиции школы «Анналов». Не все в его подходе к теории ментальности можно принять, но главная ценность его позиции заключается в его размышлениях, в способе постановки им вопросов, в угадывании слабых мест методологии истории ментальностей прошлых лет.

Таким образом, несмотря на терминологическую разногласию при определении понятия «ментальность», на споры и размышления последних лет, историки школы «Анналов» увеличивают количество своих последователей, делают блестящие анализы Средневековья, размышляют над глобальной историей. Тем самым они утверждают статус своей науки, доказывают правомерность и полезность ее существования. Историческая антропология как наука завоевывает умы и сердца людей своим ментальным методом исследования, при котором предметы и явления как бы «светятся» изнутри, самообъясняют себя и свою эпоху.

Список литературы

1. Арефьев П.Г., Горюнов Е.В. «А. Буро. Предложения к ограниченной истории ментальностей» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996.
2. Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап // Одиссей. 1991 – М.: Наука, 1991.
3. Вовель М. Ментальность. // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс – Пайо, 1989.
4. Горюнов В.Е. «Ж. Дюби История ментальности» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996.
5. Гофф Ле, Жак. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992.
6. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993.
7. Дубровский И.В. «Р. Шартье. Мир как представление» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996.
8. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей. 1991 – М.: Наука, 1991.
9. Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном. – М.: Наука, 1993.

⁴⁹ Там же. – С. 21.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Дубровский И.В. «Р. Шартье. Мир как представление» // История ментальности, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996. – С.78.

MENTALITIES IN “ANNALES” REFLECTION

M. A. SHENKAO

*Karachaevo-Cherkess State
Technological Academy*

e-mail: Schenkao@mail.ru

The article discusses the genesis of the notion “mentality” in “Annals” school and represents the transformations of the notion in different authors’ works: L.Febre, M.Bloch, J, Le Goff, G. Duby, M. Vovelle, R.Chartier and A. Bourot. The paper shows the changes of methodological principles in mentality history.

Key words: discourse, collective, mentality, mentality theory, Annales school.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОР ПОСТРОЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

О. В. ЛЕДОВСКАЯ¹⁾
Е. А. СЕРГОДЕЕВА²⁾

*Ставропольский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail:
ledok1001@mail.ru

²⁾ e-mail:
sergodeeva@rambler.ru

В статье производится культурфилософский анализ роли и места традиций в становлении идентичности в глобализирующемся обществе. Отмечается, что ситуация глобализации, порождающая разнонаправленные процессы культурного развития, существенно трансформирует устойчивые механизмы построения идентичности. Это приводит к появлению следующих проблем: 1) возрастание автономии личности; 2) стирание границ между различными культурами; 3) глобализация общественных практик стимулирует процесс самоорганизации идентичности и вызывает к жизни два ее типа: идентичность сопротивления и идентичность проектную.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, постсовременность, традиция, посттрадиционное общество, рациональность, повседневность.

Идентичность – это совокупность устойчивых индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, позволяющих человеку или социальной общности иметь свою самоидентичность в социальной реальности. По словам Н.Н. Федотовой, «под идентичностью понимают интегрированность человека и общества, их способность к осознанию самоидентичности и ответу на вопрос: «Кто я такой?»»¹. В современном обществе, на фоне возрастания динамичности социальных процессов, поиск и становление идентичности является перманентным процессом. Поэтому идентичность можно определить как процесс становления человека или социальной общности на основе выбора и формирования жизненной модели в социальном взаимодействии.

В наибольшей мере актуализирует проблему идентичности как отдельного человека, так и локальных человеческих сообществ, ситуация глобализации. Это обусловлено внутренней противоречивостью самого процесса глобализации. С одной стороны он предполагает универсализацию на основе наук и технологий, рождающую взаимозависимость и взаимодействие различных стран, становление мирового сообщества. С другой стороны, становится все более очевидной тенденция явной антиглобалистской направ-

¹ Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. – С. 27.

ленности многих социокультурных процессов, проявляющаяся в уникальности и специфичности социального развития отдельных стран и регионов. Данные культурные тенденции при концептуализации проблемы идентичности манифестируются в таких парах понятий, как «глобальное – локальное» или «рациональное – традиционное». Действительно, традиции, представляя, как правило, локальные культурные образования, подвергаются кардинальной модификации при рационализации общественной жизни, вызванной процессами модернизации и глобализации.

Традиция является важнейшим элементом культуры, она обеспечивает сбор и трансляцию жизненного опыта, обеспечивая, тем самым, тесную связь между прошлым и настоящим. В связи с процессами глобализации роль и функции традиций в общественной жизни подвергаются существенным модификациям, что связано с увеличением и усилением культурных взаимодействий.

Взаимодействие между культурами осуществляется посредством культурных заимствований, диффузии и экспансии, которые в свою очередь достаточно сильно влияют на традиции стран воспринимающих чужеродные культурные образцы. Культурные заимствования относятся к мирному, ненасильственному способу перенесения инноваций из одной культуры на почву другой. При этом стоит отметить, что культуры заимствуют друг у друга не все подряд, а лишь то, что:

- является близким, понятным для культуры воспринимающей, т. е. то, что можно будет впоследствии использовать;
- является привлекательными, то есть принесет выгоду, поднимет престиж культуры, позволит продвинуться вверх по ступенькам прогресса;
- удовлетворяет такие фундаментальные потребности, которые не могут удовлетворить культурные комплексы, имеющиеся в распоряжении данной общности.

В процессе заимствования инновации проходят весьма жесткий селективный отбор – избирательное отношение к переносу идей из одной культуры в другую. Селективность может быть как целенаправленной, организованной, либо стихийной, спонтанной, происходящей в силу определенных условий общественной ситуации.

Культурная диффузия – это взаимное проникновение культурных черт и комплексов из одного общества в другое при их соприкосновении. Культурное соприкосновение или культурный контакт, может закончиться как равным и сильным влиянием их друг на друга, так и не менее сильным, но односторонним влиянием. Каналами диффузии служат миграция, туризм, деятельность миссионеров, торговля, война, научные конференции, торговые выставки и ярмарки, обмен студентами и специалистами и др. Однозначно ответить на вопрос о том, что является источником новых культурных стилей, форм невозможно. Культурные заимствования приходят буквально отовсюду: с Запада, с Востока, из недавнего прошлого и глубокой древности. Многие традиции заимствованы из культуры западного индустриального и постиндустриального мира, например хиппи, панки, яппи (корректные молодые бизнесмены с собственным кодексом поведения, позволяющим им держать дистанцию по отношению к традициям и обычаям повседневной жизни).

Культурная экспансия является еще одним из каналов проникновения инноваций в культуры различных стран и представляет собой расширение сферы влияния доминирующей культуры. Современная культурная экспансия представляет собой во многом процесс стихийный и неконтролируемый. В нынешних условиях большая часть культурного экспорта происходит на бытовом уровне, на уровне материальной культуры.

Особый интерес для нас представляет такое неоднозначное культурное явление, которое также способствует изменению традиций, традиционной культуры – как маргинальность.

Маргинальная культура – это совокупность локальных культур, базисные принципы которых оцениваются с точки зрения культурного канона как чуждые или враждебные. Социокультурный статус маргинальных культур определяется их размещением на «окраинах» соответствующих культурных систем, частичным пересечением с каждой из них и лишь частным признанием с их стороны. Всестороннее изучение маргинальности как многослойного социокультурного и социально-психологического явления становится насущным в преобразующихся обществах, где в результате проведения политических,

экономических, социальных и культурных реформ распадаются все в прошлом стабильные общественные структуры, система социальных отношений и их элементы: социальные институты, социальные группы и индивиды оказываются в пограничном, промежуточном, переходном состоянии. Разрушение социокультурных, идеологических, политических и экономических основ жизни, полное безвластие, неопределенность и неизвестность создают благоприятную почву для возникновения явления массовой маргинализации. В определенном смысле маргинальность становится одной из основных характеристик преобразующегося общества. В этом смысле маргинальность – явление, сопутствующее всяким социальным движениям и преобразованиям, одна из социальных функций общества, поскольку невозможно представить общество, в котором не происходили бы определенные преобразования.

В настоящее время в мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компонента всей системы культуры. В субстанциональном плане, культура есть, прежде всего, совокупность результатов деятельности людей по созданию материальных и духовных ценностей². Эта та часть культуры, которая консервирует такие общечеловеческие ценности как добро, истина, справедливость и другие, не позволяя из-за сиюминутных человеческих слабостей разрушать те ценности и традиции, которые были накоплены за всю историю существования человечества.

Быстрое развитие информационного общества оказывает влияние на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Аналогичных процессов в истории человеческого общества не существовало. Любые новые образования достаточно гармонично вписывались в систему культуры, постепенно адаптируясь в нее. Сегодня мы наблюдаем скорее процесс необходимой адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному пространству. Активность информационных процессов столь высока, что заставляет подчинять себе традиционные элементы культуры и, прежде всего, изменяет традиционную систему культурной коммуникации.

Происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных, резко увеличивается скорость разрушения старых ценностей, сужаются временные рамки этого процесса, что не позволяет новым символам и знакам адаптироваться к традиционной знаковой системе ценностей. Это происходит уже в период жизни одного человека или даже еще быстрее. Разрушаются системы традиционных ценностей, которые господствовали веками. Новые ценности настолько расходятся с прежними, что их культурообразующий смысл становится не всегда ясным и открытым.

Действительно, изменение сегодняшнего мира приводит к очень активным трансформациям социальных связей людей, в современной цивилизации вслед за технико-технологическим развитием постоянно меняются типы общения людей, формы их коммуникации, типы личности, образ жизни. Эта цивилизация оказалась очень динамичной, подвижной и агрессивной; она подавляет, подчиняет себе, буквально поглощает традиционные общества и их культуры. Такое активное взаимодействие техногенной цивилизации и традиционных обществ, как правило, оказывается столкновением, которое приводит к гибели последних, уничтожению многих культурных традиций, по существу, к гибели этих культур как самобытных целостностей. Традиционные культуры не только оттесняются на периферию, но и радикально меняются при вступлении традиционных обществ на путь модернизации и техногенного развития. Чаще всего эти культуры сохраняются только обрывками, в качестве исторических рудиментов.

Одна из наиболее популярных концепций воздействия глобализации на процесс конструирования идентичности принадлежит Э. Гидденсу. В рамках теории структурирования он обосновал идею имманентности институциональных порядков повседневным практикам. В соответствие с этим структуры являются как объективированным продуктом социальных практик, так и средством организации повседневной жизни.

² См.: Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник РФО. 2005. №3. – С. 10.

Согласно его теории самой очевидной отличительной характеристикой современного общества является глобализация, связанная, прежде всего, с изменением свойств социального времени и пространства. Глобализация, по мнению Гидденса, связана с растягиванием пространственно-временной дистанции, свойственной современным обществам. Она «может быть определена как интенсификация социальных отношений всемирного масштаба, которые связывают удаленные локальности таким образом, что события, происходящие в одном месте, формируются тем, что происходит за много миль от него, и наоборот». Он выделяет пять измерений глобализации:

- 1) глобальная взаимосвязь экономических процессов;
- 2) система международных отношений между нациями-государствами;
- 3) военная сила приобретает глобальный характер (исходно локальный конфликт в итоге втягивает в себя весь мир);
- 4) индустриальное развитие и глобальное разделение труда;
- 5) культурная глобализация, связанная с трансформациями коммуникационных технологий.

В связи с этим глобализация включает в себя противоположным образом направленные процессы. С одной стороны, она ведет к развитию транснациональных форм социальных практик, с другой – наблюдается растущая потребность в локальной автономии и региональной культурной идентичности. Для объяснения взаимодействия между этими процессами Гидденс вводит понятие «посттрадиционного общества». Уже общества раннего модерна отличаются попытками эмансипации от прежних традиций, однако некоторые важные элементы социальной жизни людей (в частности, семья и сексуальная идентичность) до недавнего времени находились под определяющим влиянием патриархальных традиций. В обществе же позднего модерна эта тенденция становится более радикальной. Благодаря возросшей степени рефлексивности люди больше не воспринимают традиции как «естественный порядок вещей», а значит, они теряют свою безусловность и вступают в диалог с иными ценностными системами.

В досовременных обществах пространственно-временные характеристики действия были органически связаны с конкретными социальными практиками. В социуме современного типа пространство теряет географическую конкретику и получает возможность жить в разных временах, время же отделяется от непосредственного «опыта» субъекта и благодаря развитию различных форм коммуникации становится способным отделяться от конкретных форм пространственного существования. Это приводит к кардинальной перестройке самих структур повседневности.

Можно сказать, что в современной культуре складывается ситуация сосуществования модерна и постмодерна. Несмотря на изменения, происходящие в культуре, большинство традиций остаются неизменными, однако наблюдается тенденция значительного снижения их функций.

Детрадиционализация, которая отличает социальную жизнь общества позднего модерна, свидетельствует о закате власти традиций. Происходит это, прежде всего, из-за нежелания современников принимать смысловые реальности, имеющие ценность для предшествующих поколений. Э. Гидденс предлагает считать современное общество посттрадиционным, где традиции не противопоставляются современности. Центральной чертой этого социума является ценностный плюрализм, благодаря которому культурные традиции осознаются как предмет сознательного сохранения и трансляции во времени. Вследствие возросшей степени рефлексивности, люди больше не воспринимают традиции как «естественный порядок вещей», а значит, они теряют свою безусловность и вступают в диалог с иными ценностными системами. Рост рефлексивности, детерминирующий потерю прежних форм самоотождествления, позволяет индивидам самостоятельно формировать те аспекты социокультурной идентичности, которые прежде предопределялись влиянием традиций.

Неготовность традиций к диалогу рождает фундаментализм – не только религиозный, но и националистический, этический или гендерный. «Под фундаментализмом Гидденс понимает не «возврат к прошлому» или «настаивание на базовых принципах», а нерелексивную защиту традиций в условиях неограниченной рефлексивности.

В посттрадиционном обществе социальные отношения формируются на основе «активного доверия». Индивиды в своей повседневной жизни должны самостоятельно интерпретировать происходящее и активно адаптировать экспертное знание к профилю собственной ситуации. По словам Гидденса, «активное доверие – это доверие, которое должно завоевываться, а не следовать из предустановленных социальных позиций или гендерных ролей. Активное доверие предполагает автономию, а не препятствует ей, и является мощным источником социальной солидарности, коль скоро согласие свободно дается, а не навязывается традиционными принуждениями»³.

Таким образом, развитие современного общества существенно трансформирует механизмы смыслообразования, составляющие фундамент повседневности. Глобализация, порождающая существенные бифуркации культурной жизни, вводит в повседневность проблему выбора стратегии поведения. Это предполагает интерпретацию исторического времени, доступность собственной жизненной модели для рефлексии. Построение жизненной модели предполагает осознание своего места в окружающем мире, выбор путей самореализации и социального взаимодействия. Отсюда возникает постоянная «открытость» идентичности, ее гибкость и в определенной степени независимость от традиций. Именно эти свойства позволяют Б.В. Маркову характеризовать современность как утрату зависимости человека от «почвы и крови», как глобализацию реальности, которая приобретает транснациональный и транскультурный характер и уже не регулируется прежними механизмами традиций⁴.

Пространство повседневности в контексте распространения глобальных культурных образцов, благодаря тому, что социальные отношения отрываются от породивших их социальных контекстов и могут быть реконструированы в других локусах, становится иррелевантным по отношению к целям человеческой деятельности. Соответственно этому происходят изменения социального времени. Последнее распадается на серию отрезков, каждому из которых соответствует особый, краткосрочный жизненный «проект». События начинают носить преходящий характер и требуют от субъектов постоянного «вписывания» в эту быстротечность. Изменчивость и «пластичность» становятся главными позитивными ценностями эпохи глобализации.

Жизненный мир современного человека отличается «хаотизацией» ценностей, расшатанностью их былой иерархии, многозначностью связей между целями, средствами и результатами поступков. Основной характеристикой общества постмодерна (глобализирующегося общества) Ж.-Ф. Лиотар считает эклектичность. Несмотря на то, что Лиотар определяет новую культурную ситуацию посредством сугубо эстетической категории, сама эта категория в контексте противопоставления постмодерна и модерна имеет явный общесоциальный смысл. Те тенденции, которые квалифицируются как проявления постмодернизма в различных сферах общества, объединяет именно обнаруживающаяся в них эклектичность – превращение системы (связной последовательности и единообразия деятельности) в конгломерат (парадоксальное соединение разнородных и фрагментарных актов).

В этих условиях на смену прежним (традиционной и рациональной) моделям поведения приходит «пострациональная» система ценностей, которая свободно легитимирует каждое из предпочтений, терпимо относится к любым их пропорциям и комбинациям.

Обретаемая постмодернистским человеком гибкость в определенной мере коррелирует с независимостью личности, ее свободой от давления и жесткой регламентации со стороны всевозможного рода авторитетов. Тем не менее, параллельно с обретением мобильности, самодостаточности, современные люди оказываются лишенными укорененности и человеческой привязанности. Они предпочитают расширяющееся пространство своего движения месту, с которым отождествляли бы себя, и людям, за которых несли бы ответственность. Им чуждо чувство Дома, равно как и ответственность перед другими.

³ Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Контуры современной критической теории. Минск, 2002. – С. 107.

⁴ Марков Б.В. Человек и глобализация мира // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Вып.1. СПб., 2001. – С. 117.

Изменение механизмов конструирования в процессе глобализации приводит к тому, что «стандантизированные биографии», присущие эпохе модерна, трансформируются в рефлексивные индивидуальные жизненные миры, где исчезают характерные для прежних обществ жизненные устои и моральные предпочтения. Человек общества постмодерна является носителем «рефлексивных биографий», которым присуще нетиповое планирование жизни самими индивидами, избирающими ту социальную группу и ту субкультуру, с которой они хотели бы себя идентифицировать. Новая модель рациональности, предполагающая прежде всего свободу многообразия, находит свое воплощение в теории мультикультуризма.

В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов выделяют следующие инновационные перемены в нормативно-ценностной сфере повседневной жизни в период глобализации⁵.

- Глобализация приводит к новым сочетаниям глобальных и локальных культурных ценностей. Локальные структуры могут сохранить себя только в том случае, если между ними складываются сетевые связи, способные к глобализации на своем уровне.

- В условиях глобализации по-новому ставится вопрос о социальном неравенстве и отношении к нему изменившейся морали. Постмодерн расшатывает незыблемость присущих индустриальному обществу социальных параметров: классовую структуру, устойчивые формы семьи, гендерные роли, отношение к труду, социальному партнерству. Происходит распад классической социальной структуры на множество индивидуальных и групповых жизненных проектов, когда биография, удаленная от стандарта и непрерывно перестраиваемая, становится фундаментальным проектом и возникают новые микрообщности.

- Происходит процесс обновления нормативно-ценностной системы определенной цивилизации, накопления порожденных ею позитивных тенденций, с которыми связаны перспективы успешной адаптации к современным тенденциям.

Можно сказать, что глобализация общественных практик стимулирует процесс самоорганизации идентичности и вызывает к жизни два ее типа: идентичность сопротивления и идентичность проектную, ориентированную на адаптацию к новым реалиям. Социальные движения, основанные на идентичности сопротивления, могут быть как конструктивными (когда они фокусируют свое внимание на действительно негативных аспектах глобализации), так и деструктивными. Наибольшим деструктивным потенциалом обладают сегодня религиозные и национальные движения, особенно в экономически отсталых странах. С другой стороны, активизация национального и религиозного сознания – это вполне естественная реакция на разрушение связей с традиционной общностью, проникновение «чуждых» идей, ценностей и моделей поведения. В условиях, когда рушится привычный мир, объединение вокруг первичных источников идентичности помогает людям обрести почву под ногами.

Таким образом, в ситуации глобализации на изменение содержания и характера функционирования традиций влияют такие факторы, как культурная диффузия, культурная экспансия и культурная маргинализация. Феномен детрадиционализации выражается в радикальных изменениях социальной структуры, роли и значения социальных институтов, ролей, норм и ценностей. Причем это касается глубинных структур, оказывающих непосредственное влияние на формирование идентичности человека. Рост рефлексивности, детерминирующий потерю прежних форм самоотождествления, позволяет индивидам самостоятельно формировать те аспекты социокультурной идентичности, которые прежде предопределялись влиянием традиций. Поэтому можно сказать, что глобализация общественных практик стимулирует процесс самоорганизации идентичности и вызывает к жизни два ее типа: идентичность сопротивления и идентичность проектную, ориентированную на адаптацию к новым реалиям.

Список литературы

1. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 27.

⁵ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // СОЦИС. 2003. № 5.

2. См.: Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник РФО. 2005. №3. С.10.
3. Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Контуры современной критической теории. Минск, 2002. С. 107.
4. Марков Б.В. Человек и глобализация мира // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Вып.1. СПб., 2001. С. 117.
5. См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // СОЦИС. 2003. № 5.

TRADITIONS AS A FACTOR OF FORMATION OF IDENTITY IN THE GLOBALIZED SOCIETY

O. V. LEDOVSKAYA¹⁾

E. A. SERGODEEVA²⁾

Stavropol State University

¹⁾ *e-mail: ledok1001@mail.ru*

²⁾ *e-mail:*

sergodeewa@rambler.ru

The paper gives the analysis of a role and a place of traditions in formation of identity in a globalized society. It is stated that the situation of globalisation generating various processes of cultural development, essentially transforms steady mechanisms of construction of identity. It leads to occurrence of following problems: 1) increasing of personal autonomy; 2) deleting of borders between various cultures; 3) globalization of public practices stimulates process of self-organising of identity and causes two its types to a life: identity of resistance and identity design.

Key words: identity, globalisation, postmodernity, tradition, post-traditional society, rationality, daily occurrence.

УДК 159.955:7.01

«МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЯЗЫК» КАК НЕ-ЗНАКОВАЯ ФОРМА МЫШЛЕНИЯ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ «ЗАСТОЯВШЕЙСЯ ТРАДИЦИИ»

И. Н. НЕХАЕВА*Омский государственный
университет
им. Ф.М. Достоевского**e-mail:
Ira-Nekhaeva@rambler.ru*

Статья посвящена критическому анализу музыкального искусства как области демонстрации языка, представляющего собой знаковую систему и, согласно традиционному взгляду, элиминирующего музыкальную область, которая сама по себе не содержит знаков, а также значений, поскольку не имеет условий для взаимодействия означаемого и означающего, что последовательно рассматривается и аргументируется посредством нахождения и противопоставления особенностей и специфики языковой и музыкальной сфер.

Ключевые слова: язык, семиотика музыки, система, значение, смысл, знак, не-знаковая форма мышления.

Без всякого сомнения, попытки анализа музыкального искусства с позиций различных теоретических дисциплин, таких как теория музыки, полифония, гармония, а также культурология и искусствознание¹, привели к одному общему и не утешительному результату, а именно музыкальное искусство стало частью языка. Очевидно, что такого рода тотальность в решении вопроса о положении музыки, ее месте, а также определение «места», относительно которого она должна пониматься и анализироваться, диктуется, прежде всего, современным положением дел – «лингвистическим поворотом», ознаменовавшим начало XX века. Отсюда, наиболее характерным для исследования музыкального искусства становится взгляд «из языка» и посредством языка, причем, данная позиция, казалось бы, является естественной, поскольку язык есть часть мышления. Хотя, попадая «в язык», то есть «говоря» на языке, или используя язык как инструмент мышления, все-таки не следует поспешно объявлять то, что «помещается» в язык языком², только по той причине, что некая отдельно взятая позиция (точка зрения), например, стремление объяснить, или перевести (понять) музыкальное произведение, и, тем самым превратить его в язык, становится ведущей, даже, вернее сказать, единственной точкой зрения, поскольку музыка по своей природе и по специфике восприятия не нуждается в каком-либо переводе или объяснении. Иными словами, такого рода воззрение явно или неявно стало традицией, и уже само собой разумеющимся представляется исследование не искусства музыки, а «музыкального языка», что, по сути, элиминирует музыкальную материю, и нивелирует действие познавательной способности, которая с необходимостью должна теперь носить критический характер.

Высказываясь по поводу познания языкового феномена, Э. Бенвенист отмечал: «Мы думаем, что можем постичь языковой факт непосредственно, как некую объективную реальность. На самом же деле мы постигаем его лишь на основе некоторой точки

¹ Следует особо подчеркнуть, что автор данного исследования не оспаривает допущение в целом семиотической функции музыки в границах специальных музыкально-теоретических дисциплин, поскольку, действительно, в этой связи необходимо учитывать, с одной стороны, удобство анализа музыкальной материи, а с другой – прояснения ее специфики посредством знаково-символической обработки. Однако анализ музыкального искусства с позиции всякого иного места, помимо музыки – в данном случае таким «местом» становится язык, – возможно рассматривать именно в качестве кода, организующего музыкальное пространство исключительно в контексте своих установок по мере утрачивания музыкальным искусством собственных правил.

² Заметим, что с точки зрения известного швейцарского лингвиста Ф. Соссюра «...изучение какого-либо конкретного языка неизбежно приводит к изучению языка вообще». Цит. по: Бенвенист Э. Лингвистика на пути преобразований // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 53.

зрения, которую прежде надо определить»³. Исходя из этого, необходимо, действительно, определить границы, относительно которых следует формировать определенную точку зрения на музыкальное искусство, с тем допущением, что она является не единственной, а лишь одной из многих. При этом основополагающим различием должен являться сам способ интерпретации, или непосредственное видение предмета исследования, который и будет диктовать специфику данной точки зрения. Согласно такому представлению, следует подчеркнуть, что язык всего лишь часть мышления и, притом, его «малая часть»⁴, поэтому, пользуясь языком в процессе исследования музыкального искусства с необходимостью задаются две возможности относительно использования языкового феномена, а именно: либо язык является инструментом анализа предмета исследования, либо сам предмет, отождествляясь с языком, анализируется с учетом всех структурных элементов языка, которые, по сути, становятся и его элементами. Следует указать, что как первый способ, так и второй могут быть реализованы. Однако если второй из них имеет тенденцию к нахождению некоей тождественной данному предмету исследования структуры, в итоге поглощающей этот предмет, хотя, при этом, в некоторой степени он способствует упорядочиванию и структурализации материала анализируемого предмета, то, напротив, первый способ гармонично сочетает в себе содействие языковых структурных элементов, как инструмента структурализации, и, вместе с тем, тонко чувствует границу исследуемого предмета при вступлении с ним в контакт, учитывая все его особенности и специфику, а, следовательно, дает возможность выявить не только непосредственные характеристики предмета, но и проследить саму деятельность языкового инструментария.

Необходимо уточнить, что оба способа анализа музыкального материала могут, на первый взгляд, казаться тождественными. Тем не менее, это иллюзия, и любого рода искусствоведческая литература является тому подтверждением, поскольку в ней для исследования музыкального искусства язык не используется в качестве инструмента анализа. Напротив, путем притягивания основных языковых составляющих (текст, символ, знак, фраза, предложение и другие), и в процессе введения их в музыкальное осмысление, – без каких-либо объяснений такого введения, – происходит элиминирование музыки языком. Без сомнения, контраргументом к данному замечанию может быть указание на естественное функционирование языка, при котором последний, якобы, представляет собой место, где «разворачивается» понимание, иначе, язык – это условие для экспликации мысли и ее рефлексии. Однако именно здесь можно попасть в ловушку, так как, пользуясь языковой способностью, то есть находясь в том месте, где функционирует язык, не следует допускать полного вбирания ситуации, складывающейся при анализе предмета, в пространство языка. Иными словами, между данной предметной областью и языковой плоскостью необходимо установить дистанцию «взаимоуважения». Отсюда, принимая конкретные допущения относительно использования языкового механизма в ходе исследования, в данном случае, музыкального феномена, не следует «расчленять» музыку, как труп, находя в ней исключительно символы, знаки, предложения, контексты, тексты и так далее, а, напротив, попытаться взглянуть на музыку из «музыкального места» и, тем самым, определить специфику музыкального искусства из него самого.

Таким образом, выбирая первый способ исследования музыкального искусства, прежде всего, необходимо осознавать, что, согласно Ф. Соссюру язык представляет собой *систему*, ведь именно такое воззрение на язык является новизной его учения⁵. Отсюда следует допущение возможности рассмотрения музыки как музыкальной «системы».

³ Бенвенист Э. Лингвистика на пути преобразований // *Общая лингвистика* / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 53.

⁴ Характеризуя позицию Ф. Ницше относительно языка, М. Соболева особо отмечает, что существуют два вида мышления – не связанное и связанное с языком, причем последнее есть только «малая часть» всего мышления. Подробнее см.: Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005 / М.Е. Соболева. – С. 62-75.

⁵ Приведем лишь несколько определений языка, высказанных Ф. Соссюром: «язык – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной мере психичны»; «язык есть система, которая подчиняется только своему собственному порядку»; «язык есть система, все элементы которой образуют целое». Соссюр Ф. *Курс общей лингвистики*. – М.: КомКнига, 2006 / Ф. Соссюр. – С. 39, 45, 114.

При этом, хотя и происходит выбор «системы» в качестве элемента языковой принадлежности, то есть некоторого рода заданности процесса исследования музыкального искусства, позволяющей определить отношения между языковым пространством и музыкальным, тем не менее, это означает лишь то, что музыка будет рассматриваться в контексте предлагаемого угла зрения, но, по сути, не будет лишена своего априорного статуса. В этой связи, совершенно очевидным представляется определение языка как *места* функционирования знака⁶, и как следствие, основной задачей является установление степени присутствия знаковой природы в музыке. Соответственно, для систематизации музыкальной материи необходимым представляется то, что музыка складывается из соединения звуков, которые расцениваются как *ноты* в момент их упорядочивания в рамках *гаммы*, которая есть совокупность, повторяющаяся в нескольких высотах, и имеющая отличительную тоновую характеристику, указанную ключом. Согласно позиции Э. Бенвениста, «ноты упорядочиваются в рамках гаммы, в которую они входят в определенном числе как дискретные, обособленные друг от друга элементы, каждый из которых характеризуется постоянным числом колебаний в единицу времени»⁷. Именно понимание «ноты» как дискретной, не связанной с предыдущим и последующим звуком, приводит к возможности ее интерпретации как языковой *единицы*, что совсем не соответствует действительности, поскольку единица языка есть «отрезок звучания, являющийся, с исключением того, что ему предшествует и того, что за ним следует, в речевой цепи "означающим" некоего понятия»⁸. При этом если речь ведется о систематизации звуков в гамме, то, конечно, гамма есть некая *последовательность* всех звуков (ступеней) лада, расположенных, начиная от основного тона, в восходящем или нисходящем порядке. Однако даже при условии, что демонстрируется именно «последовательный ряд» звуков, все же неверной будет трактовка этой последовательности в ее абсолютном значении, а именно как элементарного следования друг за другом обособленных звуков, то есть их рассмотрение вне какого-либо процесса соподчинения друг другу⁹, поскольку гамма – это, безусловно, последовательность, но ее звуки являются всегда ступенями какого-либо лада¹⁰, а лад – это, как правило, наличие соотношения¹¹. Возвращаясь к анализу языка, следует отметить, что языковая сущность определяется исключительно тогда, когда данный языковой факт отграничен от всего, что его окружает в звуковой цепи. Такого рода отграниченные сущности или единицы противоплагаются друг другу и образуют сам механизм языка. Отсюда, если, с одной стороны, «музыкальная единица» в контексте ее ассоциативного применения как единицы языка, исходя из приведенных аргументов, не есть обособленная сущность в звуковой последовательности, то, с другой стороны – согласно приведенному выше определению языковой единицы, представляющей собой также «"означающее" некоего понятия», фиксирует определение условия для аргумента-

⁶ Данное представление четко прописано Ф.Г. Юнгером: «Согласно символической точке зрения, слово – это знак для чего-то другого», или, как он, вслед за Больцано, определяет совокупность (Inbegriff) знаков составляет язык. При этом говорение, или речь, по его словам, – это употребление знаков. И далее: «под совокупностью мы понимаем сегодня нечто, включенное и собранное в определенную целостность, нечто составляющее единое целое. Это переносное значение слова Inbegriff, появившееся относительно недавно; старое, уже вышедшее из употребления значение этого слова – ограниченное, заключенное в определенные границы место. Применительно к языку это означает, что язык – это место знаков». Юнгер Ф.Г. Слово и знак // Язык и мышление / Ф.Г. Юнгер. – СПб.: Наука, 2005. – С. 96.

⁷ Бенвенист Э. Проблемы коммуникации // Общая лингвистика. – М.: Едиториал УРСС, 2002 / Э. Бенвенист. – С. 79.

⁸ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: КомКнига, 2006 / Ф. Соссюр. – С. 106.

⁹ Необходимо отметить, что даже такие специфические образования, как, например, «гамма Римского-Корсакова», она же – «гамма Шопена», а также «гамма Черномора», без сомнения, являются «гаммами» номинально, а именно такими последовательностями, которые, вместе с тем требуют, в частности, неукоснительного выполнения условий интервального отношения внутри каждой последовательности, то есть «гамма Шопена» – звукоряд тон-полутон, а «гамма Черномора» – целотонный звукоряд.

¹⁰ Лад – это определенная согласованность звуков по высоте, либо системность высотных связей, объединенных центральным звуком (или созвучием), а также воплощающая ее конкретная звуковая система (чаще всего встречающиеся в виде звукоряда).

¹¹ Следует указать на то, что гамма является также выразителем количественного состава лада и звуковысотных соотношений его ступеней.

ции в пользу возможности противопоставления музыки и языка. В связи с этим, необходимо указать на основное свойство звуковой цепи, представляющее собой именно *линейный* принцип разворачивания, поскольку, осуществляемая в языковом пространстве звуковая цепь представляется как *означающее*, которое будучи свойством слухового восприятия, реализуется только во времени и поэтому характеризуется заимствованными у времени признаками. Так, означающее представляет собой *протяженность*, а протяженность, в свою очередь, лежит в одном измерении, то есть это – *линия*¹². При этом протяженное свойство языка настолько очевидно, настолько и значимо, так как от него зависит сам механизм языка, поскольку, как уже указывалось, языковые единицы, вступая между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, тем самым образуют цепь, которая исключает возможность соединения двух элементов одновременно, так как представленные единицы выстраиваются в речевую цепь, опирающуюся на протяженность, в результате чего возникают сочетания, получившие в языке название *синтагмы*, которая всегда состоит из двух или нескольких последовательных единиц [10]. Между тем, музыкальная материя способна выстраивать вместе с последовательным (горизонтальным), или линейным (мелодическим) развертыванием звуковой цепи еще и одновременный (вертикальный), или гармонический ряд, который противоречит правилам языкового следования, являясь еще одним аргументом в пользу различия природы музыки и языка¹³.

Возвращаясь к сказанному ранее о том, что языковая единица обладает свойством означивания, но, вместе с тем, представляет собой непрерывно развивающуюся звуковую ленту, в которой ухо не различает никаких ясных и четких делений, необходимо отметить, что для обнаружения таких делений следует прибегнуть к *значениям*, которые, однако, не заложены изначально в языковую материя, а выстраиваются в процессе деятельности рассудка. Вполне понятно, что данный аспект является наиболее существенным контраргументом против отождествления музыки и языка, поскольку, с одной стороны, подобных делений на отдельные составные единицы в музыке нет, так как музыкальная «система» ровным счетом не несет никакого значения, а поэтому, метод разграничения, являющийся в языке способом передачи значения и, тем самым, проявляющий языковую реальность, не есть условие осуществления, для музыкальной реальности, а с другой стороны – языковые единицы функционируют в пространстве языка с целью производства *смысла*, который, впрочем, в музыке также отсутствует. Таким образом, вышеизложенное требует уточнения в том аспекте, что следует четко разграничить между собой «смысл» и «значение». Интересно, что Г. Фреге для этого использует знак, который, в данном случае, следует понимать как некий связующий визуальный образ, посредник,

¹² К сказанному следует добавить, что в отличие от зрительных означающих (например, морские сигналы), которые возможно выстраивать одновременно из комбинаций в нескольких измерениях, акустические означающие могут располагаться лишь во временной линии, поскольку их элементы, следуя один за другим, образуют цепь. Данное свойство становится «зримым» как только они изображаются на письме, тем самым, переходя из последовательности во времени к пространственной линии графического изображения. Подробнее см.: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: КомКнига, 2006 / Ф. Соссюр. – С. 80–81.

¹³ Подобной точки зрения придерживается и Э. Бенвенист, в частности, утверждающий, что «музыка – это система, которая развертывается по двум осям: оси одновременности и оси последовательности. Здесь можно было бы видеть аналогию с функционированием языка также на двух осях – парадигматической и синтагматической. Однако ось одновременности в музыке противоречит самому принципу парадигматики в языке, который представляет собой принцип селекции (отбора), исключаящую всякую внутрисегментную одновременность; точно так же и ось последовательности в музыке не совпадает с синтагматической осью языка, потому что музыкальная последовательность совместима с одновременностью звуков и потому что она, кроме того, не подчинена никаким требованиям слияния или выпадения, которые касались бы или одного какого-то звука или какой-либо совокупности звуков. Таким образом, музыкальная комбинаторика, определяемая гармонией и контрапунктом, не имеет эквивалента в языке, в котором как парадигма, так и синтагма подчиняются специфическим правилам упорядочения: правилам совместимости, избирательности, повторяемости (рекуррентности) и т. д.; от этих правил зависит и частотность и статистическая предсказуемость, с одной стороны, и возможность строить понятные высказывания – с другой. Это различие в свойствах не связано с какой-либо частной музыкальной системой или с выбранным звуковым диапазоном; в додекафонической серии оно проявляется столь же четко, как и в диатонии». Бенвенист Э. Лингвистика на пути преобразований // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 80.

выявляющий специфику и особенности предмета, неизбежное присутствие которого выявляет следующую характеристику: «некоторый знак (слово, словосочетание или графический символ) мыслится не только в связи с обозначаемым, которое можно было бы назвать значением знака, но также и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака, содержащим способ данности [обозначаемого]»¹⁴. Следовательно, значением представляется чувственно воспринимаемый предмет, который как значащий есть *внутренний образ*, при этом, напротив, *представление* значения исключительно субъективно, так как, безусловно, представление одного человека отличается от представления другого, отсюда, соответственно, смыслом называется сам способ, каким предмет нам дан или является. Тем самым характерной особенностью связи смысла и значения представляется то, что при наличии некоторого смысла присутствие значения не следует с необходимостью. Так, например, выражение «в наименьшей степени сходящийся ряд» имеет определенный смысл; однако доказано, что оно не имеет значения, так как для любого сходящегося ряда всегда найдется ряд, сходящийся еще медленнее. В отношении музыки можно сказать, что она имеет некий «смысл», но только в том случае, когда происходит допущение «производства» такового¹⁵, вместе с тем, музыка не способна иметь какого-либо значения, поскольку она не имеет собственного предмета. Дело в том, что мысль, которая с необходимостью несет определенный смысл, в рамках языка имеет априорную способность, а именно стремление к переходу от смысла (мысли) к значению, и именно в этом раскрывается принципиальная оппозиция музыки и языка, поскольку любое суждение содержит в себе переход от уровня мыслей к уровню значений, обеспечиваемый преимущественным интересом к фиксации *истинного* значения мысли¹⁶, делает вполне очевидным сам факт отсутствия значения в музыке, ведь последняя не может быть истинной или ложной.

Итак, в дополнение к сказанному следует также отметить, что единицы языка не только обладают функцией означивания, но являются именно «означиванием» некоего понятия», отсюда стремление в языке к выстраиванию «понятийной действительности» представляется основанием для еще одного аргумента в пользу противопоставления музыкальной природы и языковой. Здесь же необходимо определить и метод, согласно которому в языке происходит образование любого значения, а именно из согласованной взаимозависимости двух параллельных цепей – цепи понятий и цепи акустических образов – возникает метод разграничения, являющийся основным способом возникновения значения¹⁷. Ничего подобного не происходит в музыкальном пространстве, ведь, если цепь акустических образов еще возможно допустить при условии, что это всего лишь факт деятельности нашей способности воображения, которая может быть развита в большей или меньшей степени, а у кого-то вообще сведена к минимуму и, при звучании данного музыкального произведения, не проявится в виде последовательного ряда образов, – то наличие цепи понятий вообще невозможно согласно выше изложенным соображениям. Таким образом, в музыкальном искусстве отсутствует какой-либо метод раз-

¹⁴ Фреге Г. О смысле и значении // Избранные работы. – М.: Аспект Пресс, 1997 / Г. Фреге. – С. 230-246.

¹⁵ Подобного рода «накидывание» смысла чаще всего происходит при наличии предмета, то есть при заинтересованном отношении к нему, что подтверждается мнением И. Канта, гласящим: «...интересом называется благоволение, которое мы связываем с представлением о существовании какого-либо предмета». Однако музыка, будучи искусством, характеризуется исключительной незаинтересованностью, поскольку «когда вопрос заключается в том, прекрасно ли нечто, мы не хотим знать, имеет ли – может ли иметь – значение для нас или для кого-нибудь другого существование вещи; мы хотим только знать, как мы судим о ней, просто рассматривая ее (созерцая ее или рефлексируя о ней)». Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в 8 т. – М.: Изд-во «Чоро», 1994 / И. Кант. – Т.5. – С. 41.

¹⁶ Согласно Г. Фреге, «значением предложения является его истинностное значение. Под истинностным значением предложения я понимаю то обстоятельство, что оно является истинным или ложным. Других истинностных значений нет». Фреге Г. О смысле и значении // Избранные работы. – М.: Аспект Пресс, 1997 / Г. Фреге. – С. 239.

¹⁷ Подробнее см.: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М.: КомКнига, 2006; Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – С. 175-194.

граничения для образования значений, поскольку даже значимость¹⁸ не является трансцендентальным условием существования музыки, то есть присутствие или отсутствие значения не касается самой музыкальной материи, иными словами, мышление в музыкальной плоскости не пользуется методом разграничения, эксплицирующим значения, так как их в музыке просто нет.

Исходя из всего сказанного, необходимо особо подчеркнуть, что постсоссюрианские представления о языке как *структуре* также способствуют развенчиванию позиции о том, что музыкальное искусство является частью языковой реальности. Так, в частности, утверждается, что структурой является автономная сущность с внутренними зависимостями, то есть структура представляет собой не простой набор элементов, но целое, образуемое исходя из взаимосвязи элементов таким образом, что каждый из этих элементов может являться тем, что он есть только благодаря отношениям с другими элементами, то есть «...свойства каждого элемента зависят от структуры целого и от законов, которые управляют этим целым»¹⁹. Данное положение подкрепляется тем, что представляется, якобы, невозможным научное описание какого-либо объекта без непосредственного применения к нему структурного принципа, без сомнения, имеющего место быть и даже обладающего необходимым характером, но одновременно, применимо к определенному роду объектам, описание все же не есть сам предмет этого описания, в противоположность позиции, отстаиваемой научным дескриптивизмом. Иными словами, если язык является структурой, то и метод естественным образом применимый к нему, представляется как структурный, и это наиболее верный подход, поскольку язык, исходя из данного положения дел, характеризуется согласно своей природе и благодаря ей, что приводит к завершённой и оригинальной точке зрения. Однако, совершенно очевидно, что музыкальное искусство хотя и подлежит подобного рода «научной» трактовке, – при желании аналитического прочтения музыки, что нередко встречается в рамках музыкально-теоретических дисциплин, – но, тем не менее, вовсе не является структурой по сути, так как музыку, как и творчество, невозможно «вогнать» в границы структуры, поскольку, в противном случае, это позволит анализировать музыкальное искусство исключительно по частям, что, согласно выше изложенному пониманию структуры, будет вступать в противоречие с законами структурного анализа. Необходимо отметить, что согласно взглядам современных лингвистов «...перед исследователем стоит фатальный выбор между структурным описанием и ненаучным описанием, которое сводится к простому перечислению»²⁰. При этом категоричность, с какой отмечается отход от структурной характеристики, в большей степени все же касается именно анализа специфики языкового пространства, поскольку, естественно, существует множество других методов вполне адекватных в плане их научного статуса.

Возвращаясь к вопросу о взаимозависимости элементов внутри структуры и возможности замены любого элемента этой структуры без изменения всех других частей, вызывающей общую перегруппировку структуры в целом, следует особо отметить, что данное положение дел связано, прежде всего, со значимостью, которая определяет свое содержание не положительно, а отрицательно, посредством противопоставления себя другим элементам системы. При этом отсутствие предзаданности в акте экспликации значимости вполне соответствует функционированию знака и языка как целого постольку, поскольку язык есть система знаков, которая существует только благодаря различиям²¹. Более того, хотя различия и предполагают положительные моменты, между которыми и должно возникнуть данное различие, в языке оно осуществляется без положи-

¹⁸ Следует особо подчеркнуть нецелесообразность смешивания «значения» и «значимости», поскольку значимость представляет собой свойство репрезентировать идею, а значение – это соответствие слухового образа в схеме «означаемое↔означающее». Подробнее см.: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: КомКнига, 2006 / Ф. Соссюр. – С. 113-116.

¹⁹ Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Прологомены к теории языка. – М.: КомКнига, 2006 / Л. Ельмслев. – С. 181.

²⁰ Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Прологомены к теории языка. – М.: КомКнига, 2006 / Л. Ельмслев. – С. 182.

²¹ Барт Р. Семантика вещи // Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 416-426.

тельных моментов, но с необходимым присутствием концептуальных и звуковых различий, проистекающих из звуковой системы, поскольку значимость термина способна видоизменяться без изменения как смысла, так и звуков, исключительно по причине того, что некий смежный термин начал претерпевать изменения [10]. Таким образом, необходимо особо отметить, что язык, по сути, представляет собой некое подобие сетки, элементы которой строго упорядочены в рамках одной определенной заданности, что является условием существования множества языков, при этом деятельность языка представляет собой акт «накидывания» сетки на любые объекты, проблемы и явления, которое дает их особую специфическую интерпретацию.

Что касается музыкального искусства, то ничего подобного в нем не происходит, поскольку, во-первых, – и это следует особо подчеркнуть, – понятие «музыкальный язык» – всего лишь термин, который служит для удобства сообщения в музыкально-теоретических исследованиях, поэтому определять музыку как язык, опираясь на это некорректно и нецелесообразно. Кроме того, само использование понятий «фраза»²², «предложение» при характеристике музыкального произведения является скорее случайным совпадением, чем закономерным следованием из тождественности музыки и языка. Во-вторых, поскольку язык является системой знаков, то и музыка, будучи языком, должна соответствовать данному представлению, что абсурдно, так как, согласно Л. Ельмслеву, «...знак характеризуется, прежде всего тем, что он является знаком для чего-то»²³, тогда как музыка является исключительно незаинтересованным феноменом, то есть существующим безотносительно к явлениям, наличествующим вне музыкального искусства. При этом следует отметить, что отсутствие в музыке означаемого и означающего, взаимодействие которых и представляется условием производства знака, является вполне естественным и закономерным.

В дополнении необходимо указать на факт существования интересной точки зрения на музыкальное произведение как знаковое явление, согласно которой утверждается, что, хотя музыкальная материя и не имеет знаковой природы, тем не менее, само музыкальное произведение в своей целостности является знаком, но не знаковой системой²⁴. Такого рода представление основывается на том факте, что в рамках музыкального восприятия, якобы, устанавливаются постоянные идеально-духовные комплексы, связанные исключительно с конкретной музыкой и не зависящие от какого-либо контекста. В данном случае, имеется в виду, что музыкальное произведение, находясь в непосредственном взаимодействии с вполне конкретным идеально-духовным комплексом, который, вероятно, имеет функцию означающего, само по себе является означаемым, иными словами, знак, в таком понимании, возникает как знак самого себя. Необходимо указать, что подобного рода взгляд на музыкальное искусство не представляется оригинальным, поскольку разворачивается в рамках «застоявшейся традиции», а именно – семантической интерпретации музыкального искусства, вместе с тем затрагивая множество сложных вопросов, касающихся языка, без должного анализа и глубокого понимания данной проблемы²⁵.

Таким образом, следует критически отнестись к устоявшемуся представлению о музыкальном искусстве как части языковой реальности, направляя свои усилия не на отождествление музыки и языка, а на поиск различия между ними, что приведет к обоюдному развитию как области языка, так и музыкальной сферы.

²² Необходимо указать на тот факт, что фраза не относится к языку, а принадлежит речи, о чем свидетельствует Ф. Соссюр: «Если она [фраза] принадлежит к сфере речи, она не может служить языковой единицей»; и еще: «...типом синтагмы по преимуществу является фраза; но ведь она относится к речи, а не к языку» Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М.: КомКнига, 2006. – С. 108, 122.

²³ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – С. 67.

²⁴ Подробнее см.: Бонфельд М. Семантика музыкальной речи // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / М. Бонфельд. – М.: КомКнига, 2007. – С. 82-141.

²⁵ К данному замечанию примером может послужить анализ музыкального искусства, произведенный М. Бонфельдом с той замечательной особенностью, что, характеризуя музыкальную речь и, при этом используя понятие знака, автор даже не догадывается о том, что речь как таковая не принадлежит языку, притом что язык как раз является системой знаков. Подробнее см.: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М.: КомКнига, 2006. – С. 36-43.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Лингвистика на пути преобразований // *Общая лингвистика*. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 20-66.
2. Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005.
3. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: КомКнига, 2006.
4. Юнгер Ф. Г. Слово и знак // *Язык и мышление*. – СПб.: Наука, 2005. – С. 69-103.
5. Бенвенист Э. Проблемы коммуникации // *Общая лингвистика*. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 67-126.
6. Фреге Г. О смысле и значении // *Избранные работы*. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 230-246.
7. Кант И. Критика способности суждения // *Сочинения в 8 т.* – М.: Изд-во «Чоро», 1994. – Т.5. – С. 5-330.
8. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // *Пролегомены к теории языка*. – М.: КомКнига, 2006. – С. 175-194.
9. Барт Р. Семантика вещи // *Система Моды. Статьи по семиотике культуры*. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 416-426.
10. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка. – М.: КомКнига, 2006.
11. Бонфельд М. Семантика музыкальной речи // *Музыка как форма интеллектуальной деятельности*. – М.: КомКнига, 2007. – С. 82-141.

**«MUSICAL LANGUAGE» AS A NON-SIGN FORM OF THINKING,
OR SOME REMARKS IN OCCASION OF «STALE TRADITIONS»****I. N. NEKHAeva***Omsk State University
by name F.M. Dostoevsky**e-mail:
Ira-Nekhaeva@rambler.ru*

The article is devoted to the critical analysis of musical art as an area of demonstration of the language representing sign system and, according to a traditional sight, eliminating musical area, which itself contains neither signs nor meanings since it has no conditions for interaction between a signifying and signified, and is consistently considered by means of finding and opposition of features and specificity of language and musical spheres.

Key words: language, semiotics of music, system, meaning, sense, sign, non-sign form of thinking.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ. СТАТЬЯ 4. КОНФИГУРАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА*

О. Н. РИМСКАЯ
В. П. РИМСКИЙ¹⁾

¹⁾ Белгородский
государственный
университет

e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru

В статье обосновывается методология исследования современных молодежных субкультур и субкультурных религий, позволяющая не только описать их основные конфигурации в России и регионах, но и выявить онтологические смыслы бытия молодого человека в пространстве и времени превращенных форм сознания и отчужденных систем коммуникаций.

Ключевые слова: междисциплинарная методология, субкультуры, конфигуративная типология, онтологические основания, экзистенциальный хронотоп, инновационные жизненные стратегии, молодежное мифосознание, субкультурные религии.

Современный человек вступает в мир в совершенно иных условиях, нежели это было не только сто лет назад, накануне революций, изменивших мир в XX веке, но даже в весьма отличающихся от жизни человека и человечества в 60-е/80-е годы прошлого столетия. С одной стороны, правящая элита в развитых странах, к каковым можно отнести и Россию, застыла в иерархических конфигурациях индустриального общества и продолжает продуцировать культурно-идеологические проекты эпохи модерна. С другой стороны, культурные и ценностные ориентации современного человека, в том числе и под влиянием информационных технологий, молодежных революций и молодежной контркультуры прошлого века, настолько изменили облик эпохи (в том числе, антропологический), что теоретики заговорили о постиндустриализме и постсовременности, постхристианстве и постчеловечестве.

Последние тенденции заметно увеличили *пространство и время свободы и творчества* современного молодого человека в сфере культуры, информации и коммуникации, которое приходит в столкновение не только со старыми механизмами власти и консервативными установками правящей элиты, предлагая *альтернативные*, часто *инновационные* жизненные стратегии, культурные программы и ценностные ориентации, но и усиливает нигилистические, деструктивные тенденции в сфере личностной идентичности, сознания и духовной жизни. В этих процессах очень велика роль молодежных субкультур, а также субкультурных (нетрадиционных) религий (последние часто называются «молодежными»), которые возможно рассматривать в качестве специфических субкультур эпохи постмодерна.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 09-03-55309 а/Ц) и развивает идеи, изложенные в ранее опубликованных статьях: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41; Белоусова М.М., Ковальчук О.В., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 2. Генезис и эволюция субкультур детства и юности // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (79). – Вып. 12. – Белгород, 2010. – С. 25-36; Белоусова М.М., Ковальчук О.В., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 3. Культурно-исторические образы субкультур детства и юности (античность и средние века) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 14 (85). – Вып. 13. – Белгород, 2010. – С. 50-59.

В современной России, которая переживает не только политико-идеологический и экономический кризис, но и кризис базовой культурно-цивилизационной идентификации и личностных идентичностей, все эти сложнейшие процессы накладываются на отечественную почву и вызывают порой имитационные, подражательные, а иногда уродливо-неповторимые формы. Все это и определило наш интерес к сложным проблемам духовной и культурной жизни молодых людей, которые часто ищут путь к достойной социализации, личному успеху и творчеству в субкультурных общностях, в том числе и религиозных, которые оказывают не только деструктивное влияние на их сознание, но часто помогают им обрести личностную идентичность и открыть жизненные перспективы в нашем непростом мире.

Исследуя субкультуры, мы опираемся на то понимание культуры (в определенной мере инновационное, ранее в различных вариациях данное нами вместе с соавторами в других публикациях), которое трактует ее как идеальные формы деятельности, приобретающей общезначимое (универсальное) значение в конкретном культурно-историческом времени и социокультурном пространстве, предполагает учет хронотопных характеристик деятельного индивида, конкретного человека, включенного в специфические сообщества и группы, в которых и реализуются, собственно, все коммуникативные акты, формируются специфические концепты и дискурсы, выраженные не только и не столько в естественном языке, сколько в языках «вторичных» знаково-символических систем – от мифологических до интернет-дискурса. Дискурсно-концептное, знаково-символическое и реально-идеальное бытие в живой ткани и «телесности» культуры всегда предполагает наличие живого человека. На наш взгляд, такое понимание культуры является «синтетическим», комплексным и *мультидисциплинарным*, что во многом перекликается с работами как наших отечественных исследователей, так и с положениями западной культурной антропологии (культурологии, социальной антропологии и т.п. – у них нет общепринятой дисциплинарной самоидентификации)¹. При этом культурно-антропологическая методология познания, как мы отмечали ранее, предполагает отказ от метафизического конструирования культурных миров и установку на интерпретацию исторических культур с опорой на конкретно-научные методологии и методики (этнографические описания и этнологические классификации, лингвистику и археологию, качественные методы социологии, дискурс-анализ).

Однако, остановившись мы в своем исследовании молодежных субкультур только на конкретных методах и методиках их описания и интерпретации, то невольно столкнулись с той проблемой, на которую в последнее время указывают отечественные ведущие социологи и антропологи²: невозможность применять понятие «субкультура» к новейшим молодежным группировкам с их размытостью границ не только между различными молодежными объединениями, но и внутри (например, есть скинхеды-фашисты и скинхеды-антифашисты). Е.Л. Омельченко, критикуя совершенно справедливо устоявшиеся концепты теорий «молодежной культуры» и «молодежных субкультур», отмечает: «Субкультурные теории подверглись серьезной критике, современные западные социологи говорят о «постсубкультурах», о «смерти субкультур», о рождении новых молодежных «племен», отличающихся текучестью, прозрачностью границ, временным и ненадежным характером соединений. В современной России, как и в любой другой стране, включенной в глобальное пространство, с остатками «старых» мини-групп соседствуют имитаторы, примкнувшие, туристические экспонаты «а ля субкультурщики», населившие пеше-

¹ Подробнее см.: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.

² Мы имеем в виду, прежде всего, интересные работы ульяновских социологов во главе с Е.А. Омельченко: Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000; Омельченко Е.Л. Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или Как гопники вытесняют неформалов // <http://polit.ru/culture/2006/05/23/gopniki.html>; Омельченко Е.Л. Смерть молодежной культуры и рождение стиля молодежный. // Отечественные записки, сентябрь 2006; Омельченко Е.Л. Поколение Text: Новые имена молодежной культуры // Рекламные Идеи. № 2, 2008; и др.

ходные «Арбаты» столиц и больших городов»³. И далее: «С точки зрения пост-субкультурного подхода современные субкультуры значительно отличаются от «классических» образцов прошлого века. Они перестали быть чем-то постоянным, с жесткими границами и обязательствами всецело придерживаться образцов. Они достаточно противоречивы и непостоянны, с миксовой природой, прозрачными границами и временными солидарностями»⁴. Здесь фактически нивелируется само понятие «субкультура» – его или ограничивают или ему вообще отказывают в эпистемологическом статусе в исследовании тех изменений, которые происходят в мировой и отечественной культуре в «ситуации постмодерна». Что же предлагается взамен?

Предлагается те конфигурации молодежной культуры, которые характеризуются субкультурной размытостью и мозаичностью рассматривать как «используемый ресурс коммерческой прибыли» в контексте производства массовой «культуры для молодых». Следует отметить, что в отечественной литературе (прежде всего, в работах С.И. Левиковой) достаточно убедительно разведены понятия «молодежная культура» (более родовое и общее, связанное с продуцированием конкретно-исторических «кодов молодости»), «молодежные субкультуры» (не общезначимая, инновационная, творческая деятельность, продукты этой деятельности и жизненно-стилевые стратегии неинституционализированных, «неформальных» групп молодежи) и понятия «культура для молодых» (производство образцов и продуктов массовой культуры и моды для молодежи и других групп, ориентированное, в том числе, на утилизацию оригинальных форм деятельности молодежных субкультур).

Е.Л. Омельченко предлагает различать собственно «субкультуры», которые в нашем понимании более подпадают под рубрику «культура для молодых» и «неформальные движения». «На мой взгляд, особенности этой групповой идентичности определяются более сложным характером взаимоотношения различных стилиевых составляющих. Именно неформальное движение, с присущей ему множественностью типов солидарностей вокруг принимаемых ядром группы ценностей (выделено нами, т.к. здесь важнейший методологический постулат критикуемой нами теоретико-методологической установки – О.Р., В.Р.), можно считать действительно «домашним», незаимствованным вариантом самостоятельного творчества молодежи. И что особенно важно для формирования групповой идентичности (хотя неформалы неоднородны) – это то, что им есть, кому противостоять. Антиподом, столь нужным для формирования контекста понятия «свои», врагом неформалов являются *гонники*»⁵. Когда-то «неформалами» в конце 80-х годов молодежные субкультуры обозвали партийно-комсомольские функционеры (нынешние чиновники им также охотно пользуются), а, по исследованиям Е.Л. Омельченко, современные молодежные группы приняли его в качестве самоназвания.

Наши наблюдения показывают, что это самоназвание характерно именно провинциальным городским субкультурам (города типа Ульяновск и Белгород, с сильным влиянием традиционных норм и административных структур), так как здесь очень мала «воспитательная дистанция» между традиционными институтами социализации (семья и школа) и модернистскими (власть и СМИ), которые и воспринимают «молодежные отклонения» в качестве «неформальных» и «ненормальных». Молодой человек иронично воспринимает внешний ярлык в качестве самоназвания, хотя внутри самих «групп мозаичных солидарностей» мы не нашли адекватной самомаркировки собственной идентичности (групповой и индивидуальной). Для столичных субкультурных групп остается актуальным олдвое наследие и самомаркировка хипповой Системы⁶. Вряд ли стоит рассматривать «неформалов» в качестве не только самоназвания, но и определенной специфической формы молодежной культуры и «групповой солидарности».

³ Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // <http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html>.

⁴ Омельченко Е.Л. Про эмо, готов и нравственность // <http://www.polit.ru/author/2009/01/23/subkult.html>.

⁵ Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // <http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html>.

⁶ Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М., 2004. – С. 35-43.

Весьма сомнительным является термин «групповая(ые) солидарность(ти)», который имеет слабую категоризацию. Само слово «солидарности» невольно ассоциируется не столько с диссидентской протестной «Солидарностью» Польши начала 80-х годов, сколько с фашистским принципом «солидаризма», на которой и создавался и гитлерюгенд, и СС, изначально молодежное формирование, которые в Германии 20-х и начала 30-х годов были более чем «неформальными» субкультурами и олицетворяли «новую революцию». Е.Л. Омельченко нам может возразить, что молодые эсэсовцы являлись историческим аналогом наших гопников, вербовались в среде люмпенов и лавочников (мелких предпринимателей)* и скорее могут сравниваться со скинхедами или скинхедствующими гопниками и спортивными фанатами. Аналогия действительно интересная и наводящая на размышления вполне метафизические. Но стоит помнить, что молодежное движение СС получило распространение и в студенческой среде, пользовалось пониманием вполне высоколобых университетских профессоров⁷. Стоит отметить и близость употребляемого термина «групповые солидарности» к понятию «свободно тотализирующиеся группы», более категориально определенному, которое Ж.-П. Сартр применил в работе «Критика диалектического разума» (1960).

Под «свободно тотализирующейся группой» Сартр понимал формообразованную групповую целостность жизненного пространства субъектов «подлинного существования», солидарных в неприятии наличного бытия с его прагматизмом и целесообразностью и принимающих свободу и творчество в качестве основных измерений «подлинной экзистенции». Понятно, что в 1968 г. Сартр попытался применить свою методологию не только к познанию, но и к изменению мира, вполне в леворадикальном духе поддержав студенческое движение. Но Сартр противопоставляет «свободно тотализирующейся группе» «коллективы», «функционирующие группы», включенные в более или менее стабильные социальные структуры и порядки. Чем не гопники всех времен и народов?

Не выдерживает критики и дуальная оппозиция «гопники – неформалы», которую зафиксировали в молодежной среде социологи из Ульяновска, не только по линии понятийно-методологической, но и реально-культурной. «Противостояние неформалов – гопникам, – пишет Е.Л. Омельченко, – территориально культурные и ценностные границы, которые охраняются ими для дистанцирования друг от друга составляют, на мой взгляд, основное стилевое напряжение молодежных культурных сцен России»⁸. Наши исследования* также показали, что действительно, данная дуальная оппозиция присутствует в поверхностных структурах самосознания этих весьма условных «солидарностей» молодежи, но в реальной социальной и культурной практике все гораздо сложнее (или местами проще). Во-первых, подобное рассмотрение «гопников» в качестве «нормальных» групп молодежи отсекает действительно «нормальные группы» молодежи от непредвзятого исследования. Во-вторых, «неформальная» молодежь вполне перемешана с «мозаичными субкультурами», ориентированными на досуг и масскультовское потребительство. Нельзя рассматривать экспериментальные телесные и стилевые практики и ценности неформалов в качестве действительно инновационных форм деятельности и некоей аксиологической альтернативы нового мира постмодерна и постиндустриализма.

В молодежной субкультурной среде, выпадающей из школьной «воспитательной нормативности», встречаются молодые люди одаренные, творческие, много читающие, знакомые с музыкой, владеющие современными информационными технологиями (та-

* В ее работах фактически так определяется принадлежность российских гопников к определенным социальным стратам – как детей «мелких предпринимателей» и «торговцев».

⁷ См.: Федье Ф. Хайдеггер: Анатомия скандала. – СПб., 2008.

⁸ Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // <http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html>.

* Мы не только применяли методы качественного исследования (интервью, наблюдение, работа в фокус группах), но и оказались вовлечены в различные экзистенциальные ситуации школьников и студентов, принадлежавших к различным субкультурам, давали экспертные заключения по экстремистским группировкам.

ковых мы наблюдали и среди скинхедов и нацболов). Но они составляют меньшинство в своих, как они искренне считают, «альтернативных группах», а по отношению к ним даже близкое окружение, на словах и внешне вполне «продвинутое» – «гопота», если под этим понимать низкий уровень интеллектуальной и творческой активности. Но и культурный уровень «творческих неформалов» оказывается зачастую поверхностным – здесь мы встретили полное незнание и неприятие литературной и музыкальной классики. Но это роднит их и с «гопниками», и с «япши», и с «золотой молодежью» (мы считаем уместным употребление этого понятия 70-х годов по отношению к детям высших чиновников и предпринимательской верхушки и рассматривать их также в качестве субкультур), а также с соответствующими слоями «взрослых». Если провести вполне «количественное» социологическое исследование современных «взрослых», носителей власти и производителей благ, то мы увидим потрясающее невежество даже по сравнению с 80-ми годами прошлого столетия. А это признаки «социально-психологической шизоидности», когда «новое» создается на пустом месте, в «пустоте» и «провале» истории бытия (сравни с названиями повести В. Пелевина и повести конца советской эпохи одного из авторов этой статьи).

На наш взгляд, *основной проблемой*, от которой уходят многие современные исследователи, является тот факт, что если в советское время «гопники» могли претендовать только на образовательно-социальные ниши в ПТУ и вписывались в нормальное воспроизводство «рабочего класса», то сейчас с фактическим вводом из-за демографической ямы «всеобщего высшего образования»*, они оказываются на студенческой скамье рядом с действительно «нормативной молодежью» из интеллигентных семей, «неформалами» и «субкультурщиками» (особенно эта внешняя, стилистическая пестрота бросается в глаза на первых курсах). Частично «гопническим» менталитетом обладают студенты юридических (!), очень сильно – экономических специальностей, и почти поголовно – направлений подготовки, ориентированных на сферу услуг и сервис. Вот здесь необходимо проводить количественные социологические исследования, не ограничиваясь только «наблюдением» и «интервью». Ведь такое сосуществование, как показывает наш преподавательский и кураторский опыт, создает напряжение в студенческой среде, понижает уровень и качество знаний, получаемых и принимаемых студентами, мешает воспроизводству преподавательских кадров (вольно или невольно происходит деградация преподавателей, особенно молодых).

Это не говорит о том, что необходимо вводить дискриминацию по ментальному и субкультурному признаку. Просто это надо учитывать, как и низкий образовательный и общекультурный уровень всей молодежи, с которым она приходит из семей и школы. И одними дополнительными (в том числе и общекультурными) занятиями, просветительскими акциями, спецкурсами*, вовлечением молодежи в творческие самодеятельные объединения, клубы и т.д., чем может гордиться наш НИУ БелГУ, не решить до конца острую проблему общего низкого образовательного и культурного уровня нашей молодежи.

Мы согласны с Е.Л. Омельченко, что иницилируемые на разных уровнях законопроекты, подзаконные акты и «воспитательные» программы*, в которых преобладает за-

* На внебюджетной основе по цене вполне доступной после кризиса почти всем социальным группам могут фактически все, не поступают в вузы только откровенно ленивые и люмпенизированные индивиды.

* Введение курса по выбору «Молодежные субкультуры» столь же мало даст «гопникам» и самим «субкультурщикам», как и после введения в школе дисциплины «Основы православной культуры», а в вузах нашего региона соответствующих курсов по выбору, верующая молодежь продолжает оставаться в меньшинстве, на положении православной молодежной субкультуры даже на социально-теологическом факультете (вот кто требует внимательного, неангажированного научного исследования и воспитательных усилий, моральной поддержки – они затерялись на фоне эмо, готов, панков, брейкеров, скейтбордистов, проправительственных молодежных движений и партийных югенд-структур).

* Наш регион и в этом «впереди планеты всей»: акции по запрету тяжелого рока на дискотеках, превратившаяся в воздух борьба со сквернословием и попытки ввести «комендантский час» – здесь каждый может вспомнить собственный семейный и повседневный опыт. И надо помнить, что говорил К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе»: воспитатель должен быть сам воспитан...

прет и недоверие ко всему новому в молодежной среде, должны встретить сопротивление не только молодежи, но и всей интеллектуальной и художественной элиты страны.

В школьной и студенческой среде мы можем наблюдать формирование действительно «неформальной», *инновационной субкультуры* молодых людей, которые обладают тягой эксперименту, творчеству, ярко выраженной индивидуацией, жизненно-стилевыми стратегиями с преобладанием *будущего как темпоральной доминанты**. К ним требуется особый подход, наше простое внимание, понимание и поддержка, чего всегда так не хватает молодежи. Инновационная молодежная субкультура, как и другие, выпадающие из поля зрения социологов, формы юношеской свободной консолидации, необходимо исследовать в более глубоком культурно-онтологическом и теоретико-методологическом контекстах, нежели социологические или культурно-антропологические исследования (они дают прекрасный материал, который требует более глубокой интерпретации).

Для такого, как мы отметили выше, *мультидисциплинарного подхода* характерно понимание культуры (соответственно, и субкультур) как системного феномена, взаимодействующего с другими социокультурными системами (общество, государство, народ, семья и т.д.), и как *специфической деятельности человека* (сама деятельность трактуется в широком диапазоне научных веяний – от биологической онтологии до культурсемиотических моделей). При таком «синтетическом» подходе культура предстает в качестве определенной целостной и органической системы (или системы культур, как понимают западные исследователи), открытой и саморазвивающейся в пространстве и времени жизнедеятельности человечества, конкретных сообществ и живых людей.

В этом плане субкультуры оказываются не только структурными формообразованиями на окраинах или на поверхности «больших культур», имеющими внешние стилевые и знаково-символические маркеры, скрывающие «аксиологическое ядро солидарностей», но и творческими способами деятельности по экспериментальному производству инновационных образцов жизнедеятельности и ценностных норм поведения, проходящих проверку в социокультурной динамике современного мира. И это понятие применимо не только по отношению к молодежным субкультурам, но и к другим формам структурирования нашей культурной действительности.

Необходимо провести типологизацию и классификацию субкультур *по формам и способам деятельности* их субъектов, индивидуальных и групповых. Поэтому можно дать только предварительную (конфигуративную) *типологическую классификацию субкультур*, под которыми мы понимаем не только молодежные контркультуры и другие субкультуры в культурном пространстве посттоталитарной России, которые существенно трансформировались по сравнению с 70-80-ми гг. XX века, субкультуры повседневности и массовой культуры, но и большой спектр политических, религиозных, художественных и т.п. субкультур, возникновение которых вызвано как созданием путинской «вертикали власти», так и реакцией на «оранжевые революции» на посттоталитарном пространстве Восточной Европы и бывшего СССР. Молодежная культура и субкультуры, на наш взгляд, представляют сложноорганизованную, динамичную систему формообразований и процессов, связанных с трансформацией индустриальной (модернистской) цивилизации XVIII-XX вв. в ее постиндустриальные и постмодернистские ипостаси прошлого столетия.

Разумеется, субкультуры (особенно молодежные и контркультурные) наиболее зримо манифестируют себя в определенных практиках и стилях поведения, в знаково-символической «телесности», скрывающих ценностные смыслы бытия, активно влияя на всю культурно-цивилизационную динамику и культурно-антропологические процессы. Современный человек испытывает на себе влияние двух основных тенденций: *повсе-*

* Это необязательно маркирующие свою идентичность субкультурной символикой молодые люди. Таковы могут быть вполне нормативные школьники и студенты, свободные по внутренним установкам и творческим инициативам: таких много и в классах, и студенческих аудиториях. Именно с ними доставляет наибольшее удовольствие заниматься и вне аудиторий. Они проявляют в последнее время инициативу по созданию интеллектуальных и творческих клубов, напоминая своих сверстников конца 80-х годов.

дневной жизни, которая формирует знаково-семиотический мир, стили поведения, с одной стороны, и *социальной жизни*, которая, фиксируя символы и стратегии жизни, придает им социальную окраску, с другой. Любые субкультурные феномены, а тем более молодежные субкультуры, обладают специфическим семиотическим пространством и отличаются от официальной или массовой культуры и множества других, подобных культурных форм, знаниями, целями, ценностями, суждениями и оценками, нравами и вкусами, что определяет специфику их семиотического разнообразия.

Деятельностная, дискурсно-концептная и знаково-символическая формы культуры отражают и одновременно формируют культурно-историческую реальность, а это позволяет нам высказать предположение, что в определенной мере субкультуры как способы социокультурной стратификации в мире постмодерна (постиндустриализма) и соответствующие им дискурсивно-концептные, знаково-символические формы находят воплощение в специфических *субкультурных кодах*. Культурный код является структурой ненаследственной поведенческой информации, которую накапливают, хранят и передают новым поколениям людей. «Знаково-символические и стилевые стратегии» отражают механизмы действия субкультурных кодов и способы бытия индивидов, включенных в субкультурные образования в современной культуре. В различных субкультурах, как подсистемах «большой» культуры, происходит дифференциация знаково-символических и стилевых стратегий поведения человека, соответствующих его субкультурной жизнедеятельности. Переход от индустриального общества к постиндустриальной глобализации ведет как к *регенерации или реконструкции отдельных форм традиционных кодов* в контекстах субкультур, так и к *созданию нетрадиционных, постмодернистских кодов*. Это вполне соответствует плюрализму субкультур и их эклектике в эпоху глобализации и постмодерна.

Среди субкультур семиотические границы открыты и размыты для преемственности символов от других субкультурных форм, поэтому правило семантического дифференциала на них не распространяется. Символы, переходя из одной социокультурной среды в другую, практически не изменяются, сохраняя при этом свою интерпретацию. Это предполагает использование мультидисциплинарной методологии, работающей на материале как «больших» общностей (в том числе, и «взрослых», продуцирующих свои субкультурные мифы и семиотические системы), так и малых, неформальных групп.

Мультидисциплинарная модель культуры и субкультур предполагает сопряжение различных эпистемологических стратегий (философских и социально-гуманитарных) на метафизическом и онтологическом уровне, что должно порождать *эффект трансметодологии*, которая не только выступает исходным и важнейшим инструментом познания культуры как особого класса явлений и соответствующих субкультур или культурных подсистем, задает горизонт прогнозирования изменений положения конкретного, живого человека в реальной социокультурной динамике, но способствует созданию реальных воспитательных проектов* по выработке и корректировке жизненных стратегий молодых людей, выходцев из различных «взрослых» социальных групп.

Мы попытались в нашей работе наметить пути преодоления крайностей методологий в исследовании современных субкультур. Поэтому мы считаем, во-первых, что понятие «субкультура» не утратило своего эпистемологического потенциала и вполне вмещает в себя все многообразие системных формообразований как в исторической эволюции культурно-цивилизационных систем, так и в современной культуре – базовых, креативных, маргинальных, атавистических, деструктивных, антисистемных (контркультурных) и т.д. Это важно, в частности, также и для понимания специфики субкультур, творцом которых на протяжении истории и вплоть до наших дней оказывалась молодежь не просто как демографическая, но и онтологическая форма воспроизводства человека, способная продуцировать как основополагающие, доминантные онтологические смыслы бытия человека, так и разрушительные, контркультурные, хотя также порой способные, в

* Мы несколько не впадаем в просветительские иллюзии, но никогда человечество не уйдет от того, чтобы «старшие поколения» не предпринимали попыток влиять на жизненные миры молодежи.

конечном итоге, оказывать *инновационное воздействие* на динамику той или иной формы культурного бытия.

Исследование субкультур в философско-антропологическом и философско-культурологическом методологическом поле (культурантропология – один из моментов в данной методологии), органично выводит на онтологическую проблематику, связанную с тем, что молодой человек в условиях постмодернистского распада устойчивых социальных и культурных стратификаций оказался не только в ситуации тотального отчуждения (и в этом оказались правы и Маркс, и неомарксисты, и постмарксисты), но и полной утраты идентичности, глубинных онтологических оснований собственной жизнедеятельности (утрата телесности, семьи, веры, любви, надежды). Но реальный молодой человек, разумеется, продолжает жить в пространстве повседневности, существовать, сопротивляясь *мягким дисциплинарным технологиям* постиндустриального общества, которые через медийные нарративы и транскоммуникативные дискурсы (Интернет) порождают столь невиданную ранее манипуляцию не только сознанием, но и всей жизнедеятельностью человека.

Личностные, деятельностные и институциональные формы молодежной культуры в прошлом и настоящем определяли и определяют становление, социализацию и идентификацию молодежи как специфической социальной группы, а молодого человека как субъекта деятельности и *творца инновационных культурных норм и образцов*.

Субкультуры и оказываются тем «экзистенциальным пространством», в котором молодой человек пытается хоть как-то сохранить свою самость, свою идентичность, выработать какой-то *хронотопный экзистенциал*, позволяющий стоически утверждать себя в рухнувшем мире, связывать прошлое, настоящее и будущее не столько в пространстве повседневности, сколько в карнавальном мире субкультур. Но и здесь мы оказываемся в мире фантомов и иллюзий: субкультурные нарративы и дискурсные практики позволяют говорить молодому человеку на искусственных языках, порождая ситуацию постмодернистской «вавилонской башни», когда никто никого не слышит и не желает слышать, а субкультурных языков оказывается столь много, что никакой апостол Павел не смог бы говорить на языках «новых язычников»...

В этой ситуации трансформируются как сами молодежные субкультуры, существуя уже не по жестким моделям групповой идентификации «мы – они», а по модели «тачующихся групп» (Б.Ф. Поршневым), а личностная идентичность носит «виртуальный» и игровой характер, причудливо реализуясь в моделях поведения и стилях одежды, музыки, символике и мифологии субкультур.

Разумеется, региональные молодежные субкультуры носят не столь репрезентативный характер, как столичные или субкультуры больших индустриальных центров, но в таком городе, как Белгород, наблюдается и своя специфика, связанная с тем, что наш город за последнее десятилетие утратил черты классического индустриального города, фактически превратился в постиндустриальный организм нового типа (так, университеты становятся, по сути, «градообразующими предприятиями», что повышает роль молодежи в жизни региона).

Список литературы

1. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.
2. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.
3. Омельченко Е.Л. Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или Как гопники вытесняют неформалов // <http://polit.ru/culture/2006/05/23/gopniki.html>.
4. Омельченко Е.Л. Смерть молодежной культуры и рождение стиля молодежный. // Отечественные записки, сентябрь 2006; Омельченко Е.Л. Поколение Text: Новые имена молодежной культуры // Рекламные Идеи. № 2, 2008; и др.

5. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности // <http://www.polit.ru/analytics/2006/06/30/youthculture.html>.
6. Омельченко Е.Л. Про эмо, готов и нравственность // <http://www.polit.ru/author/2009/01/23/subkult.html>.
7. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М., 2004.
8. Федьё Ф. Хайдеггер: Анатомия скандала. – СПб., 2008.

METHODOLOGY OF SUBCULTURES STUDIES IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES. PAPER 4. CONFIGURATIONS OF YOUTH SUBCULTURES IN RUSSIAN REGIONAL FIELD

O. N. RIMSKAYA
V. P. RIMSKIY¹⁾

¹⁾ Belgorod State University

*e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru*

The article discusses the methodology of study of modern youth subcultures and subcultural religions. The methodology helps not just describe the general configurations of subcultures in Russia and its regions but also reveal ontological meanings of youngsters lives in the time and space of transformed consciousness and alienated communicational systems.

Key words: interdisciplinary methodology, subculture, configurative typology, ontological basis, existential chronotopos, innovative life strategies, youth mythical consciousness, subcultural religion.

УДК 130.2:7:323.1

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ*

С. Е. ЮРКОВ*Тулский
государственный
университет**e-mail: serg45@inbox.ru*

С учетом специфики исторической ментальности и культуры анализируются особенности положения России в современном геополитическом пространстве. Конкретизируются основные аспекты будущего самоопределения России в отношении передовых государств.

Ключевые слова: российская ментальность, самоопределение России, демократия, внешнеполитические проблемы, экономика, приоритеты, будущее.

Особенность положения России в отношениях с прочими государствами Востока и Запада обозначилась еще в первые века, прошедшие после принятия крещения (988 г.). Она получила выражение в недоверчивости к представителям иных религий: католицизму («латинству», достаточно вспомнить настоятельные указания Феодосия Печерского («О вере крестьянской и о латыньской») по поводу нежелательности общения с католическим миром), исламу, отчасти и к православной Византии, постоянно претендовавшей на духовное подчинение русской церкви авторитету константинопольского патриарха. В дальнейшем, во времена Руси Московской и вплоть до Петра, ощущение отчуждения от Европы только нарастало, подкрепляемое восприятием своей мессианской роли (концепция «Третьего Рима» Филофея Псковского); и при Иоанне Грозном, и при царе Алексее Михайловиче оно сопровождает нашу православную ментальность. Петровские реформы открыли возможность культурных контактов с европейскими государствами, однако, последние так и не признали Россию «своей», страной европейской. В теоретическом плане вопрос о культурном самоопределении России обсуждался еще во времена патриарха Никона (XVII в.) в спорах о приоритетных идеологических стратегиях: будет ли это ориентация на национальную самобытность, возвращение к византийским корням или же сближение с европейской традицией (в соответствии с чем выявились партии грекофилов, латинофилов и старообрядцев). В девятнадцатом столетии проблема превращается в предмет полемики славянофилов и западников, затем возрождается в суждениях революционных демократов и спорах «евразийцев», но, несмотря на столь давнюю историю, однозначного ее решения пока не намечилось (что закономерно, поскольку исторические контексты диктуют свои императивы интерпретаций). В постперестроечные 90-е годы прерогативы, казалось бы, обозначились: программа воссоединения с Западом, усвоение ценностей демократии, копирование политической концепции управления и избирательной системы, многоукладность экономики, плюрализм в духовной жизни, тем не менее, трудности в затянувшейся перестройке наглядно продемонстрировали, насколько далека страна от быстрого завершения планов «европеизации». В наши дни все чаще начинает звучать мысль иного содержания: европейская демократия нас не полностью устраивает, и не по причине нашей неспособности ее воспринять, а потому, что в своем реальном воплощении она попросту далеко несовершенна. Данный факт никак не означает устранения от демократических принципов, речь идет лишь о поисках ее российского варианта, учитывающего национальные, культурные, исторические и территориальные особенности, концепции жизнеустройства (пока прорисовывается одна из специфических черт российской демократии: повышенная ставка на жесткую вертикаль власти, что объективно связано с необходимостью ускорить затянувшийся переходный период, координации воли политического центра и территориальной периферии; сюда же можно отнести и традиционную ментальность, связанную с духом «коллективизма», естественно предполагающего лидера, возглавляющего коллектив). Стало ясно, что слепое

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-03-71305а/Ц.

копирование зарубежных демократических образцов, так же как прочих оснований модернизации, ведущее к отказу от российской ментальной специфики, губительно для национального самосознания и откровенно малоэффективно (в двадцатом столетии более 40 африканских стран буквально «переписали» конституцию США, но ни чуть не прибавили в плане приближения к демократическим достижениям современности). Насильственные методы распространения идеалов демократизма, к чему прибегают США и в сотрудничестве с ними некоторые европейские государства, также являются неприемлемыми для России.

Самоопределение России в принадлежности «Европе» или «Азии» важно ввиду перспектив внешних контактов с государствами, политического и экономического партнерства, стратегических оборонных инициатив, выработки языка политического общения (экономические прогнозы современных аналитиков сообщают о преимущественной роли Китая и Индии в мировой экономике в ближайшие 30 лет, что означает смещение центра «цивилизованности» с европейской на азиатскую территорию, из чего для России логически следует установление первенства в отношениях с этими странами, к тому будут стремиться и другие, в том числе и европейские государства).

Распад СССР был скоротечным, но болезненным процессом, приведшим к сокращению территориальных границ, утрате экономически и стратегически важных объектов, политического авторитета, распаду военно-промышленного комплекса, а главное – влияния на международной арене. В советский период основное напряжение в мире накапливалось вокруг оси отношения двух супер-держав: СССР и США, что выражалось в идеологическом, экономическом, военном противостоянии, что определяло структуру биполярности цивилизационного устройства. Казалось бы, после распада Советского Союза, отказа от коммунистической идеологии, исчезли основания для такой расстановки сил, тем не менее, США, как единственно уцелевшая супер-держава продолжает активно наращивать военный потенциал, создает новые сферы влияния (за счет так называемой «стержневой зоны»), активизирует военные вторжения (Балканский конфликт 1999 г., вторжение в Ирак в 2003-м), параллельно происходит расширение Северо-Атлантического блока за счет включения в него государств бывшего социалистического лагеря и входящих в состав бывшего СССР (в последнем случае усматривается стремление оградить себя от последствий коммунистической принадлежности за счет фиксации принадлежности диаметрально иной), продвижение НАТО на Восток, что создает новую угрозу для национальной безопасности России.

Из этого видно, что причиной противостояния являлись не столько опасения «экспорта» коммунизма, но повод более универсального характера: стремление стран к мировому лидерству. Бесспорно, США, накопившие мощнейший экономический, военный, научно-технический, информационно-культурный потенциал, с точки зрения «закона джунглей» на текущий момент оправданно претендуют на место мирового лидера, тем не менее, закрепление прав обращением к использованию военной силы не совсем согласуется с декларируемыми принципами демократии. В соответствии с тем же «законом», любая страна и держава, при наличии нужных средств, способна включиться в борьбу за мировое первенство, что, как проблема, будет означать дальнейшее существование предпосылки нестабильности в мире. Перспектива позитивных сдвигов в данном направлении состоит в смещении акцентов использования приемов межрегиональной конкуренции с военных (признаваемых современным мировым сообществом все менее популярными) на экономические, научные и духовные, а затем постепенный переход на отношения сотрудничества в этих областях. Пока это скорее программа отдаленного будущего, и задача России принять активнейшее участие в ее реализации.

С уходом Советского Союза на международной арене обозначились иные источники конфронтации. Основными из них теперь признаются: оппозиция демократии тоталитаризму (к тоталитарным режимам относят правление в Северной Корее, на Кубе, в Венесуэле, отчасти Китая, т.е. стран, идеология которых, в большей или меньшей степени, в своем идеологическом составе имеет коммунистический компонент), далее, религиозный фундаментализм с исходящее от него опасностью терроризма, а также скрытая финансовая конкуренция «еврозоны» с «долларовой» (в чем обнаруживается естественное недовольство европейских государств политикой однополярности мира и стремление Евросоюза заявить о собственных влияниях).

Иными становятся и предпочтения в средствах ведения «цивилизационных войн». В мировой истории был период, когда поводом к началу военных действий выступала религиозные разногласия, сейчас же таковыми выступают причины экономического (борьба за сырьевые ресурсы, рынки сбыта), политического (борьба за политический диктат в регионе или в мировом масштабе) и идеологического свойства (установление права на распространение элементов собственной государственной идеологии в статусе общемировых), камуфлируемые под лозунги обеспечения демократических свобод. Преимущественным оружием соответственно избираются не ракеты и бомбы (хотя и это не исключено), а воздействие на человеческое сознание через средства массовой информации, культуру и образование. Власть в руках того, кто обладает правом на производство, распространение, интерпретацию информационных потоков. Отсюда потребность в использовании высоких информационных технологий, методах их совершенствования, что означает увеличения объема научного потенциала в их эволюции (самый мощный импульс к развитию научного знания, как известно, всегда задавал ВПК), все большее обращение к науке в стратегиях военных действий.

Сложность современной ситуации в мире не исчерпывается только выше перечисленными факторами. Постиндустриальная цивилизация вошла в XXI век с набором таких проблем как международный терроризм, организованная преступность, межэтнические противоречия и воинствующий сепаратизм, незаконный оборот оружия, наркотики и многое другое. Не следует сбрасывать со счетов и угрозу глобального уничтожения, которая сейчас хотя и утратила роль лидера в списке первостепенных, но продолжает сохранять актуальность (тем более, что лет через 10 или ранее в мире появится еще несколько государств, обладающих ядерным оружием).

Россия, будучи частью мирового целого, не может остаться в стороне от мировых проблем, к которым еще добавляются ее собственные, обусловленные внутренней экономической и культурной ситуацией. Остановимся на главных из них.

Проблемы внешнеполитические: угроза национальной безопасности (международный терроризм, экспансия исламского фундаментализма на территорию России, расширение НАТО на Восток, территориальные претензии к России со стороны сопредельных государств). Экономические: борьба с инфляцией, низкая конкурентоспособность российских товаров на мировом рынке (за исключением продуктов военного производства и космического назначения), давление на Россию со стороны международных экономических и финансовых организаций, устранение в ее лице экономического конкурента. Научно-технические: отставание России от США и стран Запада по уровню научно-технического потенциала, слабая развитость в сфере высоких технологий и, как следствие, неспособность противостоять внешнему информационно-психологическому воздействию, угроза техногенных катастроф. Социально-демографические: борьба с нищетой, преодоление тенденции разрыва между крайней бедностью и богатством, социальная незащищенность граждан, низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности, особенно у мужчин трудоспособного возраста, борьба с болезнями (СПИД, рак, новые штаммы гриппа и др., трудно поддающиеся лечению) и наркоманией (включая алкоголизм и курение), демографическая экспансия (прежде всего со стороны азиатских стран СНГ и Китая). Природные: изменение климата, истощение природных ресурсов, разрушение озонового слоя. Культурные: упадок в области морали и нравственности, девальвация эстетических ценностей (укрепление массовой культуры в качестве ведущей), утрата престижа высшего образования для молодого поколения, непродуманная финансовая политика в распределении средств на науку и образование, несогласованность спроса на требующиеся для экономики специальности и предложений со стороны образовательных учреждений.

Ключевым звеном в решении данного комплекса проблем должна служить экономика, от успешности ее роста зависит и авторитет нашей страны на международной арене, и решение других проблем, многое в которых элементарно определяется степенью финансовой поддержки, опять же зависящей от развития экономики. Исключение составляет духовная сфера, чья сопряженность с экономическими возможностями государ-

ства не столь жестко однозначна (в данной связи нужно заметить, намерения российского правительства повлиять на демографическую ситуацию только за счет увеличения финансовых дотаций, едва ли найдут полную реализацию, если не будет изменена сама культура потребления. Пока она нацеливается на «потребительство», любая дополнительная сумма денег предпочтительно будет тратиться на приобретение новых товаров и услуг, к чему ежедневно призывает настойчивая реклама, активно эту установку поддерживающая), тем не менее, без надлежащего материального стимулирования культурные институты также обрекаются на бесплодное существование.

На сегодняшний день экономика России базируется, в основном, на эксплуатации энергоресурсов, экспорте нефти и газа, что эффективно постольку, поскольку пока (вопрос в том, насколько долго) в мире нет серьезных альтернатив природному топливу. Опасность заключается в следующем: как только подобные альтернативы будут найдены, а это с неизбежностью произойдет в скором будущем, Россия утратит привилегированное положение в мировом экономическом секторе, вместе с интересом к ней со стороны даже самых дружественных государств. По данной причине ставка на естественные дары природы не может являться доминирующей для высокоразвитых экономик, в том числе для российской. Спросом в долгосрочной устойчивой перспективе все более пользуются наукоемкие технологии, востребующие интеллектуально подготовленных специалистов, что и должно послужить основанием программы научного и экономического развития.

Как считают эксперты, первое десятилетие нынешнего века для российской экономики есть время выбора своего будущего. Имеются три альтернативы: путь инерционный, энерго-сырьевой и инновационный. Инерционный предполагает примерно такую же расстановку акцентов в структуре экономических приоритетов, совместно с удержанием уровня ВВП и инфляции, соответствующим предшествующему этапу. Энерго-сырьевой означает упор на экспорт энергоносителей, укрепление их экономических отраслей, за счет чего планируется получить более высокие показатели в сфере ВВП, снижение инфляции и повышение финансовой отдачи от затраченных средств. Инновационный ориентирован на развитие экономического сектора, связанного с производством высоких, в том числе информационных, технологий (нано-технологий), что является на сегодняшний день наиболее прибыльным звеном мировой экономической системы.

Понятно, сами реалии и императивы современности настоятельно подталкивают Россию к принятию инновационного проекта. Данный вариант позволит ослабить зависимость государственного бюджета от состояния энергетических ресурсов (они не безграничны), отказаться от функций сырьевой «резервации» для Запада, придать импульс интеллектуализации экономики (что едва ли возможно в рамках энерго-сырьевого проекта), а главное, будет стимулировать выдвижению нашей страны в ряд передовых технологических держав, которыми являются США и Япония. В таком случае правомерно ожидать дальнейшего укрепления позиций и авторитета России на международной политической арене, в сфере международного права, а в перспективе – возвращения статуса мировой супер-державы, с чем, в свою очередь, должно быть связано содержание нашей национальной идеи.

Геополитические сдвиги, тенденции глобализации, смещения «центров цивилизованности», имеющие место в XXI в., снимают остроту вопроса о принадлежности России Востоку или Западу, равно как и устраняют традиционные представления о содержании данных понятий. Дихотомическое различие того и другого, производимое в истории российской ментальности, в прошлом столетии приобрело конкретизацию в виде драматического противостояния СССР и США. Дальнейший ход глобализации привел к построению современного «однополярного» мира и порождению сопряженных с этим проблем, кризиса международных институтов (в частности утраты влияния ООН перед давлением НАТО) и их правовых оснований, противоречиям в соотношениях процессов глобализации и регионализации, нарастанию антиглобалистических настроений, активизации радикальных движений. Ликвидация данных проблем с необходимостью предполагает соединение схемы глобализации с принципами демократии, что означает построение мирового сообщества (серьезный шаг на пути к этому – создание Евросоюза,

имеющего общую конституцию, совместные политические координации, единое экономическое пространство), идеология которого основывалась бы на балансе национальных интересов каждой страны и общечеловеческих ценностей. Контурсы такого сообщества пока далеко еще не ясны, но совершенно очевидно, Россия предстоит выполнять функцию активного субъекта в процессе его построения, если она рассчитывает принимать в нем авторитетное участие. Такова структура приоритетов современной цивилизации.

MODERN RUSSIA BETWEEN EAST AND WEST

Taking into account specificity of historical mentality and culture, features of position of Russia in modern geopolitical space are analyzed. The basic aspects of the future self-determination of Russia concerning the advanced states are concretized.

S. E. YURKOV

Tula State University

e-mail: serg45@inbox.ru

Key words: Russian mentality, self-determination of Russia, democracy, foreign policy problems, economy, priorities, future.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.422

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ: ОТ ПРОЦЕССА К ЛИЧНОСТИ*

Е. И. БОЕВ
В. В. ЗОТОВ
Е. Г. КАМЕНСКИЙ

*1) Юго-Западный
государственный
университет*

*e-mail:
evgeny-kursk@rambler.ru*

В статье дается история развития методологии управления инновациями. Авторами показано, что сегодня в фокусе исследований оказывается личность как объект управления инновациями.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, методология управления инновациями, инновационный процесс, система управления инновациями, личность как объект управления инновациями.

Одной из важных характеристик нашего времени является утверждение инновационного развития общества в качестве основного способа его функционирования. Инновационная парадигма социально-экономического развития приходит на смену научно-технической и формирует новые императивы и приоритеты. Императивом настоящего периода является осознание инноваций как универсального способа модернизации социальных систем¹. В современном мире, в первую очередь, борьба идет не за обладание ресурсами, материальными ценностями, а за способность к нововведениям. Именно эта способность стала своеобразным индикатором качества организации жизнедеятельности всех – от социально-экономических до социокультурных – систем общества, поскольку оно позволяет выживать и развиваться в условиях ужесточения международной и внутренней конкуренции и нарастающей динамики социальных изменений. Тенденции развития мировой экономики показывают, что у России не может быть иного пути развития, чем формирование экономики инновационного типа. Такая ситуация ориентирует государство не только на разработку и реализацию новаций, но и управление инновационными процессами.

Исходя из того, что инновации являются всеобщей формой управляемого развития, процесс управления социально-инновационными проектами можно оценивать как

¹ Кучко, О.Е. Про задачі соціологічної науки у реалізації інноваційної діяльності [Текст] / О.Е. Кучко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – 2009. – №844. – С. 14.

основную интегрирующую силу, позволяющую путем создания соответствующей среды, благоприятной как для создания инноваций, так и для восприятия их социумом, создавать и использовать инновации как фактор общественного развития. Управление инновациями – сравнительно новое понятие в научно-технической, производственно-технологической и административной сфере менеджмента. Сегодня даже появилась новая сфера менеджмента – инновационный менеджмент. Вместе с тем инновационная деятельность России пока еще не является основным фактором экономического роста, поэтому назрела необходимость в анализе существующих теоретико-методологических подходов к управлению инновациями с целью разработки новых принципов инновационного развития российского общества.

Для решения поставленной проблемы необходимо, прежде всего, определить основные методологические направления в исследовании инновационных процессов. Достоинством научным потенциалом для их исследования обладает экономическая теория, в рамках которой и были предприняты первые попытки их изучения.

Родоначальником теории инновационного развития в ее современном виде считается австрийский экономист Й. Шумпетер, который рассматривал инновации как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательским духом. Во внутренней логике новаций – новый момент динамизации экономического развития. В своей работе «Теория экономического развития» он раскрывает специфический механизм нововведения, отличающийся наличием особой связи между теоретическим исследованием и производством в цепочке «наука → исследование → разработка → производство → потребление». Й. Шумпетер формирует образ нового типа предпринимателя с описанием необходимых качеств человека как субъекта инновационных изменений. Тип предпринимателя характеризуется, во-первых, особым взглядом на вещи, причём главную роль играет не столько интеллект, сколько воля и способность выделять определённые моменты действительности и видеть их в реальном свете; во-вторых, способность двигаться вперёд в одиночку, не пугаясь связанных с этим неопределённостей и возможного сопротивления; наконец, в-третьих, его воздействием на других людей, которое определяется понятиями «иметь вес», «обладать авторитетом», «уметь заставлять повиноваться»². Но выделив субъекта инновационного процесса, исследователь оставил его без внимания в рамках своего концептуального подхода к управлению инновациями, поскольку мотивы его поведения иррациональны: желание борьбы, стремление к успеху ради успеха, радость творчества.

В теории Н.Д. Кондратьева особое место занимает динамика нововведений как целенаправленного и интенсивного использования открытий, меняющих одновременно экономическую и социальную жизнь³. По его мнению, базисные нововведения, связанные с радикальной перестройкой производства, внедряются не равномерным или случайным образом. Они самоорганизуются в кластеры, конституирующие новые технологические направления. В условиях благоприятной конъюнктуры предприниматели предпочитают избегать чрезмерного риска, связанного с коренной перестройкой производства, пытаются ограничиться рационализацией и усовершенствованием существующих технологических процессов. Но в период кризисов, когда само существование огромного количества хозяйствующих субъектов ставится под угрозу, предприниматели о вынуждены рисковать, понимая, что незначительные улучшения не приведут к кардинальному изменению ситуации. Через 10-15 лет после базисных нововведений начинается рост экономической конъюнктуры, и формируются благоприятные условия для дополняющих нововведений.

Исследования Н.Д. Кондратьева инициировали изучение роли инновационных процессов в экономическом развитии общества. В частности, Г. Менша⁴ пытался провести

² Шумпетер, Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): [Текст] / Й. Шумпетер; пер.с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с. – С. 185

³ Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической динамики [Текст] / Н.Д. Кондратьев. М.: Наука, 1989.

⁴ Mensch, G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression [Text] / G. Mensch. – Cambridge: Ballinger Pub. Co., 1979.

параллель между темпами экономического роста и цикличностью с проявлением базисных нововведений. А. Кляйнкнехт⁵ утверждал, что нововведения-продукты образуются на фазе депрессии, а нововведения-процессы – на повышенной стадии длинной волны. По мнению этих и многих других исследователей, новаторская деятельность рассматривается как основной фактор, вызывающий динамические изменения волнового характера в экономике, но связав его с «естественными» циклами социально-экономического развития они в определенной мере лишили инновационную деятельность управляемости.

Работы перечисленных авторов заложили основу исследования инновационной проблематики в трудах отечественных авторов конца прошлого века. Здесь можно выделить работы И.В. Бестужева-Лады, Д.Р. Вахитова, С.Ю. Глазьева, В.С. Дудченко, Б.Н. Кузика, Н.И. Лапина, А.И. Пригожина, Б. Твисс и других⁶. Здесь находят отражение различные точки зрения на определение инновации и значимость инновационного процесса, вычленение инновационного противоречия и алгоритмизацию инновационного действия, рассматриваются проблемы жизненного цикла инновации и ее социальной диффузии. В этих работах также анализируются различные стороны взаимодействия инновации с технологической переменной организационной структуры. Исследователи затрагивают проблемы поведения новаторов, глубоко вникают в социально-психологическую составляющую социальных изменений и мотивы инновационного поведения, но это продолжает выступать фоном для анализа – инновационного процесса.

В монографии В.Н. Иванова и В.И. Патрушева, изданной на рубеже веков, уже осуществляется поиск теоретических основ процесса технологизации внедрения инноваций в различные сферы общественных отношений⁷. В данном исследовании акцент смещается с объекта инновационной деятельности на процесс этой деятельности, что может служить в определенной мере теоретико-методологическим ориентиром дальнейшего анализа фундаментальных проблем теории управления инновациями.

Но основной вектор современных исследований смещается к анализу субъекту инновационной деятельности, в качестве которого выступает инновационная личность как конкретное проявление творческой личности. Основными носителями инновационной деятельности во все времена и в любом социуме являются творческие, инновационно заряженные личности, по выражению Н.И. Лапина, «инновационные личности как особый тип творческих личностей»⁸. Такие люди представляют собой интеллектуально-инновационный потенциал нации, заслуживают самой высокой оценки и поддержки. Без них не может быть инноваций. Это положение подтверждается Ю.А. Карповой: «Инновационная личность – это личность, творящая современность, то есть способная оказать влияние на ход социального развития»⁹. При этом она сама сформирована условиями современности. Инновационная личность стремится управлять окружающей действительностью, с этой целью находится в поиске новых форм воздействия. Если подходит к проблеме инноваций с синергетических позиций, то они предстают как информационно-энтропийный процесс, то есть процесс порождающий как новую информацию, так и энтропию, неупорядоченность в организационных структурах. Но личность инновационного типа готова принять ответственность за последствия своей творческой деятельности, вызванные реализацией новых способов решения насущных проблемных ситуаций. Это

⁵ Kleinknecht, Al. Innovation patterns in crisis and prosperity: Shumpeter's long cycle reconsiders [Text] / Al. Kleinknecht. – Hong Kong, 1987.

⁶ См.: Бестужев-Лада, И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений [Текст] / И.В. Бестужев-Лада. – М.: Наука, 1994; Кузык, Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития [Текст] / Б.Н.Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2008; Лапин, Н.И. Проблема социокультурной трансформации [Текст] / Н.И. Лапин // Вопросы философии. 2000. № 6. С.3-17; Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). [Текст] / А.И.Пригожин. – М.: Наука, 1989; Твисс, Б. Управление научно-техническими нововведениями [Текст] / Б.Твисс. – М.: Экономика. 1989.

⁷ Иванов, В.Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления [Текст] / В.Н.Иванов, В.И.Патрушев. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. – 302 с.

⁸ Лапин, Н.И. Теория и практика инноватики [Текст] / Н.И.Лапин – М.: Логос, Университетская книга, 2008. – С. 9.

⁹ Карпова, Ю.А. Введение в социологию инноватики: Учебное пособие [Текст] / Ю.А.Карпова. – СПб.: Изд-во «Питер», 2004. – С. 74.

позволяет рассматривать личность как источник инновационного развития. Личность предстает как относительно автономная целостная система со своим внутренним духовным миром, сознанием и самосознанием, благодаря которым она осуществляет активно-творческий процесс, порождая инновации в обществе.

Поскольку инновация выступает как особым образом организованная деятельность, самовоспроизводящая себя, то она востребует совершенно определённую совокупность специфических черт личности, среди которых П. Штомпка выделяет следующие:

- открытость к экспериментам, инновациям, изменениям;
- признание плюрализма мнений, существования разных точек зрения;
- ориентация на настоящее и будущее;
- уверенность и способность преодолевать жизненные препятствия;
- планирование будущих действий для достижения поставленных целей;
- вера в возможность регулирования и прогнозирования социальной жизни;
- чувство справедливости в отношении вознаграждения за затраченный труд;
- высокая ценность образования;
- уважение достоинства других людей вне зависимости от статусной позиции¹⁰.

С этой точки зрения, привлекает внимание предложенная социологом А. Инкелес аналитическая модель современной личности, значимыми чертами которой является: 1) открытость экспериментам, инновациям, изменениям; 2) готовность к плюрализму мнений, признание существования разных точек зрения без опасения изменения собственного видения мира; 3) ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое; 4) уверенность и способность в преодолении создаваемых жизнью препятствий; 5) планирование будущих действий для достижения целей как в общественной, так и в личной жизни; 6) вера в возможность регулирования и прогнозирования социальной жизни; 7) чувство справедливости, основанное на уверенности в зависимости вознаграждения от вклада и мастерства; 8) высокая ценность образования и обучения; 9) уважение достоинства других вне зависимости от статусной позиции¹¹.

Г.И. Герасимов и Л.В. Илюхина в свою очередь выделяют такие характеристики инновационной личности:

- потребность в переменах, умение уйти от власти традиций, определяя точки развития и адекватные им социальные механизмы;
- наличие творческой личности как личностного качества и творческого (креативного) мышления;
- способность находить идеи и использовать возможности их оптимальной реализации;
- системный, прогностический подход к отбору и организации нововведений;
- способность ориентироваться в состоянии неопределённости и определять допустимую степень риска;
- готовность к преодолению постоянно возникающих препятствий;
- развитая способность к рефлексии, самоанализу¹².

Гагарина О.С. считает, что необходимо выделять такие компоненты инновационной личности:

- развитая информационная культура, поскольку инновационная деятельность теснейшим образом связана с информационными и коммуникационными технологиями;
- развитые познавательные способности, которые не ограничиваются рациональным мышлением, а представляют собой интегративную особенность сознания, совмещающую различные области знаний и сфер практической жизнедеятельности «Я»;
- способность принимать решения в условиях риска, умение находить продуктивные средства разрешения сложных непредсказуемых ситуаций, нести ответственность за последствия предпринятых мер;

¹⁰ Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П.Штомпка; Пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

¹¹ Взято из: Карпова, Ю.А. Инновации, интеллект, образование [Текст] / Ю.А.Карпова. – М.: Изд-во МГУА, 1998. – 315 с. – С. 93.

¹² Герасимов, Г.И. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы [Текст] / Г.И. Герасимов, Л.В.Илюхина – Ростов н/Д: НМД «Логос», 1999. – С. 95.

▪ саморазвитие, так как инновация предполагает момент личностного роста, конструирования новых качеств собственной личности. В таких приращениях заключается основной смысл деятельности инновационной личности. Процесс саморазвития личности, направленный на становление творчества как сущностной характеристики личности, обретает особую социальную значимость в условиях современности¹³.

В рамках личностно-ориентированной методологии управления инновациями всё многообразие качественного проявления личности следует рассматривать с позиций выяснения уровней её инновационного потенциала и сознания. Инновационный потенциал личности отражает динамическое свойство личности как субъекта и инициатора практической новаторской деятельности, а инновационное сознание – ее характеристики восприятия и адаптации к нововведениям как субъект инновационной системы. Таким образом, инновационный потенциал личности можно охарактеризовать, как ее генерализированное свойство осуществлять преобразовательный способ взаимодействия с миром, а инновационное сознание – как ее способность осмысленно и дифференцированно воспринимать инновации и адаптироваться к нововведениям. Инновационное сознание – творческое сознание человека по воспроизводству и оценке инновационной деятельности, включающее мотивы, ценностные ориентации, установки, направленные на осуществление инновационных изменений. От уровня развития у личности инновационного сознания непосредственно зависит степень её инновационной активности. Системообразующим фактором, вокруг которого происходит формирование инновационного сознания личности, является ментальность, приобретенная в специфической социальной и культурной среде, создаваемой семье и системой образования. Но свое развитие такое сознание получает не в образовательном процессе с традиционным лекционно-поточным преподаванием, а в процессе самостоятельной реализации нововведений и во многом является результатом накопленного человеком опыта участия в них.

Инновационное сознание характеризуется следующими параметрами:

- широкими инновационными замыслами;
- преобладанием направленности сознания (диспозиционной установки) на инновационную деятельность;
- наличием внутренней, субъективной шкалы инновативности, которая отражает реально существующие и прогнозируемые ценностные отношения к старому и новому;
- наличием устойчивой мотивации к преобразовательной деятельности.

Следует отметить, что инновационное сознание проявляется в виде ценности инновационной деятельности в рамках осуществляемых индивидами профессиональной деятельности и ее оценки со стороны общества. Личностный уровень инновационного сознания проявляется в виде места инновации в личностной иерархии ценностей индивида, определяющей его мотивы, ориентации, установки на выбор в пользу инновационной деятельности.

Приведенный анализ показывает, что интегральным качеством инновационной личности является творческая активность, а творчество является условием её развития. Для такого типа личности характерна особая интенциональность сознания, которая представляет собой организацию деятельности относительно личностного 'Я', которое связано с выработкой и реализацией системы ценностных ориентации по отношению к тем или иным сторонам социальной жизни. В самом общем виде 'Я' является Самостью индивида, то есть интегральной целостностью, его тождественностью самому себе. И именно от уровня развития у людей определенного типа сознания непосредственно зависит степень их творческой активности. Основным фундаментом здесь являются устойчивые ценностные ориентации, передаваемые личности в виде национальной идеи – идеи инновационного развития России. Именно они задают вектор творческой активности личности, и, как следствие, задают направление дальнейшего развития российского общества.

¹³ Гагарина, О.С. Личность как субъект творческой деятельности: инновационный аспект [Текст] / О.С. Гагарина, О.С. // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации: электронное научное издание [№ гос. регистрации 0420800043]. – М.: РАГС. – 2008. – №1.

Таким образом, несмотря на то, что проблемы инновационной деятельности, изучения инновационной личности как субъекта инновационной деятельности попали в фокус исследовательского интереса западных специалистов еще в середине XX века, российская научная мысль на современном этапе только разрабатывает инструментарий исследования инноваций с позиций личностно-ориентированного подхода. Такой подход, на наш взгляд является перспективным с точки зрения исследовательского поиска, так как дает возможность анализировать не только отдельные стадии инновационного процесса, но и осуществить переход к комплексному изучению системы инноваций и личности как субъекта этой системы.

Переход российского общества на инновационный путь развития определяет объективную потребность в глубоких качественных преобразованиях всех сфер общественной жизни посредством создания инновационно-ориентированных систем. Осознавая ведущую роль инновационных процессов как фактора общественного развития, следует признать, что основополагающая роль в управлении инновация должна отводиться субъекту этой деятельности – личности инновационного типа с определенным типом сознания. Отсюда возрастает потребность в методологии управления инновациями, ориентированной на формирование инновационной личности как активной, движущей силы общественных преобразований.

Список литературы

1. Бестужев-Лада, И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений [Текст] / И.В. Бестужев-Лада. – М.: Наука, 1994. – 232 с.
2. Гагарина, О.С. Личность как субъект творческой деятельности: инновационный аспект [Электр. ресурс] / О.С. Гагарина, О.С. // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации: электронное научное издание [№ гос. регистрации 0420800043]. – 2008. – №1.
3. Герасимов, Г.И. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы [Текст] / Г.И. Герасимов, Л.В. Илюхина. – Ростов н/Д: НМД «Логос», 1999. – 136 с.
4. Иванов, В.Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления [Текст] / В.Н.Иванов, В.И.Патрушев. – М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2001. – 302 с.
5. Карпова, Ю.А. Инновации, интеллект, образование [Текст] / Ю.А. Карпова. – М.: Изд-во МГУА, 1998. – 315 с.
6. Карпова, Ю.А. Введение в социологию инноватики: Учебное пособие [Текст] / Ю.А. Карпова. – СПб.: Изд-во «Питер», 2004. – 192 с.
7. Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической динамики [Текст] / Н.Д. Кондратьев. – М.: Наука, 1989. – 526 с.
8. Кузык, Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития [Текст] / Б.Н.Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2008. – 864 с.
9. Лапин, Н.И. Проблема социокультурной трансформации [Текст] / Н.И. Лапин // Вопросы философии. 2000. № 6. С.3-17;
10. Лапин, Н.И. Теория и практика инноватики [Текст] / Н.И.Лапин. – М.: Логос, Университетская книга, 2008. – 328 с.
11. Садков, В.Г. Социальные инновации в управлении процессами согласования интересов власти, бизнеса и общества [Текст] / В.Г.Садков, О.Б. Кузнецова // Инновации. – 2007. – №5. С. 45-47.
12. Пригожин, А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики) [Текст] / А.И. Пригожин. – М.: Политиздат, 1989. – 270 с.
13. Твисс, Б. Управление научно-техническими нововведениями [Текст] / Б. Твисс. – М.: Экономика. 1989. – 271 с.
14. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П.Штомпка; пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
15. Шумпетер, Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) [Текст] / Й.Шумпетер; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
16. Кучко, О.Є. Про задачі соціологічної науки у реалізації інноваційної діяльності [Текст] / О.Є. Кучко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – 2009. – №844. – С. 14-19.

17. Kleinknecht, Al. Innovation patterns in crisis and prosperity: Shumpeter's long cycle reconsidered [Text] / Al. Kleinknecht – Hong Kong, 1987.

18. Mensch, G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression [Text] / G. Mensch. – Cambridge: Ballinger Pub. Co., 1979.

DEVELOPMENT OF METHODOLOGY OF INNOVATIVE MANAGEMENT: FROM PROCESS TO PERSONALITIES

E. I. BOEV
V. V. ZOTOV
E. G. KAMENSKY¹

¹⁾ *South-West State University*

e-mail:
evgeny-kursk@rambler.ru

The history of development of methodology of innovative management is given in the article. The authors show that today the person as the object of management of innovations appears in focus of researches.

Key words: innovations, innovative activity, methodology of innovative management, innovative process, a control system of innovations, the person as object of innovative management.

УДК 316.346.32-053.6

АНАЛИЗ МНЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛГУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЯХ К РОССИИ СО СТОРОНЫ НЕКОТОРЫХ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В. А. ВОРОНОВ¹⁾
С. П. РЯЧАПОВА²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Voronov@bsu.edu.ru

*²⁾ Сахалинский
государственный
университет*

*e-mail:
svprokopenko@hotmail.com*

В статье представлены результаты социологического исследования мнения студенческой молодежи о некоторых внешнеполитических проблемах государства, а в частности территориальных претензиях к современной России со стороны соседних государств, проведенного в октябре 2009 года, выявлены проблемы в разрешении территориальных споров между государствами, дана оценка эффективности деятельности органов государственного управления в России по защите своих границ. Сформулированы предложения о необходимости воспитания патриотизма у студенческой молодежи для формирования определенного мнения по ключевым политическим вопросам развития страны.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, общественно-политическая активность, территориальные претензии, патриотизм.

Территориальные претензии к соседним государствам в современном мире не редкость. Их влияние на отношения между странами может быть различным, вплоть до препятствия развитию взаимовыгодных, добрососедских отношений.

Россия по площади является одной из крупнейших стран мира. Наша страна имеет сухопутные границы с Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Беларусией, Украиной, Грузией, Азербайджаном, Казахстаном, Монголией, Китаем, Кореей (КНДР). Морские границы проходят в акватории Каспийского моря с Туркменией, Ираном, в Тихом океане с Японией и США.

В условиях непрекращающейся борьбы за экономические, финансовые, энергетические и информационные ресурсы, государствам к которым есть притязания со стороны сопредельных стран, приходится находиться под воздействием необходимости решения данных проблем. Поддержка государственной позиции в этом вопросе со стороны населения играла, играет, и будет играть важнейшую роль.

Наиболее активной и мобильной частью населения страны по праву считается студенчество. На сегодняшний день в российских ВУЗах обучается порядка 6 миллионов человек¹. От того, какая точка зрения на возможности решения той или иной проблемы, в том числе и территориальной, будет сформирована у современного студенчества, завтра, возможно, будет определяться позиция государства.

Для того, чтобы современная молодежь смогла стать опорой в решении важнейших внешнеполитических задач, необходимо целенаправленное воздействие на общественное сознание этой важнейшей социальной группы страны с целью его структурирования и придания нужного для государственного управления направления. В течении 90-х, начала 2000-х годов эта работа в стране практически не проводилась.

Доктор философских наук Ю.Р. Вишневский, проведя ряд исследований в студенческой среде, делает выводы о том, что в современной молодежной среде:

– политика не является приоритетной сферой социокультурных интересов студенчества;

– нарастает прагматическое, утилитарное отношение студенческой молодежи к политике;

¹ См.: М.М. Мальшева. Оценка потенциала абитуриентов 2009г. в свете Болонского процесса // <http://www.ecsocman.edu.ru/text/33373158/>.

– интерес студенческой молодежи к политике носит в основном ситуативный характер – она интересуется преимущественно конкретными политическими событиями, а не теоретическим анализом политических процессов и проблем²

Исследования Ю.Р. Вишневого свидетельствуют о том, что формированию устойчивых мнений и четкой гражданской позиции современной студенческой молодежи не хватает государственно-патриотической направленности и организованности, правовой подкованности.

Современный студент – это субъект общественных отношений, обладающий определенной совокупностью знаний, определенным миропониманием. При этом миропонимание неструктурированное в единую систему, часто хаотичное. Эта проблема актуальна на сегодняшний день, потому как, очень важно научиться системно воспринимать объективную реальность и формировать устойчивую гражданскую позицию общества в целом, и молодежи в том числе, для достижения общего блага.

И.В. Староверова на основании проведенных исследований относит нынешнюю молодежь к третьей волне «потерянного поколения» молодых граждан. Такая молодежь живет одним днем и не имеет четкого представления о том, для чего живет и к чему стремиться.³

Приведенные выше выводы современных исследователей, работы которых посвящены студенческой молодежи, отмечают факт снижения гражданственности и правовой культуры у студентов, а так же слабую активность современной молодежи в общественно-политической жизни страны.

Авторы данной статьи не со всеми изложенными выводами Ю.Р. Вишневого и И.В. Староверовой согласны.

С целью изучения мнения студенческой молодежи о некоторых внешнеполитических проблемах государства, а в частности территориальных претензиях к современной России со стороны соседних государств, в октябре 2009 года нами было проведено исследование в Белгородском государственном университете (Далее БелГУ).

Исследование проводилось методом анкетного опроса. Было опрошено 296 студентов очной формы обучения. В выборку попали как студенты гуманитарных факультетов, так и естественнонаучных. Опрос проводился среди студентов третьего курса в связи с тем, что, по мнению авторов, эта категория является наиболее репрезентативной частью студенческой молодежи, находясь в середине «процесса обучения и формирования интеллектуального потенциала страны». Данный подход основывается ещё и на том факте, что значительная часть исследователей студенческой молодежи по различным проблемам так же исследует именно третьекурсников.

При проведении исследования ставились следующие задачи:

– определить степень информированности белгородских студентов относительно территориальных претензий к России со стороны сопредельных государств и какая часть студентов обсуждает эти претензии;

– выявить основные источники получения студентами БелГУ информации о территориальных претензиях к современной России со стороны сопредельных государств и определить частоту поступления данной информации;

– уточнить позиции студенческой молодежи в вопросах отстаивания территориальной целостности России и возможные варианты решения территориальных споров.

С целью определения степени информированности белгородских студентов относительно территориальных претензий к России со стороны сопредельных государств, респондентам предлагалось ответить на следующий вопрос: «Как Вы считаете, есть ли территориальные притязания к современной России со стороны соседних (сопредельных) государств?». В результате анализа полученных данных можно сделать вывод о том, что участники опроса в целом достаточно хорошо осведомлены о территориальных притязаниях к России со стороны некоторых сопредельных государств. Так 86% опрошенных студентов ответили на вопрос утвердительно, 2,4% опрошенных – отрицательно. И 10,8% затруднились ответить на поставленный вопрос.

² См. Ю.Р. Вишнево, Д.В. Трынов, В.Т. Шапко Гражданская культура студентов, тенденции и проблемы формирования. // Социс. – 2009. – № 4. – С. 108-117.

³ См. Староверова И.В. Факторы девиации сознания и поведения молодежи // Социс. – 2009. № 11 – С. 107-117.

Несмотря на выводы некоторых российских исследователей о слабой гражданской позиции современной молодежи, данные опроса белгородских студентов свидетельствуют о том, что студенческая молодежь, в определенной степени заинтересована информацией о некоторых внешнеполитических проблемах современной России.

Почти половина опрошенных студентов (43,2%) указали в своих ответах, что они обсуждают вопросы территориальных претензий к России со стороны других государств с людьми, чье мнение для них важно. Только 13,9% респондентов указали в своих ответах, что эти вопросы не обсуждают вовсе. Остальные отметили, что обсуждают достаточно редко.

В ходе исследования ставилась задача определения основных источников, из которых студент получает информацию о территориальных претензиях.

Согласно результатам опроса, основным источником для большинства респондентов явилось телевидение (74,3%). На втором месте – интернет (43,9%) и печатные СМИ (42,2%). От родных, близких, друзей получают информацию 21%, а по радио 16,9%. В выступлениях лекторов, преподавателей вуза темы территориальных претензий к России, по информации опрошены студентов, не озвучиваются.

Территориальные споры между государствами, на сегодняшний день можно решить разными путями: путем переговоров, силовым путем, либо отложить решение территориального вопроса на более поздний срок. Исследование показало, что подавляющее большинство студентов Белгородского государственного университета (90,9%) считают переговоры лучшим способом решения территориальных споров между государствами в современном мире. И лишь 6,8% опрошенных студентов предлагают решать территориальные споры силовым путем.

Таким образом, с одной стороны, исследование показало, что большинство респондентов настроены достаточно миролюбиво к соседним странам, имеющим территориальные притязания на российские земли. Но с другой стороны данный результат свидетельствует об отсутствии у опрошенных студентов стремления отстаивать интересы государства более жестким методом. Результаты, полученные в ходе ответа на предыдущий вопрос об источниках получения информации и вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что доступный для студентов объем информации формирует у студентов мнение, что для решения территориальных споров достаточно провести переговоры с оппонирующей стороной.

Потеря любых территорий – это потеря природно-сырьевых ресурсов, транспортных путей, нарушение безопасности границ. Кроме того, передача территорий – это позиция слабого государства, неспособного отстоять свои рубежи. Так же, важен патриотический аспект вопроса. Уступить спорные территории – значит признать, что данный объект спора не является частью целого, неделимого государства.

Отвечая на вопрос «Как, по Вашему мнению, должно реагировать Российское государство на территориальные претензии со стороны некоторых сопредельных государств», 4,4% респондентов высказали готовность уступить территории России, на которые претендуют соседние государства. Кроме того, значительная часть участников опроса (39,9%) высказала мнение, что необходимо уступить некоторые территории на выгодных для России условиях. 30,4% опрошенных студентов предложили не обращать на претензии никакого внимания. Вместе с тем, каждый четвертый студент БелГУ (25,3%), принявший участие в опросе высказал мнение «Не уступать территории».

Таким образом, более половины участников опроса (55,7%) против территориальных уступок со стороны России.

В ходе опроса студентам было предложено ответить на вопрос «Как вы считаете, какой политики должна придерживаться Россия со странами, предъявляющими к ней территориальные претензии?». 40,5% опрошенных предложили приостановить развитие каких-либо отношений с государствами, предъявляющими претензии до прекращения этих претензий, 35,5% высказались за развитие торгово-экономических отношений, 18,9% считают необходимым поддерживать сложившиеся отношения.

Для определения степени готовности студентов принимать участие в акциях по отстаиванию территориальной целостности страны, разрешению территориальных споров между Россией и сопредельными государствами и готовности отстаивать родные территории, студентам был задан следующий ряд вопросов: «Если в Вашем городе будет проводиться акция протеста против территориальных претензий к России со стороны

иных государств, готовы ли Вы принять в ней участие?» Чуть более половины участников опроса (54.7%) выразили готовность принимать участие в акциях протеста, считая это гражданским долгом. Вместе с тем почти 40% полагают, что в этом нет необходимости, так как это дело органов государственного управления.

Для конкретизации ответов респондентов, студентам был задан вопрос о реально существующей на сегодняшний день территориальной претензии: «Как вы считаете, поддержит ли общественное мнение в России передачу Японии ряда Курильских островов?» В целом, по результатам анализа полученных ответов следует вывод о том, что почти 91% участников опроса высказались отрицательно.

При этом достаточно интересным представляется позиция респондентов по данному вопросу. Так, готовы поддержать передачу Курильских островов Японии 13.5% участников опроса. И почти 60% указали, что не поддержат такие действия со стороны органов государственной власти. 23,3% затруднились дать ответ на поставленный вопрос. Примерно такое же мнение было высказано и по вопросу о Пыталовском районе Псковской области, на чьи земли претендует Латвия.

Из ответов студентов БелГУ следует, что общественное мнение России едва ли одобрит передачу российских земель соседним государствам, будь то дальневосточные рубежи или центральная полоса России.

Подводя итог, отметим, что в современной непростой внешнеполитической обстановке, а так же учитывая большую площадь территории, органы государственного управления в России вынуждены постоянно заботиться о защите своих границ. Одним из элементов безопасности границ Российской Федерации должно стать общественное мнение населения, особенно студенчества, обладающего активной гражданской патриотической позицией.

Органы государственного управления в России должны быть заинтересованы в воспитании патриотизма у современной молодежи. Оказывать воздействие на формирование общественного мнения молодежи возможно лишь детально изучив его.

Результаты данного локального исследования показали наличие большого поля деятельности для органов государственного управления в России, в части оказания целенаправленного воздействия на сознание студенческой молодежи для формирования определенного мнения по ключевым политическим вопросам.

Список литературы

1. Ю.Р. Вишневский, Д.В. Трынов, В.Т. Шапко Гражданская культура студентов, тенденции и проблемы формирования. // Социс. – 2009. – № 4. – С. 108-117.
2. М.М. Малышева Оценка потенциала абитуриентов 2009 г. в свете Болонского процесса // <http://www.ecsocman.edu.ru/text/33373158/>.
3. И.В. Староверова Факторы девиации сознания и поведения молодежи // Социс. – 2009. № 1. – С. 107-117.

THE ANALYSIS OF OPINION OF BSU STUDENTS ABOUT TERRITORIAL CLAIMS TO RUSSIA FROM SOME ADJACENT STATES

V. A. VORONOV¹⁾
S. P. RYACHAPOVA²⁾

¹⁾ *Belgorod State University*
e-mail: Voronov@bsu.edu.ru

²⁾ *Sakhalin State University*
e-mail: svproko-penko@hotmail.com

The results of sociological research of opinion of student's youth, spent in October, 2009, about some foreign policy problems of the state, and in particular territorial claims to modern Russia are presented in the paper. Problems in the permission of territorial disputes between the states are revealed, the estimation of efficiency of activity of state bodies in Russia on protection of the borders is given in the article. Proposals on necessity of education of patriotism among student's youth for formation of certain opinion on key political problems of development of the country are formulated.

Key words: youth, youth policy, social and political activity, territorial claims, patriotism.

УДК 316.346.32-053.6:37.035.6

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Т. И. МОРОЗОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: lilipon@yandex.ru*

В статье дается анализ состояния гражданственности и патриотизма современной молодежи. Анализируются причины снижения гражданской активности молодых людей. Предлагаются действия, направленные на повышение уровня гражданской активности.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, гражданская и патриотическая позиция личности; гражданское и патриотическое воспитание.

В условиях цивилизованного общества необходимыми элементами жизненной позиции личности являются гражданственность и патриотизм. При этом гражданственность обычно трактуют в трех аспектах:

во-первых, как форму идентичности человека, выражающуюся в установлении его связи с конкретным обществом и государством на основе принятия и усвоения общих ценностей, смыслов и норм поведения и взаимной ответственности;

во-вторых, как политическую позицию личности, реализующуюся в ее готовности и способности к участию в решении общественных и государственных проблем, в ощущении сопричастности социальным процессам и интересе к ним;

в-третьих, качественное состояние общества и личности, достигнутое в ходе развития, противоположное по своему содержанию традиционности, радикализму и иррациональности, базирующееся на принципах рационализма и свободного обмена результатами своей деятельности¹. В этом случае гражданственность рассматривается как необходимый атрибут гражданского общества.

Патриотизм, в свою очередь, представляет собой любовь к своей стране, заботу о ее процветании и благополучии.

Понятия «патриотизм» и «гражданственность» тесно связаны друг с другом, поскольку оба характеризуют форму связи личности, общества и государства. Однако они не являются тождественными. В категории «патриотизм» отражается преимущественно эмоционально-психологическое отношение к стране и государству, которое чаще всего выражается в символической форме. Для патриота государство и общество, в котором он живет, это, прежде всего, Родина и Отчизна. В силу данного обстоятельства патриотизм апеллирует к традиционным социокультурным ценностям, несмотря на то, что не исключает и ценности модернизационные. В последнем случае довольно часто говорят о «просвещенном патриотизме», что не вполне корректно.

Уже сама идея «просвещенного патриотизма» «по умолчанию» содержит вольный или невольный намек на то, что «традиционный патриотизм» обычно бывает архаичным, несовременным. В действительности, подлинный патриот всегда будет способствовать развитию своей страны, а потому не станет противодействовать ее обновлению (модернизации).

Существует и еще одно неверное утверждение, в соответствии с которым патриотизм отождествляется с национализмом и даже шовинизмом. Поскольку два этих явления, представляющие собой идеологию превосходства собственной национальности, хотя и выраженную с различной степенью открытости, обычно осуждаются, предлагается распространить подобное отношение и на феномен патриотизма. Сторонники такой позиции нередко приводят выражение: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя»². Од-

¹ Айвазян А.А. Гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ). Екатеринбург, 2001. – С. 19.

² Афоризм, произнесенный доктором Самуэлем Джонсоном в Литературном клубе 7 апреля 1775 г. и опубликованный Джеймсом Босуэллом в 1791 году.

нако в самой сущности патриотизма не содержится негативного отношения к иным национальностям. Он более близок гражданской, чем националистической позиции, и отличается от последней лишь тем, что первая мотивирована преимущественно рационально и, в конечном итоге, связана с системой формальных взаимоотношений общества и личности (например, конституционных обязанностей). Патриотизм предполагает установление между ними неформальных отношений.

Довольно часто возникают дискуссии: можно ли быть гражданином, не являясь патриотом. Мы исходим из того, что уже сама постановка данного вопроса свидетельствует о намеренном или неосознанном противопоставлении патриотизма и гражданственности. Подобное противопоставление обычно является попыткой оправдать индивидуализм и эгоизм личности, права и свободы которой, якобы абсолютно приоритетны по отношению к социуму и не зависят от состояния последнего. В действительности, права и свободы человека могут быть реализованы лишь в условиях конкретной страны и конкретной культурно-исторической традиции, и если она не является суверенной, вопрос о статусе гражданина решается не полностью. Противопоставление патриотизма и гражданственности представляет собой своеобразную форму духовной эмиграции.

Другое дело, что признание себя патриотом не означает одобрения всех сторон жизни государства и общества, к которым принадлежишь. Подлинный патриот – это человек, который стремится улучшить общественные отношения и избавить страну от «социальных язв».

Гражданственность и патриотизм молодого человека не являются врожденными качествами или свойствами личности, но формируются в процессе воспитания и саморазвития. При этом огромное (во многих случаях решающее) влияние имеет социально-экономическая, политическая и духовная ситуация в обществе. Именно ее надо учитывать, в первую очередь, рассматривая проблему формирования гражданственности и патриотизма.

Одним из следствий общественно-политического кризиса 90-х годов в России стала дискредитация идей гражданственности и патриотизма как важнейших паттернов (целостных образований, моделей, образцов) общественного сознания.

Это особенно наглядно проявилось в сознании молодежи, для которой стала типичной негражданская, а в некоторых случаях доведенная до эпатажа антигражданская позиция, связанная с демонстративным отчуждением от государства и предлагаемых государством норм. Показательно, что в 1993 году лишь 49,5% молодых белгородцев считали обязательным соблюдать Конституцию РФ, 31% – охранять природу и окружающую среду; 16% – платить установленные налоги и сборы; 12,8% – нести военную службу³. То есть выполнять конституционные обязанности. Преобладающими в молодежной среде в 90-е годы стали усиливающаяся установка на личную независимость и стремление реализовать собственные потенциальные возможности, сочетающиеся со стремлением к личному благополучию. Большинство молодых людей стало относиться к миру индивидуалистически и эгоистически. Эгоизм, помноженный на ситуативное правосознание, стал, в частности, одним из источников роста молодежного экстремизма и ксенофобии⁴.

Для формирования подобных установок, несомненно, имелись объективные и субъективные причины. В первую очередь, они были связаны с тем, что государство в то время, фактически, устранилось от решения наиболее значимых жизненных проблем молодежи и не гарантировало защиты ее прав и интересов. Кроме того, ситуация социальной смуты создала разнообразные предпосылки для достижения жизненного успеха асоциальными средствами, без соблюдения социальных норм и использования традиционных, санкционированных обществом и государством способов. Это стало наиболее типичным для криминальной и полукриминальной среды, в которую включалась значительная часть наиболее активных молодых людей. Укреплению гражданственности и патриотизма противоречили систематические попытки дискредитации отечественной истории и культуры. Наконец, негативное влияние на процесс формирования гражданственности и патриотизма оказало разрушение системы воспитания молодежи.

³ Молодой человек в условиях кризиса. М.: СПб., 1994. – С. 27.

⁴ Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. Белгород, 2007. – С. 22.

Тем не менее, в середине 2000-х годов начинает меняться отношение к проблеме гражданского и патриотического воспитания. Примечательно, что, прежде всего, это происходит на региональном уровне и становится типичным для отдельных субъектов Российской Федерации. В частности, в Белгородской области с 2006 года реализуется «Программа патриотического воспитания населения». Однако почти одновременно задача формирования гражданственности и патриотизма воспринимается и федеральной властью. Данное обстоятельство обусловлено комплексом причин.

Во-первых, в государственной политике отчетливо выражена установка на строительство в России гражданского общества. Но необходимым условием его создания является обретение людьми статуса граждан и патриотов, для которого характерно обладание комплексом естественных прав и свобод, а также готовность и способность нести ответственность не только за себя и своих близких, но и за судьбы страны. Показательно в данной связи, что Президент РФ Д. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию президент России Д. А. Медведев так определил образ будущего: «Общество умных, свободных и ответственных людей». Он также подчеркнул, что основная цель правового воспитания это формирование высоконравственной, всесторонне развитой личности, конкурентоспособного специалиста, гражданина и патриота своей страны⁵.

Во-вторых, в настоящее время понятно, что задача модернизации Российской Федерации не может быть решена без наращивания и эффективного использования социального капитала молодежи. Он представляет собой реальные и потенциальные возможности молодых людей, которые они могут использовать для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества, и которые являются результатом их межличностного взаимодействия. Наиболее существенным в социальном капитале является то, что он создается не усилиями отдельных, обособленных друг от друга людей, а формируется и накапливается под влиянием их включения в прочные коллективистские отношения, установления и выполнения взаимных обязательств, ответственности и солидарности. Размер социального капитала прямо зависит от степени взаимной поддержки, сотрудничества и доверия его граждан друг к другу. Чем этот уровень выше, тем большими ресурсами обладают страна и государство. Таким образом, социальный капитал выступает как целенаправленно созданный и постоянно меняющийся результат коллективистских человеческих отношений, который позволяет постоянно улучшать качество жизни людей и повышать ее уровень. Гражданственность и патриотизм представляют собой формы интеграции молодежи в социум, следовательно, – способствуют наращиванию и использованию их социального капитала.

В-третьих, оборотной стороной процессов глобализации в современном мире является усиление межгосударственной конкуренции за обладание ресурсами. Одним из объектов конкуренции является человеческие, прежде всего, интеллектуальные ресурсы. Страны, обладающие заметными конкурентными преимуществами, являются реципиентами интеллектуальной миграции, Россия же, в свою очередь, в настоящее время выступает в качестве своеобразного донора. Формирование у молодых людей гражданственности и патриотизма в этих условиях рассматривается как один из способов ограничить «утечку умов» для страны, не преодолевшей негативных последствий реформации и не достигшей уровня наиболее развитых стран.

В-четвертых, глобализация не отменила военных опасностей и угроз для России, обладающей огромными территориями и природными ресурсами. Кроме того, возникли относительно новые угрозы: угроза международного терроризма, наркомафии; этнического сепаратизма. Все это предъявляет повышенные требования к обеспечению суверенитета и безопасности страны. Очевидно, что защиту государства от многочисленных угроз могут наиболее эффективно осуществлять люди, ощущающие себя полноценными гражданами и патриотами.

Гражданское и патриотическое воспитание – это система формирования у личности комплекса ценностей, жизненных смыслов и убеждений, в основе которых лежат представление об ее органической связи со страной проживания (Родиной) и готовность различными (легальными) способами способствовать ее развитию и процветанию.

⁵ Послание Президент РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 ноября.

Представляется, что наряду с гражданским воспитанием необходимо говорить о гражданском и патриотическом образовании и обучении. При этом гражданское и патриотическое образование заключается в получении и усвоении человеком знаний о системе взаимоотношений государства и личности, о ее правах и обязанностях. Гражданское и патриотическое обучение состоит в выработке у человека навыков практической деятельности, с одной стороны, по защите своих прав; с другой стороны, по укреплению государственности.

В комплексе эти составляющие образуют процесс формирования гражданственности и патриотизма. В ходе этой деятельности необходимо решать несколько задач:

- формирование гражданской и патриотической позиции;
- формирование гражданской и патриотической ответственности;
- формирование социальной лояльности;
- формирование навыков гражданского участия.

Гражданская и патриотическая позиция личности – это заявленное человеком отношение к государству, обществу и стране своего проживания. В гражданской и патриотической позиции отражаются несколько элементов: принципы, которыми руководствуется человек; оценки социальной реальности; установки, определяющие поведение в сфере общественной жизни.

Гражданская и патриотическая ответственность представляет собой обязанность и готовность отвечать за свои поступки перед государством и обществом.

Социальная лояльность – готовность откликнуться на «обоснованный» призыв, сделанный от лица государства или народа-нации.

Гражданское и патриотическое участие следует рассматривать как деятельность человека по решению общественных проблем, осуществляемое лично или в рамках общественных объединений.

В настоящее время стало довольно «модно» говорить о гражданском и патриотическом воспитании молодежи, о формировании человека и гражданина. Однако нередко процесс сводится к проведению различного рода массовых мероприятий. Для определения предпринимаемых действий в данном направлении в последнее время широко используется понятие «акция». Под акцией обычно понимают заранее спланированное, локализованное по месту и времени мероприятие, контролируемое его организаторами и предусматривающее реальное, но нередко и демонстративное участие специально отобранной группы молодежи.

Подобный подход, как правило, не дает необходимого результата. Очевидно, что формирование гражданина и патриота применительно к молодежи должно складываться из двух составляющих. Во-первых, изменения отношения государства к молодым людям, выражающееся в создании условий для самореализации и защиты прав молодежи. Только в этом общество получит от молодых людей адекватный гражданско-патриотический отклик. При сохранении сложившегося к настоящему времени отношения любые фразы о гражданственности и патриотизме не будут восприниматься молодежной средой.

Во-вторых, в современных условиях необходим максимально технологический (социально-технологический) подход к формированию гражданина патриота со стороны субъектов управления, прежде всего, органов по молодежной политике.

Это предполагает использование на практике системы процедур преобразования действительности, необходимыми признаками которых являются:

– целесообразность, сознательность действий, выражающаяся в четкой формулировке целей, способности выстроить их иерархию, опираясь на представление о наиболее актуальных социальных проблемах;

– упорядоченность и планомерность деятельности, которые возможны на основе отмеченной выше целесообразности, с одной стороны; с другой, – являются логическим следствием наличия концепции управления;

– расчлененность и дифференцированность действий. Социальные технологии имеют место лишь в тех случаях, когда осуществляется разделение социального действия на отдельные процедуры;

– рациональность, научный подход. Социальные технологии могут опираться только на рациональное отношение к действительности и на научное знание;

– рефлексивность, условием которой является постоянная критическая самооценка субъекта социального действия, применяемых им методов познания и преобразования социальной действительности.

К сожалению, на практике технологический (социально-технологический) подход в формировании патриотизма и гражданственности является скорее исключением, чем нормой.

Между тем социально-технологические решения предполагают организацию работы с учетом основных элементов управленческого цикла, в котором выделяют: постановку целей и задач на основе объективной диагностики существующей проблемы; принятие решений; организацию деятельности и анализ достигнутых результатов с последующей коррекцией деятельности и постановкой новых задач.

Операции и процедуры на каждом из этих этапов имеют свои особенности и требуют решения конкретных проблем.

Исходным пунктом их решения является системная диагностика ситуации. Подобную диагностику не могут обеспечить эпизодические социальные опросы. Она требует разработки и реализации комплексных научно-исследовательских программ межрегионального, в крайнем случае, регионального характера. При этом такие программы должны быть обеспечены в финансовом, кадровом и информационном отношении.

Подобные программы должны носить отчетливо выраженный поисково-аналитический характер и ориентироваться не столько на ситуацию, но на перспективу.

На основе реализации аналитических программ должны приниматься программы практических действий, которые должны четко определять: а) цели, преследуемые в процессе формирования гражданина и патриота; б) приоритетные целевые группы молодежи; в) адекватные формы и методы работы.

В регионах должна быть сформирована устойчивая система воспитательной работы с молодежью, которая представляет собой своеобразный «кластер» государственной молодежной политики.

Формирование гражданина и патриота не может быть эффективным, если оно ведется органами государственного и муниципального управления без участия самой молодежи. Прежде всего, молодежи, объединенной в собственные и при этом авторитетные организации. Именно они должны выступать в качестве постоянных сотрудников и союзников государства в решении молодежных проблем. Поэтому крайне важно оказание содействия патриотически ориентированным молодежным организациям, способствующим артикуляции, агрегации и представительству интересов молодежи и способных разработать и реализовывать молодежные проекты как регионального, так и общефедерального уровня.

Список литературы

1. Айвазян А.А. Гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ). Екатеринбург, 2001.
2. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. Белгород, 2007.
3. Гражданская культура современного российского студенчества. Екатеринбург, 2007.
4. Молодой человек в условиях кризиса. М.: СПб., 1994.

DEVELOPMENT OF CIVIC CONSCIOUSNESS AND PATRIOTISM AMONG MODERN YOUTH

T. I. MOROZOVA

Belgorod State University

e-mail: lilipon@yandex.ru

The article analyzes the state of civic consciousness and patriotism of the youth of today. The reasons for the decline of civic engagement of young people are analyzed. Actions aimed at increasing the level of civic engagement are proposed.

Key words: patriotism, citizenship, civic and patriotic position of the individual, civil and patriotic education.

УДК 316

КУЛЬТУРНО-ТИПОВЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

**Ю. В. ШМАРИОН
ЛЮДЬ ДУНЯН**

*Липецкий государственный
педагогический
университет*

e-mail: Science@mail.ru

В статье рассматривается синтез традиционных и инновационных технологий в системе образования КНР. Вхождение в ВТО, бурный рост экономики обусловили необходимость модернизации системы образования, к которой предъявляются новые требования. Однако введение инноваций, таких как децентрализация и приватизация, развитие информационных и компьютерных технологий применяются инструментально, адаптируясь к традиционной культуре Китая.

Ключевые слова: традиционализм, конфуцианство, инновации в образовании, патернализм, децентрализация, приватизация.

Российские и западноевропейские синологи отмечают, что в XXI веке для китайского общества характерно как стремление к сохранению традиционных черт, так и обращение к инновационным технологиям. В этой связи необходимо отметить первостепенную значимость образования, обозначенную правительством с первых лет создания КНР как направление стратегического развития государства¹.

Исключительная высокая роль образования в Китае имеет свои глубокие исторические корни. В Древнем Китае достижение высокого социального статуса, путь к государственным постам, социальное признание и уважение индивида напрямую зависели от образовательного уровня. При этом образование для китайца выступало и как цель, и как средство достижения основных социальных благ. Содержание образования базировалось на идеях конфуцианства, включало в себя канонические сочинения из 13 канонов, общим объемом с комментариями около 40 томов и представляло собой не только морально-нравственные императивы социального уклада, но и регулятор всей жизни Китая (административной, правовой, политической, семейной, образовательной и воспитательной)².

Как китайские, так и российские, и западноевропейские ученые в большинстве своем едины во мнении, что традиционное конфуцианство не только является идеологическим и содержательным базисом института образования, но и во многом детерминирует процессы социализации в китайском обществе. Однако стремление китайского правительства к сохранению исконных традиций в эпоху глобализации оценивается по-разному на внутрисистемном и внесистемном уровнях. Если российские и китайские ученые в целом позитивно рассматривают такие черты как патернализм, коллективизм, высокую роль личных связей и отношений, этику и мораль, гармонию и консенсус, четкую иерархию, то ряд западноевропейских ученых склонны оценивать данные черты скорее как тормоз модернизации общества, как некоторое препятствие инновационным процессам, связанным с интеграционными тенденциями в мировой экономике.

Причины такого селективного толкования культурно-традиционных черт коренятся в различиях западного и восточного мировоззрений. Если основой западноевропейского мировоззрения является антропоцентризм, осознание индивидом себя свободным гражданином с определенными правами и обязанностями, то основу китайского общества составляли семья и род. «В столь специфических исторических условиях государство могло существовать и действительно существовало, руководствуясь своими особыми идеологией, институтами, нормами, ритуалами. После создания первого единого государства его главным

¹ Ше Юань. Частное высшее образование в Китае: эволюция, особенности и проблемы. Университетское управление, №3 (31), – С. 77-80, 2004.

² Васильев Л.С. История религий Востока. М.: «Университет», 2001. – С. 288-306.

идеологическим постулатом выступало великодержавие, основанное на убеждении, что Китай является центром вселенной, центром истории, центром народов»³.

В Китае, активно участвующем в XXI веке в процессах интеграции и глобализации, идея раскрытия многого в едином и единичного во всеобщем гармонично вписалась в национальную стратегию китайского народа. «Великое возрождение нации Китая» – лозунг китайцев, в рамках которого намечается: 1) «великий поход» создания самой мощной экономической державы мира; 2) «XXI век – век Китая»; 3) «Достижение уровня средней зажиточности до 2020 года»⁴.

Реализуемая в обществе программа «реформ и открытости» нашла свое отражение и в системе образования Китая, которая развивается в направлении «приватизации» и «маркетизации». Однако, в образовательной реформе данная стратегия, используется инструментально, как способ повышения эффективности образовательной сферы⁵.

Китайский исследователь Ка-Хо Мока считает, что «приватизация» и «маркетизация» не повлекли за собой изменение идеологических и теоретических основ образовательной системы⁶. Государство по-прежнему занимает доминирующее положение в реализации функций регулирования в образовательной сфере, частные организации, реализующие идеи «приватизации» и «маркетизации» пока еще играют не существенную роль.

«Приватизация», децентрализация управленческих функций, развитие частного сектора, привлечение государственных источников финансирования в частные учебных заведения расценивается некоторыми исследователями как институциональное противоречие «государству с его вертикальными патронажно-клиентельными связями»⁷[7] и, делается вывод о том, что, стратегия правительства на развитие и поддержание частного сектора в национальном образовательном пространстве в большей части обусловлено мировой конъюнктурой. Однако если обратиться к прошлому Китая, то можно обнаружить, что развитие частного образования обусловлено скорее историческим опытом, чем следованием мировым тенденциям в области образования. Так например, учебные программы в частном секторе в большинстве своем основывались на государственной идеологии конфуцианства, при этом финансировались как из региональных, так и из федеральных источников⁸. При этом частные образовательные учреждения традиционно выполняли несколько функций: во-первых, замещали государственные школы во времена кризисов; во-вторых, предлагали и предлагают альтернативные образовательные программы (курсы иностранных языков, углубленное изучение предметов и т. п.).

Следующим аспектом симбиоза традиционных и инновационных черт в образовании является особая социальная роль отводимая образованию государством. В 1992 году XIV съезд КПК наметил перенос центра тяжести на высокие технологии, науку и образование, которые были объявлены "производительной силой первостепенной важности", а образование – "основой" строительства социалистической модернизации. Руководство КНР решило отказаться от стратегии догоняющего развития и перейти к стратегии сравнительных преимуществ. Важнейшим преимуществом был назван человеческий ресурс. Человек рассматривался не как рабочая сила, а как производственный потенциал, нуждающийся в современном образовании. Принятая в 1997 году XV съездом КПК формулировка "Наука и образование приведут страну к процветанию" очевидным образом преемственна по отношению к курсу буржуазных реформаторов начала XX века, проводившемуся под лозунгом "Расцвет образования спасет страну"⁹.

³ Гельбрас В. Г. Китай. Возрождение национальной идеи. // Полития. – 2003. – № 2. – С. 81.

⁴ Гельбрас В. Г. Китай. Возрождение национальной идеи. // Полития. – 2003. – № 2. – С. 86.

⁵ Ка-Хо Мос. Education and the Market Place in Hong Kong and Mainland China. – Higher Education, vol. 37, 1999. p. 151.

⁶ Ка-Хо Мос. Privatization or Marketization: educational Development in Post-Mao China. – International Review of Education, vol 43, 1997. p. 155.

⁷ Казанцев А.А. Конфликтность модернизации, интеллигенция и бюрократия: сравнительно-политический анализ. Материалы Научный семинар "ОТКРЫТАЯ ДИСКУССИЯ ЖУРНАЛА "ПОЛИС", Четвертый выпуск. <http://www.politstudies.ru/extratext/04/texts03-07.htm>.

⁸ Гао Минши. Чжунго цзяюй чжиду шилунь. (История системы образования в Китае). Тайбэй, 1999.

⁹ Ше Юань. Частное высшее образование в Китае: эволюция, особенности и проблемы. Университетское управление, №3 (31), – С. 77-80, 2004.

В качестве инноваций в системе образования следует отметить, также ведущую и возрастающую роль радио, телевидения и Интернета как основных средств реализации обучающих программ в системе высшего профессионального образования в Китае. Учебные программы государственной системы центральных радио- и телевизионных университетов (CRTVU) и провинциальных радио- и телевизионных университетов (PTVU), которых представляют собой копии аудиторных занятий в обычной аудитории университета¹⁰. Для этого отбираются лучшие преподаватели ведущих университетов Китая, прошедшие систему строго конкурсного отбора.

На начало XXI века около 80% вузов подключены к общенациональной образовательной и исследовательской сети (CERNet), связанной с ведущими зарубежными вузами. Во многих вузах созданы электронные базы данных учебных курсов и программ, обеспечен доступ к электронным библиотекам, активно внедряются информационные и компьютерные технологии в учебный процесс¹¹.

Однако внедрение перечисленных выше инноваций осуществляется без коренных изменений традиционных методов обучения. Ф. Лун отмечает, что восточно-азиатскую модель педагогики отличают от европейской следующие особенности: усвоение материала и понимание подходов к его изучению; основной способ освоения – запоминание и повторение; учеба как тяжелая работа, требующая упорства; способ коллективного, а не индивидуального обучения. Как подчеркивает Лун, применение инновационных методов в обучении гармонично сочетается с традиционными методами обучения и позитивно сказывается на результатах учащихся школ. Примеры тому первые места школьников на олимпиадах по точным наукам¹². Из вышеизложенного следует, что в Китае традиционные методы преподавания, основанные на коллективизме и усердном труде, успешно адаптируются к специфично рациональным, точным западноевропейским компьютерным и информационным наукам.

Среди традиционных черт, органично адаптированных к вызовам глобализации, следует отметить также прагматизм и этноцентризм при заимствовании зарубежного опыта. Как справедливо пишет В.В. Соболев¹³, такие отличительные черты китайского менталитета, как ценность практичного (т.е. того, что может принести выгоду, привести к достижению цели), ценность формы, внешнего проявления, ценность конкретного обусловлены, прежде всего, многовековым имперским статусом Китая и как следствие – объяснение этноцентризма китайцев и их чувство культурного превосходства над другими странами.

Все заимствования рассматривались с позиции их практической значимости для государства. Еще в XIX веке дипломат и синолог И. Костровец отмечал, что с точки зрения китайца, всеми своими изобретениями европейцы обязаны китайским ученым, и необходимость введения европейских наук обусловлено тем, что научные сведения и изобретения были заимствованы ранее у китайских мудрецов¹⁴. Многие исследователи отмечают, что динамичное развитие КНР при сохранении стабильности социального порядка детерминированы способностью китайского этноса оптимально ассимилировать зарубежные элементы к потребностям и специфике своего общества.

Таким образом, Китай успешно внедряет инновационные механизмы управления образованием, использует их инструментально и адаптирует к вековым культурным традициям. Приватизации и децентрализации образования успешно адаптируется к сложившейся веками частной образовательной системе; прорыв в сфере высоких технологий стал возможен во многом благодаря созданию элитарных учебных заведений (элитарность образования исконная традиционная черта культуры Китая); изучение компьютерных и информационных наук базируется на традиционных коллективных методах обуче-

¹⁰ Майорова Н.В. Инновационные формы высшего образования в современном Китае. // Вестник МГТУ, том 11, №1, – С. 191-194. – 2008.

¹¹ Li Bing, Yuan Jianhui. The Effects of China's Membership in the WTO on the Internationalization of China's Higher Education and the Countermeasures. – Chinese Education and Society, vol.36, no.5, 2003.

¹² Frederick K.S. Leung. In Search for an Asian Identity in Mathematics Education. – Educational Studies in Mathematics, vol. 47, 2001.

¹³ Соболев В.В. Этнопсихологические особенности китайцев. Новосибирск, 2001.

¹⁴ Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М: Русич, 2000. – С. 436.

ния. При этом патернализм государственных структур не является бюрократическим тормозом, напротив, монократический способ управления позволяет быстрее проводить решения КНП при модернизации образования.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Потребность в реформах основных социальных институтов и прежде всего, системы образования связана с бурным ростом экономики Китая. Существенные изменения в обществе инициировали потребность в специалистах нового поколения, привели к стремительному росту количества студентов, возникновению противоречий и системной разбалансированности на рынке трудовых ресурсов.

2. Разрешение этих противоречий требует проведения социологических исследований направленных на изучение проблем современной системы профессионального образования Китая, выявлению структуры и содержательной основы системного дисбаланса на рынке труда, по результатам, которых могут, сформулированы рекомендации по социальному управлению процессом трудоустройства современных специалистов.

Список литературы

1. Ше Юань. Частное высшее образование в Китае: эволюция, особенности и проблемы. Университетское управление, №3 (31), с. 77-80, 2004.
2. Васильев Л.С. История религий Востока. М.: «Университет», 2001.
3. Гельбрас В. Г. Китай. Возрождение национальной идеи // Полития. – 2003. – № 2. – С. 81-86.
4. Ка-Но Мос. Education and the Market Place in Hong Kong and Mainland China. – Higher Education, vol. 37, 1999. p.151.
5. Ка-Но Мос. Privatization or Marketization: educational Development in Post-Mao China. – International Review of Education, vol 43, 1997. p. 155.
6. Казанцев А.А. Конфликтность модернизации, интеллигенция и бюрократия: сравнительно-политический анализ. Материалы Научный семинар "ОТКРЫТАЯ ДИСКУССИЯ ЖУРНАЛА "ПОЛИС", Четвертый выпуск. <http://www.politstudies.ru/extratext/04/textso3-07.htm>.
7. Гао Минши. Чжунго цзяюй чжиду шилунь. (История системы образования в Китае). Тайбэй, 1999.
8. Ше Юань. Частное высшее образование в Китае: эволюция, особенности и проблемы. Университетское управление, №3 (31), с. 77-80, 2004.
9. Майорова Н.В. Инновационные формы высшего образования в современном Китае. // Вестник МГТУ, том 11, №1, с.191-194. – 2008.
10. Li Bing, Yuan Jianhui. The Effects of China's Membership in the WTO on the Internationalization of China's Higher Education and the Countermeasures. – Chinese Education and Society, vol.36, no.5, 2003.
11. Frederick K.S. Leung. In Search for an Asian Identity in Mathematics Education. – Educational Studies in Mathematics, vol. 47, 2001.
12. Собольников В.В. Этнопсихологические особенности китайцев. Новосибирск, 2001.
13. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М: Русич, 2000.

CULTURAL TYPICAL AND INNOVATIVE FEATURES OF EDUCATIONAL SYSTEM IN CHINA

J. V. SHMARION¹⁾
LV DONG YANG²⁾

¹⁾ *Lipetsk State Pedagogical University*

e-mail: Science@mail.ru

The contribution deals with the synthesis of traditional and innovative techniques in the educational system of China. China's entry into the WTO, rapid growth of economy necessitated the upgrading of the educational system, to which the new demands. However, the introduction of innovations such as decentralization and privatization, the development of information and computer technologies applied instrumental, adapting to the traditional culture of China.

Key words: traditional, Confucianism, innovation in education, paternalism, decentralization, privatization.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 94 (470)

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ И СТАРООСКОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

Е. П. БЕЛОНОЖКО
А. Н. МОШКИН

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail:
belonozhko@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: *moshkin@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается состояние российского общества рубежа XX – XXI веков, анализируется необходимость принятия Русской Православной церковью основ Социальной концепции, ее содержание и основные направления ее реализации.

Ключевые слова: христианство, ценности, общество, Русская Православная церковь, Социальная концепция.

Картина мира цивилизации позволяет сформировать систему мировоззренческих ориентиров более высокого уровня, в рамках которой закладываются базовые ценностные ориентации цивилизованного сообщества. Отличительной особенностью ценностных культурных образований является «модальность, долженствование, благодаря которым они выступают как императивные ориентации личности в системе природной и социальной реальности, дают стереотипные формы оценки и действия субъекта в окружающей среде¹. На этом уровне цивилизация формирует и воспроизводит представления о долге, должном и недопустимом, добре и зле, благе индивидуальном и общем, фиксируя их путем соответствующих уровню развития цивилизации приемов и способов.

Религии считаются драгоценнейшим достоянием человечества. Они содержат бесценный опыт и мудрость многих поколений. Религии всегда были тесно переплетены со всеми сторонами человеческой жизни: наукой, философией, педагогикой, политикой, экономикой, бытовыми традициями. Мы живем в традиционно многонациональном обществе, и вряд ли сегодня кто-то будет спорить с истиной, что важнейшей составляющей любого этноса является религия.

* Печатается при финансовой поддержке гранта РГНФ Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее (Ц)2009 – 01(а) Белгородская область № 09-01-55103 а/ц.

¹ Зеленков А.И. Идеалы науки и ценностная природа познания // Идеалы и нормы научного исследования. – Мн., 1981. – С. 161.

Можно сказать, существуют два принципиально различных понимания роли религии в обществе: первый – в ней видят источник общественного развития (к примеру, в последнее время часто говорят, что путь возрождения России – в возрождении православия, в котором вполне справедливо усматривают один из первоисточников российской культуры и государственности); второй исходит из понимания того, что религия есть сложное образование, включающее в себя помимо вероучения и моральных заповедей социальные структуры, которые и формирует само общество в процессе развития и вносит в них обновляющие факторы. В религии как культурно-историческом феномене аккумулирован духовно-нравственный опыт человечества, тех или иных сообществ людей. Любая религия содержит совокупность норм, посредством которых регулирует поведение людей.

На обязательном различии понятий «социальная доктрина» и «социальное учение» сегодня настаивают как католические, так и православные иерархи, и в подобном различии есть свой смысл. Дело в том, что в современной ситуации, когда придерживающиеся различных философских и политических взглядов богословы предлагают верующим различные решения актуальных социальных проблем, и католические, и православные иерархи стремятся утвердить официальную позицию своих Церквей по этим проблемам и тем самым преодолеть нежелательный плюрализм мнений.

В то время как в XIII в. Фома Аквинский детально разрабатывал основные понятия и социальное учение католицизма в православии обсуждались вопросы контемпливативности (созерцательности), доказательства превосходства молитвенного труда перед трудом мирским и т.д. По нашему убеждению, слабые разработки Православной Церкви в области социальной проблематики и даже отсутствие на христианском Востоке периода средневековья такой выдающейся личности как Фома Аквинский объясняются тем, что на территориях с преимущественно православным населением намного дольше сохранялись дофеодальные отношения. Эти отношения, а также «симфоническое» взаимодействие восточной Церкви и государства не требовали от православия разработки собственного социального учения, подобного католическому. Со времени реформ Петра I в Русской Православной Церкви вплоть до начала XX в. не наблюдалось сколько-нибудь серьезных попыток создать собственное социальное учение. Всецело принимая решения светской власти по политическим, экономическим и социальным вопросам, Православная Церковь попросту способствовала воплощению их в жизнь.

Ситуация отчасти начала меняться в начале XX в. Инициаторами попыток создать православное социальное учение выступили религиозно-церковные деятели и религиозно ориентированные представители либеральной интеллигенции, преимущественно из возникших в 1901 г. «религиозно-философских собраний». Наиболее полно идеи социально-религиозного обновленческого движения, получившего название «новое христианство», или «новое религиозное сознание», были выражены в работах Н. Бердяева «Смысл истории», «Философия неравенства» и «Новое средневековье».

Таким образом, в силу многовековой неотчужденности Церкви от государства РПЦ в течение столетий не нуждалась в выработке собственного социального учения. То учение, которое имело место в дореволюционной России и было санкционировано Церковью, де-факто было государственно-церковным, причем, прежде всего государственным и лишь затем отчасти церковным. В СССР Церковь была полностью лишена возможности создать собственное социальное учение, отличное от официального, поскольку всякая позиция по социальным вопросам, не совпадавшая с идеологической линией КПСС и советского государства, рассматривалась как враждебная.

С 1988 г., года празднования 1000-летия христианства на Руси, Церковь постепенно освобождалась от опеки и контроля со стороны государства. Возросшее влияние Церкви в обществе, предоставление православию возможности открывать новые приходы и духовные школы, восстанавливать монастыри, налаживать контакты с различными министерствами и ведомствами в целях сотрудничества в духовной и социальной сферах – все это позволило РПЦ в определенной мере дистанцироваться от постсоветского государства. Посредством своей доктрины она смогла заполнить тот вакуум, который образовался за тысячелетнюю историю, как в ее собственной идеологии, так и в идеологии современного государства.

Культурный код цивилизации зафиксирован в поведенческих инвариантах ее представителей, передаваемых в процессе социализации от поколения к поколению. В совокупности эти инварианты заданы условиями существования цивилизации на ранних этапах ее развития, изменяются под влиянием различных факторов по ходу ее истории.

Как известно, значительную часть православной этики занимает учение о любви к ближнему и милосердии. В силу закономерной монополии и функциональной обязанности Православной Церкви проповедовать христианское учение о любви к ближним, древнерусское общество пользовалось руководством церковной иерархии в выполнении дел милосердия. Данное руководство осуществлялось по трём направлениям: воспитание нравственных побуждений к благотворению через проповедь учения о любви и милосердии; воспитание паствы примерами собственного милосердия в среде иерархов; практическая работа по организации призрения через собственные структуры за счёт церкви, государства, общин, братств и милостыни.

Авторитетные представители церкви не только декларировали принципы христианского отношения к богатству, но и примером своей жизни их доказывали. О святителе Новгородском Ионе сказано: «Он получаемое богатство не для себя копил, но отдавал в общественное имущество всех живущих с ним, принося этим помощь обители»². Максим Грек о таких людях писал следующее: «Они не пекутся о том, как приобрести в изобилии имения, и богатства, и стада разного скота или большие земные сокровища, золото и серебро. Одно у них в изобилии богатство и сокровище неистощимое – прилежнейшее хранение и исполнение всех евангельских заповедей, посредством которых скоро и удобно достигается ими самая главная добродетель – любовь к Богу и ближнему своему... Непрестанно посвящают себя служению людям»³.

В этом отношении интересны и теоретические размышления Ермолая-Еразма Полоцкого и Иосифа Волоцкого. Иосиф Волоцкий защищал идею сильной и богатой церкви, связывал ее не с самодостаточностью церкви как таковой, а с ее «социальными задачами». Иосиф Волоцкий стремился к богатству (не личному, а Иосифо-Волоколамского монастыря), не во имя стяжания, а во имя расширения возможностей для творения благотворительных и Богу угодных дел. Для окрестного населения монастырь всегда являлся источником хозяйственной помощи⁴.

Тема ответственности и обязанности заботиться о подданных была поднята ещё в Ветхом Завете, например, в обращении царя Давида к Соломону. В Древней Руси впервые тема «милостивой» деятельности и ответственности правителя за свои поступки появляется у Нестора в «Повести временных лет». По словам Нестора, вся ответственность за бедствия на Руси лежит на ее правителях. Но когда они следуют заветам церкви, происходит расцвет Русской земли. Эти положения раскрываются в трудах митрополита Иллариона (середина XI в.), где в качестве аргументов он приводит факты из жизни князя Владимира Святого. Илларион – митрополит Киевский, оратор, писатель, церковный деятель в «Слове о Законе и Благодати» раскрывает учение о богоустановленности власти, в контексте которого отмечает, что мирское правление должно строиться на принципах милосердия. Рассматривая княжение Владимира Святого как «образцовое», митрополит Илларион выделяет несколько причин: «закон был предтече и служителем благодати и истины», отказ от идолопоклонства, принятие «спасительного учения». Эти главные стороны общественного реформирования князя Владимира, а также «щедроты и милостыни», творимые князем и особо хранимые в памяти народной, привели к социальной стабильности.

Кризисные явления в Русской Православной церкви, как и во всех политических, социальных и экономических институтах России на рубеже XIX – XX веков, уничтожение советской властью Церкви на протяжении всего советского периода как социального ин-

² Скурат К.Е. Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси. – М.: Изд. дом «Покров», 2003. – С. 83.

³ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. (Вып. 6) / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 477.

⁴ Миронов, Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. – М.: Издательство «Книжная палата», 1995. – С. 338.

ститута, репрессии по отношению к духовенству и верующим привели к ослаблению Церкви на рубеже XXI века, к таким явлениям как внешняя религиозность, отсутствие тяги к вероучению, моде на церковные обряды, церковную атрибутику.

На сегодняшний день утверждению в обществе культуры нравственных отношений препятствует стихия безжалостного рыночного прагматизма выживания сильнейших, о чем не раз говорили авторитетные духовные деятели. Особенностью нынешнего общества является духовная и нравственная пустота. Именно поэтому сегодня особенно актуальной стала проблема возвращения российского образования к историко-культурным и духовно-нравственным традициям России. Так, в докладе Патриарха Алексия II на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г. было заявлено, что сегодня «...иерархия ценностей определяется принципом пользы при настоящем равнодушии к духовной истине. Все эти процессы подчас сопровождаются глубоким моральным кризисом, разрушительно влияющим на личность и общество... в это сложнейшее, лукавое время»⁵.

Русская Православная Церковь несет огромную ответственность за нравственное и патриотическое воспитание современных поколений страны. Она является крупнейшей традиционной религиозной организацией в России. В начале 2000-х гг. ее объединения составляли более половины от всех зарегистрированных религиозных общин. Большинство россиян признают Православную Церковь институтом гражданского общества, которому принадлежит особая роль в общественной жизни страны, в ее духовно-нравственном преобразении. Переживаемый Россией в последнее пятнадцатилетие период резких экономических и политических перемен требует от Русской Православной Церкви особой отзывчивости в сфере церковно-государственных и церковно-общественных отношений. Суть этих отношений всегда сводилась к представительству Церкви перед лицом власти за нужды и чаяния российского народа, большая часть которого исторически принадлежит Православию по Крещению или по духовно-культурным корням.

В соответствии с Конституцией РФ Церковь отделена от государства, что позволяет ей более полно исполнять свою миссию и свидетельствовать перед властью имущими о трудностях и бедах людей. Получив независимость от государства, Русская Православная Церковь стала полноценным институтом гражданского общества, который рассматривает себя как частное явление, не претендующим на всеобщность, зато получившим полную свободу для решения задач, стоящих перед обществом. Сегодня Православная Церковь является наиболее авторитетным и почитаемым социальным институтом в обществе. По мнению русского писателя и общественного деятеля А.И. Солженицына: «...Церкви необходимо укрепляться как самостоятельной силе в стране. Законодательный принцип отделения Церкви от государства не означает вытеснения ее из общественной жизни, не должно быть отделения Церкви от общества»⁶.

В основе важнейших теоретических предпосылок познания социальной концепции Русского православия как любой конфессиональной социальной доктрины лежит преодоление утвердившихся мифологем. Безусловно, существует ряд факторов, которые повышают общественный и моральный авторитет социальной концепции, к которым относятся исторические традиции, наличие массы последователей, достаточно большая группа неверующих или безразлично относящихся к религии людей, но испытывающих недоверие к популистской политике представителей правительства, поэтому тяготеющих к вековым гуманистическим принципам христианства. Большое социальное значение приобретают православные, как и другие конфессиональные организации в решении извечных духовных потребностей, что наиболее остро ощущается на рубеже XX – XXI веков, когда человечество испытывает отрицательные плоды своей деятельности, выражающиеся в экономическом, политическом, экологическом и других глобальных кризисах.

Интерес к изучению социальных функций религиозных организаций, особенно в современном измерении, объясняется недостаточной изученностью. Это объясняется еще и тем, что обнаруживается специфика данных явлений в зависимости от конкретных особенностей экономического, социального развития региона и временных рамок.

⁵ Журнал Московской Патриархии. – 2000. – №9. – С. 20.

⁶ Религия и общество: хрестоматия по социологии религии/ сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 15.

Анализ социальных функций Русской Православной Церкви как основной институциональной организации для России предполагает грамотную постановку проблемы, объективность исследования при отсутствии политической конъюнктурности и с учетом конкретной специфики современных российских религиозных организаций.

К сожалению, несмотря на изменение идеологической направленности в связи с новыми социально-политическими реалиями, можно выделить два вида используемых мифологем о социальной роли РПЦ, которые отличаются резкой полярностью: во-первых, что религиозные организации традиционно занимаются манипуляцией сознанием населения, и, во-вторых, что Православие – единственный путь к социальному благополучию страны. Думается, что многостороннему раскрытию социальной функции и социальной деятельности Русской Православной церкви может способствовать изучение объективной позиции, исследование всех составляющих религиозного комплекса Православия, а главное – социальных связей и отстаивание социальных интересов определенных групп населения. Это также должно быть методологической основой для изучения социальной роли всех развитых религий мира.

Безусловно, религия это многообразный спектр различных функций и сфер ее деятельности и выделение одной из ее сфер ведёт к умалению её значения. Важнейшим является предположение о том, что религия является сферой самосознания, мировоззрением, духовным миром верующих. В то же время человек живёт в социуме, он связан с культурными традициями общества, с определённым типом цивилизации, с собственным этносом. Как религия воздействует на бытие человека, так и велико влияние на религию секуляризации, элементов жизни и деятельности человека. Поэтому возникает проблема специфики удовлетворения религией фундаментальных личностных потребностей. Проблема усложняется тем, что возрастает роль этноконфессиональных мотивов и вторжением религии в этническую, экологическую и социальную жизнь, а также в светские проблемы: науку, образование, международные отношения.

Остается нерешенной проблема использования идеологемы о негативной классовой роли религии, о том, что она защищает интересы господствующих классов, а для нуждающихся слоёв является фактором регулятора социального равновесия в обществе, хотя Русская Православная церковь всегда являлась объединителем нации, охранителем духовных ценностей, стабильности и национальной идентичности.

Избегая односторонности влияния со стороны существующих в России религий необходимо изучение многообразия глубоких исследований воздействия религии на индивидуальное и общественное сознание, этническое самосознание, художественное и творческое восприятие произведений искусства, этические нормы и ментальность народа, сложившийся образ жизни населения. Поэтому становится интереснее соотношение всех этих сфер с официально декларируемой самой Церковью Социальной доктриной, которая нашла отражение в документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятой юбилейным Архиерейским собором русской православной церкви в августе 2000 г. В нем выражена социальная позиция самого крупного религиозного объединения России (православными, согласно социологическим исследованиям, являются ? верующих россиян, составляющих, в свою очередь, почти половину населения).

Для светской науки представляет интерес раскрытие социального и культурологического значения этого документа с позиций ответов на те глобальные вопросы современности, которые интересуют все человечество – и верующих, и неверующих. В настоящее время вопрос культурной составляющей развития трансформирующихся обществ, наряду с проблематикой внедрения наиболее оптимальных и эффективных социальных практик, представляется наиболее важным. На стадии цивилизации любая синхронная деятельность социальных субъектов внутри сообщества возможна только при условии, что механизм культуры обеспечивает отбор, усвоение и передачу следующим поколениям наиболее важных традиций, верований, смыслов, запретов и других культурных феноменов, наличие которых для существования данной цивилизации критично.

Изучение Социальной доктрины Русской православной церкви невозможно без учета культурных традиций, вековых нравственных и психологических устоев, как равно и современных реалий, таких как социальные, политические, научно-технические, международные, экологические, в условиях которых они должны реализоваться. В основе на-

учных исследований должны лежать изучение глубин конфессиональных вероучений, церковно-государственных отношений, межэтнических и межконфессиональных отношений на основе объективных методологических подходов, избегая апологетики возвеличивания социальной роли Церкви и тенденции к огульной критике ее значения.

Проведение в Российской Федерации социально-экономических и политических реформ неразрывно связано с процессом строительства правового государства и формированием гражданского общества.

Модернизация российского общества, постепенное преодоление системного кризиса в стране, экономический и духовно-культурный подъем невозможны без возрождения доверия к власти, без объединения усилий самых разных институтов общества в интересах реализации прав и свобод граждан, без социально активных общественных организаций, которые являются надежным гарантом демократизации институтов государства и установления общественного контроля за властными структурами.

Современное российское законодательство о религиозных организациях создает благоприятные условия для реального включения Русской Православной Церкви в совместную работу с другими институтами общества по воспитанию граждан Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным Законом «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁷ РПЦ сформулировала те области и направления деятельности, где она сотрудничает совместно с государством и которые регулируются действующим законодательством Российской Федерации. К этим областям относятся:

- 1) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами;
- 2) забота о сохранении нравственности в обществе;
- 3) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание;
- 4) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ;
- 5) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры;
- 6) диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений;
- 7) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание;
- 8) труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы;
- 9) наука, включая гуманитарные исследования;
- 10) здравоохранение;
- 11) культура и творческая деятельность;
- 12) работа церковных и светских средств массовой информации;
- 13) деятельность по сохранению окружающей среды;
- 14) экономическая деятельность в пользу Церкви, государства и общества;
- 15) поддержка института семьи, материнства и детства;
- 16) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества⁸.

Сегодня Русская Православная Церковь шаг за шагом обретает достойное место в обществе и общественном мнении, поэтому на нее возлагается большая ответственность в сложной и многоплановой работе по вопросу духовно-нравственного воспитания молодого поколения. На уже упомянутом Архиерейском соборе 2000 г. Святейший Патриарх Алексий II в своем докладе так же очень четко обозначил принцип плодотворного развития просвещения: «Опыт показывает, что в наше время духовно-нравственное воспита-

⁷ См.: Новое законодательство России о свободе совести и о религиозных объединениях. Сборник нормативных актов/ сост. Пчелинцев А.В. – М., Ред. журнала «Религия и право», 1998.

⁸ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.- М.: Московский Патриархат, 2000. – С. 17-18.

ние молодежи немыслимо без сотрудничества Церкви с государственной системой образования»⁹. Сферы и направления деятельности гражданских организаций в России чрезвычайно многообразны: здесь и защита прав граждан, и правовое просвещение, охрана природы и экологическое просвещение, добровольные спасательные отряды, помощь инвалидам, больным детям, одиноким старикам, жизненное устройство выпускников детских домов, защита прав потребителей, краеведение, поиск без вести пропавших в годы Великой Отечественной Войны и многое другое. Именно в этих направлениях Русская Православная Церковь реализует свое социальное служение. Нынешний Святейший Патриарх Кирилл вводит новый термин социального служения Русской православной церкви и российского общества – солидарность. Он говорит о том, что «солидарность – это способность разделить с другим бремя его забот, его проблемы, его болезни, его скорби. Солидарность – это система взаимной поддержки. Чем выше уровень солидарности в обществе, тем сильнее общество. Солидарность имеет огромное значение. Общество, теряющее солидарность, не способно существовать»¹⁰.

Начало такому взаимодействию положил Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г. Относительно реализации принципов взаимодействия институтов гражданского общества и общественных организаций русской Православной церкви сыграло принятие закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации от 6 октября 2003 г.». В результате принятых решений институты гражданского общества и общественные организации РПЦ смогли значительно расширить программы взаимодействия в реализации социально значимых задач. Начиная с 2000-го года Белгородской и Старооскольской епархией был подписан ряд соглашений с государственными органами власти и общественными организациями. В 2002 году было подписано «Соглашение управления социальной защиты населения администрации Белгородской области и Белгородско-Старооскольской Епархии»¹¹. Совместными усилиями Белгородской и Старооскольской епархии и администрацией Белгородской области было создано образовательное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, «Прохоровский Православный детский дом-школа во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла». В результате достигнутого соглашения «О сотрудничестве между администрацией Красненского района Белгородской области и Белгородско-Старооскольской Епархией» было принято решение о совместном создании и содержании территориального Центра социального обслуживания инвалидов и престарелых во имя св. блаженной Ксении Петербургской, причем финансирование Центра в равных долях было возложено на администрацию района и Белгородско-Старооскольскую епархию¹². 9 февраля 2004 года в селе Горки Красненского района состоялось открытие социального приюта для детей и подростков при территориальном Центре во имя блаженной Ксении Петербургской, в котором воспитываются дети из разных районов области.

В целях возрождения культурно-исторической преемственности, духовно-нравственного воспитания, формирования патриотических и гражданских убеждений подрастающего поколения было подписано «Соглашение о двустороннем долгосрочном сотрудничестве Управления по делам молодежи администрации области и Белгородско-Старооскольской епархии». Общественные организации гражданского общества и общественные организации Белгородской и Старооскольской епархии приняли активное участие в реализации подпрограммы «Воспитание ответственных граждан» областной комплексной программы «Молодость Белгородчины» на 2004 – 2008 гг., предусматривающей формирование системы духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры, военно-патриотического воспитания молодежи. Общественные организации в 2005 г. Активно помогали 632 трудовым молодежным объединениям, в которых участвовало 14127 молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет. Особое внимание было направлено на

⁹ Журнал Московской Патриархии. – 2000. – №9. – С. 37.

¹⁰ Журнал Московской Патриархии. – 2009. – №10. – С. 38.

¹¹ Сборник нормативных документов о церковно-государственных отношениях. – Белгород: Изд-во «Дизайн центр – И.К.С.», 2002. – С. 138-139.

¹² Там же. – С. 137-138.

работу студенческих трудовых отрядов. Это дало возможность во всех объединениях принять программы духовно-нравственного воспитания и в процессе своей деятельности решать не только трудовые и производственные задачи, но и совместно с общественными организациями и приходами Белгородской и Старооскольской епархии проводить значительную воспитательную работу на селе. На территории Белгородской области под эгидой и при всесторонней поддержке Белгородской и Старооскольской епархии действует достаточно большое количество общественных организаций и объединений. Например, Белгородская региональная организация общероссийской общественной организации «Российская Оборонная Спортивная Техническая Организация» («РОСТО»). Своим приоритетным направлением работы она определяет военно-патриотическое воспитание молодежи и проводит его в соответствии с Государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», областной программой «Патриотическое воспитание граждан Белгородской области». В реализации поставленных программ организация «РОСТО» взаимодействует с Белгородской и Старооскольской епархией по различным направлениям: это и организация областного слета «Армия. Родина. Долг», организация и проведение автотопробега по местам боевой славы Белгородчины, организация системы патриотического воспитания учащихся и их подготовка к военной службе на базе образовательных учреждений. Существующая в г. Белгороде общественная организация «Союз офицеров» так же принимает участие в военно-патриотическом воспитании и подготовке молодежи к службе в Вооруженных силах Российской Федерации.

На протяжении последних 40 лет существует Белгородская региональная общественная организация «Историко-патриотическое объединение «Поиск», которую всемерно поддерживает епархия. Эта организация проводит планомерную работу по поиску и перезахоронению останков погибших советских воинов.

Так же активно действует Белгородская общественная организация «Федерация вольной борьбы», местная общественная организация «Авиационный клуб», Белгородская региональная общественная творческая организация «Молодежная филармония». В 2004 году начал действовать клуб спортивной спутниковой навигации, действует клуб рукопашного боя «Белгородская черта». С 2006 г. функционирует молодежный театр «Ди-джей-Микс». При поддержке управления по делам молодежи Белгородской области создана Белгородская региональная общественная организация «Союз студентов, аспирантов, докторантов Белгородской области». Все это осуществляется при активной поддержке Белгородской и Старооскольской епархии.

Если говорить об опыте сотрудничества Белгородской и Старооскольской епархии с государственными структурами власти, то здесь налицо взаимная заинтересованность. Подписаны: соглашение «О взаимодействии Отдела здравоохранения администрации Белгородской области и Белгородско-Старооскольской епархии», «Соглашение о сотрудничестве Управления образования администрации Белгородской области и Белгородско-Старооскольской епархии», «Соглашение о сотрудничестве Управления культуры администрации Белгородской области и Белгородско-Старооскольской епархии». На территории епархии созданы и действуют 30 духовно-просветительских центров, 2 православные гимназии, открыт первый православный детский сад «Рождественский». Говоря о ближайших перспективах развития епархии, архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн отметил, что «главной задачей должно стать совершенствование духовно-образовательного пространства»¹³. Исходя из этого, при поддержке светских властей во всех школах Белгородской области в школьный курс введен предмет «Православная культура». Нарботан ценный опыт подготовки и переподготовки светских преподавателей данного предмета. Специалистов в области теологии готовит социально-теологический факультет БелГУ. Состоялось четыре выпуска специалистов и один выпуск бакалавров по направлению «Теология». Кроме того, преподавание дисциплин религиозного характера кафедра теологии осуществляет практически на всех факультетах БелГУ по 68 специальностям.

Управление по делам молодежи Белгородской области при поддержке Белгородской и Старооскольской епархии реализуют программы международного сотрудничества

¹³ Белгородские епархиальные ведомости. – Белгород, 2007. – №1. – С. 6.

в сфере молодежной политики. Так, например, успешно реализуется программа международного сотрудничества с Федеративной Республикой Германия. В 2006 г. начата программа международного сотрудничества с Индией. В январе того же года молодежная делегация Белгородской области приняла участие в Международном слете кадетов в Индии на базе главного национального кадетского корпуса страны. Цель визита заключалась в знакомстве со структурой и организацией работы кадетских корпусов Индии, культурой и религией самой страны, а также развитие международного сотрудничества в сфере военно-патриотического воспитания. Такое сотрудничество поддерживается с Японией, Южной Кореей, Италией, Украиной.

Положителен опыт сотрудничества Белгородской и Старооскольской епархии со средствами массовой информации на территории Белгородской области. В 2006 году открыта православная телестудия «Просветитель», в которой выпускаются передачи с участием священнослужителей и профессиональных журналистов, где затрагиваются вопросы нравственности, рассказывается об опыте взаимодействия Русской Православной Церкви с общественными и государственными организациями в деле воспитания и образования подрастающего поколения. Имеется опыт деятельности православной телестудии при Александро-Невском кафедральном Соборе г. Старый Оскол. Что касается печатных изданий, то Белгородская и Старооскольская епархия издает ежемесячную газету «Белгородские епархиальные ведомости», также издается православный молодежный журнал «Новый Ковчег». Практически каждый приход издает свою печатную газету, например, Смоленский Собор г. Белгорода издает газету «Свет Христов».

Белгородская и Старооскольская епархия имеет опыт сотрудничества с вооруженными силами. Религиозная потребность верующих военнослужащих в российском законодательстве регулируется пунктами: п.1 – 5 ст. 8 Закона РФ «О статусе военнослужащих», п.5 ст. 4 и п.4 ст. 16 Закона РФ «О свободе совести и религиозных объединениях»¹⁴.

Еще в 1995 г. На своем первом съезде Белгородская и Старооскольская епархия образовала комиссию по работе с Вооруженными силами и правоохранительными органами. С этого времени началось активное сотрудничество священнослужителей и мирян епархии, общественных организаций с командованием и личным составом воинских частей, управлений внутренних дел, отделений милиции, учреждений уголовно-исполнительной системы. Священнослужители совместно с активистами различных общественных и молодежных организаций стали систематически посещать воинов, вести с ними духовно-воспитательные беседы, а с призывниками выстроили цельную программу мероприятий духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания. Священнослужителями окормляется воинская часть Белгород-22. Сегодня отношения «армия – Русская Православная Церковь» уже вышли за рамки редкого посещения гарнизона священником или присутствие его на воинских праздниках, проведение православных бесед с военнослужащими. Армейская сфера стала одной из приоритетных в планах работы Церкви. В перспективе эта программа будет распространена и на личный состав воинских частей, дислоцированных в г. Белгороде и Белгородской области. Во время проведения Чеченских кампаний молодым воинам, служащим в горячих точках, не раз помогал, представлял на истинный путь, благословлял протоиерей Виктор Кравец, который более 8 раз был командирован в Чечню.

Одним из важных направлений является взаимодействие Русской Православной Церкви с государственными органами в деле профилактики преступности. В 2000 – 2010 гг. общественные организации гражданского общества стали целенаправленно подключаться к программам, которые осуществляла РПЦ совместно с Министерством юстиции. Так, например, молодежные общественные организации в 2007-2008 гг. участвовали в реализации комплексного межведомственного проекта управления по делам молодежи Белгородской области, управления исполнения наказаний Министерства юстиции по Белгородской области и Белгородской и Старооскольской епархии «Возвращение в общество». Священнослужители активно работают с осужденными, находящимися в местах лишения

¹⁴ См.: Новое законодательство России о свободе совести и о религиозных объединениях. Сборник нормативных актов/ сост. Пчелинцев А.В. – М., Ред. журнала «Религия и право», 1998.

свободы, особенно с молодыми преступниками. Ведь общество отторгает бывших заключенных – им трудно не только получить жилье и работу, но и восстановить обычные человеческие связи с окружающими. Принять к себе таких людей, пожалуй, могут лишь религиозные общины, для которых и преступник остается человеком, несущим искру Божью. Именно через веру он получает шанс почувствовать себя своим среди людей, обрести опору для нормальной жизни. На основании договора «О взаимодействии Управления Исполнения Наказаний Министерства юстиции России по Белгородской области и Белгородско-Старооскольской епархии» священнослужители на основе разработанных программ ведут большую работу по воспитанию осужденных, подвигают их к нравственному покаянию. Данная работа, в соответствии с требованиями Конституции РФ, осуществляется на основании личных пожеланий осужденных. В 2006 году была введена система дистанционного обучения «Основам православной культуры» заключенных, находящихся в местах лишения свободы. В православных храмах области были проведены богослужения, за которыми священники обратились с проповедями, целью которых ставилось привлечение широких масс граждан к проблемам улучшения условий содержания заключенных в исправительных, воспитательных учреждениях области, а также сбор пожертвований в виде денежных средств, вещей, предметов личной гигиены. Состоялись также встречи осужденных во всех исправительных учреждениях области со священнослужителями, были организованы: выставки предметов церковной утвари, изготовленные осужденными, проведены концерты художественной самодеятельности, турниры и спортивные соревнования, праздничные обеды для осужденных. В Новооскольской воспитательной колонии в программу вечерней общеобразовательной школы был введен предмет «Основы и ценности Православия». Расширению опыта данной работы способствовала проведенная 27 ноября 2006 г. в п. Прохоровка Всероссийская конференция по выявлению и поддержке эффективных социальных проектов интеграции в общество молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, профилактике экстремизма и обеспечению духовной безопасности в молодежной среде.

Таким образом, Белгородская и Старооскольская епархия, заключая бессрочные и долговременные соглашения с государственными структурами власти и общественными организациями и выполняя совместные программы, реализует Социальную концепцию РПЦ и способствует становлению гражданского общества в России.

Список литературы

1. Зеленков А.И. Идеалы науки и ценностная природа познания // Идеалы и нормы научного исследования. – Мн., 1981.
2. Скурат, К.Е. Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси. – М.: Изд. дом «Покров», 2003.
3. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. (Вып. 6) / Сост. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев. – М.: Худож. лит., 1984.
4. Миронов, Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. – М.: Издательство «Книжная палата», 1995.
5. Журнал Московской Патриархии. – 2000. – №9.
6. Религия и общество: хрестоматия по социологии религии/ сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996.
7. Новое законодательство России о свободе совести и о религиозных объединениях. Сборник нормативных актов/ сост. Пчелинцев А.В. – М., Ред. журнала «Религия и право», 1998.
8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Московский Патриархат, 2000.
9. Журнал Московской Патриархии. – 2000. – №9.
10. Журнал Московской Патриархии. – 2009. – №10.
11. Сборник нормативных документов о церковно-государственных отношениях. – Белгород: Изд-во «Дизайн центр – И.К.С.», 2002.
12. Белгородские епархиальные ведомости. – Белгород, 2007. – №1.
13. Новое законодательство России о свободе совести и о религиозных объединениях. Сборник нормативных актов/ сост. Пчелинцев А.В. – М., Ред. журнала «Религия и право», 1998.
14. Сборник нормативных документов о церковно-государственных отношениях. – Белгород: Изд-во «Дизайн центр – И.К.С.», 2002.

SOCIAL SERVING OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: SOME QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE ON THE EXAMPLE OF BELGOROD AND STARY OSKOL EPARCHY

E. P. BELONOZHKO¹⁾
A. N. MOSHKIN²⁾

Belgorod State University

¹⁾*e-mail:*
belonozhko@bsu.edu.ru

²⁾*e-mail:* *moshkin@bsu.edu.ru*

The article is devoted to investigations of state of the Russian society in the end of the XX – the beginning of the XXI c. Also it is devoted to analysis of necessity of adoption of the Social Conception by the Russian Orthodox Church, analysis of its matter and the main directions of its realization.

Key words: Christianity, values, society, the Russian Orthodox Church, the Social Conception.

КОНЦЕПТ «ВЕРА» В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ И БИБЛЕЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю. Е. ГОГОЛЮК

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: julian@belinet.ru

В данном исследовании дана попытка проследить развитие концепта «вера» в его исторической последовательности. В задачу работы входит систематизация множества значений скрывающихся за словом «вера», выявление точек соприкосновения и расхождений между двумя типами «веры» – библейским и античным.

Ключевые слова: вера, концепт, дискурс, культура, Библия, философия.

На сегодняшний день никто не станет спорить с тем положением, что *вера* стала религиозным термином и выражает собой приверженность человека к той или иной религии или конфессии. С другой стороны она описывает позицию человека по отношению к Богу. Но возникает вопрос, имеет ли концепт «вера» значение для философии и науки или мы навсегда закрепили за данным термином роль религиозно-этической категории. Запутанный клубок смыслов порождает и порождает много недоразумений и споров. Например, возникший в Новое время и до сих пор существующий в головах людей «конфликт» между верой и наукой во многом был вызван именно множественностью смыслов, скрывающихся за словом «вера». В задачу данного исследования входит если не распутать клубок смыслов, то систематизировать их.

Дело в том, что слова, казалось бы, одного и того же значения на самом деле выражают отнюдь не идентичные понятия в разных культурах и, следовательно, в разных языках. Это в полной мере относится к кругу слов, выражающих религиозные, философские, этические понятия. В Ветхом Завете понятие веры выражается преимущественно двумя древне-еврейскими корнями: $\alpha\mu\alpha$ ($\alpha\mu\alpha$), ассоциирующимся с твердостью и уверенностью, и בָּטָח ($\text{Bā}^t\alpha\text{H}$) указывающим на обеспеченность безопасности и доверие. В Новом Завете в исследуемом концепте появляются различные языковые круги, которые далеко не просто подвести под «заглавное» слово «вера». Это связано со встречей и взаимообогащением двух культур – библейской и античной. Если проанализировать словоупотребление концепта «вера» в греческом и латинском языках в дохристианскую эпоху, то можно видеть его кардинальные отличия от библейского. Это связано с отсутствием в античности какого бы то ни было аналога библейскому пониманию веры. Статус религиозного термина у слова «вера» в греческом языке был не всегда. Очень долгое время оно было бытовым и не имело тенденции стать термином с религиозным содержанием. Для античной эллинской ментальности наиболее характерным является отображение в понятии веры рациональной убежденности.

Диалектическое взаимодействие библейского и античного смыслов перешло в христианство, в котором «вера» наполняется новым жизненным содержанием. Однако, чтобы сделать последний вывод необходимо проанализировать оригинальные тексты, принадлежащие обеим традициям понимания веры. Концепт «Вера» должен быть прослежен слой за слоем в своей исторической последовательности.

Классическое словоупотребление.

В греческом языке слово «вера» выражается с помощью существительного $\rho\acute{\iota},\sigma\tau\acute{\iota}\eta$. Первые слова с корнем $\rho\acute{\iota},\sigma\tau\acute{\iota}$, встречающиеся в греческой литературе, – это прилагательное $\rho\acute{\iota},\sigma\tau\acute{\iota},\sigma$ с отрицательной частицей $\alpha\upsilon$ ($\alpha\upsilon$ privative) $\alpha\upsilon,\rho\acute{\iota},\sigma\tau\acute{\iota},\sigma$. Оно имеет активное и пассивное значение: «верный» и «заслуживающий доверия» (надежный) соответственно. Гомер употребляет $\alpha\upsilon,\rho\acute{\iota},\sigma\tau\acute{\iota},\sigma$ в значении «недоверчивый» $\kappa\upsilon\mu\omicron,\sigma$ de, toi aive.n a; $\rho\acute{\iota},\sigma\tau\acute{\iota},\sigma$ («дух твой всегда *недоверчив*»)¹, то есть подозрительный.

¹ Hom. Od., 14, 150.

Активное значение *pisto,j* – «уверенный». Корень слова выражает ощущение личной безопасности. В сборнике нравоучительных элегий древнегреческого поэта VI в. до Р. Хр. Феогнида из Мегары есть такие слова: *avstw/n mhdeni. pisto,j po,da tw/nde pro,baine* («не входи в город, если ты не уверен»)².

У Эхила в «Прометее» Зевс назван *toi/j pedarsi,oij ktu,poij pisto,j* («уверенным в горних громах»)³. В «Персах» вавилонская рать, *τοξουκκῶ λήματι πιστοί* («уверенная в меткости своих луков»), вступает в бой с греками⁴. Все эти отрывки представляют собой поэтическое изображение гарантии военной мощи, *pisto,j* здесь имеет значение уверенности в оружии или уверенности в людях, которые искусно владеют этим оружием.

Следующее значение – это «верный», «преданный». Оно часто связано с человеческой совестью или нравственным обязательством, которое налагает на человека какой-либо договор, закон, общественное мнение, и может трактоваться как *честность* или *добросовестность*. Фукидид в своей Истории изображает нам норму поведения гражданина греческого полиса: *τό πιστόν τῆς πολιτείας καὶ ὁμιλίας* («добросовестность как в общественных так и в частных отношениях»)⁵.

Греческое *pisteu,ein* связано с *rei,qesqai* – «слушаться», а собственно – «дать себя уговорить», «быть убежденным к.-л.», поэтому *pisto,j* имеет оттенок «покорности». Тематический продолжатель труда Фукидида историк Ксенофонт излагает в Истории Греции рассказ о *τῆν τῶν Ἀθηναίων χώραν οἰκείαν καὶ πιστὴν ποιήσασθαι* («покорении родной страны афинян»)⁶. Выражение *πιστὴν ποιήσασθαι*, употребленное здесь означает буквально «*делаться послушным*».

Перейдем к пассивному значению *pisto,j* – «заслуживающий доверия, надежный». Это значение *pisto,j* находится, прежде всего, в сфере сакрального права. *pisto,j* несет функцию верного слова, речательства, клятвы или договора. [*Orkia* (клятва) предстаёт перед нами как *pista*, «заслуживающая доверия, надежная»⁷. То же самое относится к *tekmh,ria*, («свидетельству»)⁸. Выражение *pista. dou/nai kai. labei/n* («сказать друг другу верное слово»)⁹ используется у Ксенофонта и может изображать заключение договора. Условием такого договора будет *ta. pista*, («надежность») сторон, которые обозначены в контракте, залог верности, верное слово. Термином *pisto,j, -h,*, описываются те, кто состоит в договорных отношениях: *e'te/roj* («ближний»), *fi,loj* («друг»), *ἀνὴρ* («муж»), *γυνή* («жена»), *ma,rtuj* («свидетель»), *a;ggeloj*, («вестник»), *fu,lax*, («страж»), *dou/loj*, («слуга»). Когда речь идет о денежных средствах, то *pisto,j* употребляется в значении «давать к.-л. в займы» *eivj pi,stin dido,nai ti tini*¹⁰. Поэтическое выражение *dido,nai ceiro.j pi,stin* описывает протягивание руки в знак верности слова, т. е. давать верное слово или обещание. *Qew/n pi,steij o'vmo,sai* означает «поклясться богами в знак верности»¹¹.

Далее круг значений *to. pisto,n* постепенно расширяется, и следующий смысловой сегмент передает нам понятие «достоверности» или «полной уверенности». Так Фукидид предлагает обучать воинов боевой подготовке, потому что с *μετὰ τοῦ πιστοῦ/ th/j eврpisth,mhj* («уверенным знанием») военного искусства у них будет крепнуть и мужество¹². Софокл употребляет в одном из своих трудов выражение *to. pisto,n th/j avleqeı,aj véμεν* («ручаться в истинности»), где *to. pisto,n* удваивает и без того «нагруженное достоверностью» понятие *avleqeı,a* «истины».

Если взять противоположное по смыслу *a;pistoj* («неверный, ненадежный, не внушающий доверия»), то здесь можно наблюдать ту же модель. Сначала, как мы видели

² Theogn. 283.

³ Aesch. Prom., 915-917.

⁴ Aesch. Pers. 52-55.

⁵ Thuc. IV, 17, 5.

⁶ Xenoph. Hist. Graec., II, 4, 30.

⁷ Hom. Il., 2, 124.

⁸ Aesch. Suppl., 53.

⁹ Xenoph. An., III, 2, 5.

¹⁰ Дворецкий И.Х. *πίστις* // Древнегреческо-русский словарь (под ред. С.И. Соболевского). М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.

¹¹ Там же.

¹² Thuc. VI, 72, 4.

у Гомера, это слово несет в себе функцию отсутствия *доверия*. Немного позднее оно означает «недоверие к людям»¹³, «недоверие прочности достигнутого успеха»¹⁴, а также «невероятность речи»¹⁵. Мы видим, что спектр значений колеблется в пределах от «*неверный, ненадежный, неуверенный*» до «*невероятный*» и «*непослушный*».

У Фукидида безрассудная отвага названа *ненадежной* (a;pistoj)¹⁶. С помощью a;pistoj обозначается неверное высказывание или речь. Таким образом, с помощью a;pistoj очерчивается как ненадежность человеческих отношений, так и неверность какой-либо информации.

Перейдем к существительному pi,stij. Если отталкиваться от широкого ряда значений прилагательного pisto,j можно видеть, что pi,stij в силу абстрактности этого понятия у греков, означает «гарантию», «надежность» человеческих отношений, а также других объектов. Отсюда можно сделать вывод, что pi,stij имеет значение *доверия*, такого психического состояния, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение или лицо, кажущееся нам авторитетным. Но в таком типе доверия отсутствует какой-либо религиозный элемент. Даже когда pi,stij употребляется в смысле веры в богов, например у Еврипида pi,stij θεῶν¹⁷, такая вера является убежденностью в словах, возвещаемых богами.

В текстах античного дискурса мы находим другой путь: «убеждение в существовании богов выражается не концептом «вера», (и, соответственно не словами pi,stij, pisteu,ein), а иначе: nomi,zein θεου,j ei=nai «считать, что боги существуют; почитать существующих богов», имя этого чувства – euvse,beia, «почтение», родственное se,baj, «стыд, стыдливость».

Поскольку *доверию* присущ элемент сознания слабости, неуверенности в своих силах, потому что в этом состоянии мы отказываемся от исследования к.-л. вопроса, то *доверие* можно сопоставить с проблемами, находящимися в компетенции человеческого познания, что и было проделано греческой философской мыслью.

Осмысление веры в философии Платона.

Платон в диалоге Кратил предлагает понимать pisto,n («*достоверное*»), как нечто устойчивое, твердое (i`sta,n, «стояние»)¹⁸. Из этих примеров мы видим, что в редких случаях pisto,j может означать также и *подлинный, точный, правдивый*. Другими словами pisto,j изображает здесь рациональные качества верности. Рассуждая о правителях своего идеального государства, он предупреждает, что люди не «*уверенные совершенно*» (pi,stij mo,nimoi) в подлинном благе, не могут им управлять¹⁹.

Несмотря на то, что Платон ссылается на мнения (do,xai) и *убеждения* (pi,steij), которые являются прочными (be,baioi) и истинными (avlhqei/j), тем не менее, они должны быть разграничены с умом (nou/j) и знанием (evpisth,mh)²⁰. Платон противопоставляет правильное *представление* (pi,stij ovqh,) и знание (evpisth,mh)²¹. А богиня, вещающая в сохранившихся фрагментах Парменида, объясняет философу, что в «*мнениях смертных* (brotw`/n do,xai) не заключается подлинной *достоверности* (pi,stij avlhqh,j)»²². Причем эта подлинная *достоверность* интерпретируется у него как вера в то, что действительно существует.

В диалоге Федон Платон употребляет pi,stij в значении «*веских доказательств и обстоятельных разъяснений*» по поводу существования души после смерти²³.

¹³ Thuc. I, 68, 1.

¹⁴ Thuc. IV, 17, 5.

¹⁵ Hdt. III, 80.

¹⁶ Thuc. I, 120, 4.

¹⁷ Дворецкий И.Х. πίστις // Древнегреческо-русский словарь (под ред. С.И.Соболевского). М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. / CD версия 2.4, 2002.

¹⁸ Plat. Crat. 437 b.

¹⁹ Plat. Resp. VI, 505e.

²⁰ Plat. Tim. 37bc.

²¹ Resp. X, 601e.

²² Parmen. Fr. 1, 30.

²³ Plat. Phaed. 70b.

Приватив *avpiste,w* выражает значение «быть *ненадежным*; быть нарушителем *доверия*; быть причиной *недоверия*». Это слово употребляется также для формулировки неповиновения закону, непослушания.

avpisti,a означает *неверность, сомнение, ненадежность*. Этим словом выражается состояние человека, нарушившего *доверие*, поступившего *вероломно* или показавшего свое *непостоянство*. Платон в диалоге Федон с помощью *avpisti,a* пытается выразить отсутствие доказательства, которому можно поверить²⁴.

Таким образом, в классический период античной философии какое-либо догматическое или теоретическое учение о Боге отсутствует. Такая позиция не может стать причиной споров о вере, о правильном или неправильном понимании веры. Она сводит веру сутово к практической сфере исполнения или неисполнения религиозных предписаний, которые касаются культа и жизни. Критерий принадлежности человека к религии исчерпывался этой сферой. Поэтому, несмотря на заинтересованность философии в религиозных таинствах, в попытках создания учения о Боге, проблематика религиозной *веры* в учении о познании не имела основополагающего значения. Философия оперировала термином *вера-мнение*, как мы могли видеть из филологического разбора слова *pi,stij*.

В философии Платона вопрос о вере обсуждается в нескольких диалогах и в связи с разными проблемами. В диалоге «Горгий» Платон подверг критике деятельность софистов. Софисты были учителями красноречия и часто пользовались мастерством ораторского искусства в угоду себе или людей, к которым обращались с речью. Поэтому Платон развивает мысль, что софисты обманывают толпу, пользуясь искусством слова, как гипнозом. Платон же предлагает диалектический диалог, в котором вера формируется на основе рационального убеждения и приводит к истине-знанию. Возникает проблема соотношения веры и знания.

Вера по Платону существенно отличается от знания, поскольку она может быть истинной и ложной, а знание – нет²⁵. Далее возможна «вера без знания» и вера «дающая знание»²⁶.

В диалоге «Федр» Платон рассматривает тему «уподобления» богу и читая данный текст кажется, что он коснется проблематики веры. Но термин «вера» Платон здесь вовсе не использует. Он пишет, что «уподобиться богу – значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым»²⁷. «Стать разумно справедливым» предполагает обладание знанием и мудростью. Быть «разумно благочестивым» означает участие в таинствах и религиозном культе.

Если обратиться к Учебнику Платоновской философии, составленному платоником II в. н. э. Альбином, можно видеть поразительное противопоставление между истинной и верой в философской системе Платона. Вот что пишет Альбин в своем компендиуме знаменитого философа:

«Что касается веры и уподобления, то веру он (Платон) относит к ощущаемому [факту], а уподобление – к отражениям и образам фактов»²⁸.

А в Определениях, ошибочно приписываемых Платону, но, скорее всего принадлежащих его будущим последователям, эта мысль поясняется более четко:

«Вера (*pi,stij*) – это правильное восприятие вещей такими, какими они представляются самому человеку»²⁹.

В этих рассуждениях мы наблюдаем, что понятие веры у Платона относится к области ощущаемого, а значит, употребляется в связи с мнением. В греческой философии мнение всегда антагонистично истине. Эту мысль подтверждает сам Платон в диалоге «Тимей», противопоставляя истинно сущее, бытие, – «рождению», миру временному и изменчивому. Платон формулирует пропорцию, которая объясняет его отношение к вере. Он пишет:

²⁴ Plat. Phaed. 88d.

²⁵ Plat. Gorg., 454d.

²⁶ Plat. Gorg. 454e.

²⁷ Plat. Phaedr. 176b.

²⁸ Альбин. Учебник Платоновской философии. Пер. Шичалина Ю. А // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1998. – С. 446.

²⁹ Платон. Определения, 413с // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1998. – С. 430.

ὁ τὸ περὶ πρὸς γένεσιν οὐσία τοῦτο πρὸς πίστιν ἀλήθεια³⁰

(«Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере»).

В «Государстве», исходя из идеи разделения мира на высший умопостигаемый и низший чувственно-воспринимаемый, Платон различает 4 «состояния» в душе, которые представляют собой лестницу познания от высшей ступени к низшей. Платон пишет: «На высшей ступени – разум (νοῦς), на второй – рассудок (διανοία)³¹, третье место уделено вере (πίστις), а последнее – уподоблению (εἰκασίαν)³² ...»³³. Вера-мнение в этой лестнице познания уже не противопоставляется, а занимает подчиненное место и соответствует знанию, основанному на одних чувственных восприятиях вещей. Во всяком случае, если оставаться лишь на ступени веры, то истины философу никак не достичь.

Этот факт совершенно противоположен семитскому пониманию веры. Ведь «вера» даже этимологически в еврейском языке связана одним корнем с «истиной». С библейской точки зрения *Истину* невозможно созерцать на высшей ступени познания как у Платона, но ее можно услышать, она требует от человека признания и на нее человек может положиться. В конце концов, ее можно «пережить». Такая истина формирует особую мудрость, которая «не является умозрительной наукой, а практической житейской мудростью». Это мудрость знания «хода вещей в мире, знание того, что случается с добрым и злым, правдивым и лжецом. Но в первую очередь это знание того, чего требует Бог»³⁴. Главный тезис такой мудрости – это *страх Божий* (Прит. 1. 7).

Вера в философии Аристотеля.

Традицию толкования веры как мнения продолжает Аристотель. В Риторике у него говорится о составных частях речи: *de. to. me.n pro,qesi,j evsti(to. de. pi,stij(w[sp(er ei; tij die,loi o[ti to. me.n problh,ma(to. de. avpo,deixij* [«(речь) с одной стороны – положение, с другой – *доказательство*, как если бы кто-либо разделил ее на части, из которых первая – задача, вторая – решение»³⁵.

Несмотря на то, что *pisto,j* для Аристотеля синонимично с *avpodeiktiko,j* и передает оттенок *убедительности*³⁶, в Аналитике он подтверждает, что *pi,stij* является синонимом мнения *Do,xh| "me,n e'petai pi,stij*³⁷. Таким образом, *pi,stij* у Аристотеля означает вообще какое-либо *мнение* или *представление* и противоположно знанию.

В «Метафизике» он обсуждает тему воображения, которое связывает с мнением, а мнение соответственно с верой. Выше, занимаясь филологическим разбором слова *pi,stij*, мы касались утверждения Аристотеля о том, что всякому «мнению сопутствует вера, а вере – убеждение, убеждению же разумное основание»³⁸. Отсюда следует, что Аристотель отводит вере весьма скромное место в своем учении о познании. Основу познания у него составляет мышление.

Во «Второй Аналитике» Аристотель решает важный вопрос относительно природы предположений и аксиом (или первых начал), которые могли бы пониматься как принятые *на веру* без доказательства. Однако понимая, что первые начала не могут быть доказаны (по причине уходящего в бесконечность ряда доказательств), Аристотель обоснование начал сводит к «непосредственному силлогистическому» знанию³⁹, или, говоря другими словами к интеллектуальной интуиции.

Подводя итог исследованию веры в философии Платона и Аристотеля, можно поставить вопрос: не является ли известный конфликт между верой и наукой в современном мире следствием платоно-аристотелевского понимания веры. Ведь в своей рациональной части наука проделала эволюционный путь развития, начиная с философских

³⁰ Plat. Tim. 29c.

³¹ διανοία – «размышление». По Платону это внутренняя и беззвучная беседа сознания с самим собой.

³² εἰκασίαν в Словаре Дворецкого переводится с помощью «предположение», «догадка»

³³ Plat. Resp. 511e.

³⁴ Бульман Р. Раннее христианство / Вера и понимание. М.: РОССПЭН, 2004. – С. 498.

³⁵ Aristot. Rhet. III, 13.

³⁶ Aristot. Rhet., II, 1, p. 1377b, 23.

³⁷ Arist. An. III, 3, 428a, 18-20.

³⁸ Aristot. Met. 428a, 20-25.

³⁹ Arist. An. II, 72a, 13-20.

категорий, разработанных Платоном и Аристотелем. И многие понятия, незаметно проникнув в науку, остались в ней, если можно так выразиться, на уровне «подсознания». Нужно сказать, что концепт «вера» присутствует и употребляется в науке. Например, «символ веры» большинства ученых состоит из утверждения, что законы химии, геологии и биологии не могут противоречить фундаментальным физическим законам и в принципе выводимы из них. Но такая вера носит не религиозный характер, она предполагает область мнения, область вероятности. В то время как религиозная вера предполагает личные отношения человека и Бога. Оставаясь на позициях рационального мышления, мы действительно должны противопоставить веру и науку друг другу, потому что вера здесь подчинена разуму. Но как только мы выходим за рамки такого мышления и соприкасаемся с другой культурной «системой координат», например с ветхозаветной семитской культурой, мы такого противоречия не наблюдаем.

Концепт «вера» в Ветхозаветном дискурсе.

Кругу значений, связанному в русском языке со словом «вера», а в греческом – со словом *πίστις*, в еврейском языке наиболее соответствует глагол *אמין* (*heʔemin*). *אמין* это всегда обоюдные отношения, в которых Бог является инициатором общения с человеком. Обладая *верностью*, Он требует и от человека активности и ответственности в этих отношениях (*доверие*). Человек в свою очередь также может нуждаться в верности Бога. Но настоящим автором и творцом этих отношений является только Бог. «*Авраам поверил (אמין, heʔemin) Господу, и Он вменил ему это в праведность*» (Быт. 15, 6). «*И поверили они словам Его, [и] воспели хвалу Ему*» (Пс. 105, 12). Такая вера включает в себя и почитание Яхве как Всемогущего и Всесильного Бога. Два мотива – повеление и обетование, оба содержатся в *אמין* (*heʔemin*).

Ветхозаветный дискурс концепта «веры» показывает нам, что позиция человека по отношению к Богу не имеет для авторов библейских текстов первостепенной важности. Антропологический интерес вызывает вторая сторона этих отношений – позиция Бога. Такое понимание веры предполагает, что в библейских повествованиях присутствует теоцентрическая точка зрения относительно веры.

В Ветхом Завете вера осмысливается как реакция человека на действие Божие и этот факт является следствием того, что ветхозаветная религия была коллективно структурированной. Древний Израиль жил общиной и было трудно найти адекватное выражение внутренней жизни такой общности.

Словоупотребление богатыми значениями появляется в период, когда индивидуальное начало освобождается от коллективной зависимости. На первый план выступает личность человека и на основе этого личного, жизненного опыта ветхозаветные писатели уделяют специальное внимание позиции человека по отношению к Богу. Пророки, углубляя содержание термина личность, дали новый творческий импульс словарю и образам веры. Наиболее развитыми в сфере языка и богатыми в его оттенках являются псалмы. Личное благочестие выступает здесь на первый план, поэтому словарь *веры* представлен в них во всем многообразии форм.

В перспективе исторической жизни Израиля некоторые аспекты ветхозаветного учения о вере рельефно представлены на фактических примерах. Например, состояние веры в ранний период ветхозаветной истории выражено в Библии с помощью терминов *призывание* и *хождение пред Богом*.

Бог призывает к вере в Него, к общению с Ним, к служению Ему. Вера человека является ответом на обетования и повеления. Бог ждет от человека ответа. Перед тем как ответить, необходимо прислушаться к Нему, сам же ответ должен заключаться в послушании Ему. Учитывая напряженную полярность ветхозаветной веры можно сказать, что призывание человеком Бога – это и есть реакция на Его действия, выражающиеся в призыве, повелении и обетовании.

Далее раскрывается идея, что вера Авраама – фундаментальная форма отношений Бога и человека. Авраам призывается к вере, которая утверждается в Яхве и в Его слове. Но такая вера весьма небезопасна, и ее невозможно запланировать. Об этой вере и идет речь в том предании, которое повествует об истории Авраама, родоначальника Израиля. Авраам был первым, кто, безусловно, утвердился в Яхве и кто приобрел, таким образом, образцовое значение для всех остальных верующих в Бога. История Ав-

раама содержит в себе типологию исторических процессов Израиля, сомнения и искушения, определявшие его путь.

Анализ веры в Истории Исхода, богословии пророков Исаяи, Иеремии, Ионы и Аввакума приводит нас к парадоксальным выводам. Как ни странно это звучит, но пророки не требуют веры «в Бога» от Израиля. Этой верой слушатели пророков обладают как чем-то врожденным, само собой разумеющимся. Пророк требует осуществления веры в целостности жизни, а особенно тогда, когда обетование вырывается из самого средоточия катастрофы. Богословие веры в пророческих писаниях тесным образом связано с *возвращением* к Богу. Призыв «возвратиться к Богу» – постоянное слово на устах израильского пророка.

Подводя итоги сказанному, нужно подчеркнуть что библейская специфика взаимоотношений Бога и человека выражается с помощью оппозиции *верность – доверие*. Такая вера есть *эмуна* (евр. *המונה*, *emunah*), – состояние непосредственного диалога человека с Богом и полного к Нему доверия. Выявленные в данном исследовании круги значений концепта «вера» показывают, что смысловой слой, предлагаемый нам научным мышлением не является единственно возможным в данном концепте, но в нем присутствуют еще по меньшей мере два слоя, которые не всегда учитываются и принимаются во внимание.

Список литературы

1. Hom. Od., 14, 150.
2. Theogn. 283.
3. Aesch. Prom., 915-917.
4. Aesch. Pers. 52-55.
5. Thuc. IV, 17, 5.
6. Xenoph. Hist. Graec., II, 4, 30.
7. Hom. Il., 2, 124.
8. Aesch. Suppl., 53.
9. Xenoph. An., III, 2, 5.
10. Дворецкий И.Х. πίστις // Древнегреческо-русский словарь (под ред. С.И.Соболевского). М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
11. Thuc. VI, 72, 4.
12. Thuc. I, 68, 1.
13. Thuc. IV, 17, 5.
14. Hdt. III, 80.
15. Thuc. I, 120, 4.
16. Дворецкий И.Х. πίστις // Древнегреческо-русский словарь (под ред. С.И.Соболевского). М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. / CD версия 2.4, 2002.
17. Plat. Crat. 437 b.
18. Plat. Resp. VI, 505e.
19. Plat. Tim. 37bc.
20. Resp. X, 601e.
21. Parmen. Fr. 1, 30.
22. Plat. Phaed. 70b.
23. Plat. Phaed. 88d.
24. Plat. Gorg., 454d.
25. Plat. Gorg. 454e.
26. Plat. Pheadr. 176b
27. Альбин. Учебник Платоновской философии. Пер. Шичалина Ю. А // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1998. – С. 446.
28. Платон. Определения, 413c // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1998. – С. 430
29. Plat. Tim. 29c.
30. διανοία – «размышление». По Платону это внутренняя и беззвучная беседа сознания с самим собой.
31. Plat. Resp. 511e.
32. Бульман Р. Раннее христианство / Вера и понимание. М.: РОССПЭН, 2004. С. 498.
33. Aristot. Rhet. III, 13.
34. Aristot. Rhet., II, 1, p. 1377b, 23.
35. Arist. An. III, 3, 428a, 18-20.

36. Aristot. Met. 428a, 20-25.
37. Arist. An. II, 72a, 13-20.

CONCEPT "FAITH" AT THE ANCIENT PHILOSOPHY AND BIBLICAL DISCOURSE

J. E. GOGOLYUK

Belgorod State University

e-mail: julian@belinet.ru

The article observes the development of concept "faith" in its historical aspect. The problem of the work focuses on the systematization of the ensemble of meanings of the word "faith" and discovery point of contiguities and divergences between two types "faiths" at the biblical discourse and ancient philosophy.

Key words: faith, concept, discourse, culture, Bible, philosophy.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 343

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Н. В. КУЗЬМИНА*Костромской
государственный
технологический
университет**e-mail:
Kuzmina.nat@yandex.ru*

В настоящей работе автор рассматривает формирование преступных организаций по этническому признаку как самостоятельную актуальную научную проблему. Изучаются вопросы противоправного поведения этнических групп. Выделены основные признаки и свойства этнической преступности. Обращается особое внимание на многоплановость данного негативного социального явления. Практическое значение работы состоит в разработке системы мер по предупреждению деятельности организованных этнических преступных групп.

Ключевые слова: противоправное поведение, преступность в сфере межнациональных отношений, национальная безопасность, национальные обычаи, мотивация этнических преступлений, групповой характер и виды этнических преступлений, основы предупреждения противоправного поведения этнических групп.

В современной России назрела крайняя необходимость изучения различных форм противоправного поведения этнических групп, начиная с проявлений национализма и продолжая такими общественно опасными деяниями, как экстремизм и терроризм, угроза которых за последнее десятилетие несоизмеримо возросла в России.

В широком понимании противоправное поведение можно определить как действия, не соответствующие не только охраняемым государствам нормам права, но и заданным обществом нормам и типам, т.е. речь идет о нарушении любых социальных норм.

Отклонения могут происходить в сфере индивидуального поведения, они представляют собой поступки конкретных людей, запрещаемые общественными нормами. Вместе с тем в каждом обществе много отклоняющихся субкультур, нормы которых осуждаются общепринятой, доминирующей моралью общества. Такие отклонения определяются как групповые. В настоящей статье изучаются именно групповые формы противоправного этнического поведения.

Приходится констатировать, что изучение данной проблемы затрудняет отсутствие в уголовной статистике разделов по этнической преступности как отдельному виду преступности. Ее состояние научной общественностью не просчитывается, а особенности данного вида

преступности не учитываются правоохранительными органами. Вместе с тем, в конце 2008 г. был создан Департамент противодействия экстремизму МВД РФ, одной из целей которого является анализ сведений о преступлениях экстремистской направленности.

Проблемы традиционализма и этнической преступности нашли фрагментарное отражение в некоторых современных криминологических исследованиях. Это работы Э.А. Паина, В.В. Лунеева, В.И. Попова, М.П. Клейменова.

Например, одни авторы видят в росте влияния идеологии традиционализма фактор терроризма¹; другие, подвергая криминологической оценке организованную преступность северокавказского региона, отмечают, что здесь она имеет самое широкое распространение и оттуда экспортируется в другие регионы²; третьи указывают на то, что организованная преступность на Северном Кавказе потенциально, морально, идеологически, исторически имеет более сильные, чем в других регионах предпосылки, чтобы стать современной организованной преступностью³.

На наш взгляд, изучение противоправного поведения этнических групп следует начинать с криминогенных тенденций современных этнических процессов, происходящих в России и других странах. В изменяющихся условиях (трансформация социально-политических институтов, изменение экономических условий и др.) обычаи и традиции, веками цементирующие уклад жизни этносов, обеспечивающие устойчивость социальных институтов, находят приложение в рамках криминальной деятельности.

Таков, к примеру, обычай куначества, применяемый по отношению к горцу-кунаку. У.Т. Сайгитов в своих научных работах приводит множество примеров из судебно-следственной практики Республики Дагестан, когда обычай куначества препятствовал расследованию преступления, либо розыску преступников, в том числе и со стороны сотрудников правоохранительных органов⁴.

Еще один обычай горцев, который несет в себе криминогенный потенциал, – это кровная месть. Обычаи куначества и кровной мести, веками цементировавшие социальную действительность северокавказских народов, в условиях традиционнационального возрождения несут в себе криминогенный потенциал. В качестве яркого примера можно привести Дагестан. По данным МВД РД в современный период количество убийств и ранений в Дагестане, совершенных на почве кровной мести, превысило дореволюционный период и составило 10-15 процентов от общего числа зарегистрированных в Республике Дагестан преступлений⁵.

Другой момент, осложняющий криминальную ситуацию в стране и мире – это эскалация этнических конфликтов в бывшем СССР, начиная с середины 80-х годов, и их присутствие в современных условиях. Этнические конфликты и этнорелигиозный терроризм в целом представляют огромную опасность для российской государственности и судеб наших народов. Чеченская война, Грузино-Южно-Осетинский конфликт являются значительными национальными противостояниями за всю историю СССР и России. Действия грузинских властей в последнем конфликте, направленные на уничтожение мирных жителей, разрушение исторических памятников и инфраструктуры Южной Осетии, расцениваются как геноцид и преступления против личности. По официальным данным в результате грузинской агрессии в Южной Осетии погибло от 1600 до 2000 жителей Цхинвала и близлежащих сел⁶. Несомненно, любой этнический конфликт, когда действия его субъектов носят характер открытого противостояния, характеризуется значительными людскими и материальными потерями, и, следовательно, действия какой-либо стороны можно расценить как преступные по отношению к другой.

¹ Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. №8. – С. 115.

² Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999 гг.) // *Государство и право*. 2000. №11. – С. 27.

³ Попов В.И. Экономико-правовой, политический и национальный факторы организованной преступности на Северном Кавказе // *Проблемы борьбы с организованной преступностью в Северо-Кавказском регионе: Сб. научн. трудов*. М., 2000. – С. 7.

⁴ Сайгитов У.Т. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан // *Журнал российского права*. 2004. № 3. – С. 45.

⁵ Годовой отчет МВД РД на 1 января 2001 г. // *Текущий архив МВД РД (Махачкала, 2000)*.

⁶ См.: *Российская газета*. 14 августа 2008. № 172 (4729). – С. 4.

Каждый из типов конфликтов (конфликты «неуправляемых эмоций», «идеологических доктрин», «политических институтов») способен привести к преступлениям на этнической почве, в том числе к экстремизму, терроризму, массовым преступлениям против личности, преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства.

К криминогенным тенденциям этнических процессов также следует отнести криминальную политику в области межнациональных отношений (геноцид, апартеид, пренебрежительное отношение к критическим этносам), криминальную миграцию различных этносов и другие тенденции, которые находятся в детерминирующей связи с этнической преступностью.

В целом, этническую преступность можно определить как массовое, исторически изменчивое, социально-правовое, антиобщественное явление, слагающееся из совокупности действий, запрещенных уголовным законом (преступлений), совершаемых на определенной территории в тот или иной период времени по линии этнической общности. При выяснении содержания понятия «этническая преступность» следует учитывать абсолютно правильный, на наш взгляд, подход М.П. Клейменова, который считает, что «во-первых, ... «этническая преступность» – условный (операциональный) термин, охватывающий криминологическую реальность, которая связана с этническим фактором и проявляется в механизме преступной деятельности, в формировании криминальных объединений, непосредственно в совершении преступлений. Иными словами, эта дефиниция ни в коем случае не утверждает наличия криминального этноса, генетически «запрограммированного» на совершение преступлений, но указывает на гипотетическое существование корреляций (положительных и отрицательных) между этническими признаками и преступным поведением. Ключевыми здесь являются особенности этнической криминальной психологии.

Во-вторых, понятие этнической преступности фиксирует противоречия во взаимоотношениях между представителями различных этносов, которые реализуются в криминальной форме, например, в виде массовых беспорядков, погромов, поджогов и т.п.

В-третьих, этническая преступность выражает патологию отношений внутри этноса, когда жертвами преступлений становятся соплеменники правонарушителей»⁷.

Этническая преступность многопланова. В узком смысле этим понятием охватываются преступления, совершаемые по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды либо кровной мести. Это, прежде всего, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); преступления против жизни и здоровья по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти (гл. 16 УК РФ); преступления против собственности, если присутствует мотив национальной розни (гл. 21 УК РФ).

В широком смысле понятием «этническая преступность» охватываются все преступления, совершаемые в сфере межнациональных отношений, в области национально-государственного и социального управления.

Преступления этнической направленности в большинстве своем носят групповой характер. Это связано с тем, что этническая преступность является следствием протекающих межнациональных конфликтов в стране или регионе. А субъектами данных конфликтов, как правило, являются национально-этнические меньшинства, коренные малочисленные народы и другие этнические общности. В силу этого, этническая преступность носит групповой и организованный характер. К преступлениям, совершаемым этническими группами и формированиями, следует, прежде всего, отнести: этнополитические преступления (например, насильственный захват власти – ст. 278 УК РФ); совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (ст. 35 УК РФ) – в том числе преступления транснационального характера; организацию преступного сообщества (ст. 210 УК РФ); терроризм (ст. 205 УК РФ); организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ); возбуждение ненависти, либо вражды (ст. 282 УК РФ); преступления экстремистской направленности (ст. 280, ст. 282.1– 282.2 УК РФ); геноцид (ст. 357 УК РФ);

⁷ Клейменов М.П. Криминология : учебник. М.: Норма, 2008. – С. 325-326.

преступления, совершаемые мигрантами по линии этнической общности. Последние из указанных преступлений имеют «разносторонний» характер (насильственные преступления, преступления в сфере экономической деятельности, транснациональные преступления). Преступления экстремистской направленности представляют особую опасность. В период с января по май 2009 г. в Центральном Федеральном округе зафиксировано 36 преступлений экстремистской направленности, 3 из которых – в Костромской области⁸.

Исходя из вышеизложенного, данную проблему следует исследовать в *среде проблемы организованной преступности*.

Среди всех преступлений, совершаемых организованными преступными группами или преступными сообществами (преступными организациями), самую большую долю занимают тяжкие и особо тяжкие преступления – около 80 %⁹. Если же взять для сравнения данные общей статистики преступности, то доля тяжких и особо тяжких преступлений также стабильна, но составляет около 55-58 %¹⁰. Это свидетельствует о чрезвычайно высокой степени общественной опасности не только преступлений, совершаемых организованными преступными группами, но прежде всего самих организованных групп и сообществ. Такая ситуация нашла законодательное отражение в действующем Уголовном кодексе РФ в виде криминализации действий по созданию одной из наиболее опасных видов организованной преступной группы – банды (ч. 1 ст. 209 УК РФ) и преступного сообщества (ч. 1 ст. 210 УК РФ).

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что сегодня в значительной степени основой деятельности преступных сообществ (преступных организаций) является экономика (30-40% преступлений, совершаемых преступными организациями). Среди преступных сфер деятельности организованных групп (сообществ), следует отметить те, которые за последние 10-15 лет приобрели угрожающие для России размах и масштабы: международный терроризм, захват заложников, вербовка, финансирование и обучение наемников, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, легализация доходов, полученных преступным путем, торговля оружием, а также контрабанда, незаконная эмиграция, эксплуатация проституции третьими лицами. Все эти преступления имеют характер *транснациональных преступлений*.

Практика оперативно-розыскной деятельности свидетельствует, что во многих регионах России сложились и активно действуют устойчивые преступные группировки, которые фактически паразитируют на структурах, занимающихся бизнесом. Имеет место факты попыток поборов и с государственных структур под видом их охраны от рэкета. Опасное распространение получили заказные убийства, а также силовые разборки с кровопролитием между конкурирующими преступными группировками. С точки зрения спецслужб, наиболее опасными регионами России в связи с активной деятельностью организованных преступных групп являются: Владивосток, Находка, Уссурийск, Хабаровск, Иркутск, Красноярск, Кемеровская обл., Екатеринбург, Саратов, Краснодар, Дагестан, Москва и Московская обл., Санкт-Петербург.

В России высокими темпами растет активность преступных организаций, сформировавшихся по этническому признаку.

Наряду с либерализацией пограничного контроля, несовершенством иммиграционного законодательства этому способствует естественная, а порой и искусственно формируемая национальная замкнутость иностранных диаспор.

В Приморском крае сейчас действует пять ОПГ, организованных по национальному признаку – диаспор, а до недавнего времени действовали еще семь крупных российских ОПГ, сейчас же многие криминальные авторитеты отошли от дел и образовавшуюся нишу занимают более мелкие ОПГ число которых огромно. Всего в настоящее время на территории России действуют более 43 тысяч преступных формирований различной степени организованности и масштаба деятельности, из них: 160 крупных организованных преступных сообществ и около 35000 небольших (до 20 человек) групп. Около 600 груп-

⁸ Данные информационного Центра УВД Костромской области «АИСС-Статистика».

⁹ Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России: состояние, структура и особенности // Российский судья. 2002. № 8. – С. 21.

¹⁰ Там же. – С. 21.

пирювок созданы по национальному «неславянскому» признаку, т.е. в их составе до 95% лица только одной национальности (неславянской)¹¹. Эти группировки, как правило, стремятся к «специализации» своей криминальной деятельности. Так, например, «азербайджанские» группировки стремятся расширить свой контроль над наркобизнесом, азартными играми и торговлей на рынках; «армянские» – над торговлей крадеными автомашинами, группами мошенников разного рода; «грузинские» и некоторые северокавказские группировки специализируются на квартирных кражах, захвате заложников и разбоях: «чеченские» – стремятся контролировать топливно-энергетический и автомобильный бизнес, финансово-кредитные учреждения и предприятия, добывающие и торгующие редкоземельными металлами.

Китайская группировка совершает грабежи и рэкет в отношении соотечественников, в частности, в поездах сообщением «Москва – Пекин – Москва», и занимается нелегальным бизнесом. Чеченская группировка, связанная с российскими и зарубежными преступниками, контролирует экспорт сырья и импорт потребительских товаров, осуществляемые через порты Владивостока, Находки и Санкт-Петербурга. Отмечены также высокая активность и негативные качественные изменения криминальной деятельности вооруженных группировок из числа граждан Афганистана, Вьетнама, Китая, Монголии, Шри-Ланки, специализирующихся на совершении корыстно-насильственных преступлений и отличающихся особой жестокостью в отношении жертв, а также вооруженным сопротивлением силам правопорядка¹².

Есть сведения о том, что российские криминальные авторитеты провели в 1996 году в Лос-Анджелесе (США) встречу с лидерами наиболее крупных иностранных этнических группировок, действующих в России, с целью разграничения сфер влияния. О достижении соглашения косвенно свидетельствуют следующие данные. Вьетнамские преступники специализируются на операциях по обмену валюты среди своих соотечественников, а также скупке золотосодержащих электронных плат. Африканцы поставляют в нашу страну контрабандные товары, наркотики и проституток. Преступные китайские группировки кроме переправки своих соотечественников на Запад занимаются рэкeтом в отношении их, проявляя особую активность в трехсоткилометровой приграничной зоне¹³.

Организованные преступные группировки в зависимости от условий их функционирования и конъюнктуры «черного» рынка меняют свою криминальную специализацию, если это содействует росту доходов. В последнее время все чаще начинают появляться преступные группировки из числа участников вооруженных формирований, которые по различным причинам покидают зоны межэтнических конфликтов в бывших республиках Союза и перемещаются в Россию. Такие группы хорошо вооружены, дисциплинированы, имеют опыт ведения боевых действий и, как правило, находятся на нелегальном положении.

Например, в Республике Дагестан сферой деятельности организованной преступности является незаконный оборот нефти и ее продуктов, а также алкогольной продукции.

В то же время преступные сообщества имеют иные, специфические для отдельных регионов направления деятельности. Это бандитизм, преступления экстремистского характера, незаконный оборот оружия и др. В той же Республике Дагестан в 2005 году сотрудниками правоохранительных органов УБОП разрабатывались 3 преступных сообщества: 2 – экстремистской и террористической направленности и 1 – на стыке общеуголовной и экономической направленности¹⁴. В результате проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий в 2004 году было выявлено преступное сообщество экстремистской направленности, члены которого совершали покушения на сотрудников правоохранительных органов. Было установлено 16 участников преступных сообществ, из них

¹¹ См.: <http://www.crime.ru/Main/FMAIN.htm> Дежурная часть.

¹² См.: Полицейское сотрудничество стран Центральной и Восточной Европы / Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). М., 2001. – С. 73.

¹³ См.: Российская организованная преступность: новая угроза / под ред. Фила Вильямса. М., 2000. – С. 145.

¹⁴ Рашидханов Р.К. Проблемы борьбы с преступными сообществами в Республике Дагестан // Российский следователь. 2005. № 4. – С. 33.

10 арестованы¹⁵. В Дагестане ведется оперативная разработка преступного сообщества «Ваххабиты» – экстремистско-террористической направленности, «Джамаат» – террористической направленности. Материалы уголовных дел, возбужденных в отношении участников преступных сообществ, объединены в одно производство и по 19 эпизодам направлены в суд¹⁶.

Транснациональная организованная преступность на территории Российской Федерации в принципе имеет ту же структуру, что и в других странах. В основном в рамках этого вида организованной преступности осуществляется следующая преступная деятельность: заказные убийства и криминальные разборки; наркобизнес; незаконная деятельность иностранных граждан на территории России; экономические преступления; незаконный оборот оружия и прочее. Для того чтобы более полно получить представление о состоянии транснациональной организованной преступности в России, имеющей этническую подоплеку, остановимся на некоторых видах преступной деятельности транснационального характера. Прежде всего, это такие виды деятельности, как *незаконная миграция, торговля наркотиками, отмывание «грязных денег»*. Ежегодно транснациональные преступные сообщества незаконно вывозят более 1 млн. нелегальных мигрантов, доходы от этой преступной деятельности превышают 3,5 млрд. долларов США. Общий стоимостной объем операций в наркобизнесе в год в конце 90-х годов превысил 500 млрд. долларов США. Около 90 млрд. долларов США, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, отмывается и используется в качестве легальных инвестиций. А всего, по оценкам Международного валютного фонда, в мире ежегодно отмывается около 600 млрд. долларов США, полученных незаконным путем¹⁷.

Борьба с «русской мафией» за рубежом часто освещалась на страницах печатных изданий. В Канаде ее называют восточноевропейской, а скоро и этот термин устареет, т. к. в результате двухлетнего следствия, проведенного канадской полицией в сотрудничестве с полицией США, Голландии и России, выяснилось, что эта мафия давно уже сотрудничает с китайскими триадами, итальянскими мафиози и представителями организованной преступности Ямайки. Область деятельности преступников, как сообщает полиция, была довольно широкой – от торговли кокаином и проституции до электронного мошенничества, контрабанды наркотиков и драгоценных камней, подделки иммиграционных документов и даже вооруженного налета на банк, во время которого был ранен полицейский. Международные эксперты считают успешно проведенную операцию («Осада-2») по расследованию дела восточноевропейской мафии самым крупным ударом по криминальному миру бывшего СССР за всю историю борьбы с этим явлением на Западе¹⁸.

В одной из публикаций было сказано, что «министр внутренних дел Испании Хайме Майор Ореха заявил, что «весьма озабочен» усилением позиций наших соотечественников – мафиози на Канарских островах». Ссылаясь на источники в полиции и жан-дармерии, «Мундо» сообщила, что русская мафия, пустившая глубоки корни на Канарских островах, использует этот «плацдарм» как перевалочный пункт для незаконной торговли оружием. В этой газете опубликован конфиденциальный документ полиции, в котором констатируется, что российские преступники наладили в далекой Латинской Америке подделку паспортов, позволяющим русским мафиози проникать на Канарские острова и даже получать там карточки резидентов. Осев на «благословенных островах», русские не только торгуют оружием, но отмывают «грязные деньги», скупая здесь недвижимость, в том числе и целые туристические комплексы, для чего наладили сотрудничество с другими иностранными мафиями¹⁹.

В этой же статье российской организованной преступности отводится четвертое место в рейтинге криминального мира. Она, по определению полиции, занимается глав-

¹⁵ Там же. – С. 33.

¹⁶ Данные взяты из Справки по итогам работы УБОП МВД РД за 12 месяцев 2004 года.

¹⁷ См.: Гуров А., Ковалев Н. и др. XXI век против глобализации преступности / Московские новости. 27 ноября 2000.

¹⁸ См.: «Время». 1999 г. 16 декабря.

¹⁹ См.: «Русский марш» в Испании. Миф или реальность? // Трибуна. 1999 г. 11 ноября.

ным образом «организацией и эксплуатацией проституции, вымогательством у своих соотечественников-банкиров и предпринимателей и отмыванием денег через покупку недвижимости и ресторанов. Как отмечает «Пайс», цитируя политические документы, русская мафия представлена бандами, в которые входят в основном *чеченцы, белорусы и украинцы*. Такой странный состав «русских» объясняется тем, что в этот разряд испанская полиция, как правило, записывает всех граждан бывшего Советского Союза.

Одной из форм легализации преступных доходов является *проведение незаконных операций по обналачиванию и обезналичиванию денежных средств*. Сотрудниками МВД России пресечена деятельность трех коммерческих банков, объединившихся в своеобразный «холдинг» с целью осуществления легализации преступных доходов, принадлежащих крупным преступным сообществам. В ходе проведения следственных действий установлено, что члены преступного сообщества, занимая руководящие должности в банках, создали сеть фиктивных фирм для проведения незаконных операций по обналачиванию, обезналичиванию, а также перечислению легализованных денежных средств на счета зарубежных фирм в иностранные банки. В результате деятельности преступного сообщества отмыто около 17 млн. долл. США, приобретенных путем вымогательства, мошенничества, незаконного предпринимательства и т.п., при этом полученный преступниками доход составил 2,3 млн. долл.²⁰

С финансово-экономической точки зрения опасность легализации преступных доходов обусловлена тем, что она сопряжена с вовлечением в сферу легального оборота денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем. Легализация (отмывание) подобного имущества не только нарушает установленный порядок осуществления экономической деятельности, но и способствует распространению наиболее опасных форм нелегального «предпринимательства», находящихся под контролем организованной преступности (наркобизнес, торговля оружием, похищение людей и многие другие).

Общественная опасность легализации преступно приобретенных денежных средств и другого имущества состоит в возникновении неконтролируемого «серого», или «теневого», сектора экономики, приносящего ущерб финансовым интересам государства, нарушающего правила конкуренции на рынке²¹. По данным Госкомстата РФ, теневой сектор экономики в России составляет 40 % ВВП. Если в 2006 г. ВВП достиг уровня в 25 трлн руб., то нетрудно посчитать, что в рублевом эквиваленте теневой сектор экономики оценивается в 10 трлн руб. По сути, это два годовых бюджета страны²².

Кроме того, преступно приобретенные доходы легализуются, а затем инвестируются в коммерческую деятельность, ставя ее тем самым под контроль организованных преступных структур и расширяя сферу их влияния. Так, по данным следственных органов, некоторые руководители и сотрудники нефтяной компании «ЮКОС» в течение 2000-2003 гг. похитили и легализовали путем вывода за рубеж денежные средства в размере около 7 млрд. долл.²³ Это, в свою очередь, нагнетает социальную напряженность, продуцирует деструктивные процессы в легальной экономической деятельности, девальвирует привлекательность законного и честного бизнеса, вызывает отток частных (в том числе иностранных) инвестиций, создает экономическую базу для приобретения криминалитетом политической власти в стране.

Накопление капитала преступными формированиями, внедрение его в легальный гражданский оборот, а также использование за пределами страны позволяет получать значительные преимущества в конкурентной борьбе, создает неблагоприятный климат для любых инвестиций и ведет к подрыву национальной экономики. Привлечение средств из

²⁰ Житкова Е.Л. Способы легализации имущества, добытого заведомо незаконным путем // Гражданин и право. 2006. № 3. – С. 34.

²¹ Верин В.П. О некоторых вопросах судебной практики по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. № 2. – С. 22.

²² Пименов Н.А. Легализация денежных средств, добытых преступным путем, как угроза экономической безопасности // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2007. № 11. – С. 41.

²³ Там же. – С. 43.

незаконных финансовых источников вызывает, в свою очередь, дестабилизацию кредитных организаций, угрожает самостоятельности банковской системы в целом²⁴.

Характерной чертой, также определяющей повышенную общественную опасность легализации преступных доходов является участие в преступных схемах так называемых «белых воротничков», а именно привилегированных преступников, имеющих юридическое или экономическое образование, ученую степень, связи на высоком уровне, что связано с высокой угрозой использования этими лицами не только изощренных способов легализации, но и стандартного для России механизма подкупа должностных лиц, участвующих в возбуждении и расследовании преступлений, связанных с легализацией.

В теории криминологии выделяется различное количество *признаков, характеризующих организованные преступные формирования как элементы организованной преступности*. Они достаточно типичны, однако если говорить об организованной этнической преступности экономической направленности, то можно выделить следующие признаки:

– руководящее ядро, как правило, коллегиальный орган, в котором управление формированием осуществляется группой лиц, имеющих фактически равное положение;

– определенную иерархическую структуру, отделяющую руководство от непосредственных исполнителей путем разделения формирования на составные группы, наличия промежуточного руководящего ядра и т.п. – такая структура управления избавляет руководителей от необходимости непосредственной организации или совершения конкретных преступлений;

– достаточно четкое распределение ролей (функций), которые реализуются при выполнении конкретных заданий, обязанностей или в ролевом «должностном» поведении (боевики, контролеры, «смотрящие», телохранители и т.п.);

– жесткую дисциплину с подчинением по вертикали, основанную на собственных законах и нормах с санкциями за нарушение;

– профессиональное использование основных государственных и социально-экономических институтов, действующих в стране, в целях создания внешней законности преступной деятельности (официальное прикрытие в виде совместных предприятий, фондов, фирм, казино и т.п.);

– финансовую базу в виде общих денежных фондов, недвижимости и т.п., для решения «общих» задач, позволяющую, кроме того, обеспечивать высокую техническую оснащенность;

– информационную базу, позволяющую иметь сведения о выгодных и безопасных направлениях преступной деятельности, применении специальных методов разведки и контрразведки;

– конспиративный характер преступной деятельности; наличие системы планомерной нейтрализации всех форм социального контроля.

Основными направлениями страхования криминальных рисков, используемыми наиболее эффективными криминальными организациями, являются следующие.

1. *Заключение системы незаконных скрытых соглашений между участниками.*

2. *Ограничение для членов организации до минимума контактов с правоохранительными органами.* Например, в итальянской мафии действует закон омерты – обета молчания, за нарушение которого предусмотрены жесткие санкции (как правило, убийство).

3. *Криминальная специализация.* Примерами, на наш взгляд, криминальной специализации может стать совершение хищения финансовых ресурсов из системы Центрального Банка, предполагающее детальное знание технологии расчетов между банками через систему расчетно-кассовых центров, документооборота, методов передачи информации, шифровки и т.д.

4. *Отмывание доходов, полученных преступным путем и их инфильтрация в легальный бизнес.*

²⁴ Коротков А.П. Преступления в сфере экономической деятельности как угроза экономической безопасности России. Научно-практическое издание. М.: ПРИОР, 2002. – С. 70.

5. *Профессиональное использование основных государственных и социально-экономических институтов*, действующих в стране и мире в целях создания внешней законности своей преступной деятельности.

Таковы универсальные элементы *modus operandi*, используемые криминальными организациями различных типов. Вместе с тем существует категория преступных организаций, демонстрирующих особую эффективность в достижении целей и подавлении социального контроля. Эта эффективность обусловлена применением специфического *modus operandi*, метода деятельности, который получил название мафия-метода.

Подводя итог, следует отметить, что в перспективе развитие транснациональной, в том числе этнической, организованной преступности будет определяться общей экономической ситуацией в стране и в мире. Если она не получит положительного развития, то наиболее крупные преступные сообщества с высокой вероятностью предпримут попытку вновь поделить рынок влияния. При этом неизбежна очередная вспышка насилия и, возможно, межнационального насилия.

В борьбе с такими подвидами этнической преступности, как экстремизм, терроризм, организованная и насильственная преступность следует учитывать и применять меры *правового, организационного, материального, технического характера*.

К мерам правового характера можно отнести рекомендации по изменению и дополнению положений Уголовного кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, ряда федеральных законов, регулирующих правовое обеспечение противодействия отдельным видам преступности.

Предложенные законодателем дефиниции не всегда позволяют точно определить сущность этнических и экстремистских преступлений, уяснить их признаки. Представляется, что необходимо сформулировать и законодательно зафиксировать четкую и емкую дефиницию этнических и экстремистских преступлений с указанием конкретных признаков данных общественно опасных деяний. Возможно, следует объединить такие преступления в одну главу или раздел Уголовного кодекса.

При существующем положении дел предлагается внести дополнение в ст. 210 УК РФ, где в качестве квалифицирующего признака рассматривать создание преступного сообщества по этническому признаку и участие в таковом. Возможно, это позволит избежать повтора в формулировках ст. 210 и 282.1 УК РФ.

Настаивается на необходимости принятия специального комплексного закона о преступлениях на расовой почве, который трактовал бы насилие, мотивированное расовой и этнической враждой, как основной квалифицирующий признак преступления, а не как лишь отягчающее вину обстоятельство, переняв опыт у отдельных зарубежных стран. Например, подобное законодательство уже принято в Англии, Германии, США и ряде других стран. В 2003 г. ОБСЕ призвала страны, входящие в эту организацию, принять специальные законодательные акты об ответственности за преступления на почве расовой ненависти.

Организационные меры борьбы с этнической преступностью включают вопросы повышения эффективности взаимодействия соответствующих субъектов в процессе борьбы. Здесь выявлены такие проблемы, как дублирование функций соответствующих компетентных органов; отсутствие эффективности их работы; усилия со стороны этнических организованных преступных групп по созданию группы защиты их интересов со стороны правоохранительных органов; не проведение криминологической экспертизы законов в необходимых случаях; отсутствие в уголовной статистике раздела об этнических преступлениях, что затрудняет их криминологический анализ и выработку мер по борьбе с ними. Необходимо сделать сравнительную криминологическую характеристику этой преступности в разрезе регионов, а не только по Москве, Московской области и Санкт-Петербургу.

Проблема повышения эффективности организационных механизмов в области расследования этнических преступлений включает следующие аспекты:

1. Обеспечение мобильности следователей, доступа к информационным базам данных. Требуется ускорить реализацию требований соответствующих Приказов Председателя Следственного комитета об организации использования следователями современных компьютерных учетных или аналитических программ.

2. Организация подготовки следователей с широким знанием криминалистики для качественного расследования преступлений в сфере межнациональных отношений.

3. Развитие института судебной медицины на местах, повышение знания следователя в области судебной медицины.

4. Содержание федеральной и региональной целевых программ по формированию и реализации комплексных мер по своевременному выявлению особо тяжких преступлений против личности, носящих признаки серийности, в том числе этнической направленности.

К техническим мерам отнесены: 1) создание специализированного программного обеспечения поддержки и принятия управленческих решений в сфере борьбы с отдельными подвидами этнических преступлений; 2) создание автоматизированных информационно-поисковых систем применительно к решению задач обнаружения и квалификации отдельных видов этнических преступлений; 3) разработка и внедрение организационно-технического обеспечения быстрого фиксирования следов неочевидных этнических преступлений.

Только лишь реализация комплексного механизма борьбы с преступлениями, совершаемыми организованными этническими группами, может привести к снижению их числа в России, в том числе и особо тяжких преступлений.

Список литературы

1. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.И. Паин // *Общественные науки и современность*. – 2002. – №8. – С. 115.
2. Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999 гг.) / В.В. Лунеев // *Государство и право*. – 2000. – №11. – С. 27.
3. Попов В.И. Экономико-правовой, политический и национальный факторы организованной преступности на Северном Кавказе / В.И. Попов // *Проблемы борьбы с организованной преступностью в Северокавказском регионе: Сб. научн. трудов*. М., 2000. – С. 7.
4. Сайгитов У.Т. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан / У.Т. Сайгитов // *Журнал российского права*. – 2004. – № 3. – С. 45.
5. Годовой отчет МВД РД на 1 января 2001 г. // Текущий архив МВД РД (Махачкала, 2000).
6. *Российская газета*. – 14 августа 2008 – четверг – № 172 (4729). – С. 4.
7. Клейменов М.П. Криминология : учебник / М.П. Клейменов. – М.: Норма, 2008. – С. 325-326.
8. Данные информационного Центра УВД Костромской области «АИСС-Статистика».
9. Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России: состояние, структур и особенности / И.В. Годунов // *Российский судья*. – 2002. – № 8. – С. 21.
10. <http://www.crime.ru/Main/FMAIN.htm> Дежурная часть.
11. *Полицейское сотрудничество стран Центральной и Восточной Европы / Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати)*. – М., 2001. – С. 73.
12. *Российская организованная преступность: новая угроза / под ред. Фила Вильямса*. – М., 2000. – С. 145.
13. Рашидханов Р.К. Проблемы борьбы с преступными сообществами в Республике Дагестан / Р.К. Рашидханов // *Российский следователь*. – 2005. – № 4. – 33.
14. Данные взяты из Справки по итогам работы УБОП МВД РД за 12 месяцев 2004 года.
15. Гуров А., Ковалев Н. и др. XXI век против глобализации преступности // *Московские новости*. – 27 ноября 2000.
16. *Время*. – 1999 г. – 16 декабря.
17. «Русский марш» в Испании. Миф или реальность? / *Трибуна*. – 1999 г. – 11 ноября.
18. Житкова Е.Л. Способы легализации имущества, добытого заведомо незаконным путем / Е.Л. Житкова // *Гражданин и право*. – 2006. – № 3. – С. 34.
19. Верин В.П. О некоторых вопросах судебной практики по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / В.П. Верин // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. – 2005. – № 2. – С. 22.
20. Пименов Н.А. Легализация денежных средств, добытых преступным путем, как угроза экономической безопасности / Н.А. Пименов // *Финансовые и бухгалтерские консультации*. – 2007. – № 11. – С. 41.

ANALYZE OF ORGANIZED ETHNIC CRIMINALITY GROUPS' ACTIVITY IN THE CONTEXT OF ILLEGAL BEHAVIOR

N. V. KUZMINA

*Kostroma State Technological
University*

*e-mail:
Kuzmina.nat@yandex.ru*

In this work the author regards the forming of ethnic criminality groups as an independent scientific problem. There are questions about illegal behavior of ethnic groups. Main forces of the ethnical criminality are distinguished. The author pays attention to many aspects of this phenomenon. The work has practical means. It consists in the prevent basic of ethnic criminality groups' activity

Key words: illegal behavior, the ethnical criminality, security, ethnical customs, motivation of the ethnical criminalities, group character and types of ethnical crimes, prevent basic of ethnic criminality groups' activity.

УДК 343.985

ПОНЯТИЕ ВЕРСИИ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

И. М. КОМАРОВ¹⁾
Т. В. ДЕЙНЕКО²⁾

*¹⁾Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Komarov@bsu.edu.ru

*²⁾Белгородский юридический
институт МВД России*

e-mail: tarasdein@mail.ru

В статье приведен общий анализ генезиса криминалистического учения о версии и планировании, дано обоснование понятия версии следственного действия и его авторское определение.

Ключевые слова: версия следственного действия, ситуация производства следственного действия, следственная рефлексия.

Начало разработки учения о криминалистической версии и планировании расследования преступлений и судебного разбирательства по уголовному делу отечественная криминалистика связывает с именем В.И. Громова.

В специальной литературе советского периода первые рекомендации по планированию расследования и построению умозаключений при работе с доказательствами были сделаны Н.В. Крыленко «Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений)».

Термин версия, по нашим данным, впервые был употреблен авторами учебника по криминалистике 1935 года. Они не рассматривали логическую природу версии и ограничивались указаниями на то, что версии лежат в основе плана расследования и выдвигаются на втором этапе расследования – после проведения первоначальных следственных действий, если с их помощью следователь «все же не получает определенных указаний о личности и местонахождении преступника»¹.

По мнению авторов учебника, перечень следственных действий, необходимых для проверки версии, образует собой план расследования².

В учебнике криминалистики 1938 года раздел «Планирование расследования» принадлежит перу С.А. Голунского. В нем он привел рекомендации связанные с умением пользоваться версиями расследования.

Однако учебники криминалистики и другие криминалистические исследования указанного периода не содержали определения понятия версии.

Первое определение было дано Б.М. Шавером и выглядело следующим образом: «Под версией понимается основанное на материалах дела предположение следователя о характере расследуемого преступления, мотивах, в силу которых оно совершено, и лицах, которые могли совершить преступление»³. Следуя традициям первого периода развития советской криминалистики Б.М. Шавер рассматривал вопросы, относящиеся к основаниям и содержанию версии, в неразрывной связи с рекомендациями по планированию расследования и считал разработку версии началом составления плана расследования.

Послевоенные работы криминалистов продолжили исследование вопросов связанных с версиями в контексте планирования предварительного расследования преступлений.

Так, Т.М. Арзуманян определил версию как основанное на фактах предположение следователя, исследование которого может обеспечить раскрытие преступления и изобличение преступника⁴.

¹ Криминалистика. – М., 1935. – С. 141.

² Там же. – С. 143.

³ Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика. – М., 1940. – С. 76.

⁴ Настольная книга следователя. – М., 1949. – С. 115.

Значение версии для предварительного расследования преступлений в середине 50-х годов привлекло внимание и ученых уголовно-правовой специализации. В этой связи А.А. Пионтковский писал: «Вызывает сомнение и обычное рассмотрение в криминалистической литературе вопроса о построении версии среди других вопросов планирования следствия. Хотя планирование тесным образом связано с выдвижением версии, однако по своей природе выдвижение следственных версий как орудия познания объективной истины является самостоятельным и одним из наиболее ответственных этапов следственной работы»⁵.

Данное высказывание выпадало из традиционной концепции взглядов на версию, которые сложились у криминалистов к тому периоду времени. Поэтому, первым, кто возразил А.А. Пионтковскому, был А.Н. Колесниченко. Он подчеркивал, что единство процесса мышления в форме гипотезы, включающего накопление и изучение фактического материала, высказывание предположений о причинах и иных связях, выведение из них следствий и проверку, есть единый процесс и его нельзя разделить на две части, отнеся первые два момента к версии, а третий – к планированию⁶.

Этот же период времени ознаменован появлением в исследованиях терминов «судебная версия»⁷, «следственная версия»⁸, обоснованием взглядов на версию как разновидность гипотезы, новыми определениями понятия версии⁹ и их классификациями¹⁰.

Эти авторы, также как и Братковская В.В., другие криминалисты, не отрывают теорию версии от теоретических положений планирования расследования и рассматривают их как единое теоретическое построение.

Между тем, на заседаниях Совета ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР в 1955 году высказывались мнения о разработке самостоятельной теории версии как раздела криминалистики, но тогда возобладала точка зрения А.Н. Васильева – «разработка проблемы следственных версий может быть плодотворной только в сочетании с вопросами планирования, так как само планирование тесно и органически связано с выдвижением и проверкой версии»¹¹.

Однако в 1959 году Г.Н. Александров опубликовал статью «Версия» где обосновал свои взгляды на эту криминалистическую категорию и необходимость создания самостоятельного раздела криминалистики – учения о версии¹².

В тот период времени данные взгляды поддержки не получили, но анализ специальной литературы проблематики вопроса (прошлого и современного периода развития криминалистики) свидетельствует о том, что авторы неизменно связывают проблемы версии с планированием расследования, как в теории, так и на практике, а это закономерно приводит к выводу: разработка вопросов версии неизбежно влечет за собой разработку аспектов планирования (а не наоборот), то есть «учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования»¹³.

⁵ Пионтковский А.А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. – М., 1955. Вып. 6. – С. 28.

⁶ Колесниченко А.Н. Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений // Ученые записки Харьковского юридического института. Харьков, 1957. Вып. IX. – С. 165.

⁷ Никренц О.В. Судебная версия как разновидность гипотезы: Автореф. и дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1954.

⁸ Теребилов В.И. Разработка следственных версий и планирование следствия // Расследование убийств. – М., 1954. – С. 120; Теребилов В.И. К вопросу о следственных версиях и планировании расследования // Советская криминалистика на службе следствия. – М., 1955. Вып. 6. – С. 110.

⁹ См.: Теребилов В.И. Указ. соч. С. 110; Васильев А.Н. Общие вопросы планирования предварительного следствия // Планирование расследования преступления. – М., 1957. – С. 41; Голунский С.А. Планирование расследования // Советская криминалистика на службе следствия. – М., 1958. Вып. 10. С. 13; Шляхов А.Р. Планирование предварительного следствия. – М., 1957. – С. 13.

¹⁰ Васильев А.Н. Указ. соч. С. 40; Шляхов А.Р. Указ. соч. – С. 14.

¹¹ Васильев А.Н. О тактике следствия // Советская криминалистика на службе следствия. – М., 1956. Вып. 7. – С. 151.

¹² Александров Г.Н. Версия // Социалистическая законность. 1959. №10.

¹³ Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учебное пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – С. 483.

За последние десятилетия вопрос криминалистической версии исследовался достаточно подробно и разносторонне. В настоящей статье мы не станем утомлять читателя приведением имен известных ученых, которые посвятили проблематике вопроса свои исследования, специалистам они хорошо итак известны.

Беглый исторический экскурс нам понадобился для того, чтобы еще раз обратить внимание на значение необходимости дальнейшего развития криминалистического учения о версии и планировании, как одном из важнейших методов и средств предварительного расследования преступления и судебного разбирательства по уголовному делу.

Далее мы намерены предпринять попытку обоснования понятия, которое не встречается в исследованиях различных аспектов криминалистической версии. Это понятие – «*версия следственного действия*». В процессе подготовки материалов к данной статье мы не обнаружили в специальной литературе определения понятия версии следственного действия, которое, на наш взгляд, может быть полезным практике предварительного расследования. Предпримем попытку его обоснования и определения.

Исходным моментом в данном вопросе будет понятие криминалистической версии. Оно является родовым для искомого определения.

Мы склоняемся к мнению Р.С. Белкина, что криминалистическая версия – это обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающее на наличие или объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание и служащее целям установления объективной истины¹⁴.

Очевидно, что это определение имеет прикладное значение для предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу как элементов уголовного судопроизводства.

Следственное действие – элемент системы досудебного производства, преимущественно предварительного расследования преступления. Поэтому определение версии следственного действия мы будем обосновывать для прикладных целей предварительного расследования.

Следственное действие в процессе реализации следователем имеет следующие общие цели: получение доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации, подтверждение факта ранее выдвинутой версией, проверка версии, установление причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Эти цели подразумевают конечный результат следственного действия, так сказать, формирование на его основе источника доказательства по уголовному делу. Этот источник, закрепленный следователем в процессуальной форме – протоколе, никак не связан с процессом проведения следственного действия, то есть с криминалистическим механизмом достижения следователем этих целей.

Данный же механизм, как свидетельствует практика, представляет собой сложную систему действий следователя, его тактическое построение, оптимальная реализация которого обеспечивает эффективность в достижении конечной цели следственного действия – формирования на его основе полноценного источника доказательств.

Данный тезис справедлив для любого следственного действия, предусмотренного действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Как в процессе подготовки, например, к допросу следователь должен разрабатывать определенные варианты (версии) своего поведения на случай изменения его ситуации, в силу возникновения тех или иных объективных и субъективных обстоятельств, так и возможные изменения ситуации при производстве других следственных действий без непосредственного вербального контакта следователя и участника следственного действия должны быть учтены и при необходимости оптимизированы (в соответствии с версиями) в целях увеличения результативности данного действия.

Последняя часть тезиса означает, что изменение ситуации, например, в процессе осмотра места происшествия должно предполагать наличие у следователя соответствующей версии осмотра на тот случай, когда определенный в начале данного действия алгоритм поведения следует изменить для увеличения его результативности.

¹⁴ Белкин Р.С. Указ. соч. – С. 493.

Тактическое построение следственного действия мы относим к важному существенному признаку понятия версии следственного действия. По существу это алгоритм линии поведения следователя «привязанный» своим содержанием к оценке ситуации, в которой данное следственное действие проводится.

Вместе с тем, этот алгоритм должен быть его «домашней заготовкой», то есть заранее, на подготовительной части следственного действия, спланированной линией поведения следователя. В зависимости от сложности следственного действия, личностей его участников, других обстоятельств предварительного расследования таких «заготовок» должно (может) быть несколько, что, разумеется, не лишает следователя возможности творческой импровизации, в «непросчитанных» ситуациях предварительного расследования.

В основе содержания тактического построения лежит тактический прием (тактическая комбинация). С учетом постоянного мониторинга и оценки ситуации следственного действия, своим применением тактический прием (тактическая комбинация) рассчитан на достижения целей, которые определил следователь.

Понятия ситуации следственного действия в криминалистике нет. На наш взгляд, для того, чтобы определить его для содержания (процессуальный и криминалистический аспект) следственного действия следует экстраполировать на его понятие группы компонентов (условий) следственной ситуации, определенные Р.С. Белкиным, естественно, в их видовом приложении к следственному действию¹⁵.

Итак, что же собой может представлять ситуация производства следственного действия, из оценки каких условий должен исходить следователь применяя то или иное теоретическое построение для проведения следственного действия и достижения поставленной ему цели?

Во-первых, это компоненты психологического характера. Для вербальных (с участниками, дающими показания) и невербальных следственных действий они отличны, так как включают оценку результата возможного конфликта между следователем и противостоящего ему лица, собственную оценку следователем своих психологических свойств и т.п. факторы.

Во-вторых, компоненты информационного характера: осведомленность следователя об обстоятельствах преступления, возможных доказательствах и возможностях их обнаружения, местах сокрытия искомого и пр., осведомленность противостоящих следователю и иных проходящих по делу лиц, о степени информированности следователя и свидетелей, об обнаруженных и не обнаруженных доказательствах, о намерениях следователя и пр. обстоятельствах.

Компоненты процессуального и тактического характера относятся к третьей группе условий, влияющих на оценку ситуации следственного действия. К ним относится состояние производства по делу, возможность избрания меры пресечения, изоляции друг от друга проходящих по делу лиц и т.д.

Четвертым компонентом, рассматриваемой криминалистической категории являются материальные и организационно-технические условия производства следственного действия (возможность мобильного маневрирования наличными силами и средствами, наличие средств передачи информации из учетных аппаратов органов внутренних дел и пр.).

Таким образом, на основе аналитической оценки данных условий, ситуацией проведения следственного действия можно называть обстановку, в которой осуществляется следственное действие, где доминирующей является информационная компонента.

Правда, определяя свои взгляды на содержание следственной ситуации, Р.С. Белкин отметил, что сочетание этих компонентов (условий), составляющее содержание следственной ситуации, есть результат воздействия факторов, влияющих на ее формирование, но оценка сложившейся следственной ситуации и принятие на основе такой оценки тактического решения в понятие и содержание ситуации не входят¹⁶.

¹⁵ Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учебное пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – С. 631.

¹⁶ Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учебное пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – С. 631.

Полагаем, вторая часть данного тезиса является актуальной для версии следственного действия и ее необходимо включать в содержание этого понятия. В ходе следственного действия следователь должен постоянно проводить оценку ситуации его проведения, а при ее изменении оперативно принимать тактические решения об использовании другой версии следственного действия с новым тактическим построением. То есть он должен использовать другую, более оптимальную версию его производства, когда оценкой ситуации установлено, что прежняя версия не обеспечит достижения поставленной следственному действию цели.

Таким образом, наряду с тактическим построением ситуационный подход к производству следственного действия является следующим существенным признаком понятия версии следственного действия.

Остался не исследованным еще один вопрос относительно того, какой субъективный фактор является доминирующим при построении следователем версий следственного действия, при условии, если исключить типичные версии, например, подозреваемый будет давать правдивые показания, подозреваемый откажется от дачи показаний и пр.

Мы имеем в виду более сложную систему отношений следователя как творческого субъекта доказывания и главного участника стадии предварительного расследования преступлений, когда отсутствует необходимость решать тактические задачи по примитивному алгоритму следственной деятельности.

На наш взгляд таким субъективным фактором, практически не исследованным в криминалистике, является следственная рефлексия. Данного вопроса касался только А.Р. Ратинов¹⁷. В приложении к предварительному расследованию его теоретическое исследование было бы достаточно полезным.

В психологии рефлексия это умственная активность субъекта, концентрирующаяся на определенном содержании сознания инстинкт и влечение, включающие в себя поиски смысла.

Она характеризуется как обращенность сознания назад или к внутреннему миру, при которой вместо непосредственной, немедленной и непреднамеренной реакции на объективные стимулы в «дело» вступает психологическое размышление. В результате подобного размышления как следствие свободной мысли возможны весьма индивидуализированные и относительные ответы. Рефлексия дает толчок серии внутриспихических образов еще до того, как предпринято само действие. С помощью рефлексивного инстинкта стимул становится психическим содержанием, опытом, посредством которого становится возможным преобразовать естественный процесс в осознанный и созидающий¹⁸.

Несколько сложно, а если этот тезис упростить, то рефлексия, хотя и инстинктивна, но выступает как процесс сознательный, предполагающий использование воображения при принятии решений и последующего действия.

Предметно-рефлексивные отношения следователя в процессе построения версий для такого следственного действия как, например, допрос могут быть выражены отображением допрашиваемого в следующей схеме: каков этот субъект в действительности; как этот субъект оценивает сам себя; каким, с позиции этого субъекта, он видится окружающим. В соответствии с ответами на эти вопросы и могут быть выстроены версии допроса.

Таким образом, искомое понятие – версия следственного действия, на наш взгляд содержит следующие существенные признаки: 1) теоретическое построение; 2) ситуация следственного действия; 3) рефлексия следователя.

Следовательно, ее можно определить как основанное на рефлексии следователя ситуационное тактическое построение, линию его поведения с целью установления криминалистически значимой информации в расследовании преступлений.

Список литературы

1. Криминалистика. – М., 1935.
2. Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика. – М., 1940.

¹⁷ Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. – М.; Наука, 1970. – С. 185–197.

¹⁸ Зеленский В.В. Словарь аналитической психологии. М., 1997. – С. 131–132.

3. Настольная книга следователя. – М., 1949.
4. Пионтковский А.А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. – М., 1955. – Вып. 6.
5. Колесниченко А.Н. Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений // Ученые записки Харьковского юридического института. – Харьков, 1957. – Вып. IX.
6. Никренц О.В. Судебная версия как разновидность гипотезы: Автореф. и дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1954.
7. Теребилов В.И. Разработка следственных версий и планирование следствия // Расследование убийств. – М., 1954.
8. Теребилов В.И. К вопросу о следственных версиях и планировании расследования // Советская криминалистика на службе следствия. – М., 1955. – Вып. 6.
9. Васильев А.Н. Общие вопросы планирования предварительного следствия // Планирование расследования преступления. – М., 1957.
10. Голунский С.А. Планирование расследования // Советская криминалистика на службе следствия. – М., 1958. – Вып. 10.
11. Шляхов А.Р. Планирование предварительного следствия. – М., 1957 –
12. Васильев А.Н. О тактике следствия // Советская криминалистика на службе следствия. – М., 1956. – Вып. 7.
13. Александров Г.Н. Версия // Социалистическая законность, 1959. №10.
14. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учебное пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.
15. Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. – М.; Наука, 1970.
16. Зеленский В.В. Словарь аналитической психологии. М., 1997.

CONCEPT OF VERCION INVESTIGATE ACTION

I. M. KOMAROV¹⁾

T. V. DEINEKO²⁾

¹⁾ Belgorod State University

e-mail:

Komarov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod Law Enforcement Institute

e-mail:

tarasdein@mail.ru

The article discusses some aspects of genesis of criminalistic doctrine about vercion and plan, concept of vercion investigate action and its author's concept.

Key words: interrogation tactics, suspects (defendants) suffering from mental disorders.

УДК 343.27

К ВОПРОСУ О ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ЛИЦАМ, ЗЛУПОТРЕБЛЯЮЩИМ ПСИХОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ

Л. А. ПРОХОРОВ¹⁾
Э. М. СМЕЛЕНКО²⁾

*¹⁾Кубанский
государственный
университет*

e-mail: jurist@ksei.ru

*²⁾Кубанский государственный
аграрный университет*

e-mail: jurist@ksei.ru

В настоящей статье авторы вновь обращаются к проблеме применения принудительных мер медицинского характера к лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами. На основании соответствующего анализа ими предлагается авторская редакция ст. 97 УК.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, психоактивные вещества, наркоманы, алкоголики, токсикоманы, меры безопасности.

Прогрессивным витком в развитии отечественного уголовного законодательства явилось выделение в УК РФ гл. 15 «Принудительные меры медицинского характера». Однако уголовный закон не содержит их дефиниции, что, на наш взгляд, является существенным недостатком, затрудняющим активное правоприменение. Кроме того, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство РФ весьма неоднозначно подходят к регламентации названных мер. Так, после вступления в силу ФЗ от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» из ст. 97 УК был исключен п. «г» (принудительные меры в отношении лиц, совершивших преступления и признанных нуждающимися в лечении от алкоголизма или наркомании). Одновременно с этим вступил в действие ФЗ №161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». В ст. 2 названного Закона сказано о введении обязательного лечения лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, назначаемого непосредственно в учреждениях уголовно-исправительной системы (ранее это входило в компетенцию суда). Данное положение нашло закрепление в измененной редакции ч. 3 ст. 18 УИК РФ.

С одной стороны, несомненно, заслуживает положительной оценки то, что теперь однозначно решен вопрос об обязательном характере принудительного лечения указанных лиц. До названной новеллы в доктрине высказывались различные точки зрения на этот счет. Однако, с другой стороны, решение вопроса о применении недобровольного лечения лиц, больных наркоманией, токсикоманией и алкоголизмом, исключено из компетенции суда. Такое положение вряд ли допустимо, так как напрямую противоречит действующему законодательству РФ и судебной практике.

Так, ФЗ от 8 января 1998 г. №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» в ч.3 ст.54 «Наркологическая помощь больным наркоманией» устанавливает: «Больным наркоманией, находящимся под медицинским наблюдением и продолжающим потреблять наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо уклоняющимся от лечения, а также лицам, осужденным за совершение преступлений и нуждающимся в лечении от наркомании, по решению суда назначаются принудительные меры медицинского характера, предусмотренные законодательством Российской Федерации». Кроме того, ст. 13 «Принудительные меры медицинского характера» ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях граждан при ее оказании» прямо указывает, что эти меры применяются только по решению суда и осуществляются в психиатрических учреждениях органов здравоохранения. Наряду с этим еще в 1995 г. коллегия

по уголовным делам Верховного суда РФ в своем определении четко указала, что «принудительные меры медицинского характера к душевнобольным могут быть применены только судом»¹.

Среди негативных моментов, характеризующих новеллы, внесенные в УК и УИК Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ авторы, с которыми мы полностью солидаризируемся, выделяют следующее:

– во-первых, подобное серьезное решение, меняющее более чем сорокалетнюю практику принудительного лечения наркоманов, принималось без серьезных научных исследований и изучения практики²;

– во-вторых, снизился уровень процессуальных гарантий прав лиц, к которым применяется обязательное лечение, – ранее решение о назначении принудительного лечения принималось судом, а теперь медицинскими комиссиями учреждений УИС;

– в-третьих, оказался сокращенным круг лиц, совершивших преступление и страдающих наркоманией, подлежащих соответствующему лечению, поскольку ст. 18 УИК допускает применение обязательного лечения в отношении осужденных к аресту и лишению свободы, исполнение которых возложено на учреждения УИС.

Очевидно, что данные противоречия нуждаются в немедленном устранении и приведении законов в соответствие друг с другом.

На первый взгляд, в действующей редакции ч. 3 ст. 18 УИК недобровольное лечение, применяемое в отношении лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами, представляет собой не иную меру уголовно-правового характера, а форму реализации наказания для лиц, осужденных к наказаниям, связанным с ограничением или лишением свободы. Но это абсурдная ситуация. Между тем, на наш взгляд, все же более верным представляется следующее толкование действующей редакции ч. 1 ст. 97 УК. Поскольку п. «в» ч. 1 ст. 97 УК называет в качестве субъектов, к которым применяются меры медицинского характера, лиц, совершивших преступление и страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, то и лица, злоупотребляющие психоактивными веществами, входят в этот круг.

Такой вывод следует, во-первых, из положений действующей на территории РФ Международной классификацией болезней (МКБ-10)³. В соответствии с ней употребление психоактивных веществ (алкоголя, наркотических и токсикоманических средств), вызывающих при злоупотреблении ими зависимость, относится к разделу F («Психические расстройства и расстройства поведения») рубрики F10-19 («Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ»).

Содержание ч.3 ст.18 УИК тоже подтверждает данный вывод, так как в ней содержится изъятие из положений ч.1 статьи, где говорится о том, что меры медицинского характера применяются к лицам, осужденным к аресту, лишению свободы, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. К аналогичному выводу склоняются и иные авторы⁴.

В силу сказанного напрашивается вывод о том, что, исключив пункт «г» из ч. 1 ст. 97 УК РФ, законодатель лишь систематизировал ее содержание посредством исключения дублирования перечня категорий лиц, к которым применяются меры медицинского характера, следовавшего из содержания пп. «в» и «г» названной статьи. Однако возникает вопрос относительно содержания ч. 3 ст. 18 УК РФ. Разрешая означенную коллизию, необходимо ориентироваться, прежде всего, на положения материальной отрасли права, то есть на УК, где никаких изъятий из режима применения к лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами, рассматриваемых мер не закреплено. Кроме того, пределы

¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 26 декабря 1994 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 1995. № 8. – С. 8-9.

² См.: Каширин Р.М. Формирование правовой базы, регламентирующей лечение осужденных наркоманов // Российский следователь. 2007. № 7.

³ Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: Десятый пересмотр (МКБ-10). Т. 1. Ч. 1. ВОЗ. Женева, 1995. – С. 322-326.

⁴ См., например: Бакаева Ю. В. Меры медицинского характера в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, страдающих алкоголизмом: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. – С. 10.

действия УИК ограничены правоотношениями, возникающими непосредственно в ходе исполнения уголовного наказания. Согласно ч.2 ст.2 УИК уголовно-исполнительным законодательством устанавливаются общие положения и принципы *применения* (курсив наш – Авт.), в том числе, «иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации». Если же к уголовной ответственности привлекается лицо, злоупотребляющее психоактивными веществами, это обстоятельство, существенно характеризующее личность виновного, не может быть проигнорировано судом в силу предписаний самого закона (ч. 2 ст. 22, ч. 3 ст. 60 УК). Именно поэтому суд обязан в процессе судебного слушания и назначения наказания оценить правовую значимость болезненного состояния виновного (в данном случае лица, страдающего алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией).

Подводя итог, следует отметить ряд концептуальных положений.

Первое. Необходимо сформулировать в законе определение принудительных мер медицинского характера. Взяв за образец ст. 43 УК, предлагаем переименовать ст. 97 и изменить ее содержание:

«Статья 97. Принудительные меры медицинского характера

1. Принудительные меры медицинского характера есть меры государственного принуждения, назначаемые по приговору суда лицам:

а) совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса, в состоянии невменяемости;

б) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания;

в) совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

2. Принудительные меры медицинского характера назначаются при условии, что психические расстройства, указанные в части первой настоящей статьи, связаны с возможностью причинения существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц и заключаются в возложении обязанности пройти амбулаторно либо в стационаре назначенный в установленном законом порядке курс лечения, в зависимости от характера и степени тяжести заболевания.

3. Целями принудительных мер медицинского характера являются излечение лиц, указанных в части первой настоящей статьи, или улучшение их психического и физического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса.

4. В отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи и не представляющих опасности по своему психическому состоянию, суд может передать необходимые материалы органам здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц или направлении их в психоневрологические учреждения социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о здравоохранении.

5. Порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации и иными федеральными законами».

Второе. Статью 98 УК РФ предлагается исключить.

Третье. Анализ ст.97 УК и ст. 18 УИК, а также соответствующих положений ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» позволяет сделать вывод о наличии правовой коллизии, которая требует незамедлительного устранения. Так, на наш взгляд, из ч. 3 ст. 18 УИК следует исключить указание на лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, поскольку порядок назначения им мер принудительного медицинского характера регламентирован п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

Четвертое. Как известно, цель излечения в отношении лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами, труднодостижима, а уровень их криминализации достаточно высок. В связи с этим предлагаем в качестве меры безопасности в отношении названной категории граждан закрепить в ч. 5 ст. 54 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» пожизненное наблюдение.

Список литературы

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 26 декабря 1994 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 1995. № 8. С. 8-9.
2. Каширин Р.М. Формирование правовой базы, регламентирующей лечение осужденных наркоманов // Российский следователь. 2007. № 7.
3. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: Десятый пересмотр (МКБ-10). Т. 1. Ч. 1. ВОЗ. Женева, 1995. С. 322 – 326.
4. Бакаева Ю. В. Меры медицинского характера в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, страдающих алкоголизмом: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004.

TO THE QUESTION OF FORCED MEASURES OF MEDICAL CHARACTER APPLIED TO PERSONS, ABUSING PSYCHOACTIVE SUBSTANCES

L. A. PROKHROV¹⁾
E. M. SMELENKO²⁾

¹⁾ Kuban State University

e-mail: jurist@ksei.ru

²⁾ Kuban State Agrarian University

e-mail: jurist@ksei.ru

In the present article authors address again to the problem of application of forced measures of medical character to the persons abusing psychoactive substances. On the basis of the corresponding analysis the author's edition of item 97 of Penal Code of Russian Federation is offered.

Key words: forced measures of medical character, psychoactive substances, addicts, alcoholics, glue sniffers, security measures.

УДК 343.5

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВРСТВЕННОСТИ

М. Л. ПРОХОРОВА¹⁾
Р. В. ТОРОСЯН¹⁾

*¹⁾Кубанский
государственный
университет*

e-mail: jurist@ksei.ru

В настоящей статье авторы рассматривают вопрос о содержании системы объектов преступлений против общественной нравственности. На этой основе ими высказываются предложения о классификации названной группы преступлений и о корректировании подхода к систематизации норм Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: объект преступления, система объектов преступления, криминализация деяний, преступления против общественной нравственности, система преступлений против общественной нравственности.

Уголовно-правовая значимость объекта как элемента состава преступления сомнений не вызывает. Он не только (вкупе с остальными элементами и признаками состава преступления) выступает в качестве основания уголовной ответственности, но и является главным мерилем уровня общественной опасности преступления, который, в свою очередь, предопределяет решение вопросов криминализации тех или иных деяний.

Родовым объектом преступлений против общественной нравственности, исходя из расположения норм, предусматривающих за них ответственность, в системе УК, является совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Такое расположение названных норм с соответствующим определением содержания родового объекта представлялось бы нам вполне обоснованным. Однако мы не можем согласиться с законодателем в части включения в название раздела и, соответственно, в содержание родового объекта, общественного порядка. На наш взгляд, общественный порядок – одна из составляющих общественной безопасности. Их взаимоотношения должны укладываться в рамки «часть и целое», где общественная безопасность – целое, а общественный порядок – часть. Поэтому вряд ли логично указывать элемент структуры общественной безопасности в названии раздела, но не включать его в название главы 24, в которой и содержатся статьи, предусматривающие ответственность за посягательства на общественный порядок. Таким образом, раздел девятый Особенной части УК РФ необходимо было назвать «Преступления против общественной безопасности». Следуя же логике законодателя, в его названии надо было указывать все компоненты общественной безопасности – и общественный порядок, и здоровье населения, и общественную нравственность, и экологическую безопасность, и др.

Статья 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» понимает под безопасностью состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы определены в Законе как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности применительно к обществу Закон относит его материальные и духовные ценности. Итак, одним из важнейших объектов безопасности общества выступают материальные и духовные ценности. К последним, несомненно, относится нравственное состояние общества. Только при здоровом нравственном климате возможно поступательное развитие всего общественного механизма. Лишь духовно здоровое население в состоянии выполнить возложенные на него многочисленные социальные функции. Исходя из этого объективно справедливого положения, мы соглашаемся с законодателем в том, что преступления против общественной нравственности действительно, в конечном итоге, содержат в себе угрозу для общественной безопасности.

Из всех предложенных в специальной литературе определений общественной безопасности именно как родового объекта преступлений, предусмотренных в разделе IX УК, наиболее удачным нам представляется определение, предложенное В.С. Комиссаровым. По его мнению, общественная безопасность представляет собой определенную совокупность общественных отношений, не только регулирующих безопасные условия жизни общества, но и поддерживающих такой уровень защищенности общества, который является достаточным для его нормального функционирования¹. В это определение «укладывается» вся система видовых объектов названных преступлений.

Видовым объектом преступлений против общественной нравственности по идее законодателя выступает совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения здоровья населения и общественной нравственности. Таким образом, в законе физическое (имеем в виду совокупное соматическое и психическое здоровье населения) и нравственное здоровье населения рассматриваются как весьма близкие явления. В специальной литературе такая позиция законодателя у ряда авторов вызывает вполне обоснованные возражения. Так, Ю.М. Ткачевский и Л.И. Романова отмечают: «И совсем никакого отношения к объекту посягательства – здоровью населения – не имеют такие преступления, как уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК), жестокое обращение с животными (ст. 245 УК). Поэтому вряд ли целесообразно было помещать их в одну главу совместно с преступлениями против здоровья населения. Они также могли бы быть выделены в самостоятельную главу»². Добавим: такое же отдаленное отношение (по крайней мере, с точки зрения основного непосредственного объекта) имеют к здоровью населения деяния, связанные с проституцией и порнографией.

Очевидно, законодатель, объединяя в одной главе преступления против здоровья населения и общественной нравственности, исходил из того, что в целом здоровая нация – это нация, обладающая как физическим, так и нравственным здоровьем. Но, тем не менее, на наш взгляд, категории физического и нравственного здоровья – это категории, свойственные разным плоскостям в системе общественной безопасности. Представляется, что общественная нравственность ближе к общественному порядку, хотя и не сводима к нему. Заметим, что во время действия УК РСФСР (РФ) 1960 г. преступления против общественной нравственности рассматривались как посягательства на общественный порядок. Это не совсем точно, но уж если говорить об объединении, то логичнее объединить преступления против общественной нравственности в одной главе УК с деяниями, направленными против общественного порядка. Российский законодатель уже имел опыт такого объединения. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе восьмом «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» содержало главу четвертую «О преступлениях против общественной нравственности и нарушении ограждающих оную постановлений». Встречаются примеры объединения в рамках одной главы (раздела) УК норм о преступлениях против общественного порядка и общественной нравственности и в зарубежном уголовном законодательстве (например, в УК Беларуси – раздел XI «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности»; в УК Швеции – глава 16 «О преступлениях против общественного порядка»). В ряде зарубежных УК выделена самостоятельная глава (раздел), содержащая нормы о преступлениях против общественной нравственности (УК Голландии, Казахстана, Польши, Сан-Марино, Японии).

Таким образом, мы полагаем, что решение законодателя об объединении в рамках одной главы норм о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности не совсем логично и не вполне обоснованно. На наш взгляд, более разумным подходом является объединение в одной главе норм о преступлениях против общественного порядка и общественной нравственности либо создание самостоятельной главы «Преступления против общественной нравственности». В первом случае это могла бы

¹ См.: Полный курс уголовного права. Том IV: Преступления против общественной безопасности / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. – С. 11.

² См.: Там же. – С. 239.

быть глава 24.1 (при изъятии из главы 24 статей, предусматривающих ответственность за хулиганство и вандализм), во втором – 25.1 (при разделении главы 25).

Рассматривая далее вопрос об объекте преступлений против общественной нравственности, исходя из расположения норм о них, мы считаем необходимым поставить вопрос о выделении *подвидового объекта*. Дело в том, что тезис о том, что непосредственным объектом рассматриваемых преступлений выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной нравственности, представляется нам не совсем точным. Общественная нравственность – понятие очень широкое, она регулирует все сферы жизни человека и общества. Поэтому непосредственным объектом конкретного преступления не может быть общественная нравственность в целом. Им выступает определенная часть общественных отношений в сфере обеспечения конкретных нравственных норм, регулирующих какую-то отдельную сферу жизнедеятельности личности или общества. В своей совокупности все рассматриваемые преступления посягают на общественную нравственность, а каждое конкретно – на отдельную сферу, регулируемую ею.

Итак, названные преступления объединяет то, что они в своей совокупности посягают на общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения общественной нравственности, которая, как известно, представляет собой сложившуюся в социуме в определенный период его развития систему ценностей, норм, правил и традиций, отражающих представление о добре и зле, справедливости и несправедливости, свободе и необходимости, ответственности, долге и чести и т.д., регулирующие отношения в обществе и определяющую модель поведения его членов.

Но, как мы отмечали выше, непосредственный основной объект конкретных преступлений, посягающих на общественную нравственность, следует связывать с какой-то определенной ее сферой. Определение его содержания позволит осуществить и классификацию названных деяний.

Проанализировав соответствующие статьи УК, рассмотрев вопрос о том, какие именно аспекты нравственности затрагивает совершение каждого из исследуемых посягательств, мы разделили преступления против общественной нравственности на следующие группы: 1) преступления против общественной нравственности, нарушающие нравственные установления в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества (вовлечение в занятия проституцией – ст.240 УК; организация занятия проституцией – ст.241 УК; незаконное распространение порнографических материалов или предметов – ст.242 УК; изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних – ст.242.1 УК); 2) преступления против общественной нравственности, нарушающие нравственные установления в сфере сохранения наследия прошлого и поддержания связи поколений (уничтожение или повреждение памятников истории и культуры – ст.243 УК; надругательство над телами умерших и местами их захоронения – ст.244 УК); 3) преступления против общественной нравственности, нарушающие нравственные установления в сфере взаимоотношения людей с иными представителями живой природы (жестокое обращение с животными – ст.245 УК).

Соответственно, можно сделать вывод, что непосредственным основным объектом преступлений, предусмотренных ст.240, 241, 242 и 242.1 УК, выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную нравственность в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества; преступлений, предусмотренных ст.243 и 244 УК, – совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную нравственность в сфере сохранения наследия прошлого и поддержания связи поколений; преступления, предусмотренного ст.245 УК, – совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную нравственность в сфере взаимоотношения людей с иными представителями живой природы.

Список литературы

1. Полный курс уголовного права. Том IV: Преступления против общественной безопасности / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008.

TO THE QUESTION OF THE OBJECT OF CRIMES AGAINST PUBLIC MORALS

M. L. PROKHOROVA¹⁾

R. V. TOROSYAN¹⁾

¹⁾ Kuban State University

e-mail: jurist@ksei.ru

In the present article authors discuss the question of the maintenance of the system of objects of crimes against public morals. On this basis they offer a classification of the named group of crimes and correcting of the approach to the classification of norms of the Especial part of the criminal code of the Russian Federation.

Key words: object of a crime, system of objects of a crime, criminalization of acts, crimes against public morals, system of crimes against public morals.

УДК 343.3

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Е. Н. САСИНА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: sendrs@mail.ru*

Статья раскрывает понятие и виды миграции, дается оценка такому явлению как незаконная миграция и анализируется ряд уголовно-правовых аспектов организации незаконной миграции, обосновывается предложение по совершенствованию отдельных законодательных положений.

Ключевые слова: миграция, иностранные граждане, лица без гражданства, пребывание в РФ, организация незаконной миграции, объект посягательства, объективная сторона преступления, субъект преступления, субъективная сторона деяния, совершенствование отдельных законодательных положений.

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента России от 17.12.97г. № 1300, к угрозам национальной безопасности отнесены: негативные процессы в экономике, деформация демографического и социального состава общества, подрыв трудовых ресурсов как основы производства, а также неконтролируемая миграция, которая способствует национализму, политическому и религиозному экстремизму, этносепаратизму и создает условия для возникновения конфликтов¹.

Уже сегодня Россия является крупнейшим мировым центром, принимающим трудовые ресурсы не только из стран СНГ, но и дальнего зарубежья. Одновременно территориальное расположение государства делает ее привлекательной для миграционного транзита. Более того, миграция – неотъемлемая характеристика образа жизни современного российского общества, органичная часть ее экономики.

Миграция населения – это добровольное перемещение, переселение жителей в пределах страны из одного региона в другой (внутренняя миграция) или же переселение из одного государства в другую страну (международная миграция)².

Целью миграционной политики, проводимой как во всем мире, так и в Российской Федерации, является управление миграционными процессами, которое должно способствовать обеспечению роста численности населения и трудовых ресурсов, экономического и демографического развития страны, реализации интеллектуального и трудового потенциала мигрантов, обеспечения соблюдения принципов национальной безопасности населения. При этом главной задачей проводимой миграционной политики в России является ее эффективность.

Следует иметь в виду, что миграционное законодательство Российской Федерации в 2007 году претерпело существенные изменения, прежде всего, в части формирования новых механизмов учета въезжающих в Российскую Федерацию иностранных граждан, получения ими необходимых разрешительных документов для законного пребывания и трудоустройства.

Отвечая на вопрос, как отразилось новое миграционное законодательство на соотношении легальных и нелегальных мигрантов на территории России, представителями ФМС России было отмечено увеличение на три процента в 2009 году количества выявленных административных правонарушений в сфере соблюдения миграционного законодательства по сравнению с 2008 годом³.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 17.12.97г. № 1300 "Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации" // Российская газета. 1997. 25 и 26 декабря.

² Эл. Ресурс]http://www.norge-info.ru/ Словарь понятий и терминов. Миграция населения.

³ См.: Игнатъев Р. Журнал «Земляки», №7. 2009г. – С. 38.

Анализ практики свидетельствует, что незаконная миграция на территории нашего государства может использоваться «нечистыми» на руку коммерсантами, что влечет неуплаты налогов, способствовать незаконному распространению наркотиков и оружия, неконтролируемому оттоку валюты из страны, а также служить своего рода «трамплином» для проникновения незаконных мигрантов через Россию в третьи страны.

Кроме того, незаконная миграция несет в себе угрозу распространения на территории страны организованных преступных группировок, международных террористических и экстремистских организаций, усиливает угрозу национальной безопасности государства. Количество иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно прибывших на территорию России, не поддается полному учету и контролю в связи с тем, что они избегают регистрации. Наибольшим вниманием незаконных мигрантов пользуются крупные города, экономически развивающиеся зоны и приграничные регионы.

Согласно статистических данных МВД России иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации за январь-сентябрь 2010 года совершено 39031 преступлений, что на 17,6% меньше аналогичного периода прошлого года⁴.

Нелегальную миграцию обоснованно можно отнести к одним из факторов организованной преступности. Несомненно, такая специфическая преступность – это «не только уголовно-правовое, но и политическое явление, представляющее угрозу национальной безопасности; основной фактор криминализации власти в России и в целом страны»⁵.

Теперь остановимся на отдельных вопросах уголовной ответственности за организацию незаконной миграции.

Так, Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. N 187-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен новой статьей 322.1, устанавливающей ответственность за организацию незаконной миграции⁶.

Для того, чтобы раскрыть понятие незаконной миграции, следует обратиться к Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции, одобренной решением Совета глав государств СНГ от 16 сентября 2004 года⁷. Исходя из положений этой Концепции, незаконную миграцию можно определить как перемещение на территорию государства, пребывание, перемещение с его территории граждан иных государств или лиц без гражданства с нарушением законодательства данного государства.

Основываясь на этих положениях, иностранным гражданином следует признать лицо, не имеющее доказательств принадлежности к гражданству государства, на территории которого оно пребывает постоянно или временно, но имеющее доказательства принадлежности к гражданству (подданству) другого государства, а лицом без гражданства – лицо, в отношении которого не имеется доказательств принадлежности к гражданству (подданству) какого-либо государства.

В Уголовно-правовой литературе отмечается, что высокая степень бесконтрольного въезда и выезда, незаконного пребывания в России иностранных граждан создает реальную повседневную опасность совершения террористических актов, иных тяжких и особо тяжких преступлений. Высокая степень такой опасности убедила общество и государство в лице законодателя в необходимости введения соответствующего уголовно-правового запрета⁸.

⁴ Эл. Ресурс] <http://www.mvd.ru/> Статистика. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2010 года.

⁵ Устинов В.С. Глава 15. Организованная преступность // Криминология: Учебник / Под. ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф. Н.М. Кропачева. СПб.: Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2010. – С. 358.

⁶ Федеральный закон от 28 декабря 2004 г. N 187-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2004. 30 декабря.

⁷ Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции, одобренной решением Совета глав государств СНГ от 16 сентября 2004 года // Сборник законодательства РФ о миграции – М.; Изд. ФМС, 2009. – С. 20.

⁸ Джафаров С.А. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, трансграничная незаконная миграция). М.: Изд-во ООО «ЦТМ-ПРЕСС» и журнал «Российская миграция», 2007. – С. 144.

Как известно, статья 322.1 помещена в главу 32 УК РФ, объединяющую преступления, посягающие на порядок управления, входящих в раздел преступлений против государственной власти. Составы, включенные в эту главу, предусматривают ответственность за общественно опасные деяния, посягающие на регламентированную законом деятельность органов государственной власти, государственного и местного самоуправления, сопряженные с причинением вреда, либо ставящие под угрозу причинения вреда правам и законным интересам общества и государства, либо могущими подорвать их авторитет, а также нарушить права и интересы граждан.

Считаем, что непосредственным объектом рассматриваемого преступного посягательства являются общественные отношения, устанавливающие порядок организации миграционного учета и регулирования действующих миграционных потоков⁹.

Хотя сам по себе этот состав преступления является формальным и для его окончания не обязательно наступление последствий, однако говорить о взаимосвязанности незаконной миграции со многими действиями преступного характера, по нашему мнению, вполне уместно, также как и об угрозе со стороны незаконной и преступной (криминальной) миграции общественной безопасности и общественному порядку (раздел 9 УК РФ). Другим важным элементом, характеризующим юридическую природу уголовной ответственности за организацию незаконной миграции, является анализ ее объективной стороны.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления предусматривает три вида действия:

- организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства;
- их незаконное пребывание в Российской Федерации;
- их незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации.

Говоря об общественной опасности каждого из этих действий, следует отметить, что наиболее опасным из них, как представляется, выступает именно организация незаконного въезда указанных лиц в Россию, два других являются в определенной степени производными от первого (организации въезда).

Для того чтобы определить наличие признака незаконности указанных в норме уголовного закона деяний, следует обратиться к содержанию иных законодательных актов.

Так, порядок въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации установлен Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" (в ред. от 09 марта 2010 года)¹⁰. Выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию (включая транзитный проезд через ее территорию) регулируются также Конституцией Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, другими федеральными законами и принятыми на основании данных федеральных законов постановлениями Правительства Российской Федерации. В случае если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены указанным выше федеральным законом, действуют правила международного договора.

Полагаем, что незаконность въезда или выезда, а также незаконность пребывания на территории Российской Федерации определяются, как это подтверждает судебная практика, следующими моментами: отсутствием соответствующих документов, удостоверяющих личность иностранного гражданина или лица без гражданства (недействительные документы, документы, выданные ненадлежащим органом, просроченные документы, поддельные документы и т.д.); отсутствием визы или других документов, предоставляющих право въезда в РФ или выезда из нее, в том числе просроченная виза, поддельная виза и т.п. Признак незаконности будет иметь место и в том случае,

⁹ См.: Научно-практический комментарий НИЦ № 8 ВНИИ МВД России «Организация незаконной миграции (ст.322.1 УК РФ) // ВНИИ МВД России, 2007. – С. 98.

¹⁰ Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 34. – С. 4029; 1998, № 30, ст. 3606; 1999, № 26, ст. 3175; 2003, № 2, ст. 159; 2006, № 31, ст. 3420; 2008, № 30, ст. 3583, 3616; 2009, № 7, ст. 772; № 52, ст. 6413, 6450; 2010, №3, ст. 3820.

если виза или другие документы, предоставляющие соответствующие права, получены по поддельным документам, при отсутствии оснований, установленных законодательством.

Иностранец или лицо без гражданства при въезде в Российскую Федерацию обязаны получить и заполнить миграционную карту. Миграционная карта является документом, который содержит сведения об иностранном гражданине, въезжающем в РФ, а также служит для контроля за его временным пребыванием в РФ¹¹.

При нарушении иностранным гражданином или лицом без гражданства установленных правил пребывания (проживания) в Российской Федерации, а равно нарушении правил транзитного проезда через территорию Российской Федерации, данные лица переходят в разряд незаконно находящихся лиц на территории России.

Анализ судебно-следственной практики организации незаконной миграции свидетельствует, что она может быть осуществлена только путем действий. Эти действия заключаются в создании группы, организующей пребывание нелегалов на территории страны, разработке способов незаконного въезда в Российскую Федерацию, поиске лиц, желающих незаконно мигрировать, обеспечении их соответствующими документами, установлении незаконных контактов с лицами, осуществляющими контроль за порядком въезда на территорию страны и пребывания в ней, выдачей виз, и в совершении иных действий, направленных на обеспечение незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через ее территорию.

По смыслу диспозиции рассматриваемой нормы, такие действия должны совершаться не только в отношении одного иностранного гражданина или лица без гражданства, а в отношении неопределенного числа лиц, поэтому данное деяние может носить продолжаемый характер или совершаться разово, но в отношении большого количества лиц. Арифметический подход к установлению минимального количества лиц в данной ситуации неприемлем.

По мнению известных ученых, специализирующихся в области уголовного права, профессоров Ветрова Н.И. и Ляпунова Ю.И. содержание закона «предполагает возможность наступления уголовной ответственности не за то или иное количество незаконных мигрантов, а за саму организацию, т.е. конкретные действия, направленные на возможный въезд указанных лиц, независимо от их количества»¹².

Отметим, что количество выявляемых уголовно-наказуемых фактов организации незаконной миграции невелико.

Так, по сведениям ИЦ УВД в Белгородской области в 2009 году возбуждено и расследовано 6 уголовных дел по фактам организации незаконной миграции, из них 5 – по ч.1 ст.322.1 УК РФ и 1 – по ч.2 данной правовой нормы. За 9 месяцев 2010 года выявлено 5 подобных фактов, однако по результатам проверок, проведенных в порядке ст.ст. 144,145 УПК РФ, в возбуждении уголовных дел было отказано.

Организация незаконной миграции как уголовное преступление предполагает наличие прямого умысла у лица, совершившего указанное деяние (*субъективная сторона*). Иными словами, состав преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, будет иметь место только при условии, если лицо, совершающее действия, направленные на организацию прибытия, предоставления местопребывания, либо организацию проезда через территорию Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, осведомлено об отсутствии у мигранта регистрационных документов (паспорта с визой, миграционной карты и др.). Мотив совершения преступления может быть различным, но зачастую присутствуют корыстные побуждения.

Субъектом является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 16.08.2004г. № 413 «О миграционной карте» // Российская газета. 2004. 20 августа.

¹² Джафаров С.А. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, трансграничная миграция). М.: Изд-во ООО «ЦТМ-ПРЕСС» и журнал «Российская миграция», 2007. – С. 145.

Квалифицирующие признаки данного преступления определены частью 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за совершенные преступления:

- а) организованной группой;
- б) в целях совершения преступления на территории Российской Федерации.

Так, из смысла статьи 35 УК РФ следует, что организованной группой является устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Если же незаконная миграция сопряжена с незаконным пересечением государственной границы, но без признаков организации, то наряду со сложной формой соучастия может иметь место и ее простая разновидность (например, совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору)¹³.

Следуя принципам дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления, предусмотренных ст. 34 УК РФ, отметим, что ответственность организатора незаконной миграции может быть квалифицирована как сложное соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ, если он сам принимал непосредственное участие в акте незаконной миграции посредством незаконного пересечения государственной границы. Подобные случаи являются примером идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 322 и ст. 322.1 УК РФ.

Иной целью организации незаконной миграции является совершение преступлений – виновных общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом под угрозой наказания.

Вместе с тем полагаем, что анализируемый состав преступления нуждается в уточнении и пересмотре отдельных законодательных положений. В частности, принимая во внимание распространенность коррупционных проявлений, очевидно участие в вышеупомянутом виде противоправной деятельности лиц, использующих при этом свои служебные полномочия, что не нашло своего отражения в анализируемом составе преступления. Этими лицами могут быть сотрудники пограничной и миграционной службы, таможенники, должностные лица органов местного самоуправления, администраторы гостиниц, кемпингов и т.п. Как правило, данными лицами преследуется корыстная или иная личная заинтересованность.

С учетом повышенной общественной опасности такого деяния считаем целесообразным предусмотреть уголовную ответственность данных лиц путем выделения указанного обстоятельства в качестве квалифицирующего признака. Для этого предлагаем изменить ст. 322.1 УК РФ, дополнив ч. 2 пунктом п. «в» в следующей редакции: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом с использованием своего служебного (должностного) положения из корыстной или иной личной заинтересованности».

Считаем, что круг лиц, подпадающих под действие предлагаемой редакции ч.2 ст.322.1 УК РФ, не может ограничиваться признаками должностного лица, отраженными в ст.285 УК РФ, и является более многогранным, в связи с чем организация незаконной миграции не может рассматриваться в совокупности со ст.285 УК РФ.

Например, к числу лиц, не являющихся должностными, но наделенными исполнительными функциями в сфере миграционного учета иностранцев, можно отнести администрацию гостиниц. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2008г. №899 «О внесении изменений в Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», по прибытии иностранного гражданина в гостиницу администрация гостиницы обязана в течение одних суток уведомить территориальный орган Федеральной миграционной службы о прибытии иностранного гражданина в место пребывания¹⁴. Не выполнение оп-

¹³ Никитенко И.В. Миграционная безопасность Дальневосточного федерального округа России: политико-правовой и криминологический аспект. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010. – С. 144.

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2008г. №899 «О внесении изменений в Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Российская газета. 2008. 09 декабря.

ределенных законодателем действий, и организация незаконной миграции данными лицами может осуществляться с использованием своего служебного положения, а поэтому является более общественно-опасным деянием, за которое должно быть предусмотрено соответствующее наказание.

Деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, законодателем отнесены к категории преступлений средней тяжести.

Считаем, что санкцию данной нормы следует дополнить таким видом наказания как «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Для этого санкцию ч. 2 ст. 322.1 УК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового, а также лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

Применение данного квалифицирующего признака, по нашему мнению, ужесточит уголовную ответственность за организацию незаконной миграции.

В заключении заметим, что совершенствование законодательства будет способствовать устранению пробелов правового регулирования в миграционной сфере.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.97г. № 1300 "Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации" // Российская газета. 1997. 25 и 26 декабря.
2. Эл. Ресурс]http://www.norge-info.ru/ Словарь понятий и терминов. Миграция населения.
3. См.: Игнатъев Р. Журнал «Земляки», №7. 2009. С. 38.
4. Эл. Ресурс]http://www.mvd.ru/ Статистика. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2010 года.
5. Устинов В.С. Глава 15. Организованная преступность // Криминология: Учебник / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф. Н.М. Кропачева. СПб.: Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2010. С. 358.
6. Федеральный закон от 28 декабря 2004 г. N 187-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Российская газета. 2004. 30 декабря.
7. Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции, одобренной решением Совета глав государств СНГ от 16 сентября 2004 года // Сборник законодательства РФ о миграции – М.; Изд. ФМС, 2009. С. 20.
8. Джафаров С.А. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, транснациональная незаконная миграция). М.: Изд-во ООО «ЦТМ-ПРЕСС» и журнал «Российская миграция», 2007. С. 144.
9. См.: Научно-практический комментарий НИЦ № 8 ВНИИ МВД России «Организация незаконной миграции (ст.322.1 УК РФ) // ВНИИ МВД России, 2007. С. 98.
10. Федеральный закон от 15 августа 1996г. N 114-ФЗ "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 34. С. 4029; 1998, N 30, ст. 3606; 1999, N 26, ст. 3175; 2003, N 2, ст. 159; 2006, N 31, ст. 3420; 2008, N 30, ст. 3583, 3616; 2009, N 7, ст. 772; N 52, ст. 6413, 6450; 2010, №3, ст.3820.
11. Постановление Правительства РФ от 16.08.2004г. № 413 «О миграционной карте» // Российская газета. 2004. 20 августа.
12. Джафаров С.А. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, транснациональная незаконная миграция). М.: Изд-во ООО «ЦТМ-ПРЕСС» и журнал «Российская миграция», 2007. С. 145.
13. Никитенко И.В. Миграционная безопасность Дальневосточного федерального округа России: политико-правовой и криминологический аспект. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010. С. 144.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2008 г. №899 «О внесении изменений в Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Российская газета. 2008. 09 декабря.

CRIMINAL-LEGAL ASPECTS OF ORGANIZATION OF ILLEGAL MIGRATION

E. N. SASINA

Belgorod State University

e-mail: sendrs@mail.ru

The article reveals the concept and types of migration, provides an assessment of the phenomenon of illegal migration, and examines a number of criminal aspects of illegal immigration, substantiated proposal to improve the individual legislative provisions.

Key words: migration, foreign citizens, stateless persons staying in the Russian Federation, the organization of illegal migration, the object of attacks, the objective of the offense, the subject of crime, the subjective side of the act, the improvement of certain legislative provisions.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 342

СИСТЕМА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

П. А. АСТАФИЧЕВ*Орловский государственный
технический университет**e-mail: law_dek@ostu.ru*

Статья посвящена проблеме правового регулирования организации и функционирования органов местного самоуправления с позиции системного подхода. Анализируются общие и особенные черты муниципальных органов власти, специфика регламентации их публично-правового статуса в законодательстве Российской Федерации, субъектов Федерации и уставах муниципальных образований. Выявляется ряд проблемных аспектов деятельности местной власти на современном этапе функционирования Российской государственности.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное право, орган местного самоуправления, муниципальный орган, народное представительство, глава муниципального образования, местная администрация, контрольные функции органов местного самоуправления.

Значительную роль в практической жизни муниципалитета играют органы местного самоуправления, реализующие установленную законом компетенцию в целях обеспечения прав и законных интересов граждан, на них возлагаются весомые полномочия и соразмерная этому ответственность. Фактически в большинстве случаев в правоотношениях участвуют именно муниципальные органы¹.

В силу множественности функций местного самоуправления², а также необходимости рассредоточения муниципальной власти, для большинства муниципальных образований характерно наличие нескольких, а не одного органа местного самоуправления.

¹ См.: Бабичев И.В. Органы местного самоуправления муниципального образования как публично-правовая система: некоторые вопросы институционализации// Вестник Московского университета. 2010. № 3. С. 65.

² См., например: Бараева Н.Б. Институциональные функции местного самоуправления// Проблемы права в современной России. СПб.: Изд-во Полит. ун-та, 2005. С. 3 – 5. Сокол-Номоконов Э.Н. Функции органов местного самоуправления в процессе правового регулирования управления муниципальным образованием// Государственная власть и местное самоуправление. 2002. № 1. С. 21-25.

По общему правилу, видами органов местного самоуправления являются: *представительный орган, глава муниципального образования и местная администрация*. В числе органов местного самоуправления также могут быть *контрольный орган и избирательная комиссия* муниципального образования. Все указанные органы соответствующего муниципалитета образуют единую систему в том смысле, что от любых двух и более органов не могут исходить взаимоисключающие властные предписания. Каждый муниципальный орган имеет собственную компетенцию, которая не может принадлежать другому органу, что, однако, не исключает взаимодействия, координации, партнерства и сотрудничества органов местного самоуправления в целях реализации общих вопросов местного значения.

Понятия «орган местного самоуправления» и «муниципальный орган», на наш взгляд, являются тождественными, равно как и не следует усматривать разницы между «органом государственной власти» и «государственным органом»³. Ключевым признаком органа публичной власти (этим собирательным термином иногда обозначаются в совокупности государственные и муниципальные органы) является публичная правосубъектность⁴. Орган либо есть, либо его нет. Что касается классификации органов, то она должна осуществляться по ясным, имеющим существенное значение признакам. Поэтому и в терминологическом, и в сущностном аспектах вряд ли целесообразно разграничение вышеуказанных понятий.

Кроме того, статус органа местного самоуправления включает такие элементы, как организационная обособленность и самостоятельность, наличие властных полномочий и публично-значимых функций, осуществление юрисдикции в пределах территории соответствующего муниципального образования. Каждый муниципальный орган учреждается, формируется, действует и ликвидируется в особом порядке, что предусматривается законодательством и принимаемыми в его развитие подзаконными нормативными правовыми актами, причем этот порядок не должен быть произвольным и упрощенным. Органам местного самоуправления разрешено только то, что предписано законодательством; в отличие от граждан, принцип допустимости всего не запрещенного на них не распространяется.

Можно предложить следующую классификацию органов местного самоуправления. В зависимости от состава необходимо различать *коллегиальные* и *единоличные* органы, причем коллегиальные органы могут основываться на равенстве и неравенстве их членов. По характеру осуществляемых полномочий целесообразно выделять муниципальные органы *общей* и *специальной компетенции*. Исходя из способов формирования, логично разграничить *выборные* и *назначаемые* органы местного самоуправления. Наконец, если брать в основу классификации муниципальных органов их основные функции, то различаются *нормотворческие, исполнительно-распорядительные, контрольные, избирательные* и, возможно, даже *юрисдикционные* органы. Все это имеет значение для правильного уяснения юридического статуса соответствующих субъектов муниципальных правоотношений.

Например, представительный орган муниципального образования по своей природе является коллегиальным, основанным на равенстве депутатов, выборным и нормотворческим органом общей компетенции. Глава муниципального образования суть единоличное высшее должностное лицо, которое реализует вопросы общей компетенции, причем оно должно избираться посредством прямых либо косвенных выборов из числа депутатов представительного органа муниципального образования. Основной его функцией является координация деятельности иных органов местного самоуправления, что включает преимущественно исполнительно-распорядительные полномочия, отчасти – нормотворчество и контроль. Местная администрация – единоличный орган общей компетенции, осуществляющий в основном исполнительно-распорядительную функцию, од-

³ Другая позиция – см., например: Носов С.И. О соотношении понятий «государство», «государственный аппарат», «государственный орган» и «орган государственной власти» // Гражданин и право. 2007. № 5. – С. 3-8.

⁴ Близкая позиция – см.: Гордеева Ж.А. Правосубъектность юридического лица публичного права // Мы и право. 2009. № 4. – С. 20.

нако способы его формирования могут быть различными. Если глава муниципального образования избран непосредственно населением на основе прямого волеизъявления, то он возглавляет представительный орган либо местную администрацию. В первом случае глава местной администрации нанимается по контракту и, следовательно, имеет статус назначаемого должностного лица; если же избранный напрямую гражданами глава муниципального образования одновременно возглавляет и местную администрацию, то местная администрация становится выборным органом. Такая же картина, как в первом случае, складывается, если глава муниципального образования избран из числа депутатов и возглавляет представительный орган муниципального образования, поскольку здесь также необходимо, чтобы глава местной администрации замещал свою должность по контракту. Органами специальной компетенции являются, например, контрольный орган и избирательная комиссия муниципального образования.

Систему органов местного самоуправления полезно сравнивать с системой государственных органов Российской Федерации и ее субъектов, поскольку принципы организации этих систем являются близкими, хотя по мере движения от нижестоящего уровня к вышестоящему организация публичной власти имеет тенденцию к усложнению. Так, на федеральном уровне имеется институт президентства, с которым имеет некоторые общие черты институт главы муниципального образования (если глава избран путем прямых выборов). Но Президент РФ не является одновременно председателем Правительства РФ либо председателем одной из палат Федерального Собрания – Совета Федерации или Государственной Думы. Избранный же напрямую населением глава муниципального образования, напротив, либо возглавляет местную администрацию, либо коллегиальный орган народного представительства. Нечто похожее наблюдается на уровне субъектов РФ, где высшее должностное лицо является одновременно руководителем высшего исполнительного органа. Но в субъектах РФ полностью исключается ситуация, при которой законодательный (представительный) орган возглавлялся бы высшим должностным лицом, причем высший исполнительный орган субъекта РФ, в отличие от местной администрации, может быть коллегиальным, как и Правительство РФ.

Структура органов местного самоуправления – вопрос политического выбора, причем отданное федеральным законодателем предпочтение далеко не полностью опирается на сложившуюся структуру государственной власти, принятую на федеральном уровне и в субъектах РФ. Разумеется, организация муниципальной власти должна иметь свою специфику, но, во всяком случае, муниципальные образования обладают правом учреждения у себя такой модели, которая имеет место в системе федеральных органов и органов государственной власти субъектов РФ. Иначе необходимо аргументировать, по каким причинам федеральный законодатель воспрещает муниципальным образованиям сделать это. Кроме того, следует помнить, что унифицированная модель организации системы государственных и муниципальных органов позволяет более качественно обеспечить их взаимодействие «по вертикали».

При определении системы органов местного самоуправления важно положить прочное основание ее действенному функционированию, что методологически связано с разделением властей. В буквальном смысле, ст. 10 Конституции РФ не связывает местное самоуправление этим принципом, поскольку ее формулировка охватывает законодательную, исполнительную и судебную ветви государственной власти. Но в местном самоуправлении также есть организационно обособленные, самостоятельные, наделенные собственной компетенцией органы, поэтому в определенном смысле положения ст. 10 Конституции РФ распространяются и на муниципальные образования.

Примечательно, что на местном уровне наблюдается заметное сближение представительной и исполнительной ветвей власти, а судебная ветвь отсутствует вовсе. Однако это не может ставить под сомнение сам принцип разделенной и сбалансированной власти, который органически присущ современному конституционализму и применяется вне зависимости от уровня властеотношений.

Вследствие этого концепция законодательного и уставного регулирования местного самоуправления должна быть построена таким образом, чтобы каждый из муниципальных органов имел определенные рычаги влияния на другие органы соответствующего муниципалитета. Так, представительный орган муниципального образования может

лишить главу местной администрации поддержки по статьям бюджетных расходов, но и местная администрация обладает рядом дискреционных полномочий в процессе исполнения муниципального бюджета. Каждый орган местного самоуправления в рамках своей компетенции должен оказывать сопротивление политике другого органа, если такая политика не способствует обеспечению публичных интересов местного сообщества. В результате в деятельности органов местного самоуправления исключается абсолютное и безграничное повиновение чьей-либо воле и достигается требуемое законом равновесие.

Однако излишняя увлеченность размежеванием властных полномочий способствует появлению ряда неблагоприятных тенденций, обусловленных стремлением отдельных личностей к внешнему эффекту, гипертрофированному критицизму, отрицанию результатов работы других вне зависимости от их подлинной цены. Поэтому органы местного самоуправления должны стремиться к согласованному функционированию и взаимодействию в общих интересах населения муниципального образования. Неконструктивные формы реализации принципа разделения властей нужно сводить к неощутимому минимуму.

Представительный орган муниципального образования является элементом системы местного самоуправления, который в наиболее полной мере реализует репрезентативные муниципальные функции благодаря своей выборности, коллегиальности и специфике возлагаемых на него полномочий. В этой связи законодательство подробным образом определяет его статус, включая порядок формирования, деятельности и прекращения функционирования. Представительный орган муниципального образования осуществляет свою деятельность на основе принципов законности, связанности правом, свободного обсуждения вопросов и самостоятельного принятия решений, гласности, коллегиальности, равноправия депутатов.

Обычным *способом формирования* представительного органа муниципального образования являются *всеобщие, равные и прямые выборы при тайном голосовании*. Именно эта модель характерна для внутригородских территорий городов федерального значения, городских округов, городских и сельских поселений. Однако представительные органы муниципальных районов, как указано в п. 4 ст. 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», формируются на принципиально иной основе: 1) они могут состоять из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава в соответствии с равной независимо от численности населения поселения нормой представительства; 2) они могут избираться на муниципальных выборах на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. При этом число депутатов, избираемых от одного поселения, не может превышать 2/5 от установленной численности представительного органа муниципального района (что не в полной мере отвечает принципу равных выборов).

Глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования, осуществляет персонифицированное представительство муниципального образования, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие всех органов местного самоуправления, не вмешиваясь в их компетенцию, несет персональную ответственность за бесперебойную работу механизмов устава муниципального образования. Кроме того, глава муниципального образования наделяется собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

При всей внешней привлекательности института главы муниципального образования нельзя не отметить один его существенный недостаток: в сфере его фактической компетенции может сконцентрироваться значительная публичная власть, которая будет препятствовать реализации конституционного принципа разделения властей. Поэтому законодатель уделяет особое внимание определению гарантий, которые исключали бы такого рода отклонения от нормального функционирования местного самоуправления. В частности, это обеспечивается выборностью главы муниципального образования на определенный срок, возможностью досрочного прекращения его полномочий по предусмотренным в законе основаниям, правом судебных органов признавать его акты проти-

воречащими законодательству, а потому не подлежащими применению. Глава муниципального образования подконтролен и подотчетен населению и представительному органу муниципального образования.

Фактическое доминирование главы муниципального образования возможно в самых различных областях муниципальной деятельности. Острота проблемы состоит в том, что это не записано в законах, но подобные тенденции весьма характерны для современной России. Имеющий органическую связь с народной жизнью и обладающий высоким авторитетом среди населения, глава муниципалитета приобретает негласный мандат доверия, истолковываемый в качестве практически безграничных возможностей по осуществлению муниципальных полномочий, в том числе и юридически принадлежащих другим органам, а иногда и хозяйствующим субъектам. Фактическая потеря их самостоятельности часто обусловлена не только позицией конкретного высшего должностного лица, но и самой общественной атмосферой, в которой бытует верование в сильную, единоличную, неограниченную власть. Эти воззрения неизбежно переносятся на народную депутацию по результатам очередных выборов, поскольку и в ходе избирательной кампании часто звучат настоячивые призывы к «наведению порядка», «прекращению демагогии» и к другим аналогичным формам политического монизма.

Данная ситуация оказывается выгодной многим политическим силам. Вокруг обладающего реальной властью единоличного должностного лица складывается элитарное сообщество, умеющее пользоваться благами этой методологии управления. Здесь ценится придворный этикет: нужно демонстрировать внешнее усердие, проявлять податливость, стремиться быть приближенным, вхожим, получать поддержку и преференции. В результате развивается фаворитизм, которому по большому счету нет дела до народных потребностей и интересов, но зато принципиальное значение имеет положительная оценка соответствующей деятельности со стороны VIP. Такой «сплоченной» команде легче противостоять и народу, и оппозиции, поскольку каждый участник цепочки властеотношений вправе рассчитывать на определенную долю материальных и иных благ. Выявление же подлинных потребностей, интересов населения и их решение становятся как бы исключительной прерогативой высшего должностного лица. Именно глава муниципального образования встречается с избирателями, дает им обещания и часто выполняет их, поскольку у него достаточно для этого власти. Он же выступает в средствах массовой информации, организует активный PR своей деятельности и в результате может рассчитывать на очередную победу в ходе муниципальных выборов. Другие же органы местного самоуправления, несмотря на свою юридическую самостоятельность, вынуждены довольствоваться второстепенными политическими ролями.

Основная власть главы муниципального образования выражается в его праве единолично решать кадровые вопросы. Возможность назначать и освобождать от должностей высший персонал муниципальных служащих местной администрации позволяет поставить под контроль практически весь процесс муниципального управления по принципу «кто платит, тот и заказывает музыку». Однако конституционная теория предлагает ряд эффективных методик для восстановления надлежащего баланса. В частности, отдельные должностные лица местной администрации могут назначаться на должности и освобождаться от них представительным органом муниципального образования по представлению главы муниципального образования (аналогично назначению Генерального прокурора РФ Советом Федерации по представлению Президента РФ). Есть и другой подход – назначение должностного лица местной администрации главой муниципального образования с согласия коллегиального органа народного представительства (здесь уместна аналогия с порядком назначения председателя Правительства РФ Президентом РФ с согласия Государственной Думы).

Но важно подчеркнуть и другое: если представительный орган муниципального образования попытается через нормы устава муниципального образования поставить под свой контроль решение всех основополагающих вопросов местного значения, то принцип разделения властей будет нарушен вновь, но уже со стороны коллегиального народного представительства. Концентрация власти в равной мере недопустима со стороны любых органов местного самоуправления.

Администрация муниципального образования, или местная администрация, является исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления общей компетенции. Слово «администрация» имеет несколько значений: под этим термином понимается управленческая деятельность либо управленческий субъект (орган, аппарат при органе). В данном контексте местная администрация представляет собой самостоятельный орган местного самоуправления, который обладает компетенцией, учреждается, формируется, действует и прекращает свои полномочия в установленном порядке. В соответствии со ст. 37 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования) наделяется уставом муниципального образования полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ.

Местной администрацией руководит глава местной администрации на принципах единоначалия. Структура местной администрации утверждается представительным органом муниципального образования по представлению главы местной администрации. В структуру местной администрации могут входить отраслевые (функциональные) и территориальные органы местной администрации.

Муниципальное образование обладает правом учреждения единственного исполнительно-распорядительного органа, который может строить свою деятельность как на единоличной, так и на коллегиальной основе. При коллегиальной организации исполнительного органа его глава, аналогично председателю Правительства РФ, будет сочетать принципы координации и субординации, поскольку такой исполнительный орган, в отличие от народного представительства, основывает свою деятельность на неравенстве членов. Эта модель полезна для *небольших* по размерам и численности населения муниципальных образований.

С другой стороны, муниципальные образования могут учредить не только высшие исполнительные органы общей компетенции (единоличные или коллегиальные), но и исполнительные органы специальной компетенции (аналогично федеральным министерствам, службам и агентствам, но с менее разветвленной структурой). Тогда на высший исполнительный орган местного самоуправления будет целесообразно возложить функции координации органов специальной компетенции при юридической самостоятельности последних. Такая модель востребована в *крупных* муниципалитетах.

Контрольная функция, в той или иной мере, присуща деятельности всякого органа государственной власти или местного самоуправления. Без контроля сложно рассчитывать на реализацию принятых решений, а также на их корректировку вследствие нового опыта и вновь открывшихся обстоятельств. Участник властеотношений обязан держать под контролем не только лиц, но и общественно-политические процессы. Не исключены и более конкретные формы контроля, которые обычно фиксируются в нормативных документах, определяющих статус соответствующих органов публичной власти.

Право одного субъекта контролировать действия другого лица предполагает определенную зависимость положения последнего. В одних случаях подконтрольному субъекту фактически дозволено лишь ходатайствовать, в других – имеется возможность также настаивать на своих правах и законных интересах. При этом контролирующее лицо имеет преимущественно права, а подконтрольный субъект несет в основном обязанности, такие как: обеспечение доступа контролирующего лица на объекты; предоставление необходимых документов; дача информации; направление отчетов; их сопровождение необходимыми пояснениями. Если права и обязанности участников контрольных правоотношений урегулированы в законодательстве достаточно подробно, спорные вопросы могут весьма эффективным образом разрешаться в судебном порядке. В противном случае всегда следует ожидать произвольных действий как контролирующего (превышение власти), так и подконтрольного (бездействие) лица.

Несмотря на то, что контрольная функция является неотъемлемым элементом статуса всякого органа власти, возникает необходимость учреждения специальных контрольных органов, состав которых удовлетворяет требованиям определенного профес-

сионального ценза. Контрольная деятельность в местном самоуправлении прежде всего должна основываться на сообщениях достойных доверия специалистов, а не на толках горожан или односельчан. Особенно важным является соблюдение данного принципа в сферах бюджетного и имущественного контроля.

Список литературы

1. Бабичев И.В. Органы местного самоуправления муниципального образования как публично-правовая система: некоторые вопросы институционализации// Вестник Московского университета. 2010. № 3.
2. Бараева Н.Б. Институциональные функции местного самоуправления// Проблемы права в современной России. СПб.: Изд-во Полит. ун-та, 2005. С. 3-5.
3. Сокол-Номоконов Э.Н. Функции органов местного самоуправления в процессе правового регулирования управления муниципальным образованием// Государственная власть и местное самоуправление. 2002. № 1. С. 21-25.
4. Носов С.И. О соотношении понятий «государство», «государственный аппарат», «государственный орган» и «орган государственной власти»// Гражданин и право. 2007. № 5. С. 3-8.
5. Гордеева Ж.А. Правосубъектность юридического лица публичного права// Мы и право. 2009. № 4.

LOCAL GOVERNMENT SYSTEM AS THE OBJECT OF LEGAL REGULATION IN THE MUNICIPAL LAW OF MODERN RUSSIA

P. A. ASTAFICHEV

Orel State Technical University

e-mail: law_dek@ostu.ru

The article deals with the legal regulation of the organization and functioning of local self-government from the perspective of a systems approach. It shows the analysis of the general and particular features of municipal authorities, the specific regulation of their public law status in the legislation of the Russian Federation, subjects of the Federation and the charters of municipalities. The paper reveals several problematic aspects of the local authorities at present functioning of the Russian statehood.

Key words: local self-government, municipal law, local authority, municipal authority, popular representation, head of the municipality, local administration, control functions of local government.

УДК 340.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. В. КУТЬКО*Белгородский
государственный
университет**e-mail: kutko@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются признаки, понятие и место процессуального права в структуре права. Отдельно формулируется понятие юридического процесса, устанавливается его место в системе понятийного строя общей процессуальной теории. Процессуальное право характеризуется как система норм, регулирующих властно-организационную деятельность носителей публичной власти, реализующих свои полномочия в правовых пределах, обеспечивающих достижение юридически значимого результата.

Ключевые слова: правовой блок, процессуальное право, юридический процесс, правовая процедура, материальное право, позитивный процесс, юрисдикционная деятельность государственных органов.

В условиях модернизации институциональной системы и правового регулирования формируются предпосылки для перевода базовых общечеловеческих ценностей в плоскость целеполагания государственной деятельности и соответствующего объема полномочий структур публичной власти. Этой общей тенденции неизбежно сопутствует процессуализация законодательства в широком смысле слова, которая проявляется как государственно-правовая закономерность, определяющая пути трансформации традиционных процессуальных отраслей права к новому их качеству и роли, а также к стремительному наращиванию других компонентов процессуального законодательства. Теория юридического процесса и в его составе процессуального права в связи с этим должна составлять самостоятельную часть общей теории права, равновеликую теории материального права.

Между тем, следует согласиться с Павлушиной А.А., отмечающей, что «процессуальную теорию вряд ли можно считать вполне состоявшейся, поскольку она полноценно не воспринята еще не только общей теорией права, но и отечественным законодателем, который, признавая теперь европейские процессуальные стандарты, а соответственно, общие идейные и принципиальные основания любой процедуры, тем не менее создает процессуальные кодексы на основе чисто отраслевых подходов, допуская тем самым неоправданные различия и несоответствия в процессуальном регулировании».¹

Очевидно, что без анализа юридического процесса, процессуального права в его составе, невозможно объективно оценить реальное состояние механизма правового регулирования, ведь «процессуальное право есть показатель степени цивилизованности общества».² В данном контексте особую роль приобретает вопрос юридической природы процессуального права, его основных черт, особенностей и признаков. Поскольку, не познав сущности явления, невозможно его исследовать, дать его оценку, определить его роль и место в структуре права и законодательства.

Изначально процесс, как урегулированная правом деятельность, возникает из потребности социальной практики устранять аномальные проявления общественных отношений, и призван надлежащим образом в строго определенной динамике и режиме, осуществить индивидуальное правовое регулирование, и, таким образом, обеспечить относительную стабильность существующего общественного строя (стабильность отдельных его сторон). И именно на этой основе сформировалось традиционное понимание процессуального права.

¹ Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития. Дис...д-ра юрид. наук. Самара. 2005. – С. 4.

² Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. – М.: Норма, 2003. – С. 42.

Несомненно, деятельность юрисдикционных и иных охранительных органов по устранению аномальных проявлений общественных отношений имеет важную социальную значимость, протекает в строго установленном нормами права порядке. Эти правовые нормы объединены общими системообразующими признаками и образуют в структуре права самостоятельный правовой блок — процессуальное право³.

Но это только одна точка зрения на данную проблему. Существуют и другие мнения, касающиеся места и роли процессуального права. На наш взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые не сводят роль процессуального права лишь к регламентации разрешения правовых аномалий, а говорят о процессуальном праве как системе норм, определяющих порядок различного рода деятельности субъектов права (в том числе деятельность, не связанную с совершением правонарушения или наличием правовой аномалии). Процессуальное право имеет место и там, где существуют «нормальные» правоотношения между субъектами права, оно регулирует порядок осуществления юридической деятельности и ряд других вопросов.

Более детально процессуальное право отграничивается в структуре права по следующим критериям:

- 1) специфике материально-правовых отношений, опосредовать развитие и осуществление которых призвано процессуальное право;
- 2) специфике назначения материально-правовых норм, опосредовать реализацию которых призвано процессуальное право;
- 3) специфике назначения самого процессуального права в структуре права.⁴

1. Материально-правовые отношения, опосредовать развитие и осуществление которых призвано процессуальное право, получили в литературе наименование охранительных правоотношений.

По мнению В.Н. Протасова, охранительное правоотношение может возникать не только по поводу защиты регулятивного правоотношения, но и по поводу защиты других элементов правового механизма. Если угроза срыва процесса правового регулирования таится не в правоотношении, а в других элементах, то охранительное правоотношение возникает уже по поводу их защиты. Так, охранительное правоотношение может возникнуть при утрате документов, удостоверяющих определенные юридические факты⁵.

Охранительные правоотношения становятся объектом процессуального воздействия и требуют для своей реализации наличия особого круга норм в структуре права — процессуальных норм, применяемых для регулирования процессуальной деятельности⁶.

2. Группа материально-правовых норм, опосредовать реализацию которых призваны нормы процессуального права получила в теории наименование охранительных правовых норм⁷.

Охранительные правоотношения могут порождаться объективно-противоправным деянием, спором, событием, изданием или применением не правового акта и даже правомными действиями, если бы они привели к нарушению субъективного права. В. В. Бутнев критерием возникновения охранительных правоотношений называет препятствие в реализации субъективного права (его нарушение, уничтожение, оспаривание)⁸.

3. Под назначением права понимается та специфическая служебная роль, которая присуща праву.

Социальное назначение процессуального права, по мнению В.М. Горшенева, состоит в том, чтобы обслуживать потребности реализации норм материального права в соответствующих правоотношениях, а также обеспечивать осуществление этих правоотношений в практической деятельности их субъектов⁹.

³ См.: Лукьянова Е.Г. Процессуальное право и его место в структуре права. Дисс...канд. юрид. наук.-М., 2000. — С. 76.

⁴См.: Лукьянова Е.Г. Указ. соч. — С. 77.

⁵ Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории.- М.,1991. С. 74.

⁶ См.: Лукьянова Е.Г. Указ. соч. — С. 78.

⁷ См.: Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. — С. 7.

⁸ Бутнев В.В. Несколько замечаний к дискуссии о теории охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений. Ярославль, 1991. — С. 17.

⁹ Горшенев В.М. Теория юридического процесса. Харьков, 1985. — С. 25.

Большинство ученых, занимающихся проблемой процессуального права, указывают на служебную роль процессуального права по отношению к праву материальному, отмечают производный, подчиненный, вторичный характер процессуального права. В связи с этим, возникает вопрос о соотношении материального и процессуального права.

Павлушина А.А. предлагает следующие критерии разграничения данных понятий:

1. Упорядочивающая роль норм процессуальных в отношении материальных норм¹⁰. При всей его кажущейся ясности, этот «упорядочивающий» критерий обладает высокой степенью относительности, поскольку, как справедливо отмечает В.Н. Протасов: «такое соотношение норм можно обнаружить и внутри процедурной сферы, когда реализация одной процедурной нормы упорядочивается другой процедурной нормой, что не делает упорядочиваемую норму не только материальной, но и даже основной, ибо эта норма, в свою очередь, может регламентировать реализацию другой нормы»¹¹.

По нашему мнению, с данным высказыванием можно согласиться лишь частично. Он прав в том смысле, что невозможно механически разделить конкретные правила какого-либо законодательства на материальные и процессуальные. Прав П. М. Рабинович, утверждая: «Процессуальность – это такая регулятивная функция юридических норм, которую они приобретают только по отношению к определенным («материальным») нормам права, только «сотрудничая» с последними в процессе регулирования поведения»¹².

2. Далее П. М. Рабинович отмечает, что норма, которая содержит указание на право или обязанность лица, «т.е. отвечает на вопрос, что (дозволено, запрещено, требуется) делать?», является материальной, а норма, которая устанавливает порядок, «технологии» применения (реализации) первой нормы, отвечая на вопрос «как» (какими действиями, в какой последовательности) осуществить предписание, зафиксированное в материальной норме», является процессуальной¹³.

3. Очевидная общность этих групп правовых норм говорит о том, что отнесение одних и не отнесение других к процессуальному праву происходит по признаку закрепления их в законодательстве.

Некоторые авторы отмечали: «То, что в одном законодательном акте часто объединяются и материальные и процессуальные нормы, объясняется двумя причинами: либо тем, что законодатель руководствовался интересами удобства пользования таким нормативным актом, либо тем, что еще не найдены более удобные формы объективизации процессуальных норм»¹⁴. Следует согласиться с мнением, высказанным по этому поводу Ю.И. Мельниковым и И.Д. Рудкиным, которые писали: «Действительно, материальные нормы содержатся в актах процессуального права и наоборот. Это следствие несовершенства законодательной техники. Значительно чаще – это результат невозможности механического разделения норм, а точнее, законодательных правил на материальные и процессуальные»¹⁵.

Все это свидетельствует о неприемлемости законодательного критерия для обнаружения искомой границы между материальным и процессуальным в праве. Используя его, мы можем говорить лишь о размещении правила в «процессуальном», «материальном» или «смешанном» нормативном акте, помня об условности и такого деления¹⁶.

Невозможно поэтому механическое разделение норм, отраслей законодательства, нормативных актов на материальные и процессуальные¹⁷.

¹⁰ Павлушина А.А. Теория юридического процесса; проблемы и перспективы развития. Дис... д-ра юрид. наук. Самара. 2005. – С. 151.

¹¹ Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. – М., 1991. – С. 42.

¹² Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. – С. 71.

¹³ Рабинович П.М. Вопросы общей теории процессуальных норм права // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль, 1976. – С. 11.

¹⁴ См.: Горшенев В.М., Дружков А. П. О системе процессуального права в советском государстве // Вопросы правопедания. Вып. 5. Новосибирск, 1970. – С. 12.

¹⁵ Мельников Ю.И. О процессуальном в юридической деятельности / Мельников Ю.И., И.Д. Рудкин // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: Сборник научных трудов. Ярославль. 1989. – С. 73.

¹⁶ См.: Павлушина А.А. Указ. соч. – С. 161.

¹⁷ Павлушина А.А. Указ. соч. – С. 167.

Между процессуальным и материальным правом существует тесная правовая связь, взаимное влияние: они имеют принципиальное различие и самостоятельное значение, однако, существовать друг без друга не могут.

Следует согласиться с В.М. Горшеневым, что «правильное решение проблемы о соотношении материального и процессуального права возможно только с позиции абсолютного признания производности процессуального права от материального через такое промежуточное звено, как юридический процесс со всей совокупностью складывающихся в нем социальных связей. Именно эти социальные связи и составляют непосредственный и исключительный предмет регулирования норм процессуального права»¹⁸. Необходимо отметить, что «вряд ли его следует определять как явление реальной действительности. Скорее это научное обобщение для обозначения всех реально существующих процедур, научная абстракция, так же, как понятие государства, юридической ответственности, дееспособности, юридического лица и т.д.»¹⁹. Наиболее полным является определение, предложенное А. В. Осиповым: «Юридический процесс – собирательное научное понятие, обозначающее форму превращения юридических идеальных моделей, закрепленных во внутреннем законодательстве и в международных нормах, в реальную систему правоотношений»²⁰. Помимо названных в приведенном выше определении юридического процесса, в литературе также называют следующие его признаки: а) стадийность любого юридического процесса (где стадия – это совокупность процессуальных действий, связанных ближайшей целью); б) наличие в нем циклов или процессуальных производств; в) обязательное наличие государственно-властного субъекта; г) динамический характер процесса (это всегда развернутая во времени деятельность); д) юридическая, правовая природа процесса; е) юридическая результативность процесса; ж) последовательность, правовая регламентированность, связанность, целенаправленность юридического процесса; з) направленность процесса на выявление и реализацию материального охранительного правоотношения²¹.

В связи с этим возникает вопрос соотношения объема понятий «юридический процесс» и «юридическая процедура». Процедура представляет собой систему, которая: а) ориентирована на достижение конкретного социального результата; б) состоит из последовательно сменяющих друг друга актов поведения, ступеней деятельности; в) создает модель развития, движения какого-либо явления, закрепляемую на нормативном уровне; г) иерархически построена; д) находится в динамике, развитии; е) выступает средством реализации главного для нее общественного отношения²².

Существуют различные концепции юридического процесса, точки зрения на соотношение правового процесса и правовой процедуры. Так, О. В. Лучин утверждает: «процесс» практически равнозначен «процедуре», между ними невозможно провести какую-нибудь разделительную грань»²³. В.А. Тарасова, напротив, полагает, что «процедура – это только начальная форма урегулированности в деятельности соответствующих органов, которая при наличии объективной необходимости может перерасти в форму, именуемую процессом»²⁴. Она видит различие между процессом и процедурой в том, что процесс обладает более высокой степенью упорядоченности и гарантированности в достижении истины.

Другую позицию отстаивает В.И. Каминская, считая, что «в каждой отрасли права наряду с материальными нормами обязательно имеются нормы организационного и

¹⁸ Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Тематический межвузовский сборник. Под ред. В.М. Горшенева. Вып. №4. Ярославль, 1977. – С. 12.

¹⁹ См.: Баландин В.Н., Павлушина А.А. Проблема соотношения «материального» и «процессуального» в праве и ее значение для определения понятия «юридический процесс» // Журнал российского права. №6. 2002. – С. 95.

²⁰ Осипов А.В. Реализация права и толкование его норм. – В кн.: Курс лекций по теории государства и права. Ч.2. М., 1996. – С. 89

²¹ См.: Протасов В.Н. Юридическая процедура. – М., 1991. – С. 7.

²² См.: Протасов В.Н. Указ. Соч. – С. 6-7.

²³ Лучин О.В. Процессуальные нормы в советском государственном праве. – М., 1976. – С. 25.

²⁴ Тарасова В.А. Процедурная форма деятельности органов социального обеспечения // Советское государство и право. 1973. №11. – С. 112-113.

процедурного характера, которые можно считать процессуальными... Разграничение материальных и процессуальных норм строится на различии регулируемых общественных отношений с точки зрения их большей или меньшей близости к базису»²⁵.

Определенный интерес вызывает позиция С.С. Алексеева, который отмечал, что не всякая урегулированная правом процедура совершения юридических действий может быть признана процессом в том специальном юридическом смысле, который исторически сложился и принят в законодательстве, на практике, в науке»²⁶. В более поздней работе он отмечает, что «юридический процесс – это не просто процедура, длящиеся, растянутые во времени юридические отношения, а особая процедура, которая является выражением специфических юридических режимов применения права»²⁷.

Следует согласиться с М.И. Байтиным и О.В. Яковенко, которые утверждают, что «отождествление процесса с процедурой ведет к неправильному представлению о внутреннем его строении, вплоть до отрицания его структуры. Юридический процесс и правовая процедура – явления соотносимые, тесно взаимосвязанные, но не идентичные. Понятие юридического процесса шире, ибо в одном случае оно может совпадать с определенной юридической правовой процедурой в целом (макропроцедурой), например, с изданием закона РФ (ст. 104-108 Конституции РФ), в другом – выступает как судебный процесс»²⁸.

Итак, процессуальное право – это самостоятельный правовой блок в структуре права, направленный на разрешение и устранение аномалий общественных отношений, защиту социального порядка, прав и свобод граждан,²⁹ а так же обеспечение нормально порядка регулирования социальных связей субъектов общественных отношений (позитивный процесс).

Список литературы

1. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития. Дис...д-ра юрид. наук. Самара. 2005. 459 с.
2. Лукьянова Е.Г. Процессуальное право и его место в структуре права. Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2000. 242 с.
3. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории.- М.,1991. 144 с.
4. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. 136 с.
5. Бутнев В.В. Несколько замечаний к дискуссии о теории охранительных правоотношений.// Вопросы теории охранительных правоотношений. Ярославль, 1991. 180 с.
6. Горшенев В.М. Теория юридического процесса. Харьков, 1985. 192 с.
7. Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. 260 с.
8. Рабинович П.М. Вопросы общей теории процессуальных норм права// Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль, 1976. 128 с.
9. Горшенев В.М., Дружков А. П. О системе процессуального права в советском государстве// Вопросы правоведения. Вып.5. Новосибирск, 1970. 135 с.
10. Мельников Ю.И. О процессуальном в юридической деятельности/ Мельников Ю.И., И.Д. Рудкин // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: Сборник научных трудов. Ярославль. 1989. С. 68-73.
11. Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Тематический межвузовский сборник. Под ред. В.М. Горшенева. Вып. №4. Ярославль, 1977. 128 с.
12. Баландин В.Н., Павлушина А.А. Проблема соотношения «материального» и «процессуального» в праве и ее значение для определения понятия «юридический процесс» // Журнал российского права. №6. 2002. С. 93-101.
13. Осипов А.В. Реализация права и толкование его норм. – В кн.: Курс лекций по теории государства и права. Ч.2 .М., 1996. 520 с.
14. Протасов В.Н. Юридическая процедура. – М., 1991. 80 с.
15. Лучин О.В. Процессуальные нормы в советском государственном праве. – М., 1976. 168 с.

²⁵ Каминская В.И. Место процессуальных норм в системе советского права// Демократические основы советского социалистического правосудия/ Под ред. М.С. Строговича. – М., 1975. – С. 65.

²⁶ Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – М., 1971. – С. 122-123.

²⁷ Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1975. – С. 237.

²⁸ Байтин М.И., Яковенко О.В. Теоретические вопросы правовой процедуры.// Журнал российского права. 2000. №8. – С. 98.

²⁹ Там же.

16. Тарасова В.А. Процедурная форма деятельности органов социального обеспечения // Советское государство и право. 1973. №11. С. 112-113.
17. Каминская В.И. Место процессуальных норм в системе советского права// Демократические основы советского социалистического правосудия/ Под ред. М.С. Строговича. – М., 1975. 376 с.
18. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – М., 1971. 233 с.
19. Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1975. 83 с.
20. Байтин М.И., Яковенко О.В. Теоретические вопросы правовой процедуры.// Журнал российского права. 2000. №8. С. 93-102.

FEATURES OF THE LEGAL NATURE OF THE PROCEDURAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. V. KUTKO

Belgorod State University

e-mail:

kutko@bsu.edu.ru

The article deals with symptoms, the concept and location of procedural law in the structure of law. Separately, formulated the concept of the legal process established its place in the overall conceptual system of procedural theory. Procedural law is characterized as a system of rules governing imperiously-organizing activity of carriers of public authority, exercising their powers within the legal limits, ensuring the achievement of legally significant result.

Key words: legal unit, procedural law, legal process, legal procedures, financial law, a positive process, jurisdictional activity of state structures.

УДК 346.14

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – КАК СФЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ И СРЕДСТВ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н. Н. НАДЕЖИН*Белгородский юридический
институт МВД России*

В статье рассматривается проблема соотношения частного правового и публично-правового методов регулирования предпринимательских правоотношений. Предлагается решение складывающихся в связи с этим проблем путем образования механизма сочетания частного и общественного интереса в предпринимательстве.

Ключевые слова: предпринимательское право, частно-правовые интересы, публично-правовые интересы, регулирование правоотношений.

В условиях усложняющихся экономических связей, возникает необходимость единого согласованного регулирования частноправовых и публично-правовых отношений в сфере экономики, что может быть достигнуто в рамках предпринимательского права¹.

Практика сложилась таким образом, что в предпринимательской деятельности возникают вопросы по поводу специфики предпринимательского права с точки зрения деления права на частное и публичное.

Уяснение данной проблемы в значительной степени определяется общим подходом к соотношению частного и публичного права. В юридической литературе по этому поводу достаточно авторитетно утверждается, что «частное и публичное право во всех развитых правовых порядках продолжают существовать как две самостоятельные, независимые ветви правового регулирования, как два различных типа правового воздействия на общественные отношения»². Далее подчеркивается, что «частное право по своей природе является единственно приемлемой формой нормального имущественного, в том числе предпринимательского, оборота»³.

Вместе с тем часто подчеркивается необходимость повышенного внимания к частному праву, ибо оно (наряду и в сочетании с правами человека) выражает основные процессы, связанные со становлением системы субъективных прав, открывающих гарантированный простор для собственной активной деятельности людей, их творчества, инициативы, дерзаний, предприимчивого дела⁴.

В последние годы были высказаны и иные позиции. Так, Ю.А. Тихомиров пишет, что «в целом можно отметить бесспорное усиление роли публичного права в его новом виде в современных общественных процессах»⁵. Само экономическое законодательство целесообразно считать сферой тех отраслей, которые можно отнести к публичному праву⁶.

Интересной, с точки зрения анализа соотношения частных и публичных начал в правовом регулировании предпринимательской деятельности в соотношении признаков свободы предпринимательства и его социальной направленности, представляется позиция А.И. Голубничего. По мнению названного исследователя свобода предпринимательской деятельности, опосредуемая через нормы частного, преимущественно гражданского

¹ Ручкина, Г.Ф. Финансово-правовое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / Г.Ф. Ручкина. Москва, 2004. – С. 499.

² Гражданское право: Учебник: В 2-х т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. – М., 2000. – С. 4-18.

³ Там же. – С. 19.

⁴ Алексеев, С.С. Частное право: Научно-публицистический очерк / С.С. Алексеев. – М., 1999. – С. 32.

⁵ Общая теория государства и права. Академический курс: В 2-х т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. – М., 1998. – С. 255.

⁶ Там же.

права, не является естественно абсолютной и корректируется публичным интересом и, соответственно, нормами публичного права. Потребность в такой коррекции обусловлена пониманием того, что сама по себе предпринимательская деятельность не является деятельностью социальной и без системного воздействия на нее со стороны публично-властного представителя общества – государства, таковой не будет, ибо содержание предпринимательской деятельности, ее конкретные проявления обусловлены основной целью – получением прибыли. То есть, применительно к данной сфере основной задачей государства является выстраивание системы отношений, при которых частные интересы синхронизируются посредством правового регулирования со спектром публичных интересов. При этом, уровень такой «синхронизации» определяется признанием приоритета общего блага, публичных интересов над интересами частными⁷.

В развитие обозначенных положений, отметим, что предпринимательская деятельность, основанная на началах свободы, законодателем вводится в рамки закона, гарантирующего права и интересы других лиц, то есть как в целом общества, так и его членов, в частности предпринимателей-конкурентов, наемных работников потребителей и т.п. В этой связи в целях обеспечения интересов отдельных общественных элементов разработки и принятия соответствующего законодательства и формирования механизма контроля его соблюдения создается система соответствующих государственных органов. К примеру, для обеспечения свободы конкуренции, основываясь на соответствующей нормативной базе, функционируют антимонопольные органы, в целях обеспечения защиты прав потребителей действует законодательство о защите прав потребителей и действуют соответствующие государственные органы, в целях обеспечения защиты прав работников действует трудовое законодательство.

Однако в целом представляется, что специфика предпринимательского права, правового регулирования предпринимательской деятельности, а также предпринимательского законодательства находит выражение в сочетании, взаимодействии частноправовых и публично-правовых интересов, частноправовых и публично-правовых средств, частноправовых и публично-правовых отношений. В этом и заключаются особенности предпринимательского права, правового регулирования предпринимательской деятельности с точки зрения деления права на частное и публичное.

При этих обстоятельствах можно с достоверностью утверждать, что специфика предпринимательского права, правового регулирования предпринимательской деятельности, а также предпринимательского законодательства должны находиться в сочетании, взаимодействии частноправовых и публично-правовых интересов, частноправовых и публично-правовых средств, частноправовых и публично-правовых отношений. В этом и заключаются особенности предпринимательского права, правового регулирования предпринимательской деятельности с точки зрения деления права на частное и публичное.

В этом плане являются плодотворными, применительно к хозяйственному праву, суждения В.К. Мамутовых: «Для содержания норм хозяйственного права характерно сочетание элементов публично-правового и частноправового характера. Такое различие норм носит эвристический, научно-классификационный характер, что не является отражением отраслевой структуры системы права и законодательства. Публично-правовые и частноправовые начала используются в различных отраслях права и законодательства. При этом дискуссионно само понятие частного права в применении к экономическим реалиям, ибо право, обеспечивая сочетание публичных и частных интересов, само выступает во многих случаях в роли публичного инструмента»⁸.

Складывается ситуация позитивного плана. Вряд ли допустимо отрицание дуализма в праве, ибо кажущиеся противоречия частного и публичного на самом деле являются фактором прогрессивного развития и одного и другого.

Схожая позиция излагается В.В. Лаптевым, который указывает на то, что сочетание частноправовых и публично-правовых начал характерно для хозяйственного (предпринимательского) права, охватывающего отношения, как по горизонтали, так и по вер-

⁷ Голубничий, А.И. Предпринимательская деятельность как объект правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. / А.И. Голубничий. – Москва, 2006. – С. 4-5.

⁸ Хозяйственное право / Под ред. В.К. Мамутова. – М.: Изд-во РДЛ, 2004. – С. 22.

тикали. При этом в данной отрасли права в органическом единстве определяются правила осуществления и регулирования хозяйственной деятельности⁹.

Данные выводы подтверждаются содержанием нормативных актов, регулирующих отношения в различных сферах предпринимательской деятельности.

Согласно п.1 ч.2 ст. 28 ФЗ «О рекламе»¹⁰ реклама банковских, страховых и иных финансовых услуг не должна содержать гарантии или обещания в будущем эффективности деятельности (доходности вложений), в том числе основанные на реальных показателях в прошлом, если такая эффективность деятельности (доходность вложений) не может быть определена на момент заключения соответствующего договора.

Подобным публично правовым ограничением, как отмечает В.И Крусс, право на предпринимательскую деятельность уже не регулируется, а ограничивается, и при том существенным (по сути, исключающим правопользование) образом. Бессмысленно предлагать совместные накопительные проекты (без которых невозможна инвестиционная и банковская деятельность), не говоря о предполагаемых доходах участников. Возможность разрешения противоречий между общей установкой на защиту интересов доверчивого потребителя и общим принципом экономической свободы предполагает обязывание рекламодателей сопровождать рекламу предупреждением о риске предпринимательской деятельности¹¹.

В регулировании отношений, связанных с эмиссией ценных бумаг ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹² устанавливается, что эмиссия это последовательность действий эмитента по размещению эмиссионных ценных бумаг. Она включает: принятие решения о размещении эмиссионных ценных бумаг; утверждение решения о выпуске (дополнительном выпуске) эмиссионных ценных бумаг; государственную регистрацию выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг; размещение эмиссионных ценных бумаг; государственную регистрацию отчета об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг. В случае регистрации проспекта ценных бумаг процедура дополняется несколькими этапами. Эмиссия ценных бумаг, лишь при размещении используется частноправовое средство регулирования – договор. Во всех остальных случаях применяются публично-правовые средства регулирования предпринимательских отношений: принятие решения, регистрация, раскрытие информации.

Предпринимательский оборот, по существу представляющий собой совокупность гражданско-правовых сделок в сфере предпринимательской деятельности, не может в большинстве случаев осуществляться без использования публично-правовых средств и форм. Так, в соответствии со ст. 46 закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹³ крупная сделка может быть заключена и является действительной лишь в случае принятия общим собранием участников решения о ее совершении, за исключением случаев, предусмотренных законом.

При реализации процедур банкротства тесно переплетаются частноправовые и публично-правовые средства. Так, при введении процедуры внешнего управления устанавливается мораторий на удовлетворение требований кредиторов, который является, бесспорно, публично-правовым средством. Можно сказать, что в целом вся процедура банкротства в широком понимании этого правового института есть публично-правовое средство регулирования отношений в сфере экономики.

Следует также иметь в виду особенности правового положения некоторых субъектов предпринимательской деятельности. Правоспособность ряда коммерческих организаций носит специальный характер, что определяется нормами публичного права. Так, кредитные организации в соответствии с Законом о банках не могут заниматься производственной, торговой и страховой деятельностью.

⁹ Лаптев, В.В. Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право в XXI веке: преемственность и развитие / В.В. Лаптев. – М., 2002. – С. 5.

¹⁰ О рекламе: Закон РФ // СЗ РФ, – 2006, – № 12, – Ст. 1232.

¹¹ Крусс, В.И. Концепция конституционного правопользования (Право на предпринимательскую деятельность) : дис. ... д-ра юрид. наук / В.И Крусс. Москва, 2004. – С. 258.

¹² О рынке ценных бумаг : Закон РФ // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

¹³ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон РФ, 08.02.1998 № 14-ФЗ // СЗ РФ.- 1998. – № 7. – Ст. 785.

Существует множество иных примеров из сферы правового регулирования предпринимательской деятельности, свидетельствующих о тесном переплетении частных и публичных средств регулирования (рекламный бизнес, аудит и т.д.).

Из анализа вышеизложенных суждений и нормативного материала о соотношении частноправовых и публичных начал в регулировании предпринимательской деятельности в целом следует сделать вывод о признании юридической наукой, нормотворческой и правоприменительной практикой как наличия взаимодействия названных интересов, так и наличия проблемы взаимодействия частного и публичного в предпринимательстве. В наиболее крайней форме своего проявления данная проблема может выражаться в антагонизме частноправовых и публичных начал при нормативном регулировании предпринимательской деятельности.

Основываясь на том, что взаимодействие частного и публичного интереса в правовом регулировании предпринимательской деятельности должно быть направлено на достижение положительного эффекта обратимся к анализу суждений о путях преодоления противоречий начал частного и публичного в предпринимательстве. На наш взгляд решение данной проблемы должно основываться на построении модели сочетания частного и публичного в предпринимательстве, а, учитывая то, что предпринимательские отношения динамичны, речь должна идти о создании механизма сочетания частного и публичного начал в предпринимательстве и методе преодоления возникающих противоречий.

Все имеющиеся противоречия, как отмечает О.Н. Амвросова, возможно преодолеть в том случае, если в теоретико-правовой науке будет выработана концепция механизма сочетания частного и публичного в регулировании предпринимательской деятельности и эта концепция найдет воплощение на законодательном уровне. Под механизмом сочетания частно-правовых и публично-правовых интересов следует понимать систему определенных средств, частных и публичных методов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование предпринимательских отношений. Само понимание предпринимательского права охватывает систему частно-правовых и публично-правовых методов регулирования предпринимательской деятельности¹⁴.

Следует отметить, что сама по себе модель (механизм) сочетания частного и общественного интереса в предпринимательстве обладает на наш взгляд важным свойством – динамичность применительно к конкретным историческим условиям хозяйствования в обществе.

Другой особенностью модели (механизма) сочетания частного и общественного интереса в предпринимательстве является характер закрепления правом отношений собственности, а конкретней отношений собственности частных лиц и собственности публичной на соответствующих исторических этапах.

Наиболее правильным подходом в выработке метода преодоления противоречий между частными и публичными составляющими предпринимательства на наш взгляд будет являться поход, позволяющий не разделять частноправовые и публичные составляющие регулирования предпринимательской деятельности, а напротив синхронизировать их на основе координации. Само понятие «координация» представляет собой процесс установления наиболее целесообразного согласования между какими либо действиями, процессами и явлениями.

Резюмируя освещение проблематики соотношения частноправовых и публичных начал в регулировании правовом предпринимательских отношений отметим, что особенность предпринимательской деятельности заключается в её осуществлении в среде взаимодействия индивидуального и общественного интересов. Соответственно предпринимательство осуществляется в сфере взаимопроникновения, столкновения, вплоть до антагонизма, публичноправовых и частноправовых регуляторов общественных отношений.

Для достижения единства и взаимодействия публично-правовых и частноправовых средства в теории предпринимательского права, с последующим законодательным закреплением должна быть выработан механизм сочетания частного и общественного интереса в предпринимательстве.

¹⁴ Амвросова, О.Н. Становление и развитие отечественной науки хозяйственного (предпринимательского) права: историко-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Амвросова. – Краснодар, 2007. – С. 150.

Под механизмом сочетания частного и общественного интереса в предпринимательстве следует понимать динамичную, обусловленную социальными, экономическими и политическими приоритетами, существующими в обществе на определенном этапе его развития, а также основанную на доминирующих отношениях собственности как основы предпринимательской деятельности модель совмещения публичных и частных правовых регуляторов предпринимательской деятельности на основе метода координации.

Список литературы

1. Ручкина, Г.Ф. Финансово-правовое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / Г.Ф. Ручкина. Москва, 2004.
2. Гражданское право: Учебник: В 2-х т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. – М., 2000.
3. Алексеев, С.С. Частное право: Научно-публицистический очерк / С.С. Алексеев. – М., 1999.
4. Общая теория государства и права. Академический курс: В 2-х т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. – М., 1998.
5. Голубничий, А.И. Предпринимательская деятельность как объект правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. / А.И. Голубничий. – Москва, 2006.
6. Лаптев, В.В. Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право в XXI веке: преемственность и развитие / В.В. Лаптев. – М., 2002.
7. Крусс, В.И. Концепция конституционного правопользования (Право на предпринимательскую деятельность) : дис. ... д-ра юрид. наук / В.И. Крусс. Москва, 2004.
8. Амвросова, О.Н. Становление и развитие отечественной науки хозяйственного (предпринимательского) права: историко-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Амвросова. – Краснодар, 2007.

BUSINESS ACTIVITY AS A SPHERE OF INTERACTION OF PRIVATE AND PUBLIC LEGAL INTERESTS AND MEANS OF ADJUSTMENT

N. N. NADEZIN

*Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russian*

e-mail: ar_shadow@mail.ru

The article deals with the problem of correlation of private and public legal methods in adjustment of business legal relations. In this regard, the author offers the decision of these problems by formation of the mechanism to combine private and public interests in business.

Key words: business law, private legal interests, public legal interests, adjustment of legal relations.

УДК 342.415

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТОЙНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. Н. ОЛЕЙНИК¹
Л. В. АЛЕКСЕЕВА²

*Белгородский
государственный
университет*

¹*e-mail: Oleinik@bsu.edu.ru*

²*e-mail: Alekseev_77@bk.ru*

Всеобщая декларация прав человека 1978г., а также Конституция Российской Федерации провозглашают право каждого человека на достойный уровень жизни и свободное развитие. Однако критерии достойного уровня жизни не определены, а показатели жизни относительны. В статье на основе международных правовых актов и положений Конституции Российской Федерации раскрывается право каждого гражданина нашей страны на достойный уровень жизни.

Ключевые слова: достойный уровень; конституционное право; минимальная заработная плата; величина прожиточного минимума; стандарт качества жизни; потребительская корзина, уровень дохода.

Всеобщей декларации прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, провозгласила право на достойный уровень жизни, «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам. Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой» (ст. 25)¹.

Декларация 1948 года это системный акт, который находит отражение во всех правовых актах всех государств мира с момента его принятия. То есть если образуется новое государство, то в Конституции, в нормативных актах этой страны обязательно отражается содержание норм Декларации 1948 года. Это базовый документ, он работает до настоящего времени.

Статья 3-я, одна из первых, которая закрепляет важнейшее, бесспорное право человека на жизнь. Поэтому говорить о достойных условиях жизни, не вспоминая право человека на жизнь, невозможно. Потому что право на достойные условия является гарантией именно этого признанного всеми абсолютного права – права на жизнь. Право на достойные условия жизни – это является именно той гарантией, которая позволяет каждому реализовать право на жизнь.

Сравнивая Конституцию Российской Федерации принятую на референдуме 12 декабря 1993 года² с Декларацией, можно сказать, что многие нормы просто идентичны, кроме очень важной нормы, закрепленной в статье 25-ой. У нас есть норма в действующей Конституции, что Россия является социальным государством и, что труд и здоровье людей охраняются, гарантируется минимальная зарплата, достойные условия жизни. Однако они не раскрываются. То есть, там нет вот этой самой главной начинки, содержания: возможность удовлетворения основных потребностей в одежде, пище, жилище, в услугах здравоохранения.

Поэтому в нашей стране, пока не закреплены социальные стандарты и отсутствуют конституционной гарантии, что каждому человеку в России основные потребности

¹ Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года Генеральной ассамблеей ООН // Международное публичное право. Сборник документов. Т.1.-М.:БЕК, 1996.

² Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.- М: Юрид. лит., 1993 г.

будут гарантированы. И поэтому термин «достойные условия» превращается в абсолютную абстракцию. И власть в любое время может сказать: достойные условия есть – назвав 5 рублей, 10 рублей, 20 рублей выделенных на жизнь.

Реализация этого права на достойный уровень жизни – это огромные затраты государства. И затраты на гарантированность этих достойных условий, они, конечно, объективно обусловлены экономическими возможностями государства. Российская Федерация как социальное государство обязано создавать условия, обеспечивающие каждому достойный уровень жизни и развития. Охрана государством личности, признание ее ценности потребовали закрепления на конституционном уровне таких прав как право каждого на жилище; право каждого на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения; право каждого на благоприятную окружающую среду; право на образование и право на общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Достойные условия не являются понятием универсальным для всех стран, для всего мира в целом. Они универсальны только с точки зрения удовлетворения основных потребностей человека. А уровень удовлетворения этих потребностей определяется уровнем жизни людей, сложившейся на данном этапе в той или иной стране, в том или ином государстве.

Многие российские экономисты, правоведы и другие обществоведы считают, что: достойные условия жизни у нас в России – это не что иное, как прожиточный минимум. Ничего подобного. Декларация ООН, как акт высшего уровня, не использует термины «потребительский бюджет», «минимальный потребительский бюджет», «прожиточный минимум». Он очень точно определяет, что эти достойные условия будут тогда гарантированы, когда человек сможет удовлетворить свои основные потребности, и перечисляет эти потребности: одежда, пища, жилище и услуги, которые позволяют сохранять здоровье человека. Таким образом содержание термина «достойные условия жизни» раскрывается через уже более конкретное право каждой семьи удовлетворить вот эти основные потребности.

В соответствии с Федеральным законом от 4 октября 1997 г. «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»³ прожиточный минимум является базовой величиной при оценке уровня жизни населения, разработке и реализации социальной политики и федеральных социальных программ, установлении минимального размера оплаты труда, пособий, стипендий и других социальных выплат, а также формирование федерального бюджета (ст. 2). Расчеты величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации производятся Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации на основании потребительской корзины, установленной Федеральным законом от 31 марта 2006 г. № 44-ФЗ "О потребительской корзине в целом по Российской Федерации" и данных

Федеральной службы государственной статистики об уровне потребительских цен (тарифов) на товары и услуги, формирующие потребительскую корзину»⁴. Наблюдение за уровнем потребительских цен (тарифов) для исчисления величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации осуществляется органами государственной статистики во всех субъектах Российской Федерации.

Следует отметить, что в государственной доктрине прожиточного минимума (потребительской корзины) проводятся подчеркнуто «минималистический» – на уровне физиологического минимума – подход к стандартам качества жизни. Потребительская корзина-минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, «необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности» (ст.1). С учетом изложенного Правительство РФ в своем Постановлении в 1997 году определило принципы формирования потребительской корзины: состав набора продуктов питания должен формироваться с учетом сложившего уровня обеспечения непродоволь-

³ См. Собрание законодательства РФ .1997. № 43. Ст. 4904.

⁴ Федеральный закон от 31.03.2006г. «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 44.

ственными товарами малоимущих семей, минимальной обновляемости, минимального разнообразия, низкой розничной цены, доступности непродовольственных товаров⁵.

Кроме того, на федеральном уровне действуют ряд нормативных актов, в той или иной степени связанных с минимальным размером оплаты труда и прожиточным минимумом. Статьей 4 Федерального закона от 24.10.1997 N 134-ФЗ предусмотрено, что величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации определяется Правительством РФ ежеквартально на основании потребительской корзины и данных федерального органа исполнительной власти по статистике об уровне потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги и расходов по обязательным платежам и сборам.

Согласно статьи 133 ТК РФ минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации законом и не может быть ниже прожиточного минимума. Минимальный размер оплаты труда поэтапно повышается до величины прожиточного минимума, и ежегодно федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год устанавливается соотношение между минимальным размером оплаты труда и величиной прожиточного минимума.

На основании статьи 421 ТК РФ порядок и сроки поэтапного повышения размера минимальной заработной платы до размера прожиточного минимума, а также механизм, гарантирующий выплату минимальной заработной платы в указанном размере, устанавливаются федеральным законом.

Дата принятия	Размер МРОТ (руб.)
С 01 июля 2000 года	132
С 01 января 2001 года	200
С 01 июля 2001 года	300
С 01 мая 2002 года	450
С 01 октября 2003 года	600
С 01 января 2005 года	720
С 01 сентября 2005 года	800
С 01 мая 2006 года	1100
С 01 сентября 2007 года	2300
С 01 января 2009 года	4330

Установление минимальной заработной платы является элементом политики государства, который направлен в первую очередь на борьбу с нищетой и на обеспечение удовлетворения потребностей трудящихся, а также их семей, что касается прожиточного минимума, то в российском законодательстве отсутствуют гарантии на достаточный прожиточный минимум.

Минимальная заработная плата в России с 1 января 2009 года 4330 рублей, а прожиточный минимум определяется по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации и в субъектах РФ ежеквартально на основании потребительской корзины в данных Госкомстата об уровне потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги и расходов по обязательным платежам и сборам⁶.

Согласно, Трудового Кодекса РФ, основой для установления минимального размера оплаты труда является величина прожиточного минимума, т.е. стоимостной оценки потребительской корзины.

⁵ См: Постановление Правительства РФ от 17.02.1999 № 192 «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по РФ и в субъектах Российской Федерации» // Российская газета от 17.03.1999.

⁶ Федеральный закон от 24.10.1997 г. «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904. СЗ РФ, 2000. №22. Ст. 2264.

Также следует обратить внимание на то, что установленный в России прожиточный минимум не имеет целеполагающего характера. Он определяется «по факту». Так, например величина прожиточного минимума за I кв. 2008г. (4402 руб.), за II кв. 2008 г. (4646 руб.), за III кв. 2008 (4630 руб.), за IV кв. 2008 (4693 руб.) и за I кв. 2009 г. (5083 руб.). Эта величина служит экстремальным критическим показателем, в соответствии с которым государство принимает на себя безусловные обязательства по обеспечению минимальных гарантий, социальной защиты малоимущего населения. Чем ниже этот показатель, тем благополучнее выглядит социальное положение. В этом и заключается минимализм и ограниченный характер отечественной государственной доктрины, изначально не предполагает основной постановки, конкретизации, организационного управленческого, обеспечения достойного уровня жизни. И это не согласуется с положениями Конституции РФ, декларирующими правовые начала социального государства.

Из обязанности государства обеспечить прожиточный минимум вытекают многие права отдельно не предусмотренные российским законодательством, но признанные мировым сообществом. Это право на достаточное питание или свободу от голода; аренду жилища, право быть свободным от нищеты и социальной изоляции. В реальной жизни 40 % населения России находится за чертой бедности, а 10 % вообще в нищете. В Москве, например, разрыв между крайними децильными группами населения – 40 раз. Низкие доходы граждан привели к тому, что за последние 7 лет естественная убыль населения составила 7 млн. человек. По прогнозу до 2025 года продолжится снижение численности населения страны, ухудшится его половозростная структура. Снижаются качественные параметры физического и психического здоровья населения, интеллектуально профессионального потенциала людей морально-нравственных характеристик. Число беременных женщин, болеющих анемией увеличилось в 3,2 раза. Больные матери рожают больных детей, бедные семьи воспроизводят бедных⁷.

Из смысла статей закона о прожиточном минимуме можно вывести право на минимум жизненных условий, который гарантирует государство. В соответствии с этим государство обязано обеспечить каждому гражданину минимальный стандарт достойной жизни. В действительности тот минимальный размер оплаты труда, который гарантирует государство, не позволяет быть свободным от нищеты. Установленный минимум заработной платы в 4330 рублей не способен выполнить роль социальной гарантии, поскольку размер прожиточного минимума трудоспособного населения РФ составляет 5083 рубля⁸.

Специфика регулирования минимальной заработной платы в России определяется жесткой привязкой ее размера к прожиточному минимуму, который во всех регионах разный. Сама по себе гарантия минимального размера оплаты труда – так, как это записано в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, – не операционально, так как не вложено конструктивное начало. При существующих воплощениях она не может предстать в виде стабильной гарантии нищеты, что собственно и получается с потребительской корзиной россиян. Государством должны устанавливаться минимальные стандарты на уровне, «достойного» т.е. приемлемого человеческого существования. У государства никогда не было и не будет средств в таком объеме, что бы обеспечить граждан достойный уровень жизни. Но речь идет о другом- о выработке стратегических подходов для диагностики уровня жизни и создание необходимых экономических условий для роста благосостояния общества.

Для этого нашему мнению, целесообразно было бы создать специальные органы, может быть в региональных органах власти, которые занимались бы вопросами заработной платы и уровня жизни, необходимо укомплектовать их специалистами соответствующего профиля, а также включить их в состав представителей профсоюзов и работодателей. В странах дальнего зарубежья подобные органы (комитеты) функционируют очень эффективно.

⁷ Римашевская Н. Государственная политика не должна быть антисоциальной // Человек и труд. 1999. №7. – С. 27.

⁸ Постановление Правительства РФ от 19.11.2008г. № 860 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации»// СПС Консультант Плюс: Версия Проф.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года Генеральной ассамблеей ООН // Международное публичное право. Сборник документов. Т.1. – М.:БЕК, 1996.
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.- М: Юрид. лит., 1993.
3. Постановление Правительства РФ.1997г. № 192 «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по РФ и в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.
4. Постановление Правительства РФ от 19.11.2008г. № 860 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально- демографическим группам населения в целом по Российской Федерации»// ИПС Консультант Плюс.
5. Римашевская Н. Государственная политика не должна быть антисоциальной// Человек и труд, 1999. №7. С. 27.
6. Федеральный закон от 24.10.1997г. «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»//СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904;.СЗ РФ. 2000. №22. Ст. 2264.
7. Федеральный закон от 31.03.2006г. «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации»//СЗ РФ. 2006. № 44.
8. Федеральный закон «Трудовой Кодекс Российской Федерации» от 30 декабря 2001г. № 197-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации.2002. №1.

TO A QUESTION OF REALISATION OF THE CONSTITUTIONAL LAW ON A WORTHY LEVEL OF LIFE IN THE RUSSIAN FEDERATION**N. N. OLEINIK¹⁾****L. V. ALEKSEVA²⁾***Belgorod State University*¹⁾ *e-mail: Oleinik@bsu.edu.ru*²⁾ *e-mail: Alekseev_77@bk.ru*

Universal Declaration of Human Rights 1948 and Constitution of the Russian Federation proclaims the right of individuals to a worthy level of life and free development. However, criteria of worthy level of life are not definite and parameters of quality of life are relative. In the article on the basis of the international legal certificates and positions of the Constitution of the Russian Federation reveals the right of each citizen of our country on a worthy level of life.

Key words: worthy level; a constitutional law; minimum wage; size of living wage; standard of the quality of life; basket of goods, level of income.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 130.2

ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА

А. Н. АГАЛЬЦОВ*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого**e-mail: phileo@tspu.tula.ru*

В статье рассматривается система этических ценностей религиозного учения современного российского неоязычества. Проанализированы социально-философские и метафизические истоки моральных ценностей, определены и раскрыты основные категории, такие как Природа, Живое, Нравственный закон Рода, добро, зло, справедливость. Система этических ценностей представлена в статье как основополагающая в религии современного российского неоязычества.

Ключевые слова: этика, ценности, неязычество, язычество, мораль, метафизика, справедливость, религия.

Моральные нормы и принципы занимают в религиозно-нравственном учении современного российского неоязычества значительное место. Анализ этических ценностей, нормативности, ситуационных этических задач в являются в этом учении является целью данной статьи.

Религиозно-философские построения современного неоязычества, в основе которых – своеобразная система этических ценностей и принципов, регулирующих взаимоотношение в социуме, является, на наш взгляд, своеобразным **протестом** против потребительской культуры, лицемерной ханжеской морали, которая характерна для постсоветского российского общества. Подчеркивая это, В. Шнирельман пишет: «Русское неоязычество ставит перед собой две кардинальные задачи: спасение русской национальной культуры от нивелирующего влияния модернизации и защиту природной среды от губительного воздействия современной индустриальной цивилизации. В то же время, выдвигая общенациональные задачи, русское неоязычество отличается от остальных направлений русского национализма тем, что отрицает Русское Православие как непреходящую национальную ценность». Эту же мысль подчеркивает З.И. Пейкова: «Главное устремление русских неоязычников – дистанцироваться от реалий современной культуры, несущих собой угрозу цивилизации, тоталитаризма и унификации, национального обезличивания. При этом не делается никаких различий между этими реалиями, и в один ряд врагов неоязычников записываются, например, и православие, и транснациональные корпорации». При этом «русское неоязычество имеет своим источником идею русского национального возрождения, а традиционное нерусское язычество, напротив, – идею собственного национального возро-

ждения, понимаемого не в последнюю очередь как борьба против русификации, обрусения и потери самобытности того или иного языческого народа»¹.

Таким образом, основу религиозно-философских построений российского неоязычества составляют **протестанские** настроения, обусловленные критическим отношением к христианской церкви, к лицемерной и ханжеской морали, к техногенной цивилизации, которая представляет собой угрозу целостному существованию человечества.

Критика современной техногенной цивилизации

В «Книге природной веры» подчеркивается, что современная цивилизация имеет своей целью совершенствование не человека, а техники. Направленность цивилизации на создание комфорта и удобства для человека на самом деле оборачивается разрывом человека с естественной средой, отделения его от природы, а, следовательно, от человеческого естества. Современная цивилизация, по мнению автора, – это цивилизация потребления, которая «носит агрессивный характер»². Цивилизация заставляет человека жить по законам потребления высшая утилитаристская цель которых – получение удовольствия и наслаждения. Именно это делает людей рабами цивилизации, ведь «человек может быть богат или беден. Это не имеет значения. В любом случае, цивилизация господствует над ним. Она по-хозяйски прививает ему свои культурные стереотипы, навязывает нормы отношений, стимулирует потребительские инстинкты».

Сторонники неоязычества подчеркивают *насильственный характер* современной цивилизации, имея ввиду главный фактор: цивилизация способствует отрыву человека от естественной природной среды, от собственного человеческого естества. Зависимость человека от современных соблазнов цивилизации связана с тем, что «современная цивилизация построена на развитии производства и ускорении сбыта продукции. Через это и осуществляется рабство. Для одних рабство состоит в том, что они вынуждены производить, а для других в том, что обязаны потребить произведенное. Как ни странно, к рабству цивилизации более ведет обязанность потребить ее продукт».

В идеологию теперешней цивилизации включаются идеи создания карьеры, накопления индивидуальных средств и стимулирование потребительства. Для всех примерно одна схема. Цивилизация непрерывно ведет пропаганду жизненного уклада, при котором человек становится ее добровольным распространителем.

Потребление продукта современной цивилизации определяются следующими чертами:

1) ускоренным ритмам современной жизни способствуют: а) технические средства современной культуры (телевидение, СМИ, компьютеризация); б) мода; ускоренные ритмы жизни рождают новые потребности, а с новыми потребностями возрастают товарные и денежные потоки³; в) ускоренный темп жизни ограничивает естественные возможности человека⁴ рамками потребления, что приводит к пассивному образу жизни⁵;

¹ В.А. Шнирельман. НЕОЯЗЫЧЕСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ (восточноевропейский ареал). <http://www.iea.ras.ru/lib/neotl/07112002062247.htm>; Пейкова З.И. Отношение к христианству в современном русском неоязычестве. На примере книги В. Истархова «Удар русских богов». 2-е издание. М., 2000. Миссионерское обозрение №3, 2002.

² Отмечая наступательный характер цивилизации, автор подчеркивает те скрытые цели, которые ограничивают человеческие возможности, заставляя и подчиняя его волю законам цивилизации, противоречащим человеческой природе, человеческому естеству: «Казалось бы, цивилизация создает, например, асфальтовое покрытие потому, что надо ездить автомобилям, а в дождь не пачкать ноги. Это разумная и естественная причина не может быть оспорена. Но, есть еще и другая причина, носящая сакральность смысл. И сила цивилизации (как и любой большой общности людей) состоит в том, что сакральность сопутствует тому, что называют пользой. Сакральная тайна асфальтового покрытия, состоит в том же, в чем тайна и всех других благ. Она, как и всякая тайна, лежит значительно глубже представлений о потреблении. Часть этой тайны состоит в том, что техническая цивилизация дает свои ценности человеку только в замен на ценности, данные от Природы. В результате создания асфальтового покрытия, человек обретает бесспорное удобство, но лишается прямого контакта с землей, и это ведет к утрате его природных сил, даваемых землею. Поэтому человек, любящий ходить по земле, начинает выступать против ценностей цивилизации. Он начинает чувствовать в себе протест против сплошных бетонных и асфальтовых покрытий, потому, что осознает: они подавляют его». Велимир «Книга природной веры». Гл. 1. Философские вопросы язычества. Агрессия технической цивилизации. www.slavya.ru/trad/velimir/

³ Чтобы осмыслить новое вранье телевидения, примерить к себе новую одежду или понять – нужна ли вот эта картина, требуется время. Это по-человечески естественно. Неестественно, когда чело-

2) износ жизненной силы и здоровья человека, что приводит к росту болезней, ослаблению иммунной системы, отсутствию интереса к воспроизводству потомства, медленному, постепенному вымиранию человечества⁶;

3) в целом, современная цивилизация и культура направлены на то, чтобы уничтожить естественную целостность человека и природы, подчинив его своим законам, законам технической цивилизации, основанной на таких ценностях как утилитаризм, рационализм и потребительство. В основе этих ценностей – одна цель – получение наибольшего комфорта и удовольствия.

Таким образом, идеологами неоязычества подчеркивается, что нравственные нормы в данной культурной ситуации жестко регламентированы ценностями, которые, по сути дела внушают обществу характерные стереотипы поведения, ориентируя на соответствующий образ жизни и деятельности. Цивилизация магические «очаровывает» человека, «по-хозяйски прививает свои культурные стереотипы, навязывает нормы отношений, стимулирует потребительские инстинкты».

Цивилизация заключает человека в жесткие жизненные стандарты, идеологически закрепляя их как обязательные нормы и правила жизни: «Есть люди, которые кажутся окончательно поработанными цивилизацией. Их признаки таковы: вера товарной рекламе и тому, о чем вещают в средствах информации; повышенный интерес к видеопродукции; неременное следование моде, потребность в смене обстановки, одежды, используемых в быту вещей; признание массовой культуры за должную и единственную; твердая жизненная ориентация в сторону накопления, которое оказывается самоцелью. Их так же характеризует отсутствие устремлений, которые не формируются средствами пропаганды. У них нет стремления к жизненному уюту, при котором требуется минимум потребления. У них отсутствуют духовные и творческие побуждения. Но у них все должно быть "как у людей". За истину они принимают свою выгоду, либо вообще не обращаются к такому понятию. Это желанные для цивилизации потребители».

4. Современное неоязычество подчеркивает основной порок современной техногенной цивилизации – то, что законы современной культуры ставят человека в неестественное для него положение, естественная жизнь, связанная с природными условиями, развивающими естественные жизненные потенции человека, способствующая развитию его физической и духовной природы становится в условиях современной культуры «непозволительной роскошью». Нравственные ценности и нормы нравственности ограничены эгоистическими, рационалистическими целями «Корыстный индивид, – подчеркивается в «Книге природной веры» имеет лишь самый простой и очевидный ответ. Когда ему хорошо – это добро. Плохо – это зло. Тут добро не отделяется от понятия личной выгоды. Если мы будем до конца последовательны, то будем обязаны признать, что именно эта

век не успевает осмыслить поток информации и некритично принимает его, когда модные тряпки надеваются срочно, а картины покупаются у художника только за его имя. Мода, оказывается одним из насильственных механизмов нарушения времен и ритмов жизни человека. Велимир «Книга природной веры». Гл. 1. Философские вопросы язычества. Агрессия технической цивилизации.

⁴ выступает против периодов его биологических времен, требует ускорения их до пределов возможного. Цивилизация требует, чтобы человек суетился и бегал, чтобы ему было НЕКОГДА! Непременно есть, спать, заводить семью, рассматривать в саду цветущее дерево. Она гонит его как раба. Велимир «Книга природной веры». Гл.1. Философские вопросы язычества. Агрессия технической цивилизации.

⁵ Товар товару рознь. Есть товары, освобождающие от тупого рутинного труда, вроде стиральной машины, которые позволяют высвободить бесценное время. Но для чего? Оказывается для потребления других товаров, вроде компьютерных игр, которые бесцельно это время съедают и держат человека многие часы в прострации и пассивном состоянии Велимир «Книга природной веры». Гл.1. Философские вопросы язычества. Агрессия технической цивилизации.

⁶ В связи с этим необратимо растет число невзрастеников и людей с больной иммунной системой. Людей не способных или не чувствующих необходимость иметь потомство. К счастью в провинции все эти тенденции пока не выражены не сильно. В больших же городах люди просто вымирают. Большие города не воспроизводят своего населения и являются как бы гигантскими стоками человек, которые идут туда и не возвращаются. Так было с рабами в каменоломнях Египта, так же действуют форпосты современной промышленной цивилизации. Разница в том, что современный человек не догадывается, что он обделен как и раб древности. Его лишили времени и сил, и это равно тому, что его лишили свободы. Велимир «Книга природной веры». Гл.1. Философские вопросы язычества. Агрессия технической цивилизации.

точка зрения молчаливо разделяется современной цивилизацией, является ее опорой и явится источником ее смерти. Такое понимание добра и зла допустимо лишь на бытовом уровне, когда на чаше весов не лежат никакие духовные ценности». Таким образом, нравственные ценности современной цивилизации имеют **объективный характер**: они определяются целями этой техногенной культуры. В то же самое время нравственные ценности и нормы данной социально-культурной системы противоречат природным, естественным началам человека как природного существа. Включение человека в систему социальных, культурных параметров цивилизации рассматривается как насилие над духовной и физической природой человека, как ограничение его физической и духовной природы.

Система этических ценностей в религиозно-философском учении современного российского неоязычества

Система нравственных ценностей современного российского неоязычества исходит из основной идеи, характерной для язычества в целом: эта идея *неразрывного единства человека и природы*. В «Книге природной веры» подчеркивается, что целостность человека и природы проявляется, прежде всего, в *измененном* мироощущении бытия, связанность с жизненными силами земли, которое рождает то «волевое напряжение» которое свойственно природе и связано с определенным образом жизни⁷.

Очевидно, что волевое напряжение понимается как: а) готовность к *умоперемене* и связанным с этим; б) *образом жизни*. Умоперемена, или изменение мировоззрения означает понимание того, что человек может исчезнуть как вид, если будет продолжать жить по закону и ценностям ориентирам техногенной цивилизации. Идеологи неоязычества обращаются, прежде всего, к физиологии человека, объясняя пагубность воздействия современной цивилизации на человеческий организм.

Так, с точки зрения неоязычества, для человеческого организма характерны определенные биологические ритмы, которые определяют ценностное содержание и смысл человеческой жизни: «например, время взросления человека может занять от шестнадцати до двадцати пяти лет. Время, вынашивания матерью плода восемь – девять месяцев. Время сна – примерно третья часть суток, время обеда от пяти минут до получаса.

Если человек будет хватать пищу за секунды, его желудок не переварит ее. Женщина не может родить за пол года. Ребенок не взрослеет за двенадцать лет. Наилучшая репродуктивная способность мужчины наступает к сорока годам, но для этого надо вести здоровый образ жизни. Подобное имеет место и в животном мире – лучшее потомство рождается от матерых, крепких самцов, которые побеждают в брачных играх, а молодые петушки оказываются до времени не у дел».⁸

Характерно то, что несоблюдение и невнимание к биологическим ритмам жизнедеятельности человека чревато болезнями и, как итог, – вымиранием человечества. Для человека характерно не только пребывание в естественных природных условиях, но и плотность населения как возможность быть приобщенным к Природе, «имеет характер духовного общения. Духовная связь может быть только с духовным. В языческом понимании, это беседа с духами и предками своей земли. Эта беседа удаётся только в том случае, когда человек (пусть бессознательно) проявляет к ним уважение, возводит связь с Природой в разряд высших ценностей, поскольку признает себя с нею в родстве. Беседа с Природой это языческая молитва», которая представляет собой «состояние единения со своими предками и духами, с великими богами. Это молитвенное состояние для язычника. В нем ломается всякий душевный сор, всякие случайные психические связи, а восстанав-

⁷ «Чтобы владеть силой земли, надо иметь определенное волевое напряжение. В начале оно может показаться не выносимым. Но очень скоро к этому напряжению привыкаешь, и оно начинает доставлять радость, как радуется человека бодрое тело после гимнастики. Постигание язычества возможно только с обретением этого напряжения. Такое напряжение естественно для всего живого. Оно необходимо, чтобы жить в Природе». См.: Велимир «Книга природной веры». Гл.1. Философские вопросы язычества. Агрессия технической цивилизации.

⁸ Велимир «Книга природной веры». Гл.1. Философские вопросы язычества. Агрессия технической цивилизации.

ливается правильное начало. Душа наполняется жизненной силой, которую дает родная земля». Поэтому молитвенный акт обнаруживает, единство человека и природы – самая высшая ценность, при этом он «должен стать созерцателем, должен научиться работать в Природе душой и радоваться этому. Он должен ставить себя в равные отношения с Природой. Быть поэтом и снова научиться слагать простые песни о том, что видят его глаза».

Этические ценности, с точки зрения учения неоязычества, онтологичны по своей сути. Это означает, что этические ценности определяются высшими законами мироздания. Эти законы определяют не только духовную, но и материальную природу человека. Признавая божественную природу материального бытия, представители неоязычества, подчеркивают его синкретичный характер. «Рождение Мира началось со спонтанного разделения самоцельного и самосущего божества, на две составляющие. Более сильную, склонную к созиданию и гармонии, и более слабую, склонную не только к созиданию, но и к разрушению, и конфликту. Вместе они стали созидать Мир, на основе того, что уже существовало, как нечто третье, как Мировая Воля, но которая еще не была привнесена в материальный план. Боги создали материю, посредством впутывания в нее Мировой Воли, которой обладают сами, и которая с появлением материального мира, запечатлелась в его законах, в его духе и жизни, и получила имя: Природа». Таким образом, природа как представляет собой своеобразный **синкретизм духовного и материального**, созданного на основе противоборства Гармонии и Хаоса. Природа выступает как олицетворение живого начала бытия. **Живое** – одно из значительнейших проявлений природного бытия, в котором сходятся материальное и духовное: «Природа – это одухотворенный материальный мир, скрепленный волею богов. Этот мир живой, в нем действуют физические и этические законы согласно Мировой Воле».⁹

В силу того, что Природа изначально объединяет в себе Хаос и Гармонию, как результат влияния противоположных божественных сил, неоязычество создает свою мифологию мировой истории, согласно которой движущими силами исторического процесса являются соотношение действующих божественных сил, так или иначе влияющих на Природу: с одной стороны, действуют созидательные силы и влияния, результатом действия которых является гармоническое развитие человека, общества и Природы. С другой, – развитие человека и Природы подвержено влиянию Хаоса, результатом чего – появилась угроза разрушения Природы, ее уничтожения. Согласно этим положениям мифологической истории в учении неоязычества, история человечества делится на три периода развития: а) эпоха гармонии или золотой век, характеризующийся «абсолютной гармонией»; б) эпоха хаоса или «катаклизмов» «когда по воле богов-разрушителей в Мировом наступил хаос, угрожающей всей жизни Природы»; в) эпоха «паритета» сил хаоса и гармонии, соответствующих нашему времени; г) эпоха языческой веры, которая последует за эпохой паритета сил хаоса и гармонии, связанной с тяжелым переходом к другому уровню развития и мировоззрения. Эсхатологические мотивы, связанные с этим периодом исторического развития основываются на возможности неприятия человечеством языческой веры.

Каким образом может быть сохранено равновесие сил, воздействующих на Природу? Это – Нравственный закон, который «проявляется как нравственный вопрос, нравственная задача, которая встает перед человеком, и в зависимости от характера ее разрешения, человеку воздается должное».¹⁰

Проявлению Нравственного закона способствуют некие духовные сущности, которые либо стремятся транслировать Нравственный закон через деяния людей, либо воспрепятствовать его действию: «в мире, где мы живем, тайно действуют силы, приводящие мир к состоянию равновесия. Соответственно, в мире есть духовные сущности, следящие за соблюдением этого Закона. Есть и сущности обратного толка. В их задачу входит препятствовать действию Нравственного Закона и стирать память о нем. Хотя сегодня их мощь возрастает, противодействие их все же слабо и Нравственный Закон про-

⁹ Велимир «Книга природной веры». Гл.1 Философские проблемы язычества. О добре и зле.

¹⁰ Там же.

должает исполняться. Сущности, исполняющие и хранящие Нравственный Закон, не однозначны. По своей природе, они могут быть как созидателями, так и разрушителями. Они могут лишь эпизодически оказываться в роли исполнителей Закона, не догадываясь об этой своей роли. Как бы то ни было, Нравственный Закон исполняется в Природе, и человек обязан соблюдать его»¹¹.

Нравственный закон Рода – основной закон в этическом учении неоязычества. Нравственный закон Рода является своеобразным «**этическим кодом бытия**», через который «верховный бог побуждает богов, людей и духов следовать установленным правилам», «ибо именно через его исполнение боги влияют на наш свободный разум и свободный выбор»¹². Устанавливая единство с умершими предками, Нравственный закон Рода проводит **нравственную** границу между дозволенным и недозволенным: «Все деяния языческой веры: молитвы, аскезы, гадания, волевые обращения к богам и духам – все предполагают, что человек живет в границах Нравственного Закона Рода». Действия человека и богов в рамках недозволенного «бесполезны и даже опасны». Нравственный закон Рода выступает не просто как банальное морализирование, заключенное в рамки кодексов. В мифологии славянского язычества Нравственный закон Рода проявляется через такой нравственный опыт, который ставит человека в ситуацию морального выбора. В зависимости от выбора человека Нравственный Закон Рода наказывает или поощряет через богов и духов. Этический код Нравственного Закона Рода является проявлением божественной мудрости, того высшего знания, которое заключено в нем, однако, Нравственный Закон Рода проявляется в человеческом опыте ограниченно. «Традиционные отношения людей и богов лежат в пределах Нравственного Закона, – заключает автор «Книги Природной веры, – Мудрейшие волхвы, как и боги, не владеют абсолютным знанием прошлого и будущего. Такого знания, повторяем, нет в Природе. Боги владеют лишь тем знанием, которое существует. Человеку, для понимания смысла жизни, дана лишь малая доля этого знания. Оно позволяет понять нам смысл нашего бытия лишь в данную нам эпоху»¹³.

Таким образом, проявление Нравственного Закона Рода заключено в установлении *равновесия* созидательных и разрушительных сил, и как следствие, – установление *справедливости* и побуждение к исполнению *должного*.

В силу того, что в Нравственном Законе Рода зашифрован этический код божественной мудрости, одной из задач является обнаружение истинной заданности нравственной природы человека. Именно поэтому человеку всегда уготована некая моральная ситуация, в которой у него есть возможность нравственного выбора. Соответственно, положительное. Верное решение «нравственной задачи», поставленной высшими духовными сущностями, дает возможность божественного воздаяния: «Сущности, исполняющие и хранящие Нравственный Закон, не однозначны. По своей природе, они могут быть как созидателями, так и разрушителями. Они могут лишь эпизодически оказываться в роли исполнителей Закона, не догадываясь об этой своей роли. Как бы то ни было, Нравственный Закон исполняется в Природе, и человек обязан соблюдать его. Он проявляется как нравственный вопрос, нравственная задача, которая встает перед человеком, и в зависимости от характера ее разрешения, человеку воздается *должное*»¹⁴. Следовательно, со-

¹¹ Там же.

¹² Велимир «Книга природной веры». Гл.4. Боги. Нравственный закон и волшебная сказка.

¹³ Велимир «Книга природной веры». Гл.4. Боги. Нравственный закон и волшебная сказка.

¹⁴ Описание действия Нравственного Закона сохранено для нас в волшебных русских сказках. В качестве примера выберем одну из малоизвестных сказок А.Н. Афанасьева «Три сестры»...Было три сестры, младшая дурочка. Старшая заблудилась в лесу и вышла к хатке на куриной лапке. Хозяином хатки оказался большой медведь. "Не бойся меня, – сказал он, – влезь мне в одно ухо, в другое вылезь". Она так и сделала и обнаружила у себя за пазухой ключи. Медведь велел ей отпереть дверь и приготовить ужин. Прибегает мышь и просит у девицы поест. "Кто с тобой разговаривает?" – спрашивает медведь. "Мышка ест просит". "Ударь ее ложкой". Ударила. "Теперь стели мне постель – ряд камней, ступу в голову, а жернов накрыть". Постель приготовлена, медведь лег, а девице велел бегать по комнате да звенеть ключами. Она бежит, ключами звенит, медведь лежал-лежал, да и бросил в нее жернов. "Жива еще" – отвечает мышка. Полетело полено. Убил медведь девицу и высосал кровь. Такая же участь постигла и вторую сестру. Третья сестра – дурочка так же попала к медведю. Медведь так же велел ей приготовить

гласно этическому учению неоязычества, этический код Нравственного Закона Рода был доступен далеко не каждому. Зашифрованность многих ситуаций выбора символикой, оказывалась прямо противоположной тому смыслу, который демонстрировался. Под колпаком дурака или дурочки скрывается Божественная мудрость, нравственная инициация¹⁵, под жестокостью – исполнение долга. Как это показано выше, предназначение Нравственного Закона Рода заключается не только в том, чтобы привнести *нравственное знание*, но и в том, чтобы произвести *нравственную инициацию*, целью которой – особый *нравственный отбор* людей, средством – *моделирование ситуации морального выбора*, все это регламентируется высшими силами. «Результат испытания контролируется и представляет интерес для некоего высшего божества. Он видит дальше божеств, представленных в сказке, и не обнаруживает своего присутствия напрямую. Таким образом, испытательные задачи ставит бог, который выше других, и он решает судьбу героя на основе его нравственного уровня. То, что он не обозначен в сказках напрямую, естественно, ибо самые важные силы и сущности древние славяне не называли поименно, будь то силы добра или зла. Все это заставляет понимать, что постановки испытательных нравственных задач восходят высшему божеству»¹⁶. В то же самое время данные «уроки» показывают, что «нравственно неверное деяние рано или поздно кончится для человека трагически, потому знание нравственных норм бытия оказывается жизненно необходимым требованием», а жизнь в соответствии с Нравственным Законом Рода дарует человеку блаженство или «дарна», которое понимается как «лучшее состояние, которое боги дают человеку на земле и помещает человека вне конфликта богов», ведь «положительный герой волшебной сказки всегда пребывает в дарна. За ним стоят его боги. Он может не иметь совершенного оружия и быть бессильным как Иван-царевич перед Кощею, но главным для него оказывается не сила и оружие, а человеческое совершенство, родство с богами трех миров: Орлом, Соколом и Вороном, (см. сказку "Марья Моревна")»¹⁷.

ужин и стелить постель. Прибежала мышка и девица дала ей кашу. "Кто с тобой разговаривает?" - спрашивает медведь. "Никто". Когда медведь улегся, мышь стала за девицу бегать с колокольчиком. Медведь бросил жернов, мышка сказала "не жива". Медведь вскочил, стал искать убитую, не нашел и побегал в лес. Тогда мышка рассказала девице про старших сестер и дала ей ключи, у которых что ни попроси – все дадут, и проводила ее домой. Анализ сказки про Ивана-царевича и серого волка. Медведь – частый персонаж сказок – божество древних охотников, стоящее на грани мира людей и духов. Как обладатель жернова и кровопийца, он несет черты Перуна и Одина. Изба на курьей ноге повторяет образ избы Смерти, домовины, где оставались умершие предки. Вход в эту избу означает вход в мир духов. Две старших сестры погибают, на первый взгляд, просто по медвежьей жестокости. Жестокость, безусловно, есть, и по-человечески она понята быть не может. Эта жестокость обусловлена охраной клада, в данном случае ключей, у которых что ни попросишь – все дадут. Ключи от дверей в мир духов. Додумывая продолжение сказки, приходим к идее, что младшая сестра поставлена на путь нравственно сильной, живущей в уединении ведуньи. Она прошла инициацию, она сохранила свои нравственные принципы, несмотря на угрозы деспота. То, что сестры про клад духов ничего не знают, не может изменить ситуацию, т.к. богине спрашивают человека, какими им быть. Ни медведь, ни мышка посвящать сестер в правила игры не считают нужным. Это игра, где люди выигрывают не на основе знания правил, а на основе своей психической организации, которая к началу игры уже сложилась. См.: Велимир «Книга природной веры». Гл.4. Боги. Нравственный закон и волшебная сказка.

¹⁵ В красивейших и наиболее осмысленных вариантах сказок, дурак оказывается высоконравственным человеком, дурь которого собственно и состоит в том, что он ставит духовные ценности выше материальных. Это верно отражено в сказке "Сивко-Бурко", в "Коньке Горбунке" Ершова, который соединил в единой поэме ряд устных сказочных сюжетов, и, наверное, должен был изложить свой труд былинным стихом. В сказках дурак всегда более язычник, чем его братья. Исторически такие "дураки" появились в эпоху потери народом языческих родовых ценностей и замены их ценностями материальными, христианскими. Таковым является и наше время. Все, кто сделал наш народ нищим – все очень здравомыслящи, христоробивы, и жертвуют монастырям. Потому в наше время без дураков не обойтись. Смешно, но все повторяется, и многие "дураки" проходят перед нашими глазами. И в этом конфликт сказки и жизни как будто становится очевиден. Участь "дураков" – это казалось бы нищета, духовная и человеческая изоляция, вечное кусание локтей и преждевременная смерть. От верности традиции и своим предкам вовсе не плывут в руки денежные купюры. См. Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Основные этические категории неоязычества: добро и зло, справедливость и аскеза

Понятия добра и зла определены, согласно учению неоязычества, Нравственным Законом, который уравнивает созидательные и разрушительные влияния. Следовательно, добро и зло как выражение сущности Нравственного Закона, онтологичны. «Понять – что есть добро и зло невозможно вне уяснения духовной сущности Природы и человеческой истории. Добро и зло объективны и определяются не нашими желаниями, а бытием мира, Законом мироздания».¹⁸ Содержание добра как этической категории выражает такое деяние, которое способствует проявлению жизни человека и всего живого на Земле: «Добро – это созидательная деятельность человека. Не в том смысле, что сам человек осознает ее как созидательную, а в действительном, не зависимом от человека смысле». Зло – категория, противоположная добру, которая определяется как то, что «способствует разрушению добрых человеческих деяний и способствует ухудшению жизни, ее истощению и гибели, независимо от того, что думает сам творящий или наблюдающий зло человек».¹⁹

Категория зла в неоязычестве содержательно раскрывается: а) как разрушительная сила, несущая хаос через конфликты, войны и т.д.; б) как насилие. Зло культивируется и транслируется богами разрушения через «агентов» (человек, вирус, политические силы, природные катаклизмы и пр.). Главная цель действий этих агентов произвести насилие над природой, а «поскольку агенты богов – разрушителей действуют в Природе и одновременно принадлежат Природе, то само по себе зло есть конфликт внутри Мировой Воли. Этот конфликт регулярно возбуждается и разрешается».²⁰

Список литературы

1. www.iea.ras.ru/lib/neotl/07112002062247.htm
2. www.slavya.ru/trad/velimir/
3. Пейкова З.И. Отношение к христианству в современном русском неоязычестве. На примере книги В. Истархова «Удар русских богов». 2-е издание. М., 2000.
4. Миссионерское обозрение №3, 2002.

ETHICAL VALUES OF MODERN RUSSIAN NEO-PAGANISM

A. N. AGALTSOV

Tula State Teachers' Training University n.a. L.N. Tolstoy

e-mail: phileo@tspu.tula.ru

In the article the system of ethical values of the religious doctrine of modern Russian neo-paganism is considered. Socio-philosophical and metaphysical sources of moral values are analyzed, the basic categories, such as the Nature, Alive, the Moral law of the Origin, good, evil, justice are discussed. The system of ethical values is presented in the article as the establishing in the religion of modern Russian neo-paganism.

Key words: ethics, values, neo-paganism, paganism, morals, metaphysics, justice, religion.

¹⁸ Велимир «Книга природной веры». Гл.1. Философские вопросы язычества. О добре и зле.

¹⁹ Велимир «Книга природной веры». Гл.1. Философские вопросы язычества. О добре и зле.

²⁰ Там же.

УДК 1

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ ДОМА В МЕНТАЛИТЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

С. Н. АЛЕХИНА¹
Е. В. КАРГАПолова²

*¹Курский институт
социального образования
(филиал) Российского
государственного
университета*

e-mail: svetaleh@rambler.ru

*²Астраханский инженерно-
строительный институт*

e-mail: K474671@list.ru

Статья посвящена представлению социокультурных образов Дома, присутствующих в сознании современной российской молодежи. Основой авторской концепции послужили результаты социологического исследования «Экофильные ценности молодых россиян». Отношение молодежи к Дому, семье, Родине, своим соотечественникам показательно для представления национальных ментальных ценностей, а также характеризует основные тенденции социокультурного развития страны. Авторы приходят к выводу об общей традиционалистской направленности мировоззрения молодых россиян.

Ключевые слова: Дом, экофильность, менталитет, архетип, город, деревня, идентичность, семья, соседская община, Отечество.

Отношение человека к Отечеству, природе, родному очагу во все времена является показательным для общего представления о национальной ментальности. Ближнее окружение человека можно выразить емким смысловым понятием «Дом». Архетип Дома занимает одно из самых значимых мест в российской ментальности. Ценности, характеризующие близкое окружение человека принято называть экофильными. В узком смысле слова понятие «экофильность» (от греч. *oikos* – обиталище, место пребывания и *philos* – любовь) означает бережное, уважительное отношение человека к природе и ее творениям. В широком смысле слова экофильность можно трактовать как любовь, привязанность к Дому, Отечеству, месту обитания, ко всему, что окружает человека в его жизни, а также способность к гармоничному мировосприятию. Данная установка сознания предполагает принятие идеи органичного единства человека с окружающим миром. На Руси еще в языческие времена основополагающими составляющими комплекса идеалов русского народа становятся идеи Земли, природы, родного очага, Отечества.

На наш взгляд, в России на современном этапе имеет место кризис национально-культурной идентичности. После распада Советского Союза Россия пытается сформировать очередной блок культурных ценностей. Однако этот процесс протекает болезненно. Российская культура испытывает массу чужеземных влияний, но совсем не действует механизм культурных «фильтров», способный отделить позитивное воздействие от негативного. Между тем, в любых предлагаемых историей обстоятельствах развития важно находить такую практическую стратегию освоения предлагаемых обстоятельств, которые служили бы усилению, развитию, а не ослаблению национально-культурной идентичности. Мы полагаем, что в данной ситуации необходимо выявление и осмысление ключевых ментальных установок российского сознания. Одной из таких установок, на наш взгляд, является архетип Дома. Данный ментальный образ проявляет себя в ряде экофильных связей россиянина с его близким окружением. Обозначим их:

- 1) связь с небесами, с божественным;
- 2) связь с самим собой (личное жизненное пространство, родной дом);
- 3) связь с семьей;
- 4) связь с другими людьми (соседской общиной, друзьями);
- 5) связь с Отечеством, землей.

Чтобы проанализировать современное звучание архетипа Дома в российской ментальности через экофильные связи, мы провели социологическое исследование на

тему: «Экофильные ценности россиян». Респондентами выступали студенты Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета г. Курска и Астраханского инженерно-строительного института г. Астрахани в возрасте от 16 до 25 лет. Исследование было сравнительным, предстояло выявить региональный аспект в анализе архетипа Дома в российской ментальности. Рассмотрим основные результаты социологического опроса, проанализировав отдельно ряд связей россиянина с его близким окружением.

Связь с небесами, с божественным находит свое проявление в религиозных верованиях и переживаниях людей, в их желании построить свою жизнь в соответствии с религиозными предписаниями той или иной конфессии.

Опрос показал, что большинство респондентов, как в Курске, так и в Астрахани являются в той или иной степени верующими людьми (Курск 88,6%, Астрахань 88,5%), причем безоговорочно верующих достаточно высокий процент, почти половина, среди них как мужчины, так и женщины (Курск 46,3%, Астрахань 43%). Религиозные настроения наиболее ярко прослеживаются у девушек Курска (47,4%). В то же время 7,8% юношей Курска считают себя атеистами. Отказ идентифицировать себя с какой-либо религиозной группой, на наш взгляд, свидетельствует о проявлении индивидуализма как типа мировоззрения.

На вопрос о конфессиональной принадлежности респондентов ответы распределились согласно социокультурной специфике регионов. Курск является древним среднерусским городом, с мощными православными традициями, соответственно православие исповедуют 87,8% опрошенных, приблизительно в равной степени мужское и женское население. Не определили четко свою позицию 12,2% респондентов (при этом, в продолжение отмеченной нами выше индивидуалистической тенденции из всех категорий опрошенных больше всего таких среди юношей Курска – 19,2%).

Астрахань исторически выступает как поликультурный центр Юга России, соответственно православной религии придерживаются только 55,1% населения, остальные же цифры выглядят так: мусульманство – 33,3%, буддизм – 2,9%, другие религии, в том числе синтоизм, язычество – 1%, затруднились определиться 7,7% опрошенных.

Достаточно интересная картина предстала в результате ответа на вопрос: «Какая из религиозных традиций могла бы в наибольшей степени повлиять на облик моего дома?». Выяснилось, что примерно треть курян (33,3%) и половина астраханцев (55,1%) вообще не связывают оформление своего жилища с какой бы то ни было религиозной традицией, являясь при этом, как было сказано ранее, верующими людьми. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с четким ментальным разделением сферы земного и небесного бытия. Дом выступает для человека островком его личного творчества в мире повседневности и должен служить, прежде всего, для расслабления и отдыха, что в большинстве случаев не предполагает религиозной созерцательности и эмоционального напряжения. Доминирующей для тех, кто придерживается религиозной традиции в оформлении жилища, является все-таки православная традиция (Курск 40,7%, Астрахань 13%). Мусульманский стиль используют при организации дома 3,3% курян и 12,1% астраханцев. Буддистская традиция показалась привлекательной для 0,8% респондентов из Курска и для 7,7% опрошенных из Астрахани. Как вариант 0,5% астраханцев отметили смешение нескольких религиозных традиций.

Следующая смысловая связь человека – связь с самим собой, личное жизненное пространство человека, воплощается в родительском доме, в Доме как месте пребывания человека вообще. В этой стихии происходит сращивание человека с пространством, временем, энергией и другими реалиями. Архетип Дома включает в себя всю окружающую индивида обстановку: близкую его сердцу природу, его родных и близких, его семейный очаг, родную землю (Отечество) и, без сомнения, его верования, т.е. божественное. Дом – это также то, что было создано самим человеком на протяжении длительного периода исторического развития. Дом осмысливается в русской народной культуре как средоточие основных жизненных ценностей, таких, как счастье, достаток, единство семьи и рода, включающее не только живых, но и мертвых. Дом противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому,

внутреннее – внешнему, организованное – неорганизованному. С одной стороны, Дом уподобляется уменьшенной модели Вселенной, с другой стороны – отождествляется с человеческим телом. Поэтому архетип Дома включает в себя не только окружающее человека пространство, но и внутренний мир личности.

Большинство респондентов в обоих городах пока не успели обзавестись собственным домом или квартирой: в доме родителей проживают 85,4% курян и 77,8% астраханцев. Это объясняется достаточно юным возрастом опрашиваемых (16-25 лет), их сосредоточенностью на учебе, невозможностью пока построить карьеру и заработать необходимые средства для приобретения собственного жилья. Но и среди молодежи есть счастливые обладатели собственного дома или квартиры, причем в Астрахани данный процент почти вдвое выше (Курск 8,9%, Астрахань 15,9%). Незначительное количество респондентов снимают квартиру, комнату или живут в общежитии.

Подавляющее большинство молодых людей в обоих городах испытывают состояние комфорта в своем жилище (Курск 87,8%, Астрахань 90,3%), что еще раз подтверждает основное функциональное назначение дома – быть местом отдыха, уюта и защиты. Эти цифры также могут являться свидетельством того, что опрашиваемым достаточно комфортно самим с собой (ведь, как уже говорилось выше, образ Дома это проективное отражение внешнего и внутреннего мира личности). Полученные результаты для студентов высшего профессионального образования являются достаточно предсказуемыми. Скажем, что учащиеся профессиональных училищ в подобных опросах демонстрируют большую степень внутренней напряженности, дискомфорта и агрессии.

7,3% курян и 5,8% астраханцев испытывают домашний дискомфорт, что объясняется, возможно, проживанием в съемном, низкого качества жилье, в общежитии, либо нездоровой моральной обстановкой в доме родителей. Обращает на себя внимание тот факт, что в большей степени некомфортно из всех категорий опрошенных юношам из Курска (11,6%). Возможно, это те самые приверженцы индивидуалистического мышления, которые считают себя атеистами и затрудняются в выборе религиозной конфессии, из чего напрашивается вывод о том, что сам по себе индивидуализм как тип мировоззрения не дает его носителю внутреннего ощущения цельности, гармоничных отношений с окружающими. 4,9% курян и 3,9% астраханцев однозначно не могут судить о комфортности своего жилища.

Наибольшей популярностью среди опрашиваемых пользуется частный дом как тип предпочитаемого жилища. В нем бы поселились 62,6% курян и 63,3% астраханцев. В многоэтажном доме готовы проживать соответственно 35,8% и 28,5% опрошенных. Данную тенденцию можно объяснить рядом преимуществ частного дома: большей свободой в оформлении жилища, достаточной удаленностью от соседей, близостью к природе (даже в городских условиях). Так, сотрудник института географии РАН Т.Г. Нефедова отмечает, что для большинства регионов Юга России, в том числе и для Астраханской области, характерна повышенная доля частного жилья в структуре жилищного фонда (77%)¹. Таким образом, для Астраханской области частное домовладение является традиционным типом жилища. Незначительное количество опрошенных либо четко не определились в своем выборе, либо предпочли неординарные варианты проживания: пентхаус, коттедж, виллу.

Одним из самых интересных для исследования экофильных ценностей россиян является вопрос о наиболее близком образе жилища, предпочитаемого респондентами. Здесь необходимо было выявить ассоциации, с которыми студенты связывают свой идеальный дом. В анкете был предложен ряд вариантов образов дома (дом-дворец, – храм, – замок, – изба, – яхта, – общежитие, – отель, – офис), но приветствовалось и личное творчество респондентов. Результаты оказались следующими.

Наибольшей популярностью пользуется образ дома-дворца (Курск 33,3%, Астрахань 20,8%). Вероятно, образ дворца ассоциируется у человека с высокой эстетической привлекательностью, богатством внутреннего убранства, просторными

¹ Астраханская область (социальный портрет региона) // Социальный атлас российских регионов / Портреты регионов (подготовлен сотрудником Института географии РАН Т.Г. Нефедовой) // <http://atlas.socpol.ru/portraits/astr.shtml>.

светлыми залами, торжественностью обстановки. На втором месте по степени привлекательности дом-замок (и Курск, и Астрахань по 20,3%). Замок в сознании современного человека вызывает образ милой старины, романтики, изящных антикварных вещей, загадочного внутреннего убранства. Как раз этих составляющих и недостает в современных высокофункциональных жилищах в стилях конструктивизма и минимализма.

Выбор образов дома-дворца и дома-замка является весьма показательным при анализе внутреннего состояния опрошенных. Начать необходимо с того, что символы Дворца и Замка (наряду с Домом) являются очень древними и в семиотике зачастую отождествляются. Замок (Дворец) – сложный символ, производный от образа дома и от образа ограждения (неприсутности, защиты) или укрепленного города. Идея Замка отражает также детские представления о сказочном мире, а также базовое первобытное сознание Золотого века, традиции. Замок – наряду с Сокровищем (т.е. непреходящей сущностью духовного богатства), Девой и Праведным Рыцарем – символ духовности и стремления к спасению². В психоанализе К.Г. Юнга – это преграды в понимании других. Таким образом, Замок (Дворец) является достаточно сложным символом, что в целом, есть показатель сложности, неоднозначности, подчас противоречивости внутреннего мира опрошенных. На наш взгляд, студенты, выбравшие Дворец и Замок, однозначно ориентированы на прошлое, счастливое детство, традицию, у них наблюдается явная тенденция бегства от настоящего, в котором нет понимания, необходимость защищать свое личное пространство. В их представлениях отсутствует четкий образ Идеала (человека, общества), существуют явные пробелы в системе духовных ценностей и стратегического целеполагания, нет веры в будущее.

Третьим по популярности в Курске оказался дом-отель (12,2%), а вот в Астрахани студенты-архитекторы дали волю своей фантазии и представили свои образы (14%), среди которых как уже известные дом-коттедж, дом-пентхаус, так и оригинальные проекты – дом-спортзал, дом-звукозаписывающая студия и даже дом-дом. Последний образ намекает, прежде всего, на истинное предназначение дома – быть именно Домом, неважно в каком стиле он будет выполнен. Курскими респондентами не было предложено ярких оригинальных вариантов образов жилища (всего 4,9%), но и в их представлении прочно присутствует модель «дом-дом». Остальные образы распределились так: дом-храм выбрали 4,9% курян и 3,4% астраханцев, что еще раз подтверждает несопоставимость повседневности и религиозности в русской ментальности. Дом-изба показалась привлекательной 4,1% опрошенных в Курске и 7,2% респондентов в Астрахани. Дом-яхту выбрали 3,3% курян и 4,8% астраханцев (несмотря на то, что Астрахань – речной регион).

Дом-отель пришелся по нраву 4,3% астраханцев (в Курске, напомним, он по популярности на третьем месте, что может быть свидетельством некоторых западноцентристских тенденций в Курской области, по сравнению с более традиционно ориентированной Астраханской). ОТЕЛЬ, действительно, может быть одним из символов западной цивилизации, основанной на последовательном индивидуализме и приоритете опосредованных связей (правовых и экономических) перед непосредственными (семейными, дружескими, любовными) связями между людьми. Выбор Отеля в качестве идеального образа Дома может свидетельствовать о том, что личность существует в ситуации нарушения границ интимного пространства. Подобная ситуация «подглядывания» для такого человека является нормой, за ним подглядывают и он подглядывает. Канадский исследователь современной цивилизации М. Маклуэн пишет: «...Планета стала глобальным театром, в котором нет актеров, а существуют только зрители»³. Нормой также становится эмоциональное переживание не собственной жизни, а жизни соседа (по отелю), героя сериала, ток-шоу и т.п.

Совсем не пользуются спросом дом-общедомовое (Курск 0,8% и Астрахань 1,9%) и дом-офис (также Курск 0,8% и Астрахань 1,9%). Данная ситуация объясняется

² Керлот К. Словарь символов. – СПб., 1999. – С. 188.

³ Маклуэн М. С появлением Спутника планета стала глобальным театром, в котором нет зрителей, а есть только актеры // Кентавр. – 1994. – № 1. – С. 12.

функциональным назначением офиса – там работают, а дома отдыхают, поэтому эти два образа оказываются несовместимыми. Общежитие уже давно пользуется характеристикой жилья неудобного, непросторного, временного, где часто случаются конфликты, затушевываются индивидуальные различия и интересы, а потому оно не вызывает доверия.

Довольно интересной представляется ситуация затруднения в выборе при определении предпочитаемого образа жилища. Его испытали 15,4% курян и 21,4% астраханцев. Как уже говорилось выше, это может объясняться отсутствием четкого образа Идеала у современной молодежи, которая существует в ситуации аномии и смены ценностных ориентиров – идеалы прошлого разрушены, а новые достаточно иллюзорны. Необычно и то, что астраханские студенты, будущие архитекторы, также пока четко не представляют себе образ идеального дома.

Опрос показал, что более половины респондентов, как в Курске (53,7%), так и в Астрахани (кстати, студенты инженерно-строительного института) (56,8%) не стали бы соблюдать при постройке своего жилища правила систем его информационного оформления (например, фэн-шуй, славянского зодчества и т.п.). Эту тенденцию можно объяснить недостаточной информированностью студентов в существовании древних строительных традиций, обусловленную некоторым западнотризмом системы высшего образования. Как указывают российские ученые А.В. Иванов, И.В. Фотиева и М.Ю. Шишин, для западного типа мировоззрения характерен «культ научно-технического прогресса, бытие в социальном линейном времени, практически полностью игнорирующем биосферно-космические циклы, ритмы и зависимость, взгляд на природу как на безликую окружающую среду, подлежащую только использованию, переделыванию и подчинению интересам человека»⁴. При таком материалистическом, телесно-ориентированном подходе представления об энергетически-информационном оформлении пространства считаются вненаучными или околонуучными, что ведет к их исключению из системы «традиционно-научного» знания. Только пятая часть опрошенных учтет древние практики при построении и оформлении своего дома (Курск 19,5% и Астрахань 20%).

В ответе на вопрос: «Где бы Вы предпочли жить?» подавляющее большинство респондентов в обоих городах выбрало город (Курск 84,6% и Астрахань 68,4%). Здесь результаты только подтверждают общемировую тенденцию урбанизации, но при этом разница почти в 20% между Астраханью и Курском в пользу последнего свидетельствует о том, что Курск в большей степени подвержен этой тенденции, чем более традиционалистская в этом смысле Астрахань. Для многих групп населения, проживающих на территории Астраханской области, жизнь в деревне – единственный, практически безальтернативный способ существования. Как отмечает Т.Г. Нефедова, жилищные условия Астраханской области (типичные для большинства регионов России) характеризуются пониженной обеспеченностью жильем (18 кв. м на человека при среднероссийском показателе 20 кв. м), большим количеством частного жилья и низкими показателями благоустройства даже в городах, не говоря уже о сельской местности. Более 70% населенных пунктов Астраханской области не имеют нормальной питьевой воды⁵. В такой ситуации разница между городом и деревней осознается населением в меньшей степени.

К сожалению, жизнь в селе остается непривлекательной для молодежи, ее желали бы только 8,1% курян и 11,6% астраханцев. В качестве альтернативного варианта проживания респондентами обоих городов были названы: пригород, домик у реки, моря, океана, дом в экзотических теплых странах (Курск 3,3% и Астрахань 11,6%). 4% курян и 8,4% астраханцев не определились с выбором места жительства.

⁴ Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация. – Барнаул, 2001. – С. 11.

⁵ Астраханская область (социальный портрет региона) // Социальный атлас российских регионов / Портреты регионов (подготовлен сотрудником Института географии РАН Т.Г. Нефедовой) // <http://atlas.socpol.ru/portraits/astr.shtml>.

Вопрос «Легко ли Вы переезжаете с одного места жительства на другое, если жизненные обстоятельства заставляют Вас это сделать?» не выявил четких тенденций. Легко готовы переехать 48% курян и 34,7% астраханцев. Наибольшие различия в ответе на этот вопрос демонстрируют юноши Курска и Астрахани (61,5 и 21,7% соответственно). В то же время 39,8% респондентам Курска и 42,1% опрошенным в Астрахани будет сложно это сделать. Затрудняются дать однозначный ответ 12,2% курян и 23,2% астраханцев. Ответы на данный вопрос только подтверждают амбивалентность российской ментальности, отношения нашего соотечественника к своему месту пребывания. Он дорожит своим домом и испытывает к нему глубокое чувство привязанности. В то же время он довольно легко покидает жилище, меняет места своего жительства, если обстоятельства вынуждают его сделать это (в древности ими могли быть поиск лучшей доли, бегство от неприятеля, освоение новых земель; основной мотив современности, прежде всего, экономический). Различия в ответах между астраханцами и курянами могут объясняться несколькими причинами. С одной стороны, как отмечает В.М. Викторин, территория Прикаспия редко проявлялась «как арена решающих событий истории, но оказывала прямое или косвенное воздействие на все ключевые процессы»⁶. Таким образом, население Астраханской области гораздо реже, чем в Курской оказывалось под влиянием обстоятельств, вынуждающих покидать место жительства. Поэтому исторически здесь сложилось больше условий для отождествления себя с малой Родиной. С другой стороны, многие куряне работают в Москве (особенно это касается более легкой «на подъем» молодежи), что также может являться одной из причин кризиса идентификации через локальность. Последствия такого кризиса могут негативно отразиться в будущем на динамике социокультурного развития региона. Как отмечают авторы коллективной монографии «Социокультурный портрет Курской области», «именно идентификация социального и культурного плана представляет собой существенный ресурс местного развития. Ведь чем большее количество людей связывают свою судьбу, судьбу своих детей и свои жизненные успехи с совместным проживанием в данном месте, тем большей они обладают пассионарностью и соответствующими ресурсами для составления и претворения в жизнь программ развития»⁷.

Опрос выявил высокую мотивацию стремления к самостоятельности среди молодежи. 89,4% курян и 87,4% астраханцев предпочтут покинуть родительский дом и устроить самостоятельную жизнь в случае обретения материальной составляющей. Данная установка отражает, прежде всего, современные мировые социально-экономические тенденции и противоречит представлению архетипов Дома и семьи в дореволюционной России, где наибольшей популярностью пользовались большие многопоколенные семьи, общий семейный дом. С родителями останутся только 4,9% курян и 6,3% астраханцев. 5,7% респондентов из Курска и 6,3% из Астрахани не определились со своим выбором.

Дом человека является также семейным очагом – местом, где должна жить и развиваться социальная ячейка – семья. И, соответственно, мы переходим к следующему кругу бытия – семейному. Известно, что дом в значении «семья» в русском языковом сознании означал не столько духовное пространство «родного угла», сколько именно группу людей, связанных кровными узами. Семья на Руси являлась органической микромоделью мира и реализовывала все его космические характеристики: органическую целостность, онтологическую завершенность и самодостаточность, способность к воспроизводству и циклическую упорядоченность, пространственную укорененность и т.п. Именно семья предназначена была удерживать индивида в его среде обитания, обеспечивать чувство рода и укорененности, наполнять жизнь человека смыслом. Таким образом, пространство семейного дома не только содержит образ мира, но и служит его духовным воплощением, преисполненным многочисленными сакральными смыслами.

⁶ Викторин В.М. Ареалы Прикаспия как специфическое евразийское приграничье (к проблеме этносоциокультурной «реликтовости» // Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия: Материалы научной конференции. 19-20 апреля 2001 года. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. – С. 40.

⁷ Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Социокультурный портрет Курской области. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – С. 37.

В современном мире традиционная модель семьи испытывает кризис и все чаще заменяется различными альтернативами: гражданским браком, гостевым браком, свободным браком и рядом других форм. Выявление отношения респондентов к семье и брачности явилось одной из основных задач нашего исследования.

Вызывает оптимизм тот факт, что почти 4/5 опрошенных в обоих городах желают в жизни вступить в брак (Курск 80,5% и Астрахань 84,2%). Если у женщин данный показатель одинаково высок в обоих городах: 86,6 % в Курске и 83,4% в Астрахани, то среди мужского населения выявилось различие. У астраханцев данный процент достаточно высок 87%, а в Курске предполагают вступить в брак только чуть больше половины опрошенных (57,7%). Выше мы уже указывали на проявления индивидуалистического типа мировоззрения у юношей Курска. В данном случае ценности индивидуальной свободы проявляются наиболее ярко.

Никогда не вступят в брак 15,4% курян и 8,4% астраханцев. 4,1% респондентов в Курске и 7,4% в Астрахани затруднились дать однозначный ответ на данный вопрос. В Астраханской области ситуация смягчается проживанием на ее территории тюркоязычного населения, выходцев с Кавказа, традиционно ориентированных на коллективистские ценности продолжения рода, семью, многодетность.

По вопросу о форме предпочитаемого брака определились следующие результаты. Форма совместного проживания супругов привлекает 93,5% курян и 96,8% астраханцев. Раздельное проживание супругов (гостевой брак) приемлемо только для 1,1% астраханцев. Затруднились однозначно выбрать форму брака 6,5% респондентов в Курске и 2,1% опрошенных в Астрахани, при этом наибольшие затруднения опять же наблюдаются у юношей Курска (15,4%). Можно сделать вывод, что несмотря ни на какие социальные потрясения и общемировую тенденцию девальвации семейных отношений, российские традиционные ментальные семейные установки все же сохраняются.

Также наиболее предпочтительной оказалась для представителей обоих городов традиционная модель семьи, в которой оба родителя воспитывают двоих детей (61,8% Курск и 50,5% Астрахань). На втором месте в Астрахани модель многодетной семьи (29,5%), причем ее выбрали в основном респонденты русские по национальности. Среди курян второе место занимает модель семьи с двумя родителями и одним ребенком (22%). Данная диспропорция объясняется, на наш взгляд, тенденцией снижения детности и перехода на западный тип семьи, который в большей степени проявляется у жителей Курской области. На третьем месте в Астрахани семья с двумя родителями и одним ребенком (14,7%), а в Курске соответственно, многодетная семья (9,8%). Но опять же вызывает удивление пусть небольшой (4,2%), но все-таки процент выбора в Астрахани семьи вообще без детей, причем обоюдно, как среди женского, так и среди мужского населения. В Курске таких выборов нет вообще. 6,4% курян и 1,1% астраханцев с моделью семьи пока не определились.

Связь с другими людьми, обществом олицетворяет в современном понимании соседская община, коллектив, друзья, соотечественники. Община по своей внутренней метафизической сущности закономерно сопрягается в российском сознании и со всем мирозданием в целом, и с нашим земным окружением, и с отсутствием войны, вражды, насилия между государствами, нациями и индивидами. Община издревле скреплялась традициями развитого самоуправления, артельным демократизмом в организации надомных и зимних промыслов; нравственной заботой о «старых, вдовых и сирых». В нашем исследовании ставилась задача проследить отношение россиянина к соседскому и дружескому окружению, выявить степень индивидуализма в его поведении.

На вопрос: «Как должны строиться отношения с соседями?» большинство респондентов обоих регионов ответило «на дружеской основе, на взаимопомощи» (Курск 87% и Астрахань 84,2%), что подтверждает коллективистскую ментальную установку россиянина и его близость к соседскому окружению. Вместе с тем 8,1% курян и 13,7% астраханцев высказались за независимую линию поведения в отношении соседей, причем среди мужчин-астраханцев этот процент еще выше – 27,1%. Таким образом, хотя и слабо, но индивидуалистические тенденции современного российского общества прослеживаются.

Следующая связь проявляет себя в отношении к родному государству, Отечеству, родной земле, в чувстве патриотизма. Россиянин издревле всеми силами оберегал свое место обитания, свой Дом. Идея Земли была для него священна. Замечено, что в памятниках древнерусской литературы говорится, прежде всего, о Русской земле и крайне редко о русском народе. На протяжении всей истории Российского государства именно необходимость защиты Отечества всегда становилась для россиян толчком к пробуждению национального самосознания. Заметим, что народный культ природы, Земли-матушки на Руси был исключительно устойчивым и повсеместным. Существовал обряд вымаливания прощения у Земли, который предшествовал обряду церковной исповеди. Слово «земля» в русском языке имеет много значений. Это и почва, и страна, и народ, и весь земной шар.

Респондентам был задан следующий вопрос: «Как бы Вы поступили, если бы у Вас появилась возможность уехать за границу?». Ответы распределились таким образом. 8,1% курян и 4,2% астраханцев предпочли бы эмигрировать навсегда. Подавляющее большинство респондентов (Курск 74,8%, Астрахань 87,4%) уехали бы на определенное время с обязательным возвращением. Остались бы на Родине 13% курян и 4,2% астраханцев. Эти результаты говорят о достаточно прочной глубокой привязанности россиян к своему Отечеству, несмотря на ряд социальных потрясений, произошедших со страной в XX веке.

Чрезвычайно интересным являлся вопрос «В случае войны пошли бы Вы добровольцем на фронт за свое Отечество?». Данные на него ответы вызывают определенные опасения. Так, безоговорочно пошли бы на фронт 44,7% курян (57,7% мужчин и 41,2% женщин) и 47,4% астраханцев (73,9% мужчин и 38,9% женщин). Отказались защищать свою Родину 21,1% курян (30,8% мужчин! и 18,6% женщин) и 13,7% астраханцев (отказавшихся мужчин нет, женщин 18,1%). И затруднились ответить примерно треть респондентов в обоих городах (Курск – 34,2%, 11,5% мужчин и 40,2% женщин; Астрахань – 38,9%, мужчин 26,1%, женщин 43%). Насчет женского населения все понятно и простительно – они не являются военнообязанными в нашей стране, хотя патриотические настроения и это показывает. А вот относительно мужчин напрашивается неутешительный вывод – они не готовы в полной мере встать на защиту Отечества. Это не соответствует традиционным установкам российского менталитета, а отражает современную ситуацию в нашем Отечестве. Вероятно, люди в стране, несколько раз поменявшей за XX столетие свою идентичность, просто не находят себя в ней в полной мере, ощущают некоторую отчужденность в своем родном Отечестве, неважно, кто в нем в какой период правит. И такие настроения достаточно популярны сегодня, у юношей почти исчезла мотивация служить в армии. Причем опрос выявляет более неблагоприятную ситуацию в этом плане в Курске, нежели в Астрахани.

И, наконец, опрос прояснил ситуацию с идентичностью россиянина в ряде мест пребывания, в какой мере он чувствует близость или отдаленность с людьми своего поселения (деревни, села, города), с жителями областного центра, с жителями всей области, с Москвой как столицей, а также с жителями всей России и всем человечеством в целом⁸.

Результаты свидетельствуют о том, что максимальную близость респонденты обоих городов проявляют в отношении своих земляков. «Близкое, но не свое» характеризует, в первую очередь, отношения с жителями областного центра и всей области в Астрахани, а в Курске сюда можно было бы даже отнести характеристику «безразличное». «Далекими, но не чужими» предстают, прежде всего, жители всей России. Степень близости к Москве, как ни странно, выше у астраханцев, куряне же характеризуют столицу, либо как «безразличную», либо как «далекую, но не чужую». При этом жители всей России и все человечество осознаются в Курске как более близкие. Для астраханцев жители всей России, прежде всего, далекие, но не чужие. И наконец, все человечество оказывается чуть более ближе курянам, чем астраханцам.

⁸ Методика взята из монографии: Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Социокультурный портрет Курской области. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – С. 147-148.

Последний вопрос в проведенном исследовании касался образа идеального жилища: студентам было предложено описать свое видение идеального Дома.

Анализ примеров описаний идеальных жилищ выявил, что у юношей и девушек Курска описания перегружены количеством внешних деталей (мебель, бытовая техника и т.п.). Причем у юношей эта тенденция выражена более ярко и последовательно: только в одном из приведенных описаний говорится о внутренних ощущениях (уют, комфорт). Мы видим перед собой типаж «Человека отеля», для которого характерен меркантилистский культ потребителя, ориентация на материальное богатство как критерий жизненного успеха. Умиляет и настораживает одновременно, что в одном из описаний на девятом(!) месте после 2-3-х этажного дома, бассейна, сауны, ликера «Бэлис», множества стройных леди, собаки доберман пинчер, кроссовок «Адидас», iPod на 80 Гб, упоминаются картины русских классиков. Русские классики заняли «достойное» место в ряду внешней атрибутики успеха и респектабельной жизни!

У юношей Курска наблюдается стремление к защите своего внутреннего пространства (мотивы дома в лесу, на необитаемом острове; в нескольких случаях подчеркивается стремление отгородиться от соседей). И здесь перед нами «Человек отеля», существующий в перманентной ситуации нарушения границ своей интимной зоны.

Анализ примеров идеальных жилищ в Астрахани показывает ситуацию с точностью наоборот: юноши и девушки пишут в основном о внутренних ощущениях (уюте, комфорте, покое, радости, взаимопонимании и т.п.), внешняя атрибутика употребляется только фрагментарно. Это свидетельствует о том, что в большинстве случаев продемонстрированы традиционалистские ценности, стремление к внутренней гармонии, к семейной жизни и т.п. Интересно отметить, что в Астрахани в основном среди респондентов были будущие инженеры-строители и архитекторы, а в Курске – студенты гуманитарных специальностей.

Подведем итоги. Молодые люди из Курска и Астрахани по многим позициям демонстрируют определенное сходство, что говорит о тождестве менталитетов и сохранении единого информационного пространства Российской Федерации. Древнекитайский философ Лао-цзы в трактате «Дао-дэ-цзин» писал: «Если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то... он не достигает своей цели. Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться. Если кто-нибудь тронет его, то потерпит неудачу. Если кто-нибудь схватит его, то его потеряет»⁹. Речь идет о том, что именно духовное единство страны, менталитета ее населения, наличие единого информационного пространства придает обществу и государству подлинную целостность.

В представлении образа дома в менталитете современной молодежи на примере Курского и Астраханского регионов в целом сохраняется общая традиционалистская направленность мировоззрения (предпочтение дома как места пребывания, комфорта, защиты, полной семьи с двумя детьми, дружественных отношений с соседским окружением, патриотических настроений и т.д.), при некоторых неявных индивидуалистических тенденциях.

Список литературы

1. Астраханская область (социальный портрет региона) // Социальный атлас российских регионов / Портреты регионов (подготовлен сотрудником Института географии РАН Т.Г. Нефедовой) // <http://atlas.socpol.ru/portraits/astr.shtml>.
2. Керлот К. Словарь символов. – СПб., 1999.
3. Маклуэн М. С появлением Спутника планета стала глобальным театром, в котором нет зрителей, а есть только актеры // Кентавр. – 1994. – № 1. – С. 12.
4. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация. – Барнаул, 2001.
5. Викторин В.М. Ареалы Прикаспия как специфическое евразийское приграничье (к проблеме этносоциокультурной «реликтовости») // Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия: Материалы научной конференции. 19-20 апреля 2001 года. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001.

⁹ Дао-дэ-цзин / пер. и примеч. Ян Хин-шуна. – Спб., 1999. – С. 63.

6. Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Социокультурный портрет Курской области. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008.

7. Дао-дэ-цзин /пер. и примеч. Ян Хин-шуна. – Спб., 1999.

THE SOCIAL-CULTURAL IMAGES OF HOME IN THE MENTALITY OF CONTEMPORARY RUSSIAN YOUNG PEOPLE

S. N. ALEKHINA¹⁾
K. V. KARGAPOLOVA²⁾

*¹⁾ Kursk State Social Institute,
branch of Russia State Social
University*

e-mail: svetaleh@rambler.ru

*²⁾ Astrakhan Engineering-
Construction Institute*

e-mail: K474671@list.ru

This article is devoted to the notion of social-cultural images of home, founding in the consciousness of contemporary Russian young people. The results of sociological research «The ecophil values of Russian young people» are used for the basis of author's conception. The attitude of young people to Home, family, Motherland, owns compatriots makes it clear for presentation of national mental values, and also defines the fundamental tendencies of social-cultural development of the country. Authors come to conclusion about the general traditional directivity of the ideology of Russian young people.

Key words: Home, ecophilia, mentality, archetype, city, village, identity, family, the neighbouring commune, Motherland.

УДК 1(091) 075.8

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ИНТУИЦИИ

А. В. БОНДАРЕНКО*Уфимский
государственный
нефтяной
технический
университет**e-mail: Bondarenko@mail.ru*

Статья посвящена актуальной историко-философской проблеме – анализу философских концепций понятия интуиции. В работе прослеживается эволюция представлений об интуиции с момента зарождения собственно философской мысли (Платон, Аристотель) до современных представлений в понимании этого понятия.

Ключевые слова: Интуиция, интуитивное познание, интеллектуальная интуиция, античная философия, средневековая философия, философия Нового времени, немецкая классическая философия, современная российская философская мысль.

Вопрос о месте и роли интуиции в познании стал исследоваться уже в античную эпоху. Так, Платон рассматривал его в русле своей концепции припоминания знания души, а Аристотель связывал проблему интуиции с фундаментальностью и непогрешимостью научного познания. Эту традицию продолжили и средневековые авторы. Ф. Аквинский видел в интуиции царство «высшей истины», У. Оккам – основу абстрактного или дискурсивного знания. Но во взглядах античных и средневековых философов еще не было научного определения понятия «интуиция».

Представители философии Нового времени и немецкой классической философии сделали дальнейшие существенные шаги в понимании интуиции и ее главных признаков. Р. Декарт трактовал интуицию как «естественный свет разума», Б. Спиноза и Г. Лейбниц обращали главное внимание на ее высшую рациональную природу, И. Кант интересовался главным образом чувственной интуицией, И.Г. Фихте и Ф. Шеллинг рассматривали, но каждый по-своему, сущностные аспекты интеллектуальной интуиции, Г. Гегель, фактически, подчинял интуицию разумному познанию.

Развитие философии жизни, интуитивизма, экзистенциализма, феноменологии и герменевтики – новый важный этап в осмыслении интуиции, ее форм и основных черт (идеи А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, Э. Гуссерля и многих других авторов). Особо следует отметить учение Н.О. Лосского о чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции, характеристику сущности и специфики интуиции в произведениях А. Бергсона, соотношение интенциональности и интуиции во взглядах Э. Гуссерля.

Если мы обратимся к истории философских учений, то обнаружим, что вопросами определения интуиции, характеристики ее признаков занимались с давних времен – можно сказать, с момента зарождения собственно философской мысли.

Например, уже **в античной философии** под интуицией древние мыслители понимали непосредственное усмотрение реально существующего положения вещей. Так, великий Платон утверждал, что созерцание «идей» (прообразов вещей чувственного мира) есть ничто иное, как вид непосредственного знания, которое приходит как внезапное озарение, предполагающее длительную подготовку ума.

Так, например, данное утверждение можно доказать, обратившись к знаменитой платоновской концепции припоминания, согласно которой человек уже обладает знаниями с рождения, и то, что принято называть познанием нового, на самом деле является лишь припоминанием ранее известного. Это связано с тем, что души, обладая бессмертием, накапливают знания, с которыми они сталкивались ранее, а затем, когда это необходимо, припоминают их: «...раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она ни познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что

прежде ей было известно»¹. Интересно в этой фразе и то, что она очень сильно перекликается со знаменитой фразой из Дельфа «Познай себя».

Концепция Платона «знание есть припоминание» хорошо показана в его диалоге «Менон», где Сократ предлагает мальчику-рабу, который никогда ранее не изучал геометрию, решить задачу удвоения данного квадрата и посредством искусно поставленных вопросов приводит мальчика к правильному решению задачи. Из этого факта тотчас извлекается принципиальный философский вывод: «Следовательно, у человека, который не знает того, чего можно не знать, есть верные понятия о том, чего он не знает.... И теперь они вдруг порождаются у него как сновидение.... Поэтому он будет знать, не учась ни у кого, а только отвечая на вопросы, то есть почерпнет знания в самом себе.... Но почерпнуть знание в самом себе не значит ли припоминать?»². Великий античный философ Аристотель в своем значительном произведении «Органон» излагает два центральных положения. В первом тезисе, речь идет о тезисе фундаментальности, понимается всякая область знания, которая всегда имеет некое начало (или основу), являющееся как «радикальным» (т.е. последним и окончательным) и в тоже время «абсолютным», т.е. находящимся в независимости от методов описывающего его. Во втором тезисе – о непогрешимости, понимается такой фрагмент знания, претендующий на название научного, который бы основывался на истинных доказательствах и не подлежал бы сомнениям любого рода. Надо сказать, что индукцию Аристотель представлял как весьма ненадежный метод – не дающий надежного знания, а, следуя тезису о непогрешимости, такое знание не может быть научным. Интуиция же, напротив, является именно тем методом, с помощью которого и возможно получение достоверного знания, не нуждающегося в дальнейших проверках. Следовательно, исходя из этого, можно сделать вывод, что аристотелевские тезисы фундаментальности и непогрешимости ведут к интуитивизму³.

Надо также отметить, что Аристотель большое значение придавал чувственному опыту и дедукции, т.к. данные методы познания приводят к доказательству существования интуиции как особого, самостоятельного метода познания, а также как источника истины. Но, тем не менее, проблеме интуиции в аристотелевской философии уделено второстепенное значение⁴.

Средневековая философская мысль также обращалась к проблеме интуиции. По мнению Фомы Аквинского, средневекового философа и теолога, душа человека не только разумна, но и сознательна⁵. Отмеченное осознание реализуется посредством особой «операции сознания – интенции», главная функция которой, согласно Фоме Аквинскому, заключается в правильном направлении акта восприятия и познания. Как отмечает российская исследовательница С.А. Попова, Ф. Аквинский понимает под интенциональностью «способность самой души приводить в активное состояние интеллект: «...существует некоторая потенциальная способность относительно умопостигаемых вещей, предшествующая самому их постижению; она переходит относительно этих вещей в актуальное состояние при их познании и при размышлении о них. И эта способность называется возможностным интеллектом»⁶. Благодаря данному интеллекту, у человека появляется возможность подняться над разумом, над его ограничительными барьерами и погрузиться в область интуитивного – т.н. царства «высшей истины».

Таким образом, интенциональность проявляет себя как «интеллектуально-волевая сила души в познании чувственного мира, предметов умопостигаемых». В то же самое время Ф. Аквинский говорит и о существовании т.н. второго вида познания – через благодать, характеризуя его как «умозрительный, когда некоторому лицу открываются божественные тайны, сверхразумные, которые не могут быть доказаны силой человеческого ума»⁷.

¹ Платон. Собр. соч. в 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 590-591.

² Там же. – С. 592-596.

³ Аристотель. Соч. в 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 258.

⁴ Бунге М. Интуиция и наука. – М., 1967. – С. 7-9.

⁵ Антология мировой философии. Ф. Аквинский. В 4 т. –Т. 1. – М.: Мысль, 1969. – С. 843.

⁶ Попова С.А. Интуиция в мировой философской и психологической мысли: основные направления изучения: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – С. 25-26.

⁷ Антология мировой философии. Ф. Аквинский. В 4 т. –Т. 1. – М., 1969. – С. 843.

Другим видным представителем средневековой философской мысли, обращавшимся к проблеме интуиции, является английский философ Уильям Оккам, представитель поздней схоластики. По мнению Оккама, интуитивное познание является основой абстрактного или дискурсивного знания, притом, что каждое знание опирается на интуитивном (внутреннем) и чувственном (внешнем) опыте. Первичным познанием, по Оккаму, является интуитивное, которое включает внешние восприятия и интроспекцию. Оккам разграничивает несложное познание, в котором некоторые термины описывают отдельные предметы, от познания сложного, где понятия складываются в предложения. С позиции английского философа, без первого нет второго, причем познание первого вида может быть как интуитивным, так и абстрактным. «Интуитивно, полагает Оккам, наше изначальное согласие принять возможные истины. Интуитивно наше суждение о наличии вещи, когда она есть, но и об отсутствии ее, когда ее нет»⁸. Исходя из учения Оккама, следует, что с интуитивного познания начинается экспериментальное познание.

Согласно У. Оккаму, понятия, не сводимые к интуитивному знанию и не поддающиеся верификации, должны были быть удалены из науки: «сущность не следует умножать без необходимости» – «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*»⁹. Данное положение, получившее название «бритвы Оккама», сыграло значимую роль в борьбе против средневекового реализма, теории «скрытых качеств» и т.п.

Таким образом, можно сказать, что у философов античности и средневековья, пусть хоть и в зачаточном виде, просматриваются основы в изучении интуитивного познания.

Несмотря на то, что, как отмечено выше, проблема интуиции была дискуссионной с давних пор, но все же в период античного времени, средневековья и даже Возрождения фундаментальной разработки эта проблема не получает. И лишь с началом **эпохи Нового времени**, в связи с бурным развитием науки, проблема интуиции получает дальнейшее распространение и более детальное изучение. Как уже было выше сказано, в это время арифметика, геометрия, алгебра достигают высот своего развития: Галилей и Кеплер заложили основы небесной механики, получают распространение атомическое учение Бойля, механика Ньютона, а Кеплер, Ферма, Кавальери и Паскаль подготавливают своими открытиями дифференциальное и интегральное исчисления.

Вызванное жизнью такое бурное развитие математики и естествознания в 17 в. «выдвинуло перед наукой целый комплекс гносеологических проблем»: необходимость перехода от единичных фактов к общим и необходимым положениям науки, о достоверности данных естественных наук и математики, о природе математических понятий и аксиом и т.д. Т.е., требовались новые методы в теории познания, которые позволяли бы определить источники необходимости и всеобщности выведенных наукой законов. «Интерес к методам научного исследования повышается не только в естествознании, но и в философской науке, в которой появляются теории интеллектуальной интуиции»¹⁰. Так, во многом благодаря работам Р. Декарта была обоснована «необходимость построения естественнонаучного знания, опытной науки, независимой от веры и построенной на разуме.

Французский философ Рене Декарт – один из основоположников «новой философии», является «первооткрывателем» философской проблемы интуиции¹¹. В понятие «интуиция» Декарту вкладывает «понимание ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем»¹². Т.е. знание, полученное интуитивным путем, предстает как простое, ясное, самоочевидное. К примеру, к интуитивным истинам относятся основные аксиомы математики. Надо сказать, что Декарт не противопоставляет интуитивное и дискурсивное, считая, что одно с необходимостью предполагает другое. Но, как отмечают россий-

⁸Цит. по: Реале Д. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 1. Средневековье. – М.: Петрополис, 1995. – С. 181.

⁹Цит. по: там же.

¹⁰Ирина В.Р., Новиков А.А. В мире научной интуиции: интуиция и разум. – М.: Наука, 1978. – С. 8-9.

¹¹Там же. – С. 10.

¹²Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1989. –Т. 1. –С. 84.

ские исследователи В.Р. Ирина и А.А Новиков: «Вместе с тем интуитивное познание представляет собой наиболее совершенный вид интеллектуального познания»¹³.

Отметим также, что в своем учении об интуиции Декарт преодолевает иррационализм средневековой схоластики, ведь интуиция выступает у него не как средство постижения Бога, а как условие раскрытия тайн природы силой человеческого разума. Надо сказать, что Декарт полностью отвергает вероятность использования в научном познании Божественного Откровения. Таким образом, интуиция Декарта «предельно рациональна, логична, находится в теснейшей связи с логическим процессом, дедукцией»¹⁴.

Другой не менее известный представитель философской мысли Нового времени – голландский философ Б. Спиноза видел в интуиции высшее проявление рациональных способностей человека, сформированных на свободе восприятия, когда «вещь воспринимается единственно через ее сущность или через познание ею ближайшей причины»¹⁵.

Чтобы всецело понять учение об интуиции Спинозы, необходимо ознакомиться с его знаменитой доктриной о трех «родах познания», представляющей следующие три «степени познания»: 1) воображение и мнение; 2) рациональное познание; 3) интуитивное познание.

1. Первый тип является познанием эмпирическим, т.е. относящийся к чувственному восприятию и образам.

2. Познание второго вида – *ratio* (рассудок), «является познанием собственно научным...»

Отличием второго рода познания от первого является то, что оно «ясно и отчетливо улавливает не только идеи, но и их неизбежные связи».

3). Самым последним и самым мощным видом познания является, по Спинозе, познание интуитивное – т.н. третий род¹⁶. Отличительные особенности этих трех видов четко прослеживаются в следующем фрагменте сочинения Спинозы: «Например, даны три числа и нужно получить четвертое, которое бы относилось к третьему как второе к первому. Торговцы без колебаний умножают второе число на третье, а произведение делят на первое число, или же, если еще не забыты знания, полученные от учителя, действуют по теореме 19 из VII книги Евклида об общих свойствах пропорциональных чисел. Однако ни тот, ни другой из этих способов не нужен. Например, пусть даны числа 1, 2, 3; любой знает, что четвертым пропорциональным числом будет 6 (т. е.: 1 относится к 2 как 3 к 6) – это совершенно ясно из отношения первого ко второму, откуда легко можно вывести четвертое число»¹⁷.

Приведенный выше пример с торговцами относится к первому виду познания, а основанный на «Началах» Евклида – ко второму роду, а последний иллюстрирует третий – интуитивный род познания¹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что, «как и все представители рационализма, Спиноза утверждал приоритет именно интуитивного знания, связывал с ним безграничные возможности познания человеком себя и окружающего мира».

Для Готфрида Вильгельма Лейбница – немецкого философа-идеалиста, интуиция – это «монада» всех дискурсивных доказательств, воплотившая в себе предикаты вещей в сознании субъекта. «Интуиция – высший уровень познания, позволяющий осознать все рациональные истины». Высший критерий истинности – принцип тождества, а он интуитивен. Вот что пишет о роли интуиции Лейбниц в своем «Рассуждении о метафизике»: «только тогда, когда наше познание бывает ясным (при смутных понятиях) или интуитивным (при отчетливых), – только тогда мы созерцаем полностью идею»¹⁹.

Родоначальник немецкой классической философии И. Кант подчиняет «учение об интуиции поиску новой методологии». Философ признает за человеческим мышлением

¹³ Ирина В.Р., Новиков А.А. – Указ. соч. – С. 11.

¹⁴ Попова С. А. Указ. соч. – С. 11.

¹⁵ Спиноза Б. Избранные произведения. – М.: Мысль, 1957. – Т. 1. – С. 325.

¹⁶ Там же. – С. 438.

¹⁷ Там же. – С. 439.

¹⁸ Реале Д. и Антисери Д. – Указ. соч. – С. 248.

¹⁹ Лейбниц Г.В. Сочинения. В 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 151.

способность к интуитивному постижению реальности²⁰. При этом интуитивное созерцание, согласно Канту, существует не как непосредственное созерцание ума, а как чувственная интуиция. Как отмечают в своей работе «В мире научной интуиции» В.Р. Ирина и А.А. Новиков: «Признание Кантом только чувственной интуиции было вызвано его стремлением ограничить познание областью явлений, показав принципиальную непознаваемость «вещей – в себе»»²¹.

Важная роль в обосновании интуиции принадлежит И.Г. Фихте – немецкому философу-идеалисту, который рассматривает интуицию как метод постижения его философского учения²². Надо сказать, что у И. Фихте познание выступает как самопознающая деятельность субъекта, которая является предметом интеллектуальной интуиции, а уже при помощи последней снимается противопоставление объекта и субъекта, т.к. всякая реальность выступает у Фихте продуктом деятельности «я»²³.

Коренным моментом всей системы другого немецкого философа-идеалиста А. Шопенгауэра составляет учение о «Воле» – чистом и первичном сознании, основе всего сущего, которую Шопенгауэр объявил принципиально познаваемой исключительно через интуицию. По мнению Шопенгауэра, «интуиция – это то, что лежит в основе всякой мудрости, гениальности и в конечном счете истинности, представляя собой «величайшее наслаждение», какое только возможно для человека». «Интуиция объемлет весь мир, проникает во все сущее; «...только то, что вытекает из интуиции... только это содержит в себе живой зародыш, из которого могут вырасти оригинальные и истинные творения...»»²⁴.

Ф.В. Шеллинг так же, как и Фихте, для обозначения интуиции применяет понятие «anschauung» – «созерцание, обозначающее внутреннее чувство, непосредственное внутреннее созерцание, а именно, интеллектуальное созерцание»²⁵. Согласно Шеллингу, интеллектуальная интуиция представляет собой созерцание интеллектом действия в момент его свершения. «Она есть ключ к разрешению диалектических противоречий – абсолютного и относительного, бесконечного и конечного, субъекта и объекта, природы и сознания»²⁶.

В своей работе «Творческая эволюция» А. Бергсон представляет интуицию в качестве источника любого знания – как способ наиболее доступного постижения действительности. Непосредственно творческой эволюцией каждого человека, по А. Бергсону, управляют жизненная сила, жизненный порыв и жизненный дух²⁷. Интуиции, в учении Бергсона, отводится роль некоего органа познания этого «жизненного порыва». Как отмечает российская исследовательница Н.Н. Королева в своей работе «Научная интуиция: проблема философской концептуализации»: «В философии А. Бергсона интуиция это вечное движение, а движение есть метафизика как учение о первоначалах и первопричинах сущего... Истинная интуиция выходит за границы интеллекта и представляет собой познавательную способность, отличную от чувств и сознания»²⁸.

Надо сказать, что учение об интеллектуальной интуиции занимает важное место в философии Э. Гуссерля. Интуиция предстает у Гуссерля как высший вид познания, «позволяющий непосредственно созерцать всеобщее, находящееся в самом познании, безотносительно к тому, соответствуют ли эти сущности чему-нибудь в реальности»²⁹.

Вопросам познания интуиции в работах Н.О. Лосского, как нам кажется, уделено особое место, да это и неудивительно, если учесть, что Лосского многие считают основателем одного из течений в познании – интуитивизма.

²⁰ Кант И. Сочинения. В 6-ти томах. – М.: Мысль, 1964. –Т. 3. – С. 129.

²¹ Ирина В.Р., Новиков А.А. Указ. соч. – С. 17.

²² Фихте И.Г. Избранные сочинения. – Т. 1. – М.: Путь, 1916. . – С. 422.

²³ Там же. – С. 17.

²⁴ Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. – М.: Изд. м-на Книжное дело, 1904. – С. 7.

²⁵ Панова Н. А. Роль интуиции в морали: Дис. ... канд. филос. наук. – М., 2005. – С. 16.

²⁶ Шеллинг Ф.В. Избранные сочинения. – М.: Мысль, 1987. – С. 315.

²⁷ Бергсон А. Философская интуиция // Новые идеи в философии. – СПб., 1912. – С. 3.

²⁸ Королева Н.Н. Научная интуиция: проблема философской концептуализации. – Уфа: РИО БГУ, 2005. – С. 21.

²⁹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – М.: Логос, 1911. – Кн. 1. – С. 56.

Вопросы гносеологии являются центральными в философской системе Н.О. Лосского. Интуитивизм Лосского явился своего рода ответом, в форме разработанного учения, ранее существовавшим методам познания. Как отметил сам Н.О. Лосский: «Интуитивизм вскрывает и устраняет ложную предпосылку разобщенности между познающим субъектом и познаваемым объектом, лежащую в основе теорий знания индивидуалистического эмпиризма, докантовского рационализма и кантовского критицизма»³⁰. Таким образом, Лосский пытается показать, что сознание по своей природе носит открытый, а не закрытый характер. Т.е., проблема соответствия предмета – представлению о нем уже не является неразрешимой. Метко охарактеризовал эту позицию российский философ С.А. Левицкий: «Лосский не обходит гносеологической проблематики и рубит «гордиев узел» указанием на факт интуиции и исследованиями ее возможности»³¹.

Выясним, что же понимал Лосский непосредственно под понятием интуитивизм. Обратившись к разделу «Идеал-Реализм» в работе Н.О. Лосского «Общедоступное введение в философию», которая вышла в свет в 1956 г., мы найдем, что «интуитивизм... есть учение о том, что познаваемый предмет, даже и в случае знания о внешнем мире, вступает в сознание познающего индивидуума в подлиннике самолично и потому познается так, как он существует независимо от акта познания». Понятие интуиции определялось соответственно так: «... это непосредственное созерцание предмета познающим субъектом». Но первичная данность, называемая Лосским гносеологической координацией между индивидом и познаваемым им миром, еще не есть познание, т.к. для достижения знания, выразимого в суждении и содержащего истину, нужны еще акты внимания, различения, иногда воспоминания. При восприятии какого-либо предмета Лосский призывает обратить внимание на две стороны в этом процессе – субъективную и объективную. Субъективная сторона состоит из уже упомянутых актов «сознавания, различения, припоминания, а объективной стороной может быть любое бытие из состава мира»³².

Проблемам интуитивизма в философии С.Л. Франка – также как и у Н.О. Лосского, отводится особое место. В одном из своих основных трудов – «Предмете знания», С.Л. Франк представляет нам детально разработанное учение об интуитивизме³³. Созерцание, или интуиция, является, согласно Франку, «первичным знанием».

Интуиция у Франка предстает в виде «сверхчувственного созерцания», «которое начинается с «сердечно-эмоционального впечатления», когда человек не просто видит этот мир, а воспринимает его определенным образом, во всем единстве, в его течении, в слитности объективных свойств предметов и субъективных переживаний самого человека»³⁴.

Франк очень четко показывает отличие логического от интуитивного познания: если логическое познание, по Франку, «имеет дело с элементами, дифференцированными из целого, является в силу этого всегда абстрактным и относится к более низкому уровню бытия. Оно дискретно и безжизненно, дано через посредство созерцательной интуиции. Жизнь познается только в процессе схватывания ее как целого в «живом познании», когда достигается единство, слияние субъекта с жизнью, когда «Я» не просто созерцает объект, но и живет им, то интуитивное познание, способное воспринимать нерасчлененное целое, является вершиной познания»³⁵.

Как нам кажется, весьма справедливы слова, высказанные российским исследователем Д. В. Солодухиным о франковской трактовке учения об интуиции, он отмечает, что «интуитивная концепция Франка позволяла органично синтезировать достижения различных направлений, довольно успешно преодолевая многие «узкие места» традиционных онтологии и теории познания»³⁶.

³⁰ Лосский Н.О. Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 326.

³¹ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М.: Канон, 1996. – С. 336.

³² Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: Республика, 1995. – С. 336.

³³ Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания // Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. – С. 175-281.

³⁴ Там же. – С. 282.

³⁵ Франк С.Л. Указ. соч. – С. 89.

³⁶ Солодухин Д.В. Рациональные и иррациональные аспекты познания в интуитивизме С.Л. Франка: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2001. – С. 1.

Таким образом, вопросы гносеологии, и в частности проблема интуитивизма, рассмотренные в работах С.Л. Франка, явились, несомненно, значимым шагом в развитии российской философской мысли.

Проблеме возможности существования внелогических форм познания уделено большое внимание и в современных исследованиях, особенно в философии и психологии. Имеется значительное количество публикаций и работ, в том числе коллективного характера, по данному вопросу³⁷.

Работа и результаты деятельности загадочной творческой интуиции, достижение состояния озарения, «инсайта», «ага-переживания» уже давно являются предметом изучения многих исследователей из совершенно разных отраслей научного знания. Так, например, в таких областях научного знания, как: медицине, физиологии высшей нервной деятельности, математике и кибернетике, – проблема роли интуитивного мышления вызывает особый интерес у исследователей³⁸.

Необходимо отметить, что в отечественной научной литературе долгое время при изучении проблемы творчества преобладающим являлся подход, который закреплял безраздельное господство логического начала в творческом процессе, притом, что внелогический момент попросту отрицался, а мышление в основном отождествлялось с высшей ступенью познания. Таким образом весь творческий процесс сводился лишь к возможностям произвольного, логического поиска. Данная позиция предусматривала следующие этапы развития: 1) осознание проблемы, 2) ее решение, 3) проверка³⁹. На сегодняшний день такое положение вещей уже в корне не устраивает научные умы, вследствие чего интуитивный момент и его роль в творческом процессе становится объектом повышенного интереса и изучения.

Итак, несмотря на существование значительного количества различных подходов, концепций и толкований, относительно вышеуказанной проблемы, отрицательной стороной является тот факт, что она чрезвычайно сложно поддается не только логическому анализу, но даже и вербальному описанию⁴⁰. Кроме того, как отмечают ряд исследователей, например, В.Р. Ирина и А.А. Новикова, широко и семантическое толкование понятия «интуиция». Этот горизонт трактовок колеблется от определения интуиции как «смутного полусознательного «предчувствия», близкого по своему характеру и форме проявления к психофизиологическому инстинкту животных, до высших форм творческого мышления, имеющих место в науке и искусстве», а в настоящее время под данным вышеуказанным термином понимают и ««вид знания», и «специфическую способность», и «особое чутье», и «догадку», и «мгновенное восприятие, и даже «фантазию»»⁴¹.

На наш взгляд, интуиция – это один из высших способов человеческого познания действительности, в котором возникает непосредственное целостное ее постижение и освоение – в актах преодоления не только логики, но и чувственности как таковых. В интуиции прослеживается особый тип мышления, в котором отдельные элементы процесса мышления проносятся в сознании, в той или иной степени бессознательно, а явственно осознается только результат мысли.

Список литературы

1. Платон. Собр. соч. в 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.
2. Аристотель. Соч. в 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 252 с.
3. Бунге М. Интуиция и наука. – М.: Прогресс, 1967. – 187 с.
4. Антология мировой философии. Ф. Аквинский. В 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1969. – 827 с.
5. Попова С. А. Интуиция в мировой философской и психологической мысли: основные направления изучения: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – 174 с.

³⁷ См.: Интуиция, логика, творчество: сб.ст. / под ред. М.И. Панова. – М.: Наука, 1987.

³⁸ Кузнецов А.Е. Интуиция как философская проблема: гносеологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иркутск, 1999. – С. 1.

³⁹ Интуиция, логика, творчество. – С. 8.

⁴⁰ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 110.

⁴¹ Ирина В.Р., Новиков А.А. Указ. соч. – С. 81.

6. Реале Д. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 1. Средневековье. – М.: Петрополис, 1995. – 335 с.
7. Ирина В.Р., Новиков А.А. В мире научной интуиции: интуиция и разум. – М.: Наука, 1978. – 191 с.
8. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
9. Спиноза Б. Избранные произведения. – М.: Мысль, 1957. – Т. 1. – 631 с.
10. Лейбниц Г.В. Сочинения. В 4-х т. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.
11. Кант И. Сочинения. В 6-ти томах. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
12. Фихте И.Г. Избранные сочинения. – Т. 1. – М.: Путь, 1916. – 452 с.
13. Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. – М.: Изд. м-на Книжное дело, 1904. – 454 с.
14. Панова Н. А. Роль интуиции в морали: Дис. ... канд. филос. наук. – М., 2005. – 136 с.
15. Шеллинг Ф.В. Избранные сочинения. – М.: Мысль, 1987. – 543 с.
16. Бергсон А. Философская интуиция // Новые идеи в философии. – СПб., 1912.
17. Королева Н.Н. Научная интуиция: проблема философской концептуализации. – Уфа: РИО БГУ, 2005. – 91 с.
18. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – М.: Логос, 1911. – Кн. 1. – 357 с.
19. Лосский Н.О. Избранное. – М.: Правда, 1991. – 623 с.
20. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М.: Канон, 1996. – Т. 2. – 497 с.
21. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: Республика, 1995. – 399 с.
22. Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания // Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. – 657 с.
23. Солодухин Д.В. Рациональные и иррациональные аспекты познания в интуитивизме С.Л. Франка: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2001. – 23 с.
24. Интуиция, логика, творчество: сб.ст. / под ред. М.И. Панова. – М.: Наука, 1987. – 175 с.
25. Кузнецов А.Е. Интуиция как философская проблема: гносеологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иркутск, 1999. – 22 с.
26. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. – 1994 – № 2. – С. 110-122.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CONCEPT “INTUITION”

A. V. BONDARENKO

*Ufa State Oil
Technical
University*

e-mail: Bondarenko@mail.ru

The article is devoted to the actual historical and philosophical problem: the analysis of philosophical meanings of the concept “intuition”. The paper reveals the evolution of representations of intuition from the moment of origin of actually philosophical thought (Plato, Aristotle) up to modern representations in understanding of this concept.

Key words: Intuition, intuitive knowledge, intellectual intuition, ancient philosophy, medieval philosophy, philosophy of New time, German classical philosophy, modern Russian philosophical thought.

УДК 141.333

ТЕНДЕНЦИИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ВЕРЫ В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Г. М. ВЕРШИНСКАЯ*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
verschinskaya@mail.ru*

В статье рассматривается проблема веры в русской традиционной народной культуре. Отмечается ее синкретичный характер в столкновении влияний язычества и христианства.

Ключевые слова: вера, религия, традиционная культура, христианство, язычество.

Несмотря на более тысячелетнюю историю христианства в России в русской традиционной культуре вплоть до XIX столетия сохраняли свое существование элементы языческих верований. Кроме известных причин принятие христианства, явилось, своеобразной попыткой разрыва с «архаическим» прошлым традиционной культуры, на деле только активизировавшего архаику – языческо-мифологическую составляющую традиционной картины мира «древнерусского» этноса и «архаических» ценностей. «Архаика», стоящая за формой труда – земледелием, не уступала свои позиции православию как «модерну» вплоть до конца XV века, когда празднование языческого Нового года было перенесено с марта на сентябрь уже как символ православной традиции. Только с этого периода можно говорить о некоем «синтезе» язычества и православия, хотя первое остается в основе обрядности, а фольклор только внешне «прикрывается» христианской идеологией. В свою очередь противостояние «модерна» и «архаики» формирует у крестьянства двойственность ценностных ориентаций, что в итоге послужило причиной двоеверия.

Как известно, до эпохи христианизации язычество было универсальной системой, дающей обобщающую картину мира, которая пронизывала все сферы жизни крестьянского социума. Поэтому с этими сферами соотносилась и иерархия мифологических существ – от пантеона высших богов до сонмов низших духов. Поскольку сверхъестественный мир находился в постоянной и непрерывной взаимосвязи с миром людей, это способствовало, их объединялись не только благодаря антропоморфизации сверхъестественного мира и космоса в целом, но и в результате отправления многочисленных ритуалов. В крестьянской традиционной картине мира язычество охватывало собой всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной, потому как общество было проникнуто убежденностью в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех трудовых процессах жизни человека.

Установление христианства на Руси как нового религиозного мировоззрения началось с «настоящего двоеверия, не только с перенесения в христианство части прежних языческих верований, но и с соединения язычества с христианством как целой веры или простого присоединения вновь принятого христианства к язычеству. В первое время после принятия христианства наши предки, с одной стороны, молились и праздновали христианскому Богу и его святым, а с другой стороны молились и праздновали своим прежним богам языческим. Тот и другой культ стояли рядом и практиковались одновременно». ¹ Это позволяет сделать вывод о том, что на начальном этапе христианизации в русской традиционной культуре происходило формирование своеобразной модификации политеистического мировоззрения, в котором почитание христианского Бога и святых присоединялось к культу старых языческих богов. Подтверждение данному факту находим в трудах В.Н. Топорова: «В первые века после крещения языческое наследие оставалось весьма значимым элементом культуры древнерусского общества. Основным направ-

¹ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1984. 2-е изд. Т. 1. Ч. 2. – С. 849.

лением насаждения новой веры была борьба с политеизмом. Христианизация вела к гибели всей системы культа древних богов как представителей высшего уровня религиозно-мифологического мировоззрения»².

В то время как народное мировоззрение представляло собой единую систему верований, то христианство лишь частично уничтожило довольно свободную в некоторых отношениях аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей. Вместе с тем бытовое православие представило языческим персонажам статус «нечистой силы», противостоящей силе «крестной», чистой и преисполненной святости. Причем эти силы в народном сознании не равновелики, ибо воля Божья и промысел Божий господствует над всем и определяет всё. Согласно этому постулату, принятие христианства вызвало не только и не столько «переодевание языческих богов в христианское платье» или частичную замену названий и форм языческих праздников христианскими, сколько «значительное усложнение нравственно-эстетических представлений и средств ритуального и поэтического выражения и исполнения»³. Следовательно, видоизменяясь, народное язычество, не исчезло с принятием христианства, а трансформировало важнейшие обрядовые установления и догматические законоположения принятого христианства.

Такое принципиальное изменение в религиозном мировоззрении крестьянства как восприятие идеи монотеизма могло происходить относительно независимо от эволюции религиозного сознания. Понимание сущности божества, как некой высшей силы управляющей миром, по всей видимости, оставалось одинаковым и на последней стадии язычества, и на начальном этапе христианизации. Семиотическим фактором, сопутствующим данному процессу, были основные понятия дохристианской религии славян. Распространение новой веры подразумевало наполнение этих понятий принципиально новым содержанием, но реально и язычники, и первые христиане Руси использовали одни и те же слова для своей религии.

В соответствии с этим усвоение христианской интерпретации религиозной лексики, которая исходила из евангельских текстов, требовало длительного времени. А между тем в языковой культуре оставался «архаический след», который представлялся серьезным фактором, замедлявшим процесс освоения христианского вероучения в полном объеме. Кроме того, причина «живучести» языческого наследия заключалась и в общих механизмах взаимодействия человеческого сознания с внешней социокультурной средой крестьян. Для религиозного сознания весь окружающий мир, как природный, так и культурный, осмысляемый посредством знаковых систем, неизбежно служил источником многочисленных ассоциаций.

Поэтому в первые десятилетия языческая картина мира, закрепившая соответствующие смыслы и значения для естественных и искусственных предметов как на логико-понятийном, так и на эмоциональном уровне, не могла полностью исчезнуть в первые века христианской Руси. Новокрещенные жители сёл и городов не меняли своей традиционно-бытовой культуры, оставаясь практически в том же предметном мире, что и предки во времена язычества. В силу этого они следовали тем же древним традициям строительства домов, изготовления одежды, форм музицирования, народного творчества, досуга и приготовления пищи, земледелия и скотоводства. В каждой из этих сфер культурных занятий присутствовали элементы религиозного отношения к действительности, имеющего дохристианское происхождение.

Кроме того, будучи помещенным, в архетипическую модель жизнедеятельности, крестьянин как носитель «социально» и «культурно» обусловленной картины мира находился в ней в каждый момент жизни – и в сакрально отмеченный, и в сакрально нейтральный. В определенном смысле можно говорить, что крестьянин, как носитель такой модели, «интериоризировал в природу культуру», отчего противопоставление «природа-культура» нейтрализовалось в крестьянской культуре не экспансией культуры, а ее по-

² Топоров В. Н. Боги древних славян. – С. 174.

³ Толстой Н.И. Христианизация как фактор усложнения структуры древнеславянской духовной культуры // Введение христианства у народов Центральной Европы. Крещение Руси. М., 1987. – С. 52.

глощением природой. (ср. хотя бы фотографию, органично вошедшую в архетипический быт в качестве ритуального объекта)⁴.

Такое свойство поддерживает прочность архетипической модели, разрушить которую гораздо сложнее, чем это обычно представляется. Архетипическая модель, «однородна» в том плане, что она мифологизирует весь универсум, попадающий в ее «поле зрения» и «неоднородна» в том смысле, что она мифологизирует универсум по-разному. Такая неравномерность предоставляла крестьянскому социуму большую самостоятельность в индивидуальных действиях. В виду того, что не все точки модели кодифицируются одинаково, то, в определенных ситуациях, носитель может отступать от кодифицированного поведения, оставаясь при этом внутри архетипа (при условии неукоснительного выполнения правил в диагностических контекстах)⁵.

Более того, сохранение архаики, в значительной степени связанной с сельскохозяйственной практикой, не было самоцелью, а являлось необходимым условием физического выживания крестьянского социума. Даже христианские праздники, переработанные архетипическим – фольклорным – сознанием крестьянина, на уровне подсознания оказались связанными с «персонажами» «крестьянского пантеона», куда включались, преимущественно, святые, отвечавшие социокультурным потребностям социума – они контролировали выполнение правил, установившихся в общине. Например, считалось, что грешно шить красным в день св. Федора, «ночью он может тебя убить», на Рождество нельзя есть мяса, «чтобы звери не напали на скот, прясть с среду и пятницу «чтобы не засорять кострищей глаза св. Пятнице или мертвым глаза», не пустить в избу колядующих «в хозяйстве проку не будет» и др.

В силу этого церковные священнослужители не могли ставить и не ставили своей целью «искоренение» всех элементов традиционной культуры крестьян. Подобное требование можно было довести до абсурда обязав «по-христиански» лепить горшки, плести лапти, шить одежду и рубить дрова. Но церковь не шла по такому пути, а значит и способы изготовления горшков, плетения лаптей и рубки дров оставались вне оппозиции «христианство – язычество» и здесь сохранились древние формы и механизмы культуры, которые носили, во многом, архетипический, универсальный характер. Стоить, иметь в виду, что сопричастность к культурным архетипам отдельным индивидом отчетливо не осознаётся. Поэтому воспроизведение их конкретной личностью выступает рационально непреднамеренным актом.⁶ Отсюда следует, что архаичные мыслеформы, в традиционной культуре существовали, открыто, а после утраты сознательной веры в языческих богов продолжали существовать в народном сознании в виде архетипов коллективного бессознательного.

Не смотря на то что, христианизация шла по пути вытеснения языческого политеизма христианским монотеизмом, свое устойчивое место в традиционной крестьянской картине мира сохранили магические верования. Большинство типологических параллелей с традиционной обрядностью и магическими верованиями встречаются в аграрных и семейных ритуалах. Но наиболее яркими и представительными фрагментами древнеславянской культуры, которые сохранились до наших дней, являются календарные праздники, включающие в себя множество архаических мотивов и пережиточных явлений. Их отголоски мы находим в «перевоплощение колядующих по окончании песни – колядки в «наседок»: «Квох, квох, выведу тридцать двох, и чтоб ни один не сдох»; в традиции «святъ из рукава» зерна овса, ржи, пшеницу, гречихи в «Красный угол избы, (под образа) под обрядовые песни: «Со скотом, с животом, со пшеничкой и овсом», «Торох, торох, зароди, Бог, горох, жичку, пшеничку, ячмень, гречиху»; в «окликани» Егория холодного, почитаемого в народе как хранителя домашних животных». «На нае оглянись, скотинушку оберечи от стужи холодной и зверя лютого»; в обряде угощения Мороза кутьёй, дабы умилостивить его, чтобы не «тронул» посевы весной и не заморозил ягнят, телят, да маленьких ребят»⁷.

⁴ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.,1971, – С. 182-183.

⁵ Цивьян Т.В. Морфологическое программирование повседневной жизни. // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985. – С. 155.

⁶ Забияко А.П. Архетипы культурные // Культурология. XXвек. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 1. – С. 38.

⁷ Жиров М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры. Белгород, 2003, – С. 141-142, 148.

Однако, ритуально магические черты календарной обрядности, почти не несут ни каких следов политеистических воззрений. Их традиционно-бытовой характер косвенно указывает на возможную автономность соответствующих праздничных ритуалов в общем поле языческого мировоззрения крестьянства. Магические верования базируются на признании сверхъестественных связей между действиями людей и ожидаемым эффектом, результатом этих действий. В соответствии с этим они сохранились в виде суеверий и после того как языческие боги «умерли», они передавались от поколения, к поколению являясь, неотторжимым элементом традиционной картины мира крестьян. Это говорит о том, насколько глубоко и тесно связаны с повседневной жизнью древнерусского человека такие элементы традиционной культуры как народная вера и знания.

Из всех «компонентов» традиционной крестьянской культуры, способных в полной мере раскрыть содержание мировоззрения и традиционной крестьянской картины мира, является земледельческий календарь, который в наименьшей степени зависел от культурно-исторических изменений. В нем был аккумулирован значительный запас как проверенных знаний о закономерностях природных процессов и явлений, приобретенных повседневной практикой и опытом, необходимых для удовлетворения конкретных нужд и забот земледельца, так и знаний, принимаемых «на веру».

Поэтому картина мира крестьян, связанная с традиционной семиотикой, аграрным календарем и земледельческой обрядностью, еще долгое время оставалась без видимых изменений. Из всех сословных «субкультур», выделившихся из однородной древнерусской культуры, только одна, крестьянская, почти полностью сохранила в картине мира языческую архаику, на которой основывалось как народное знание, так и локальные верования, которые, по сути, определяли региональную специфику «кодифицированного» поведения.

Это в значительной мере обусловлено непосредственной взаимосвязью между процессом усвоения христианской веры с переходом от языческого к христианскому календарю. Календарь юлианский был принят русским крестьянством лишь в XVI столетии, когда языческая система календарных праздников, привязанная к сельскохозяйственным занятиям, сменилась типологически тождественной ей системой праздников христианских. Постепенно с течением времени язычество, и христианство наслаивались друг на друга, и в процессе этого наслоения христианство получало стимул к дальнейшему развитию, а язычество – низводилось до уровня языческих понятий и преданий.

И тем не менее, принятие христианства дает новое направление в развитии народной традиционной культуры. С расширением социального опыта и накоплением практического знания культура отделяется от ритуала/обряда и превращается в самостоятельное утилитарно-духовное явление. В этот период «культурный дуализм, т.е. параллельное существование», как следствие разделения духовной и практической сторон человеческой жизни, приводит выделению веры как особого – духовного – феномена культуры, занимавшего в традиционной крестьянской картине мира отдельное место. И этому есть научное и практическое объяснение.

Христианизация Руси означала смену мировоззрения, что не могло не отразиться на традиционной крестьянской картине мира, во многом связанной с календарной системой. Языческая календарная обрядность, обслуживавшая земледелие, оказавшись в оппозиции к новому миропониманию, «не желала» подстраиваться под новые культурные условия: она адаптирует под себя чуждую ей религиозную систему, что в «плане выражения» выглядело как обратный процесс христианизации язычества. Так, традиционная картина мира, в период от поклонения природе к «монотеизму», «переходит» от языческого культа предков с его идеей вечного возвращения к христианскому культу святых и вечному блаженству души после смерти. В фольклоре появляются духовные стихи, вытекающие преимущественно из непризнанной официальной церковью апокрифической литературы с явными языческо-мифологическими акцентами, что демонстрирует специфику народной религиозности.

Также следует учитывать, что жизнь человека в традиционной культуре была крайне ритуализирована. Ритуал благодаря своей укорененности в культуре и даже своему «предшествованию» ей, исполнял роль естественного, «природного» способа переживания наиболее напряженных моментов жизни индивида и коллектива. Событийный

ряд трансформировал факт рождения или смерти в длительный процесс, они как бы растягивали его, при этом само событие переходило на второй план. Так сами роды, к примеру представляли собой лишь эпизод в структуре родильной обрядности. Ритуал рождения ребенка начинался гораздо раньше самих родов, а завершался лишь после крещения младенца; ритуальная подготовка к смерти обрядовой одежды гроба начиналась иногда задолго до старости. Такое растягивание событий переводило реальные события в сферу условного, постепенного, зависящего от ритуала, что, кроме, всего прочего, имело, вероятно, и необходимый психотерапевтический эффект. К тому же смысл самого ритуала не ограничивался непосредственной его операциональностью. С помощью ритуала/обряда и его средствами выявляются над знаковые проблемы: выявление различий и установление связей между человеческими и нечеловеческими; снятие противопоставления жизни и смерти; утверждение отношений подобия между человеком, жертвой и вселенной.

Необходимой, не подлежащей отмене составной частью традиционной духовной культуры выступал ритуал. Вместе с тем, традиция не сводится к привычкам повседневного образа социокультурной жизни крестьянства. Она реализуется как над индивидуальная норма поведения и в этом смысле выступает как закон. Создав и усвоив традицию, люди начинают воспринимать её как заданную извне закономерность.⁸ В конечном счете, включаясь в ритуалы/обряды – верили, что выполнение ритуалов в определенной последовательности давало либо положительный, либо отрицательный результат – вера «управляла» традиционной практикой, от чего рациональное строго подчинялось иррациональному.

Необходимо учесть то, что обряд как форма воплощения религиозных воззрений не универсален. Он является лишь одним из способов, посредством которого верование воплощается, в действие. Некоторые элементы культа с утратой прежних религиозных представлений, обладающие устойчивостью и консерватизмом, могут восприниматься в качестве вновь возникшей религиозной системой. Они наполняются совершенно новым религиозным содержанием, причем переосмысление культовых явлений отражается на религиозном сознании крестьянского социума, вызывая в нем частичные видоизменения.

В свою очередь свод правил кодифицированного поведения крестьянства в традиционной крестьянской картине мира имел ту же структуру, что и архетипическая модель и во многом те же функции. Ввиду этого происходило не только дублирование информации, но и дублирование способа ее хранения и передачи. В обоих случаях информация концентрировалась в легко запоминающиеся тексты пословиц и поговорок, «фрагменты» календарной и семейно-бытовой обрядности, составляющих костяк крестьянского фольклора как способа отражения крестьянской картины мира.

Следует также учесть, что крестьянская картина мира раскрывалась в «сельскохозяйственных» пословицах и поговорках, содержащих различные компоненты практического опыта и народную стихийную рационально-идеалистическую диалектику⁹, имеющую обобщенный, абстрактный, поистине философский смысл. Она представляла собой сложное переплетение мифологического с практическим: от специальной земледельческой обрядности, рекомендаций, рецептов, примет в качестве практического «руководства» по обработке почв, сроков вспашки, сева, борьбы с сорняками, сбора, хранения и приемов безотходной переработки урожая, организации работ – до семейно-бытовой обрядности и «домостроительства» – домоводства.

Сверх того человек, рожденный в лоне традиционной культуре, сразу попадал в поле действия сложившихся, не обсуждаемых норм и правил, которым он должен был неукоснительно следовать. Причем регламентации подвергались все сферы жизни человека – от сакральных, смыслообразующих компонентов (картина мира, представления о жизни и смерти, религиозные воззрения) до обыденных, повседневных забот, связанных с тем, что и как есть и пить, во что одеваться, как проводить праздники и будни и т.д.¹⁰ Все это

⁸ Туровский М.Б. Проблема сознания // Философские науки. М., 1996. № 1-4. – С.157.

⁹ Антонов Е.А. Научно-агрономическое знание как предмет философского анализа. – М., 1995. – С. 35.

¹⁰ Народная культура в современных условиях: Учеб. Н-зо пособие / Отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000.

обеспечивалось, прежде всего, за счет традиционной крестьянской картины мира, ставшей основой крестьяноцентризма как символа зрелости самосознания крестьянского сословия, обратившего весь смысл мирозерцания внутрь самого себя и своей жизнедеятельности.

В результате сочетание языческого наследия с христианским просвещением реализовывалась в русской традиционной культуре по средствам сознательной ассимиляции элементов в локальных христианских верованиях, сохранением нечестивой магической практики и постепенной десемантизации в результате смешения обычаев и обрядов разного происхождения. Наряду с этим, языческая религия славян состояла «во-первых, в поклонении языческим божествам, во-вторых, в поклонении душам умерших, которое условливалось родовым бытом, и из которого преимущественно развивалась вся славянская демонология»¹¹. И не смотря на то что на местах прежних языческих капищ церковь Христова воздвигла свои храмы за такой короткий период времени истины спасительной веры не могли ещё быть вполне усвоены всеми новообращенными христианами, и вытеснить в них старые языческие верования. Ввиду этого, вполне естественным воспринималось то что, многие, нося имя христиан, продолжали жить по – язычески, тайно молились своим прежним языческим богам под овином, в роще, или у воды. И это явление не могло исчезнуть в одночасье, ибо невозможно чтобы, в каком-либо народе вдруг могли, сразу искорениться религиозные верования, которые существовали, целые века и тысячелетия.

Следовательно, раздробленность культа, низкий уровень местной церкви, разнообразие христианского «материала» и его толкований, одновременность и различная степень приобщения к христианству социальных низов обусловили в традиционной культуре крестьян чрезвычайную пестроту христианских представлений. Причем не просто включавшихся в архаическую систему воззрений, но активно воздействующих на нее, формирующих локальные и региональные особенности народной религии. «Языческая мифология перерабатывалась в христианскую демонологию, таким образом, не упразднялись, как вымысел суеверия, а продолжили считаться религиозной реальностью. Это явление и можно было назвать «двоеверием». Народные христианские верования, распространяемые славянами, не вытесняли языческие, а надстраивались над ними, образуя верхний слой религиозных представлений, ложившийся на языческую основу».¹²

Поэтому на местах многие церковные обычаи рождались из народно-бытовых форм и органично вливались в обрядовую жизнь крестьян. Лишь в центрах церковь пыталась определить каноническое отправление обрядов «по христианскому закону», что не могло находить в то время широкого отклика и оставалось в рамках митрополии или богословия. Только с течением времени в результате настойчивых преследований духовенства, активного действия проповеди о том, что языческие боги – это злые демоны, вера в старых богов исчезла. И тем не менее в народном веровании осталась еще не тронутая обширная область язычества – система календарных праздников со множеством «поэтически символических обрядов». Двоеверие сознательное сменилось бессознательным, причем в семьях крестьян суеверные обряды старого языческого богослужения сохранили свои многие компоненты.

При столкновении языческого политеизма и христианского монотеизма, с одной стороны, утверждалось христианское учение о едином Боге, с другой, возникал синкретический пантеон, в котором христианскому Богу было представлено место в иерархии языческих богов. Причем развитие теистических воззрений могло иметь место только в том случае, если носители языческой традиции не осознавали оппозиционности христианского учения и собственных представлений о божествах.

Христианство не имело в себе какого-либо компонента, непосредственно противостоящего народной вере в домовых, леших, водяных и подобных мифологических персонажей. Подобные представления христиан должны были отвергнуть или признать, что эти мифологические существа являются демонами, нечистой силой. Но в христианстве никаких заместителей духов воды, леса, дома не было. «Священникам приходилось придавать отправлению треб характер языческих приношений. Совершая крещение, венча-

¹¹ Соловьёв С. М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Соловьёв С. М. История Российская с древнейших времён. М., 1996. Книга XIX. – С. 481.

¹² Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. – С. 302-307.

ние, отпевание, служитель Церкви получал от крестьянина натуральное вознаграждение, которое в языческие времена являлось жертвой божествам»¹³. Возможно, это и стало основополагающей причиной длительного сохранения фрагментов низшей мифологии в русской традиционной культуре.

Не мало важное значение имело и то, что принимала христианство как новую культурную традицию, Древняя Русь не могла «упразднить» всё пространство прежней, хотя бы чисто хронологически «дохристианской» культуры. Поэтому те культурные институты задачей, которых было удовлетворение важнейших социальных, в том числе социально-психологических потребностей крестьянского социума, могли приобрести христианские черты лишь постепенно. Лучше всего фрагменты древних верований сохранились в тех сферах жизни людей, которые, с одной стороны, были высоко значимы для существования человека, а с другой не вполне или недостаточно регламентированы в христианском вероучении и традиции. Мирская или «домашняя» жизнь, в отличие от жизни монастырской, долгие века не имела своего «устава». Она мало регламентировалась государственными и церковными установлениями, представляя собой некоторую культурную лауну, где жили языческие обычаи, и сохранялся древний слой жизни¹⁴.

В итоге христианизация Руси предстаёт как многогранный феномен, очевидный в основных его проявлениях и предельно сложный для понимания, если видеть за ним всю глубину и сокровенность личного опыта и знаний наших далёких предков. Утверждение новой веры объективно не могло создать некоего «равномерного» и одинакового во всех слоях общества христианского мировоззрения. Достаточно быстро Русь стала христианским государством. Однако в пространстве традиционной культуры происходило постепенное распределение между областями, занятыми новой христианской религией, и старой языческой верой.

С рубежа XVII—XVIII вв. принято отсчитывать новый этап христианизации, подспудно вызревавший в предшествующие века, но заявивший о себе во всеуслышание после раскола церкви. С последовавшим за ним распространением староверия в широкой народной среде происходит разделение христианского вероисповедания, на «две веры». Возникает парадоксальное противоречие между субъективными названиями и оценками содержания понятий «старая» и «новая» вера в устах идеологов оппозиций и их объективной значимостью в масштабе народной христианизации и изменениях культурного порядка.

«Новая вера» для оставшегося верным православию населения ограничилась в основном лишь переменами в «обрядоверии», в котором церковь наоборот, обвиняла сторонников старой веры. Для последних конфликт в обрядоверии оказался только внешним поводом, давшим выход глубоким духовным исканиям, свидетельствующим, о росте христианского коллективного сознания, активном интересе к канонической и богословской литературе, самостоятельном осмыслении раннехристианских идей и символики, стремлением к нравственному совершенствованию и грамотности всех членов своей общины для полного постижения сущности Христа и его учения. Самое понятие «духовность» приобрело у староверов особое значение, что отразилось в самосознании своей веры – «духовная» в отличие от «мирской», «казенной», «гражданской» веры православных христиан¹⁵.

В конечном счете, христианская религия, в основе которой лежит одна единственная идея, уверовав в которую человек, становится христианином. Язычество же, а в особенности в форме анимизма, присущего славянским народам, и благодаря поразительному свойству всепроницаемости делось, на тысячу мелочей охватывая всю повседневную жизнь крестьянского социума. В момент христианизации в русской традиционной культуре совершается переход от мифологического сознания к религиозной идеологии; обе категории при этом – суть разного порядка. Замена основы веры – многобожие на монотеизм христианства, не могла охватить своей обрядностью все прикладные аспекты жизни крестьян, поскольку априори оно не содержало большого количества из того, чем изобиловало язычество.

¹³ Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1994. – С. 290.

¹⁴ Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие. СПб., Алетейя. 2008. – С. 178.

¹⁵ Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1995. – С. 18.

Большинство традиционных языческих верований сохранились и прижились в крестьянской картине мира уже в видоизменённом облике в составе христианского мировоззрения. Именно благодаря отсутствию собственно христианского аналога семейная и календарная обрядность, поверья и приметы, бытовая магия, нашли свое воплощение в христианских образах, культах святых – покровителей, священных местах. Однако преобразованное синкретическое мировоззрение не содержало параллельные элементы: и христианские, и языческие. Находясь на разных уровнях развития, обе системы верований, привнесли в него своё специфическое.

В течении длительного исторического периода таким образом, можно констатировать тот факт что, древнерусские люди в значительной мере оставались в своих старых взглядах и верованиях, именуясь при этом христианами. Между тем, они жили язычески не вследствие упорного нежелания жить по-христиански, а вследствие плохого знания христианского вероучения. Язычество продолжало существовать, потому, что его нечем было заменить: духовенству нужно было время и способы научить население новой вере. С течением времени вера в старых богов исчезла, но в народном вероисознании ещё долго оставалось не тронутой обширная область язычества – система календарных праздников со множеством поэтически-символических обрядов. Суеверные обряды старого языческого богослужения в русской традиционной культуре хранились во всей своей целостности вплоть до начала XX века, причем двоеверие сознательное сменилось бессознательным.

Список литературы

1. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1994.
2. Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие. СПб., Алетейя. 2008.
3. Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1.
4. Народная культура в современных условиях : Учеб. Н-зо пособие / Отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000.
5. Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1995.
6. Соловьёв С. М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Соловьёв С. М. История Российская с древнейших времён. М., 1996. Книга XIX.
7. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М.,1984. 2-е изд. Т. 1.Ч. 2.

TENDENCIES OF FAITH DIVERSIFICATION IN RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE

G. M. VERSHINSKAYA

Belgorod State University

e-mail:
verschinskaya@mail.ru

The article discusses the issue of faith in the Russian traditional culture. The author focuses on its syncretical character in conflict of pagan and Christian influences.

Key words: faith, religion, traditional culture, Christianity, paganism.

УДК 343.14

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Е. В. ИВАНОВА*Московский государственный
областной социально-
гуманитарный институт**e-mail:
ivanova-elena-7@yandex.ru*

В статье рассматривается доказательственное значение данных непроцессуальных форм использования специальных знаний. Одной из наиболее применяемых в практической деятельности непроцессуальных форм использования специальных знаний является производство исследований. Исследования предметов, документов или веществ не указаны в УПК в качестве доказательств, однако в определенных случаях возникает необходимость в обосновании видоизменения или расходовании объекта, в придании доказательственного значения результатам полученной в ходе исследования информации. Чтобы решить вопрос о необходимости и форме процессуальной регламентации, все проводимые исследования следует рассмотреть с точки зрения целей их проведения и актуальной значимости для расследования преступлений получаемой информации.

Ключевые слова: специальные знания, непроцессуальные формы, доказательственное значение.

Специальные знания, как в процессуальных, так и в непроцессуальных формах широко применяются в раскрытии и расследовании преступлений. Одной из наиболее применяемых в практической деятельности непроцессуальных форм использования специальных знаний является производство исследований. Исследования проводятся практически по всем без исключения уголовным делам. Целью их проведения является установление наличия на поверхности объектов каких-либо следов или веществ; проверка следов и объектов по базам оперативно-розыскных и криминалистических учетов; установление причин смерти, отнесение вещества к категории контролируемых и т.д. Объектами исследования могут быть вещества, предметы и документы, изъятые как в процессе проведения следственных действий, например, осмотров, так и посредством оперативно-розыскных мероприятий. Результаты исследований оформляются различными документами – «Справка эксперта», «Справка об исследовании», «Заключение специалиста», «Справка специалиста» и т.д. Отсутствие единства в оформлении документа об исследовании само по себе уже свидетельствует о значительном количестве нерешенных вопросов в данной форме использования специальных знаний. Это касается статуса субъектов, исполняющих исследования, отсутствия нормативной регламентации процесса назначения и проведения, а также оценки и использования в доказывании полученных результатов.

Исследования предметов, документов или веществ не указаны в УПК в качестве доказательств, однако в определенных случаях возникает необходимость в обосновании видоизменения или расходовании объекта, в придании доказательственного значения результатам полученной в ходе исследования информации. Например, квалифицирующим признаком по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, может быть признано только количество наркотического средства, указанное в заключении эксперта, а не масса вещества, признанного наркотическим при проведении исследования. Вместе с тем, при расследовании данной категории преступлений, именно первоначальный вес наркотического средства, установленный при производстве исследования, вменяется лицу в обвинительном заключении, а справка об исследовании приобщается к материалам уголовного дела. Как правило, процедура придания статуса доказательства справке об исследовании осуществляется субъектом, производящим расследование посредством осмотра представленного оперативным сотрудником документа и приобщения его к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств. Такая проце-

дура представляется неправомерной, поскольку документ о результатах исследования не имеет признаков вещественного доказательства, указанных в ст. 81 УПК.

Дискуссия по вопросам исследований в непроцессуальной форме объектов, являющихся потенциальными носителями информации, ведется достаточно давно. Авторы в основном отмечают непроцессуальный характер исследований¹, их предварительный, либо экспрессный² характер. Другой точки зрения придерживается С.М. Сырков, понимающий под предварительным исследованием «внепроцессуальное исследование обнаруженных материальных следов, проводимое в условиях осмотра на основе специальных познаний...»³.

Анализируя точки зрения авторов по вопросам производства исследований, следует отметить смешение процессуальных и непроцессуальных форм использования знаний сведущих лиц, а также процессуальных функций эксперта и специалиста. Так, исследования, проводимые в условиях осмотра – это процессуально регламентированные действия, направленные на выявление латентных следов, использование экспресс-тестов, обнаружение микрочастиц и т.д., то есть действия сведущего лица для оказания содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств. Таким сведущим лицом является специалист, который ведет техническое сопровождение действий следователя, а полученная при этом доказательственная информация исходит не от специалиста, а от иных объектов. Действия специалиста совершаются в рамках следственного действия и их результаты фиксируются в соответствующем протоколе, т.е. имеют доказательственное значение. При этом могут быть проведены и необходимые исследования веществ и предметов, результаты которых подлежат занесению в протокол и могут служить основаниями для принятия определенных процессуальных решений, например о возбуждении уголовного дела, задержании лица или возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения. Не вызывает возражений и такая форма оформления результатов исследования, проводимого в ходе следственного действия, как справка о методах и результатах исследования, подписанная специалистом и прилагаемая к протоколу.

Еще одна форма использования специальных знаний сведущего лица – исследования, которые проводятся на основании поручения оперативного сотрудника по методам экспертного исследования соответствующих объектов. Федеральным законом Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 05.06.95г. (далее закон об ОРД) исследования предметов и документов отнесены к оперативно-розыскным мероприятиям. Исследования объектов, проводимые не в форме экспертизы, являются действием непроцессуальным, не существует и нормативных документов, определяющих субъектов, условия и порядок их проведения. Вместе с тем, рассматривать действия сведущего лица по решению поставленных задач как предварительные, экспрессные, тем более проводимые в условиях осмотра, недопустимо. Исследование предметов и документов, проводимое в лабораторных условиях по поручению оперативного сотрудника в рамках оперативно-розыскных мероприятий – это полноценное исследование объектов, включающее все стадии и методы экспертного исследования, но не имеющее доказательственного значения. При этом лицо, производящее исследование, не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и отсутствует какой-либо контроль за его деятельностью. Сроки производства исследований, как правило, незначительны, но это связано не с уменьшением объема самих исследований, а с сокращением порядка изложения действий сведущего лица и оценки полученных результатов. Сведущее лицо, производящее исследование, не имеет процессуального статуса эксперта или специалиста, поскольку «эксперт» и «специалист» – это участники уголовно-процессуальной деятельности, и, чтобы приобрести соответствующий статус, должны быть привлечены в качестве таковых для осуществления определенных процессуальных функций.

¹ Ищенко, П.П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления – М., 1994.

² Снетков, В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. – М., 2001. – С. 52.

³ Сырков, С.М., Фелилатьев, А.В. Проведение предварительных исследований материальных следов на месте происшествия. – М. – 1986. – С. 6.

Ввиду того, что данные, полученные в процессе исследований, широко используются в доказывании по уголовным делам, многими авторами высказываются обоснованные опасения по поводу объективности проведенного сведущим лицом предварительного исследования. В этой связи имеются предложения после возбуждения уголовного дела запрашивать подтверждение выводов у лица, проводившего исследование, и предупредить его об уголовной ответственности в протоколе приобщения материалов специального исследования к уголовному делу, а сами материалы рассматривать в качестве приложения к нему. Таким образом, как считают авторы, специальные исследования могут получить силу доказательств без формально дублирующих их экспертиз⁴. Подобная форма придания доказательственного значения результатам оперативно-розыскной деятельности существует в США. Так, пресечение преступлений и расследование до ареста в США осуществляется путем: осмотра места происшествия, изъятия и научного исследования предметов и документов, личного наблюдения, опроса и личного досмотра граждан, обыска (помещений, участков местности, салонов автомобилей), скрытого наблюдения, использования специальных служб, перехвата сообщений и иных форм контроля технических средств связи⁵. Однако в отличие от таких же розыскных действий органов предварительного расследования в российском уголовном процессе в результате действий полицейских США не появляются судебные доказательства. На данной стадии действия полиции направлены на отыскание, обнаружение носителей доказательственной информации, которые будут впоследствии представлены в суд. Эта информация станет содержанием доказательств только в судебном заседании, например, после допроса офицера или эксперта в качестве свидетеля обвинения⁶.

Точка зрения Н.П. Майлис, А.Ф. Волынского, Н.Н. Лысова, И.П. Пампушко, заключается в том, чтобы расширить формы применения специальных знаний, для чего изменить правовую оценку результатов их применения. С этой целью предлагается придать справке специалиста статус источника доказательств равноценного с заключением эксперта, а для реализации указанных предложений дополнить ст. 164 и ст. 168 УПК РФ положением, предусматривающем право лица, производящего дознание, следователя, суда не только вызывать специалиста для участия в следственных действиях, но и поручать ему проведение предварительных специальных исследований и давать заключения по вопросам, поставленным перед ним⁷. Такой опыт процессуального регулирования производства предварительных исследований также имеется в зарубежных странах. Например, в Румынии ст. 112 УПК наряду с экспертизой допускает производство научно-технических исследований; § 136 УПК Венгрии позволяет использовать результаты исследований, проводимых до возбуждения уголовного дела, в качестве источников доказательств; ст. 60 УПК Франции называет в качестве средства доказывания не только экспертизу, но и исследования специалистов.

Чтобы решить вопрос о необходимости и форме процессуальной регламентации, все проводимые исследования следует рассмотреть с точки зрения целей их проведения и актуальной значимости для расследования преступлений получаемой информации. Так, около 50% всех проводимых в настоящее время исследований осуществляются в целях поиска источников информации – проверки по следотекам; дактилокартотекам; сравнение следов, имеющихся в информационных массивах и т.д. К этой же группе можно отнести исследования, проводимые в целях выявления латентных следов на предметах-носителях. Такие исследования проводятся в основном по возбужденным уголовным делам и, как правило, не видоизменяют состояние объектов. Функции сведущего лица при этом сродни функциям специалиста в уголовно-процессуальном праве: оказание содействия в обнаружении, закреплении и изъятии следов преступления. Проведение исследо-

⁴ Пампушко, И. П. Совершенствование правовых и организационных основ применения криминалистической техники в раскрытии преступлений. – М., 1996. – С. 17.

⁵ Criminal procedure and the constitution, leading supreme court cases and introductory text / By Jerold H. Israel, Yale Kamisar, Wayne R. LaFave. West publishing co. st. paul, minn., 1989. – С. 5.

⁶ Николайчик В. М. Уголовный процесс США. – М., 1981, – С. 29, 184.

⁷ Майлис, Н.П. Проблемы законодательного регулирования специалиста в уголовном судопроизводстве. – Сочи-Краснодар, 2002. – С. 96-97.

ваний данной группы имеет целью обнаружение потенциального источника информации, установление его информационной значимости, а результаты исследований можно рассматривать как оказание содействия в раскрытии преступлений органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Необходимость регламентирования результатов исследований, проводимых в ходе ОРМ, направленных на поиск источников информации, обусловлена возможной значимостью для расследования уголовного дела полученной в ходе исследования информации, а также отсутствием целесообразности или возможности дублирования полученных результатов в форме экспертизы. Например, при выполнении поручения следователя о розыске лица, совершившего преступление, оперативный сотрудник может поручить специалисту проведение проверок обнаруженных следов по информационным массивам дактилокарт подучетных лиц или провести сравнение отпечатков пальцев рук лица, попавшего в поле зрения оперативного сотрудника, с картотекой следов рук, изъятых с мест различных происшествий на предмет совпадения. В случае обнаружения потенциального источника информации, полученные данные могут быть проверены посредством проведения следственных действий и судебных экспертиз. Необходимость придания доказательственного значения проведенному исследованию, при этом, может быть обусловлена требованием суда установить легитимность обнаруженного в процессе исследования источника информации, например, наличие законных оснований для помещения дактилокарты лица в базу данных оперативных учетов. Если в задачу производства исследования входило обнаружение и закрепление латентных следов пальцев рук на предметах-носителях, то поиск следов в форме экспертизы, проводимой через значительный промежуток времени после изъятия и исследования, может быть неэффективным или вообще не дать результатов. Более того, проведение экспертиз для решения подобных задач нецелесообразно, поскольку закон запрещает эксперту самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования. По-видимому, наиболее предпочтительным оказывается проведение исследований, направленных на поиск и закрепление информации о преступлении в ходе оперативно-розыскных мероприятий, которые могут проводиться даже по приостановленному уголовному делу. Результаты исследований, имеющих положительный результат, должны быть привлечены в уголовный процесс допустимыми способами.

В настоящее время закон об ОРД никак не регламентирует проведение исследований, провозглашая лишь возможность производства исследований предметов и документов как оперативно-розыскного мероприятия, что отличается от англосаксонского уголовного процесса, в котором предварительное расследование не имеет строгой процессуальной регламентации, а действия полиции урегулированы ведомственными нормативными актами (в США) и непроцессуальными нормами. В Законе РФ об ОРД указано, что должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, решают ее задачи посредством личного участия в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, используя помощь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями. Таким образом, если следовать букве закона, субъектом производства исследования должен быть оперативный сотрудник, а не сведущее лицо, как это происходит на практике. Оперативным сотрудником органа дознания по возбужденному уголовному делу такая деятельность осуществляется по поручению следователя и может быть использована для подготовки и осуществления следственных и судебных действий. Вследствие этого назначение и производство исследований, направленных на поиск информации о преступлении должны регламентироваться законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Регламентация должна включать указание на субъекта, порядок и условия назначения исследования, формы документов, статус и ответственность исполнителей.

Результаты проведенных исследований могут быть использованы в доказывании после проверки соблюдения установленных Законом об ОРД правил проведения оперативно-розыскных мероприятий и приобщения в установленном порядке представленных предметов или документов. С.В. Зуев отмечает, что оперативная информация может быть использована в уголовном процессе только после ее процессуального закрепления, т.е. прохождения через один из каналов связи, соединяющий непосредственный источник информации с уголовным процессом. К таким каналам относят: инициативное представ-

ление оперативной информации лицу, в чьем производстве находится уголовное дело; истребование следователем, дознавателем оперативной информации в целях доказывания; истребование прокурором и судом оперативной информации в целях проверки законности и обоснованности принятия решения в ходе осуществления ОРД⁸. Представленные материалы приобретут либо процессуальное положение «иных документов» (ст. 84 УПК), либо вещественных доказательств (ст. 81 УПК) и останутся затем в деле в этом процессуальном качестве. Таким образом, в случае необходимости, справка об исследовании может получить статус доказательства посредством истребования или представления и приобщения к материалам уголовного дела в качестве иных документов; следы и предметы, обнаруженные посредством проведения исследования могут быть осмотрены следователем (дознавателем) и приобщены в качестве вещественных доказательств. При необходимости следователем, дознавателем, судом могут быть проведены следственные или судебные действия по проверке представленных доказательств (предметов и документов), которые не преобразуют их процессуальной формы и не вытесняют их из доказывания, а лишь подтверждают или опровергают содержащуюся в них информацию посредством получения новых доказательств.

Другая ситуация складывается с исследованиями, проводимыми в целях выяснения обстоятельств преступления до возбуждения уголовного дела, если результаты исследований представляют собой основания к возбуждению уголовного дела, то есть содержат указание на признаки преступления. Такие исследования в обязательном порядке дублируются в процессуальной форме экспертизы. Но, информация, полученная в процессе проведения исследований, как правило, является невозполнимой и влияет на квалификацию преступления. Именно поэтому заинтересованная сторона использует все возможности, чтобы документ о проведенном исследовании исключить из числа доказательств. При этом следует отметить, что претензии к проведенному исследованию и к документу об исследовании, не лишены оснований. Так, В.А. Лазарева отмечает, что практика производства исследований и последующего дублирования их в форме экспертизы порождает сразу два порочных доказательства⁹. Отражающая предварительное исследование справка эксперта не обладает гарантиями достоверности, так как составлена лицом, не несущим уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения. Заключение эксперта составлено лицом, которое несет такую ответственность, однако в основе выводов эксперта лежит исследование объектов, которые могли быть видоизменены, уничтожены и т.д.

Для некоторых объектов может быть применен порядок, позволяющий избежать негативных последствий проведения исследований в непроцессуальной форме. Для этого информация, которая является потенциально доказательственной, должна быть получена в определенной процессуальной форме. Например, в целях придания доказательственного значения полученным данным, первоначальную массу вещества, предполагаемого наркотическим, следует фиксировать в акте проверочной закупки и в рапорте об обнаружении признаков преступления, как предусмотрено в Киргизской Республике «Инструкцией о порядке проведения проверочных закупок наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров»¹⁰. Для проведения исследования следует отбирать представительную пробу, что позволит, во-первых, сохранить значительную часть первоначально изъятого вещества в неизменном виде, во-вторых, исключить доступ к первоначальному веществу без участия понятых, в-третьих, в случае необходимости сравнить при производстве экспертизы первоначально изъятое вещество и вещество, направленное на исследование. Вместе с тем следует отметить, что предложенный порядок производства исследований возможен только для объектов, сохраняющихся в неизменном виде достаточно долго, и неприемлем, например, при проведении исследования трупа, как неделимого и подверженного видоизменению в течение незначительного периода времени объекта.

⁸ Зуев, С.В. Использование оперативной информации в уголовном процессе. – Челябинск, 2002. – С. 24.

⁹ Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учебное пособие. – Самара, 2007, – С. 154.

¹⁰ Инструкция утверждена Приказом МВД КР от 16 декабря 1999 г. №413 и зарегистрирована в Министерстве юстиции КР, рег. № 89.

Для объектов, в отношении которых невозможно повторное исследование в форме судебной экспертизы, приобретает особое значение привлечение знаний сведущих лиц с соблюдением процессуального регламента и получение результата, имеющего доказательственное значение. Одним из вариантов получения данных, имеющих доказательственное значение, является предложение о необходимости процессуальной регламентации несудебных экспертиз¹¹. Вместе с тем, если рассматривать порядок проведения исследований, результаты которых являются основаниями для возбуждения уголовного дела, то имеются существенные особенности их производства по сравнению с несудебными экспертизами:

Во-первых, инициатором проведения исследования является сотрудник органа дознания.

Во-вторых, как указано в п. 2 ст. 7 закона об ОРД исследования проводятся для целей уголовного производства и на момент производства исследования уголовное дело возбуждено или имеются, как минимум, ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о:

- 1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;
- 2) событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации;
- 3) лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания;
- 4) лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов.

В-третьих, исследования проводятся лицами, состоящими в должности эксперта и производящими в последующем судебные экспертизы по тем же объектам;

В-четвертых, возможность производства исследований установлена законом об ОРД, который закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, т.е. наряду с уголовно-процессуальным законом обеспечивает реализацию положений ст. 52 Конституции РФ, гарантирующей охрану прав потерпевших от преступлений и обеспечение им доступа к правосудию.

Поскольку результаты деятельности правоохранительных органов, осуществляемой в целях получения информации об обстоятельствах преступления, являющиеся основаниями для возбуждения уголовного дела, широко используются в доказывании, представляется целесообразным предоставить право органам дознания осуществлять некоторые процессуальные действия до возбуждения уголовного дела, если они не ущемляют законных прав и интересов граждан. В том числе такое предложение касается и возможности процессуальной регламентации проведения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Обоснована указанная позиция следующим:

1. Опасения по поводу объективности лица, проводившего исследование не лишены оснований, поскольку он не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

2. В большинстве случаев проведение исследований до возбуждения уголовного дела обусловлено необходимостью получения данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления. Такие исследования дублируются судебными экспертизами, производство которых признано обязательным либо в силу прямого указания закона, как, например, установление причин смерти, либо указанием Постановлений пленумов Верховного суда Российской Федерации, как в случае исследования наркотических средств, сильнодействующих или ядовитых веществ, а также отнесения предметов к оружию, боевым припасам или взрывчатым веществам.

¹¹ Сахнова Т.В. Институт судебной экспертизы в системе доказательственного права / материалы Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». – М., 2007. – С. 37.

3. Проведение исследований до возбуждения уголовного дела приводит к значительному видоизменению состояния объектов, потенциально являющихся вещественными доказательствами, что в последующем судебном разбирательстве может явиться основанием для исключения их из числа доказательств и переквалификации деяния.

4. Данные, полученные в ходе судебной экспертизы дублирующей исследование, могут существенно противоречить данным исследования даже в отношении одних и тех же объектов. Это связано с тем, что значительное количество объектов биологической природы со временем претерпевают значительные изменения. Так, кислый раствор наркотического средства метамфетамин с течением времени преобразуется в ненаркотические компоненты, невысушенные верхушки растения конопли (каннабис), мак и гашишное масло подвержены гниению, не говоря уже о таких объектах как труп, кровь, выделения человеческого организма. Поэтому несвоевременное проведение или непроведение экспертизы и замена ее исследованием может привести к нарушению права потерпевшей стороны на отправление правосудия.

5. Производство в стадии возбуждения уголовного дела судебных экспертиз позволит повысить обоснованность решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовных дел и даст возможность воспринимать данные, полученные на стадии возбуждения уголовного дела, в последующих стадиях уголовного процесса в качестве допустимых доказательств.

Противники производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела указывают на возможность нарушения прав отдельных участников процесса при назначении экспертизы, а также на то, что «не останется решительно никаких правовых оснований – юридических и фактических, логических – для запрета производить до возбуждения уголовного дела любые следственные действия»¹².

Возражая данной точке зрения, Р.С. Белкин отмечал: «Ссылки на то, что разрешение назначать экспертизу до возбуждения уголовного дела может создать опасный прецедент и повлечет за собой нарушение закона в части обязательного условия проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела, не имеют под собой почвы. Таким прецедентом вполне мог бы уже стать осмотр места происшествия, однако этого не случилось в силу императивного указания закона»¹³. В подтверждение данной позиции можно привести в пример новые УПК Узбекистана (1994) и Казахстана (1998), которые допускают производство экспертиз до возбуждения уголовного дела. Например, в ст. 242 УПК Казахстана указано, что «в случаях, когда принятие решения о возбуждении уголовного дела невозможно без производства экспертизы, она может быть назначена до возбуждения уголовного дела».

Вопрос о возможном нарушении прав участников процесса при назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела, представляется несколько преувеличенным. Следует отметить, что исследования, данные которых являются основаниями для возбуждения уголовного дела, как правило, представляют собой решения диагностических задач, не требующих представления образцов сравнения. Так, в 100% случаев исследований наркотических средств, проведенных в целях установления данных для возбуждения уголовных дел, на разрешение лица, обладающего специальными знаниями, были поставлены диагностические вопросы. Что же касается права подозреваемого, обвиняемого на постановку вопросов эксперту, а также заявления отвода эксперту и др., то уголовно-процессуальный кодекс предусматривает возможность производства дополнительной или повторной экспертизы, при назначении и производстве которых и наличии к тому оснований могут быть реализованы указанные права. Более того, не следует забывать, что уголовное судопроизводство осуществляется в целях обеспечения охраны прав и законных интересов человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности ... от преступных посягательств. Поэтому большее беспокойство вызывает явно наметившийся уклон правосудия в сторону обеспечения прав подозреваемого (обвиняемого) при ущемлении прав потерпевшего.

¹² Савицкий, В.М. Очерк теории прокурорского надзора. – М. 1975.

¹³ Белкин, Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. – Т.3, М., 1997.

Мы присоединяемся к сторонникам возможности производства экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, и предлагаем изменить редакцию ст.144 УПК, указав в п. 1 следующее: ... «при наличии сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, органом дознания может быть назначена судебная экспертиза, при условии, что ее производство не связано с ущемлением законных прав и интересов граждан». В ст. 195 УПК в качестве субъекта назначения экспертизы указать орган дознания.

Список литературы

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. – Т.3., М., 1997.
2. Ищенко, П.П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления – М., 1994.
3. Снетков, В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. – М., 2001.
4. Сырков, С.М., Фефилатьев, А.В. Проведение предварительных исследований материальных следов на месте происшествия. – М., 1986.
5. Пампушко, И. П. Совершенствование правовых и организационных основ применения криминалистической техники в раскрытии преступлений. – М., 1996.
6. Майлис, Н.П. Проблемы законодательного регулирования специалиста в уголовном судопроизводстве. – Сочи-Краснодар, 2002.
7. Зуев, С.В. Использование оперативной информации в уголовном процессе. – Челябинск, 2002.
8. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учебное пособие. – Самара, 2007.
9. Criminal procedure and the constitution, leading supreme court cases and introductory text / By Jerold H. Israel, Yale Kamisar, Wayne R. LaFave. West publishing co. st. paul, minn., 1989.

EVIDENTIARY VALUE OF ITEMS AND DOCUMENTS RESEARCH IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDING

E. V. IVANOVA

*Moscow State Regional Socio-
humanitarian Institute*

e-mail:

ivanova-elena-7@yandex.ru

The article deals with the evidentiary value data received by used unremedial forms of special knowledge. One of the most used unremedial forms of expertise is the conduct of research. The researches of items, documents or materials are not mentioned in the CPC as facts of evidence, but in certain cases it`s necessary to justify modification or spending of the object and to impart evidential significance to results obtained in the research. With the aim to resolve the question of necessity and form of procedural regulation all conducting studies should be considered in terms of their objectives and relevance of the information received for the investigation of crimes.

Key words: special knowledge, unremedial forms, evidentiary value.

УДК 301.152

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

И. В. КНЯЗЕВА*Воронежский государственный
архитектурно-строительный
университет**e-mail: Marraygirl@yandex.ru*

В статье рассматриваются формы манипуляции общественным сознанием в разные периоды исторического развития человечества. Исследуются социальные основания данного феномена, определяются его сущностные характеристики. Ставится вопрос первичности межличностной манипуляции и социальной.

Ключевые слова: манипуляция, общественное сознание, форма, власть.

Манипуляция общественным сознанием – актуальная в современном общественном сознании тема. Рассмотрению данной проблемы посвящают свои труды политологи и социологи, психологи и филологи, историки и философы. Однако работ, освещающих феномен манипуляции в исторической ретроспективе в рамках социально-философского дискурса крайне мало.

Среди ученых, анализирующих проблему манипуляции преимущественно с точки зрения политологии, психологии и социологии, можно выделить работы Г. Шиллера, Э. Шострома, С. Кара-Мурзы, Н. Лимнатиса, М. Бабюка и др. Но в многочисленных публикациях, к сожалению, феномен манипуляции не рассматривался с точки зрения его генезиса и исторического развития. Так, М. Лимнатис относит появление манипуляции как общественного явления только к буржуазному обществу. До этого существовали лишь единичные, незакономерные случаи манипуляционного воздействия¹. Той же точки зрения придерживается и М. Бабюк, акцентируя внимание на манипуляции как производной от отчуждения – естественного следствия разделения труда².

Исключение составляет исследование Г. Грачева и И. Мельника, которые представляют анализ культурно-исторической эволюции тайного принуждения личности в различных временно-пространственных условиях и сферах социального взаимодействия. Авторы отмечают, что сфера применения манипуляционных воздействий с течением времени расширяется, начиная свое развитие с относительно ограниченных сфер человеческого бытия (политической, дипломатической, военной), индивидуальных форм (межличностной манипуляции), заканчивая в наше время областью массового социального манипулирования. Авторы иллюстрируют свое предположение примерами из различных культур, начиная с древнекитайской и древнегреческой и заканчивая европейской культурой Нового и Новейшего времени³.

Приходится констатировать, что, хотя вопрос об исторических формах был поставлен в отечественной литературе, но проблема социального основания манипуляции и особенностях исторических форм манипуляции практически не нашли должного освещения. Целью нашей статьи является попытка восполнить в какой-то степени этот пробел, осмыслить социальные основания манипуляции, раскрыть категориальный смысл данного понятия и отметить особенности форм манипуляции в историческом контексте.

Мы придерживаемся той точки зрения, что понятие «манипуляция» следует рассматривать в широком и узком смысле слова. Манипуляция есть технология власти. В

¹ Лимнатис Н. Манипулирование: сущность, проявление, пути снятия. М., 2000. – С. 31.

² Бабюк М.И. Социальная манипуляция: философский анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004. – С. 29.

³ Грачев Г. Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999.

литературе эта точка зрения принята и против нее никто не возражает. Возникает вопрос, что понимать под властью? Мы используем понятие «власть» в широком (power)⁴ и узком (authority)⁵ смыслах слова. Власть в узком смысле слова представляет собой субъективно-объектное отношение господства и подчинения, носящая характер добровольности или принуждения и реализующаяся в социальном действии. Манипуляция, связанная с таким пониманием власти, есть осознанное явление, выражающееся в рекламе, пропаганде, пиар- и политтехнологиях.

Манипуляция в широком смысле слова тесно связана с властью – функцией (властью-кратией), ориентированной на сознание стабильности социального порядка, социокультурной идентичностью системы. Манипуляция включается в нормативную регуляцию, определяющую социализацию личности, унификацию поведения, интеграцию индивидов в общество, согласование интересов, социальную ориентацию и средства контроля над девиантным поведением. Нормативный аспект культуры присущ как материальной, так и духовной сферам человеческой деятельности. Отсюда тесная связь норм и ценностей. Через реализацию нормативных стандартов происходит сохранение идентичности социальной системы. Нормативный аспект культуры выступает источником управления, контроля и функционирования власти. Манипуляция, связанная с властью-функцией, есть неосознанное управление, относится к функциональным характеристикам социальной системы. В этом контексте манипуляция является неизбежным спутником человечества, существовала на всех исторических этапах развития, тесно связана с властью-функцией.

Связывая воедино власть и манипуляцию, мы актуализируем ее социальную сущность, субстанциональность, проявляющуюся через легитимацию нормативности (коммуникативные, поведенческие и мировоззренческие процессы). Таким образом, манипуляция общественным сознанием как технология власти-функции (власти-кратии) осуществляется через ценностно-нормативную среду, социально-культурную стереотипность общественного сознания.

Стереотипы являются упрощенной моделью, стандартизированным представлением об общественных явлениях. Они облегчают восприятие человеком окружающей действительности, снимают ее сложность, адаптируют объективность, позволяют более быстро реагировать и строить ассоциации, такие как: плохо-хорошо, нравится – не нравится, приемлемо – неприемлемо. Стереотипы мышления представляют собой определенные образы явлений, которые усваиваются индивидом в готовом виде. Воздействие стереотипов происходит и на мыслительные процессы, и на эмоционально-психологические составляющие индивида. Поэтому стереотипы интернализируются и управляют людьми изнутри.

Например, принципы «общего блага», «общего интереса», «счастья для наибольшего числа людей» (этика утилитаризма) в свое время являлись одним из самых спекулятивных принципов манипуляции общественным сознанием. Совершенно очевидно, что фактически такое состояние недостижимо в силу их утопического характера, а, во вторых, в обществе разнонаправленных интересов социальных групп, «общее благо» не может быть благом для всех членов этого общества. Однако поведенческая деятельность детерминировалась идейными постулатами указанных принципов и определялась ими.

Сегодня существуют лозунги, имеющие целью идеологического, духовного объединения людей, формирование единого массового сознания, например: «В единстве наша сила!». Но чаще применяются методы, позволяющие сплотить массы не для, а против. Например, против мирового терроризма, пандемия вируса гриппа H1N1. Подобные методы отлично срабатывают, но только отвлекают людей от тех проблем, которые в действительности являются куда более важными: низкий уровень зарплат, высокий уровень инфляции, плохая работа правительства.

⁴ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. 1 том истории сексуальности/ М.Фуко. М.: Магистериум, Касталь,1996. 448 с.

⁵ См.: Вебер М. Избранные произведения/ М. Вебер. М.: Прогресс,1991. – С. 511-545, 628-644.

В качестве отвлекающих маневров можно обозначить огромное количество развлекательных передач, реалити-шоу, в целом всю индустрию массовой поп-культуры, которая «работает» на то, чтобы сглаживать все неприятные, а в некоторых случаях недопустимые моменты политической истины (здесь переплетение манипуляции в широком и узком смыслах слова).

Нормы и ценности как социальные категории представляют собой ту опосредованность, через которую реализуется манипулятивная практика. Ценностно-нормативные компоненты являются структурными составляющими любой формы мировоззрения, поэтому манипулятивная практика проявляется через мировоззренческий срез культуры.

Так, в период первобытно-общинного строя манипуляция общественным сознанием как технология власти, речь идет о власти как о социокультурном феномене, блестяще проанализированном М.Фуко, осуществлялась через мифологичность общественного сознания. Манипуляция играла роль социальной идентификации, самоопределения человеческой общности.

В период перехода человеческого сообщества от стадии «дикости» к стадии «варварства» появляется человеческая речь, что делает возможным превращение человека из существа сугубо биологического в субъект социальный. Именно человеческая речь формирует сознание, которое, по мнению большинства психологов, на первоначальных стадиях своего развития не имело личностных, индивидуальных отличий от общественного (коллективного), т.е. представляло собой последнее. Таким образом, говоря о генезисе социальной манипуляции, можно утверждать о первичности манипуляции общественным сознанием перед межличностной манипуляцией.

Мифологичность сознания, абсолютное в трансцендентное в форме природных явлений, богов, суеверий, магии и колдовства, мифотворчество становятся той опосредованностью, через которую осуществляется манипуляция как метод неосознанного социального управления и следования культурным ориентирам. Проводниками мифотворчества становились жрецы и шаманы.

В реальности человеческого бытия скорее воплощалось представление о трансцендентном, нежели наоборот. Так, модель иерархии, а значит, выделения и обособления, происходит из представлений первобытных людей об иерархии богов, выделении «главных» и «неглавных».

Иерархическая структура божественного Олимпа, закрепленная в общественном и индивидуальном сознании, приводит к возможности реального воплощения последней в условиях исторической действительности, а значит, осознанного принятия отношения социального неравенства, социально иерархии, отношения власти и подчинения, в некотором смысле отношений не субъект-субъектных, а субъект-объектных. Именно отношения власти, иерархии, ассоциативного принятия отношения власть-подчинение, субъект-объект формирует не только те человеческие структуры, которые задействованы в манипуляции, но и социальные условия, которые способствуют активизации этих структур в манипулятивном ключе.

Бытует мнение, что в период рабовладельческого строя, манипулятивная практика осуществлялась преимущественно в форме межличностного взаимодействия, реализовывалась в софистике, политических дискуссиях, искусстве публичных выступлений. Объясняется это тем, что потребность в ненасильственном методе принуждения личности, манипуляции, отсутствовала. Так как господствовал насильственный метод принуждения – рабство⁶. Представляется, что данное предположение является ошибочным. В период господства насильственных методов принуждения огромное количество людей составляли свободное сословие. Их свобода реализовывалась в возможности свободомыслия, свободы слова, в прямом участии в политических делах государства. Однако свободные процессы должны быть управляемы, т.к. в противном случае они

⁶ Грачев Г. Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999.

приведут к хаосу. Поэтому в эпоху рабовладения (насильственного метода принуждения), с одной стороны, и широкого горизонта свобод, с другой стороны, используются ненасильственные, «мягкие», «легкие», незаметные и ненавязчивые методы управления=принуждения. Манипуляция общественным сознанием как метод социального управления и технология власти осуществляется посредством воздействия на те мировоззренческие структуры представителей свободного сословия, которые сформировались под влиянием знаменитых поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея». Важное значение приобрело слово поэта. Именно поэты становятся той интеллектуальной элитой, которая управляет сознанием масс. Театр превращается в общественную трибуну манипулятивного воздействия.

Данный период отмечается зарождением философии и разделения философских взглядов на идеалистические и материалистические. Но примером подчиненности и управляемости общественного сознания традиционному мировоззрению может служить всем известный факт общественного осуждения Сократа за его самостоятельные воззрения и непринятие традиционного мировоззрения той эпохи.

Общественное сознание эпохи Средневековья характеризуется глубокой религиозностью и символичностью. А.Я. Гуревич определяет религиозность «коренной чертой средневекового мирозерцания»⁷, а символизм – «пронизывающий средневековую жизнь на всех уровнях, от утонченной теологической экзегезы и ритуалов посвящения в рыцари до устрашающей процедуры анафемы...»⁸.

Своеобразным отражением манипуляции общественным сознанием через ценностно-нормативные ориентиры стала освящение событий Четвертого Крестового похода его участником, рыцарем Роббером де Клари в его книге «Завоевание Константинополя»⁹.

В работе делается попытка объяснить причины, по которые крестоносцы, официально объявившие о целях похода как о походе освобождения «Святой земли» от арабов-иноверцев оказываются завоевателями христианского населения, захватчиками и грабителями православного Константинополя. Перед нами предстает цепь внутренне несвязанных обстоятельств, перед лицом которых крестоносцам, оказывается, просто нельзя было «устоять», цепь, замкнувшаяся на захвате византийской столицы. В числе этих причин в хронике отмечаются перипетии престолонаследия Латинской Империи, феодальные фамильные обиды, финансовые проблемы обеспечения самого «крестового похода, и, конечно, действующий для всех рыцарей, «Кодекс рыцарей», закон чести.

Автор нарисовал такую картину «случайных» фактов, в которой божественному промыслу отводилось случайное место. События в целом разворачиваются не как «деяния Бога через франков», а обуславливаемые человеческими стремлениями, страстями, практическими потребностями, нормами и ценностными ориентирами данного общества.

Детерминированные небесным промыслом мотивы поведения людей, творящих историю, в значительной мере уступают место земным побуждениям. Провиденциалистская основа деятельности в определенной степени, если не разрушается, то все же подрывается, переносит цент тяжести событий на земную почву, в лоно правил, законов, социальных ценностей и норм.

Для эпохи Нового времени всеохватывающей нормой становится рационализм, сциентистская рациональность в рамках антропоцентристского мировоззрения. Примат разумности и рациональности представляет собой ту социальную основу, на которой становится возможным осуществление манипулятивных практик. Манипуляция общественным сознанием превращается в метод его социальной унификации, индивидуальной конвергенции.

Манипуляция представляет собой специфическую форму духовного управления, которое выражается в форме скрытого, анонимного господства, осуществляемого ненасильственным путем.

⁷ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. – С. 76.

⁸ Там же. – С. 24.

⁹ Де Клари Робер. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1986. – С. 100-110.

Инструментально-прагматическая рациональность, заявленная эпохой Просвещения, привела, в конечном счете, к тотальному порабощению «системой». Вместо субъективно утверждается псевдоиндивидуализм, адекватный массовому производству. Управление обществом выходит за рамки рационального, приобретает форму иррационального, трансформируется в систему тотального администрирования, в которой человек – не индивидуум, способный критически мыслить, а человек – стандарт, подчиненный стереотипам. В XX веке происходит процесс омассовления общественного сознания, подготавливающий почву для активного воздействия на него в нужном для манипуляторов русле.

Основным стереотипом сознания в данный период времени становится сознание «общества потребления». Через сферу потребностей, желаний, убеждений осуществляется манипулятивная практика. Поведение в этом случае становится предопределенным, предугаданным. Через программирование потребностей, желаний, убеждений осуществляется управление и контроль.

«Массовый» человек не способен критически мыслить, его сознание должно формировать извне и управляться. Манипуляция становится формой идеологической практики, легитимированной социумом. По данному вопросу интересна точка зрения Х. Ортега-и-Гассета. Он пишет, что феномен манипуляции общественным сознанием объясняется необходимостью духовного управления, духовной диктатуры. «Большинство людей, – пишет Х. Ортега-и-Гассет, – не имеет мнения. Народу присущи только оценочные суждения. Непригодность к теоретическому мышлению мешает ему принимать разумные решения и составлять правильные мнения. Но без мнения человеческое общество было бы хаосом, даже более – «историческим ничто», поэтому мнения «Следует втиснуть в людей под давлением извне, как смазочное масло в машину»¹⁰.

Таким образом, манипуляция общественным сознанием представляется как форма неосознанного управления, технология власти, имеющая субстанциональную основу и являющаяся феноменом социально-культурного пространства в своем онтологическом измерении.

Основным признаком манипуляции общественным сознанием является ее опосредованность и перманентность, имплицитированность в общественное сознание. Это дает возможность предположить о существовании манипуляции с момента появления человека как субъекта социального, наделенного сознанием.

Принципиальным в отношении проблемы манипуляции общественным сознанием является признание того факта, что она не зависит от одного человека или групп, а представляет собой некое относительно независимое образование, связанное с духовно-нормативными стереотипами, сменяющимися в процессе общественного развития.

В разрезе исторической ретроспективы манипуляция общественным сознанием изменяет свои формы, расширяет спектр технологий, совершенствует методы, адаптируется в изменяющихся условиях исторической действительности, но неизменными остаются ее социальные основания – отношения власти, ее опосредованность ценностно-нормативной средой, стереотипами и мифологизацией общественного сознания. Манипуляция обладает онтологическим статусом на всех этапах развития человеческой истории.

Список литературы

1. Лимнатис Н. Манипулирование: сущность, проявление, пути снятия. М., 2000. С. 31.
2. Бабюк М.И. Социальная манипуляция: философский анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004. – 120 с.
3. Грачев Г. Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999.
4. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. 1 том истории сексуальности / М.Фуко. М.: Магистерium, Касталь, 1996. 448 с.

¹⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Союз коммунистической молодежи Российской Федерации. Библиотека научной и пропагандистской литературы. URL: http://www.skmr.ru/library/library_files/ortega.htm

5. Вебер М. Избранные произведения/ М. Вебер. М.: Прогресс, 1991. – 804 с.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. – 350 с.
7. Де Клари Робер. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1986. – 175 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Союз коммунистической молодежи Российской Федерации. Библиотека научной и пропагандистской литературы. URL: http://www.skmrf.ru/library/library_files/ortega.htm.

HISTORICAL EVOLUTION OF PUBLIC OPINION MANIPULATION FORMS

I. V. KNYAZEVA

*Voronezh State Architectural
Building University*

e-mail: Marraygirl@yandex.ru

The article discusses the forms of manipulation of public opinions during the different periods of historical development. The social bases of the given phenomenon are investigated; its intrinsic characteristics are defined. The attention to the question of primacy of interpersonal manipulation and social is brought.

Key words: manipulation, public opinion, form, authority.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ НАДЕЖДЫ

Е. С. КОНОНОВА

*Орловский государственный
университет*

e-mail: v_fin@mail.ru

В статье рассматриваются различные аспекты понятия надежды, их смысловое наполнение и эволюция этих смыслов. Автор статьи показывает, как надежда (ожидание человеком блага, осуществления желаемого) в различные исторические эпохи, в различных мировоззренческих традициях и культурах получает специфическое смысловое выражение и ценностный статус.

Ключевые слова: надежда, эмоция, психологический дискурс, религиозный дискурс, иллюзия, добродетель, эсхатологизм.

В центре нашего внимания в данной статье будет такой экзистенциал человеческого бытия, как надежда. Понятие надежды объединяет в себе множество смыслов и смысловых оттенков. Но прежде чем говорить о различии аспектов надежды, следует сказать о причинах такого разнообразия.

В течение тысячелетий человечество осмысляет тайну самого себя, пытается дать ответы на вечные вопросы: что такое человек и каковы его принципиальные и специфические отличия от всех других форм и проявлений бытия. В разные социокультурные эпохи «главное» в человеке видели то в наличии души или разума, то в образе и подобии Абсолютного Божества; для одних мыслителей человек – машина, для других – вообще болезнь и патология жизни. И нет конца набору подобных определений человека. Процесс накопления рефлексий по данному вопросу не был «безобиден», так как каждая конкретная эпоха (мировоззренчески ориентированная!) зачастую абсолютизировала ответы, сводила понимание человека и специфически человеческого к какому-либо одному аспекту его бытия, оставляя вне пределов внимания (в основном, осознанно) все остальные аспекты. XX – начало XXI вв. показали насущную необходимость создания интегральной антропологии, которая должна попытаться учесть и синтезировать максимальное количество вариантов, предложенных человечеством за время его существования. Причина подобной необходимости в понимании (наконец!) человека как существа многоуровневого, многоаспектного. Уровни проявления бытия человека настолько богаты содержанием, что его важнейшие экзистенциалы (такие, как любовь, страдание, отчаяние, надежда...) сами наполнены множественными смыслами и оттенками смыслов.

Подобная смыслонаполненность стоит и за общим понятием «надежда». Понимание уровней и внутренних смыслов данного понятия зависит, на наш взгляд, от уровня интеллектуальной и мировоззренческой зрелости самого субъекта надежды, то есть от конкретного человека.

История развития человечества дала немало дополнительных имен-толкований надежде: иллюзия, утешение, добродетель. Определимся с исходным смыслом понятия. Так, толковый словарь Ушакова определяет надежду как желание, ожидание чего-нибудь радостного, приятного, соединенное с уверенностью в возможности его осуществления. Философские словари дают толкование в аналогичном ракурсе: надежда как ожидание блага, осуществления желаемого. Мотив ожидания является исходным для понимания надежды. В ожидании заложены вечно человеческие потребности «я хочу» и «я могу». Собственно, здесь заложен, на наш взгляд, первичный и универсальный для всего человечества смысл понятия надежды. Все последующие определения надежды вырастают из этой основы и дополняются иными смыслами, например, философско-культурологическим. И здесь общим, на наш взгляд, является определение, совмещающее в себе двойственную структуру понятия:

1) надежда – это эмоциональное переживание, возникающее при напряженном ожидании субъектом желаемого и предвосхищающее вероятность его свершения;

2) это также общечеловеческая универсалия культуры, фиксирующая данное состояние в качестве ценности¹.

Автор данного определения, М.А. Можейко, отмечает, что надежда «в европейской культуре традиционно входит в число наиболее глубоких и значимых оснований аксиологического тезауруса, выражая парадигму позитивного восприятия мира, основополагающего доверия к бытию, фундирует в западном менталитете установку на фундаментальный мировоззренческий оптимизм» (там же).

Собственно говоря, в качестве универсалий культуры В.С. Степин определяет наиболее общие представления о природе, обществе, человеке, добре и зле и т.д. Они составляют основу мировоззренческих ориентиров той или иной культуры, той или иной эпохи. При смене культурных традиций (так называемые переломные эпохи) нарушается трансляция социального опыта, и философия отыскивает новые мировоззренческие ориентиры, рационально осмысляя общечеловеческие универсалии культуры².

Как универсалия культуры надежда начала обретать статус положительной для человека ценности еще в античности, что, в частности, выражалось в культовом ее почитании: ей были посвящены многие храмы. «Те же религиозные представления, которые создали род *dei indigetes* – божеств-представителей отдельных человеческих действий и деятельностей, вызвали ряд божеств, олицетворявших нравственные и духовные отвлеченные понятия и человеческие отношения»³. Персонификация надежды в Древнем Риме носила имя *Spes* или *Spes Vona* (надежда на лучшее). На монетах она изображалась в виде молодой женщины, в правой руке держащей цветок, а левой рукой поддерживающей края одежды. Также на древних монетах встречались изображения Надежды, обращенной лицом к Фортуне или императору. При этом ранняя античная культура еще не знала ценностного, этического наполнения категории надежды в привычном нам значении. Так, в античной мифе о Прометее надежда оказалась одной из бед в ящике Пандоры, уготованных человечеству. В большей степени надежда воспринималась как иллюзия, утешительный обман для человека. Кстати, данный смысловой оттенок вполне сохраняется и в современном восприятии надежды отдельными мировоззрениями (так, например, для человека с атеистическим мировоззрением надежда теиста на вечность, спасение и воскресение в теле и т.п. иллюзорна и даже негуманна)⁴. Упоминает о надежде и Платон в диалоге «Тимей», рассказывая о создании демиургом Вселенной. Так, «божественные существа создал сам демиург, а порождение смертных доверил тем, кого сам породил ... они ... приняли из рук его бессмертное начало души и заключили в смертное тело ... но, кроме того, они приладили к нему еще один, смертный, вид души, вложив в него опасные и зависящие от необходимости состояния (курсив наш – К.Е.С.): ...удовольствие ... страдание ... дерзость и боязнь ... гнев ... и надежду, которая не в меру легко внемлет обольщениям»⁵. В платоновской трактовке надежда далека от своего ценностного наполнения и имеет скорее негативную основу, в связи с чем Платон не включает надежду в ряд добродетелей: мудрость, мужество, умеренность и справедливость. В то же время в античности с течением времени произошло полное развенчание надежды-иллюзии в философии стоицизма. Как известно, для стоиков этическим идеалом являлась мудрость, а надежда-иллюзия своим обманом вообще ведет человека к отчаянию. Человек же должен при любых обстоятельствах сохранять мужество быть собой. И здесь уже не надежда, а мужественное отчаяние несет в себе высокое ценностное наполнение.

Но какие бы смыслы не вносили люди в понимание надежды:

- позитивные (как положительная ценность, как утешение и избавление от страданий);

¹ Всемирная энциклопедия. Философия. – М., Минск. – 2001. – С. 668.

² Философия. Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – С. 910.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – <http://gathina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia/>.

⁴ Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры [Текст]. – М., 2009.

⁵ Платон. Тимей / Платон. [Текст]. Собр.соч. в 4 т. Т.3. – М.: Мысль, 1994. – 68d, – С. 475.

- негативные (как зло, самообман, иллюзия).

В любом случае первична, на наш взгляд, природа надежды как эмоционального переживания от напряженного ожидания желаемого, то есть единство психофизического состава природы человека является базисом для понимания различных проявлений этой природы, в данном случае – эмоции надежды.

Смену культурных парадигм того или иного общества сопровождается также разнообразие дискурсов языкового выражения тех или иных универсалий культуры, например: религиозный дискурс надежды, философский дискурс, психологический и т.д. Среди различных дискурсов мы попытаемся вычленить собственно религиозный дискурс надежды. И размышляя об особенностях религиозного дискурса надежды, мы остановимся на материале теистических (авраамических) религий. Здесь в центре нашего внимания традиционная для европейской культуры – религия христианства.

С приходом христианства коренным образом меняет смысловое наполнение и языковое выражение надежды. Так, если греки рассматривали надежду на неопределенное будущее (*elpis*), то христианство вносит новый смысл в позитивное ожидание человека (своих конкретных благ). Теперь человек живет в модусе Абсолютной Личности, является ее образом и подобием и потому свои ожидания соотносит с этим абсолютом. Надежда – это уже и моральное качество верующего человека. Но в первую очередь – это положительная ценность человеческого бытия. Ее новые смысловые оттенки: эсхатологичность и мессианство, что выражает надежду на второе пришествие Христа, а, следовательно, на спасение человека и принадлежности его к вечности, абсолюту. И другая, не менее важная составляющая надежды в христианском мировоззрении: надежда как добродетель (философский термин, означающий положительное свойство характера человека, определяемое его волей и поступками; постоянное деятельное направление воли к исполнению нравственного закона). Собственно, религиозное мировоззрение формирует у людей надежду (через сверхъестественную, абсолютную помощь) на спасение, на избавление от земных страданий и на кардинальное решение человеческих проблем.

Но религиозное мировоззрение не единственное в своих притязаниях на абсолютную помощь человечеству. Так, В.Н. Финогентов в своих трудах вводит понятие «религиозоподобная», или «квазирелигиозная философия» – с целью показать единство аксиологической значимости разных видов мировоззрения. Так, по мнению названного автора, и религиозное мировоззрение, и квазирелигиозная философия признают существование абсолютной ценности, которая свойственна лишь миру истинного (божественного) бытия или тождественна этому бытию. Также и религиозное мировоззрение, и квазирелигиозная философия решают одну и ту же задачу: спасение человека или высшего начала в нем, – обещая при этом радикальное, окончательное и позитивное решение этой задачи⁶. Как раз христианский (мессианский, эсхатологический) образ религиозной надежды наполнен для человека этим ожиданием окончательного и положительного решения своих проблем.

Традиция понимания надежды как добродетели заложена именно христианским мировоззрением: это так называемые теологические добродетели – вера, надежда, любовь. Вопрос о месте и значимости надежды среди других добродетелей решался неоднозначно. Так, С.Н. Зарин в работе «Аскетизм по православно-христианскому учению» дал систематический очерк взглядов святых отцов восточно-христианской церкви на проблему нравственного самоусовершенствования человека. Выводы здесь не в пользу надежды (на получение вечного блаженства): надежда рассматривается отцами церкви как «второе, низшее любви, но высшее «страха» побуждение к подвижничеству»⁷. Иными словами, надежда рассматривается как мотив, побуждающий человека встать на путь очищения, покаяния, исправления и спасения (как окончательного решения земных проблем). Собственно, С.Н. Зарин выделяет из триады добродетелей надежду (на получение награды за труды и страдания) и ставит ее в ряд со страхом (вечных мучений). И страх, и надежда, по учению святых отцов, суть «целесообразные аскетические средства,

⁶ Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры [Текст] – М., 2009, – С. 57-66.

⁷ Зарин, С.Н. Аскетизм по православно-христианскому учению [Текст]. – М., 1996. – С. 170.

полезные методические приемы для побуждения человека от греховного сна и возбуждения его энергии к христианскому подвижничеству» (там же). Подчеркивается также их воспитательное значение (как лекарство) – образ, довольно традиционный для восточно-христианской богословской мысли, когда грешный человек рассматривается как человек больной, зараженный смертельной болезнью (см., например, учение святителя Григория Паламы). Надежда лечит человека, дает сил и облегчает аскетический труд. При этом святые отцы (на основании понимания надежды как вспомогательного средства и методического приема) говорят не о ее самостоятельном, существенном и постоянном значении, но о подчиненном, второстепенном и преходящем значении в деле христианского совершенствования.

Зарин делает вывод, что добродетель веры не рассматривается в данной религиозной традиции в одном ряду с добродетелью надежды. Страх и надежда постепенно (в процессе аскетического подвижничества) переходят в «специфически и подлинно христианское побуждение» – любовь к Богу. Действительно, отцы церкви неоднократно отмечают, что на первой ступени совершенствования человек боится Бога, а на более высокой – только любит. Соответственно, страх и надежда со временем (при качественном преобразовании глубинных основ человека) отпадают. В чем же, помимо этого, временность и несамостоятельность надежды как добродетели? Ответ данной религиозной традиции: в соединении надежды с волей, в результате чего появляется определенная доля корысти, выгоды, которые подвижник ищет для себя. Зарин цитирует в этой связи св. Василия Великого о том, что «самолюбие может проявляться даже и в деятельности, вполне согласной с заповедями, если кто исполняет их не по любви к Богу, а ради себя ... свободное добро есть добро в истинном смысле»⁸. Подобный «второстепенный» статус надежды здесь отражает, на наш взгляд, принципиальную идею религиозного мировоззрения о несоответствии божественного и человеческого уровней бытия. Так, Бог свят по природе, человек – по благодати. Поэтому человеческое всегда было, есть и будет вторичным по сравнению с божественным. И человек всегда будет иметь надежду не только на вечное и сверхъестественное, но и на земное благополучие. Надежда устремлена в будущее (по сущности и по определению), но это будущее имеет множество точек отсчета и во времени и высшую точку отсчета – в вечности как атрибуте абсолютного, божественного бытия. Как ни странно, но надежда на обретение царства небесного – вполне естественная, на наш взгляд, человеческая надежда на получение блага для себя.

Свт. Филарет (Дроздов) в «Пространном Православном Катехизисе Православной Кафолической Восточной Церкви»⁹ также в соответствии со святоотеческой традицией определяет надежду как «успокоение сердца в Боге с уверенностью, что Он непрестанно заботится о нашем спасении и дарует нам обещанное блаженство» (гл. 383). Так, ценностным основанием христианской надежды как добродетели является Христос; средствами приобретения «спасительной надежды» свт. Филарет ставит молитву, истинное учение о блаженстве и действительное следование этому учению. Таким образом, мессианство, эсхатологизм в восточно-христианской религиозной традиции дополняется ее спасительностью, что, впрочем, есть различие в языковом выражении, но не в сущностном.

Вполне в духе мировоззренческого взгляда восточно-христианской традиции рассуждает о сущности надежды С.А. Левицкий. Феноменологический ракурс рассмотрения проблемы он совмещает с религиозным взглядом. В работе «Трагедия свободы»¹⁰ русский мыслитель также проводит связь между страхом и надеждой, определяя надежду «эмоциональным полюсом» страха. Левицкий указывает, что к страху всегда примешана доля надежды. «Мы боимся, когда есть еще надежда избавиться от опасности ... Момент убиения всякой надежды порождает ужас. Но когда надежда уже убита, наступают отчаяние и уныние, а не страх и ужас»¹¹. Объединяет страх и надежду, по мнению Левицкого,

⁸ Цит. по: Зарин, С.Н. Аскетизм по православно-христианскому учению [Текст].- М.,1996.

⁹ Дроздов, Филарет. Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://krotov.info/libr-min/drozdo1.html>.

¹⁰ Левицкий, С.А. Феноменология надежды [Текст]: / Левицкий С.А. Трагедия свободы: избранные произведения. – М.: Астрель, 2008. – С. 434.

¹¹ Там же. – С. 433.

категория возможности: так, страх связан с «грозной» возможностью (угрожающей), надежда – с «благой возможностью». А возможность, как известно, это всегда отражение степени уверенности, в данном случае – меньшей степени уверенности. «Ибо как надежда, так и страх – дети неуверенности, охватывающей нас в страхе и преодолеваемой (но не преодоленной) в надежде»¹². Вместе с категорией возможности Левицкий выводит на осмысление соотношения надежды и веры. В них есть нечто родственное (как добродетелей), но и наличествует «глубокое категориальное различие». Это есть направленность веры на высшую реальность, на Абсолютное благо, которое постулируется как бытие, принципиально отличающееся от постулирования блага в надежде на возможность. То есть, по Левицкому, предметом надежды является земное благо, предметом же веры – трансцендентное. «Неуверенная уверенность» отличает надежду: «В надежде нет прямой ставки на Абсолютное, но есть постулирование реальной возможности отражения Абсолютного в относительном, в желаемом для нас смысле»¹³. Также Левицкий рассуждает о надежде в корреляции со свободой, ведь «всякая надежда есть надежда на осуществление благой возможности. При этом выбор еще неосуществленной возможности как предмета надежды есть сугубый акт нашей свободы»¹⁴. Свобода проявляется в выборе тех актов, которые мы хотели бы осуществить. Если человек лишен надежды, то он лишается и свободы. Надежда направляет человека к творчеству, к творческому поиску, что есть прямое проявление свободы.

Другой аспект надежды у Левицкого связан с понятием неизвестности. Неизвестность органически переплетена с возможностью (уверенностью). «Нам не нужно было бы надеяться, если бы мы могли твердо рассчитывать на успехи наших стремлений»¹⁵. В религиозном мировоззрении в надежде (любой) «есть мистический элемент – в смысле ли слепой веры в судьбу, в смысле ли религиозного упования». Из этого автор выводит парадокс: с одной стороны, надежда через свободу побуждает человека к творчеству, с другой стороны, надежда через неизвестность несет в себе элемент слепого фатализма. Разрешение парадокса возможно для Левицкого в антиномичности человеческой природы, которая сама совмещает в себе и свободу, и фатализм.

Говоря о соотношении трех теологических добродетелей (веры, надежды, любви), Левицкий в духе святоотеческой традиции отмечает более низкое положение надежды по сравнению с верой и любовью. При этом философ не столько «умалывает» значимость надежды, сколько говорит о неразрывной связи трех христианских добродетелей: «Но путь к вере и любви ведет именно через надежду. Совершенная любовь преодолевает страх и сублимирует надежду в веру. Но для всех, кто находится на пути к преодолению, на пути к сублимации – а мы все – странники, – надежда является единственным путеводителем по дебрям возможностей»¹⁶. Мы отмечали ранее, что надежда – это поистине человеческая эмоция, выросшая до уровня поистине человеческой ценности. Левицкий также признает, что «есть состояния высшие, чем надежда (вера), но нет состояния более человечески блаженного, более обещающего, чем надежда»¹⁷.

Ценностную значимость надежды как христианской добродетели в ряду других добродетелей подчеркивали и русские религиозные философы. Так, А.С. Хомяков в работе «Церковь одна»¹⁸ говорит о вере, надежде и любви как дарах Св. Духа: «В символе веры заключается исповедание учения церковного; но чтобы было ведомо, что и надежда церкви от ее учения нераздельна, исповедуется также и надежда ее: ибо говорится «чаем» (ожидаем), а не просто веруем, что будет». Другой религиозно мыслящий русский философ, М.М. Тареев, в работе «Цель и смысл жизни» также рассуждает о соотношении веры и надежды в мировоззрении верующего человека. Хотя человек уже имеет сейчас (через участие в Христовых страданиях) вечную жизнь и участвует в Христовой славе, но

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 434.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С. 435.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Хомяков, А.С. Церковь одна [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://philosophy.ru/libraru/hom/church.htm>.

пока человек пребывает в этом мире как существо духовно-телесное, он имеет ограничения со стороны внешней природы. Вера в человеке (как атрибут внутреннего богосыновного достоинства человека) становится надеждой, отмечает Тареев и ссылается на слова апостола: «... мы теперь дети Божьи; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему ... И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя» (1 Иоан. III, 1-13). Сущностное единство надежды и веры Тареев отражает в афоризмах: «Надежда – это вера, победившая искушение», «надежда дается терпением, которым и побеждается искушение веры»¹⁹. Говоря об ожидании блага в христианской надежде, философ уточняет, какого именно блага ожидает христианин: «... мы ожидаем духовного тела (XV,44), нового неба и земли (2 Пет. III, 13). Мы ожидаем не материализации духа, а одухотворения природы. Наша надежда в том, что смертное будет поглощено жизнью, временное вечным, видимое внутренним и невидимым, плоть духом»²⁰.

То есть, если даже человек и ожидает блага для себя, в данной интерпретации в этом благе вряд ли можно усмотреть оттенки самолюбивой выгоды или корысти. Для М.М. Тареева дорог тот факт, что человек вместе со всей тварью, со всей тварной природой ожидает освобождения от рабства плоти. Основанием для подобного вывода становятся для философа слова ап. Иоанна: «Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих: потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению ... Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; т не только она, но и мы, имея начаток духа, и мы стонаем, ожидая усыновления ...» (Римл. VIII, 18-25).

На наш взгляд, здесь надежда перерастает рамки специфически человеческой ценности, выходя на уровень общетварной значимости. Это надежда на теозис, обожение всей природы вольным усилием человека. Такая надежда в аксиологическом плане оценивается М.М. Тареевым достаточно высоко.

Кратко касаясь понимания надежды в других авраамических религиях, отметим, что надежда на абсолютное, на окончательное решение своих земных надежд (упований и чаяний) в той или иной мере присуща всем типам теистических религий. Так, иудейская (или ветхозаветная – в христианской интерпретации) надежда во многом отличалась от надежды-добродетели новозаветной: как надежды на второе пришествие Христа, а в результате – надежды на личное «воскресение из мертвых», получение награды в новой (обоженной) жизни за терпение, страдание и исправление. Джон Дрейн считает, что библейская традиция воспринимала и «тело человека, и весь материальный мир как самое естественное прибежище человека ... Бога надо искать не по ту сторону творения, а в самом творении»²¹. Исследователь трактует ветхозаветную историю как историю «разбитых надежд и новых перспектив». Нам представляется подобный взгляд достаточно традиционным для характеристики истории человеческих сообществ. В эпохи внезапных кризисов культуры народ обращается к своему прошлому в поисках нового взгляда на свою судьбу, на свои перспективы выживания и развития. В иудейском сообществе обычно надежды на новое сводились к тому, что пожелает сделать для них Бог. Собственные возможности иудеев не оставляли им никакой надежды, но, когда они вспоминали о всемогуществе Бога, они начинали верить в будущее. То есть надежды иудеев находятся внутри этого мира – это, в первую очередь, надежда на Бога, который обновит их жизнь здесь, сейчас или в будущем. Поэтому Дрейн пишет об эпохах отчаяния и эпохах надежды как о периодах библейской истории. В связи с этим в новозаветных толкованиях²² мы встречаем указание на различие иудейских и христианских надежд. Так, при описании выхода Христа на Нагорную проповедь, перечисляются векторы надежды народа еврейского: они ждали такого мессию, «который освободит их от чужеземного владычества,

¹⁹ Тареев, М. Цель и смысл жизни [Текст] / Смысл жизни: Антология. – М., 1994. – С. 221.

²⁰ Там же.

²¹ Дрейн, Джон. Путеводитель по Ветхому Завету [Текст]. – М., 2008. – С. 343.

²² Аверкий, архиеп. Четвероевангелие: Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета [Текст]. – М., 2000. – С. 115.

отомстит всем врагам, воцарится над евреями и поработит им все народы земли, причем даст им чисто сказочное благополучие: повелит морю выбрасывать жемчуг и все свои сокровища, оденет народ свой в багряницу, украшенную драгоценными камнями, и будет питать его манною еще более сладкою, чем та, какая посылалась им в пустыне»²³. Христос же предлагал путь страданий в земной жизни и радостного освобождения от страданий в жизни посмертной, что и не смогли воспринять многие иудеи. Данный эпизод Нового Завета рассматривался толкователями как встреча двух мировоззрений, где общее – вера в личностного Бога, различное – векторы надежды. Г. Марсель вообще считал архетипом всякой надежды надежду на спасение. В этих двух теистических позициях мы видим разность в понимании спасения как объекта надежды религиозной.

В исламе, помимо общего с христианством высшего ценностного наполнения надежды (как надежды на Бога, на его помощь и награду в посмертном существовании человека), надежда используется как лекарство для здоровья человека, но не в религиозном смысле (как исцеление грешника), а в ее первичном психологическом ракурсе с его терапевтическим эффектом: «... если больной впал в уныние, тело получает сигнал от мозга и организм перестает бороться с болезнью, и если воля самого больного к выздоровлению атрофирована, иногда даже самые сильные лекарства становятся бессильны ... Больному нужна надежда»²⁴.

В двадцатом веке в Европе возрождается интерес к эсхатологическому аспекту религиозной надежды. Христианская идея не раз в истории подвергалась попыткам модернизации. Социальные катаклизмы двадцатого столетия (в виде революций и кровавых войн) не оставили равнодушной и богословскую мысль. Специфически христианские темы «воскрешения из мертвых и жизни будущего века» привели к появлению в протестантской богословской среде так называемой «теологии надежды», в которой была отражена концепция очередной модернизации христианства в виде христианского социализма. Христианство здесь рассматривалось как «великая социальная надежда». Традиционно христианская добродетель надежды осмыслялась здесь как в религиозном, так и в социально-психологическом планах. Основоположниками этой версии модернизации христианства стали протестантские богословы Юрген Мольтман и Вольфхарт Панненберг. Так, например, жизненные коллизии Мольмана²⁵ (опыт военнопленного во время Второй Мировой войны) послужили формированию у него глубокого понимания смысла и значимости страдания и надежды для человека. Впоследствии это понимание повлияло на его богословскую позицию. А исходным фактором для формирования собственно теологии надежды стала для него работа философа марксистской ориентации Эрнста Блоха «Философия надежды», где марксизм был представлен как теория, дающая человеку полноценную надежду на возможность человеческими усилиями преобразовать жизнь земную, реальную. Мольтман переосмыслил идеи Блоха и предложил богословскую рефлексию данного учения. Так, надежда на спасение оказывает серьезное влияние на восприятие человеком реальности (и исторической, в частности). Осознание человеком конечности собственного бытия влияет не только на религиозно-духовное состояние человека, эсхатология имеет также и политический вектор выражения. То есть теология надежды рассматривается богословом в качестве варианта политической теологии. Здесь различные формы социальных преобразований (в виде революций или освободительных движений) отражают конкретные эсхатологические надежды человечества. В этой связи Мольтман проводит аналогию между эсхатологическими чаяниями христиан и революционными движениями в истории. Человечество сострадает Христу, связано с ним верой и имеет надежду на Христа воскресшего, ожидая Его возвращения.

Вольфхарт Панненберг также отталкивался в своих религиозных исканиях от философских идей, как, например, учение Гегеля об отчуждении, принципы философской антропологии М. Шелера и его коллег. Значимая идея философской антропологии 20 века открытости человека миру стала для протестантского богослова основанием для

²³ Там же. – С. 115.

²⁴ Ресурс доступа: <http://www.islamnaneve.com/>.

²⁵ Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/persons/>.

идеи открытости человека Богу. Не только природа человека, но и вся структура реальности ориентированы на будущее в Боге, а значит, на надежду на Него. Но, в отличие от ортодоксально мыслящих христиан (например, от православной традиции), теология надежды призывает к действенному ожиданию второго прихода Христа. Если человек живет надеждой на Христа распятого, то он, по мнению Панненберга, не сможет гармонично жить в обществе, основанном на грехе. Грех основывается на безнадежности, которая принимает различные формы, в частности – отчаяния (когда человек перестает надеяться на Бога).

Также в теологии надежды находит свое осмысление традиционная для христианского мышления тема творчества (божественного и человеческого). Для богословов здесь надежда усиливает веру и ведет верующего человека к новому творению. То, что в восточно-христианской традиции известно под именем «сотрудничества человека Богу», в протестантском богословии выливается в утопическое учение о возможности интеграции двух, противоположных по своей сущности, идеалов: социальных и религиозных. Так, Мольтман видит жизнь природы, человека и общества (в Боге) не как завершившийся, а непрерывно продолжающийся процесс творения. Человечество нынешнее должно участвовать в этом акте своей социально-освободительной преобразовательной активностью, человечество будущее (преображенное и очищенное апокалиптическим огнем) будет участвовать в новом творении. Подобная деятельность человечества станет триумфом христианских моральных идеалов и одновременным спасением мира и человека.

Следует отметить, что восточно-христианская традиция давно сформировала учение о теозисе (обожении), где преобразование мира и человека осуществляется силой, в первую очередь, Богочеловека. У православных христиан надежда на Христа распятого и воскресшего существовала и продолжает существовать, но в ортодоксальном варианте: без социальных преобразований и потрясений в виде революций и тому подобных социальных актов, без активного вмешательства в эсхатологический процесс общего божественного замысла.

Таким образом, мы рассмотрели лишь некоторые аспекты эволюции религиозного дискурса такой универсалии культуры, как надежда. Многоуровневость и многоаспектность состава человеческого бытия, как видно, диктует и разнообразие способов выражения этого бытия. Так, понятие надежды включает в себя на первичном уровне психологические смыслы, религиозный уровень осмысления бытия добавляет к общечеловеческим дополнительные смыслы и оттенки смыслов. Собственно говоря, человек (вне зависимости от своих мировоззренческих установок) – существо, устремленное в будущее, он протраивает образы и варианты этого будущего. А из феноменов человеческого бытия надежда, на наш взгляд, более других отражает данное стремление, в свою очередь, выстраивая иерархию надежд от обыденного, конкретно-индивидуального до высшего, надмирного уровня желаний и устремлений индивида.

Список литературы

1. Всемирная энциклопедия. Философия [Текст]: – М., Минск, 2001.
2. Философия. Энциклопедический словарь [Текст]: – М.: Гардарики, 2004.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – <http://gathina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia/>.
4. Финогентов, В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры [Текст]: – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Платон. Тимей / Платон. [Текст]. Собр.соч. в 4 т. Т.3. – М.: Мысль, 1994.
6. Зарин, С.Н. Аскетизм по православно-христианскому учению [Текст]. – М., 1996.
7. Дроздов, Филарет. Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://krotov.info/librmin/drozdov1.html>.
8. Левицкий, С.А. Феноменология надежды [Текст] / Левицкий?С.А. Трагедия свободы: избранные произведения. – М.: Астрель, 2008.
9. Хомяков, А.С. Церковь одна [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://philosophy.ru/libraru/hom/church.htm>.

10. Тареев, М. Цель и смысл жизни [Текст] / Смысл жизни: Антология. – М., 1994.
11. Дрейн, Джон. Путеводитель по Ветхому Завету [Текст]. – М.: Триада, 2003.
12. Аверкий, архиеп. Четвероевангелие: Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета [Текст]. – М., 2000.
13. Ресурс доступа: <http://www.islamnaneve.com/>.
14. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/persons/>.

EVOLUTION OF THE CONCEPT «HOPE»

In this article different aspects of the concept «Hope», its meanings and evolution of these meanings are considered. The author shows that hope (human anticipation of benefit, fulfillment of a wish) in different historical periods, human outlooks and cultures get specific expression of meanings and appreciative status.

E. S. KONONOVA

Oryol State University

e-mail: v_fin@mail.ru

Key words: hope, emotion, psychological discourse, religious discourse, illusion, virtue, eschatologism.

НЕЭПИФЕНОМЕНАЛЬНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ СОЗНАНИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. В. КУЗНЕЦОВ¹⁾
А. В. КУЗНЕЦОВА²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail:

kuznetsov_a@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: ludvig_14@mail.ru

В статье рассматривается возможность экстраполяции «зарегистрированной» в продуктах деятельности человека части коллективного знания как достояния лингвокультурной общности в различных научных парадигмах. Такая возможность обусловлена связыванием различных по природе и происхождению фрагментов знания на основе присоединения дополнительных принципов, выполняющих организующую функцию, и их последующего декодирования.

Ключевые слова: неэпифеноменальность, принцип, закон, постулат, философия и методология научного знания.

Наиболее общие глубокие связи между областями явлений определяют фундаментальные принципы, поэтому вопрос об их происхождении является существенным пунктом при анализе различных оснований научного знания. Несмотря на свой специальный характер, постановка этого вопроса всё же самым непосредственным образом связана с фундаментальными философскими проблемами, возникшими ещё в отдалённом прошлом. Во многих своих чертах рассуждения о началах (принципах), хотя и «на новой основе»¹ затрагивают весьма ранние тенденции мышления, приближаясь к некоторым из древнейших проблем.

Поэтому выяснение природы принципа, прежде всего философского, как связанного воедино результата и средства получения научного знания, является важнейшим предварительным условием понимания места деятельностных детерминант в генерировании научного знания при осуществлении методологической функции научной деятельности. Нет ни одного познавательного акта, который так или иначе не опирался бы на тот или иной принцип: «собрание разрозненных знаний не может образовать науку, наука есть только там, где налицо объединяющая знания идея»². Наука, по Канту, как раз и представляет собой систему познания, упорядоченную сообразно принципам³. Такое требование представить научное знание в обобщённой форме тесно связано с самой сущностью рационалистически ориентированной науки, стремящейся объяснить многообразие явлений из минимального количества принципов и абстракций. Действительно, с осознанием и формулировкой первых принципов, например, таких как принцип структурности и принцип историзма, и связывали становление, в частности, физики как науки.

Следовательно, формирование фундаментальной теории, определяющей специальную научную картину мира, по существу происходит лишь после того, как найден принцип[ы], составляющий[ие] её основу, то есть принцип вводится в неё как аксиома, постулат, без особого логического доказательства. Например, теория может выражать научно-исследовательскую программу, а «принципы конкретных научно-исследовательских... программ характеризуют не сам феномен научно-исследовательских программ в познании, а являются выражением некоторого уровня осознания... [исследователем] целей, задач и необходимых познавательных средств их решения на том или ином этапе развития познания, в рамках какого-либо направления научных исследований»⁴.

¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем. – М.: Наука, 1989. – С. 159.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Отв. ред. и авт. вступ. ст. с. 5–74 М. М. Розенталь – М.: Наука, 1972. – Т.3 [Учение о понятии]. – С. 35.

³ Кант И. Сочинения. В 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – С. 56.

⁴ См.: Методологическое сознание в современной науке / П. Ф. Йолон, С. Б. Крымский, Б. А. Парохонский и др.; Отв. ред. П. Ф. Йолон; АН УССР. Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1989. – С. 181.

Однако многие философы полагают, что, например, физика не может в качестве физики делать высказывания о физике, – все высказывания о физике звучат как физика. Вместе с тем, здесь необходимо учитывать и то обстоятельство, отмеченное М. Хайдеггером, которое предполагает неустранимое влияние на научно-исследовательскую деятельность учёного различных вкладов, хотя и в снятом виде, лингвокультурной общности: «Хотя науки своими средствами не могут проникнуть в существо науки, все-таки каждый исследователь, как мыслящее существо способен двигаться на разных уровнях осмысления и поддерживать его»⁵. Иными словами, научное осмысление в любой научной коммуникации предполагает прежде всего коммуникативную стратегию за счёт своей амбивалентности как основного свойства психического отражения. В соприкосновении с предметной действительностью научная деятельность видоизменяется и становится богаче, истиннее, чем предвещающее её сознание. При этом для сознания исследователя вклады, которые вносятся его деятельностью, остаются скрытыми; отсюда и происходит, что сознание может казаться основой деятельности, то есть отражением продуктов предметной деятельности, реализующей связи, отношения общественных индивидов, которые выступают для них как явления их сознания. Однако в действительности за этими явлениями лежат объективные связи и отношения, хотя и в неявной, снятой, скрытой от индивида форме. Вместе с тем, явления сознания составляют реальный момент в движении деятельности. В этом и заключается их «неэпифеноменальность», их существенность. То есть сознательный образ выступает в функции идеальной меры, которая овеществляется в деятельности исследователя. Таким образом, неполнота языка науки позволяет расширять научные теории посредством экстраполяции коллективного знания (КЗ₂) (КЗ₂ – «зарегистрированная» в продуктах деятельности человека часть коллективного знания/переживания как достояния лингвокультурной общности)⁶ из одной научной парадигмы в другую, давая возможность присоединять дополнительные принципы. Следовательно, принципы часто связывают различные по природе и происхождению фрагменты знания, выполняя при этом организующую функцию. Процесс декодирования или понимания принципов есть всегда путь расшифровки общего смысла, который стоит за воспринимаемым сообщением или, иначе говоря, сложный процесс выделения наиболее существенных элементов высказывания, превращения развёрнутой системы сообщения в лежащую за ним мысль⁷. Таким образом, все наши знания о мире, включая и самые общие идеи, оформленные в виде принципов, возникают в ходе отражения этого мира. Но сами принципы не являются априорными, ибо не существует никакого «чёрного хода», с которого мы могли бы заглянуть в действительность «саму по себе» и подсмотреть, как там обстоит дело. Иными словами, все наши принципы – это приблизительно верное отражение действительности, а не сама действительность.

С учётом вышесказанного рождается дуалистическое понимание принципов, которые уже характеризуются как теоретико-понятийные образования, не являющиеся одновременно ни абсолютно исходными пунктами исследования, ни абсолютно заключительными его результатами. Действительно, принципы применяются не только при исследовании самой действительности, но и при анализе уже имеющегося знания, обеспечивая корректировку, упорядочение или синтез знания. В связи с последним отмечается, что понятие «принцип» во многих работах⁸ порой отождествляют с такими понятиями, как «закон», «закономерность», «постулат», «аксиома» и др. Так, выявляя специфику содержания данных терминов через характеристики многообразия функций научных за-

⁵ Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93-118.

⁶ Залевская А. А. Введение в психолингвистику: Учебник 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – С. 23.

⁷ Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – С. 288.

⁸ См.: Аронов Р. А., Шемякин В. М. Логико-гносеологические патологии и амбивалентность физического познания // Вопросы философии. – М., 2002. – №1. – С. 90-102; Вариационные принципы механики: Сб.ст./ Под ред. Л.С.Полака. – М.: Гос изд-во физ.-мат. лит., 1959. – 932 с.; Вигнер Е. Этюды о симметрии / Пер. с англ. Ю. А. Данилова; Под редакцией Я. А. Смородинского – М.: Мир, 1971. – 319 с.

конов, П. В. Копнин пишет: «Прежде всего, они выступают в качестве принципов истинного знания, содержащегося в данной науке. Таким образом, понятия «закон» и «принцип» в науке одностепенны и трудноразличимы. Закон становится принципом, когда он выполняет логическую функцию в систематизации знания, служит исходным положением в построении теории, в достижении нового знания»⁹. Но в целом всё же «принципы как особые формы теоретических знаний не тождественны как законам и категориям, так и идеям, основаниям, установкам, хотя и связаны с ними»¹⁰. Чтобы всё-таки определить меру нетождественности принципа и закона необходимо подчеркнуть, что всякий закон представляет собой устойчивый порядок связи между явлениями. Объективные законы – это устойчивые функциональные отношения, которые выражают взаимозависимость между материальными объектами в системах и их свойствами. Законы природы, в отличие от юридических законов, существуют независимо от человека, они могут быть открыты человеком, но человек не может их изменить или нарушить. В силу этого физические законы лишь приближённо отражают объективные законы и уточняются по мере развития науки, с ростом знания. В этом отношении принцип представляет собой переформулировку закона в нормативном духе: он предписывает, в соответствии с законом, как надо понимать явления природы, объяснять факты.

Философские (всеобщие) принципы допустимо условно делить на *онтологические* и *гносеологические* (эпистемологические) принципы. Онтологические номологические высказывания используют онтологические принципы, к которым относят принципы, выражающие атрибуты материи: принцип всеобщей связи, развития, детерминизма и др. Конструктивные допущения используют, по большей части, гносеологические принципы, которые представляют собой переформулировку законов познания. В результате этого гносеологические принципы рассматриваются как методологические требования в научных исследованиях: принципы относительности знаний, единства теории и практики, конкретности истины, преемственности объективности истины, всесторонности рассмотрения явлений, принцип логического и исторического в познании, теории и эксперимента и др. Применение этих принципов в нормативном духе позволяют исследователю определять взаимоотношения между методами познания: индуктивным и дедуктивным, аксиоматическим, аналогией, моделированием, системно-структурным и т.д. Вместе с тем, понимая, что законы существуют в объективном мире и познании, мы не допускаем мысли о том, что принципам как элементам теоретического знания либо нормативным установкам исследования придаётся сходный онтологический статус.

Поэтому, хотя принципы нельзя сводить к началам, аксиомам, постулатам, все же признаётся, что элементы начал в принципах проявляются как понимание устойчивого знания, утвердившегося на данном этапе развития науки в качестве научной истины и выступающего как основание познавательной деятельности. Знание, заключенное в принципе, остаётся невостребованным («мёртвым»), пока не будет включено в реальный поиск познания. Можно даже говорить о том, что любой элемент научного познания оказывается принципом (философским или естественнонаучным), если он выступает в качестве основания, исходного положения для теории, различных видов познавательной либо практической деятельности. Именно из принципов теории во многом дедуктивно выводятся её другие положения: законы, следствия и т.д. Вне этого говорить о каком-либо элементе знания как о принципе неправомерно.

Следуя вышесказанному, принципы, рассматриваемые в качестве исходных положений теории, всё же не могут быть выведены, логически получены внутри неё, а требуют выходящего за данную теорию метатеоретического обоснования. Более того, это имеет отношение и к теоретическим законам конкретных наук, которые доказываются лишь опосредованно, путем проверки в эксперименте следствий из них. Ещё более опосредованной является связь философского знания с практикой. Такая связь осуществля-

⁹ Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – С. 502.

¹⁰ Князев В. Н. Концепции взаимодействия в современной физике. М, 1991. – С. 8.

ется посредством «философского метода познания», в котором «используются операции мышления, состоящие из умозрительных обобщений, исходящих от непосредственно наблюдаемых фактов, а также из опирающихся на эти обобщения логических суждений»¹¹.

Именно поэтому для сознания исследователя умозрительные принципы как абстрактные структуры с первого взгляда напоминают кантовские синтетические суждения *a priori*. Они не «выводятся из опыта», а являются результатом синтетической деятельности творческого воображения, причем последнее создаёт такие комбинации опытных данных, которые нередко находятся в резком противоречии с известными эмпирическими и теоретическими законами. Однако это совсем не означает абсолютной оторванности от действительности, игнорирования генезиса, истории возникновения этих абстрактных структур, «забвения того непреложного факта, что более простые, фундаментальные структуры имеют реальное, «земное» происхождение»¹², предполагающее известные комбинации опытных данных конструктивным путём. К тому же, если эти абстрактные формализованные структуры трактовать как чисто априорные конструкции, то непонятно, по каким причинам они согласуются с действительностью, тем более что, структура (форма) выявляется в чистом виде на основе анализа содержания. Отрицание необходимости такого содержания вытекает из того факта, что исследователь может строить прямо противоположные принципы. Вместе с тем, как отмечает В. Т. Мануйлов, априорность принципов, например, евклидовой геометрии означает у Канта только то, что они не могут быть обоснованы эмпирически; поэтому «открытие неевклидовых геометрий («воображаемых», как и евклидова) не опровергает кантовскую философию математики»¹³.

Последнее обстоятельство, в свою очередь, придаёт принципам уже некоторое сходство с «конвенциями» известного французского математика Анри Пуанкаре. Как известно, А. Пуанкаре предполагал, что принципы являются скрытыми определениями тех понятий, которые в них входят, подобно тому как правила шахматной игры суть скрытые определения шахматных фигур¹⁴. Поэтому он уподобил принципы правилам игры, которые не могут быть истинными или ложными, а только удобными или неудобными (подобно используемым системам координат). Чем более размышления уклоняются от общепринятых представлений, тем яснее они «показывают нам, на что способен человеческий ум, когда он постепенно освобождается от тирании внешнего мира, тем лучше мы познаём ум в его внутренней сущности»¹⁵. Такому пониманию, в известной степени, способствовали открытия новых неевклидовых геометрий¹⁶ (Н. И. Лобачевский, Б. Риман, Ф. Клейн и др.), в которых аксиомы уже приобрели некоторую независимость от способности учёных отражать действительность. «...Геометрические аксиомы не являются ни синтетическими априорными суждениями, ни опытными фактами... Мы руководствуемся опытными фактами, но самый выбор остается свободным...»¹⁷. Конечно, ограничение, накладываемое на такой выбор, с необходимостью должно представлять собой требование логической непротиворечивости, позволяющей всё же интерпретировать воспринимаемый нами мир через пространство различных геометрий.

Однако требование логической непротиворечивости опосредовано необходимостью отображения действительности, так как опирается на представление о соответствии

¹¹ Мостепаненко М. В. Философия и физическая теория. Физическая картина мира и проблема происхождения и развития физической теории. – Л.: Наука; Ленингр. отд.-е, 1969. – С. 79.

¹² Философские проблемы естествознания / С. Т. Мелюхин, Ю. А. Петров, Г.И. Рузавин и др.; Под ред. С. Т. Мелюхина. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 108.

¹³ Мануйлов В. Т. Конструктивность обоснования математического знания в философии математики И. Канта // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск первый. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 40.

¹⁴ Пуанкаре А. Наука и гипотеза / Пер. с франц. А. Г. Батинского, Н. М. Соловьева и Р. М. Соловьева. – М: Типография Мамонтова, 1904. – С. 58-61.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Риман Б. Сочинения / Пер. с нем. – М.–Л.: Гостехиздат, 1948.

¹⁷ Пуанкаре А. Наука и гипотеза / Пер. с франц. А. Г. Батинского, Н. М. Соловьева и Р. М. Соловьева. – М: Типография Мамонтова, 1904. – С. 60.

абстрактных структур действительности, конгруэнтности картины мира мышлению. Стало быть, мы должны руководствоваться здесь уже не требованиями удобства, а стремлением соответствия теорий действительности. А в последнем вопросе решение даётся только практикой. Ещё в 1565 г. в книге Телезио «О природе вещей, выведенной из её собственных принципов» отмечается такая постановка проблемы, что принципы природы – это логические выводы, идущие от эмпирии и приводящие к пространственно-временной концепции бытия. Это стремление реализовывалось в научных пространственно-временных схемах, например гелиоцентрической системе Коперника. Иными словами, в деятельности субъекта познания налицо активное, конструктивное начало. С одной стороны, субъект может порождать любые конфигурации по собственному желанию, с другой стороны, та среда, в которой он разворачивает конструктивную активность, по известным причинам не позволяет конструированию быть совершенно произвольным, то есть накладывает свои ограничения. Актуализировать в ней можно лишь то, что допускается её собственными потенциями, «среда обладает «косностью», она сопротивляется руке творца... деятельность (субъекта познания) как раз и направлена на выявление этих потенций, а не на наслаждение собственным произволом»¹⁸. «Наслаждение» определяется эстетической стороной научной деятельности – прорывом непосредственных сенсуальных впечатлений в ткань логических дедукций, выражая синтез внутреннего совершенства и внешнего обоснования.

Итак, принимая во внимание, что исходные принципы как положения логически не выводимы внутри теории, а требуют обоснования, выходящего за её рамки, то такая теория остаётся «открытой»: не все истинные утверждения являются доказуемыми в данной теории и могут быть логически выведены в её рамках. «Принцип, таким образом, имеет характер постулата, исходного положения теории, принимается без доказательства, что полностью соответствует этимологии этого слова: лат. *princeps* = *primus, is* – первый, начальный + *capio* – брать, буквально взятое первым, предвзятое, начало, основа; в философии то же, что и основание, то есть то, что лежит в основе некоторой совокупности фактов или знаний»¹⁹.

Не только практическая, но и логическая невыводимость принципов позволила интуиционисту А. Гейтингу представлять механизм конструирования принципов посредством сверхлогической способности нашего сознания – интуиции, своего рода интроспективной творческой деятельности мыслящего субъекта²⁰. Известно, что особую роль интуиции и воображения в конструировании абстрактных объектов отмечали многие мыслители, особенно выделяют среди них неоплатоника Прокла (V век н.э.) и родоначальника немецкого классического идеализма И. Канта²¹. А. Бергсон в частности, определял интуицию как своеобразную симпатию, «средством которой мы проникаем внутрь предмета»²², чтобы слиться с невыразимой в общих понятиях природой и постичь его в собственном существе. Поэтому интуитивно добываемое знание несёт на себе отпечаток экзистенциального опыта его автора. Однако нельзя не отметить, что при таком подходе в процессе логического вывода явно не перечисляются те логические аксиомы и правила, на которые опираются в ходе доказательства. Более существенным здесь, как нам представляется, является незаметное использование в качестве посылок утверждений, которые кажутся интуитивно ясными, но явно в теории не формулируются. Например, как это наблюдается у Евклида, который «при доказательстве теорем использует ряд посылок, относящихся к расположению точек на прямой, непрерывности и равенству фигур, которые, однако, не фигурируют в качестве аксиом геометрии»²³.

¹⁸ Шапошников В. А. Математическая мифология и пангеометризм // Стили в математике: социокультурная философия математики. – СПб., 1999. – С. 151.

¹⁹ Князев В. Н. Концепции взаимодействия в современной физике. М, 1991. – С. 9.

²⁰ См.: Гейтинг А. Интуиционизм. – М.: Мир, 1965. – 200 с.

²¹ Мороз В. В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. – М.: МГУ, 2005. – С. 39.

²² См.: Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. : в 4 т. Т.1. – М., 1992.

²³ Философские проблемы естествознания / С. Т. Мелюхин, Ю. А. Петров, Г.И. Рузавин и др.; Под ред. С. Т. Мелюхина. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 70.

Представители конструктивного направления критиковали «интуитивную ясность» как критерий истинности, ибо «этот критерий означает полное тождество субъективизма и идет вразрез с пониманием науки как вида общественной деятельности»²⁴. Таким образом, мы подразумеваем, что свободное конструирование принципов не означает какого-либо чистого вымысла, а лишь только то, что «воспаряя» к принципам, можно постигнуть более глубокие и существенные свойства действительности. Иными словами, принципы конструируются таким образом, чтобы теория, построенная на основе этих принципов, могла получить согласование с опытом, то есть всё вышеизложенное следует «основному принципу теории познания: объективная картина мира не должна содержать ничего такого, что в принципе не могло бы быть проверено на опыте». Именно так этот принцип сформулирован²⁵ одним из выдающихся учёных и мыслителей XX века Германом Вейлем (1885–1955), известным своими работами в области анализа, теории чисел, дифференциальной геометрии, оснований математики и логики, теории относительности и квантовой механики.

Список литературы

1. Аронов Р. А, Шемякин В. М. Логико-гносеологические патологии и амбивалентность физического познания // Вопросы философии. – М., 2002. – №1. – С. 90–102.
2. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. : в 4 т. Т.1. – М., 1992.
3. Вариационные принципы механики: Сб. ст. / Под ред. Л.С.Полака.– М.: Гос изд-во физ.-мат. лит., 1959.– 932 с.
4. Вейль Г. Математическое мышление.– М.: Наука, 1989. – 400 с.
5. Вигнер Е. Этюды о симметрии / Пер. с англ. Ю. А. Данилова; Под редакцией Я. А. Смородинского – М.: Мир, 1971,– 319 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Отв. ред. и авт. вступ. ст. с. 5–74 М. М. Розенталь – М.: Наука, 1972. – Т.3 [Учение о понятии]. – 374 с.
7. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем. – М.: Наука, 1989. – 399 с.
8. Гейтинг А. Интуиционизм. – М.: Мир, 1965. – 200 с.
9. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: Учебник 2-е изд. испр. и доп. – М.: Росийск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
10. Кант И. Сочинения. В 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – 591 с.
11. Князев В. Н. Концепции взаимодействия в современной физике. М, 1991. – 127 с.
12. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 568 с.
13. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с.
14. Мануйлов В. Т. Конструктивность обоснования математического знания в философии математики И. Канта // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск первый. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед.ун-та, 2001. – С. 29–62.
15. Марков А. А. О конструктивной математике // Труды матем. ин-та им. Стеклова. – М., 1981. – Т. 67.
16. Методологическое сознание в современной науке / П. Ф. Йолон, С. Б. Крымский, Б. А. Парахонский и др.; Отв. ред. П. Ф. Йолон; АН УССР. Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1989. – 336 с.
17. Мороз В. В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. – М.: МГУ, 2005. – 308 с.
18. Мостепаненко М. В. Философия и физическая теория. Физическая картина мира и проблема происхождения и развития физической теории. – Л.: Наука; Ленингр. отд.-е, 1969. – 239 с.
19. Пуанкаре А. Наука и гипотеза / Пер. с франц. А. Г. Батинского, Н. М. Соловьева и Р.М. Соловьева. – М.: Типография Мамонтова, 1904. – 252 с.
20. Риман Б. Сочинения / Пер. с нем. – М.–Л.: Гостехиздат, 1948.
21. Философские проблемы естествознания / С. Т. Мелюхин, Ю. А. Петров, Г.И.Рузавин и др.; Под ред. С. Т. Мелюхина. – М.: Высш. шк., 1985. – 400 с.

²⁴ Марков А. А. О конструктивной математике // Труды матем. ин-та им. Стеклова. – М., 1981. – Т. 67. – С. 11.

²⁵ См.: Вейль Г. Математическое мышление.– М.: Наука, 1989. – 400 с.

22. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. – М.: Прогресс, 1986. – С.93–118.

23. Шапошников В. А. Математическая мифология и пангеометризм // Стили в математике: социокультурная философия математики. – СПб., 1999.

NON-EPIPHENOMENALITY OF CONSCIOUSNESS PHENOMENA IN COMPREHENSION OF SCIENTIFIC ACTIVITY

A. V. KUZNETSOV¹⁾
A. V. KUZNETSOVA²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

*¹⁾ e-mail:
kuznetsov_a@bsu.edu.ru*

²⁾ e-mail: ludvig_14@mail.ru

The article discusses the possibility of extrapolation of a part of human activity registered in products as a result of lingvocultural community in different scientific paradigms. Such possibility is based upon the connection of naturally and genetically different fragments of knowledge, additional organization principles and their decoding.

Key words: non-epiphenomenality, principle, law, postulate, philosophy and methodology of scientific knowledge.

УДК 101.1

СОВОКУПНОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА АПРИОРНОМ УРОВНЕ В ЭТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ И. КАНТА

А. В. КУЧЕРЕНКО*Курский филиал Орловского
юридического института
МВД России**e-mail:
kucherenkoav@yandex.ru*

Статья посвящена определению принципиального отличия между общим содержанием априорных форм спекулятивного и практического разума в философии И. Канта. Рассматривается проблема определения источника, создающего нормы априорного морального закона. Проводится критический анализ уже устоявшегося мнения в исследовательской литературе, указывающего на порождение чистым разумом моральных норм из самого себя. Автор выдвигает альтернативную концепцию, имеющую достаточно веское обоснование, но не настаивает на ней в категорической форме, а приглашает всех заинтересованных лиц к широкой дискуссии. В статье обращается внимание на неоднозначность и противоречивость позиции И. Канта при решении вопроса о соотношении чувственного и рационального. Хотя сам И. Кант выдвигал требование исключить учет эмоциональных значений при использовании норм морального закона. В процессе исследования представлено критическое отношение автора к отдельным моментам деформации этического учения И. Канта Н. Гартманом. При рассмотрении принципиально важных и актуальных этических вопросов автором учитывается их современный контекст в рамках концепции трансверсальной философии.

Ключевые слова: априорное, мораль, разум, чувственность, Бог, закон, долг, архитектоника, антиномия.

В предлагаемых вниманию размышлениях предполагается решение двух задач. К первой относится сопоставление самого общего содержания априорных форм в областях гносеологии и этики Канта, проводимое с целью поиска между ними отличительного признака вне учета их специфической принадлежности к гносеологии и этике. Вторая задача заключается в изложении сомнений по поводу уже сформировавшегося и основательно укоренившегося представления по поводу создания разумом морального закона и, якобы именно благодаря тому, что его творцом является *чистый* разум, мы в результате получаем *чистый* моральный закон. Данное утверждение мы можем встретить повсеместно как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Но, внимательно изучая тексты кантовских работ вполне допустимо выдвинуть и обосновать альтернативное суждение, а именно что чистый разум не является создателем морального закона и это суждение кажется автору более естественным и логичным. Поэтому данная статья носит гипотетический и полемический характер, предполагая неизбежную борьбу мнений.

Первоначально хотелось бы обратить внимание на тонкость той материи, к которой мы прикасаемся. Она требует очень осторожного отношения и не терпит поспешных выводов. Именно поэтому всего лишь предварительные заключения будут представлены при завершении размышлений по поводу рассматриваемых вопросов.

Возьмем вопрос о соотносённости гносеологических и этических принципов в общем замысле Канта. Об этом пишет М. Быкова: «Очевидно, что Кант настаивал на непопавности вещей самих по себе главным образом для того, чтобы защитить Бога от провала доказательств его существования и защитить свободу от закона причинности»¹.

Отметим попутно, что «защитить свободу от закона причинности» Канту не удалось, поскольку свободы воли, как таковой в её обычном понимании выбора из возможных, предлагаемых обстоятельствами вариантов поведения, в кантовской этике

¹ 100 этюдов о Канте / М. Быкова / Общ. ред. В.В. Васильева. М.: КДУ. 2005. – С. 131.

мы не найдем. Его представление о свободе предполагает движение только по одной направленности воли, обусловленный строгими рамками установленной причинной зависимости, а содержание понятия свободы носит лишь номинальный характер, поскольку она заключается в отказе от всего противоречащего моральному закону при беспрекословном ему подчинении. Так называемая свобода воли в этике Канта полностью детерминирована моральным законом. Что же касается общего замысла Канта, стремящегося продемонстрировать немощь спекулятивного разума в познании мира ради доказательства существования Бога, свободы и бессмертия с помощью этического аргумента, то суждение М. Быковой бесспорно. Кант, действительно, освободил место вере, ограничив разум.

Исходя из этого замечания, можно было бы посчитать ход размышлений Канта предвзятым, ведущимся к заранее предсказуемому результату, основанному на религиозной вере. Но даже если принять это условие за истинное, то оно не помешало ему в процессе осуществления поставленной цели совершить эпохальные открытия. Поэтому, в отдельной теме все же было бы целесообразно рассмотреть вопрос о характере и степени влияния иррациональных религиозных установок на разум Канта и его философскую систему.

Кантовскую этику долга критикуют за игнорирование благородных чувств, которые должны лежать в основании высокой нравственности, где только они, якобы, только и могут руководить разумом и поведением человека.

Так, Г.Я. Стрельцова возражает Канту в следующем суждении: «Выхолостив из своей «этики долга» нравственные чувства, эмоции, интуиции сердца, а вместе с ними такие «высшие ценности», как любовь, милосердие, сострадание, самоотверженность и т.д. Кант лишился подлинных нравственных ориентиров, т.е. Абсолюта в этике»². О чем же размышлял Кант в противовес данной теоретической установке? Обратимся к его суждениям. Ведь чувства и индивидуальные стремления слишком разнообразны, переменчивы, недальновидны, а потому не могут служить единым основанием и общей нормой для поведения всех, – что важно для одного, оказывается ничтожным для другого, тогда как для процесса общения необходимо придерживаться единых норм. Действительно, можно привести массу примеров, когда любовь, милосердие, сострадание и самоотверженность помогали расцветать человеческим порокам. Так, существуют залюбленные дети, ставшие махровыми эгоистами даже по отношению к избаловавшим их нежными чувствами; милосердие к преступнику, не получившему суровое возмездие за злодеяние порождает расширяющуюся в обществе вседозволенность и увеличение числа преступлений; сострадание к ближнему легко послужит основой для круговой поруки; самоотверженность получит в ответ неблагодарность и т.д. Следовательно, «любовь, милосердие, сострадание» должны подаваться порционно, а их целесообразную меру следует определять разуму. Определять, но ориентируясь на что? Не на общие ли моральные нормы, возвышающимися над временем и обстоятельствами?

В подтверждение сказанного приведём высказывание П.П. Гайденко: «Исполнение требований морального закона возможно лишь в том случае, если свободная воля не детерминируется психологически (эмпирически): психологический детерминизм, по Канту, сродни детерминизму механическому»³. Но и здесь не всё так однозначно. У Канта есть пример со скрытой чувственной детерминацией нравственного поведения, соответствующего нормам морального закона. Напомним о нем. Нравственным будет благодеяние человека (убитого горем и уже полностью лишённого вкуса к жизни), совершенное исключительно по долгу ради оказания помощи нуждающемуся в участии и тоже терпящему бедствие. В этом случае человек, оказавший благодеяние, «вырывается из этой мертвенной бесчувственности», в которую погрузился из-за собственного несчастья⁴.

Разве в данном примере у Канта не берётся за основу участие (основанное на стремлении уменьшить страдания другого), и разве здесь не присутствует момент «пси-

² 100 этюдов о Канте / Г.Я. Стрельцова / Общ. ред. В.В. Васильева. М.: КДУ. 2005. – С. 173.

³ Гайденко П.П. Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей в себе // Вопросы философии. 2003. № 9. – С. 147.

⁴ Кант И. Критика практического разума / Соч.: в 4 т. на немецком и русском языках. Т. III. М.: Московский философский фонд. 1997. – С. 75.

хологического детерминизма», как бы он ни пытался скрыться за кантовским требованием для нравственного поступка отстраненности от всего чувственного? Откуда тогда человек узнает, что именно так, а не иначе следует поступать по долгу, оказывая благодеяние? Не скрыто ли здесь противоречие в самом кантовском суждении и требовании к нравственному поведению?

Перейдем к основной теме наших рассуждений, поставив в центр внимания проблему происхождения морального закона. Кратко ее можно было бы сформулировать следующим образом, – моральный закон создает чистый разум, непосредственно исходя из собственной сущности, или чистый разум всего лишь открывает присутствующий априорно в нашей духовности божественный моральный закон с помощью интеллектуального созерцания, создавая ноумен, то есть исчерпывающее и адекватное представление об объекте мышления? Оттолкнемся в своих размышлениях от одного суждения: «Нравственность, по мнению Канта, порождается априорным разумом человека: “Чистый разум сам по себе есть практический разум и дает (людям) всеобщий закон, который мы называем нравственным законом”». Последний является высшим практическим принципом в силу чистоты своего происхождения, поскольку он возникает «в разуме» и не может быть выведен из эмпирического опыта»⁵. В данном комментарии к цитате из Канта демонстрируется приверженность к определению происхождения морального закона из чистого разума, являющегося в то же время практическим. Надо сказать, что такое представление о происхождении морального закона является почти безраздельно доминирующим в исследовательской литературе.

Но мы поставим следующий вопрос. Не является ли чистый разум лишь посредником между априорным моральным законом, вложенным в нашу душу Богом и индивидуальной волей каждого из нас, определяющей возможность появления желаний, их проявления и реализации? Для положительного ответа на него можно найти достаточно оснований, тоже в значительной степени подкрепленных цитатами из Канта.

«Бог может быть выражен только в понятии морального творца мира, – пишет Кант, – ибо только это понятие указывает нам конечную цель, к которой мы можем считать себя причастными лишь в той мере, в какой мы поступаем сообразно с тем, что возлагает на нас как конечную цель моральный закон, к чему он, следовательно, нас обязывает»⁶. Сделаем из цитаты несколько сопутствующих выводов: Бог является моральным творцом мира; моральный закон определяет конечную цель нашего существования, и мы ей соответствуем лишь в той мере, в какой можем быть причастными к исполнению данного закона; цель возлагает на нашу волю исполнение морального закона. Если попробовать сказать то же самое, но несколько иначе, сохраняя общий смысл, то получим следующее суждение, – Бог предписывает для нас моральный закон и наша обязанность состоит в принуждении воли к его исполнению, а поэтому моральный закон по отношению к нашей индивидуальной воле составляет некий внешний объект, требующий повиновения.

Возьмем другое высказывание Канта. «Моральный закон для воли все совершеннейшего существа есть закон святости, – пишет он, – а для воли каждого конечного разумного существа есть закон долга, морального принуждения и определения его поступков уважением к закону и из благоговения перед своим долгом»⁷.

Иными словами, моральный закон принадлежит «все совершеннейшему» существу (Богу), а исполнение его есть долг человека («каждого конечного разумного существа»), испытывая к нему уважение как перед одним из творений Бога. Отсюда делаем вывод, что создателем морального закона является не чистый разум человека, а Бог. Поэтому моральный закон расположен вне чистого разума как некая самостоятельная субстанция. Рассуждений Канта на эту тему более чем достаточно, но мы ограничимся только этими.

⁵ Касьянова Е.И. Нравственная активность как сущностная характеристика толерантности. // Вестник Воронежского государственного университета. Изд-во Воронежского государственного университета. 2008. № 1. – С. 68.

⁶ Кант И. Критика способности суждения / Соч.: в 8 т. Т.5. М.: Чоро. 1994. – С. 314.

⁷ Кант И. Основоположение к метафизике нравов. / Соч.: в 4 т. на немецком и русском языках. Том III. М.: Московский философский фонд. 1997. – С. 497.

Мои выдержки из текстов Канта составляют некий противовес высказыванию, продемонстрированному Е.И. Касьяновой, но взяты они не для установления противоречия между ними и не для создания антиномии, хотя в них и присутствует необходимая для её образования категоричность утверждений. Еще менее мне хотелось выявить какую-то непоследовательность в рассуждениях Канта. Представленные кантовские размышления не составляют взаимоисключающих суждений, поскольку в синтезе образуют единое общее основание этического учения Канта.

Чтобы связать эти два момента (моральный закон и чистый разум) не хватает еще третьего значения, выступающего в роли промежуточного звена, а именно интеллектуального созерцания, делающего чистый разум «практическим». Кант указывает на два свойства одного и того же чистого разума, проявляющихся при попытках познания вещей в себе и божественного морального закона: «мы имеем дело с одним и тем же разумом, который различается только в своем применении»⁸.

Чистый *спекулятивный* разум интеллектуальным созерцанием не обладает, в то время как чистый *практический* разум это свойство проявляет. Чем же Кант объясняет приведение чистого практического разума «к высокой степени правильности и обстоятельности»⁹? Всего лишь разницей объектов, на которые обращает внимание чистый разум. В одном случае это объект природы (и мы получаем свойства спекулятивного разума), в другом моральный закон (практический разум). Если спекулятивный разум не способен исчерпывающе познать объект природы, и он для него остается вечной загадкой, «вещью в себе», то практический разум познает моральный закон как объект вне себя (имеющийся, тем не менее, внутри духовной сущности человека) непосредственно, создавая ноумен (адекватное представление о содержании морального закона).

Моральный закон представляет собой одну из множества божественных идей мироустройства, а в ноумене она исчерпывающе отражается. Человек способен понять его своим разумом, поскольку моральный закон находится в нем самом и человек, поняв его в себе должен руководствоваться им в построении отношений с другими людьми. Бог изначально, а человек благодаря усилиям своего (практического) разума, в равной степени обладают ноуменами, ясно видя одну и ту же моральную идею мирового порядка.

Следуя заявленной здесь концепции в трактовке соотношения в кантовском этическом учении морального закона и чистого разума, обратимся к этическим взглядам, составляющим активную оппозицию этике Канта. Достаточно основательная критика этики Канта (иногда искажающая ее сущность) была предпринята Николаем Гартманом (1882-1950), профессором философии университетов в Берлине и Гёттингене.

Соответственно, вниманию читателей предлагается сопоставление двух вариантов прочтения этики Канта. В своей работе «Этика» Гартман открыто противопоставляет свою этику кантовской: «Мы сегодня с нашими еще весьма скромными начинаниями в исследовании материальных ценностей составляем оппозицию недавнему философскому прошлому — Канту и кантовской школе XIX века»¹⁰.

Какие же претензии выдвигает Гартман к этике Канта? Во-первых, единство нравственного закона (равенство между собой всех отдельных нравственных норм внутри закона) Кант поставил выше многообразного содержания добродетелей, способных в конкретных ситуациях иметь между собой субординацию, степень предпочтения одних другим. Во-вторых, соблюдение формального принципа общегодности норм (то есть применимости одной моральной нормы ко всем условиям) нравственного закона оказалось превыше реализации в практике общения множества качественно разнообразных добродетелей, проявляющихся лишь в определенных условиях, тогда как в других условиях они способны наполняться негативным содержанием. В-третьих, вместо объективно определенных и необходимых нравственных норм, определяемых в опыте общения, Кант устанавливает субъективный принцип открытия человеком всеобщего нравственного закона в самом себе.

Теперь выскажем несколько предварительных замечаний.

⁸ Там же. — С. 55.

⁹ Там же. — С. 53.

¹⁰ Гартман Н. Этика. Фонд университет. — Санкт-Петербург «Владимир Даль». 2002. — С. 190.

Кант ставит превыше блага в эмпирических условиях чисто формальное условие соблюдения нравственной ценности, объявленной им абсолютной согласно признаку общегодности. Но существуют ли вообще хоть одна такая норма, обладающая абсолютной нравственной ценностью, или же она может проявлять свою сущность лишь в конкретных, строго ограниченных условиях, тогда как в других условиях она может стать своей полной противоположностью? Гартман значение блага возвышает над нравственной нормой (как это ранее делал Сократ), а Кант понятие блага полностью игнорирует, что кажется логичным, если следовать его приему формальной этики. По мнению Гартмана, любая нравственная норма внутри себя содержит противоречие и в зависимости от условий способна проявлять то одну сторону своего противоречивого целого (например, положительную), то другую (соответственно, отрицательную), служа добру или злу. Изменчивость содержания моральной нормы зависит от условий, наполняющих её конкретным содержанием в процессе проявления ею своей сущности.

Действительно, что касается первого критического замечания, то оно имеет под собой основание. Укажем на используемый Кантом пример, рассмотренный им в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия»¹¹. Кант предлагает рассмотреть ситуацию, когда в нашем доме укрывается наш друг от преследующих его злоумышленников, а те, в свою очередь интересуются, не прячется ли он в нашем доме. Кант, следуя незыблемой формальной норме «не лги ни при каких обстоятельствах», считает, что злоумышленникам надо сказать правду и выдать им своего друга. Этот пример разбирается в широкой дискуссии на страницах журнала «Человек» по поводу статьи Р.Г. Апресяна «О недопустимости неправды по обязанности и из заботы»¹².

Среди материальных этических ценностей участниками дискуссии при возражении кантовскому формальному принципу называются: степень обязанности хозяина перед злоумышленниками говорить правду, характер отношений хозяина дома с другом, предательство по отношению к другу, учёт наносимого обществу и справедливости вреда при правдивом ответе хозяина дома, мера ответственности за ложь, мера вины хозяина дома за последствия от сокрытия друга или его выдачу, хозяин будет неизбежно выступать в качестве друга кому-либо (либо другом другу или другом злоумышленникам), прикрытие недопустимостью лжи проявления предательства, правдивость как следствие несправедливости, присутствие корысти в правдивости и так далее. В ходе обсуждения Б.О. Николаичев справедливо замечает: «жизнь устроена так, что в конкретных сложных ситуациях одна моральная норма может сталкиваться с другой»¹³.

Но Кант как будто не замечает противоречия между моральными нормами в конкретной ситуации, стремясь установить между всеми ними формальное равенство.

Он использует самый простой, и лёгкий способ обойти постоянно возникающие в конкретных ситуациях антиномии между моральными ценностями как будто их вовсе не существует. Используя такой приём, Кант вступает в противоречие с самим собой и вынужден совершать манёвры, сопровождаемые искажением функций априорных форм рассудка, привлекаемый соблазном утверждения доказательства существования Бога, указав на априорный моральный закон как на один-единственный и единственно бесспорный аргумент самого доказательства Его существования. Как же Кант обходит эту антиномию, на которую, как мы заметили, только слепой не обращает внимания? Он лишает форму чистого разума его сущности, а именно идеи архитектоники, на которую опираются все действия рассудка (в познании и эстетике), одновременно придавая разуму свойство, совсем ему не свойственное, а именно познавать вещь (моральный закон) как она есть на самом деле. Получается, что в этике мы имеем дело совсем с другим разумом, обладающим новым признаком (каких мы не находим в исследовании процесса познания и эстетического чувства), а именно проникать непосредственно в вещи в себе при отсутствии способности устанавливать какую-либо причинно-следственную зависимость

¹¹ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма / Ред. А.В. Гулыга. М.: Наука. 1980. – С. 292-297.

¹² Жить не по лжи. Споры вокруг этики Иммануила Канта // Человек. М.: 2009. № 3-4.

¹³ Жить не по лжи. Споры вокруг этики Иммануила Канта / Б.О. Николаичев // Человек. М.: 2009. № 4. – С. 34.

между частями некоторого целого. Теперь мы имеем дело с качественно иным и абсолютно аморфным (лишенным принципа системности) разумом, имеющим неизвестно откуда появившуюся исключительную способность видеть сущность вещей так, как она есть в интеллектуальном созерцании, равным божественному, отрицанию которого у человека Кант посвятил немало места в «Критике чистого разума». Это выглядит тем более странно и противоестественно, что в «Критике практического разума», выстраивая аргументы по поводу непосредственного постижения разумом морального закона, он активно пользуется идеей архитектоники, постоянно выстраивая пирамиду из значений по принципу их подчинённости частного общему.

Кант, критикующий философскую догматическую веру, безосновательность утверждений, сам вдруг превращается в догматика, не утруждающего себя поиском достаточно веских доказательств, во-первых, возможности непосредственного проникновения разумом в априорные нормы морального закона и, во-вторых, объяснением произошедшей метаморфозы чистого разума, потерявшего где-то и почему-то чистую форму архитектоники.

С точки зрения своей внутренней логики рассуждений Кант поступает вполне последовательно. Ведь если разум будет иметь в себе априорный принцип архитектоники, используемый в математике и эмпирическом познании, то накопленные знания в этих областях нельзя признать ни завершёнными, ни совершенными. А это значит, чтобы устранить этот недостаток разума (при использовании идеи архитектоники), дающий несовершенное знание, его следует всего лишь удалить из самого разума. Но возникает вопрос, что же тогда в нем останется? Ведь кроме этой идеи (системности) он в себе ничего не содержит. И тогда Кант прибегает к помощи мистики, объявляя разум непосредственно познающим вещи в себе (моральный закон есть вещь в себе как идея Бога, равно как и всякая другая).

На этом противоречивость в кантовских рассуждениях не заканчивается. Разум, действующий в этике, оказывается «тот» и «не тот», совмещая в себе оба эти свойства по мере надобности в нём (содержит в себе идею архитектоники и не имеет её). С одной стороны, человек должен прилагать значительные усилия, чтобы открыть в себе с помощью разума априорный божественный моральный закон, осмыслив его значение, но в то же время он не имеет никаких препятствий для схватывания сущности закона в интеллектуальном созерцании.

Догматизм Канта осторожен; ведь если в процессе столкновения реальных интересов в процессе общения возникнут претензии с обеих противоборствующих сторон, указывающих на нарушение по отношению к каждому из субъектов диалога различных, но в равной степени общезначимых по своему статусу нравственных ценностей, то между ними придётся выбирать одну из норм, отрицая другую. Выбирать, следуя принципу подчиненности, а это уже прерогатива чистого разума установления с помощью идеи архитектоники иерархии норм внутри морального закона.

Обратим внимание на противоречие между функциями априорных форм в познании и этике.

В ней присутствует бросающаяся в глаза непоследовательность, которую легче всего выявить при сопоставлении функций априорных форм, занятых в процессе познания и априорных норм морального закона. Проведем сравнение этих двух областей априорных форм по их функциональности.

Процесс познания. Априорные формы чувственности и рассудка индифферентны к истине и заблуждению, являясь всего лишь принципами организации самых разнообразных по своему качеству (материальному наполнению) представлений. Их нейтралитет не вызывает сомнений.

Этика. Здесь априорная форма принципа поведения (например, «не лги») сама по себе уже является истинной вне зависимости от её материального наполнения (условий применения).

Для закрепления данного положения сформулируем антиномию между суждениями Канта о функциях априорных форм в познании и этике:

- в процессе познания действительности априорные формы рассудка нейтральны к истине и заблуждению;

- априорные формы в этике, выступающие абсолютными принципами поведения, истинны изначально как идеи Бога.

Дальнейшая путаница возникает из-за противоположных функций чистого разума. Разум, оставаясь одним и тем же в своей априорной идее, а именно архитектоники, и более в себе, по сути, ничего не имея, вдруг приобретает интеллектуальное созерцание, совсем ему ранее не свойственное, нигде не проявленное. Ведь и в гносеологии, и этике он в одинаковой степени выполняет познавательную функцию (познание объектов природы и познание априорных норм морального закона). Скользящая двойственность суждений Канта по поводу познания априорного морального закона тоже создаёт антиномию. С одной стороны, указывает Кант, это так же просто как отличить правую сторону от левой, а с другой это есть трудный процесс познания их в себе, открытия и осмысления.

Ценностью в кантовской этике оказывается сама априорная норма морали совершенно независимо от цели (вольной или невольной), которой она может послужить при своём материальном наполнении. Её присутствие в любых общественных отношениях делает их, якобы, уже нравственными. Это всё равно, как если бы сказать, по аналогии, что присутствие априорных форм рассудка в представлениях всегда обеспечивает их истинность, что, конечно же, не так. Характер последствий от применения «абсолютных» моральных норм в конкретной ситуации Кантом полностью игнорируются.

В своих рассуждениях в области этики Кант доходит до некоторого тупика, формальной чрезмерности, поскольку не предполагает существование нравственной ценности, расположенной вне изначально данной в реально сложившихся обстоятельствах, игнорируя субординацию между нравственными ценностями и умение приносить в жертву одну из них ради другой. Отсутствие жертвенности опять-таки осуществляется благодаря установлению Кантом формального равенства между всеми общезначимыми моральными нормами, тогда как в реальной ситуации общения они способны противоречить друг другу. Поэтому, стремясь соблюсти одну из них, мы можем невольно нарушить другую. Прямолинейно и слепо соблюдая нравственную норму «не лги» мы можем натворить бездну бед, вероятно, скорее угодных дьяволу, чем Богу (если в этом высказывании ориентироваться на кантовское религиозное сознание). Например, участники тайного заговора могут свергнуть тирана, совершив благое дело для всех. Так, поведение Зенона элейского после раскрытия заговора против тирана, в котором он участвовал и затем, оказавшись сам в безвыходном положении, никого не выдал «из своих» и клеветал на пособников тирана, превратив их в своих мнимых сообщников (ради расправы с ними самого тирана), заслуживает всяческого одобрения. Ложь сохранила Копернику и Галилею жизни для дальнейших поисков истины на небосводе. Ньютон был тайным алхимиком, скрывая свои занятия от богословов. Напротив, правдивое разглашение секретной информации врагу может привести к неисчислимым народным бедствиям. Поэтому категорический императив Канта есть мертворождённая абстракция религиозного сознания, прошедшая через философскую терминологию и ценности, как таковой, не представляет. Поместив моральную норму, изначально предполагающую в себе благо, во вполне определённые условия, можно легко получить ее служение своей этической противоположности, разрушающей благо. Так происходит, поскольку она объективно не может соблюдать во всех ситуациях содержащееся в себе и изначально предполагаемое благо, а поэтому имеет его не в полном, а лишь в частичном объёме, проявляясь только при строго определённых условиях.

Категорический императив, придающий статус абсолютного значения относительным моральным нормам, представляет собой трансцендентное положение (гипотетическое суждение), теряющее связь с реальным опытом общения, создавая антиномии во мнениях по поводу его пригодности, где на одной стороне позиция Канта, а на другой почти всех остальных философов. На стороне большинства и Гартман: «при других обстоятельствах, согласно той же самой максиме, действовать так же было бы безнравственно»¹⁴.

¹⁴ Гартман Н. Этика. Фонд университет. Санкт-Петербург. Изд-во «Владимир Даль». 2002. – С. 477.

Гартман отмечает другое скрытое в категорическом императиве противоречие, – потерю личностью самой себя во всеобщем значении. Она превращается, по его мнению, в «винтик» механизма, легко заменяемый на любой другой¹⁵. Действительно, этическое своеобразие личности исчезает, но своеобразие человеческой духовности может найти для себя проявление и в иной области (познании, творчестве).

Возражение способно вызвать высказывание, где Кант определяет связь максимы категорического императива с обстоятельствами необходимой в данных условиях максимы, полностью с ней соотнесённой. Если исходить из формализма максимы, то это вызывает сомнение ещё и потому, что к данной ситуации может быть применена некоторая совокупность высших качественно разнообразных, но тем не менее равноценных нравственных норм, а выбор одной из них, требующей удовлетворения, будет, скорее всего, произвольным.

Кажется несостоятельным утверждение Гартмана о стремлении Канта «отделить проблему свободы от религиозной проблемы»¹⁶, что изображает Канта в виде некоторого борца против религии, а это не соответствует действительности.

Кантовское понимание свободы целиком завязано на долге служения божественному моральному закону, априорно присутствующему в каждом из нас, поскольку Бог дал один моральный закон на всех, вложив его в душу каждого из нас (растворив одно значение во всех частных духовностях отдельных людей). И уже потому в законе присутствует принцип общегодности, предполагающий обязательность его исполнения для всех.

Гартман, отмечая особенность понимания нравственной свободы Кантом, указывает на непротиворечивое единство у него значений детерминации и свободы. Нравственная свобода детерминирована моральным законом, – эта «свобода для» (позитивная свобода) предполагает соотнесённость всех отдельных максим поведения с одной общей нормой морального закона ради её исполнения. «Противоречие, – пишет Гартман, – на которое выводит постулат свободы воли, может разрешиться, только если детерминация и свобода не являются противоположностями. Но тогда нравственная свобода изначально не несет смысла независимости»¹⁷. Отметим, что свобода у Канта не произвол, а подчинение всех волевых устремлений долгу исполнения закона. Поэтому понятие «свобода» носит у него всего лишь условный, чисто формальный характер как свобода от соблазнов, ведущих к отклонениям от исполнения нравственного закона согласно его внутреннему принципу общегодности. Кант указывает на одну бесконечность, – бесконечность приближения к исполнению закона при невозможности тождества между максимами и нормами априорного закона. Гартман указывает на другую бесконечность, а именно на бесконечность разнообразных условий для создания максим в процессе общения (ввиду его бесконечного разнообразия), способных соответствовать моральному закону. Поэтому у нас есть две бесконечности или две невозможности осуществления морального закона. Кстати, бесконечностью приближения к соблюдению морального закона можно оправдать бесконечность существования человеческой истории, поскольку смысл мира видится (религиозному сознанию) в исполнении отдельным человеком и человечеством моральных заповедей, реальное соответствие которым невозможно.

Когда Кант говорит о двух мирах, которым принадлежит человек (при подчинении законам природы и нравственной свободе) можно с уверенностью говорить о двух детерминациях при полном отсутствии свободы, первая из которых будет необходимым следованием законам природы, а другая нравственному закону, где есть «позитивная закономерность воли наряду с закономерностью природы»¹⁸.

С таким же успехом мы можем говорить и о свободе при подчинении закону природы, а при отклонении от него давать определение человеческой несвободе. В кантовской этике присутствует отголосок этики Омара Хайяма, правда, поэт полностью освободил человека от ответственности за греховность ввиду невозможности исполнять пред-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 556.

¹⁷ Гартман Н. Этика. Фонд университет. Санкт-Петербург. Изд-во «Владимир Даль». 2002. – С. 367.

¹⁸ Там же. – С. 567.

назначенный для человека Богом моральный закон. И там, и здесь, уже у Канта, наблюдается недостижимость морального закона для человека.

Факт его априорного существования подтверждается эмпирически фиксируемыми фактами одобрения или порицания какого-либо поведения, а вернее одобрения или порицания того принципа, который был использован в данных условиях общения. Существует «наличный феномен нравственного одобрения и неодобрения человеческого поведения с позиций нравственного закона, и это одобрение или неодобрение точно так же является реально-этическим фактом»¹⁹.

Можно сказать, что сквозь одобрение или порицание просвечиваются использованные в общении принципы (правила, нормы), а сквозь них, соответственно, просматривается моральный закон, которому эти нормы соответствуют или не соответствуют. Степень соответствия нормы закону находит для себя внешнее выражение в эмоциональном всплеске положительных или отрицательных эмоций. Что может испытывать человек по поводу выдвинутых против него напрасных обвинений? За его ответной негативной эмоцией мы увидим принцип (сознательного или бессознательного) определения незаслуженной вины, а незаслуженное обвинение, как максима, противоречит общей норме морального закона.

В попытке «отбросить» идеалистическую метафизику Канта в области этики Гартман указывает на два важных «достижения кантовского учения о свободе», которые «при любых обстоятельствах нужно признать». Во-первых, это вмешательство в борьбу естественных желаний фактора (априорного морального закона), расположенного над ними. Во-вторых, причинно-следственная связь между отдельной максимой и моральным законом «делает возможным такое вмешательство, не разрываясь при этом сама»²⁰. Но, как мы можем видеть, эти кантовские «достижения» всего лишь отголосок сквозь века основополагающей идеи этического рационализма Сократа.

К ценности кантовского учения о свободе Гартман относит отсутствие связи свободы с религией, – у него «нет и смешения нравственной свободы с религиозной»²¹. Но это утверждение в корне неверно. Свобода в этическом учении Канта насковозь пропитана религиозностью и встроена в систему иных значений (априорный моральный закон, долг, императив, максима, принцип общегодности, гетерономия воли), не имея от них независимого существования и чисто светского содержания. Кантом свобода понимается как необходимость исполнения долга при неукоснительном следовании априорному моральному закону, создателем которого является Бог. Христианские заповеди для Канта являются *непререкаемым нравственным авторитетом* (правда, он выступал за смертную казнь, а до ее допущения им невольно нарушался и принцип «не суди...»).

Гартман пытается выявить этическую апорию в учении Канта, согласно которой человека, следующего общезначимым нормам закона нельзя признать полноценным моральным существом, поскольку его воля несвободна из-за отсутствия выбора. Отняв возможность поступать иначе, как только необходимо по долгу, мы лишаем человека способности быть нравственным. Понятие свободы без возможности выбора утрачивает своё истинное содержание, превращаясь в чисто механическое действие²².

Гартман поднимает весьма важный вопрос об этической индифферентности личности при исполнении общезначимой нормы морального закона, поскольку она уже не несёт ответственности за последствия применения данной нормы, установленной индивидуальным разумом в качестве общезначимой (а за неё он легко может принять норму обычая или традиции, аморальные установления государства). Гартман пишет: «Такая воля не была бы ни доброй, ни злой. Она подчинялась бы нравственному закону (или ценностям), как природный процесс подчинен законам природы. В воле нравственность была бы ликвидирована одновременно с безнравственностью. Полноценная моральная в этом смысле воля была бы, скорее, морально индифферентной»²³.

¹⁹ Там же. – С. 571.

²⁰ Там же.

²¹ Гартман Н. Этика. Фонд университет. Санкт-Петербург. Изд-во «Владимир Даль». 2002. – С. 572.

²² Там же. – С. 598.

²³ Там же.

Высоконравственная личность обязана соблюдать совершенное равнодушие к последствиям применения норм. Тут же у нас возникает вопрос о достоверности оценки, выносимой индивидуальным разумом по поводу установления статуса общезначимости какой-либо нормы. А действительно ли она верна? Как это можно проверить? Кант предлагает умозрительную проверку с помощью гипотетического суждения (соответствует ли данная норма принципу общезначимости или нет?), дающего всего лишь вероятность.

Добавим ещё, что Кант обходит молчанием проблему действительных последствий от одностороннего и от всеобще-повсеместного применения общезначимого принципа (когда все будут следовать ему неукоснительно). Какими они могут быть от его одностороннего и всеобщего соблюдения? Такой картины, вероятно, в его воображении не существовало и это многотрудное дело можно было бы отдать на откуп литераторам-фантастам. Подобной темы вскользь касался Ф.М. Достоевский в «Идиоте».

М. Хайдеггер отмечает, что представленная нам «его концепция моральности остается очень далека от утилитарной морали и эвдемонизма»²⁴. Действительно, «моральность» Канта предполагает аскетизм при игнорировании ближайших выгод и сопутствующих им удовольствий, но всё же невольно посещает сомнение по поводу игнорирования ею утилитаризма и эвдемонизма. Ведь может быть, эта моральность как раз и проникнута ими в наивысшей степени? Возможно, здесь присутствует неизбежная плата за ожидаемое большее благо и большее удовольствие, где потеряв меньшее (благо и удовольствие при жизни), мы приобретаем большее (благо и удовольствие в бессмертии)?

Об этом подтексте своей этики Кант высказывается крайне скупо, но зато достаточно откровенно. Ввиду исключительной важности данного кантовского суждения и исключительной редкости его содержания я заранее прошу извинения у читателя за несколько расширенный объем приводимой мною цитаты. Кант пишет: «Моральный закон повелевает мне делать финальным предметом всякого поведения высшее благо, возможное в мире. Но я могу надеяться на осуществление этого блага только благодаря соответствию моей воли с волей святого и благого первооснователя мира; и хотя в понятии высшего блага как понятии целого, в котором величайшее блаженство представляется связанным с величайшей мерой нравственного (возможного для сотворенных существ) совершенства в самой строгой пропорции, содержится и *мое собственное блаженство* (выделено автором – А.К.)»²⁵. Продолжая свою мысль, Кант высказывается о свойстве морального закона ограничивать «безграничное желание блаженства», содействуя «высшему благу» ограничением желаний, противоречащим моральному закону. Отречение от выгоды и удовольствия оборачивается ревностным служением им.

Подводя некоторый итог всему вышесказанному, перейдем к предварительным выводам, носящим исключительно гипотетический характер. К ним можно отнести следующие наблюдения.

Относительно *соотношения морального закона и чистого разума*. Чистый разум не создает моральный закон, а открывает его, поскольку тот находится априорно в душе каждого отдельного человека. Познается закон чистым разумом с помощью интеллектуального созерцания, создающего ноумен. Автором морального закона является не человеческий разум, а Бог. Бескорыстное служение божественному моральному закону есть долг человека. Нравственным можно назвать поведение, основанное только на понимании величия априорных моральных норм и сознательном следовании им.

По поводу *основного признака, разделяющего априорные формы спекулятивного разума и априорные нормы морального закона*. Пустые, априорные формы спекулятивного разума способны наполняться положительным (истинным) или отрицательным (ложным) содержанием только в пределах действительного или возможного опыта. Априорные нормы морального закона изначально истинны в своей априорности и поэтому применимы повсеместно вне зависимости от конкретного содержания опыта текущего общения, образовавшегося при сочетании реальных интересов.

²⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. Изд-во Наука. СПб. 2006. – С. 293.

²⁵ Кант И. Критика практического разума / Соч.: в 4 т. на немецком и русском языках. Т. III. М.: Московский философский фонд. 1997. – С. 639.

Возможно, данные выводы покажутся кому-то не бесспорными. В любом случае автор считает свою задачу выполненной, поскольку стремился лишь поделить сомнениями по поводу истинности некоторых категоричных утверждений, пытающихся укорениться в трактовках отдельных положений кантовской философии.

Список литературы

1. Гайденко П.П. Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей в себе // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 147.
2. Гартман Н. Этика. Фонд университет. — Санкт-Петербург «Владимир Даль». 2002.
3. Кант И. Критика практического разума / Соч.: в 4 т. на немецком и русском языках. Т. III. М.: Московский философский фонд. 1997.
4. Кант И. Критика способности суждения / Соч.: в 8 т. Т.5. М.: Чоро. 1994.
5. Кант И. Основоположение к метафизике нравов. / Соч.: в 4 т. на немецком и русском языках. Том III. М.: Московский философский фонд. 1997.
6. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма / Ред. А.В. Гулыга. М.: Наука. 1980.
7. Кант И. Критика практического разума / Соч.: в 4 т. на немецком и русском языках. Т. III. М.: Московский философский фонд. 1997.
8. Касьянова Е.И. Нравственная активность как сущностная характеристика толерантности. // Вестник Воронежского государственного университета. Изд-во Воронежского государственного университета. 2008. № 1. С. 68.
9. 100 этюдов о Канте / Г.Я. Стрельцова / Общ. ред. В.В. Васильева. М.: КДУ. 2005.
10. Жить не по лжи. Споры вокруг этики Иммануила Канта // Человек. М.: 2009. № 3-4.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. Изд-во Наука. СПб. 2006. С. 293.

SYSTEM OF CONTRADICTIONS AT APRIORISTIC LEVEL IN I.KANT'S ETHICAL DOCTRINE

A. V. KUCHERENKO

*Kursk branch
of the Orel Institute of Law
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia*

*e-mail:
kucherenkoav@yandex.ru*

The article is devoted to definition of principal difference between the general maintenance of aprioristic forms of speculative and practical reason in I. Kant's philosophy. The problem of definition of the source, which creates norms of the aprioric moral law is considered. The critical analysis of an established already opinion in the research literature, specifying in generation by pure reason of moral standards from itself is carried out. The author puts forward the alternative concept having enough heavy substantiation, but does not insist on it categorically, and invites all persons interested in it to wide discussion. The article pays the attention to ambiguity and discrepancy of I. Kant's position in decision of a question on parity between sensual and rational. Though I. Kant himself made the demand to ignore emotional values of the moral law norms at use. The critical relation of the author to the separate moments of deformation of I.Kant's ethical doctrine by N.Gartman is presented in the course of research. The modern context within the limits of the concept transversal philosophy is considered by the author in consideration of essentially important and actual ethical questions.

Key words: a priori, moral, ratio, sensuality, God, the law, a duty, architectonika, antinomia.

УДК 124.51

КРИТИКА КАНТОВСКОГО ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО СУБЪЕКТА И НОВЫЙ ВАРИАНТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ Н. ГАРТМАНА

Я. В. КУШНАРЕНКО

*Сибирский государственный
университет
телекоммуникации
и информатики*

e-mail: janakush@mail.ru

В статье анализируется критика Н. Гартманом кантовской модели трансцендентального субъекта, а так же новый вариант аксиологии и антропологии, построенный самим Н. Гартманом. Анализ гартмановской аксиологии подчинен следующим вопросам: действительно ли новому варианту аксиологии и антропологии удалось преодолеть «ошибки» кантовского проекта? И в чем заключаются эти «ошибки» на самом деле? Автор приходит к заключению, что гартмановский проект аксиологии не только не преодолел подлинной «ошибки» кантовского проекта – неразличения сущности и энергий, сведения одного к другому – но продемонстрировал другую крайность: отделение сущности от действий-энергий, ценностей-принципов от человеческой воли.

Ключевые слова: аксиология, ценность, свобода, субъект, сущность, воля.

Цель данной статьи – осмыслить критику кантовской модели трансцендентального субъекта, изложенную Н. Гартманом в работе «Этика», а так же проанализировать новый вариант аксиологии, предложенный самим Н. Гартманом. Анализ гартмановской аксиологии подчинен следующим вопросам: действительно ли новому проекту антропологии и аксиологии удалось преодолеть «ошибки» кантовского проекта? Действительно ли гартмановская антропологическая модель свободна от «болезни», характерной для кантовского трансцендентального субъекта? И в чем заключается эта «болезнь» на самом деле?

Н. Гартман, критикуя принцип трансцендентального субъективизма в этике, рассуждает следующим образом: «Может ли воля, поскольку она обладает свободой следовать принципу или не следовать, одновременно сама быть инициатором этого принципа? Мыслимо ли, чтобы сначала она сама дала себе заповедь, а затем должна была переступить через нее? Однако она должна иметь возможность переступить через нее; ибо иначе она не была бы свободной волей, но подчинялась бы принципу наподобие закона природы. Но если принцип содержится в ее сущности, то как она может его обойти?»¹.

Гартман не усматривает в кантовском трансцендентальном субъекте свободы: «трансцендентальный субъективизм не только не нужен идее свободы воли, но прямо-таки стоит у нее на пути»². Воля в концепции И. Канта обладает автономией, но не свободой, поскольку «автономному принципу своей сущности она подчинена точно так же, как природа – естественному закону»³. Не-свобода трансцендентального субъекта обезличивает его, так как согласно Н. Гартману, субъекта делает личностью не природная обусловленность ценностями, а его свобода. Избежать ошибки, которую совершил И. Кант, можно, по Гартману, только одним способом – признать, что моральный закон как принцип имеет другое происхождение, коренится не в субъекте, не есть его автономия, не есть законодательство самой воли.

Н. Гартман вслед за М. Шелером критикует И. Канта за тезис, согласно которому разум – источник априорного: «Кант не в состоянии представить а priori, которое не состояло бы в функции субъекта»⁴. В итоге альтернативный Канту гартмановский вариант этики и аксиологии постулирует в-себе-сущее идеальное царство ценностей и «свободно-

¹ Гартман Н. Этика Гартман Н. Этика / Перевод с нем. А.Б. Глаголева под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Скляднева. – Спб.: «Владимир Даль»; Фонд Университет. – 2002. – с. 163.

² Там же. – С. 164.

³ Там же. – С. 164.

⁴ Там же. – С. 165.

го» субъекта, связанного с этим царством посредством ценностного чувства-сознания. Тем самым, по словам Н. Гартмана, преодолевается кантовский *субъективизм*, *интеллектуализм* и *формализм* априорного: *субъективизм* – поскольку априорное в гартмановской модели не есть функция субъекта, не есть обнаружение его творческой активности. Априорным у Гартмана называется чувственная данность ценностей: «В этом «видении» ценностей субъект рецептивен, страдателен»⁵; *интеллектуализм* – поскольку, с точки зрения Н. Гартмана, мышление и априорное усмотрение не совпадают. Ценностное чувство в качестве непосредственного схватывания также априорно и априорно в первую очередь, поскольку именно «данное» есть собственно априорное. Отсюда новая терминология, которую вводит Н. Гартман – «априоризм эмоциональных актов», «априорный порядок сердца»; *формализм* – поскольку априорное чувство ценности, которое открывает нам царство ценностей, есть в то же время материальное априори, так как имеет дело с материей ценностей; сами же ценности, по Гартману, «первоначально не имеют характера законов или заповедей, не говоря уже о законодательстве или заповедании со стороны субъекта, но являются содержательно-материальными и объективными, если и не реальными образованиями»⁶. Гартман считает, что он, рассуждая таким образом, избегает ложного дуализма ценностного релятивизма и трансцендентального ценностного априоризма, предлагая радикально новое решение «фундаментальной систематической проблемы сущности ценностей»⁷.

Если для Канта существуют лишь две возможности – либо принцип исходит из внешнего мира, из вещей, а, следовательно, эмпиричен, либо он происходит из разума, а, следовательно, априорен и автономен – то Гартман открывает третью возможность: источник принципа (закона) – не творящий активный разум, а рецептивное пассивное ценностное сознание, чувство ценностей, свидетельствующее о соотносительности ценностей с субъектом. Данность, полученную посредством ценностного сознания, надлежит понятийно оформить. «Кантовский нравственный закон в действительности есть не что иное, как вторичное мыслительное выражение такой первично прочувствованной и априори увиденной (например, четко фиксируемой в голосе совести) ценности»⁸.

По мнению Н. Гартмана, благодаря полаганию ценностей в качестве самостоятельной сферы вне субъекта как раз и закладываются основания для подлинной свободы самого субъекта. В самом деле, как один и тот же разум, если он – законодатель, может не исполнять собственный закон? А если перед нами «бесперебойное» законодательство и его исполнение, то где же свобода? – вопрошает Гартман. Ведь свобода, согласно его рассуждению, подразумевает не только следование закону, но и отказ от него! Сконструированный Гартманом субъект назван им посредником высших ценностей в реальном мире. Его свобода заключается в отборе ценностей и их реализации или не-реализации. Именно «слабость» ценностей является, по Гартману, условием силы субъекта, условием его свободы.

Но действительно ли тем самым в концепции Гартмана преодолена «болезнь» трансцендентального субъекта? Действительно ли утрата личности и свободы – диагноз его болезни? Действительно ли концепция Гартмана демонстрирует условия свободы субъекта и саму свободу?

Парадоксальным образом получилось так, что критики кантовского трансцендентализма – М. Шелер и Н. Гартман – в предложенных ими вариантах антропологии и аксиологии повторили ту же самую ошибку, которую обнаружили у Канта, а именно – отсутствие у субъекта свободы и свойств личности. Диагностика болезни и описание симптомов – разные вещи. Диагностика открывает пути лечения, так как выявляются ее глубинные причины, описание симптомов болезни не избавляет от нее. Критику кантовского априоризма и трансцендентализма Гартманом и Шелером следует отнести более к описанию симптомов «болезни» трансцендентального субъекта, нежели к ее диагностике. Не выявив, таким образом, подлинный корень «болезни» трансцендентального субъекта,

⁵ Гартман Н. Этика. – С. 199.

⁶ Там же. – С. 176.

⁷ Там же. – С. 165.

⁸ Там же. – С. 175.

екта, Н. Гартман в своей этике и аксиологии фактически воспроизводит в новой форме и на новом материале то, что он так основательно критикует у Канта.

Попытаемся обозначить параллели между кантовской и гартмановской концепциями.

Для Канта высшая ценность – добрая воля, или чистый действующий (практический) разум. Кант помещает ценность на уровень разумной природы, так как способность к моральному законодательству принадлежит устройству разума как такового. Человеческий же разум – это частный случай разума вообще. Цель деятельности разума – чистый разум сам по себе как возможность морального закона и безусловной доброй воли: «Разумная природа тем отличается от всякой другой, что сама себе ставит цель. <...> цель должна здесь мыслиться не как обусловленная, а как *самостоятельная* цель, стало быть лишь негативно, т.е. как цель, вопреки которой никогда не следует поступать, которую, таким образом, в каждом волении всегда следует ценить не как средство только, но и как цель. А такой целью может быть только сам субъект всех возможных целей, потому что он есть в то же время субъект возможной безусловно доброй воли»⁹. Таким образом, разум у Канта замкнут сам на себя, поскольку цель его движения – он сам: «*разумное естество существует как цель сама по себе*»¹⁰.

Один из главных вопросов, возникающих в этом пункте, – распоряжается ли чистый разум своими действиями? Речь не о том, что в системе Канта разум не может не действовать. Согласно святоотеческой антропологии, нет разумной сущности без энергий-действий. Речь о том, что в кантовской системе сама деятельность законодательства как *определенная направленность* движения сущности – не в распоряжении разума. Иными словами, разум не может не действовать *таким образом*, то есть не давать моральный закон.

Неразличение Кантом сущности и сущностных действий (энергий) явилось причиной упрека в механистичности создаваемой им картины разума. А там, где – механизм, там нет свободы. Следовательно, именно сведение энергий к сущности лишили кантовского субъекта самостоятельного ипостасного бытия или, иными словами, личности, базирующейся на свободе. Однако Гартман источник несвободы разумного субъекта видит в другом, а именно, в сведении априорного к функции субъекта. Но такое утверждение не совсем корректно. У Канта априорный синтез и моральное законодательство – это такие «функции» сущности, которые неотличимы от самой сущности. Кант описывает устройство чистого разума, устройство определенной природы или сущности. Природа разума такова, что разум осуществляет априорный синтез и дает моральный закон. У Канта нет положения о том, что разум – источник своей природы. Более того, у Канта нет положения, что разумная сущность распоряжается своей природой и может прикладывать природную силу в разных направлениях, поскольку эта природная сила – самовластна. Сущность разума в концепции Канта неотличима от функций разума, поэтому говорить о том, что трансцендентальный субъект – источник априорного (в частности, априорного синтеза с его продуктами и законодательства с моральным законом), вряд ли уместно. Трансцендентальный субъект – и не источник априорного, и не распорядитель по отношению к своей природе. Отсюда и сравнение кантовской модели разума с механизмом, наиболее ярко прозвучавшее у Г. Зиммеля: «...там, где Кант говорит о всеобщности законов разума, Зиммель обнаруживает «механистическую тенденцию в мышлении Канта»»¹¹.

Каковы же в итоге теоретические построения Н. Гартмана? Спасает ли ситуацию вынесение ценности за пределы человеческого разума в качестве источника априорного чувства ценности? Удастся ли Гартману дать такое описание устройства человеческой природы, при котором обнаруживаются свобода и личность? Вряд ли. Несмотря на то, что ценности вынесены у Гартмана за пределы человеческого субъекта с целью сохранения свободы человека, контакт двух сфер бытия, двух природ – человеческой и природы

⁹ Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб.: Наука, 1995. – С. 97–98.

¹⁰ Там же. – С. 90.

¹¹ Гайдено П.П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 506.

ценностей – имеет характер необходимости. Ценности у Гартмана не могут не воздействовать на субъект; субъект же, в свою очередь, не может не иметь априорного чувства ценностей или априорного сознания ценностей, то есть не может не иметь данную направленность своего сознания.

Гартман сопоставляет ценностное чувство с особым органом человека: «Бывает и несформированность и сформированность ценностного чувства, одаренность и лишенность дара к ценностному видению. Есть индивидуальная зрелость ценностного органа у отдельного человека, и есть историческая зрелость такого органа у человечества»¹². Тезис о наличии ценностного органа у человека равнозначен тезису об эссенциальной связи человека с ценностями: «Долженствование, напротив, как раз и есть эта эссенциальная связанность с ними (с ценностями – К.Я.), нацеленность на них»¹³. Субъект «метафизически связан с миром ценностей, находится в контакте с их идеальным в-себе-бытием»¹⁴.

Пространство свободы открывается Гартманом в сфере реализации или не-реализации воспринятых ценностей: субъект «имеет свободу приступать или не приступать к реализации данной ценности»¹⁵; «воля может идти и против ценностного сознания»¹⁶. Но именно здесь кроется противоречие: с одной стороны, связь ценностей и человека – на сущностном уровне, с другой стороны, не-реализация ценностей не считается Гартманом противоположным движением; оба пути – и реализация, и не-реализация – равноправны и оба являются показателями свободы! Воля, по Гартману, свободна в обоих случаях – и когда выступает «за» принцип, и когда устремлена «против» принципа-ценности. Для Гартмана нравственная свобода – это «автономия личности в противоположность к автономии ценностей»¹⁷; «не автономия принципа, и не автономия метафизического фона личности, но автономия самой личности в ее индивидуальной, сознательной воле – свобода воли в строгом смысле слова»¹⁸.

Выделяя три вида детерминации – каузальную, тенденцию ценностей к детерминации и финальную детерминацию воли, Гартман рассуждает следующим образом: «Преодоление всесторонней принужденности причинно-следственной связи, таким образом, на самом деле уже достигнуто, если принципу долженствования остается поверх причинно-следственной связи свободное пространство»¹⁹. Однако, «внекаузальная детерминанта оказывается сложной. В ней есть идеальный компонент долженствования и наряду с ним еще и реальный компонент автономного воления. И только с помощью последнего первый становится тем, чем он должен быть в смысле каузальной антиномии: детерминирующим принципом наряду с законом природы»²⁰.

Итак, «реальная сила детерминации есть не сила ценности, а сила личности»²¹, ценности имеют лишь тенденцию к детерминации, выступая, скорее, в качестве заповедей, чем в качестве закона и принуждения.

Дальнейший ход мышления Н. Гартмана особенно интересен своей парадоксальностью. Отношение идеального царства ценностей как автономных принципов и автономных личностей как индивидуальных волений отнюдь не представляет собой антиномии, но есть «позитивное взаимопроникновение»: «ценности явно не могут детерминировать без некоей личной воли, которая прилагает усилия в их пользу сама по себе – в своем самоопределении; но воля точно так же не может определять самое себя, не имея в виду направленного к ней требования долженствования автономных ценностей и не ощущая его как такового – требования, «в отношении» которого исключительно ее самоопределение имеет смысл некоего решения»²².

¹² Гартман Н. Этика. – С. 205.

¹³ Там же. – С. 225.

¹⁴ Там же. – С. 222.

¹⁵ Там же. – С. 223.

¹⁶ Там же. – С. 210.

¹⁷ Там же. – С. 612.

¹⁸ Там же. – С. 627.

¹⁹ Там же. – С. 662.

²⁰ Там же. – С. 662.

²¹ Там же. – С. 663.

²² Там же. – С. 663.

Следует вспомнить, что побудило Гартмана вынести принцип за пределы субъекта и придать ему статус сущности. Говоря кратко, субъект, будучи одновременно и законодателем и исполнителем морального закона, не является свободным, так как подлинная свобода предполагает свободу по отношению к закону. Именно такой свободы не обнаруживает Гартман в трансцендентальной философии Канта и, пытаясь спасти «личность» человека, напрямую связанную с его свободой, отделяет принцип от субъекта, полагая существование идеального царства ценностей. По мнению Гартмана, эта дистанция, этот «люфт» как раз и является условием свободы.

Однако данный мыслительный ход чреват следующими опасностями:

1. Н. Гартман, отделяя принцип от воления и придавая принципу статус сущности, тем самым отделяет сущность от энергии-действия. У Канта моральное законодательство – это все же энергия сущности. Мы отмечали выше, что кантовский разум – это сущность, ничем не отличающаяся от своих действий, то есть несамовластная сущность. Но Кант не изолирует сущность от действий, что и позволяет ему, в конечном итоге, определить разумную сущность или практический разум как добрую волю. Какую же теоретическую картину рисует нам Гартман? Принципу придается статус сущности, однако эти сущности-ценности фактически бездейственны, в то время как индивидуальная свободная воля – это «бессущностная» воля, она – вектор без содержания, что само по себе абсурдно. Именно поэтому Гартман и постулирует необходимую связку воли и ценности как искаженный дубль неотделимости энергий от сущности. Тезис о неотделимости энергий к сущности вводится и разъясняется св. отцами, в частности, наиболее подробно свят. Григорием Паламой (14 в.). Нетрудно усмотреть в таком шаге Гартмана повторение мыслительного хода М. Шелера, который вводит существование бессильного духа-формы и действующей силы-материи, утверждая при этом, что человек призван актуализировать их изначальную связь.

2. «Позитивное взаимопроникновение» двух автономий – воли и ценностей – будучи изначально неясным в своем генетическом аспекте, оказывается в итоге просто бессмысленным, поскольку у «бессущностной» индивидуальной воли отсутствует точка отсчета для оценки ее самоопределения. Любое самоопределение названо позитивной свободой: «<...> и решение воли против принципа есть ее самоопределение и как таковое позитивно, даже если оно в отношении принципа вышло негативным»²³. Индивидуальная воля не есть воля *определенной* сущности и, следовательно, понятия греха как противоприродного, противосущностного действия в концепции Гартмана не существует. Но есть понятие самоопределения. Нравственно контрценностное движение – тоже самоопределение, тоже свобода, абсолютно равноценная нравственно ценностному движению: «Вообще, самым бессмысленным из всех традиционных представлений является то, что с ростом моральных ценностных качеств поведения возрастает и моральная свобода, то есть что воля тем свободнее, чем к более высокой точке на шкале ценностей устремлена»²⁴. В таком случае неясно – к чему стремиться человеку: к свободе, которая аксиологически нейтральна и есть любое самоопределение, или все же к ценностям, которые в своем бессилии взывают к человеку? Показательно в этом смысле заключение Н. Гартмана: «Мы никаким способом не можем указать, какая воля свободна, а какая нет. В этике нет критерия свободы – такого, какой в ценностном чувстве есть для добра и зла»²⁵.

Однако первый шаг в попытке обнаружить данный критерий Гартман все же делает: воля свободна в том случае, когда автономная детерминанта одержала верх, и несвободна в случае с гетерономной детерминантой. Но как бы ни детализировал Гартман свою концепцию, как бы ни обосновывал необходимость существования идеального царства ценностей за пределами субъекта, тезис о свободе как автономии личности в том контексте, в котором мы его обнаруживаем, свидетельствует об одном – о сведении человека к «бессущностной» самоопределяющейся воле. Человек, по Гартману, «есть не толь-

²³ Гартман Н. Этика. – С. 663.

²⁴ Там же. – С.683.

²⁵ Там же. – С.683.

ко некое зависимое образование среди детерминирующих принципов, но и одновременно сам представляет собой детерминирующий принцип – причем каждый для себя собственный, индивидуальный принцип»²⁶.

Сущность человека в итоге оказалась принесена в жертву свободе. Этот мыслительный ход не является новым в истории философии. Вся экзистенциальная философия разрешает антиномию свободы и сущности через отрицание последней. В связи с поставленным вопросом интересно обратиться к святоотеческому наследию. В рамках святоотеческой антропологии утверждение свободы совсем не предполагает отрицание сущности; святоотеческая антропология вообще не имеет антиэссенциальной направленности, которая оказалась столь модной в 19-20 века. Как же рассуждают святые отцы?

Свобода воли, по Максиму Исповеднику, «это данная нам власть делать то, что можем, или беспрепятственная возможность пользования тем, что в нашей власти, или нерабское стремление к тому, что от нас зависит»²⁷. В данном контексте очевидна привязка свободы к сущности, то есть к тому, «что можем», «что в нашей власти», «что от нас зависит». Говоря метафорическим языком, свобода действий предполагает точку отсчета – наличие определенного «хозяйства». «Хозяйство» или разумная душа в качестве совокупности сил – ума, разума и духа – таково, что от него неотделим пользователь-распорядитель. Можно ли при этом утверждать, что содержание «хозяйства» обуславливает способ его использования? Во всяком случае, изначальный порядок сущностных сил – ум управляет разумом, а разум управляет духом – все же позволяет делать вывод о правильном (согласно природе) и неправильном (противоприродном) распоряжении сущностными силами. Свобода выбора действий напрямую обусловлена спецификой сущностных сил, спецификой самой сущности. Грех – тоже показатель свободы и самовластия, но, вместе с тем, это та свобода, которая уничтожает саму себя, так как противоприродное использование сущностных сил означает разрушение их изначального порядка и тем самым повреждение сущности. А любое повреждение есть ограничение свободы.

Таким образом, гартмановский проект аксиологии не только не преодолел «ошибки» кантовского проекта – неразличения сущности и энергий, сведения одного к другому – но продемонстрировал другую крайность: отделение сущности от действия-энергии, ценностей-принципов от человеческой воли.

Очевидные противоречия аксиологической концепции Н. Гартмана нельзя не заметить: априорное чувство ценности остается в человеке всегда, но при этом человек, двигаясь контрценностно, не разрушается, а обнаруживает подлинную свободу! Желая освободить человека от приоритета сущности, от морального закона, который в системе Канта аналогичен природной необходимости, Гартман освобождает человека от нравственности вообще. По Гартману, любое самоопределение воли – ценно, так как именно автономия воли придает человеку статус личности: «<...> свобода сама имеет характер ценности, а именно ценности основной, уже обуславливающей все собственно нравственные ценности (см. гл. 36 f)»²⁸. Следует уточнить, что без ценностей воля не может самоопределяться, но ценности в данном проекте – лишь «слабые» маяки, которые в итоге можно игнорировать в своем контрценностном определении без ущерба для себя. Учение Гартмана о ценностях в этом смысле напоминает пародию на святоотеческое учение о божественных логосах, но именно пародию, поскольку изначальные послышки, как и полученные следствия – совершенно различны.

Одно из главных следствий гартмановской аксиологии – тезис о том, что спасение человека нарушает его свободу: «Само спасение этически контрценно, даже если совсем не учитывать того, что оно этически и невозможно»²⁹. Согласно Гартману, снятию вины человек должен противопоставить «волю к вине, оправданную нравственную гордость самоопределения (см. гл. 36 f)»³⁰.

²⁶ Там же. – С. 677.

²⁷ Цит. по: Шервуд П. Ранние Ambigua преподобного Максима Исповедника и опровержение им оригенизма // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г.И. Бенивич, Д.С. Бирюков. А.М. Шуфрин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – С.476. (Византийская философия. Т.1).

²⁸ Гартман Н. Этика. – С. 685.

²⁹ Там же. – С. 694.

³⁰ Там же. – С.694.

Возникает вопрос – может быть кантовский трансцендентальный субъект все же более «здоров», чем индивидуальная свободная воля в концепции Гартмана, отвергающая спасение, поскольку оно оскорбляет ее свободу?

Список литературы

1. Гартман Н. Этика / Перевод с нем. А.Б. Глаголева под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Скляднева. – Спб.: «Владимир Даль»; Фонд Университет. – 2002. – 712 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – Спб.: Наука, 1995. – С. 55-119.
3. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
4. Шервуд П. Ранние Ambigua преподобного Максима Исповедника и опровержение им оригенизма // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г.И. Беневич, Д.С. Бирюков, А.М. Шуфрин.-СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 389–495. (Византийская философия. Т.1).
5. Свт. Григорий Палама. Сто пятьдесят глав. – Краснодар: Текст, 2006. – 224 с.

THE CRITICISM OF TRANSCENDENTAL SUBJECT OF KANT'S PHILOSOPHY AND THE NEW VARIANT OF TRANSCENDENTAL AXIOLOGY BY N. GARTMAN

Y. V. KUSHNARENKO

*The Siberian State University
of Telecommunications
and Information Sciences
(SIBSUTIS)*

e-mail: janakush@mail.ru

The criticism by N. Gartman of the Kant's model of transcendental subject has been analyzed in this article. The author of the article has also criticized the Gartman's version of axiology and anthropology. Following problems are raised in this critique: Has Gartman overcome true «mistakes» of the Kant's model? Moreover, what are these true «mistakes»? The author of the article makes up the following conclusion: the project of axiology suggested by Gartman not only failed to overcome the main fault of the Kant's project, but has also demonstrated the new faulty extremity. Kant does not differentiate the essence from its energies-actions and reduces one to another. Gartman separates the essence from its energies-actions, values as principles from the human will.

Key words: axiology, value, freedom, subject, essence, will.

УДК 340.137

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. И. ЛЯХОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: Lyakhova@bsu.edu.ru*

В статье анализируются процессы трансформации российского права и законодательства в современных условиях. Автор исследует процессы реформирования российского законодательства в условиях глобализации, унификации и гуманизации правовой системы.

Ключевые слова: правовая система, права человека, система принципов права, юридический принцип.

Проводимые в настоящее время реформы в социально-экономической, политической, правовой и духовной сферах нашего общества позволяют сделать вывод о неуклонном возрастании роли права, правовых предписаний как эффективного способа обеспечения охраны прав и свобод личности. В центре внимания любого государства должна находиться личность и присущие ей права и свободы. Международные стандарты в области защиты прав и свобод личности, основные демократические институты приобретают все большее значение в отечественном праве.

Выступая на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» 10 сентября 2010 года Президент РФ Д.А. Медведев отметил, что «государство XXI века требует правового воплощения гуманистических ценностей и идеалов, ... все те ценности, которых мы придерживаемся, должны иметь правовую рамку. Придание этим ценностям практической силы закона, которая направляет развитие всех общественных отношений, то есть задаёт главные ориентиры общественного развития».

Права человека становятся ныне и высшим принципом современной международной правовой системы, а самыми опасными международными преступлениями являются преступления против человечности, влекущие гуманитарные катастрофы, угрожающие не только локальной, но и глобальной международной безопасности.¹ Основная цель современного законодательства – провозглашение и защита прав и свобод человека, создание реальных, эффективных механизмов для их реализации. Ограничение произвола государства рамками закона, ликвидация нарушения прав человека – внутренние условия функционирования гражданского общества и правового государства.

В связи с поставленной перед государством задачей необходимым представляется изменение методов правового регулирования. *Гуманизация* права привела к широкому применению общедозволительного метода: «разрешено все, что не запрещено законом». Однако данный метод относится к частнопроводимым отношениям и касается всех субъектов гражданского общества. Напротив государственным органам и должностным лицам адресован другой метод, называемый разрешительным: «дозволено только то, что прямо указано в законе». Такое соотношение между дозволениями и запретами способствует более эффективной реализации системы прав и свобод личности.

Гуманизация системы права проявляется не только в создании материальных нормативных предписаний, отражающих требования правовой действительности, но и в нормах процедурного характера. К примеру, в уголовном судопроизводстве с принятием нового УПК значительно расширены возможности участников процесса, позволяющие реализовать принадлежащее им право на защиту своих интересов. К таким возможностям следует отнести: возможность участия адвоката в допросе свидетеля (п. 6. ч 4 ст. 56

¹ Явич Л.С. О философии права на XXI век. // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 6.

УПК РФ; признание недопустимыми доказательств полученных в ходе досудебного производства путем допроса подозреваемого, обвиняемого в отсутствие защитника (п. 1 ч 2 ст. 75 УПК РФ); возможность обжалования в судебном порядке действий и решений органов предварительного расследования и суда (ст. 123 УПК РФ); ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства только по решению судебных органов (ст. 29 УПК РФ) и т.д. В ряде статей Уголовного кодекса были снижены или вообще исключены нижние пределы санкций (ст. 179, 201, 224, ч. 2 ст. 268). Ряд преступлений переводятся из категории особо тяжких в категорию тяжких преступлений, из тяжких среднюю тяжесть или средней тяжести в небольшую тяжесть. Расширен перечень преступлений, за которые может назначаться наказание в виде обязательных работ (ст. 119, 121, 124, 133). Отдельные виды преступлений были декриминализованы (ст. 182, 200 УК РФ).

На этом процесс гуманизации российского уголовного законодательства продолжается и 21 октября 2010 года на совещании по вопросам либерализации уголовного законодательства было предложено исключить из 68 составов преступлений нижние пределы санкций в виде лишения свободы. «Это достаточно радикальная мера, но она должна позволить суду при назначении наказания применять дифференцированный подход, а стало быть, наказание может быть более справедливым. При этом, конечно, должны максимально учитываться данные о личности обвиняемого, и приговор к лишению свободы в этом случае будет применяться только тогда, когда преступление действительно представляет серьёзную опасность для общества»².

Одной из основных тенденций развития мирового сообщества на современном этапе является *глобализация*. Она представляет собой новую стадию процесса интернационализации различных аспектов общественной жизни.³

Единство мирового сообщества, упрочение взаимозависимости государств диктуют необходимость того, чтобы их социально-экономические и политико-правовые системы были совместимы и способны взаимодействовать друг с другом и с глобальной системой в целом в качестве ее составных частей.⁴

Процессы глобализации наиболее ярко проявляются в экономической сфере, выражаясь в формировании единого экономического пространства. Однако и другие сферы общественной жизни также подвержены процессам глобализации. Глобализационные процессы в праве способствует созданию единого правового поля, приводят к унификации национальных законодательств.

В рамках глобальной системы правового регулирования будут активно взаимодействовать национальные правовые системы друг с другом, с региональными системами и общим международным правом. Фундаментом такой системы служат основные принципы международного права⁵.

Положение п. 4 ст. 15 Конституции РФ провозглашает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации рассматриваются как составная часть ее правовой системы. Международные договоры, признаются не только полноправными источниками российского права, им придается приоритет в случае коллизии с национальным законодательством.

В целях обеспечения единства международного сообщества государства должны подчиняться принятым ими правовым актам. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора» (ст. 27).

Глобализация требует от государства обеспечивать оптимальные условия развития институтов демократии и демократического управления обществом. «В наше время

² Выступление Президента РФ Медведева Д.М. на Совещании по вопросам либерализации уголовного законодательства // www.kremlin.ru/transcripts/9305.

³ Кабалкин А., Санникова Л. Глобализация правового пространства и новеллы российского гражданского законодательства // *Российская юстиция*. – 2001. – №12. – С. 17-19.

⁴ Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // *Журнал российского права*. – 2002. – №3. – С. 117-118.

⁵ Там же.

происходит глобализация демократических ценностей. Демократия признается принципом всеобщего значения. Право на нее становится глобальным правом, которое в растущей мере будет поддерживаться международным сообществом в целом»⁶.

Экономические преобразования, проводимые в нашей стране в последние годы, свидетельствуют о стремлении России к интеграции в мировое экономическое пространство. Расширение сотрудничества между государствами в различных сферах общественной жизни увеличивает объем общения между людьми, порождает увеличение объема правоотношений между субъектами различной государственной принадлежности. Для совместной экономической деятельности между государствами и их гражданами, инвестиционной деятельности требуется единая правовая регламентация экономических отношений. Экономическое процветание и стабильность государств в определенной степени зависит от реализации задач по гармонизации и унификации российского права.

По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько значение унификации законодательства в «аккумуляции однотипных предписаний и создании юридических актов, которые упростили бы законодательство, делая его доступным и единообразным»⁷.

С точки зрения А.В. Баркова, «под гармонизацией ... понимается согласование и нормативное закрепление положений международных договоров во внутреннем законодательстве или изменение актов национального законодательства, имеющих своей целью применение единообразных норм и правил»⁸.

Проблема *гармонизации* российского права с правовыми порядками ведущих экономически развитых стран означает основательное взаимодействие международного и внутреннего права. При этом границы между международным и внутригосударственным правом не стираются, поскольку это привело бы к нарушению их нормального функционирования. У каждой из этих правовых систем своя природа, сфера действия, объект регулирования и механизм действия. Происходит углубление взаимодействия двух правовых систем, а не стирание границ между ними. Гармонизация законодательства осуществляется через интеграцию норм международного права в российское законодательство.

Унификация законодательства выступает как выработка единообразных однотипных предписаний в законодательстве разных государств и во внутригосударственном праве. С помощью унификации ликвидируется несогласованность, разобщенность в системе правовых норм, устраняется сложность законодательного регулирования различных сфер общественной жизни.

Унификация права является основным инструментом глобализационного процесса. Особое значение в этой связи приобретает унификация норм материального права. Именно они, единообразно регулируя общественные отношения, обеспечивают единый правовой режим и позволяют создать единое правовое пространство. На это указывает и усиление их роли по сравнению с коллизионными нормами. Обеспечивая единый правовой режим, унификация материальных норм также способствует сближению правовых систем.

В июле 2010 года вступил в действие Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России, что требует унификации таможенного законодательства всех стран- участников союза и детальной разработки унифицированных таможенных правил – единого Таможенного кодекса.

Создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана является интеграционным экономическим проектом, который на такой значительной территории создаёт единое таможенное пространство, оказывает большое влияние на развитие событий и на состояние интеграционных тенденций, а также требует трансформации правового пространства стран – участниц Таможенного союза. Унификация российского законодательства проводится и в рамках подготовки вступления России в ВТО. Сейчас, в атмосфере

⁶ Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. – С. 23.

⁷ Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001. – С. 236.

⁸ Барков А.В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе // Журнал российского права. – 2003. – № 8.

очень сложной экономической ситуации такого рода интеграционные процессы могут помочь решить реальные экономические проблемы.

Однако тенденции унификации не следует рассматривать исключительно с точки зрения мировых глобализационных процессов, поскольку процессы унификации протекают и во внутригосударственном праве. Федеративное устройство государства требует унифицированного подхода к согласованности законодательства субъектов РФ, формированию единого правового пространства на всей территории Российской Федерации. Существующие противоречия между федеральными и региональными нормативными правовыми актами порождают кризисные явления политического, экономического и социального характера. Возникающие проблемы, связаны с неправильным пониманием природы федеративного государства, неоднозначным осмыслением принципов разграничения предметов ведения РФ и ее субъектов.

Процесс унификации протекает также и в системе российского процессуального законодательства, при этом унифицированные правовые модели вырабатываются с учетом отраслевой принадлежности нормативных предписаний для регулирования сходных общественных отношений с учетом их общих свойств и качеств.

На наш взгляд проблема унификации права должна рассматриваться не только с позиций отраслевого подхода, но и с позиции универсализации процессуальных норм в различных отраслях права и процессуальных институтах. Процессуальные принципы осуществления и защиты прав личности должны быть максимально общими и единообразными независимо от отраслевой принадлежности предмета регулирования общественных отношений. Необходима выработка единых процессуальных гарантий, унификации процессуальных правил реализации прав личности независимо от вида юридического процесса, но с учетом специфики регулируемых процессуальных отношений. Унификация права позволяет уменьшить объем нормативного материала, исключить его дублирование, облегчить применение нормативных предписаний. Особое значение приобретает данная проблема в связи с принятием нового закона «О полиции» обсуждение которого происходит в настоящее время. Процессуальные гарантии, права и свободы личности, закрепленные в уголовно-процессуальном и административно-процессуальном законодательстве должны быть унифицированы и найти свое отражение в новом законе. Например, проект закона «О полиции» предусматривает, что сотрудник полиции обязан в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основание применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина (п.4 ст.5 Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина), однако закон не содержит никаких правовых последствий неисполнение этого предписания. Возникает необходимость предусмотреть в уголовно-процессуальном и административном законодательстве РФ последствия нарушения указанной нормы как признание недопустимыми доказательств, полученных с нарушением указанной нормы.

Следующей тенденцией развития права можно назвать процесс противоположный унификации – *специализацию* права.

Для права наряду с процессом интеграции характерны конкретизация и дифференциация, т.е. специализация правового регулирования, все более возрастающее «разделение труда» между нормативными предписаниями, правовыми институтами, отраслями права позволяющее в соответствии с социальными потребностями обеспечить более конкретное, содержательно определенное правовое регулирование⁹.

Специализация и унификация как объективные закономерности развития права и юридической практики тесно взаимосвязаны друг с другом и фактически являются парными правовыми категориями.

Поскольку право обусловлено материальными условиями жизни общества, постольку с изменением этих условий оно вынуждено изменяться. При этом усложняются

⁹ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т, Т. 1. — М.: «Юридическая литература», 1981. — С. 132-133.

общественные отношения и внутренняя структура законодательства. Процессы специализации характерны для всей системы права в целом и оказывают влияние не только на ее форму, но и на ее содержание.

Некоторые авторы выделяют следующие виды специализации: предметная (отраслевая), функциональная, региональная и смешанная¹⁰.

Предметная специализация заключается в появлении в системе законодательства новых отраслей права и правовых институтов. Реформы в социально-экономической сфере обуславливают необходимость внутренних преобразований системы права путем дифференциации законодательства на различные отрасли. Постепенное накопление нормативного материала и формирование специального предмета правового регулирования приводит к выделению самостоятельных правовых институтов, подотраслей и отраслей права. В настоящее время активно формируется налоговое, налогово-процессуальное, банковское право, развивается страховое законодательство, законодательство в области регламентирования использования высоких технологий.

Под функциональной специализацией понимается обособление правовых предписаний внутри нормативно-правовых актов с целью совершенствования их организационного строения и внутренней структуры.

Региональная специализация законодательства напрямую связана с федеративным устройством государства и необходимостью формирования самостоятельного законодательства субъектов РФ. Данный вид специализации обусловлен объективным процессом трансформирования российской государственности, расширением полномочий субъектов Федерации, самостоятельностью правотворческой деятельности субъектов.

Смешанная специализация сочетает в себе предметно-функциональный признак или функционально-региональный.

Специализация законодательства является не одномоментным, а длительным и объективно закономерным процессом и имеет свои формы внешнего выражения, такие как: дифференциация, конкретизация и детализация.

Дифференциация выступает как первоначальный процесс специализации, который позволяет определить специфические черты определенных групп общественных отношений.

Конкретизация позволяет сформулировать определенные правовые предписания, которые регламентируют определенную группу однородных общественных отношений и уточняют содержание общих положений.

Детализация является завершающим этапом процесса специализации и представляет собой внутреннее структурирование содержания нормативных предписаний на составные элементы, которые в своей совокупности образуют их сущность.¹¹

Современное законодательство должно быть эффективным, при этом оно должно отражать и защищать интересы государства, интересы общества и интересы отдельного гражданина. Процессы, происходящие в российском законодательстве в настоящее время, отражают современные международные тенденции развития права и способствуют развитию правового государства и гражданского общества.

Список литературы

1. Явич Л. С.О философии права на XXI век.//Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 4-7.
2. Сопещение по вопросам либерализации уголовного законодательства.// www.kremlin.ru/transcripts/9305.
3. Кабалкин А., Санникова Л. Глобализация правового пространства и новеллы российского гражданского законодательства //Российская юстиция.-2001.- №12.-С. 17-19.
4. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2002. – №3. – С. 117-118.

¹⁰ Теория государства и права. Курс лекций/ Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.,1997. – С. 388.

¹¹ Теория государства и права. Курс лекций/ Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.,1997. – С. 391.

-
5. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000. С. 23.
 6. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001.
 7. Барков А.В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе // Журнал российского права. – 2003. – № 8. – С. 137-144.
 8. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т, Т. 1. – М.: «Юридическая литература», 1981.

TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF THE MODERN RUSSIAN LAW AND THE LEGISLATION

A. I. LYAKHOVA

Belgorod State University

e-mail: Lyakhova@bsu.edu.ru

The processes of transformation of Russian law and legislation in the modern situation are analyzed in the present article. The author discusses the processes of reforming of Russian legislation in the way to globalization, unification and a humanization of the legal system as a whole.

Key words: legal system, human rights, system of law principles, legal principle.

УДК 141.333

СЕМЕЙНЫЙ БЮДЖЕТ В УСЛОВИЯХ НЕРАВЕНСТВА ПОЛОВ

И. М. МУРАВЕЦКИЙ*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
ant-sn@mail.ru*

В статье рассматривается семейный бюджет в традиционном обществе, где мужчина господствует над женщиной. Автор выделяет три бюджетные модели семьи.

Ключевые слова: семья, бюджет, мужчина, женщина, власть.

В зависимости от подходов и критериев в социально-гуманитарной науке выделяются различные этапы или ступени человеческой истории: дикость – варварство – цивилизация; первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная (капиталистическая), коммунистическая общественно-экономические формации; традиционное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество; традиционность – модерн – постмодерн. Ю.Б. Рюриков, отталкиваясь от взаимоотношения полов, предлагает выделять матриархат – патриархат – биархат. Если матриархат (роль и распространность которого оспаривается не только одними антифеминистами) представляет собой господство женщины над мужчиной, патриархат – господство мужчины над женщиной, то биархат, как полагает Ю.Б. Рюриков, является главенством обоих полов. «Биархатные перевороты пронизывают все отношения мужчины и женщины – экономические и семейные, социальные и сексуальные», – пишет он¹, разумеется, относя становление биархатного общества, ростки которого заметны уже сейчас, к будущему. «Эти кардинальные перемены в положении женщины – начала больших поворотов во всей “мужской” культуре и цивилизации. Они могут круто усилить женский фермент в этой культуре, уравновесить добром и мягкостью силовые струны – каркас нынешней цивилизации, они могут породить в будущем новую, “андрогинную” культуру – союз всего лучшего в мужском и женском отношении к миру», – считает Ю.Б. Рюриков². За исключением гипотетического в своей обязательности матриархата (здесь последнее слово, насколько оно может в науке звучать, за исторической этнографией, поскольку феминистские и антифеминистские установки изначально тенденциозны в силу ярко выраженных идеологических соображений), история человечества до позапрошлого века представляла собой во взаимоотношениях полов патриархат, которому соответствуют «традиционно-нормативные» образы пола и любви (А.М. Страхов). «Ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особо неприкрыто проявившееся у греков героической и – еще более – классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено», – отмечает Ф. Энгельс³. (Ф. Энгельс в наличии матриархата несколько не сомневается, объясняя отсутствие его исследования традицией, исключаяющей подлинную историю семьи. «До начала шестидесятых годов об истории семьи не могло быть и речи. Историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой

¹ Рюриков Ю.Б. Любовь: ее настоящее и будущее. // Философия любви. Ч.1. – М.: Политиздат, 1990. – С. 268.

² Там же. – С. 269.

³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные соч. в 9 т. Т.6. – М. Политиздат, 1987. – С. 139.

древней формой, но и отождествляли – за исключением многоженства – с современной буржуазной семьей, так что семья, собственно говоря, вообще не переживала, якобы, никакого исторического развития; самое большее допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений», – писал он⁴).

При всех общих чертах патриархатного варианта взаимоотношения полов, определяющей среди которых выступала власть в обществе и семье мужчин над женщинами, имели место и исключения, связанные с высоким социальным положением отдельных представительниц женского пола, что позволяло им уже властвовать над мужчинами. Отечественная история богата такими примерами: это и монаршие особы, и помещицы, однако власть их (порой почти безраздельная, как у помещицы над крепостным в XVIII столетии) реализовывалась за пределами семейного союза. Такова, например, киевская княгиня Ольга (проявившая себя после гибели мужа князя Игоря), о которой Н.М. Карамзин пишет: «Предание нарекло Ольгу *Хитрою*, церковь *Святою*, история *Мудрою*»⁵. Такова императрица Екатерина Великая.

В патриархатной семье функции супругов четко разделились: мужчины были иждивателями, т.е. содержателями, кормильцами, пополнителями семейного бюджета, поскольку обеспечивали его доходную часть. До вступления в брак женщин (девушек) содержали отцы, после бракосочетания – мужья. Экономическая зависимость женщины от мужчины подкреплялась законодательно. Женщина занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, отвечая исполнительски за расходную часть бюджета, идущую на реализацию выполняемых женщиной, женой и матерью, задач. При этом в зависимости от доходности мужа, главы семьи, жена обладала разной степенью свободы в расходовании семейных средств. Сказывались и личностные характеристики супругов, поскольку в случае столкновения сильного женского характера со слабостью мужского, жена могла даже самостоятельно распоряжаться расходами и при этом контролировала доходную часть, что, однако, было редким исключением из общего правила.

В русской крестьянской семье, ведущей натуральное хозяйство, источником доходов служили:

- «земледелие;
- сенокосение;
- скотоводство;
- лесопромышленность;
- извозь и кустарная промышленность;
- рыболовство и охота;
- торговля, ярмарки и торжки;
- фабрики и заводы»⁶.

В перечне указываются еще и такие источники доходов как сельские ссудо-сберегательные товарищества и казенно-оборочные статьи, но, во-первых, они характерны для сколько-нибудь зажиточных семей, во-вторых, ссудо-сберегательные кассы (товарищества) возникают только в позапрошлом столетии, а потому не показательны для доходной части бюджета крестьянской семьи в патриархатном обществе в целом. В приведенном перечне находится место и для женщины (дочери, жены), принимавшей участие в земледелии, сенокосении, скотоводстве. Могла женщина пополнять семейный бюджет и посредством рукоделия, сбором ягод и грибов (замужняя женщина сельской местности для заработка не покидала, это делал только, например, занимавшийся извозом или отправлявшийся на ярмарку муж). Простолюдинка-горожанка могла работать швеей, прачкой, прислугой. Могла что-то готовить из съестного и выносить на продажу в людное место, да и вообще торговать. «...Женщины-барышницы – *торговки*, которые нисколько не уступают мужчинам ни в бойкости, ни в наглости и решительно должны быть отчис-

⁴ Энгельс Ф. К истории первобытной семьи (Баховен, Мак-Леннан, Морган). Предисловие к четвертому немецкому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные соч. в 9 т. Т. 6. – М.: Политиздат, 1987. – С. 245.

⁵ Карамзин Н.М. Предания веков. – М.: Правда, 1987. – С. 91.

⁶ Материалы для изучения экономического быта крестьян и инородцев западной Сибири (выпуск IV). – СПб.: В типографии В. Безобразова и Комп., 1889. – С. 171.

лены от дамского пола», – замечает И.Т. Кокорев⁷. Этот же писатель показывает, как целыми семьями пополняют семейный бюджет, участвуя в так называемой «мелкой промышленности», к примеру, занимаясь «торговлей самоварами», т.е. предлагая отдыхающим на подмосковной природе чай. И.Т. Кокорев свидетельствует: «В праздник, в знойный полдень, когда истома одолевает и ум и тело, пойдите в какое-нибудь из московских предместий: здесь вы наверно встретите не одну группу вроде следующей: пожилая женщина несет объемистый самовар, мужчина – в одной руке ведро, в другой кулек с угольями; двое детей тоже идут не порожняком: у кого бутылка с молоком, узелок с чашками, у кого скамеечка или домашний запас пищи. И без моего объяснения вы догадаетесь, что это мелкая промышленность, целой семьей идущая на заработок»⁸. Из кокоревского описания видно, что в обеспечение доходной части семейного бюджета бедняков участвовали и дети. Они работали в сельском хозяйстве, отдавались в услужение, имел место и фабричный детский труд. Подробный анализ детского труда в Англии сделан Ф. Энгельсом. «Дети нашли применение на фабриках с самого возникновения современной промышленности: сначала вследствие небольших – позже увеличенных – размеров машин, на них работали почти исключительно дети», – пишет Ф. Энгельс⁹. Не лучшим образом обстояло дело с детским трудом и на предприятиях России.

Бывало, что замужние женщины пополняли семейный бюджет занимаясь проституцией, причем не без согласия находившихся в курсе мужей. М. Горький по этому поводу пишет, что в публичном доме городка Окурова, который содержала некая Фелицата, было только три девицы, поэтому, «когда к Фелицате съезжалось много гостей, она звала на помощь к себе жен и девиц слободы; знали, кто из них ходит к ней, но относились к этому промыслу жен и дочерей хладнокровно, деньги же, заработанные ими, отнимали на пропой»¹⁰. Пьянство, мужское только или совместное мужа и жены, не позволяло выстраивать семейный бюджет, внося в траты «ожидаемую неожиданность», да и на доходной части семейного бюджета сказывалось самым пагубным образом, погубив не одну семью, в то время как накопление формирует бережливость и отказ от невоздержанного образа жизни. Тот же М. Горький рассказывает о супружеской чете Орловых, Гришке и Матрене, семейное счастье которых разрушило пьянство мужа. «Оба они – молодые и здоровые люди – любили друг друга и гордились друг другом. Гришка был такой сильный, горячий, красивый, а Матрена – белая, полная, с огоньком в серых глазах, – “ядренная баба”, – говорили о ней на дворе. Они любили друг друга, но им было скучно жить, у них не было впечатлений и интересов, которые могли бы дать им возможность отдохнуть друг от друга, удовлетворяли бы естественную потребность человека – волноваться, думать, – вообще жить. Если б у Орловых была жизненная цель, – хоть бы накопление денег грош за грошем, – тогда, несомненно, им жилось бы легче», – пишет М. Горький¹¹.

Если в низших слоях общества женское участие в пополнении семейного бюджета выглядело весьма скромным, то в обеспеченных, где отсутствовала «дисциплина голода», женщина вовсе от какого-то отношения к доходной части семейного бюджета была отлучена. Исключения из общего правила составляли те властные по натуре помещицы жены, которые при мягкости и покладистости своих слабовольных мужей сами вели расчеты с крестьянами. Однако до замужества в роли невесты женщина вносила (и порой очень весомый) вклад в бюджет создаваемой семьи – приданое. К размерам последнего внимательно присматривались со стороны жениха, да и родственникам невесты было все не безразлично, каково имущественное состояние жениха. (Но поскольку приданое предоставлялось родителями невесты, то женщина от его формирования была отлучена, по сути шла передача составляющих приданое имущества, денег или того и другого из одних мужских рук в другие).

⁷ Кокорев И.Т. Кулак и барышник / Сочинения. – М.-Л.: ГИХЛ, 1959. – С. 104.

⁸ Кокорев И.Т. Мелкая промышленность в Москве./Сочинения. – М.-Л.: ГИХЛ, 1959. – С. 113.

⁹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.//К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные соч. в 9 т. Т. 1. –М.: Политиздат, 1984. – С. 356.

¹⁰ Горький М. Городок Окуров./Собр. соч. в 18 т. Т.6. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 12.

¹¹ Горький М. Супруги Орловы./Собр. соч. в 18 т. Т.2. – М.: ГИХЛ, 1960. – С. 152.

Соответственно, патриархатная модель взаимоотношения полов предполагала брак по расчету. В простонародье решение о бракосочетании принадлежало родителям молодых. При крепостничестве нередко вмешивались владельцы, распоряжающиеся своим живым имуществом, когда по причине экономической целесообразности, когда проявляя заботу о предмете своего сексуального увлечения; случалось, пользуясь практически неограниченной властью, крепостники разлучали влюбленных, о чем рассказывает Н.С. Лесков в «Тупейном художнике», где идет речь о трагедии сосланного в солдаты «тупейного художника» Аркадия и актрисы Любы, Столь же трагична участь насильно выданной замуж Насти и разлученного с ней Степана, который, умерший в остроге от тифа «был гораздо ее счастливей»¹². Возраст молодых нередко был, по сегодняшним представлениям, детским, о чем свидетельствует в своей «энциклопедии русской жизни», в романе в стихах «Евгений Онегин, А.С. Пушкин.

Вступить в брак по расчету за нелюбимого человека уговаривали, утешая тем, что «стерпится – слюбится», «с лица не воду пить» (у крестьян в расчет входили физические кондиции, здоровье молодых, чтобы они успешно трудились и рожали здоровых детей-работников), матери обращались к дочерям: «Муж богат, а полюбить успеешь». Соответственно, если и рождалась любовь, то нередко за пределами семейного союза, а развод был крайне затруднен: во-первых, церковь (а брак считался законным, только если молодые венчались) давала согласие на развод только в редких исключительных случаях, во-вторых, против развода выступало и общественное мнение. Свою роль играли и экономические соображения, разводу препятствующие. Русская классическая литература полна примером такого трагического разлада чувств, в том числе и в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, который критиковал церковь за недопущение развода ненавидящих друг друга супругов. Впрочем, взаимная супружеская любовь могла все же возникнуть как счастливое дополнение к заключенному по расчету браку. Трудно такого было ожидать в случае значительного различия вступающих в брак по возрасту, когда обеспеченный мужчина средних лет, и даже старше, подыскивал себе молодую невесту из бедной семьи, со скромным приданым, а то и вовсе «бесприданницу». Впрочем, бывало и иначе: обладающий социальным статусом (знатное происхождение, должность и т.п.) мужчина без средств (он мог быть из обедневших дворян, мог сам промотать полученное отцовское наследство) брал в жены женщину с большим приданым, тем самым поправляя свои финансовые дела. В любом случае, в силу патриархатных традиций, он единолично распоряжался семейным достоянием, а значит, деньгами и имуществом жены. Работать образованная женщина была не должна, да и не могла, поскольку полученное ею специфическое «женское» образование не предусматривало освоение каких-либо профессий. Общий удел таких работающих женщин ограничивался гувернантством и репетиторством. Самореализация женщин из обеспеченных семей осуществлялась в основном на почве благотворительной деятельности.

Тот же Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, другие отечественные мыслители и писатели резко критиковали неравный по возрасту брак и брак по расчету. Выпадая из общего ряда, о рациональных основаниях счастливого брака (к самой возможности такого длительного супружеского счастья относясь довольно скептически) вел речь, как уже выше отмечалось, А.И. Герцен. А.М. Страхов, возражая против принципа «с милым и в шалаше рай», по этому поводу пишет: «Налаженный быт, материальный достаток, позволяющий обходиться без унижительного и разрушительного недостойного существования, – отнюдь не гарантия супружеского счастья, но хорошая основа для налаживания тех взаимоотношений, которые это счастье составляют»¹³. Отсутствие отлаженной бытовой стороны семейной жизни, напрямую связанное с недостойно малым семейным бюджетом, усугубляет и без того сложные взаимоотношения супругов, наносит урон человеческому достоинству, разрушает высокие и самые искренние чувства, вынуждает супругов опуститься как духовно, так физически, внешне, что особенно болезненно для женщины. Это

¹² Лесков Н.С. Житие одной бабы. – М.: ГИХЛ, 1958. – С. 109.

¹³ Страхов А.М. Почему гаснет факел Гименея?: (Философия пола и любви: кризис семьи на рубеже столетий). – Белгород: Отчий край, 2006. – С. 63.

хорошо показывает А.П. Чехов в «Скучной истории», где муж о своей жене говорит: «Неужели эта старая, очень полная, неуклюжая женщина с тупым выражением мелочной заботы и страха перед куском хлеба, со взглядом, отуманенным постоянными мыслями о долгах и нужде, умеющая говорить только о расходах и улыбаться только дешевизне, – неужели эта женщина была когда-то той самой тоненькой Вареею, которую я страстно любил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту и, как Отелло Дездемону, за “со-страданье” к моей науке?»¹⁴. Пример показателен, поскольку именно женщина в малообеспеченных семьях нередко возлагает на себя всю тяжесть и ответственность за исполнение скудного семейного бюджета, причем не только расходной, но и доходной его части, пытаясь что-то заработать сама и по возможности, если муж не занят мыслями только о спиртном, стимулируя «сильную» половину к пополнению бюджета. В семьях обеспеченных, достаточно богатых, мужчина от семейного бюджета не только не самоустраивается, но стремится распоряжаться им, допуская женскую свободу по расходам на мелкие повседневные хозяйственные нужды и наряды в пределах оговоренной отпускаемой суммы. В очень богатых семьях, где семейный бюджет пополняется без какого-то особого труда (прежде всего как доходы от имений, регулируемые управляющими), пользующиеся значительными средствами, полученными по наследству и не требующими вложения собственной мысли и хлопот наследники ведут праздную жизнь, теряя чуткость по отношению к даже близким людям. Упрекая сына Андрея, уже женатого человека, в праздной жизни, наполненной попойками, Л.Н. Толстой причину такому поведению видит в возможности тратить деньги, которые Андрей сам не заработал. «Только представь себе, – обращается письменно к нему отец, – что бы ты был и какую роль ты играл бы, если бы у тебя не было денег и имени, – того самого, что не твое, а случайно принадлежит тебе. Только ясно представь себе, что бы ты был без имени и денег, и ты ужаснешься»¹⁵. Соответственно, женщина в такой семье часто предоставлена сама себе, ощущает себя нужной, только сопровождая мужа в светской жизни, и, не смиряясь с ролью птички в золотой клетке, начинает бунтовать. Такой протест и лег в основу женской эмансипации, когда женщина потребовала не только политических прав, но и возможности получения полноценного образования с правом последующей реализации приобретенных знаний в общественно-полезном профессиональном труде.

На женские плечи в небогатой семье в условиях патриархатной общественной модели взваливается еще и весь домашний труд, дополняя и без того нелегкие заботы о детях. Такое положение возмущало даже Л.Н. Толстого, противника женской эмансипации, убежденного, что женский удел – рожать и рожать. «Меня возмущает то, что на женщину, которая носит, кормит, воспитывает маленьких детей, навален еще труд кухни, жариться у печи, мыть посуду, стирать белье, шить одежду, мыть столы, полы, окна. Почему весь этот труд, страшно тяжелый, навален исключительно на женщину? Мужу, фабричному, чиновнику и всякому мужчине бывает делать нечего, но он будет лежать и курить, предоставляя женщине – женщина покоряется – часто беременной и больной, с детьми, жариться у печи или нести страшный труд стирки белья, или ночного ухода за больным ребенком. И все это от суеверия, что есть какой-то бабий труд», – пишет он¹⁶. Такое положение Л.Н. Толстой называет «страшным злом», от которого проистекают неизлечимые болезни и преждевременная старость. (Что касается работы женщины за пределами семьи, то Л.Н. Толстой ее поощрять не склонен, его, как он сам признается, не возмущает что «женщина получает меньше жалованья, чем мужчина: цены устанавливаются достоинством труда»¹⁷). О кликушестве как «страшной» женской болезни – следствии побоев и изнурительной работы – ведет речь, переключаясь в этом с Л.Н. Тол-

¹⁴ Чехов А.П. Скучная история. Из записок старого человека./А.П. Чехов. Собр. соч. в 12 т. Т. 6. – М.: ГИХЛ, 1962. – С. 274.

¹⁵ Толстой Л.Н. – А.Л. Толстому 22-23? Августа 1901 г./Собр. соч. в 20 т. Т.18. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 284.

¹⁶ Толстой Л.Н. – Н.В. Стасовой 4 сентября 1895 г./Собр. соч. в 20 т. Т.18. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 155.

¹⁷ Там же. – С. 154.

стым, и Ф.М. Достоевский. Кстати, если крестьянская семья по причине невозможности раздела представляла совместное сосуществование семьи отцовской и по отцовской воле или с отцовского одобрения созданной семьи сыновьей (согласно традиции, жена уходила в дом мужа), то на молодую невестку ложился двойной гнет: бразды правления находились всецело в руках старика-отца, и хотя сам факт женитьбы менял статус новоявленного мужа, и он, и его жена не были самостоятельны, подчиняясь главе большой семьи.

Итак, патриархатный вариант взаимоотношения полов, определяя главенство мужчины как в обществе в целом, так в семье, предполагал ведущую мужскую роль в формировании и исполнении семейного бюджета. Однако социальная и, соответственно, имущественная стратификация вносили свою специфику в доходную и расходную части бюджета семьи, что позволяет выделить следующие бюджетные модели:

1. Семейный бюджет с обеспечением доходной части всеми, включая детей, членами семьи. Такая модель свойственна малоимущим городским слоям и всем (не зависимо от достатка) крестьянским семьям, занимающимся ведением натурального хозяйства.

2. Семейный бюджет с реальным обеспечением доходной части мужем. Такая модель присуща «среднеобеспеченным» слоям, где дисциплина голода не толкает женщину к заработку, и предпринимательским династиям, где доминирует развитая трудовая мораль.

3. Семейный бюджет с формальным обеспечением доходной части мужем. Такая модель отличает состоятельные (прежде всего аристократические) семьи, где полученное наследство позволяет мужчине вести праздный образ жизни, возложив все хлопоты по формированию доходной части семейного бюджета на управляющих и прочих других лиц.

Что касается расходной части семейного бюджета, то она определялась рядом факторов, связанных со спецификой конкретной семьи: волевыми качествами супругов (при формальном главенстве мужа реальная власть в семье принадлежит жене); разлукой (при отсутствии мужа в связи с заработками, в рамках текущих расходов свобода распоряжения принадлежала жене; если муж пребывал в заключении или в солдатах, то на женские плечи взваливалось всецело и обеспечение доходной части); степенью мужской любви, тактичности и уважения, в силу которых муж считался с мнением жены и предоставлял последней при реализации расходной части семейного бюджета определенную свободу). К перечисленным факторам можно отнести и самоустранение мужа по причине недееспособности, связанной с пьянством или болезнью.

Личностные особенности супругов, разумеется, продолжают сказываться на семейном бюджете и в условиях биархатного общества.

Список литературы

1. Горький, М. Городок Окуров./М. Горький. Собр. соч. в 18 т. Т.6. – М.: ГИХЛ,1961. – С. 5-96.
2. Горький, М. Супруги Орловы./М. Горький. Указ. соч. Т.2,1960. – С.146-191.
3. Карамзин, Н.М. Предания веков./Н.М. Карамзин. – М.: Правда,1987. – 768 с.
4. Кокорев, И.Т. Кулак и барышник./И.Т. Кокорев. Сочинения. – М.-Л.: ГИХЛ,1959. – С. 298-322.
5. Кокорев, И.Т. Мелкая промышленность в Москве./И.Т. Кокорев. Указ. соч. – С.110-119.
6. Лесков, Н.С. Житие одной бабы. *Из гостомельских воспоминаний* / Н.С. Лесков. –М.: ГИХЛ,1958. – 128 с.
7. Материал для изучения экономического быта крестьян и инородцев западной Сибири (выпуск IV). – СПб.: В типографии В. Безобразова и комп.,1889. – 233 с.
8. Рюриков, Ю.Б. Любовь: ее настоящее и будущее / Ю.Б. Рюриков // Философия любви. Ч.1. – М.: Политиздат,1990. – С. 268-330.
9. Страхов, А.М. Почему гаснет факел Гименея: (Философия пола и любви: кризис семьи на рубеже столетий). – Белгород: Отчий край,2006. – 90 с.
10. Толстой, Л.Н. – Н.В. Стасовой 4 сентября 1995 г./Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 20 т. Т. 18.- М.: Худож. литература,1965. – С. 154-155.
11. Толстой, Л.Н. – А.Л. Толстому 22-23 ? августа 1901 г./Л.Н. Толстой. Указ. соч. Т. 18. – С. 283-285.
12. Чехов, А.П. Скучная история. *Из записок старого человека*./А.П. Чехов. Собр. соч. в 12 т. Т.6. – М.: ГИХЛ,1962. – С. 271-333.

13. Энгельс, Ф. К истории первобытной семьи (Баховен, Мак-Леннан, Морган). Предисловие к четвертому немецкому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. соч. в 9 т. Т.6. – М.: Политиздат, 1987. – С. 244-254.
14. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Указ. соч. Т. 1. – С. 223-482.
15. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Указ. соч. Т.6. – С.105-243.

FAMILY BUDGET IN GENDER DISBALANCE CONDITIONS

I. M. MYRAVETSKYI

Belgorod State University

e-mail:
ant-sn@mail.ru

The article observes the family budget in the traditional society where the man dominates the woman. The author discusses three budget models of the family.

Key words: family, budget, man, woman, power.

УДК 316.346.

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ

И. Э. НАДУТКИНА*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
nadutkina@bsu.edu.ru*

Изложена определенная позиция по формированию инноваций в управлении социальной сферой региона, которая по своей природе является весьма сложным образованием, призванным выполнять значительное количество функций в различных отраслях жизни регионального сообщества. Обосновывается тезис о том, что наибольшее количество проблем возникает при проведении крупных, радикальных нововведений в социальной сфере, которые требуют тщательной подготовки и создания определенных условий, позволяющих системе управления социальной сферой региона справиться с ними.

Ключевые слова: социальная сфера, инновация, инновационная политика, регион, инновационная восприимчивость, инфраструктура, управление.

Система управления социальной сферой региона, в процессе своего функционирования – реализации региональной социальной политики, подвержена большому количеству внешних воздействий, таких как государственная политика, региональная политика, законодательная база, наличие средств финансирования, инновационный потенциал региона, отношение населения.

Система управления социальной сферой региона, по своей природе является весьма сложным образованием, призванным выполнять значительное количество функций в различных отраслях жизни регионального сообщества. Динамичность регионального сообщества объективно ориентирована на нововведения, что предопределяет проведение инновационных проектов в сфере управления. Для реализации инновационных проектов в сфере управления социальной сферой требуется использование аналитических методов и разработка стратегии управления изменениями. Причем, как показывает опыт практической деятельности, требуется вести работу и со сторонниками и противниками инноваций. От степени новизны, глубины и масштабов преобразований инновации зависит уровень сопротивления изменениям, степень сложности, неопределенности и риска при проведении преобразований в социальной сфере региона.

Наибольшее количество проблем и трудностей возникает при проведении крупных, радикальных нововведений, которые требуют тщательной подготовки и создания определенных условий, позволяющих системе управления справиться с ними. Чем радикальнее и масштабнее преобразования, тем сильнее сопротивление, выше риск, сложность и неопределенность результатов и последствий изменений.

Если рассматривать инновации в государственной и региональной политике управления в рамках традиционной схемы – спроса и предложения, когда они являются реакцией на сдвиги во внешней среде, то можно выделить Во-первых, это новые потребности, появление которых создает мощный стимул для процесса обновления и нововведений в самых различных областях человеческой жизнедеятельности. Поэтому так важно определить и изучить эти потребности, особенно если они только начинают проявляться. Во-вторых, это новые продукты, включая товары и услуги, призванные удовлетворить существующие потребности, а также новые методы и технологии деятельности.

Целесообразно отметить, что определение направленности нововведений в отрасли управления социальной сферой региона не представляется сбалансированным по принципу равномерного распределения. Особенностью является то, что традиционная схема в процессе управления социальной сферой реализуется далеко не всегда, поскольку спрос населения на социальное обеспечение удовлетворяется далеко не всегда. В связи с чем, и актуализируется задача разработки инновационных подходов управления данной сферой.

Приведем общую модель, позволяющую, на наш взгляд, наиболее верно оценить всю совокупность факторов, влияющих на готовность отдельных структурных подразделений системы управления социальной сферой к инновациям, и назовем основные этапы анализа инновационной восприимчивости региона. Основными элементами анализа инноваций можем считать силы изменения: внутренние, внешние, наличие факторов сопротивления и торможения, состояние инновационного климата в регионе, организационную структуру управления инновациями, а также сам процесс развития инноваций.

Среди направлений внедрения инноваций, доминирующими можно, на наш взгляд, назвать: повышение доходов населения; повышение качества социального обслуживания населения (что, по сути, является основными задачами органов управления социальной сферой региона); устранение недостатков в текущей работе системы управления социальной сферой (что в целом свидетельствует о наличии таковых и должно быть изучено с использованием корреляционных методов обработки конкретных данных).

Особого внимания требует проработка вопроса о способности руководителей различных уровней успешно проводить изменения, что является важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при подготовке и внедрении инноваций в сфере управления. Указанная способность руководителей должна быть основана на двух личностно-профессиональных качествах: развитости аналитических способностей и развитости управленческих навыков. Наличие указанных профессиональных компетенций необходимо для разработки стратегии и определения целей, с учетом характера и запросов внешней среды, каковой является социальная сфера региона. Помимо этого большое значение имеет тот факт, что организационные изменения обычно растянуты на длительный период и их успешная реализация связана с умением планировать, мотивировать и контролировать работу сотрудников.

Вопросы формирования оптимальной мотивационной схемы для работников системы управления социальной сферой региона рационально исследовать в ходе организации и проведения исследований, в том числе и социологических. Оптимальная мотивационная схема для работников системы управления социальной сферой региона может быть рассмотрена и как возможный вариант преодоления сопротивления сотрудников инновационным изменениям.

Среди факторов, влияющих на повышение эффективности деятельности работников системы управления социальной сферой региона в целом, могут быть выделены: повышение статуса региональной/муниципальной службы, предоставление большего объема полномочий, существенное повышение заработной платы, создание эффективной системы повышения квалификации, сотрудничество с исследовательскими центрами, занимающимися социальными проблемами, совершенствование федеральной и региональной нормативно-правовой базы в области управления социальной сферой.

Доминирующими факторами, влияющими на повышение эффективности деятельности работников системы управления социальной сферой региона, вполне могут быть определены совершенствование федеральной и региональной нормативно-правовой базы в области управления социальной сферой и повышение статуса региональной и муниципальной службы. Значимо развитие взаимодействия органов управления социальной сферой региона с научно-исследовательскими центрами, институтами и структурными подразделениями высших учебных заведений, занимающихся изучением проблем социальной сферы.

Проводя анализ состояния и восприимчивости системы управления социальной сферой региона к инновациям, необходимо обратиться к рассмотрению оценки наиболее остро стоящих проблем по степени их значимости. Среди проблем могут быть выделены: слабое взаимодействие структурных подразделений при решении задач системы управления социальной сферой региона; недостаточное финансирование; отсутствие поддержки со стороны населения.

Анализ функционирования системы управления социальной сферой региона должен включать показатели информационной обеспеченности управленческой деятельности, соответственно, будет возникать потребность подробного описания модели организации информационной подсистемы управления социальной сферой региона. В процессе выявления особенностей организации информационной подсистемы рации-

нально провести эту оценку с учетом таких показателей как: уровень общей информированности сотрудников; частота использования отраслевой информации в процессе работы; достаточность объема получаемой информации; приоритетность видов информационных потоков; техническая оснащенность структурных подразделений системы управления социальной сферой региона. В этом отношении информированность как оценочная категория совмещает уровень профессиональных знаний, установки и представления о лично значимых элементах социальной сферы региона, что представляется значимым, поскольку информированность является прямым следствием интенсификации информационных процессов, ускорением развития человеческого потенциала. Важным элементом характеристики степени информированности сотрудников органов управления социальной сферой региона является определение уровня информированности о деятельности органов управления по решению проблем социального пространства.

Данные показатели важны, например, в связи с вопросом повышения уровня достоверности информации, что также играет существенную роль в дальнейшем построении инновационной информационной базы. Для оценки приоритетности видов информационных потоков, используемых в процессе управления, в ходе исследования необходимо выявить наиболее востребованные виды информационных носителей, используемых в работе органов управления социальной сферой региона.

Таким образом, представляется, что различным явлениям общественной жизни региона, наряду с количественной определенностью присуща качественная определенность, которые неразрывно связаны между собой, что определяет необходимость применения качественно новых методов организации информационно-аналитического обеспечения системы управления социальной сферой региона, в частности, такой инновационно ориентированной деятельности, которую можно проводить на основе создаваемого социального паспорта населения региона. Правомерным является предположение о возможности внедрения инновационных проектов в рамках системы управления социальной сферой региона, ориентированных на использование технического (компьютерного) потенциала подсистем входящих в нее организаций.

Приведенный синергетический подход анализа инновационной восприимчивости региона, позволяет, на наш взгляд, наиболее логично представить совокупность факторов, влияющих на готовность отдельных структурных подразделений системы управления социальной сферой к инновациям, и в самом общем виде представить вопрос о возможности оценки инновационной восприимчивости региона.

ANALYSIS OF INNOVATIVE REGIONAL CONTROL SYSTEM IN SOCIAL SPHERE

I. E. NADUTKINA

Belgorod State University

*e-mail:
nadutkina@bsu.edu.ru*

In this article the certain position on the formation of innovation in the management of regional social sphere is stated. This sphere is a very complex formation which should be able to perform a significant number of functions in different branches of regional society life. The proof of the point of several problems in this sphere is also given here. These problems appear in organization of big radical innovations in social sphere. They require special training skills and creation of specified conditions that allow the regional control system of social sphere to cope with these problems.

Key words: social sphere, innovation, innovative policy, region, innovative susceptibility, infrastructure, management.

УДК 130.2

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА

О. В. ПЫЖОВА

*Курский государственный
медицинский университет*
e-mail: olvp@bk.ru

В данной статье рассматривается проблема формирования и функционирования этнического образа мира, проанализированы его типичные трактовки в современном гуманитарном знании. Автор показывает философские и культурные аспекты главных компонентов, которые составляют его структуру. Особое внимание обращено на философскую интерпретацию таких понятий как «образ мира», «картина мира», «этнос», «национальное самосознание», «национальный характер», «этнокультурный стереотип».

Ключевые слова: образ мира, картина мира, этнос, национальное самосознание, национальный характер, этнокультурный стереотип.

Определенный набор знаний об окружающем мире и представлений о своем месте в нем позволяет тому или иному этносу сформировать свой собственный образ мира. При обсуждении этой вечно актуальной темы свои роли играют такие категории, как только что упомянутый «образ мира», «этническое (национальное) самосознание», «национальный характер», «дух народа», «менталитет», «этнокультурный стереотип» и ряд т.п. Ключевым для современной философии культуры нам представляется именно «образ мира».

Понятие «образ мира» в различные гуманитарные науки пришло, вероятно, из психологии. А.Н. Леонтьев в свое время определил, что «образ мира — методологическая установка, предписывающая исследование когнитивных процессов индивида в контексте его субъективной картины мира, как она складывается у этого индивида на протяжении развития познавательной деятельности. Это — многомерный образ мира, образ реальности»¹. Применима данная категория не только к индивиду, но и к целому социуму. «В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видения мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа»².

В современной психолингвистике образ мира понимается как «отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии»³. При этом было бы неправомерным в контексте этнокультуры отождествлять понятия «образ мира» и «картина мира», которые в области исследований психологии воспринимаются как равнозначные, обозначающие одни явления. Большинство исследователей считают, что образ мира — это определенная система, комплекс созданных человеком явлений реальности, который постоянно расширяется и обусловлен принадлежностью человека к определенной культуре. Образ мира развивается в процессе формирования сознания, является его проявлением и, тем самым, отражает его структуру. К тому же «образ мира» обусловлен этнически и предполагает постижение человеком окружающего мира через этническую культуру своего народа. Образ, находясь с понятием картина мира во взаимосвязанных, но не взаимозаменяемых отношениях, будет по большей части субъективен. Поэтому применительно к философско-культурологическим аспектам изучения особенностей мировосприятия различными этносами наиболее целесообразным

¹ Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. — С. 3-13.

² Леонтьев А.А. Язык, сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М., 1993. — С. 16-21.

³ Леонтьев А.А. Основы психолингвистики // www.pedlib.ru/Books/3/0307/3_0307-175.shtml.

представляется использование именно категории «образ мира». В этой связи необходимо обозначить четкую позицию в понимании понятия «этнос» в философии культуры.

Этнос, обладая собственной идентичностью наряду с личностью, социальной группой, культурной общностью, безусловно, является субъектом мировосприятия, носителем и хранителем духовного опыта, приобретая и используя знания, прежде всего из внеаучной сферы. При этом различная деятельность отдельной личности, коллектива, общества, этноса всегда представляла собой бинарность материальной и духовной сфер. Другими словами, в любой деятельности материя и сознание, теория и практика, объект и субъект тесно связаны между собой, что дает основание полагать, что этнос, являясь субъектом социальной деятельности, выступает одновременно и субъектом мировосприятия. В пользу этого довода говорит и то, что каждый этнос на уровне национальной общности строит свою внутреннюю жизнь, познавая свои внутренние законы функционирования и выстраивая свое видение мира и окружающей действительности. «Элементы образа мира носят общечеловеческий характер, но их содержание, а главное, понимание, осмысление и оценка специфичны для каждого народа. Народ, нация (этнос) вырабатывает систему оценок своего Космоса и самих себя в нем с позиций добра и зла. Категории добра и зла архетипичны и присутствуют в любой культуре, однако содержание их меняется, развивается, наполняется разными смыслами в различных культурах»⁴.

В гуманитарной науке и политической, культурной практике этнос используется очень часто. И столь же часто наблюдается неоднозначность и противоречивость в определении его содержания среди современных исследователей, поскольку этнос является междисциплинарным понятием. «Этнические общности, или этносы складываются исторически на определенных территориях и представляют собой устойчивые множества людей, объединенные одинаковыми языками, культурами, а также сознанием того, что входящие в них люди принадлежат к своим общностям и отличаются от других подобных множеств. Характерные черты этносов, их языки, культуры и иные свойства передаются из поколения в поколение»⁵, – таким определением этноса дается в современной этнологии, в том числе почти во всех случаях, когда речь идет о народе или даже нации. Существует также еще несколько понятий, обозначающих некую общность людей. Так, в работах Л.Н. Гумилева этнос представлен как аналог термина «цивилизация», наряду с «культурно-историческими типами» Н.Я. Данилевского, «великими культурами» О. Шпенглера и «метакультурами» П.А. Сорокина.

Однако в качестве вполне эвристического подхода с философско-культурологических позиций возможно принять следующий вариант определения «этноса — общности людей с едиными ценностными ориентациями, которые, будучи обеспечены эндогамией и языком, даны в символах и проявляются в стиле культуры и образе жизни»⁶.

Одну из ведущих ролей в функционировании этноса играет осознание его представителями своей специфической общности или, другими словами, этническое самосознание, присутствующее в самосознании каждого представителя этноса имплицитно. Так, «члены этнического коллектива осознают собственную идентичность, определенную тождественность, «одинаковость всех членов этноса и в то же время отличают себя от других этнических коллективов. Формирование национально-этнического самосознания происходит по схеме «мы» и «они». При этом, как правило, формируется предпочтительная, завышенная оценка собственной этнической группы и недооценка внешних этнических коллективов. Такой идеей, к примеру, является негритюд – теория, утверждающая абсолютную исключительность и самобытность духовного мира, психологии и культуры африканцев»⁷ и являющаяся одним из предметов исследования этнофилософии. Однако сам процесс становления и формирования этнического самосознания может быть довольно длительным. В современной науке выделяют три основные фазы национальной идентификации:

⁴ Тихонов А.С. Целостность психического и национального // Регионология. 2008. №3. // www.regionsar.ru/node/164.

⁵ Этнология / Под ред. Миськовой Е.В., Мехедова Н.Л., Пименова В.В. М., 2005. – С. 135.

⁶ Рыбаков С.Е. Национализм и нация // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. – С. 4.

⁷ Щеглова Л.В., Шишулина Н.Б., Суродина Н.Р. Культура и этнос. Волгоград, 2002. – С. 78.

1. Фаза этнодифференциации. На этой фазе происходит осознание особенностей своей общности, отличий «мы» от «они». Речь идет об определении этнонима (самоназвания), мифологизации прошлого общности, ее «почвы» (территории, языка, культуры, религии).

2. Фаза выработка авто- и гетеростереотипов. В рамках данной фазы складываются представления о национальном характере, психическом складе, темпераменте типичного представителя общности. Для описания такого типичного представителя обычно используется термин «модальная личность», либо понятие «этноиндивидуальность».

Фаза формулирования национального идеала. Эта фаза является своего рода синтезом двух предыдущих, поскольку включает себя не только оценку своего этноса, но и представление о его социально-исторических задачах, предназначении, а также о господствующих ценностных ориентациях, специфических для данной общности. Основной функцией национальных идеалов является интеграция общности, остальные же функции (коммуникативная, компенсаторная, аксиологическая, прогностическая, адаптационная и другие) носят вспомогательный характер⁸.

Совершенно очевидно, что без самосознания нет этнической общности. При этом своеобразным эквивалентом этнической принадлежности в самосознании этнической общности, по мнению Ю.В. Бромлея, «выступает представление об определенной идентичности всех ее членов. Но этим самосознание этнической общности не исчерпывается. Оно содержит также представления о типичных чертах «своей» общности: ее свойствах и достижениях как целого»⁹.

С национальным самосознанием тесно связан национальный характер, который благодаря деятельности отдельных личностей, получает свое выражение в духовной деятельности этноса. Он представляет собой совокупность определенных черт, присущих представителям одного этноса, и проявляет себя во всех сферах жизни и деятельности его носителей. При всей спорности диагнозов и прогнозов относительно конкретных национальных судеб, при наличии в междисциплинарной теории этноса яростных концептуальных споров, все-таки общее понятие о национальном характере можно считать более или менее согласованным. Под таковым обычно понимают подвижную совокупность социально-психологических черт (ценностных установок, поведения, эмоционально-волевого склада деятельности, предпочтений в образе жизни и мысли), которые присущи определенному народу на некотором этапе его исторического развития.

Своеобразие психического покрова той или другой нации, суб- или наднациональных общностей людей, в конечном счете, обусловлено, видимо, естественно-географическими и социально-экономическими условиями формирования и длительного существования носителей данного этноса. Этот уклад народной психики (ментальность) проявляется в преданиях, обычаях, верованиях, обрядах, привычках и прочих традициях культуры, социальных нормах повседневного поведения. А эти традиции и нормы, в свою очередь, оказывают всепроникающее влияние на личную и общественную жизнь тех, кто причисляет себя к данному этносу.

Вряд ли можно указать на какую-то отдельно взятую черту в характере душевной организации того или другого народа, в присущем ему кругу стереотипов поведения, которой не найдется более или менее близких аналогов у совсем иного рода-племени. Понятие национального характера призвано отразить своеобразное сочетание общечеловеческих качеств, их специфический набор, неодинаковую пропорцию в мире, данного этноса с его неповторимой историей и собственной, тоже уникальной культурой.

Эту мысль убедительно развил современный структурализм в философии и, особенно в этнологии, продемонстрировавший глубинное единство внешне разнообразных напластований духовной и материальной жизни отдельных народов в разные исторические эпохи. «Совокупность обычаев одного народа всегда отмечена каким-то стилем, они образуют системы, — утверждал К. Леви-Стросс. — Я убежден, что число этих систем не является неограниченным и что человеческие общества, подобно отдельным лицам, в своих играх, мечтах или бредовых видениях никогда не творят в абсолютном смысле, а

⁸ Там же. — С. 80.

⁹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 2008. — С. 176.

довольствуются тем, что выбирают определенные сочетания в некоем наборе идей, который можно воссоздать»¹⁰. Таким образом «отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности – значит делать мир народов очень скучным и серым»¹¹, – предостерегал Д.С. Лихачев.

Однако в контексте философии культуры нас, прежде всего, интересует не весь национальный характер, а его интеллектуальная, познавательная подсистема, именно ум как ориентирующая часть души народа. Согласно точному определению Г.Д. Гачева, «не психология, а, так сказать, гносеология, национальная... «логика», склад мышления: какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир...»¹². Результатом и соответственно аккумулятором практического применения таких общенародных мыслительных тенденций становится тот особый образ мира, некоторый тип привычного решения вечных проблем жизни и культуры, который присуще определенному этносу и который стремятся описать, оценить его собственные и чужеземные философы, идеологи. К сожалению (а может быть, и к счастью), подобные реконструкции национального менталитета и особенно логики национального мышления были и остаются чаще всего вполне субъективистскими и потому спорными.

Национальный тип мысли выступает как достаточно условное обозначение той совокупности акцентов, что расставляет в общечеловеческой логике и методологии познания история борьбы данного народа с природой и другими народами, а также опыт его же международного сотрудничества, за многие века.

Эмоциональнее и ярче национальный характер проявляет себя в составе этнокультурных стереотипов. Характер сознания любого этноса объединяет множество черт, большинство из которых диадично до биполярности, «плюс-минусно». «Существование их непросто доказать. Особенно если каждой черте противостоят как некие противовесы и другие черты: щедрости — скупость (чаще всего неоправданная), доброте — злость (опять-таки неоправданная), любви к свободе — стремление к деспотизму и т. д.»¹³. Сквозь призму подобных стереотипов осуществляются восприятие и познание людьми друг друга в условиях внутри- и межэтнического общения. А значит, этническими образами социумов во многом регулируется их практическая деятельность. Во всяком случае, у истоков любого международного сотрудничества или, напротив, конфликта лежит именно та или иная этническая стереотипизация — образ нейтрала, партнера или врага. «Мы» и «они» сопоставляются, как правило, одновременно и с позиций культурного обмена, взаимовыгодного сосуществования, и с точки зрения противопоставления, при определенных условиях доходящего до враждебности ко всем «чужим».

Американский публицист Уолтер Липпман, описавший в своей книге «Общественное мнение» (1922) первую концепцию стереотипов, определял их как «упорядоченные, типичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права»¹⁴. Его концепция основывалась на том, что человек не обладает прямым и объективным знанием об окружающем мире, а создает в сознании сам или под внешним влиянием некие картины или образы мира, которые становятся результатом субъективного мировосприятия. «В этих «картинах мира» мир отличается от реального, беспорядочного: он расчленен на категории, и категориям присвоены ярлыки. Этот «внутренний» мир субъективен и недостоверен, но зато он, по крайней мере, осязаемый, устойчивый, в нем можно ориентироваться и действовать. Базовые элементы этого упрощенного мира Липпман и назвал стереотипами (от греч. stereos — «твердый» + typos — «отпечаток»), обыгрывая все смыслы этого типографского термина, обозначающего твердую копию, снятую с чего-то реального и предназначенную для многократного

¹⁰ Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 2004. – С. 78.

¹¹ Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., 1984. – С. 40.

¹² Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М., 2008. – С. 44.

¹³ Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. – С. 5.

¹⁴ См. подробнее: Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996. – С. 67-74.

получения с нее отпечатков (то есть копий копий). Другими словами, Липпман определял стереотипы как «образы в нашем сознании» (the pictures in our heads), и, во многом благодаря ему, стало возможным лучше понимать закономерности формирования и функционирования общественного мнения, в том числе и так называемых «этнокультурных стереотипов».

В настоящее время феномен этнокультурного стереотипа, наряду с этносом, образом мира, является междисциплинарным понятием и находится в центре пристального внимания многих гуманитарных наук, представители которых выделяют в нем те свойства и признаки, которые представляют научный интерес в рамках их области исследования. С философско-культурологических позиций понимание этнического стереотипа сближается с психологическим определением, согласно которому «этнические стереотипы — относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. В содержании этнических стереотипов, как правило, зафиксированы оценочные мнения об указанных качествах»¹⁵.

Важно отметить, что «этнокультурные стереотипы строятся на основе представлений, сформированных фольклорно-мифологическим сознанием и бытующих в системе традиционной культуры. Это не просто оценочный образ «чужого», зафиксированный в языке (номинативные модели, паремии), но значимый концепт, составляющий непреходящий элемент картины мира»¹⁶. И именно такие стереотипы, как правило, играют «структурообразующую и этнодифференцирующую роли, особо значимые для самоосознания и самопознания этноса (представления о «своем» и «чужом» народе, «своей» и «чужой» религии, обрядности и системе ценностей)»¹⁷.

В результате этнодифференциации в сознании этноса происходит формирование и фиксирование своего образа и образа других этносов. В свою очередь «сила влияния реальных отношений между этносами на стереотипы может быть продемонстрирована на примере феномена “зеркального образа”, когда члены двух конфликтующих групп приписывают идентичные положительные черты себе (автостереотипы), а идентичные пороки — противникам (гетеростереотипы)»¹⁸. Несовпадение автостереотипов одного народа с гетеростереотипом другого может крайне отрицательно сказаться на межкультурном общении, создавая определенные сложности в восприятии друг друга.

Заметим, что и авто- и гетеростереотипы носят обобщающий характер, представляют собой некий обобщенный образ другого этноса, упрощая, огрубляя и генерализируя его, а также имеют логическую форму суждения, способность упрощать и эмоционально приписывать тому или иному этносу определенные установки или отказывать им в них. Каждый этнос имеет несколько национальных черт характера, присущих большинству его представителей, которыми он отличается от всех остальных этносов. В свое время В.И. Даль в «Пословицах русского народа» отмечал: «немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает); «настоящий немец (точен, педант, причудлив); «настоящий англичанин (т.е. корчит барина, тороват, чудак и делает все по-своему); «сущий итальянец (т.е. пройдоха); «это — сущий француз (т.е. говорлив и опрометчив); «грек скажет правду однажды в год» и т. д.¹⁹. Но не только паремии демонстрируют различные черты национального характера того или иного этноса. И поэты не обошли его вниманием, например, стихотворение К.Д. Бальмонта «Похвала уму»:

«И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум английский и светлый и туманный,
Как море вокруг несчетных; островов.

¹⁵ Психологический словарь «Планета» // www.pbi.ru/dic/ie/ie_37.htm.

¹⁶ Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2006 // www.ruthenia.ru/folklore/belova10.htm.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ткачева Е.Б. Этнические стереотипы. // www.sociologist.nm.ru/study/seminar_45a.htm.

¹⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2008. — С. 242.

Бесстыдный ум француза, ум немецкий —
Строительный, тяжелый и тупой,
Ум русский — исступленно-молодецкий,
Ум скандинавский — вещей и слепой.
Испанский ум, как будто весь багряный,
Горячий, как роскошный цвет гвоздик,
Ум итальянский — сладкий, как обманы,
Утонченный, как у мадонны лик.
Как меч, как властный голос — ум латинский,
Ум эллинский — язык полубогов,
Индийский ум, кошмарно-исполинский, —
Свод радуги, богатство всех тонов.
Я вижу: волны мира многопенны,
Я здесь стою на звонком берегу,
И кто б ты ни был, Дух, пред кем мы пленны,
Привет мой всем — и брату и врагу»²⁰.

Примером также могут служить и общеизвестные анекдоты, по сюжету которых представители разных национальностей попадают в одну и ту же ситуацию, но реагируют на нее по-разному, то есть в соответствии со стереотипами, существующими в их стране. Так, «главной чертой у русских выделяется доброта, у француза — любвеобильность, у немца — аккуратность, у американца — патриотизм, на втором месте у русских — терпеливость, у французов — жизнелюбие, у немца — пунктуальность, у американца — деловитость и т.д. Данные стереотипы актуализируются в групповом сознании, когда отношения приобретают конфликтный характер, а этническая принадлежность выступает как знак или символ позитивной или негативной установки; эти реалии требуют научной интерпретации»²¹.

Кроме того, когнитивный компонент этнических стереотипов может проявляться в формировании предубеждений, предрассудков, суеверий с преобладанием негативной коннотации в отношении «чужих». Вместе с тем, этнокультурные стереотипы не могут претендовать на объективную информацию о другом народе. Это не знание о народе, некие сведения, представления о нем, которые формируются задолго до того, как представители различных этнических групп вступают в непосредственное общение. Этому способствуют уроки истории и литературы в школе, Интернет, СМИ (телевидение, пресса, радио), книги, рассказы соотечественников, побывавших в другой стране. Со временем вышеназванные информационные источники могут оказывать значительное влияние на процесс межкультурной коммуникации, а в ряде случаев даже определять ее позитивную или негативную окраску.

В заключение отметим, что само по себе стремление вычлнить национальные образы мысли представляется весьма плодотворным, необходимым. Стоит только в который раз оговорить относительность, даже тенденциозность всяких однозначных определений логики и психологии определенного этноса. Перед нами далеко не столь устойчивая закономерность, как, допустим, пигментация кожи у разных рас или же строй речи у разных «языковых семей», но не более чем уклон в массовых умонастроениях некоторого народа или влиятельной его части в определенную эпоху.

Список литературы

1. Леонтьев А.Н. Психология образа / А.Н. Леонтьев. Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2.
2. Леонтьев А.А. Язык, сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. 174с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с. // www.pedlib.ru/Books/3/0307/3_0307-175.shtml.
4. Тихонов А.С. Целостность психического и национального / А.С. Тихонов. Регионоведение. 2008. №3. // www.regionsar.ru/node/164.

²⁰ Бальмонт К.Д. Стозвучные песни. Ярославль, 1990. С. 88.

²¹ Ткачева Е.Б. Этнические стереотипы. // www.sociologist.nm.ru/study/seminar_45a.htm.

5. Этнология: Учебное пособие для вузов / Под ред. Миськовой Е.В., Мехедова Н.Л., Пименова В.В. М.: Академический Проект/Культура, 2005. 624 с.
6. Рыбаков С.Е. Национализм и нация // Этнографическое обозрение. 1999. № 4.
7. Щеглова Л.В., Шипулина Н.Б., Суродина Н.Р. Культура и этнос: Учебное пособие для самостоятельной работы студентов. Волгоград: Перемена, 2002. 152 с.
8. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: ЛКИ, 2008. 440 с.
9. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984. 248 с.
10. Лихачев Д.С. Заметки о русском. М.: Сов. Россия, 1984. 64 с.
11. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М.: Сов. Писатель, 1988. 445 с.
12. Лихачев Д.С. О национальном характере русских / Д.С. Лихачев. Вопросы философии. 1990. № 4.
13. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 216 с.
14. Психологический словарь «Планея» // www.pbi.ru/dic/ie/ie_37.htm.
15. Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2006 // www.ruthenia.ru/folklore/belova10.htm.
16. Ткачева Е.Б. Этнические стереотипы. // www.sociologist.nm.ru/study/seminar_45a.htm.
17. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Астрель, 2008. 750 с.
18. Бальмонт К.Д. Стозвучные песни. Ярославль: Верхнее-Волжское книж. изд., 1990. 336 с.

PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ASPECTS OF ETHNICAL WORLD MODEL

O. V. PYZHOVA

*Kursk State Medical
University*

e-mail: olvp@bk.ru

The concept of ethnical world model is very often used in modern linguistics but its philosophical meaning is very far from the complete understanding. In this article the problem of the formation and functioning of the ethnical world model is considered. The author reveals the philosophical and cultural aspects of the main components which make up its structure. Special attention is paid to the philosophical interpreting of such notions as «world model», «image of the world», «national consciousness», «ethno cultural stereotype», «national character», «ethnos».

Key words: world model, image of the world, national consciousness, ethno cultural stereotype, national character, ethnos.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ХРИСТИАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ (Я И ТЫ)

П. Г. ТАРАСОВ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
TarasovPavel@bsu.edu.ru*

Исследуется специфика диалогической динамики христианского слова, его внутренние закономерности и механизмы формирования. Оценивается степень преемственности данной идеи в трудах виднейших представителей Восточной и Западной патристики. Анализируются положения христианской мистики и догматики, имеющие прямое отношение к структуре и особенностям теологического дискурса.

Ключевые слова: Плотин, Ориген, Филон Александрийский, св. Григорий Нисский, Блаженный Августин, Логос, самопознание, Бог, душа, созерцание, диалог.

С рассветом христианства философия уступала место теологии. Философ ищет высшее, Бога и истину, а верующему Бог раскрывает истину в своем Откровении, Бог сам овладевает верующим, как может овладевать нами какая-нибудь личность. В теизме Бог – это абсолют, но абсолют личностный, коему в молитве говорят «Ты». Основным оказывается отношение «Я – Ты» между верующим и личным Богом.

В политеизме (язычестве) «боги» растворяются в абсолюте, который никогда не бывает личностным. Даже в индуизме бог есть лишь проявление некоего безличного абсолюта, причем столь же условное, как и мир, который призван исчезнуть в чистой самоуглубленности, в полной самотождественности. Эта тождественность не знает «другого» и поглощает всякое личное отношение. Греческие философы полагали над этими богами не Лицо, а некий высший мир стабильности и света, сферу красоты безличностного бытия. Так это у Платона, у Аристотеля и стоиков. У Плотина «ум» (*νοῦς*) и «бытие» тождественны: вещь существует, так как она мыслится; мысль существует, так как вещь сводится в конечном счете к интеллектуальной сущности. В Едином отсутствует отношение «Я – Ты». В неоплатонизме познание невозможно, так как в мистическом растворении в абсолюте исчезает различие между познающим и познаваемым.

В иудаизме бог скрывает глубины своей природы. Он проявляет себя лишь своей властью. Имя его непроницаемо. Он окружает себя неприступным светом. Человек не способен увидеть его и остаться живым. С этой страшной божественной монадой невозможно встреча лицом к лицу. Глаголы только от Бога; от человека лишь мрак послушания и веры. В иудаизме познание бога запрещается.

В христианстве божественная природа сообщается человеческой, чтобы ее обожить. Непонятно было следующее: 1) как единый и трансцендентный Бог, не имеющий общей меры с человеком, может иметь Сына, который сам есть Бог и в то же время униженный и распятый человек («соблазн для иудеев?»); 2) для эллинов безумие: как безличный Абсолют может воплотиться в личности, как Бог может стать тем, что необходимо преодолеть?

Теология претендовала на создание вселенского языка. Отцы церкви стремились очистить язык философов и мистиков от политеизма. Требование ясности заменялось претензией на глубину гнозиса, выражаемого в догматах откровения. Откровение всегда есть откровение кому-то. Оно состоит из встреч, которые образуют историю, историческую реальность. Бог познается в откровении как в личном общении. Откровение есть объемлющее нас «теокосмическое» отношение. Человек теперь пребывает внутри отношения между Богом и миром. То есть откровение не знает ничего «внешнего». В диалектике откровения имманентность позволяет нам именовать трансцендентное. Попытки мыслить бога в нем самом повергают нас в молчание, так как бесконечное нельзя заключить в слово. Отсюда путь отрицаний в познании Бога. Апофатическое богословие стремится познать Бога в том, что он не есть. Плотин на этом пути из философа превращался

в мистика. Путь последовательных отрицаний мог приводить к обезличиванию Бога. Логике такого обезличивания выявил Спиноза в своей пантеистической системе. Апофатизм ведет к исключению таких атрибутов, как благодать, любовь и мудрость. Бог в своей природе непознаваем, но верующий говорит ему «Ты». Говорит так лишь в молитвах. Бог ничем не определяем, потому Он и личен. В молитвах открывается его мудрость, любовь и благодать. В этом смысле толкует «Песнь песней» Григорий Нисский. Бог – это возлюбленный, который появляется и ускользает. Чем более душа его познает, тем более он от нее ускользает, тем более она его любит. Чем более она полна им, тем более обнаруживает его трансцендентность. Бог становится бесконечным, и в этом бесконечном раскрытии души непрестанно восполняется любовь. Так Григорий Нисский определяет религиозное понятие блаженства. Если бы человек знал природу Бога, он сам был бы богом. В 19 в. Л. Фейербах заявил, что антропология и есть вся теология. Плотинский экстаз – это неизреченное слияние. Христианство говорило о том, что только в стремлении к слиянию с Богом человек становится полноценной личностью. Это такое соединение, которое завершает откровение как встречу и приобщение. Исключается растворение в безличном.

Уже греческая философия славилась голосом и небесную красоту божественного. Нельзя забывать трагический смысл рока в греческом театре, обостренный аскетизм Платона, который призывал философа умерщвлять телесное, его дуализм между чувственным и умопостижимым. Античность завершалась так же манихейством. Вспоминая свою молодость, Августин говорил, что он не нашел у Плотина самого важного: что божественное Слово пришло в мир и мир не принял его, что Слово стало плотью и что «Сын может быть равен Отцу».

Христианство было парадоксальным феноменом, не только ставшим продуктом восточно-западного синтеза, но и явившим миру новое начало, связанное с пониманием бытия как Слова. Начало, которое знаменовало рождение нового диалога с культурной традицией, диалога, в котором личная связь всегда была доминирующим началом. Этот нескончаемый диалог коренится в сути самого бытия, в сути Слова. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Так гласит Евангелие от Иоанна. Речь идет о воплотившемся Слове Божиим как $\alpha\rho\upsilon\eta$, начале всего сущего. Сказанное таким образом, оно могло бы быть понято эллинскими философами, не говоря уже об александрийских толкователях. Филон учит о Логосе, «первородном Сыне Божиим». Казалось бы, рождающее Слово венчает собой развитие эллинской мысли. Но иудейское, лично слышимое, воплощенное слово Евангелия и греческий логос – понятия, несущие разные смысловые энергии. Иудейский «Давар» – это всегда личное, взывающее, требующее и приказывающее слово-речение, слово-действие. Адресованное всегда к личному, оно ко всему обращается по имени. Все сущее, наделенное словом, обретает свое вещное звучание и смысл. Это слово не только голоса, но и слуха. Оно всегда включает призыв «Слушай, Израиль», т.е. избранный Мною для слушания, будь готов услышать и уразуметь слово. Текст Торы становится говорящим, предполагая открытость неслышанного, ответ на вопросы и призыв к вопрошанию. В христианском Слове воплотился не только «Давар Яхве» иудеев, но и логос эллинов.

Что такое греческий логос? Сравним два изречения. «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть»¹. А вот слова Гераклита: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно»². На подобное сходство в понимании «Логоса»-«Слова» обращали внимание стоики, платоники и учителя Церкви, которые теологически истолковывали учение Гераклита о Логосе. При внешней схожести смыслов, очевидно разноречие. Через логос Гераклит понимал бытие как природу. Речь идет о логосе как форме оказывания и собирания всего сущего воедино. Логос взывает к бытию всего сущего, а не назначает к бытию. Все то, что относится к мудрости, – все это и есть логос. Логос позволяет всему сущему быть в согласовании и совместности, а тем самым быть обозреваемым, а значит, присутствовать в нескрываемости. Феномен логоса для греков есть основной путь мышления в постижении истины. Феномен логоса об-

¹ Библия. Книги Ветхого Завета: Петая книга Моисеева. Второзаконие// Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М: Протестант, 1992. – С. 196.

² Фрагменты ранних греческих философов. М: Наука, 1989. Ч.1. – С. 199.

разуется центр основных вопросов платоновской философии. В «Федре» Платон говорит, что логос состоит в умении соединять различное в надлежащем согласовании, чтобы каждая часть соответствовала целому. Важно разрозненное свести к одному виду так, чтобы видеть и понимать все из одного и строго определенного вида. Это делает логос посредником между чувственным миром и миром идеальным. При всем различии логоса эллинов и Давар Яхве иудеев очевидно, что Слово Христа в своем самобытном начале несет в себе энергию двух культур. Это слово звучащих голосов пророков и площадное слово, откровение и умозрение, слово Бога к человеку и слово человека о Боге – эти две энергии сосредоточены в одном духовном опыте, новом духе единого слова. В нем встретились пророческая мысль древних евреев и эллинская «мудрость».

В эпоху эллинизма происходит встреча библейской традиции и греческой философии. Автор «Книги Соломоновой мудрости» Филон Александрийский одним из первых среди приверженцев иудаизма попытался усвоить «понятийный аппарат» греческой философии. Ветхозаветный опыт веры постепенно переводится на язык теологической догматики. На понимание «живого» Бога налагается разработанная Платоном и Аристотелем концепция самотождественной и неаффицируемой чистой сущности, присущей Демиургу Платона и неподвижному перводвижителю Аристотеля. Демиург в «Тимее» Платона отождествлялся с Богом Книги Бытия. Уже на ином уровне развития теизма личностное понимание Бога привело в христианстве к концепции богочеловечества, которая получила свое выражение в догмате о Боговоплощении. Бог раскрывается в исторически неповторимом человеческом лице Иисуса Христа. Иудаизм на вызов христианства ответил подчеркиванием трансцендентности Бога и критикой догмата Троичности во имя строгого монотеизма.

Следует еще раз отметить, что спекулятивная теология христианства развивалась по линии усвоения идей греческой философии. Бог, воспринимавшийся в непосредственной жизненной сфере как живой Бог Библии, описывался теологами с помощью идей чистого бытия, абсолютного блага и абсолютной истины, имеющей характер Откровения. Греческая философия в христианстве получает название язычества. Термин «язычество», разработанный в теологии, обозначает нетеистические религиозные верования по признаку их противоположности теизму. Христианство в плане идейной структуры есть разновидность теизма, уходящего своими корнями в мир Ветхого Завета. Бог христианства есть единый и единственный, живой и личный «Бог Авраама, Исаака и Иакова» (Еванг. от Матфея, 22:32). Производный от греческого слова $\Theta\epsilon\omicron\varsigma$ теизм – это религиозное мировосприятие, исходящее из понимания Абсолюта как бесконечной божественной личности, трансцендентной миру всего сотворенного и телесного, свободно творящей мир и свободно миром оперирующей. Признание трансцендентности Бога неотделимо от признания Его постоянной активности, которая часто выливается в чудо. Основной предпосылкой теизма является более или менее осознанное противопоставление «личности» и «вещи», которое на теологическом языке выражается как противопоставление «нетварного» и «тварного». Когда личность понимается вещно, как сущее, тогда она выделяется только своей неповторимостью, т.е. особо интенсивной конечностью и ограниченностью. Если бесконечность также понимается вещно, скажем, как $\alpha\lambda\epsilon\iota\prime\omicron\nu$, тогда понятие бесконечной личности лишено какого-либо смысла.

Так обстоит дело для религиозно-философских учений, мыслящих Абсолют как некую сверхличную полноту бытия, которую можно духовно созерцать, в которой можно экстатически растворяться, но с которой нельзя вступить в личностный диалог («Единое» Парменида, «неосязаемая сущность» Платона и т.п.). Такого рода учения могут удерживать личностное понимание божественного на мифологическом и религиозно-психологическом уровнях. Но в них сугубо теистическая направленность воспринимается как угроза для чистоты интеллектуального созерцания. Теизм исходит из особого понимания как личности, так и бесконечности, которые оказываются между собой нераздельно и всегда связанными. Личность мыслится не как комбинация овеществляющих и ограничивающих частных определений, но как скрытая за этими определениями динамика неовеществляемой духовности или самосознания, отрешенного от всего вещного. Однако если в человеческой личности бесконечность самосознания сосуществует с ограниченностью психофизического индивида, тогда необходимо мыслить некое чистое «Я», где это

противоречие снимается. Этот ход мысли обнаруживается у некоторых мистиков иудаизма и ислама, согласно которым только Бог имеет право говорить о себе «Я».

Теистическое учение о Боге предполагает персоналистскую концепцию человека, т.е. разделение в нем «вещного», которое в составе человеческого «Я» включается в ряд «тварного», и «невещного», т.е. духовного. «Вещное» в человеческом «Я» дает основание к умозаключениям об ином «Я», сотворившем это ограниченное «Я». По словам Иоанна Скота Эриугены, человеческий ум не может свести себя ни к какой субстанции, однако он вполне способен уяснить себе свою сотворенность. «Невещное» в человеке осмысливается как «образ» и «подобие» Бога (Быт. I, 26). Интимная близость между человеческим «Я» и «Я» Бога признается не только эзотерической мистикой, но и ортодоксальным теизмом. Между этими «Я» может иметь место диалогическая взаимопроницаемость, но не тождество, поскольку оно сделало бы диалог уже невозможным. Грань между Богом и человеческим «Я», когда «Христос живет во мне», согласно изречению апостола Павла (Гал. II, 20), очень тонка. Но именно эта грань как раз и есть граница теизма. Противдействие мистике тождества, как и отмежевание от пантеистической эманации, – это постоянная проблема теизма. Бог продуцирует вещи и мир в целом не в силу необходимого истечения его бытийственной полноты, но в свободном волевом акте творения, акте выбора между самосущим одиночеством и любовным самоограничением в пользу творения. Бог в теизме понимается как сущность, наделенная атрибутом простоты, т.е. неделимости и несводимости к каким-либо составляющим частям. Такая же характеристика приписывается и человеческой душе. Это трудно согласовать с разделением бытия Бога на ноуменальный и феноменальный уровни. Отсюда споры о «несотворенном свете», позволяющем Богу – быть в явлении, полемика о Фаворском свете в православии (исихасты, Григорий Палама), То принимается, то отвергается учение о «нетварном» прообразе космоса, пребывающем внутри самого Бога. Трудность состоит в том, что для теизма положение «Все в Боге» и «Бог во всем» заключает в себе допущение, что Бог и «все», т.е. мир, разделены онтологической пропастью, В язычестве такого рода трудность не возникает вообще³.

Язычество есть религия самодовлеющего космоса, в отличие от теизма, который полагает над природой трансцендентную личность Бога. В язычестве все специфические человеческие характеристики, все социальное, личностное иди духовное в измерения Я в принципе приравнено к природному и составляет лишь магическую эманацию бытия как природы.

Диалектика единства и множественности предстает в язычестве как двойничество и оборотничество, как принципиальная неразличаемость личности и того, что лежит за ее пределами, во все-зачинающем и всепоглощающем лоне бытия-как-природы. Такого рода недифференцированность характеризует сущность язычества.

³ По этому вопросу нет однозначного мнения среди отцов восточного и западного христианства. Например, Ириней Лионский полагал, что эту онтологическую пропасть преодолевает Христос через воплощение и воскресение. Для Ириней Бог и мир, дух и материя не представляют первоначальной противоположности, противоположности по существу. Видимый мир не является для него чем-то несущественным и далеким от Бога, как для неоплатоников. Греческая церковь, по крайней мере, в своих руководящих кругах, начиная от III столетия и до настоящего времени, осталось верным греческой мистике поздней древности – неоплатонизму. – См.: Рудольф Кнопф. Происхождение и развитие христианских верований в загробную жизнь. // *Theologia teutonica contemporanea*. Германская мысль конца XIX – начала XX в. О религии, искусстве, философии: Сб. произведений / Сост., предисл., комм., пер., заключит. Статья Ивана Фокина. – СПб.: Изд – во С.- Петерб. ун-та, 2006 г. С. 142 – 143. Так же по этому вопросу дал свое определение Константинопольский собор 1117 г. На нем рассматривали заблуждения монаха Нила и митрополита Евстафия Никейского. Они вступили в христологический спор с армянскими монофизитами. Спор этот касался следующего вопроса: как рассматривать обожение человеческой природы во Христе? Было два альтернативных термина: обожение по усыновлению (θεοσι) и обожения по природе (φύσι). Армяне отстаивали обожение по природе, а Нил и Евстафий – по – усыновлению (т.е. по благодати). Таким образом, последние повторяли по существу несторианскую ересь осужденную ранее на 3 Вселенском соборе. Из их позиции следовало, что обожение человеческой природы во Христе в принципе не отличается от обожения по благодати всякого верующего, спасающегося во Христе. Собор решил, что термины «θεοσι» и «φύσι» неприемлемы для выражения модуса связи двух природ во Христе, поскольку они соединены особым уникальным ипостасным (т.е. таинственным) образом. – См: Давыденков О. Догматическое богословие. Курс лекций. Ч. I-II М., 1997. – С. 54.

Восприятие человека в Библии не менее телесное, чем античное. Но тело для этого восприятия – не гордая осанка, а боль, «не жест, а трепет»; уязвляемая потаенность нутра, а «не объемная пластика мускул». Это не есть тело, созерцаемое извне, но восчувствованное изнутри; это есть образ страждущего и терзаемого тела, в котором живет такая кровная и сердечная «теплота интимности, которая чужда статуарно выставляющему себя на показ телу эллинского атлета»⁴. Это есть «образ мягкой, чувствительной, болезненной незащищенности перед ударом»⁵.

В слове священных для христиан текстов, ветхозаветных и новозаветных, «выговаривает себя уязвимость и уязвленность, но такая, которая для слова есть одновременно возможность совершенно особой остроты и проникновенности.

В христианстве, напротив, путь к уподоблению Богу, согласно Исааку Ниневейскому, проходит через сострадание и плач. Отказ от красноречия и молчание перед смертным приговором мы встречаем в евангельском рассказе о суде над Иисусом. Свою победу он совершил через молчание. Христианская мысль эксплицируется в готовности слышать и быть услышанной. Усилия единичного человека в природном и социальном мире направлены не на космическое обстояние всего сущего, а на спасение каждого единичного «Я». С понятием спасение соотносятся страх и надежда, которые в горизонте христианского вероучения обретают новую смысловую значимость. Эта значимость оказывается разрешима только для спасения и как спасение. Терминологическое простираание данных концептов замыкается в парадоксальном сосуществовании близкого и бесконечно далекого. Кафаличность церковного начала, таинство Евхаристии делает нас в вере нашей близкими Богу, и в то же время Бог остается бесконечной целью человеческих устремлений.

Для классического античного миропонимания человек – это гражданин космоса, пользующийся своими неотчуждаемыми правами, которые опирались на принцип телесного достоинства человека. Для греков подвиг освящает любую цель. Над античной концепцией человека господствует образ Сократа, иронического мудреца, вынудившего афинян себя убить. Сократа нельзя вообразить плачущим, а Христа смеющимся. В условиях деспотии внешних и внутренних войн античное представление о достоинстве человека становится пустой фразой. Античное мирозерцание разрушалось христианскими мыслителями. Достоинство личности присуще человеку как образу Бога, оно даровано ему Божественной милостью. «Божие создания, – пишет Григорий Назианзин, – рай, эдем, слава, надежда, заповедь, дождь – истребитель мира, дождь – огонь с небес, а потом Закон – писаное врачевство, а потом Христос, соединивший Свой образ с нашим, что и моим страданиям подал помощь страждущий Бог и сделал меня богом через свое человечество»⁶.

Образ человека, свойственный христианскому представлению, парадоксален своей драматичностью: как *ens creatum*, он включен в порядок вещей мира и вынужден делить все страхи и тяготы природных существ, но, в отличие от них, душа человека делает его причастным Богу. Однако человеку дана возможность разрушить свое богоподобие, то есть стать на путь грехопадения. Свободная воля становится источником парадоксов и драматических переходов от избранничества к отверженности и обратно⁷. И для христианского понимания и для языческой античности человеческая природа сохраняет свой определенный статус среды всего сущего, но это уже не замкнутое, целостное представление о человеке, а мучительное раздвоение между бездной благодати и бездной гибели. Взятое на себя наглядное унижение и смирение есть средство возвышения себя. Если для классического античного понимания человек является гражданином космоса, то в христианстве он предстает царским сыном, терпящим позор, неподобающий его сану. Божественный статус человека в реальном мире скрыт покровом физического унижения, который ощутила на себе поздняя античность. Приход Бога в мир – это и есть мера вра-

⁴ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – С. 62.

⁵ Там же. – С. 64.

⁶ Богослов Г. Собрание творений: В 2 т. Т.2. Мн.: Харвест; М: АСТ, 2000. – С. 53-54.

⁷ См.: Каллист (Уэр), еп. Диоклейский. Смеем ли мы надеяться на спасение всех?: Ориген, Григорий Нисский, Исаак Ниневийский / пер.: Курт А. // Страницы. М., 2000. №Т5. – С. 16-36.

чевания людских душ, которая раскрывает перед человеком перспективу стать Богом, то есть перспективу восстановления своего достоинства. Человек – это образ и подобие Бога, тот образ, который оказался унижен и осквернен. Отсюда неизвестная античности скорбь об утраченном образе Божьем в человеке. Это не просто сентиментальный плач, но создание нового образа человека, выраженного в идее воплощения, в идее «вочеловечения» (ἐνανθρώπησις). «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины...» (Ин 1, 14). Христианское благовестие есть благовестие об Иисусе Христе. Он есть Слово, ставшее плотью, то есть он есть также Слово о человеке. Человек становится существом видимым лишь в зеркале Иисуса Христа. Бог и человек едины в Иисусе Христе, который есть истинный Бог и истинный человек. Именно с этого начинается христианское понимание человека. Иисус – это не изображение и не символ человеческой реальности в целом, человеческой жизни и смерти, страданий и побед. Он, прежде всего Эммануил, то есть «Бог с нами». В качестве человека он не может рассматриваться и оцениваться на основе какого-либо общего, заранее сложившегося мнения о человеке вообще.

Очерчивая горизонт возможного философского размышления о теологической проблематике, мы невольно оказываемся втянутыми в идущий веками спор. Как возможна мысль о Боге в контексте философского вопрошания? Каким образом реальность божественного обращается к нам своим настоящим смыслом, смысловым событием настоящего? Как для спрашивающей мысли возможен акт постижения божественного? Другими словами, каким образом Бог запрашивает нашу мысль, то есть в каком плане местом истины видится слово? Именуемый смысл и есть то, чем живет слово. Образ верующего сознания, выражаемый в едином слове, стал определяющим для целой эпохи. Осмысленное как исполнение бытия слово свершается тем основательнее, чем глубже мы вдумываемся в мысль и начинаем отчетливее слышать слово. Во внимании к слову насыщенный становится тот смысл, в котором мы мыслим бытие, в котором оно раскрывает себя нам. Мысль о Боге оказывается вопрошанием, в котором сказывается диалогичность самого слова. Этот диалог есть двухсторонний акт познания, предусматривающий активность спрашивающего и активность открывающегося. В теологии Бог сам в своем Откровении открывает себя верующему сознанию, способному воспринять Божественное слово. Молитвенный опыт личного самооткровения есть всегда опыт личного общения с Богом, с Богом всегда личностным. Отсюда внимание к пророческому слову, конституирующему безусловный характер отношений человека и Бога.

Философское осмысление христианского опыта раскрывает глубину опыта сознания, корнящегося в языке греческой философии, в языке Платона и Аристотеля, стоицизма и неоплатонизма. Понятие божественного в греческой мысли связано со всем сущим, благостным устроением космического порядка, в едином, гармоничном звучании красоты и света вне-личностного бытия. Более содержательный диалог оказывается возможным с неоплатониками как таким интеллектуальным горизонтом, в котором произрастало новое начало мира – мира христианского слова. Так, наставники катехизической школы, учрежденной в Александрии, Климент и Ориген, усвоив экзегетический метод Филона, сохранили эллинский дух в христианском миропонимании. То есть дух александрийских толкователей, присоединяющих к осмыслению Священного Писания весь корпус греческой философии, был вполне эллинским. Требование философской ясности и необходимой глубины гнозиса отвечало греческому истоку отцов церкви. Сила пророческого слова и речь христиан, имплицитная риторика и искусство диалектики греков, иудейская пророческая сила и эллинская мудрость, откровение и созерцание оказываются предельно сосредоточены в энергии напряженного многоголосия единого Слова. Это слово поражает своей открытостью, находящей свое предельное сосредоточение и глубину в молчании.

Эллинский соблазн, преследующий богослова как раз и сокрыт в интеллектуальной глубине, подчиняющей откровенную истину свету естественного разума. Исчезает непреложное чувство конкретного, подлинная взаимность личной встречи, живого общения «Я и Ты». Природа Бога не вне личности. Полнота божественной природы в триединстве и неслиянности Лиц Святой Троицы. Через личное приобщение вся полнота божественной природы сообщается верующему сознанию. Откровенный опыт – это опыт личной встречи, личного общения, в котором Бог открывает себя.

Духовный опыт Христианства, в своей изначальной укорененности в слове, предполагает уже определенную аналитику бытия. Оказываясь уединенным в своей сокровенной глубине, этот опыт таит и сосредоточивает в себе сокровенность различных смысловых энергий. Религиозная энергия есть энергия творящего слова. Эта энергичность начала, прозреваемая в мистическом опыте, обретает свое бесконечно значимое многоголосие в догматическом богословии, освещающем и хранимом церковной жизнью. В нем пробуждается, возвещаясь в едином созвучии онтологической единственности, внутренняя полифония слова. Речь идет о слове, в котором сосредоточивается и претворяется глубинный смысл всего сущего. Сама действительность христианства в своем судьбоносном свершении развертывает свою собственную историю, творимую в потоке времени. Это есть время всегда незавершенного диалога, открывающего новые смысловые измерения слова как такового. Такого рода многогласие становится «ло-госным» звучанием в своей исторической пронизательности и ответственности, в со-ответствии своему неисповедимому началу. Диалогичность речи принадлежит сущности самого бытия, бытия как Слова. Это есть творящее, обращенное к человеку Слово. И этому Слову должно соответствовать всякое богословие.

Богословие в сущности своей всегда мистично, поскольку в догматическом закреплении является богооткровенная истина и непостижимая тайна слова. Постигание таинственной глубины слова требует особого опыта, превосходящего наши чувства и суждение. Этот опыт не может быть претерпеваем в естественной душе, а взывает к внутреннему преобразованию ума, способного обрести личный опыт познания истины. Христианское богословие заключает в себе определенную эсхатологию, суть которой есть последняя и окончательная цель, то есть истина, превосходящая всякое обычное знание. Стремясь к универсальному осмыслению, различные богословские системы в конечном счете призваны обеспечить возможность единения человека с Богом. В едином духе обретают свое внутреннее напряжение Божественное Откровение и личный опыт человеческого разума, непререкаемый глас пророческого слова и диалектика рассуждения. Глубинный опыт догматического богословия заключает в себе логику смысла, в которой надлежащую артикуляцию получают и греческий $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, и вся эллинистическая традиция античной мысли. Сам язык греческой философии имеет исключительное значение для становления и развития христианской мысли. В этой связи важно выяснить, как именуемая сила греческого $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ наследует творящую мощь слова Бога, как мир эллинской неоплатонической мысли получает свое христианское истолкование.

Вспомним здесь сочинение «О мистическом богословии», авторство которого приписывают Дионисию Ареопагиту. Трактат посвящен проблеме богопознания, а именно обоснованию апофатического пути, фундирующего всю богословскую традицию Восточной Церкви. Только на вершине неведения ($\alpha\nu\nu\omicron\sigma\tau\alpha$), питаемом мистическим созерцанием и предусматривающем внутреннее очищение, в «сверхлучезарном мраке молчания» достигается единство с Богом. «Молимся о том, – пишет Дионисий, – чтобы оказаться нам в этом пресветлом сумраке и посредством невидения и неведения видеть и разуметь то, что выше созерцания и знания, что невозможно ни видеть, ни знать, ибо это и есть поистине видеть и ведать; и – чтобы Пресущественного пресущественно воспеть путем отъятия всего сущего, подобно создателям самородно-цельный статуи изымая все облегчающее и препятствующее чистому восприятию сокровенного, одним отъятием выявляя как таковую сокровенную красоту»⁸. Природа Творца не подлежит никакому положительному знанию. Речь идет о мистическом богословии, восходящем к Божественной непознаваемости. Это есть опыт мистического единения. Действительно, «Мистическое богословие» Дионисия восходит в своих истоках к неоплатонизму. И эту связь нетрудно обнаружить, обращаясь к «Эннеадам» Плотина. Опыт соединения с Богом, о котором возвещает Дионисий, в сущности своей напоминает экстаз Плотина.

Мистический опыт Плотина предусматривает такое экстатическое единение, в котором исчезает всякая множественность и достигается абсолютная простота Единого. Это экстаз философа, коренящийся в созерцании Бога, обретающего свое положительное оп-

⁸ Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии // О божественных именах. О мистическом богословии. СПб.: Глаголь, 1995. – С. 351.

ределение в Едином. Это экстатическое единение есть по сути дела преодоление дискурсивности ума, имеющего дело с множественностью. Речь идет о процедуре интеллектуального порядка, об осознании изначального онтологического единства Бога и человека.

Мистика же Дионисия имеет откровенную природу, ибо основывается абсолютной непознаваемостью Бога. Его экстаз предусматривает преодоление тварного в такого рода экзистенциальном движении, которое требует обращения всего человеческого существа. Это есть трансцендентный акт преобразования человека, в котором он всецело принадлежит абсолютно непознаваемому как сущности совершенно иного порядка, как его собственной сущности. Мистическое соединение есть путь восхождения к Богу, путь полной захваченности человека, его обоженности. Но Дионисий говорит не просто об эстетическом единении, – его апофатизм предусматривает расположенность ума, обусловленную непознаваемостью Бога. Такое богословие имеет апофатический характер. Его негативность основывается на живом общении с Богом, созерцании божественных тайн, а не абстрактных понятий спекулятивного мышления.

Естественный путь образования понятий есть путь концептуальной философской мысли. Личный Бог Откровения не являет себя в той или иной интеллектуальной позиции, но это всегда присутствие на пороге тайны. Божественная неприступная сущность не может быть выражена понятиями, присущими нашему естественному разумению. Апофатизм, так или иначе определяющийся в философии (скажем, присущий мистическому опыту неоплатоников), неизбежно укажет предел самой философской мысли.

В богословский труд Дионисия Ареопагита и Григория Нисского путь отрицания сохраняет личное присутствие сокровенного Бога, Откровение. На этом пути личность человека конституируется в личной встрече с Богом, соединяясь с ним по благодати. Хотя апофатизм через собственно отрицательность утверждает непознаваемую природу Божества, но именно в этой непознаваемости раскрывается в высшей степени положительность самого божественного. Бог открывает себя в силу непознаваемости своей собственной природы. Следовательно, апофатический путь предлежит катафатическому познанию. Имена, выражающие Божественную сущность, – это свидетельство неисчерпаемой божественной природы, в которых Бог сообщает о себе. Понятия, достигшие в своей смысловой нагруженности известной чистоты, позволяют нам приблизиться к Богу, но не постичь его сущность. Апофатический путь богопознания защищали Василий Великий и Климент Александрийский, Григорий Богослов и Иоанн Дамаскин.

Григорий Нисский говорит о таком духовном опыте, претерпеваемом изумленной душой, который возвышает ум к реальности, его превосходящей, к абсолютной непознаваемости божественной природы. Непознаваемость есть свидетельство иного опыта – опыта единения с личным Богом, требующего преобразования нашего ума способного к созерцанию абсолютной полноты извечной божественной реальности. Опыт созерцания Богооткрывающейся реальности имеет дело с сокровенным познанием, с истинами Откровения, которые не могут быть достоянием положительного рационального дискурса, присущего философии.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Библия. Книги Ветхого Завета: Петая книга Моисеева. Второзаконие// Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М: Протестант, 1992.
3. Богослов Г. Собрание творений: В 2 т. Т.2. Мн.: Харвест; М: АСТ, 2000.
4. Гарнцев М.А. Плотин о соотношении дискурсивного и недискурсивного мышления: критический анализ исходных методолог. установок // Некоторые вопросы историко-философской науки: по материалам конф. / под ред. А.Д. Косичева и др. – М., 1984. – С. 75-83.
5. Григорий Нисский. Об устройении человека. – СПб.: Аxioma, 2000.
6. Давыденков О. Догматическое богословие. Курс лекций. Ч. I-II. – М., 1997.
7. Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии // О божественных именах. О мистическом богословии.- СПб.: Глаголь, 1995.
8. Каллист (Уэр), еп. Диоклейский. Сеем ли мы надеяться на спасение всех?: Ориген, Григорий Нисский, Исаак Ниневийский / пер.: Курт А. // Страницы. – М., 2000. №Т5. С. 16-36.

9. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – Харьков: Фолио; М.: ООО Изд-во АСТ, 2000.
10. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. – Харьков: Фолио; М.: ООО Изд-во АСТ, 2000.
11. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – М, 1991.
12. Мистическое богословие Восточной Церкви. – М.: Фолио, 2001.
13. Новоселов М.А. Догмат и мистика в Православии, Католичестве и Протестантстве. – М.: Лепта-Пресс, 2004.
14. Ориген. О началах. Самара, 1993.
15. Рудольф Кнопф. Происхождение и развитие христианских верований в загробную жизнь. // Theologia teutonica contemporanea. Германская мысль конца XIX – начала XX в. О религии, искусстве, философии: Сб. произведений / Сост., предисл., комм., пер., заключит. Статья Ивана Фокина. – СПб.: Изд – во С.- Петерб. ун-та, 2006 г.
16. Тареев М.М. Основы христианства. В 3 – томах. Сергиев Посад. 1908.
17. Фрагменты ранних греческих философов. – М: Наука, 1989.

DIALOGICAL CHARACTER OF CHRISTIAN DOCTRINAL STATEMENT (I AND YOU)

P. G. TARASOV

Belgorod State University

e-mail:

TarasovPavel@bsu.edu.ru

Specificity of dialogical dynamics of a Christian word, his internal laws and mechanisms of formation is investigated. The degree of succession of the given idea in works of the most outstanding representatives East and Western patristic is estimated. Positions of Christian mysticism and the dogmatics having the direct attitude to structure and features of a theological discourse are analyzed.

Key words: Plotin, Origen, Philon Alexandria, Grigory Nissky, Blessed Augustine, Logos, self-knowledge, the God, soul, contemplation, dialogue.

УДК 347.115

ПРИВАТНОСТЬ В ИНТЕРНЕТЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛИЧНЫХ ДАННЫХ ПОДРОСТКАМИ

В. И. ТУРКАНОВА*Государственный университет –
Высшая Школа Экономики**e-mail:
veronika.turkanova@gmail.com*

Интернет и его общедоступность изменили привычные процессы в обществе, появляются новые вопросы, требующие специфического правового регулирования. Распространение персональных данных в Интернете – один из наиболее актуальных тем и статья рассказывает о раскрытии личной информации о себе – молодыми людьми, как самой активной группы пользователей социальных сетей. В статье рассматриваются киберзапугивание, приватность в Интернете и отношение к ней подростков на примере США, а также возможное регулирование этих вопросов.

Ключевые слова: персональные данные, Интернет, приватность, киберзапугивание, социальные сети, США, подростки.

Общедоступность Интернета и развитие технологий привели к необходимости переосмысления понятия частной жизни и персональных данных. А в связи с большим числом несовершеннолетних пользователей социальных сетей и других онлайн ресурсов – возросла необходимость в разъяснении важности защиты сведений о себе, способов их распространения и дальнейшего использования.

Предоставляя личную информацию в Интернете, молодые люди подвергают себя опасности стать жертвой сексуального эксплуатирования, кибербуллинга¹ и другим рискам.

Недостаточное внимание людей, в частности молодёжи, к своим личным данным может быть следствием непонимания путей и целей сбора информации, правовой защиты таких данных и просто отсутствия к ним личного интереса. Однако, стоит признать, что многие всё же озабочены вопросом сохранности сведений о себе, тем не менее продолжают выкладывать их в Интернете. После того, как информация появляется в открытом доступе, она может использоваться в коммерческих и иных целях.

Киберзапугивание. Взгляд из США. Национальный Совет по предотвращению преступности США (National Crime Prevention Council) определяет киберзапугивание как использование Интернета, мобильных телефонов и других устройств с функцией отправки сообщений, изображений с целью нанести оскорбление или поставить в неловкое положение другого человека².

По статистике, в США жертвами запугивания онлайн становятся более 20% подростков, и примерно столько же людей принимают в нем непосредственное участие³.

Запугивание в реальном мире имеет свои границы, жертва чаще всего точно знает обидчика и может дать отпор, в то время как от онлайн запугивания – нельзя спрятаться дома; сообщения могут приходиться анонимно, и обидчик не видит реакцию или степень воздействия на психику жертвы.

Возможности издевательства над личностью приобрели новый масштаб, когда интернет, социальные сети и иные платформы для общения стали общедоступными. Так, выложенная фотография может быть скачена миллионы раз за короткий промежуток времени и собрать сотни комментариев. Но даже после ее удаления – резервная копия фотокарточки скорее всего останется на одном из серверов. Еще сложнее контролировать файлы, уже скаченные пользователями, их хранение и потенциальное распространение в будущем. Фотография из детства с неловкими комментариями не-

¹ От американского «cyberbullying», киберзапугивание.

² <http://www.ncpc.org/cyberbullying>.

³ <http://www.cyberbullying.us/research.php>.

известных людей может стать доступна любому человеку из вашей настоящей жизни при определенной смекалке в пользовании поисковыми системами через много лет. Интернет ничего не забывает.

Насмешкам и критике могут подвергаться внешние данные, национальность, вера, социальный статус, сексуальная ориентация, физическая неполноценность и т.п. Проблема получила широкий резонанс после того, как осенью 2010 года в течение трех недель в США пятеро подростков покончили жизнь самоубийством. Все они так или иначе подвергались нападкам за свою гомосексуальную ориентацию.

Тайлер Клементи (Tyler Clementi)⁴, восемнадцатилетний студент из штата Нью-Джерси, погиб в конце сентября 2010 года, спрыгнув с моста через несколько дней после того, как его сосед по комнате в общежитии университета тайно снял видео, где Тайлер вступает в половые отношения с другим мужчиной. Запись была выложена в Интернете. Впоследствии, сосед Тайлера и его одноклассник были обвинены во вторжении в личную жизнь, однако адвокат обвиняемого заявил, что он сомневается, его подзащитный понесет уголовную ответственность в связи со смертью Клементи⁵. В октябре 2009 года Президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама внес в закон о преступлениях на почве нетерпимости (hate-crime law)⁶ положения, защищающие людей от посягательств из-за их половой идентификации или сексуальной ориентации. По закону, такие преступления преследуются в судебном порядке.

У людей, подвергающихся киберзапугиванию, снижается самооценка, они испытывают депрессивные состояния и более склонны к мыслям о суициде⁷.

Однако, необходимо принимать во внимание, что многие из покончивших жизнь самоубийством подростков, помимо нападков со стороны сверстников – реальных или виртуальных, страдали от других эмоциональных и социальных проблем⁸. Поэтому маловероятно, что само по себе жестокое отношение подростков приводит к таким серьезным последствиям. Оно лишь становится катализатором растущей неуверенности и отчаяния у несовершеннолетних, попавших в непростые жизненные обстоятельства⁹.

Повлиять на ситуацию могут скоординированные действия со стороны учителей и родителей, начиная от разъяснения в школах важности выкладываемой информации в Интернете и её контроля, своевременных мер по удалению оскорбительных сообщений и файлов и уведомление провайдеров связи, деактивации аккаунтов разместивших их пользователей, идентификации личности обидчиков. Однако, эти меры могут противоречить политике конфиденциальности тех или иных сервисов или нарушать законы, защищающие персональные данные пользователей. Позиция о необходимости привлечения к ответственности за киберзапугивание неоднозначна, поскольку такой подход нарушает право граждан на свободу слова, гарантированное Первой поправкой к Конституции США. Однако, уже сейчас в Штате Калифорния есть норма, разрешающая исключение из школы ученика, уличённого в киберзапугивании¹⁰. А такие угрозы, как похищение человека или шантаж (через Интернет в том числе) преследуются по уголовному законодательству¹¹.

Приватность в Интернете. В Европейском союзе в 2007 году ежедневно использовали Интернет 59% молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет¹². В 2008 году в Ве-

⁴ http://en.wikipedia.org/wiki/Suicide_of_Tyler_Clementi.

⁵ <http://abcnews.go.com/US/gay-teen-suicide-sparks-debate/story?id=11788128>.

⁶ <http://definitions.uslegal.com/h/hate-crime/>.

⁷ http://www.cyberbullying.us/cyberbullying_and_suicide_research_fact_sheet.pdf.

⁸ Flowers J. Cyberbullying hits community. <http://www.addisonindependent.com/node/280>. Accessed October 19, 2006.

⁹ Hinduja S, Patchin JW. *Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications (Corwin Press); 2009.

¹⁰ California Education Code Section 48900 (r) <http://codes.lp.findlaw.com/cacode/EDC/2/d4/27/6/1/s48900>.

¹¹ 18 U.S.C. § 875(c) <http://www.law.cornell.edu/uscode/18/875.html#c>.

¹² <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/09/202&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>.

ликобритании этот показатель составлял 93%¹³. Одним из первых отчетов о том, как подростки относятся к личным данным в Интернете – стало исследование Калифорнийского Университета Беркли и Пенсильванского Университета (University of California, Berkeley and the University of Pennsylvania). 84% опрошенных считают, что любой, кто хочет выложить фотографию или видео с ними – сначала должен получить их согласие, даже если фотография сделана в публичном месте, и 40% считают, что сотрудники компании, незаконно использующие их персональные данные, должны нести уголовную ответственность¹⁴. Также исследование показало, что несмотря на компьютерный век, молодые люди плохо знают о защите персональных данных в Интернете, рассчитывая на автоматическую протекцию со стороны государства.

Однако, часто пользователи не имеют выбора – оставлять или нет запрашиваемые персональные данные, если они хотят пользоваться тем или иным сервисом и в то же время, регистрируясь, могут не читать или не понимать смысл норм, заложенных в соглашениях об использовании программного обеспечения или онлайн сервиса¹⁵. Условия предоставления услуг обычно содержат нормы о допустимом поведении, использовании и защите данных пользователей, а также санкции за нарушение установленных правил, однако язык этих положений часто критикуется за излишнюю официальность, сложность восприятия и двусмысленность¹⁶.

Что касается большого количества личной информации, которую подростки оставляют о себе, например, в социальных сетях, это скорее говорит о желании молодых людей социально интегрироваться, нежели о безразличии к приватности.

Вопросом заинтересовались сенаторы США и четверо из них весной 2010 года направили создателю самой большой социальной сети Facebook (количество активных пользователей составляет более 500 миллионов) письмо, где выразили свою обеспокоенность изменениями некоторых настроек приватности, а также доступом третьих лиц к личным данным. В октябре 2010 года Facebook пошла на уступки, и пользователи смогли видеть какая информация о них доступна какому приложению. Однако в том же месяце стало известно о том, что данные миллионов пользователей различных приложений в Facebook попали к рекламным компаниям¹⁷.

Заключение. Внимательное изучение поведения молодых пользователей в сети Интернет позволит понять, какие нормы и подходы будут лучше защищать сведения об их личной жизни от других пользователей. Также необходимо проверять соответствие норм о предоставлении услуг теми или иными сервисами с возможным поведением онлайн, включая раскрытие персональных сведений и их дальнейшее распространение. Важным шагом будет упрощение языка пользовательских соглашений с тем, чтобы люди, и молодежь в частности, не испытывали затруднений с пониманием возможных путей использования их данных, в том числе коммерческих, а также опасности их попадания к криминогенным личностям. Разъяснительная работа с учениками в школах, привлечение к ответственности интернет-сервисы за утечку личных данных, а также стандартизация норм и развитие законодательства, регулирующего отношения в онлайн пространстве и контроль со стороны общественности имеют высокие шансы на успех в защите частной жизни людей в будущем.

Список литературы

1. <http://www.npc.org/cyberbullying>.
2. <http://www.cyberbullying.us/research.php>.
3. http://en.wikipedia.org/wiki/Suicide_of_Tyler_Clementi.
4. <http://abcnews.go.com/US/gay-teen-suicide-sparks-debate/story?id=11788128>.

¹³ <http://www.statistics.gov.uk/ci/nugget.asp?id=2209>.

¹⁴ http://www.msnbc.msn.com/id/36561309/ns/technology_and_science-security.

¹⁵ Klang M. Spyware – the ethics of covert software. September. Ethics and Information Technology 2004;(3):193-202.

¹⁶ Там же.

¹⁷ <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304772804575558484075236968.html?KEYWORDS=facebook+millions+of+users>.

5. <http://definitions.uslegal.com/h/hate-crime/>
 6. http://www.cyberbullying.us/cyberbullying_and_suicide_research_fact_sheet.pdf
 7. Flowers J. Cyber Bullying hits community. <http://www.addisonindependent.com/node/280>.
- Hinduja S, Patchin JW. *Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications (Corwin Press); 2009.
8. California Education Code Section 48900 (r) <http://codes.lp.findlaw.com/cacode/EDC/2/d4/27/6/1/s48900>.
 9. 18 U.S.C. § 875(c) <http://www.law.cornell.edu/uscode/18/875.html#c>.
 10. <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/09/202&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>.
 11. <http://www.statistics.gov.uk/ci/nugget.asp?id=2209>.
 12. http://www.msnbc.msn.com/id/36561309/ns/technology_and_science-security.
 13. Klang M. Spyware – the ethics of covert software. September. *Ethics and Information Technology* 2004.
 14. <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304772804575558484075236968.html?KEYWORDS=facebook+millions+of+users>.

PRIVACY IN INTERNET AND SPREADING OF PRIVATE DATA BY ADOLESCENTS

V. I. TURKANOVA

*State University –
Higher School of Economics*

*e-mail:
veronika.turkanova@gmail.com*

Internet and its easy accessibility have changed the common social process so we have faced new problems which require specific legal control. Dissemination of personal data in the Internet concerns today almost everyone; however young people are the most active users of social networks who constantly disclose their personal data. The article reviews cyberbullying, privacy in the Internet and young people attitude towards it based on the information from the USA and possible ways of resolving the problem.

Key words: personal information, Internet, privacy, cyberbullying, social networks, USA, young people.

УДК 130.2

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И НООСФЕРНЫЕ ИДЕИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

О. А. ФИЛИНА*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

В современной цивилизации все чаще возникают противоречия между техническим развитием и уровнем нравственности. Это взывает к необходимости развивать информационную этику, как главный нравственный регулятив моральных противоречий информационного общества. В рамках ноосферной традиции русской философии предлагается альтернативный вариант технократического развития современной цивилизации и соответственно иное понимание цели и смысла информации, ее функционирования в обществе. Это возможно потому, что в традициях ноосферного мышления наука и техника получают осмысление в духовно-нравственной парадигме. Тем самым ноосферное мышление выступает не в качестве средства, способного обогатить современную информационную этику, но является способом радикального изменения самой сущности информационного общества.

Ключевые слова: этика, информационная этика, современная цивилизация, ноосфера, мышление, информационное общество.

Сегодняшнее состояние технологической фазы развития цивилизации трактуется крайне негативно: «Обезумевший человеческий Разум, ослепленный гордыней, не в силах постичь, что его бесчисленные завоевания – путь к духовной пустоте; неутолимая жажда познания, будучи оторвана от идеалов Добра и Красоты, направляется только волей к власти и оборачивается «неодолимым роком» человечества»¹.

Актуальность нравственной философии, которая реально может прийти на смену сциентизированному образу человека, особо высока. В сложившейся ситуации представляется крайне необходимым углубленное изучение нравственных основ отечественной философии.

Современная культура дает готовые рецепты, сформированные смысло-жизненные конструкты, которые не предполагают духовных и нравственных усилий личности в деле самообретения и своей идентичности, и своего бытийного удела. Перспектива нравственной философии в современной России связана, прежде всего, с тем, чтобы пробудить жажду поиска смысла своего бытия, выстроить подлинную и достойную жизнь.

Среди многообразной палитры русской философской мысли ноосферные идеи Н.Ф. Федорова оказываются во многом созвучными реалиям современного информационно общества. Можно сказать, что во многом Н. Ф. Федоров оказался предтечей фундаментальных технологических трансформаций, которые характеризуют современную культуру. Современный исследователь так характеризует сущность русского космизма: «Русский космизм как социокультурный феномен – это результат 1000-летней отработки в Российской метакультуре мировоззрения живого нравственного Всеединства человека, Человечества и Вселенной в их отношении к Творцу и творению. Русский космизм – это также синтез современного фундаментального мировоззрения, в котором традиционные ценности отечественной культуры соединяются с научными концепциями о мире»².

Некоторые исследователи непосредственно связывают идеи Н.Ф. Федорова с реалиями современного информационного общества: «... можно сказать, что теперь, с появлением Интернета, прозрения русских космистов обретают второе дыхание. В прошлом веке эти идеи, задающие конечный, эсхатологический этап в развитии человечества,

¹ Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. – М.: 2002. – С. 335.

² Куракина О.Д. Русский космизм: теургия Православной Синархии // Философия бессмертия и воскрешения. – Вып.1. – М.: «Наследие», 1996. – С. 47.

практически не были реализованы.... Только сейчас, в начале третьего тысячелетия, можно сказать, что сама история подтверждает правоту концепций русских космистов. Поэтому представляется важным вернуться к этим идеям на новом этапе, переосмыслить и использовать их с учетом новых возможностей, возникающих благодаря стремительному развитию информационных технологий»³.

Идеи русского космизма явились не только предтечами современных технологических новаций, но показали альтернативный, основанный на духовно-нравственном понимании человеческого разума, путь научно-технического развития по сравнению с тем, который имеет место сегодня.

Непосредственная связь Федоровских идей с этическими проблемами информационного общества находится в области ноосферного мышления, в котором меняется само понимание смысла и сути информации.

Исследователь Б.Г. Режабек называет Н.Ф. Федорова «предтечей и пророком ноосферного мировоззрения». Само же ноосферное мышление он характеризует как реальную альтернативу современному технократическим тенденциям информационного общества. Он пишет в статье «Николай Федоров – родоначальник ноосферного мировоззрения», что «корни этой идеи лежат в лучших чаяниях русских мыслителей, проникнутых идеями всечеловеческого братства, в особенности в трудах представителей того направления отечественной философии и науки, которое получило название «русский космизм». В нем Россия предлагает миру цель объединения человечества на планете, существенно отличную от тупиковых и разрушительных целей общества потребления. Идея Ноосферы предполагает «цветущее многообразие» различных цивилизаций, сохраняющих ценности, добытые в истории национальных культур, и принципиально противопоставит как идеям «техностронного общества», в котором на роль правителей мира выдвигается каста технократов, так и идеям «постиндустриального общества» (Д. Белл), якобы способного на место реального производства, связанного с материально-энергетическими процессами, поставить индустрию переработки информации и гипертрофированную сферу услуг»⁴.

О перспективах ноосферного мышления как антитезе глобализма говорит Т.П. Григорьева применительно к духовному контексту России: «...лишь следуя Истине, можно преодолеть кризис материально-потребительской цивилизации и выйти к духовно-экологической, ноосферной, минуя процесс всепоглощающей глобализации, которая несет миру экологические беды и духовный разлад. У человечества нет другого выбора, хотя и в этом случае Россию воспринимают как помеху на пути неизбежной якобы стандартизации»⁵.

Стандартизация, о которой говорит Т.П. Григорьева и есть самый главный негативный продукт информационного общества, реальной альтернативой которому может быть общество, построенное на принципах ноосферной философии.

Рассмотрим некоторые важные идеи Н.Ф. Федорова. Он объединял две магистральные идеи – идею преодоления смерти и сохранение культурной памяти. Они оказываются связанными друг с другом. Как пишет современный исследователь, характеризуя взгляды Н.Ф. Федорова, «...категорическим императивом этики ... стало неприятие смерти»⁶. Сам Н.Ф. Федоров нравственную основу своего учения формулирует так: «Нравственность, этика объединения живущих, или сынов умерших отцов, требует от каждого: Жить не для себя, но и не для других, а со всеми живущими для оживления всех умерших...»⁷.

³ Новиков В.В., Тираспольский Л.М. Космизм и Интернет // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2004. – С. 378.

⁴ Режабек Б.Г. Николай Федоров – родоначальник ноосферного мировоззрения // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2004. – С. 284.

⁵ Григорьева Т.П. Путь России // Вопросы философии. – 2009, №3. С. 46-47.

⁶ Линник Ю. В. Мифологема Ильи-пророка в философии Федорова / Ю.В. Линник // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2004. – С. 124.

⁷ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост., подгот. и коммент. А. Г. Гачевой при участии С. Г. Семеновой; Ред. И. И. Блауберг. – 1997. – Т. III, с. 310.

Главная категория для Н.Ф. Федорова есть категория памяти. Прошлое-память-история – триада, образующая онтологический контекст осмысленного личного и всеобщего бытия. Чтобы понять духовный смысл времени, абсолютную ценность прошлого и важность памяти как инструмента восстановления ушедших в небытие, Н.Ф. Федоров раскрывает нравственный смысл Истории как «науки о всех умерших поколениях»⁸.

Н.Ф. Федоров дает такое важнейшее определение человека через нравственное начало памяти: «Если же сын, сделавшись сам отцом, оставляет, забывает своих родителей по смерти их, то он не есть уже сын человеческий, ибо образы родителей, остающиеся по смерти их в душе сынов, составляют отличительную черту человека»⁹. Долг по отношению к умершим есть уже освящение прошлого, есть нравственное отношение к нему. Долг как долгое и есть память, а память есть должное. Память есть постоянное восстановление забытого, сохранение прошлого от окончателюго забвения. В этом смысле «исторической истины» и «Музейской правды» – «чтобы восстанавливать забытое, воздать должное тому, к кому были несправедливы современники»¹⁰.

«Музей есть выражение посмертной любви к отцам», – говорит Н.Ф. Федоров. Таков нравственный, прежде всего, смысл музея. В эмпирически распадающемся мире, музей является бытийным островком памяти, который служит не для удовлетворения любопытства смертных относительно прошлой жизни, а для смягчения их жестокосердия.

Итак, память есть нравственный долг по отношению к ушедшим поколениям, и в то же время, память есть хранилище информации. Если речь идет о духовной памяти, то соответственно меняется и характер информации, которую нужно сохранять. Память в своей самой чистой форме является, по словам В. Меденицы, «отрицанием преходящести и расколотости времени»¹¹. В памяти происходит соборное собрание истинно-сущего, истинно-лучшего. Тем самым происходит некое частичное преодоление смерти.

Как музейный работник Н.Ф. Федоров собирал и хранил документы и другие культурные объекты, библиотеки, архивы, музеи, органы научной и технической информации. Тем самым он стремился реализовать мечту человека о бессмертии, помочь ему преодолеть естественные ритмы времени. Информационные учреждения, осуществляя культуроохранительную функцию, являются социокультурными формами преодоления времени.

В этом огромную роль играют информационные технологии, которым придается совершенно иная функция, чем та, которая имеет место в современной гедонистической культуре, где информационные средства выполняют преимущественно развлекательную функцию. В философии Н.Ф. Федорова меняется сам характер информации: ей придается функция восстановимости, но основании чего можно совершать воскрешение. Как пишет С.Г. Семенова: «подразумевается возможность восстановления предка по той наследственной информации, которую он передал потомкам»¹². Следовательно, если информация восстановима, то возможна реконструкция прошлого, в том числе и всех прошлых поколений. Это есть раскрытие духовной сущности информации, которая способна играть ключевую роль в философии общего дела.

Таким образом, можно выделить те идеи Н.Ф. Федорова, которые непосредственно связаны с технологическим реалиями современного информационного общества: – ноосферное мышление, которое зародилось в недрах философии русского космизма, является духовной альтернативой современной технологической цивилизации; – существует непосредственная связь между музейно-библиотечным делом Н.Ф. Федорова и становлением информационной культуры современного общества; – в ноосферном мышлении переосмысливается смысл и сущность понятия информация, которая вместо осведомительно-развлекательных функций, имеющих место в информационном обществе современного типа, приобретает духовно-нравственные функции сохранения культурной памяти человечества.

⁸ Федоров Н.Ф. Там же, Т. II, с. 362.

⁹ Федоров Н.Ф. Там же, Т. I, с. 91.

¹⁰ Федоров Н.Ф. Там же, Т. III, с. 132.

¹¹ Меденица В. Истина есть естина, алетейя, вечная память / В. Меденица // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2004. – С. 74.

¹² Семенова С.Г. [Вступительная статья] // Федоров Н.Ф. Соч. М.: 1994. – С. 12.

В современной цивилизации все чаще возникают противоречия между техническим развитием и уровнем нравственности. Это взывает к необходимости развивать информационную этику, как главный нравственный регулятив моральных противоречий информационного общества.

В рамках ноосферной традиции русской философии предлагается альтернативный вариант технократического развития современной цивилизации и соответственно иное понимание цели и смысла информации, ее функционирования в обществе. Это возможно потому, что в традициях ноосферного мышления наука и техника получают осмысление в духовно-нравственной парадигме. Тем самым ноосферное мышление выступает не в качестве средства, способного обогатить современную информационную этику, но является способом радикального изменения самой сущности информационного общества.

Список литературы

1. Григорьева Т.П. Путь России // Вопросы философии. – 2009, №3.
2. Куракина О.Д. Русский космизм: теургия Православной Синархии // Философия бессмертия и воскрешения. – Вып.1. – М.: «Наследие», 1996.
3. Линник Ю. В. Мифологема Ильи-пророка в философии Федорова / Ю.В. Линник // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2004.
4. Меденица В. Истина есть естина, алетейя, вечная память / В. Меденица // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2004.
5. Новиков В.В., Тираспольский Л.М. Космизм и Интернет // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2004.
6. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. – М.: 2002.
7. Режабек Б.Г. Николай Федоров – родоначальник ноосферного мировоззрения // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2004.
8. Семенова С.Г. [Вступительная статья] // Федоров Н.Ф. Соч. М.: 1994.
9. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост., подгот. и коммент. А. Г. Гачевой при участии С. Г. Семеновой; Ред. И. И. Блауберг. – 1997. – Т. I, Т. II, Т. III, Т. III.

INFORMATION SOCIETY AND NOOSPHERE IDEAS OF RUSSIAN PHILOSOPHY

O. A. FILINA

*Tula State Teachers Training
University n.a.L.N.Tolstoy*

*e-mail:
tulaphilos@gmail.ru*

In the modern civilization there are more and more often the contradictions between the technical development and the level of morals. It appeals to the necessity of development of information ethics as the main moral regulator of moral contradictions of an information society. Within the limits of the noosphere tradition of Russian philosophy the alternative variant of technocratic development of the modern civilization and accordingly another understanding of the purpose and sense of the information, its functioning in a society is offered. It is possible because science and technology get some comprehension in the spiritually-moral paradigm in the traditions of noosphere thinking. That way the noosphere thinking acts not as the means, capable to enrich modern information ethics, but as some method of radical change of the essence of the information society.

Key words: ethics, information ethics, modern civilization, noosphere, thinking, information society.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАНОТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Завершился Всероссийский конкурс студенческих работ «Актуальные проблемы правового регулирования нанотехнологий в Российской Федерации», проведенный на базе юридического факультета Национального исследовательского университета «БелГУ» в рамках выполнения государственного контракта № 16.740.11.0106 по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

В Конкурсе приняли участие 305 студентов из 78 вузов России.

Конкурсные работы были посвящены актуальным научным проблемам в сфере правового регулирования нанотехнологий в Российской Федерации, представляли научный и практический интерес.

По результатам оценки работ независимым жюри Конкурса (председатель жюри – проректор по научной работе НИУ «БелГУ» А.П. Пересыпкин) было принято следующее решение:

Признать победителями конкурса, занявших I, II, и III место, следующих участников:

I место – Минаева Оксана Юрьевна, студентка 1-й группы 4-го курса очного отделения социально-гуманитарного факультета Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса. Тема работы: «Проблемы правового регулирования в области патентования нанотехнологий».

II место – Бойко Андрей Вячеславович, студент группы Б-7 факультета «Бизнеса и Управления» Губкинского Института филиала Московского Государственного Открытого Университета. Тема работы: «Правовое регулирование биомедицинской деятельности в сфере нанотехнологий и клонирования человека».

III место – Губайдуллина Карина Маратовна, студентка 3 курса юридического факультета филиала НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Перми. Тема работы: «Нанотехнологии в медицине».

Победители Конкурса награждены дипломами, а их работы рекомендованы к опубликованию.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАСКОЛЬКО НАУЧЕН «НАУЧНЫЙ» КРЕАЦИОНИЗМ. О МОНОГРАФИИ И.Ш. ДАВЫДОВА «БЫТИЕ»

В. Е. ПЕНЬКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: penkov@bsu.edu.ru

Начиная с 60-х годов XX века в философию вошло понятие так называемого «научного» креационизма, который ставит своей целью на основе научных данных обосновать библейские истины, в том числе факт сотворения мира Богом. Однако, поскольку сама эта задача в принципе выходит за рамки научного подхода, главная цель «научного» креационизма сводится к тому, чтобы на основе наблюдаемых данных прийти в выводу о невозможности эволюционного развития мира естественным путем, объяснить наблюдаемые факты на основе концепции сотворения. Мы не возражаем против такого подхода. Но ведь одни и те же факты можно интерпретировать по-разному, и объяснить, исходя из различных (даже взаимно противоположных) предпосылок. В таком случае выводы, сделанные подобным образом могут рассматриваться как гипотезы. Однако, достаточно часто, креационисты, ссылаясь на такие рассуждения утверждают гипотетичность теории эволюции, а теорию сотворения превозносят до научно доказанной и экспериментально обоснованной, что порой граничит с фальсификацией и даже обманом.

Особый интерес в этом отношении представляет монография И.Ш. Давыдова, в которой он, по его словам, впервые научно доказал объективное существование Абсолютного Бога и иных (нефизических) миров. В этой книге, как утверждает автор, впервые излагается современная научная модель структуры всего мира, существующего в относительном пространстве и относительном времени. Все содержание книги сопровождается научными доказательствами. В том числе научно доказаны такие законы природы, как: закон сотворимости материи, закон обратимости вещества и энергии и т.д., на основе чего строится так называемая «научная религия».

Рассуждения сводятся к следующему. При делении материальных объектов на более мелкие составляющие появляются новые качественные образования – так, при механическом делении клетки (на составляющие части) исчезает живая материя, при делении молекулы на атомы – химическое соединение, при делении атома появляются заряженные частицы, образуется плазма. И.Ш. Давыдов, ссылаясь на закон перехода количественных изменений в качественные, утверждает, что «у такого деления в любом случае

обязательно должен существовать какой-то конкретный предел, при котором материя (энергия) перестанет быть материей (энергией), то есть она, как нулевая масса реальных противоположностей, либо исчезает вовсе, либо превращается в объективную идею». И далее: «по мере продвижения от поверхности в глубь материи физика шаг за шагом логично убеждает нас в том, что за миром физического поля, за миром энергии фотонов стоит иной мир, мир объективных идей, который не содержит в себе никаких материальных атрибутов, но который тем не менее подлежит изучению по мере наших возможностей»¹.

В контексте законов элементарных частиц мы, действительно, сталкиваемся с качественным изменением свойств материального мира – элементарная частица уже не может быть разделена на составляющие. Однако, это ведет не к исчезновению материи, а качественно своеобразным свойствам элементарных частиц, которые связаны с невозможностью ее разделения на отдельные составляющие.

Таким образом, закон перехода количественных изменений в качественные работает, но изменение связано не с исчезновением материи, а с другим качественным преобразованием.

Другим интересным постулатом рассуждений Давыдова является следующее утверждение: мир в целом должен полностью компенсироваться противоположностями в силу закона единства и борьбы противоположностей. То есть, все должно иметь свои антиподы: если есть положительная масса, должна быть и отрицательная, если есть положительная энергия, должна быть и отрицательная. Любая частица должна иметь свою античастицу. «Если же электрон встречается с антиэлектроном, то происходит их взаимная и полная аннигиляция (исчезновение) без всякого превращения во что бы то ни было материальное. При этом исчезает (аннигилирует) не только весомое вещество, но и чистая, невесомая энергия»². В другом месте: «Фундаментальная физика достоверно доказала и экспериментально убедила нас в том, что пара противоположных электрических зарядов может родиться из ничего или исчезнуть, ни во что не превращаясь. Следовательно, материя сотворима и уничтожима»³. Но ведь рождение пары электрических зарядов происходит из энергии фотонов, а при аннигиляции (исчезновении) зарядов образуются фотоны, то есть происходит переход вещественной материи в полевую, при этом полная энергия остается неизменной, и ни о каком уничтожении или сотворении материи или энергии речь вообще не идет.

На основе подобных, весьма сомнительных, утверждений Давыдов дает новое определение материи: «Материя – это нулевая сумма таких реальных противоположностей, которые коренным образом отличаются друг от друга по какому-либо признаку, отрицают и вместе с тем предполагают друг друга, не могут существовать друг без друга. Первый (основной) атрибут материи – это обязательное наличие компонентных противоположностей, алгебраическая сумма которых равна идеальному нулю. Если утрачивается какая-либо компонентная противоположность, то материя перестает быть материей. Любая форма существования материи является относительной. Абсолютная форма существования материи является невозможной категорией» И далее: «Необходимым условием существования материи (материального элемента, материальной системы и Материального Мира в целом) является обязательное наличие внутренних и внешних противоположностей. Ни один материальный элемент не может возникнуть, существовать и развиваться без своей внутренней и внешней противоположности. При этом не только материальные элементы, но и материя и Материальный Мир в целом, не могут существовать как без своих внутренних, так и без своих внешних противоположностей»⁴.

Когда же речь идет о духовном или нематериальном компоненте бытия, на него эти законы не распространяются. Основное отличие материи от идеи по Давыдову состоит в том, что идеальные элементы и системы не обязаны иметь свою противоположность: ни одна материальная категория, – пишет автор, – не может родиться и развиваться сама собой, без внешней причины, без посторонней помощи. Причина возникновения и раз-

¹ Давыдов И. Ш. Бытие, Интернациональный научный центр, Нью-Йорк, 2005. – С. 13-14.

² Там же. – С. 59.

³ Там же. – С. 100.

⁴ Там же. – С. 84, 89.

вития любой материальной системы всегда заложена вне, а не внутри этой системы. Все подобные рассуждения основаны на методе неполной индукции, который не всегда дает верный результат – то, что верно для части, неверно для целого. Если убрать слово «материальный», то же будет относиться к идеальному миру, или к объективной реальности вообще. Автор утверждает, что для идеального мира этот закон не действует. Но он может переставать действовать и в материальном мире при переходе количества в качество – материя остается, но качественно меняется. Доказывая существование идеального мира, И.Ш. Давыдов утверждает: «Материя не может существовать без своей внешней нематериальной противоположности – объективной идеи. Поэтому материя не является и не может быть единственной формой существования объективной реальности. К объективной реальности относится не только материя, но и объективная идея. Существование объективной идеи вне и независимо от материи и от субъективного (человеческого) сознания является таким же реальным и неоспоримым фактом, как и существование самой материи»⁵. То есть, материя не может существовать без своей противоположности – идеи, а идея без материи может. Тогда это какие-то странные противоположности.

Это утверждение также делается на основании закона перехода количественных изменений в качественные. Эксперименты показывают, что такой качественной характеристикой обладают фотоны – они как раз и не имеют античастиц. А фотоны есть материальные объекты, а не идеальные.

В работе И.Ш. Давыдова имеется ряд категорических утверждений, которые вообще не вписываются ни в логику здравого смысла, ни в современную науку.

Приведем ряд подобных высказываний.

«Если мы будем ускорять движение электрона в электромагнитном поле, то электрон останется электроном и энергия поля будет вливаться в энергию его движения только лишь до тех пор, пока скорость электрона не превысит 240 000 км/сек. Если скорость весомого электрона превысит 80% скорости света, то он превратится в невесомый фотон»⁶. Еще 12 лет назад на ускорителях электроны разгоняли до энергий 45 ГэВ, что соответствует скорости электронов в 0,999994·с (с – скорость света в вакууме) и никакого превращения в фотон не наблюдается⁷. В настоящее время эта энергия возросла еще на 2 порядка.

По утверждению автора античастица существует даже у фотона, «каждый фотон (как физическая частица) рождается, существует и исчезает только лишь в паре с соответствующим антифотоном – частицей отрицательной энергии»⁸. Этот факт экспериментально не обнаружен, и теоретически не предсказан – напротив, теория дает вывод о том, что при взаимодействии частиц и античастиц образуются фотоны, которые не имеют своего «двойника».

Говоря о смене времен года и угле наклона земной оси, автор утверждает, что если бы наклон не имел места, то, «тогда в одних частях света жизнь стала бы невыносимо жаркой, а в других – невыносимо холодной. В лучшем случае это обстоятельство значительно сократило бы полезную для жизни поверхность Земли... Такая целесообразность не может быть чистой случайностью, она наверняка является продуктом высокого интеллектуального творчества»⁹. Это не может рассматриваться как факт. В самом деле, на экваторе солнце длительное время находится в зените, и ни о какой сверхжаре речи нет. А вот если бы угол наклона оси был меньше, то на экваторе существенным образом климат бы не изменился, а в умеренных широтах стал бы более мягким, что было бы более благоприятным для жизни, а значит и более целесообразным. Факт угла наклона земной оси на 23°27' можно рассматривать как аргумент против теории сотворения, потому что это сделало Землю менее подходящей для жизни.

«Однако Луна совершает такую сложную форму движения, которая позволяет ей освещать Землю в ночное время отражением солнечных лучей. Если бы не было Луны, то

⁵ Там же. – С. 168.

⁶ Там же. – С. 68.

⁷ Физическая энциклопедия. Т. 5. Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.246.

⁸ Давыдов И. Ш. Бытие, Интернациональный научный центр, Нью-Йорк, 2005. – С. 128.

⁹ Там же. – С. 26.

ночь на Земле была бы кошмарно темной»¹⁰. Это утверждение вообще не выдерживает критики – во время новолуния Луна на небе отсутствует, но кошмарной темноты тоже нет. Если уж Луна делалась специально для освещения Земли ночью, то можно было бы так сделать период ее обращения вокруг Земли, чтобы она всегда была против Солнца, для этого ее период обращения вокруг Земли должен был бы составлять 1 год, то есть совпадать с периодом обращения Земли вокруг Солнца. Более стройная и логичная картина. Это, кстати, исключило бы гравитационное влияние Луны на приливы и отливы, вместе с Солнцем они бы действовали всегда одинаково, что так же меньше создавало бы для людей проблем, и на какую-то долю увеличило бы «полезную площадь» суши.

Таким образом, и этот аргумент в пользу сотворения оборачивается против креационизма.

«Если бы Земля была чуть ближе или же чуть дальше от Солнца, то биологическая жизнь на ней оказалась бы невозможной вообще»¹¹. Это утверждение также не соответствует истине – предел расстояний простирается вплоть до Марса, на котором в полдень на экваторе температура поднимается выше нуля по Цельсию, а ночью очень холодно только из-за разреженной атмосферы. На температурный режим влияет очень много факторов, и четкой границы расстояний нет. Практически в любой планетной системе должно быть 1-2 планеты, попадающие в этот интервал.

«Пространство в общем смысле слова – это то, что останется во Вселенной, если мы мысленно удалим из нее всю ее положительную массу, как вещественную, так и волновую»¹². Это противоречит теории относительности Эйнштейна. Автор СТО говорил: «Раньше считали, что, если каким-либо чудом все материальные вещи исчезли бы вдруг, то пространство и время остались бы. Согласно же теории относительности, вместе с вещами исчезли бы и пространство и время» Более того «свойства пространства и времени зависят от материи и определяются ею»¹³. Далее у Давыдова утверждается следующее: «Физическое пространство является энергетической противоположностью всех вещественных тел: планет, звезд и галактик. Именно поэтому вещество не может существовать без физического пространства, а физическое пространство не может существовать без вещества. Вещество и физическое пространство являются двумя сторонами единой сущности – материи. Связь вещества и физического пространства есть единство энергетических противоположностей, которые не могут существовать друг без друга»¹⁴. Как это совместить с предыдущей цитатой на странице 130?

Говоря об открытиях современной физики, Давыдов утверждает, что вакуум является абсолютной пустотой. «Физическое («вакуумное») пространство нашей Вселенной состоит из антифотонов точно также, как световое поле состоит из фотонов»¹⁵. Однако, новые исследования российских физиков в этой области, показали, что вакуум насыщен энергией и фактически доказали образование Вселенной из вакуума, который стал рассматриваться как третий вид материи наряду с полем и веществом. Это уже научно доказанный факт, а Давыдов это выводит из общих рассуждений на основе неверных посылок, да еще и в «перекошенной» под креационизм интерпретации!!!

«Мы воспринимаем бесспорный факт существования Абсолютного Бога и объективной идеи не в результате непосредственного физического контакта с ними, а в результате умозаключения, которое опирается на достоверные научные факты»¹⁶. Как показано выше «умозаключения» автора являются крайне сомнительными и противоречащими современным научным данным – либо автор с ними незнаком, либо неверно интерпретирует.

Таким образом, работу И.Ш. Давыдова нельзя рассматривать как научную, и выводы, сделанные в ней не могут приниматься как научно доказанные факты.

¹⁰ Там же. – С. 27.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 130.

¹³ Мощанский В.Н. Формирование мировоззрения учащихся при изучении физики. М.: Просвещение, 1989. – С. 132.

¹⁴ Давыдов И. Ш. Бытие, Интернациональный научный центр, Нью-Йорк, 2005. – С. 139.

¹⁵ Там же. – С. 132.

¹⁶ Там же. – С. 224.

Список литературы

1. Давыдов И. Ш. Бытие, Интернациональный научный центр, Нью-Йорк, 2005.
2. Мощанский В.Н. Формирование мировоззрения учащихся при изучении физики. М.: Просвещение, 1989.
3. Физическая энциклопедия. Т. 5. Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

**HOW SCIENTIFIC IS «SCIENTIFIC» CREATIONISM.
ABOUT MONOGRAPH «EXISTENCE» BY I.S. DAVYDOVA****V. E. PENKOV***Belgorod State University**e-mail: penkov@bsu.edu.ru*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕГИОНА):

III Всероссийская научно-практическая конференция:

Сборник материалов. –

Орел: Издательство ОГУ, ООО ПФ «Картуш», 2010. – 192 с.

А. М. СТРАХОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

В последние годы, для которых характерна активизация отечественной вузовской науки, научные и научно-практические конференции в университетах с изданием материалов, включая Всероссийские, перестали удивлять, став неотъемлемой составляющей университетской научной жизни. По итогам работы III Всероссийской научно-практической конференции «Основные направления работы с молодежью в современных условиях (на примере Центрального региона)», состоявшейся в мае 2010 г. в Орловском государственном университете, издан сборник материалов (на средства гранта № 2.1.3/3743 «Гуманитарная составляющая современного высшего образования»).

Материалы данного сборника относительно пропорционально разбиты на 5 разделов, первые два («Место и роль молодежи в современном социокультурном пространстве» и «Ценностные ориентации современной российской молодежи») представляют собой в большей степени теоретическую значимость, последние три («Методы воспитательной работы с молодежью – традиции и новации», «Духовно-нравственные основы воспитательной работы с молодежью (на примере Центрального региона России)» и «Актуальные проблемы государственной молодежной политики: российский и международный опыт») обладают практической направленностью. Собственно, таково и общее впечатление от сборника в целом: то, что данная конференция была заявлена как научно-практическая, соответствует подборке опубликованных материалов.

Обращает на себя внимание представительное участие в работе конференции и, соответственно, в сборнике студенческой молодежи, в чем видятся два положительных момента. С одной стороны, это показатель состояния научно-исследовательской работы студентов (только из Орловского государственного университета 13 участников-студентов, но есть материалы студентов других вузов: Белгородского и Пермского государственных университетов), с другой стороны, привлечение студенческой молодежи оправдывается самой тематикой конференции, проблемы молодых показаны глазами молодых. Однако, как это часто бывает, достоинство оборачивается и недостатком, поскольку молодежных материалов в сборнике много, а вот профессорских – только один (Г.Ф. Назаровой «Кризис техногенной культуры: личность и образование»). А статус конференции – Всероссийский. Коль скоро речь зашла о всероссийском статусе конференции, то опять-таки обращает на себя внимание для такого статуса несколько суженная «география» – авторы материалов данного сборника выстроились по линии Москва – Орел – Курск – Белгород – Ростов-на-Дону – Сочи; разве что представлены еще Вологда, Воронеж, Калуга и Пермь. Возможно, сказалось, что конференция, хотя и всероссийская, основные направления работы с молодежью ограничила Центральным регионом, и такое ограничение отлучило многих потенциальных участников конференции и, соответственно, авторов сборника ее материалов из других, достаточно отдаленных от Центра, регионов.

Тем не менее материалы данного сборника свидетельствуют, что конференция состоялась и удалась. В основном публикации авторов имеют тезисную форму, но присутст-

вуют и претендующие по объему на статьи: Горловой Ю.В. «Проблема целостности личности в философской антропологии Л. Фаре», Дерусовой Е.В. «Особенности регламентации деятельности молодежных организаций на федеральном уровне», Терехова С.В. «Роль молодежи в процессе становления информационного общества», Черевкова В.Н. «Футбольный клуб как модель устройства общества», Шаненковой И.А. «Общественно-политическая деятельность молодежных движений Орловской области в 2000-е годы».

В опубликованных материалах можно почерпнуть собранные в ходе анкетирования данные о ценностных ориентациях и приоритетах тех или иных групп молодежи: у И.И. Волковой («Молодежь о бюрократии и бюрократизме»), М.А. Горбуновой («Место государства в системе ценностей современной студенческой молодежи»), Э.В. Панкова («Мировоззренческие ориентации студентов экономического вуза»). Часть статей и тезисов содержит краеведческий материал, прежде всего по Орловской области, но не только. Из таких материалов обращает на себя внимание упомянутая выше статья И.А. Шаненковой.

В сборнике встречаются весьма актуальные материалы (собственно, актуальна тематика конференции и сборника в целом), например, тезисы С.Н. Борисова «Социокультурное противодействие инициации терроризма и экстремизма в молодежной среде» и М.С. Серкиной «Истоки и философско-методологическое определение проблемы экстремизма (на примере молодежных субкультур)». Любопытны рассуждения В.Н. Черевкова о футбольном клубе как модели устройства общества; пусть они не лишены публицистичности, а некоторые проводимые автором параллели, может, даже отличаются некоторой наивностью, но сама постановка и очевидная оригинальность текста свидетельствуют в пользу автора, у которого несомненно большая научная перспектива (автор – студент Орловского государственного университета).

В заключение следует отметить, что данный сборник в целом представляет собой интерес как в познавательном, так и научно-исследовательском отношении, обладает как теоретической, так и практической значимостью.

**MAIN DIRECTIONS OF THE ORGANIZATION OF WORK WITH YOUNG PEOPLE
IN MODERN CONDITIONS (ON AN EXAMPLE OF THE CENTRAL REGION):
III All-Russia scientific-practical conference: The collection of materials. –
Orel: OSU publishing, “Kartysh”, 2010/ – 192 p.**

A. M. STRAKHOV

Belgorod State University

e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агальцов А.Н.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Алексеева Л.В.** аспирант кафедры Международного права и государственного управления Белгородского государственного университета
- Алехина С. Н.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета
- Астафичев П.А.** доктор юридических наук, профессор, директор юридического института Орловского государственного технического университета, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Орловского государственного технического университета
- Белоножко Е.П.** доктор исторических наук, заведующая кафедрой теологии Белгородского государственного университета
- Беседина Н.А.** доктор филологических наук, заведующий кафедрой делового иностранного языка Белгородского государственного университета
- Боев Е.И.** кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета
- Бондаренко А.В.** кандидат философских наук, преподаватель, заместитель заведующего кафедрой философии Уфимского государственного нефтяного технического университета
- Воронов В.А.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Вершинская Г.М.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Гоголюк Ю.Е.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Дейнеко Т.В.** адъюнкт Белгородского юридического института МВД России, старший лейтенант милиции
- Зотов В.В.** доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета
- Иванова Е.В.** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Московского государственного областного социально-гуманитарного института
- Каменский Е.Г.** кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета
- Каргаполова Е. В.** кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Философия, социология и лингвистика» Астраханского инженерно-строительного института
- Князева И.В.** аспирантка кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного Архитектурно-строительного университета
- Комаров И.М.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного университета

- Кононова Е.С.** аспирант Орловского государственного университета
- Кузьмина Н.В.** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Костромского государственного технологического университета
- Кузнецов А.В.** кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Кузнецова А.В.** кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Кутько В. В.** ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Кучеренко А.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры Общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Курского филиала Орловского юридического института МВД России
- Кушнаренко Я.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории гуманитарного факультета СибГУТИ
- Ледовская О.В.** доктор философских наук, профессор Ставропольского государственного университета
- Люй ДунЯн** аспирант Липецкого государственного педагогического университета
- Ляхова А.И.** старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Максимов И.С.** кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Белгородского юридического института МВД России
- Морозова Т. И.** кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного университета
- Мошкин А.Н.** доктор исторических наук, профессор кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Муравецкий И.М.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Надежин Н.Н.** кандидат юридических наук, доцент, кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России
- Нехаева И.Н.** кандидат философских наук, докторант кафедры философии Тюменского государственного университета
- Олейник Н.Н.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Украиноведения Белгородского государственного университета
- Пеньков В.Е.** кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Перетьяцкий Г.Ф.** кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии права Южнороссийского федерального университета
- Прохорова М.Л.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
- Прохоров Л.А.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
- Пыжова О.В.** ассистент кафедры философии Курского государственного медицинского университета

Реутин М.Ю.

Римский В.П.

Римская О.Н.

Рячанова С.П.

Сасина Е.Н.

Смеленко Э.М.

Сергодеева Е.А.

Страхов А.М.

Тарасов П.Г.

Торосян Р.В.

Турканова В.И.

Филина О.А.

Шенкао М.А.

Шмарион Ю.В.

Юрков С.Е.

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного университета
ассистент кафедры философии Белгородского государственного университета
аспирант кафедры социологии Сахалинского государственного университета
аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
соискатель кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
кандидат философских наук, доцент Ставропольского государственного университета
доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного университета
аспирант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
аспирантка факультета «Право» Государственного Университета – Высшая Школа Экономики
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
доктор философских наук, профессор Карачаево-черкесской государственной технологической академии
доктор социологических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета
доктор философских наук, профессор кафедры философии Тульского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи. 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков). 3. Ключевые слова. 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы). 5. Библиографический список. 6. Ссылки. 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов). 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны). 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц) 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц). 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).	<table border="0"> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском и английском языках</td> </tr> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском языке</td> </tr> </table>	}	на русском и английском языках	}	на русском языке
}	на русском и английском языках				
}	на русском языке				

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

*¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

*¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod state university

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

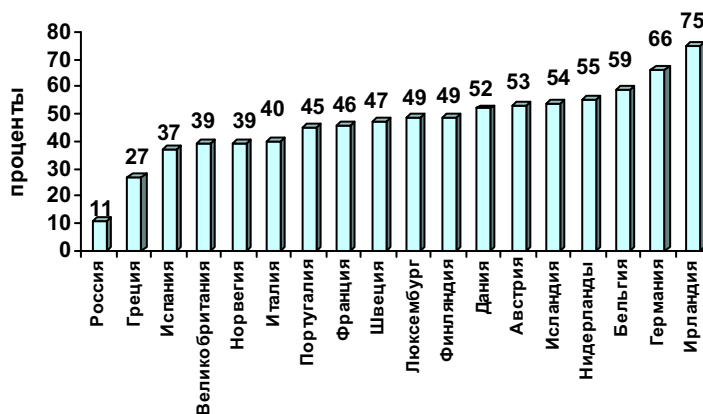

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

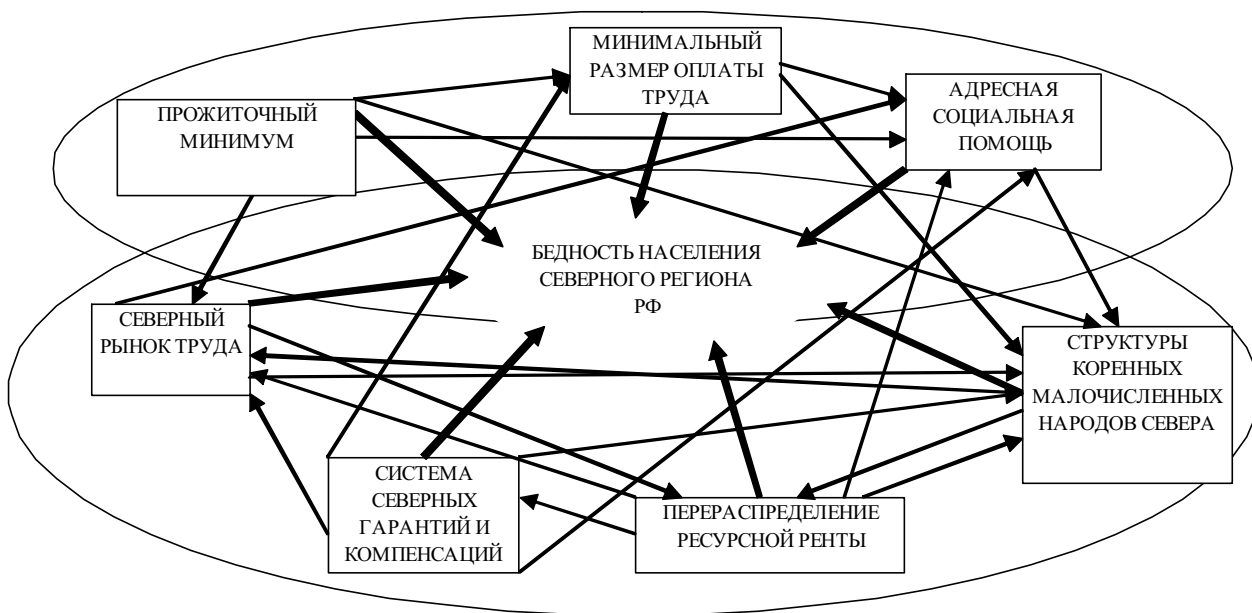

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.